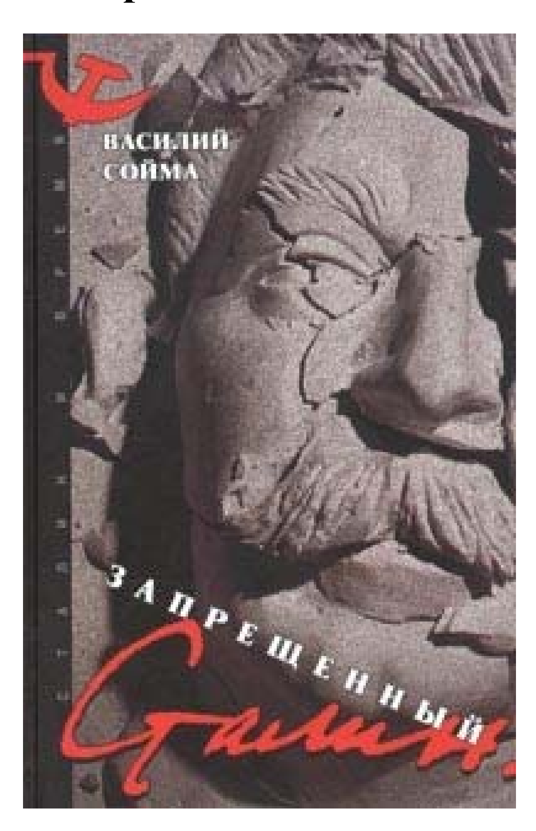
Василий Сойма

Запрещенный Сталин

Книга кандидата исторических наук, полковника запаса ФСБ, президента Регионального общественного фонда содействия социальной и правовой поддержки ветеранов и сотрудников ФСБ РФ Василия Соймы «Запрещенный Сталин» основана на документах из личного архива И. В. Сталина. Приведенные в ней материалы — письма, записки, неправленые стенограммы выступлений — никогда не анализировались и не обобщались ни в советской, ни в современной российской историографии.

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

После смерти И. В. Сталина осталось огромное количество документов (писем, записок, неправленых стенограмм его выступлений), которые никогда ни в советской, ни в современной российской Историографии не анализировались и не обобщались. Причина проста: они вступают в противоречие с идеологемами хрущевской и горбачевской пропаганды и опровергают их.

Один пример: о неготовности Сталина к войне. В 1939 году он провел тайную операцию — о ней не знал даже Минфин — по закупке на Западе стратегического сырья, которым в то время не обладал СССР. Это сырье все четыре года войны удовлетворяло

потребности СССР на 70 процентов. Но в сознании людей сидит формула Хрущева о неготовности Сталина к войне.

Впервые собранные и прокомментированные документы переворачивают привычные представления о личности И. В. Сталина.

Глава 1
ЗАСЕКРЕТИТЬ НАВСЕГДА!

Писатель Константин Симонов шесть раз был лауреатом Сталинской премии. Он лауреат Ленинской премии. Герой Социалистического Труда.

Симонов написал письмо перед XXIII съездом КПСС, который открылся 29 марта 1966 года. На письме, хранящемся в архиве, есть пометы от руки помощника Л. И. Брежнева А. М. Александрова-Агентова: «Доложено 23.111. тов. Брежневу Л. И., который в тот же день беседовал с тов. Симоновым.

А. М. Александров».

И далее: «В архив. А. М. Александров. 16.1.66 г.».

«ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС товарищу БРЕЖНЕВУ Л. И.

Многоуважаемый Леонид Ильич!

Отнимаю у Вас время этим письмом в напряженные предсъездовские дни потому, что встревожен некоторыми, в том числе писательскими, выступлениями на съезде Компартии Грузии, клонящимися к новым переоценкам деятельности И. В. Сталина.

Сейчас, в канун XXIII съезда, нас всех больше всего волнуют проблемы перестройки хозяйства, предстоящая всем нам огромная и увлекательная работа, необходимая для дальнейшего движения к коммунизму.

Но мне кажется, что в той большой и острой борьбе нового со старым, которая уже идет и еще предстоит нам, все косное, неспособное работать по-новому будет еще не раз искать для себя политической опоры в канонизации Сталина и в антиисторических попытках возвращения к его методам действий.

В своем отношении к Сталину я многие годы был тем, кого называют сейчас «сталинистами», и как писатель-коммунист несу за это свою долю ответственности.

Но тем большую ответственность несу я теперь за то, чтобы о Сталине и о его культе непогрешимости, к созданию которого мы сами были причастны, говорилась полная историческая правда.

Возьму только одну сферу исторических событий, над которой я уже десять лет работаю как писатель, — минувшую войну.

Я убежден, что в ходе войны Сталин делал все, что он считал необходимым для победы, но это не может заставить меня забыть, что он же несет прямую ответственность за наши поражения в начале войны и все связанные с этим лишние жертвы.

Я не могу забыть ни на минуту, что перед войной, согласно официальным, опубликованным у нас данным, в результате произвола погибли все командующие военными округами, были устранены все члены военных советов округов, все командиры корпусов, почти все командиры дивизий, большинство комиссаров корпусов и дивизий, около половины командиров полков и около трети комиссаров полков.

Вступив в войну после такого разгрома армейских кадров, погибла бы любая страна. И то, что наша страна после этого не погибла — чудо, которое совершили народ и партия, а не Сталин.

В ходе войны Сталин проявил крупный государственный ум, большую твердость и волю и внес этим значительный личный вклад в победу нашей страны над врагом. Об этом не следует ни забывать, ни умалчивать при одном непременном условии, — чтобы наряду с этим никогда и ни при каких обстоятельствах не забывать и не умалчивать о предвоенных преступлениях Сталина, поставивших страну на грань катастрофы.

Нельзя забывать и еще одно: что, внеся свой вклад в нашу победу, Сталин после войны вновь взялся за избиение кадров (Ленинградское дело и многое другое), и ко времени его смерти в стране все явственней нарастала угроза повторения 37-го года.

При том условии, что все это, сказанное партией на XX и XXII съездах, будет вновь подтверждено со всей решимостью, нет никаких оснований несправедливо умалчивать о тех заслугах, которые были у Сталина в период войны и в предыдущие периоды истории. Если же его преступления перед партией и народом будут замалчиваться (что почему-то все чаще имеет место в нашей массовой печати), то все упоминания о его действительных заслугах будут выглядеть как попытка реабилитации этой крупной исторической фигуры в целом, в том числе и реабилитации его прямых преступлений.

Мне кажется, что нам необходимо сейчас четко и публично отделить в сознании людей те глубоко верные общие выводы, к которым в отношении И. В. Сталина пришли XX и XXII съезды, от ряда явных передержек и несправедливостей, вроде «руководства войной по глобусу», сказанных персонально Н. С. Хрущевым.

Нам нет нужды ни очернять, ни обелять Сталина. Нам просто нужно знать о нем всю историческую правду.

Я принадлежу к числу людей, которым кажется, что знакомство со всеми историческими фактами, связанными с деятельностью Сталина, принесет нам еще много тяжких открытий. Я знаю, что есть люди, считающие наоборот. Но если так, если эти люди не боятся фактов и считают, что вся сумма исторических фактов, связанных с деятельностью Сталина, будет говорить в его пользу, то они не должны бояться ознакомления со всеми этими фактами.

Поскольку в партии и в стране продолжаются споры вокруг этой проблемы, — и не надо закрывать на это глаза, — мне кажется, что было бы правильным выделить на XXIII съезде партии комиссию из партийных деятелей и коммунистов-историков, которая последовательно и объективно изучила бы все основные факты деятельности Сталина во все ее периоды и в определенный срок представила бы на рассмотрение Пленума ЦК свои предварительные выводы. Понимаю, что мы живем не в безвоздушном пространстве и что часть этих фактов, может быть, еще ряд лет придется сохранять как партийную и государственную тайну. Но основные выводы такой комиссии, исходящие из объективного изучения всех фактов, как мне кажется, будет правильным в той или иной форме довести до всеобщего сведения.

Может быть, я ломлюсь с этим письмом в открытую дверь и только отнимаю у Вас время — тогда простите.

Уважающий Вас Константин Симонов

23 марта 1966 г.».

АПРФ. Ф. 80. Подлинник. Машинопись, подпись — автограф.

На XXIII съезде эту тему не поднимали. И на последующих тоже. Почему невыгодную для ниспровергателей Сталина сторону его деятельности так тщательно укрывали в тайниках спецхранов? Может быть, потому, что первоисточники пролили бы

свет на подлинную подоплеку событий, и они предстали бы перед современниками не в искаженном многочисленными интерпретаторами виде?

Давайте заглянем в эти документы.

Глава 2
ПИСЬМА СТАЛИНУ. ИЗ ЕГО ЛИЧНОГО АРХИВА

А. В. Луначарский: «Не забудьте меня…»

Весна 1925 года. В партии продолжается дискуссия по поводу статьи Л. Д. Троцкого «Уроки Октября». Рядовые малограмотные коммунисты от станка, вступившие в РКП (б) по «ленинскому призыву», мало что смыслят в происходящем. Не только им многое не ясно, трудно разобраться даже таким фигурам, как нарком просвещения А. В. Луначарский. И он обращается с письмом к И. В. Сталину.

«1 апреля 1925 года

Сов. секретно

Дорогой

Как, вероятно, и многие другие, — я нахожусь в странном положении. Все-таки я числюсь членом Правительства РСФСР, а между тем я ничего не знаю о происходящем в партии. Слухи же носятся вихрем, разнородные и противоречивые.

Однако дело не в том, чтобы я просил Вас указать мне путь для действительной информации. Я хочу написать Вам, что я всегда готов исполнить любое парт, поручение и в меру моих сил, скромных, но и недюжинных. При этом я издавна привык считать Вас, среди вождей наших, самым непогрешимо чутким и верить в Вашу стальную «твердую гибкость».

Я не навязываюсь партии. Ей лучше видеть, кого как использовать. Но в большом деле можно забыть то или иное. Напоминаю — Вы можете располагать мною безусловно.
С комм, приветом

А. Луначарский».

АПРФ. Ф. 45. On. 1. Д. 760. Л. 150–150 об. Автограф.

На письме нет сталинской резолюции. В деле сохранилась заверенная заведующим бюро Секретариата ЦК РКП(б) Л. 3. Мехлисом машинописная копия. В правом верхнем углу пометка:

«ПБ. Архив Сталина. Мехлис. 1/III». Но это письмо, наверное, повлияло на решение Сталина принять закрытое письмо местным партийным организациям с разъяснением сущности разногласий в верхушке партии, которое и было принято 26 апреля 1925 года Пленумом ЦК РКП(б), подведшим итоги внутрипартийной дискуссии.

А. И. Рыков: «Гриша на нее ответит…»

В начале февраля 1926 года вышла отдельной брошюрой работа И. В. Сталина «К вопросам ленинизма», в которой он полемизировал с Г. Е. Зиновьевым по основным

вопросам теории и практики строительства социализма. На нее откликнулся А. И. Рыков — член Политбюро ЦК, председатель СНК СССР и СНК РСФСР.

Письмо — на бланке председателя Совета Народных Комиссаров СССР.

«6 февраля 1926 года.

Строго секретно

Тов. Сталину

Брошюру твою прочел. Читал между приемами, телефонными звонками, подписью бумаг и т. п. Поэтому многое мог упустить. Мне кажется, что наиболее ответственной является глава о диктатуре. Диктатура толкуется как насилие, и это, разумеется, во всех отношениях правильно. Но в брошюре нет достаточно ясных точных формулировок относительно того, что формы диктатуры и формы насилия меняются в зависимости от обстановки, что диктатура не исключает, допустим, «революционной законности», даже того или другого расширения избирательного права. В условиях гражданского мира, разумеется, диктатура проводится иначе, чем в условиях гражданской войны. Внесудебное применение насилия, в соответствии с ослаблением враждебных сил, уменьшается и будет уменьшаться. Это относится, например, и к применению высшей меры наказания. Оживление советов и увеличение прав волостных и уездных Советов, с привлечением в них широких кругов беспартийного крестьянства — отнюдь не противоречит диктатуре пролетариата и может быть проведено в жизнь только на известных условиях (объединение всех трудящихся и эксплуатируемых вокруг рабочего класса и коммунистической партии). Что-нибудь на эту тему, мне кажется, нужно сделать, чтобы читатель мог найти в брошюре ответ на некоторые из злободневных вопросов современной действительности.

Брошюра, мне кажется, правильная. Гриша на нее ответит, и я боюсь, что нам придется выдержать новое литературное сражение, хотя без этого все равно не обойтись.

А. И. Рыков».

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 797. Машинопись с правками автора.

Его автограф.

Гриша — это Григорий Ефимович Зиновьев (Радомысльский). 1926 год был для него последним годом пребывания в членах Политбюро ЦК на посту председателя Ленинградского Совета и председателя Исполкома Коминтерна.

Г. В. Чичерин: «В ваших устах это неудобно…»

«2 ноября 1926 года

Тов. Сталину

Уважаемый товарищ,

Вам не передали мою вчерашнюю записку, в которой я Вам указывал, что вся заграница — и пресса, и правительства, — считает Вас руководящим лицом СССР и каждое Ваше слово расценивает как правительственный манифест; поэтому крайне неудобно в Ваших устах такие выражения, как «или мы их поколотим, или они нас поколотят» о других государствах. Или мы готовим войну? Где наша мирная политика?

Чичерин».

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 824. Л. 51. Автограф.

Записка от 1 ноября, о которой спрашивает нарком иностранных дел СССР Г. В. Чичерин, в архивном деле отсутствует.

М. С. Ольминский: «Нужно действовать мерами ГПУ»

7 ноября 1927 года, в десятую годовщину Октябрьской революции, троцкисты и зиновьевцы провели альтернативные демонстрации в Москве и Ленинграде. Над колоннами реяли лозунги, призывавшие к смене руководства партии.

Критик и публицист, председатель Общества старых большевиков М. С. Ольминский (Александров) обратился по этому поводу к И. В. Сталину.

«10 ноября 1927 года

Тов. Сталину

Тов.! Поведение оппозиции вызвало в парт, печати оценку «глупого и позорного» в день 7/XI. Позвольте не согласиться с этой оценкой. Я предполагаю, что лидеры проводят план измены по отношению к партии и Союзу, что они подготовляют себе почву в бурж. государствах, — например, в рядах соц. — предателей.

Говорят: нужно их выслать за границу. Это все равно, что присудить щуку к утоплению в реке.

Нужно действовать мерами ГПУ и не опоздать.

Повторяю: не полагается рассчитывать на глупость Каменева, Троцкого и Зиновьева. Иначе мы сами останемся в дураках.

М. Ольминский».

АПРФ. Ф. 45. On. 1. Д. 781. Д 25. Машинопись.

Н. Осинский: «Нужно ли их загонять на Север?»

«1 января 1928 года

Копия

Лично

Уважаемый товарищ Сталин,

вчера я узнал, что В. М. Смирнов высылается на три года куда-то на Урал (видимо, в Чердынский уезд), а сегодня, встретив на улице Сапронова, услыхал, что он отправляется в Архангельскую губернию, на такой же срок. При этом выезжать им надо уже во вторник, а Смирнов только что вырвал себе половину зубов, чтобы заменить их искусственными, и вынужден теперь ехать беззубым на Уральский Север.

В свое время Ленин выпроводил Мартова за границу со всеми удобствами, а перед тем заботился о том, есть ли у него шуба и галоши. Все это потому, что Мартов когда-то был революционером. Высылаемые теперь бывшие наши товарищи по партии — люди, политически глубоко ошибающиеся, но они не перестали быть революционерами — этого отрицать нельзя. Они не только смогут когда-нибудь вернуться в партию (хотя бы и фанфаронили на тему о новой партии и о том, что старая изжила себя), но если случится трудное время, могут послужить ей так же, как служили в октябре.

Спрашивается поэтому, нужно ли загонять их на Север и фактически вести линию на их духовное и физическое уничтожение? По-моему, нет. И мне не понятно, почему нельзя I) отправить их

за границу, как Ленин поступил с Мартовым или 2) поселить внутри страны, в местах с теплым климатом, и где Смирнов, напр., мог бы написать хорошую книгу о кредите.

Высылки такого рода создают только лишнее озлобление среди людей, которых пропащими считать еще нельзя и к которым партия и в прошлом частенько была мачехой, а не матерью. Они усиливают шушуканья о сходстве нынешнего нашего режима и старой полицейщины, а также о том, что «те, кто делал революцию, в тюрьме и ссылке, а правят другие». Это — очень вредное для нас шушуканье и зачем давать ему лишнюю пищу? Тем более что отношение наше к политическим противникам из лагеря, именуемого «социалистическим», до сих пор определялось только стремлением обессилить их влияние и работу, но не отомстить за них, т. е. за это влияние и работу.

Я не знаю, с Вашего ли ведома и согласия предпринимаются эти меры, а потому счел нужным об этом Вам сообщить и высказать свои соображения. Пишу я исключительно по своей инициативе, а не по их просьбе и без их ведома.

С товарищеским приветом
Осинскии».

АПРФ. Ф. 45. On. 1. Д. 780. Л. 12–13. Заверенная машинописная копия.

Кратко об авторе и упоминаемых в его письме лицах. Н. Осинскии — псевдоним В. В. Оболенского. Во время написания письма занимал должность управляющего ЦСУ, в 1929 году стал заместителем председателя ВСНХ. Погиб в 1938-м.

В. М. Смирнов,
за которого он вступился, был троцкистом, работал членом президиума Госплана СССР. В 1926 году его исключили из партии, но вскоре восстановили. В декабре 1927 года был исключен вновь. В 1937 году репрессирован.

Т. В. Сапронов
тоже разделял взгляды Троцкого. С 1922 года был секретарем и членом Президиума ВЦИК. В декабре 1927 года исключен из партии и сослан. Репрессирован в 1938-м.

Л. Мартов (М. О. Цедербаум) —
один из лидеров меньшевизма, после Октябрьской революции выступил против Советской власти. В 1920 году эмигрировал в Германию, издавал там «Социалистический вестник». Умер в 1923 году.

Судьба письма Осинского такова. Оригинал был возвращен автору со следующей запиской Сталина:
«Тов. Осинскии!

Если подумаете, то поймете, должно быть, что Вы не имеете никакого основания, ни морального, ни какого-то ни было, хулить партию, или брать на себя роль супера между партией и оппозицией. Письмо Ваше возвращаю Вам, как оскорбительное для партии. Что касается заботы о Смирнове и др. оппозиционерах, то Вы не имеете оснований сомневаться в том, что партия сделает в этом отношении все возможное и необходимое.
И. Сталин».
3/1-28 г.

АПРФ. Ф. 45. On. 1. Д. 780. Л. 14. Машинопись. о

В архивном деле имеется и рукописный вариант, написанный под диктовку, с правками Сталина.
(Там же. Л. 15.)

На другой день Н. Осинский пишет И. В. Сталину:

«Тов. Сталин, мне не нужно ни много, ни мало раздумывать над тем, могу ли я быть арбитром между партией и оппозицией или кем бы то ни было. Вы мою точку зрения и психологию понимаете в корне неверно.

Что решение насчет высылок было принято партийной инстанцией, этого я не знал и добросовестно думал иначе. В протоколах П Б я его не нашел — может быть, было принято секретно. Обращение мое к Вам было сугубо личным. Письмо я писал лично на походной машинке (так же, как и это) и лично занес его в ЦК. Я бы занес его на дом, но в 1924 г. пробовал это сделать и был направлен в Ваш секретариат, хотя речь шла об очень секретном деле. На данном письме написал «личное», полагая, что личные Ваши письма секретарями не вскрываются.

Моя психология состоит в том, что я считаю себя вправе иметь самостоятельное мнение по отдельным вопросам и это мнение высказывать (иногда — в самых острых случаях — только лично Вам, или Вам и Рыкову, как Вы помните, — во время съезда).

За последнее время я получил по этой части два урока. Насчет хлебозаготовок Рыков сказал, что мне надо «залить горло свинцом», Вы мне возвратили письмо. Ну что ж, если и этого нельзя, буду с этим считаться.

А ведь чего проще: отпустите меня за границу поработать год над книжкой — и совсем от меня не будет докуки.

С товарищеским приветом
Осинский

4.1.1928

P. S. Это письмо попытаюсь переслать Вам «только лично, с распиской на конверте».

АПРФ. Ф. 45. On. 1. Д. 780. Л. 16. Машинопись с правкой автора. Подпись и постскриптум — автограф.

К. Е. Ворошилов: «Якира или Гамарника?»

16 сентября 1929 года
Шифром
Сочи. Сталину

Телеграфируй твое мнение о кандидатурах на пост Начпура. Лично выдвигаю кандидатуры — Якира или Гамарника. Кое-кто называют фамилии Постышева и Картвелишвили. Вопрос необходимо разрешить скорее, так как создается нехорошее впечатление ввиду отсутствия заместительства Бубнову.

Ворошилов».

АПРФ. Ф. 45. On. 1. Д. 74. Л. 3. Автограф.

К. Е. Ворошилов был наркомом по военным и морским делам СССР, председателем Реввоенсовета СССР. Он предлагал на освободившийся пост Начпура — начальника Политического управления РККА — вместо перешедшего наркомом просвещения А. С. Бубнова назначить И. Э. Якира, командующего войсками Украинского военного округа, или Я. Б. Гамарника, первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии. П. П. Постышев был тогда секретарем Харьковского окружкома и горкома партии и одновременно секретарем ЦК КП(б) Украины, Л. И. Картвелишвили — председателем Совнаркома Грузинской ССР.

На следующий день пришел ответ:

«Ворошилову. Можно назначить либо Якира, либо Гамарника, остальные не подходят.

Сталин». (Там же.)

Политуправление Красной Армии возглавил Я. Б. Гамарник, мог бы и Якир.

Жена осужденного Н. Д. Плескевича: «В пьяном виде сорвал Ваш портрет»

«Уважаемый тов. Сталин!

Простите за смелость, но я решила написать Вам письмо. I обращаюсь к Вам с просьбой, и только Вы, один Вы можете целать это, вернее, простить моего мужа. В 1929 году он в пьяом виде сорвал Ваш портрет со стены, за это его привлекли к ответственности сроком на три года. Ему еще осталось сидеть 1 год и 2 месяца, но он этого не вынесет, он болен, у него туберкулез. Специальность его — слесарь, из рабочей семьи, никогда ни в каких контрреволюционных организациях не состоял. Ему

27 лет, его сгубила молодость, глупость, необдуманность; в этом он уже раскаивается тысячу раз.

Я прошу Вас, сократите ему срок или же замените принудительными работами. Он и так жестоко наказан, раньше, до этого, он был два года слепым, теперь тюрьма.

Я прошу Вас, простите ему, хотя бы ради детей. Не оставьте их без отца, они Вам будут вечно благодарны, умоляю Вас, не оставьте эту просьбу безрезультатной. Может, Вы найдете хоть пять минут свободного времени сообщить ему что-нибудь утешительное — это наша на Вас последняя надежда.

Фамилия его Плескевич Никита Дмитриевич, сидит в г. Омске, статья 58, вернее, в Омской тюрьме.

Не забудьте нас, товарищ Сталин.

Простите ему, или же замените принудительными работами.

10. XII-30 г.

Жена и дети Плескевич

Я могу Вам выслать копию приговора, только, пожалуйста, откликнитесь. Не забудьте».

Откликнулся. Не забыл. Прочел письмо обезумевшей от горя простой крестьянки, возмутился сумасбродством местных подхалимов и отдал соответствующее распоряжение, о чем свидетельствовал вот этот документ:

Телеграмма

Новосибирск ППОГПУ Заковскому

По приказанию тов. Ягода Плескевич Никиту Дмитриевича освободить тчк НР 13566 Буланов.

Секретарь коллегии ОГПУ

Буланов

28 декабря 1930 года

ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. П. Л. 76, 80.

Писатель Всеволод Иванов: «Дайте мне тысячу долларов»

Приведенное ниже письмо направлено не позднее 24 июля 1930 года.

«Уважаемый Иосиф Виссарионович,

сей документ, не в пример тому, который я направил Вам полгода тому назад, будет касаться только лично меня.

Отягощенный долгами (коих у меня 14 тысяч), семьей и прочими1 грехами, накопил я страсть сколько материалов для того, чтобы написать какую-то большую и современную вещь. За оную

вещь приняться мне сейчас трудно, так как вынужден я писать рассказики для того, чтобы питать семью, финансового инспектора и сглаживать прочие несуразности нашей писательской жизни. Давно уже А. М. Горький зовет меня и звал поехать в Италию для того, чтобы там посидеть в тени соответствующих деревьев и камней и написать кое-что посолиднее. Сейчас я обратился к нему с просьбой, чтобы он поддержал мое ходатайство перед Союзным Правительством о разрешении мне выехать на полгода с семьей (три штуки ребят и жена) в Италию и чтобы мне разрешили и выдали валюты на 1000 долларов. С такой просьбой я и обращаюсь к Вам. Я сам понимаю, что деньги сейчас — валюта — куда как нужны для Республики, но в Америке и в Японии идет моя пьеса «Бронепоезд» в больших и хороших театрах, я думаю, что за границей мне будет легче заставить эти театры заплатить мне авторские и из этих авторских я берусь возвратить ту сумму, которую даст мне Наркомфин. Кроме того, у меня заключен договор с крупнейшим издательством в Европе «Ульштейн» на тот роман, который я думаю закончить в Италии, и, реализовав этот роман, я тоже смогу вернуть деньги. Полагаю, что трудами своими в пользу Республики я заслужил некоего доверия.

Второе, почему я обратился к Вам, — таково: после знаменитой истории с Б. Пильняком у советской общественности создалось к попутчикам некое настороженное внимание и наряду с Евг. Замятиным и другими довольно часто упоминалось мое имя, как упадочника и даже мистика. Заявления эти остаются на совести наших критиков и вызваны они были книгой моей «Тайное тайных» и некоторыми рассказами, от стиля которых я сам теперь отказался и мотивы коих были вытянуты к жизни из моих, чисто личных, плохих настроений. Теперь я и сам с удовольствием бы от них отказался, но что написано пером — да и вдобавок «вечным» — того не вырубишь топором. Сейчас я побывал во многих местах России, съездил с писательской бригадой по Средней Азии — в самой отсталой Советской республике Туркмении — и сам я чувствую, и другие говорят, что дух мой стал крепче. Но, — известная тень правого попутчика еще лежит на мне густо, и я думаю, что если б я под просьбу о паспорте, где будет указано, что Н-ый писатель намерен уехать с женой, детьми, не исключена возможность, что некоторые органы отнеслись бы к этому с иронией и подумали б: «Куда это он едет. Не лучше бы ему посидеть на месте и прочее», а что касательно денег, то их бы и без иронии не выдали б, так что даже получив паспорт, я бы не смог выехать.

Года три тому назад я уже был в Европе, но видел только Европу внешне поверхностно — и не написал об Европе ничего.

Теперь, после того, как я закончил свою работу в Италии, я думаю, отправив семью обратно, самому поехать в Рур… металлургические районы Германии с тем, чтобы посмотреть, как и чем живут европейские рабочие. Необходимо мне это для того, чтобы с весны будущего года можно было б уехать в сердце Донбасса и попытаться написать роман о советских горняках — «Углекопы», некоторым образом, в котором хотелось бы мне провести параллель между европейскими и советскими горняками, а не посмотрев на быт и нужды европейских рабочих, проделать это трудно.

Я понимаю, что задачи, которые я ставлю себе, очень трудны и ответственны, но я полагаю, что за ту любовь и прекрасное отношение, которое я встречал с начала моей литературной деятельности со стороны советской общественности, обязывают меня выплатить мой общественный долг перед советским искусством и выплатить его по-настоящему и по-хорошему. Этот долг можно выплатить только крупными и с широким охватом работами, в которых отразилась бы эпоха и люди, ее творящие. Я пишу это без бахвальства, а потому, что каждый должен веровать и с этой верой в свое дарование работать. А если не выйдет: катись под откос — и я согласен скатиться под этот откос, не зажмуривая глаз на полном ходу курьерского поезда.

Вот почему я решился написать Вам это письмо, и оканчивая его, я еще раз повторяю, что поеду я в Европу не праздношатающимся туристом и соглядатаем, — эти годы уже минули и не вернутся, — я поеду писателем, который обязан и должен сравнить эти два мира, противопоставленные друг другу и которым быть может очень скоро придется встретиться с оружием в руках друг против друга. Я люблю свою страну, я ее слуга и ее оружие — мое оружие.

Желаю Вам всего доброго в исполнении той мировой и ответственнейшей роли, которая выпала Вам на долю.

Всеволод Иванов

Мой адрес: Первая Мещанская, дом 6, кв. 2

или журнал «Красная новь», Ильинка, Старо-Панский, дом 4».

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 718. Л. 43–45. Машинопись,

подпись — автограф.

Письмо писателя

В. В. Иванова (1895–1963)

рассматривалось в Оргбюро 24 июля, в Политбюро ЦК ВКП(б) 26 июля 1930 года. За два дня до рассмотрения в Оргбюро на имя Сталина поступила телеграмма от Максима Горького из Италии: «Убедительно прошу разрешить Всеволоду Иванову выехать с его семьей ко мне в Сорренто и дать ему тысячу долларов. Горький». На телеграмме помета: «т. Каганович — за».

Политбюро постановило: «Разрешить тов. Иванову Всеволоду с семьей выехать за границу (в Сорренто) с выдачей ему тысячи долларов».

В. В. Иванов упоминает в обращении на имя Сталина писателей

Б. А. Пильняка (1894–1941)

и

Е. И. Замятина (1884–1937).

Первый из них является автором скандально известной «Повести непогашенной луны», напечатанной в журнале «Новый мир» (№ 5 за 1926 год), в фабуле которой публика усмотрела намек на убийство наркомвоенмора М. В. Фрунзе, организованное якобы по указанию Сталина. Кроме того, перу Пильняка принадлежит повесть «Красное дерево», вышедшая в 1929 году в Берлине. Оба эти произведения фигурировали в предъявленном ему в 1937 году обвинительном заключении.

Е. И. Замятин опубликовал в конце двадцатых годов за рубежом роман «Мы» на английском языке, в котором в гротескной форме изобразил жизнь, людей в тоталитарном обществе. В 1932 году эмигрировал за границу.

Арестованный А. Ф. Андреев: «Революционная законность должна победить»

«Секретарю Центрального Комитета ВКП(б) тов. Сталину

Командира роты запаса Андреева Андрея Филипповича из г. Здоровец, Ливенского р-на ЦЧО

Заявление

1-го октября 1918 года я добровольно поступил на службу в ряды Красной Армии, где находился до 1923 года. Все это время был на фронтах, занимая командные должности до командира полка включительно, ранен и представлен к награждению орденом Красного Знамени. Вернувшись домой и живя в бедняцком хозяйстве, от с/х налога я

освобожден. Я все время вел решительную борьбу с кулачеством, белогвардейцами и преступлениями отдельных работников, разоблачая их действия через печать областных газет, селькором которых я и состоял до настоящего времени. Заметки мои всегда подтверждались, почему на меня и открылось целое гонение. На подаваемые мною заявления на неправильные действия работников Здоровецкого сельсовета местному прокурору Ливенского района, последний никаких мер не принимал, попадал под влияние преступных работников, белогвардейцев, почему и масса безобразий творилась на глазах населения безнаказанно. Белогвардейские офицеры пролезли в учреждения, были даже в избиркоме при Здоровецком сельсовете и делали свое дело. Я, все-таки отдавший все за революцию, никаких гонений не боялся и не переставал быть селькором и общественным работником. На почве личных счетов кулачества, белогвардейцев и преступных работников, меня прошлый год вычистили из колхоза, хотели было лишить избирательных прав лишь только потому, что мой отец-крестьянин умер 17 лет назад, когда-то торговал табаком и спичками — в избиркоме в это время был белогвардейский офицер Кожухов Иван Иванович. Я обращался с жалобами во все районные инстанции, но добиться ничего не мог. Теперь все эти преступники, работа которых мною разоблачалась через печать, добились того, что меня 1-го декабря 1930 года арестовали и держат без всякого допроса под арестом, не предъявив даже причин ареста. Я обращался с заявлениями и к местному прокурору, и к уполномоченному ГПУ по Ливенскому району, но внимания никакого до сих пор не обращено. Все заявления затушеваны, а прокурор даже предупредил меня, чтоб я его своими заявлениями не беспокоил. Я водил в бой с белогвардейцами роты, батальоны и полки не для того, чтобы теперь через этих же белогвардейцев сидеть под арестом и переносить незаслуженное издевательство. Я отдал за революцию все, и могу еще быть хорошим командиром и работником. Обращаясь к Вам, тов. Сталин, прошу обратить внимание на мое заявление и оказать содействие выйти из создавшегося положения. Революционная законность должна победить, виновники в моем беспричинном аресте должны быть наказаны. Материал на меня находится в Ливенском ГПУ — все мною изложенное я подтверждаю документальными данными, которые у меня имеются. Командир роты запаса —

Андреев

23.1.31 г.

г. Здоровец, Ливенский р-н, Центрально-Черноземной области».

На письме резолюция И. В. Сталина: «Тов. Ягоде. Просьба не медля двинуть кого-либо из Ваших людей (совершенного) и по-большевистски — честно, быстро и беспристрастно разобрать дело, и не взирая на лица.

И. Сталин. 2/11-31».

ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 11. Л. 138–140.

В. Р. Менжинский: «Просим учредить орден Дзержинского»

14 ноября 1932 года председатель ОГПУ В. Р. Менжинский обратился с письмом в Политбюро ЦК ВКП(б), тов. Сталину:

«Постановлением ЦИК СССР введены ордена, выдаваемые воинским частям, коллективам, учреждениям и отдельным лицам за совершение боевых подвигов или за особые заслуги перед революцией.

Специфические условия работы органов ОГПУ требуют от оперативного состава личной выдержки, инициативы, беззаветной преданности партии и революции, личной храбрости, зачастую сопряженной с риском для жизни.

В большинстве случаев эти исключительные заслуги перед революцией совершаются отдельными работниками в обстановке, которую нельзя отнести к боевой в общепринятом смысле, вследствие чего ряд работников ОГПУ, несмотря на заслуги, остаются неотмеченными высшей наградой — орденом «Красное Знамя».

Исходя из этого, Коллегия ОГПУ просит учредить орден «Феликса Дзержинского», приурочив учреждение его к XV годовщине органов ВЧК — ОГПУ.

Орденом «Феликса Дзержинского» могут быть награждены сотрудники и военнослужащие ОГПУ, отдельные войсковые части ОГПУ и РККА, а также граждане СССР, оказавшие выдающиеся заслуги в борьбе с контрреволюцией.

Награждение орденом «Феликса Дзержинского» производится ЦИК СССР по представлению Коллегии ОГПУ.

Представляя при этом проект постановления, образец и описание ордена, просим Вашего утверждения.

Приложение: 1. Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б).

2. Образец и описание ордена».

Описание ордена «Феликса Дзержинского»

Орден «Феликса Дзержинского» является знаком, изображающим барельеф Феликса Дзержинского, помещенный на Красной Звезде, обрамленный венком из лавровых листьев стального цвета. Сверху — меч и Красное Знамя с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», внизу ордена на красной ленте надпись: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией» — символ готовности к беспощадной борьбе с врагами пролетарской революции».

РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5284. Л. 1–3. Подлинник. На документе — резолюция: «Против. Ст.».

А. М. Горький: «Придать премиям имя Сталина»

7—12 января 1933 года в Москве прошел объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Открыл его И. В. Сталин докладом «Итоги первой пятилетки». 11 января он выступил с речью «О работе в деревне». Из теплого Сорренто на события в СССР откликнулся Горький.

«16 января 1933 года.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Секретариатом «Истории гражданской войны» закончен подбор материала для первых четырех томов.

Теперь необходимо, чтобы главная редакция утвердила намеченных для обработки материала авторов, о чем я и прошу Вас убедительно. Авторы должны сдать рукописи к 31 марта. Очень прошу Вас: сдвиньте это дело! У меня возникает впечатление, что главная редакция саботирует эту работу.

С чувством глубочайшего удовлетворения и восхищения прочитал Вашу мощную, мудрую речь на пленуме. Совершенно уверен, что столь же мощное эхо вызовет она всюду в мире трудящихся. Под ее спокойной, крепко скованной формой скрыт такой гулкий гром, как будто Вы втиснули в слова весь грохот стройки истекших лет. Я знаю, что Вы не нуждаетесь в похвалах, но думаю, что у меня есть право сказать Вам правду. Большой Вы человек, настоящий вождь и счастлив пролетариат Союза Советов тем, что во главе его стоит второй Ильич по силе логики, по неистощимости энергии. Крепко жму Вашу руку, дорогой и уважаемый товарищ.

А. Пешков».

На обороте листа писчей бумаги приписка:

«А что строительство «Всесоюзного Института изучения человека» растянули на пять лет? Это мне кажется неправильным и способным охладить энтузиазм ученой братии, возбужденной Вами. Вы же сами сказали на заседании, что у них нет причин считаться со второй пятилеткой и надо строить в три года. ГПУ предлагало построить даже в два. Моя торопливость объясняется так: мы, вообще, несколько отстаем в строительстве культурных учреждений от строительства индустрии. Институт по широте и новизне его целей — явление небывалое, чем скорее он будет осуществлен, тем скорее завоюем мы внимание и симпатии ученых Европы и Америки, а эта «моральная валюта» может

обратиться и в реальную. Вы, вероятно, слышали о бесплатном предложении услуг по строительству Института со стороны одного американского инженера? Я имею основания думать, что таких и более значительных практически предложений мы получим немало, если объявим строительство Института ударным.

Будьте здоровы, дорогой И. В.!

16.1.33 г.

А. Пешков.

Алексей Толстой затевает Всесоюзный конкурс на комедию, — прилагаю проект резолюции о конкурсе.

В среде литераторов чувствуется сильное оживление и желание серьезно работать, поэтому конкурс может дать неплохие результаты. Но для Всесоюзного конкурса семи премий мало, следовало бы увеличить их до 15-ти хотя бы, а сумму первой премии повысить до 25 тысяч — черт с ними! — и придать премиям, имя Сталина, ибо эта ведь затея исходит от Вас.

Кроме того: почему только комедия? нужно включить и драму.

Затем я считал необходимым особенно подчеркнуть участие в конкурсе литераторов всех республик и нацменьшинств. Нашим — центровым — театрам пора обратить внимание на украинскую, грузинскую, армянскую и татарскую драматургию. Это было бы весьма неплохо для целей взаимопонимания и единения, чего нам не хватает. В Союзе Советов широко развивается процесс смешения кровей, процесс зарождения новой расы, а потому надобно не забывать о всех возможностях смешения культур.

Не поручите ли Вы кому-нибудь из товарищей потолковее заняться организацией этого конкурса? Толстого исключать из дела не нужно, он человек «торопливый», но очень полезный.

Простите, что надоедаю.

А. П.».

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 719. Л. 97–97 об., 98–98 об. Автограф.

Письмо Горького в секретариате Сталина перепечатали на машинке. На машинописной копии — его подчеркивания. Вверху резолюция: «В архив (мой).

И. Сталин».

3 февраля 1933 года он ответил Горькому:

«Дорогой Алексей Максимович!

Письмо от 16.1.33 получил. Спасибо за теплое слово и за «похвалу». Как бы люди ни хорохорились, они все же не могут быть равнодушными к «похвале». Понятно, что я, как человек, не составляю исключения.

1. Дело с «Историей гражд. войны» обстоит, оказывается, хуже, чем можно было думать. Для ориентировки посылаю Вам

сообщение секретариата «Истории гражд. войны» о состоянии дела подготовки и издания первых 4-х томов. Из сообщения увидите, что даже сроки июнь — июль 1933 г. для первых двух томов не обеспечены. На совещании членов секретариата с такой редакцией (присутств. я и Молотов) приняли решение о первых двух томах. Отсутствовал т. Крючков, т. к. он сейчас в Ленинграде. Протокол совещания прилагаю.

2. Дело с «Всесоюзным институтом изучения чел.» двинем обязательно, как только ученые из Ленинграда представят конкретный план.

3. Конкурс на комедию (и драму) завершим на днях. Отшить Толстого не дадим. Обеспечим все по вашему требованию. Насчет того, чтобы «придать премиям имя Сталина» я решительно (решительно!) возражаю. Привет! Жму руку!

P. S. Берегите здоровье.

И. Сталин».

АПРФ. Ф. 45. Оп. 16. Д. 719. Л. 102–102 об. Автограф.

Идея создания «Истории гражданской войны в СССР» принадлежала А. М. Горькому. Он загорелся ею еще в 1928 году. Три года спустя по его настоянию Политбюро ЦК приняло постановление, в котором говорилось: «Одобрить инициативу т. А. М. Горького и приступить к изданию для широких трудящихся масс «Истории гражданской войны» (1917–1921) в 10–15 томах».

Первый том, отредактированный лично им, вышел в свет в 1937 году — спустя год после смерти писателя. Второй том, подготовленный при жизни Горького, был издан в 1942 году. Третий том появился в 1957-м, четвертый — в 1959-м, пятый (заключительный) — в 1960 году.

В. Д. Бонч-Бруевич: «Изловить бы этих негодяев»

Первый управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич, перейдя с 1933 года на работу в Государственный литературный музей в Москве, отличался необычайной активностью в написании всевозможных писем. Он забрасывал ими руководителей страны по любому поводу.

«22 мая 1933 года

ЦК ВКПб)

Тов. И. В. Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович,

на днях мне по почте прислали пасквиль на Горького, подлинник которого я отослал при особом письме т. Г. Г. Ягоде. Копию письма т. Ягоде при сем посылаю, так же, как и копию этого пасквиля.

Полагаю, что следовало бы сделать самое энергичное распоряжение в ОГПУ для изловления этих негодяев, которые позволяют себе рассылать по нашей почте такие гнусности на Алексея Максимовича.

С коммунистическим приветом

Влад. Бонч-Бруевич».

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 719. Л. 121. Машинопись, подпись — автограф.

Пасквиль, возмутивший Бонч-Бруевича, состоял из трех четверостиший под общим названием «Барон из Сорренто». В нем довольно язвительно высмеивалась непоследовательность взглядов и поступков А. М. Горького.

Сталин написал на тексте листовки черным карандашом: «Подлец!
И. Ст.».
А на письме Бонч-Бруевича: «Мой арх.
Ст.».

Конечно, он прочел и копию письма, которое Бонч-Бруевич отправил Ягоде.

«Дорогой Генрих Генрихович, — говорилось в письме заместителю председателя ОГПУ. — Посылаю Вам копию (здесь, наверное, описка, посылался оригинал. —
В. С.)
пасквиля на Горького, который мне прислали в конверте 16-го мая 1933 г. Значит есть у нас в Москве какие-то пакостники, которые позволяют себе не только печатать на машинке, но и распространять такие гнусности и гадости. Было бы очень хорошо эту публику взять под жабры. Я посылаю Вам подлинник этого письма, который может быть Вам поможет по машинке определить, где это стряпается; также и конверт, на котором есть штемпель, а потому можно определить тот район, где опускалось это письмо».

К. Б. Радек: «Не могу допустить его сознательной вины»

«14 июня 1933 года
Дорогой т. Сталин!

Обращаюсь к вам по вопросу, по которому не считал возможным до этого времени к Вам обращаться, — по вопросу о положении
Е. А. Преображенского.

Я с ним был все время до ссылки и после возвращения в искренних и приятельских отношениях, хотя встречались очень редко. Я знал, чем он дышит. И говорил Вам, т. Сталин, что Е. А. только об одном думал, как впрячься в работу, как помочь партии осуществить пятилетку. Он понял, что было основой старых ошибок (мы много раз устанавливали в разговорах ошибочность нашего старого отношения к вопросу о возможности построения социализма в одной стране), поняли, что мы были не правы против основного кадра партии и Вас. Он не только не поддерживал никаких связей с троцкистами, но не было у него
ни мысли, ни настроений,
являющихся мостиком к троцкизму. Арест его, исключение из партии и ссылка были для меня страшной неожиданностью. Только позже я узнал, что он обвиняется в несообщении партии о существовании в Казани в 1929 г. какой-то оппозиционной татарской группы. Я ничего об его объяснениях по поводу этого обвинения не знаю (он не пишет мне, видно боясь осложнить мое партийное положение). Но зная его установки, не могу допустить его сознательной вины.

Я не обращался к Вам по этому делу, как не обращался по делу арестованных и сосланных

Робинсона. Блискавицкого. Гаевского. Бронштейна,

о которых знаю, что работали честно, преданно, не двурушничали по отношению к партии, и которых арест рассматривал, как ошибку ОГПУ, объяснимую и понятную при необходимой, но трудной операции. Я не обращался к Вам по этим делам, хотя считаю, что верность партии требует не только борьбы с ее врагами, но и помощи партии, когда ее огонь попадает по ошибке по своим ребятам. Но я оговорился, что я не имею

особенного права

требовать от Вас доверия к моим заявлениям. Вы должны быть недоверчивы и тверды, ибо впереди еще большие испытания: только кто в них не поколеблется, может считаться проверенным.

Если теперь я все-таки обращаюсь к Вам, то потому, что узнал, что ребенок, к которому Е. А. очень привязан, опасно болен. Разрешите Е. А. приехать на несколько дней к ребенку, дайте ему возможность переговорить с одним из руководящих товарищей. Вы знаете Е. А. по прошлому, знаете его слабые и сильные стороны. Я убежден, что если Вы или кто другой из близких руководящих товарищей с ним поговорит, то убедитесь, что стоит ему помочь выйти из того ужасного положения: быть согласным с линией партии и сидеть в ссылке за старые грехи.

Если то, что пишу, Вас не убедит (я, может, многого в этом деле не знаю), простите невольную ошибку. Пишу это письмо, думаю, что делаю не только хорошее личное дело, но и хорошее партийное. Мое обращение продиктовано не только старой дружбой к Е. А. (с которой не считался бы, если бы думал, что она находится в противоречии интересам партии), но и привязанностью к Вам и глубоким доверием, что Вы поймете мотивы, руководящие мною.

С сердечным приветом
Карл Радек

14/VI
P. S. Положение ребенка Е. А. очень ухудшилось».
АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 791. Л. 31–32. Автограф.

К. Б. Радек (Собельсон) (1886–1939) —

партийный публицист, сотрудничал с «Правдой» и «Известиями». Впоследствии был осужден и убит сокамерниками в тюрьме.

Е. А. Преображенский (1886–1937) —

известный оппозиционер сталинской линии. В октябре 1927 года как сторонник Троцкого был исключен из партии, в январе 1928 года сослан в г. Уральск. В 1929–1930 годах работал в Госплане Татарской АССР. В январе 1930 года восстановлен в РКП(б). С 1932 года член коллегии Наркомата легкой промышленности СССР, заместитель начальника отдела Наркомата совхозов СССР. В январе 1933 года арестован и сослан в Казахстан на три года.

С. Г. Робинсон (1892—?),
управляющий Московским трамвайным трестом;
Н. М. Блискавицкий (1897—?),
заместитель директора московского завода им. М. В. Фрунзе;
Д. С. Гаевский (1897—?),

директор Мособлкоопстроя;

Л. И. Бронштейн (1899—?),

преподаватель политической экономии Московского механико-математического института, были арестованы и сосланы по делу контрреволюционной троцкистской группы И. П. Смирнова, В. А. Тер-Ваганяна, Е. А. Преображенского и других.

Свердлов хотел бежать?

Невероятно, но факт: несгораемый шкаф Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова после его смерти не вскрывался 16 лет.

Его содержимое стало известно лишь в 1935 году, а нам и того позже, почти 60 лет спустя, из рассекреченной записки наркома внутренних дел СССР Г. Ягоды на имя И. В. Сталина.

«Секретарю ЦК ВКП(б)

тов. Сталину

На инвентарных складах коменданта Московского Кремля хранился в запертом виде несгораемый шкаф покойного Якова Михайловича Свердлова. Ключи от шкафа были утеряны.

Шкаф был нами вскрыт и в нем оказалось:

1. Золотых монет царской чеканки на сумму сто восемь тысяч пятьсот двадцать пять (108 525) рублей.

2. Золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями, — семьсот пять (705) предметов.

3. Семь чистых бланков паспортов царского образца.

4. Семь паспортов, заполненных на следующие имена:

А) Свердлова Якова Михайловича, Б) Гуревич Цецилии-Ольги,

В) Григорьевой Екатерины Сергеевны,

Г) княгини Барятинской Елены Михайловны, Д) Ползикова Сергея Константиновича, Е) Романюк Анны Павловны, Ж) Кленочкина Ивана Григорьевича.

5. Годичный паспорт на имя Горена Адама Антоновича.

6. Немецкий паспорт на имя Сталь Елены.

Кроме того обнаружено кредитных царских билетов всего на семьсот пятьдесят тысяч (750 000) рублей.

Подробная опись золотым изделиям производится со специалистами.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

(Ягода)

27 июля 1935 г.

№ 56568».

Х. Г. Раковский: «Даю вам заверение»

Х. Г. Раковский был крупным партийным и государственным деятелем. В 1919–1920 годах входил в состав Оргбюро ЦК РКП(б). Но за оппозиционную деятельность лишился всех постов и с 1934 года был всего-навсего скромным начальником управления Наркомата здравоохранения РСФСР. В ноябре 1927 года решением ЦК и ЦКК ВКП(б) был исключен из состава ЦК, а позднее, на XV съезде, исключен из партии за участие в троцкистской оппозиции. В 1935 году его восстановили в ВКП(б). На радостях он написал Сталину.

«28 ноября 1935 года

Дорогой Иосиф Виссарионович.

Я узнал вчера о моем обратном принятии в партию и, вчера же, я получил свой партийный билет.

Это было для меня большим и радостным событием.

Позвольте мне, по этому случаю, выразить Вам свою горячую благодарность и свою глубокую признательность.

Даю вам заверение, дорогой Иосиф Виссарионович, как вождю нашей великой партии и как старому боевому товарищу, что я применю все мои силы и способности, чтобы оправдать Ваше доверие и доверие ЦК.

С большевистским приветом искренно Вам преданный

Х. Раковский

Москва

28/XI.35 г.».

АПРФ. Ф. 45. On. 16. Д. 801. Л. 68. Автограф.

Письмо Х. Г. Раковского представляет собой машинописный экземпляр. Рукой А. Н. Поскребышева на нем написано: «От т. Раковского». В левом верхнем углу помета: «Мой арх.

И. Сталин».

Раковский нарушил свое заверение и после восстановления в партии продолжал троцкистскую деятельность, за что в 1937 году был снова исключен из ВКП(б).

«Просим переименовать в Кагановичград»

Первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б) обратился к И. В. Сталину со следующим письмом:

«Тов. Сталин!

Прошу Вашего указания по следующему вопросу.

В течение последних полутора лет перед областными организациями ставится вопрос о переименовании города Челябинска.

Эти предложения высказывались отдельными товарищами и на пленуме областного комитета партии, и на собраниях городского партийного актива.

Челябинск в переводе на русский язык означает «яма».

Поэтому часто при разговорах слово «челяба» употребляется как что-то отрицательное, отсталое.

Название города давно уже устарело, оно не соответствует внутреннему содержанию города.

Город за годы революции, и в особенности за годы пятилеток, коренным образом изменился.

Из старого казацко-купеческого городишка город превратился в крупнейший индустриальный центр.

Вот почему старое название города не соответствует сегодняшнему действительному положению.

Поэтому мы просим Вас разрешить нам переименовать город Челябинск, в город Кагановичград.

Переименование хорошо бы провести на предстоящем областном съезде советов.

С коммунистическим приветом

Рындин

19.IX.36».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 639. Л. 15.

На письме короткая резолюция:
«Против. Ст.».

Е. Д. Стасова: «Сидит Ракоши уже 12 лет»

Е. Д. Стасова
(1873–1966) в 1937 году была заместителем председателя Исполкома Международной организации помощи борцам революции, председателем ЦК МОПР СССР. Это, наверное, дало ей основание обратиться к Сталину со следующим прошением:

«23 марта 1937 года
Сов, секретно
В Политбюро ЦК ВКП(б).
Товарищу Сталину
Дорогой товарищ!
Не считали ли возможным поднять вопрос об обмене т. Матиаса Ракоши? В настоящее время по всей Венгрии ведется сбор средств на перевезение из СССР и погребение в Венгрии останков известного венгерского поэта Дьени Геза, умершего в Сибири, как военнопленный. Останки его найдены.

Может быть, возможно было бы поставить вопрос об обмене Ракоши на останки этого Геза плюс трофеи — знамена венгров, взятые при подавлении венгерского восстания Николаем I?

Сам Ракоши высказывает предположение, что, может быть, какие-либо экономические сделки, закупки, заказы и т. д. оказали бы свое воздействие на возможность обмена.

Судя по данным, которыми мы располагаем, в настоящее время момент для начала разговоров об обмене более благоприятен, чем раньше, так как в связи с неудавшимся фашистским путчем настроения в венгерских руководящих кругах весьма изменились.

Наконец, может быть, можно было бы поднять вопрос о том, чтобы Ракоши просил о принятии советского гражданства, так как в настоящее время он не имеет никакого гражданства. Его. родина сейчас в Югославии, но там его гражданином не при <…..>

Международная Организация Помощи Борцам Революции (МОПР) предприняла со своей стороны ряд шагов для оказания давления со стороны французского общественного мнения. Рассчитываем на некоторый успех, так как сейчас венгерское правительство имеет ориентацию на Францию. Сидит Ракоши уже 12 лет.
Елена Стасова».

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 805. Л. 9. Машинопись, подпись — автограф.

На тексте письма карандашом учинена резолюция: «Молотову. Можно было бы поручить НКИД позондировать венгерские правящие круги.
Сталин».
Ниже — мнение главы НКИД: «За —
Молотов».

Матиас Ракоши (1892–1971)

с 1920 по 1924 год работал в Исполкоме Коминтерна. В 1924 году нелегально вернулся в Венгрию, там был арестован, получил восемь лет тюрьмы. Отбывая наказание, в 1934 году вновь был судим и приговорен к пожизненному заключению. Вышел на свободу в 1940 году.

Венгерский поэт Дьени Геза (1884–1917)

участвовал в Первой мировой войне, в 1915 году попал в плен и отправлен в лагерь для военнопленных в г. Красноярск. Умер там в июне 1917 года.

Письмо Е. М. Ярославского Сталину о нищенствующих в Москве и сообщение Ягоды о их выселении

«Тов. Сталину

За последнее время можно заметить в ряде районов Москвы увеличение числа нищенствующих. Как живущий давно в Москве, я могу констатировать, что это увеличение в значительной степени сезонного характера: оно наблюдается весною с потеплением. Но с каждым годом это появление на улицах Москвы нищенствующих становится все более и более нетерпимым для нашей социалистической столицы.

Располагаются эти нищенствующие в излюбленных местах, например, можно всегда видеть их на улице Воровского ближе к Арбату, где живут иностранцы (посольства). Одетые в крестьянское платье, с маленькими детьми на руках (говорят, что иногда и детей берут напрокат), они жалостливо выпрашивают на хлеб, а когда к ним обращаются сердобольные обыватели с расспросами, они объясняют, что они из голодных колхозов. Если их хорошенько начнешь расспрашивать, из какого колхоза они, то сразу же видишь, что они выдумывают.

Сколько их в Москве — сказать трудно, но на рабочих собраниях в записках рабочие ставят вопрос о том, почему мы позволяем нищенствовать. Что очень многие из этих выпрашивающих, если не большинство, являются профессионалами, видно из того, что они по несколько лет стоят на улицах, переодеваясь даже.

Где они ночуют? Говорят, что они ночуют под лестницами различных правительственных учреждений, школ, жилых домов и т. п.

Они, несомненно, являются носителями антисоветской пропаганды. Мне кажется, что пора и можно с этим злом покончить.

Мое предложение сводится к тому, чтобы для решения вопроса о том, как поступить с ними, произвести однодневную облаву, выяснить точно, сколько их в Москве, кто они, как долго занимаются нищенством, где они живут, — чтобы получить совершенно ясную картину этого явления. Только после этого можно будет принять конкретное решение.

С коммунистическим приветом
Ем. Ярославский

23 февраля 1935 г.»

Письмо Ярославского было направлено в НКВД Ягоде. Вот что сообщал глава наркомата внутренних дел.

«Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину

В связи с запиской тов. Ярославского считаю необходимым сообщить, что московской милицией производится систематическое изъятие нищих с улиц и отправка их на родину.

Так, за 34 год изъято в Москве 12 848 человек, занимающихся нищенством, из них 12 231 высланы на родину, 408 человек устроено в московском отделе социального обеспечения и 209 человек освобождено под подписку, что впредь не будут заниматься нищенством.

Из всего количества изъятых нищих в 34 году — мужчин 4399 человек, женщин 4515 человек и детей — 3934 человека. В январе 35 года изъято 702 человека, а в феврале месяце — 893 человека, из них 1300 отправлено на родину.

Из приведенных цифр высылаемых на родину видно, что подавляющее большинство (95 %) занимающихся нищенством, — это приезжие, причем основную массу составляют жители Алексеевского района Харьковской области, Жиздринского и Хвостовического районов Западной области. Из этих районов следует особо выделить деревни Охоче и Верхние Бежки, Боткин и Нехочь. Эти деревни с царских времен занимаются нищенством и смотрят на это, как на подсобный заработок. Высылаются и вновь приезжают.

Большинство приезжающих нищенствовать — это единоличники, но есть и колхозники. Для характеристики приведу несколько примеров:

1. Губарева Ф. М. из деревни Охоче Алексеевского района. Из Москвы три раза высылалась за нищенство, приезжает с двумя детьми брата, работающего в совхозе, вся семья единоличники.

2. Нефедова Д. М. тоже из деревни Охоче, единоличница, приезжает три раза с тремя детьми, двое остались с мужем дома. Ездит потому, что все ездят.

3. Щербаков из деревни Воткино Хвостовического района, неоднократно высылался, приезжает с одним ребенком, жену и второго ребенка оставляет дома. Колхозник, имеет мало трудодней.

4. Рябинина М. С. — колхозница колхоза имени Фрунзе, из деревни Охоче, приехала нищенствовать, так как имеет на семью всего 55 трудодней.

Коренные москвичи, как я уже указал, составляют незначительное меньшинство, большей частью это старики, живущие на иждивении, и пенсионеры. Вот отдельные примеры:

1. Иванова, 65 лет, живет с дочерью на заводе «Изолятор». Дочь не хочет поддерживать мать, и последняя занимается нищенством.

2. Костикова, 53 лет, живет с 12-летним сыном, значится на иждивении взрослого сына, живущего отдельно, сын помощи не оказывает.

Предложение тов. Ярославского о производстве облавы с целью выяснения контингента нищенствующих ничего реального не даст, ибо уже высланных— 14 тысяч человек, мы контингент в достаточной степени изучили.

Я прошу разрешить изъятых нищих направлять под конвоем в спецпоселки Казахстана. Вопрос об отпуске средств для устройства нищих в спецпоселки мною поставлен перед Совнаркомом Союза 20 января сего года за № 55439.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Ягода
3 марта 1935 г. № 55517».

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 816. Л. 1–6.

Родители Генриха Ягоды: «Сын стал врагом народа и должен понести заслуженную кару»

«26 июня 1937 года

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Многие счастливые годы нашей жизни в период революции омрачены сейчас тягчайшим преступлением перед партией и страной нашего единственного оставшегося в живых сына — Г. Г. Ягоды.

Наш старший сын, Михаил, в возрасте 16-ти лет был убит на баррикадах в Сормове в 1905 году, а третий сын, Лев, в возрасте 19 лет был расстрелян во время империалистической войны царскими палачами за отказ идти в бой за самодержавие. Их память и наша жизнь омрачены позорным преступлением Г. Г. Ягоды, которого партия и страна наделили исключительным доверием и властью. Вместо того, чтобы оправдать это доверие, он стал врагом народа, за что должен понести заслуженную кару.

Лично я, Григорий Филиппович Ягода, на протяжении многих лет оказывал партии активное содействие еще до революции 1905 года (в частности помогал еще молодому тогда Я. М. Свердлову) и позднее. В 1905 году на моей квартире в Нижнем Новгороде (на Ковалихе, в доме Некрасова) помещалась подпольная большевистская типография, и в связи с ее провалом и обнаружением отпечатанных прокламаций я отбывал заключение в нижегородской тюрьме.

Сейчас мне 78 лет. Я наполовину ослеп и нетрудоспособен.

Своих детей я старался воспитать в духе преданности партии и революции. Какими же словами возможно передать всю тяжесть постигшего меня и мою 73-летнюю жену удара, вызванного преступлениями последнего сына?

Обращаясь к Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, с осуждением преступлений Г. Г. Ягоды, о которых нам известно лишь из печати, мы считаем необходимым Вам сказать, что он в личной жизни в течение десяти лет был очень далек от своих родителей и мы ни в малейшей мере не можем ему не только сочувствовать, но и нести за него ответственность, тем более, что ко всем его делам никакого отношения не имели.

Мы, старики, просим Вас, чтобы нам, находящимся в таких тяжелых моральных и материальных условиях, оставшимся без всяких средств к существованию (ибо не получаем пенсию) была бы обеспечена возможность спокойно дожить нашу, теперь уже недолгую жизнь в нашей счастливой

Советской стране. Мы просим оградить нас, больных стариков, от разных притеснений со стороны домоуправления и Ростокинского райсовета, которые уже начали занимать нашу квартиру и подготовляют, очевидно, другие стеснения по отношению к нам.

А сегодня, 26 июня, вечером, когда мы только что готовились подписать письмо, нам объявлено о нашей высылке из Москвы в пятидневный срок, вместе с несколькими дочерьми. Подобная мера репрессии в отношении нас кажется нам незаслуженной, и мы взываем к Вам о защите и справедливости, зная Вашу глубокую мудрость и человечность.

Мы взываем о том, чтобы нас на склоне жизни не приравнивали к врагам народа, ибо всю нашу жизнь мы связывали и продолжаем связывать с интересами революции, которой и сами посильно помогали и готовы помогать до конца.

Наш адрес: Москва, Садово-Спасская, дом № 20,

кв. 29, телефон К 1-66-87».

ЦА ФСБ. Д. 3097. Л. 4.

Резолюций и поручений на документе нет. Судьба родителей наркомвнудел Ягоды незавидная. Отец,

Ягода Григорий Филиппович (1859–1939),

уроженец г. Рыбинска Ярославской губернии, мастер-ювелир, состоял в коммунистической партии с 1905 по 1922 год (выбыл механически), и мать,

Ягода Хася (Ласса) Гавриловна (1863–1940),

уроженка г. Симбирска, домохозяйка. 20 июня 1937 года Особым совещанием при НКВД СССР были сосланы на пять лет в г. Астрахань. 8 мая 1938 года оба «за контрреволюционную деятельность» приговорены к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Отец умер в лагере в Воркуте, в июле 1960 года реабилитирован. Мать умерла в январе 1940 года в Севвостлаге (бухта Нагаево), реабилитирована в июле 1960 года.

Вместе с родителями в Астрахань тогда же была сослана и сестра Генриха Ягоды Шохор-Ягода Розалия Григорьевна (1863–1950), медицинский работник. 8 мая 1937 года она тоже была приговорена к восьми годам ИТЛ. В 1948 году как социально-опасный элемент сослана на Колыму на пять лет. Умерла в 1950 году. Реабилитирована. Младшая сестра Фриндлянд-Ягода Фрида Григорьевна (1899—?), канцелярский работник, 28 августа 1937 года «как член семьи изменника Родины» была заключена в ИТЛ на восемь лет. В 1949 году «за антисоветскую агитацию» заключена на 10 лет в исправительно-трудовой лагерь. В 1957 году реабилитирована.

Е. Д. Стасова: «Я не давала деньги троцкистам»

В 1938 году революционерка, бывшая секретарь ЦК РСДРП(б) Е. Д. Стасова уже не занимала руководящих постов в МОПР. При освобождении ее от должности возникли серьезные проблемы, о характере которых она сообщает И. В. Сталину в письме от 17 мая.

«1938. 17/V

Дорогой тов. Сталин,

Вы обещали позвонить мне относительно возможности принять меня. Время, очевидно, не позволило Вам этого сделать, а положение мое становится прямо невыносимым, и я решаюсь еще раз отнять у Вас время своим письмом.

Комиссия тт. Шкирятова, Маленкова и Рубинштейна по сдаче мною и по приему т. Богдановым дел ЦК МОПР СССР предъявила ко мне по существу обвинения не в ошибках, а в преступлениях против партии и Советской власти. Когда же я представляю материал, реабилитирующий меня, то он не принимается во внимание.

Так, например, мне предъявлено тяжелое обвинение в том, что я дала деньги троцкистам. Я представила справку т. Литвинова, доказывающую, куда и кому пошли эти деньги, и этот материал т. Шкирятов пытался также опорочить.

Такое отношение комиссии буквально уничтожает меня и морально, и физически.

Это заставляет меня просить Вас обратить внимание на мое дело, хотя я и знаю, как Вы перегружены. Все же надеюсь, что при личной встрече мне удастся распутать весь этот узел, который затянулся вокруг меня.

Елена Стасова».

АПРФ. Ф. 45. On. 1. Д. 805. Л. 12. Автограф.

М. Ф. Шкирятов (1883–1954)

в 1938 году был секретарем партколлегии КПК при ЦК ВКП(б), Г. М. Маленков (1901–1988) возглавлял отдел руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), М. М. Рубинштейн был членом КПК при ЦК ВКП(б), П. А. Богданов (1882–1939) — первым заместителем наркома местной промышленности РСФСР, М. М. Литвинов (Баллах) (1876–1951) возглавлял наркомат иностранных дел СССР.

Е. М. Ярославский: «Троцкий был завербован германским штабом»

«25 сентября 1938 года
С. секретно
Тов. Сталин,

за последнее время я все чаще прихожу к выводу, что Троцкий — давний провокатор. Чтение показаний Вацетиса меня еще более убеждает в этом. Это прямо ошеломляющий документ, даже после всех гнусностей, которые стали нам известны о Троцком и его банде. Троцкий — я в этом убежден — был завербован германским штабом еще во время империалистической войны, до 1917 года. Его друг Парвус

открыто

выступал во время войны как кайзеровский агент. А Троцкому выгодно было прикрывать свою службу германскому штабу центристской позицией: тоже своего рода — «войны не ведем и мира не подписываем».

Нельзя ли повести следствие в сторону выяснения взаимоотношений Троцкого с царской охранкой. Если Троцкий мог пойти на такое чудовищное предательство по отношению к Ленину, к Сталину, к республике Советов, то почему не допустить, что позиция в период сколачивания и деятельности августовского блока и раньше не диктовалась троцкистским «лозунгом»: «Каждый делает революцию для себя»?

Показания Вацетиса — убийственный приговор Троцкому.

Я ознакомил с ними тов. Шкирятова, — он также считает эти показания самыми убийственными.

С коммунистическим приветом
Ем. Ярославский».

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 804. Л. 192–193. Автограф.

Е. М. Ярославский (М. И. Губельман) (1878–1943)

в 1938 году занимал пост председателя Всесоюзного общества старых большевиков, был членом КПК при ЦК ВКП(б). Командарм 2-го ранга

И. И. Вацетис (1873–1938)

преподавал в военной Академии им. М. В. Фрунзе.

Парвус (Гельфанд) А. Л. (1869–1924),

германский социал-демократ, выходец из России, автор теории «перманентной революции», развитой и обоснованной в трудах Л. Д. Троцкого.

Е. Д. Стасова: «Допустима ли такая забывчивость?»

«Дорогой товарищ Сталин.

Сейчас, в 32-ю годовщину Октября, как-то особенно воспринимаются дни в 1917 г. и люди, которые активно работали с Вами и под Вашим руководством. Так встает в памяти Николай Ильич Подвойский. И как-то больно становится, что ушел он от нас еще летом 1948 г., а широкие партийные массы не знают об этом.

27 февраля исполнилось 10 лет со смерти Н. К. Крупской, в мае 1949 — 15 лет со дня смерти В. Р. Менжинского. И опять печать наша молчит.

Выходит так, что те, кому ведать этим надлежит, забывают о людях, которые все силы отдавали на борьбу за социализм, т. е. не напоминают о том наследстве, которое заслуживает быть поставленным в пример подрастающему поколению, строящему под Вашим руководством коммунизм.

И мне хочется спросить Вас, допустима ли такая забывчивость?
Ваша Елена Стасова
1949.8.XI».
АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 305. Л. 20. Автограф.

Н. И. Подвойский (1880–1948)
— один из руководителей штурма Зимнего в октябре 1917 года.
Р. Ф. Менжинский (1874–1934) —
с 1926 года председатель ОГПУ.

Глава 3.СТАЛИН И КИРОВ

В связи с убийством С. М. Кирова было расстреляно около 300 человек. Все они, за исключением Л. В. Николаева, непосредственного убийцы Кирова, позже были реабилитированы за отсутствием в их действиях состава преступления. Однако споры между сторонниками и противниками причастности Сталина к убийству Кирова не прекращаются.

Посмотрим, какие документы по этому поводу хранились в личном архиве вождя. Начнем со спецсообщения начальника УНКВД Ленинградской области Медведя об убийстве С. М. Кирова.

«Наркомвнудел СССР тов. Ягода

1 декабря в 16 часов 30 минут в здании Смольного на 3-м этаже в 20 шагах от кабинета тов. Кирова произведен выстрел в голову шедшим навстречу к нему неизвестным, оказавшимся по документам Николаевым Леонидом Васильевичем, членом ВКП(б) с 1924 года, рождения 1904 года.

Тов. Киров находится в кабинете.

При нем находятся профессора-хирурги — Добротворский,
Феертах, Джанелидзе и другие врачи.

По предварительным данным, тов. Киров шел с квартиры (ул. Красных Зорь) до Троицкого моста. Около Троицкого моста сел в машину в сопровождении разведки, прибыл в Смольный. Разведка сопровождала его до третьего этажа. На третьем этаже тов. Кирова до места происшествия сопровождал оперативный комиссар Борисов. Николаев после ранения тов. Кирова произвел второй выстрел в себя, но промахнулся. Николаев опознан несколькими работниками Смольного (инструктором-референтом отдела руководящих работников обкома Владимировым Вас. Тих. и др.), как работавший ранее в Смольном.

Жена убийцы Николаева по фамилии Драуле Мильда, член ВКП(б) с 1919 года, до 1933 года работала в обкоме ВКП(б).

Арестованный Николаев отправлен в управление НКВД ЛВО.

Дано распоряжение об аресте Драуле. Проверка в Смольном производится. 18 часов 20 минут.

1 декабря 1934 года
Медведь».

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 60. Л. 47.

Сообщение

Агранова Сталину и Ягоде о ходе следствия по делу об убийстве Кирова

«Совершенно секретно

Записка по прямому проводу

из Ленинграда

Москва, ЦК ВКП(б) — тов. Сталину

Наркому внутренних дел — тов. Ягода

Сообщаю о дальнейшем ходе следствия по делу Николаева Л. В.

1. Сейчас в военно-медицинской академии производится судебно-медицинское вскрытие трупа Борисова. Вскрытие производят профессор Надеждинский — судебный медик в медицинской академии, профессор Добротворский — хирург в медицинской академии, доктор Ижевский — областной судебно-медицинский эксперт, доктор Розанов — судебно-медицинский эксперт. Вскрытие производится в присутствии работника Наркомвнудела СССР Агаса. О результатах вскрытия сообщу дополнительно.

По материалам личного дела — Борисов, рожд. 1881 года, канд. в члены ВКП(б) с 1930 года, в органы ОГПУ вступил в 1924 году, а до этого служил сторожем в разных учреждениях. Происходит из крестьян. В настоящее время мною производится допрос ряда работников управления Наркомвнудела по Ленинградской области, непосредственно отвечающих за охрану тов. Кирова.

2. Агентурным путем, со слов Николаева Леонида, выяснено, что его лучшими друзьями были троцкист Котолынов Иван Иванович и Шатский Николай Николаевич, от которых многому научился. Николаев говорил, что эти лица враждебно настроены к тов. Сталину. Котолынов известен Наркомвнуделу как бывший активный троцкист-подпольщик. Он в свое время был исключен из партии, а затем восстановлен. Шатский — бывший анархист, был исключен в 1927 году из рядов ВКП(б) за контрреволюционную троцкистскую деятельность. В партии не восстановлен. Мною отдано распоряжение об аресте Шатского и об установлении местопребывания и аресте Котолынова. В записной книжке Леонида Николаева обнаружен адрес Глебова-Путиловского. Установлено, что Глебов-Путиловский в 1923 году был связан с контрреволюционной группой «Рабочая Правда». Приняты меры к выяснению характера связи между Николаевым и Глебовым-Путиловским.

В настоящее время Глебов-Путиловский — директор антирелигиозного музея.

3. Леонид Николаев дал показание об обстановке, при которой он совершил убийство тов. Кирова.

Протокол допроса сегодня вышлю. Допрос его будет мною сейчас продолжен'.

4. Допросом жены Николаева — Драуле Мильды установлено, что она до августа с. г. участвовала в составлении дневника своего мужа. Она подтвердила, что читала ряд его записей, носивших контрреволюционный характер. Установлено, что родственники Драуле Мильды, проживающие в Латвии, являются торговцами. Брат Мильды Драуле работал до апреля 1934 года в 8-м отделении милиции города Ленинграда в качестве счетного работника, совершил растрату и осужден на 3 года. Он затребован мною в Ленинград. Допрос Мильды Драуле продолжается.

5. По делу Волковой нами в Бологом арестован Масляков, который завтра утром будет доставлен в Ленинград. Разысканы и арестованы также Василевский и Духницкий; остальные, указанные в деле, лица еще не установлены, приняты все меры к розыску.

6. Приступил к расследованию обстоятельств освобождения Управлением НКВД в Ленинграде Леонида Николаева из-под стражи 16 октября с. г. после его задержания во время его слежки за тов. Кировым.

Зам. народного комиссара внутренних дел

Агранов

5 декабря 1934 г.».

«Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину Копия: НКВД тов. Ягода

Сообщаю о дальнейшем ходе следствия по делу Л. Николаева:

1. По показанию Николаева Леонида троцкисты Шатский, Бардин и Котолынов были настроены террористически.

Николаев показал: «Бардин Николай безусловно террористически настроен; у него были такие же настроения, как у меня, я даже считаю, что у Бардина куда более крепкие настроения, чем У меня».

Далее Николаев на вопрос, был ли привлечен Котолынов к подготовке террористического акта над тов. Кировым, показал: «Я не привлекал Котолынова, так как хотел быть по своим Убеждениям единственным исполнителем террористического акта над Кировым; во-вторых, Котолынов, как я считал, не согласится на убийство Кирова, а потребует взять повыше, т. е. совершить террористический акт над тов. Сталиным, на что я бы не согласился».

Николаев также показал, что он случайно познакомился с работницей Монетного двора, которую намеревался привлечь для наблюдения за тов. Кировым. Фамилии этой женщины Николаев не назвал, указав лишь ее приметы.

Протоколы допросов Николаева будут высланы сегодня.

2. У арестованного Котолынова при обыске обнаружен револьвер «браунинг», который он хранил без разрешения.

3. Допрошенный Петр Николаев заявил, что он считает себя убежденным врагом Советской власти. Он показал, что поддерживал связь с немецким колонистом Бельдюгом, проживающим в пригороде Ленинграда «Гражданка», где живут немецкие колонисты.

4. Допрошенный отец жены Петра Николаева Максимов показал, что как Петр, так и Леонид Николаевы имеют связь среди немецких колонистов под Ленинградом. Максимов показал также о кулацких и антисоветских настроениях Петра Николаева.

5. По показанию Ольги Драуле — сестры жены Леонида Николаева — последний поддерживал знакомство с Кузнецовым, бывшим секретарем комсомола города Луги — троцкистом, сосланным в Сибирь.

6. Арестованный по сообщению Волковой Селиверстов — монтер Ленинградской филармонии — показал, что бригадир по ремонту лифта филармонии Одаховский, в прошлом работавший на польской концессии «Ян Серковский», неоднократно расспрашивал Селиверстова о предстоящих приездах в филармонию членов правительства и, в частности, Кирова. Узнав об убийстве Кирова и об аресте убийцы, Одаховский сказал: «Есть еще смелые люди, ведь для того, чтобы пойти на такое дело, надо много мужества», и выразил сожаление по поводу ареста убийцы.

По данным Наркомвнудела концессия «Ян Серковский», ликвидированная в 1930 году, являлась агентурой 2-го отдела польского генерального штаба.

В бригаде Одаховского работает в качестве слесаря бывший штабс-капитан Иванов, который нами сегодня арестовывается.

На работу в филармонии Одаховский был принят при содействии монтера Духницкого, с которым в прошлом Одаховский совместно работал в концессии «Ян Серковский». Духницкий, как уже сообщалось, арестован.

7. Нами арестован Корнев — внештатный инженер хозяйственного отдела управления Наркомвнудела Ленинградской области, указанный в сообщении Волковой как лицо, обещавшее помочь бывшему полковнику Каменскому в нелегальном переходе границы.

8. Родственницы Каменского — Софья и Клеопатра — нами установлены. Каменский еще не разыскан. Корсунский сегодня будет арестован.

9. Комиссия судебно-медицинской экспертизы (фамилии членов комиссии названы в сообщении от 4 декабря с. г.) в своем заключении о причинах смерти Борисова

установила, что «смерть Борисова является несчастным случаем в связи с автомобильной катастрофой». Копии акта и заключения сегодня будут Вам высланы.

Допросы по делу о смерти Борисова продолжаются усиленным темпом. О ходе следствия сообщу дополнительно. Зам. наркома внутренних дел СССР

Агранов

5 декабря 1934 г. г. Ленинград».

ЦА ФСБ. Ф. 3. On. 2. Д. 60. Л. 1–6.

«Совершенно секретно

Записка по прямому проводу из Ленинграда Москва, НКВД, тов. Ягода

Спецсообщение № 6

о судебном процессе по делу Николаева Л., Котолынова и др.

После перерыва суд приступил к заслушиванию последних слов обвиняемых.

Даем краткое изложение последних слов обвиняемых.

1. Николаев указал, что в течение 28-ми дней, прошедших с момента совершенного им преступления, он сделал все, чтобы скрыть перед следствием всю правду о контрреволюционной организации, боровшейся против партии и Советской власти, санкционировавшей террористический акт, совершенный им над тов. Кировым. Далее он сказал, что вся его контрреволюционная активность явилась следствием воздействия на него со стороны «вождей» зиновьевской оппозиции, в том числе и Котолынова. Они имели на него большое влияние, питали его всякими оппозиционными материалами и натравливали против партийного руководства. На террор он пошел потому, что бывшая зиновьев-ская оппозиция еще раз решила испробовать свои силы в новой схватке против партии: они решили использовать все трудности, переживаемые страной в результате роста, чтобы создать из этих трудностей материал, на основе которого они могли бы

мобилизовать силы внутри партии для борьбы за возвращение к партийному руководству Зиновьева и Каменева. Николаев еще раз подтвердил, что имел прямую директиву от Котолынова пойти на террористический акт над тов. Кировым, так как организация добивалась насильственного устранения Сталина, Кирова и других руководителей партии. В конце своего слова он заявил, что сказал суду всю правду и просил пощады.

2. Антонов заявил, что считает свое преступление ужасным и не ждет пощады. Указал, что он выходец из рабочей семьи, попал в контрреволюционное болото только из-за слепой веры в авторитет Зиновьева. Теперь для него ясно, что противопоставить что-либо генеральной линии зиновьевщина не может. Сомнениям не должно быть места, так как они приводят к контрреволюционной организации и к борьбе против партии и рабочего класса. Просил суд найти возможность о сохранении ему жизни.

3. Звездов заявил, что очутился в лагере контрреволюционеров из-за преклонения перед авторитетом «вождей». Указал, что обстоятельства, которые привели его к участию в контрреволюционной организации, а затем на скамью подсудимых, объясняются тем, что в основе всей его сознательной жизни был заложен фундамент, связанный с борьбой против партии близкой ему группы лиц — активных зиновьевцев. Живой пример, живое слово, которые давались обанкротившимися «вождями», глубоко проникали в его еще политически не оформленное существо, сделали его слепым орудием, его захватило в плен двурушничество, так как отказ от своих ошибок сплошь и рядом был только формальным. Пример двурушничества давали Зиновьев и Каменев. Звездов заявил, что перед лицом суда он хочет последний раз сказать, что на скамье подсудимых сидят неразоружившиеся враги, которые, несмотря на, казалось бы, откровенные показания суду, все же говорят не все и многое скрывают, оставляя себе подленький запас. «Не

хватает мужества сказать прямо до конца, что мы участвовали в совершении террористического акта». Кончая свое слово, он указал «на наглейшее поведение Котолынова на суде, так как он знал, как мы выполняли его поручение». Просил суд дать ему возможность искупить свою вину перед советским государством.

4. Юскин заявил, что то, что он говорил на следствии, правильно освещает факты его участия в кошмарном преступлении. Свою вину он считает в том, что как член партии не учел всей серьезности фразы Николаева о террористическом акте против тов. Кирова и подстрекнул Николаева ненужной иронической фразой: «Что Кирова, лучше Сталина». Юскин далее заявил:

«Я мог только благодарить партию за то, что она дала мне, а между тем моя самоуспокоенность, небдительность, не у места повешенный язык — создавали обывательщину, что в свою очередь вело к антисоветчине». В отношении своей вины он сказал: «Я не принял мер, когда услышал фразу Николаева, стало быть, я — участник преступления». Просил суд сохранить ему жизнь.

5. Соколов заявил, что он полностью признает свою вину. Его вина, по его словам, усугубляется тем, что, только благодаря партии и Советской власти, он, молодой член партии, успел окончить втуз, поступить в Морскую академию, жить и работать в прекрасных условиях. Соколов далее заявил, что он подло и нагло обманул партию и Советскую власть, вступив в террористическую, контрреволюционную организацию. В заключение Соколов просил суд учесть, что он всеми силами готов смыть с себя позор и умоляет о прощении.

6. Котолынов сказал, что он, пребывая в оппозиции и контрреволюционной организации, борясь против партии, сеял злобу против вождей партии. и потому за выстрел Николаева в тов. Кирова он, Котолынов, ответственен. Признавая, что Николаев воспитан контрреволюционной зиновьевской организацией, он снова повторяет, что ответственность за выстрел лежит на нем. Котолынов, однако, заявил: «Любую кару я принимаю, ни о какой пощаде не прошу. Но еще раз заявляю — в убийстве тов. Кирова не участвовал». Отрицая связь с Николаевым и получение от него денег, Котолынов дальше указал на ряд мнимых противоречий в показаниях Николаева для того, чтобы скомпрометировать их. Анализируя, как он скатился в лагерь контрреволюции, Котолынов говорит, что еще 7 ноября 1927 года было первым шагом на пути к контрреволюции, что после XV съезда ВКП(б) зиновьевцы вошли в партию с двурушническими целями, не разоружились и обманывали партию. «От зиновьевщины, — говорил Котолынов, — мы приобрели ненависть к руководству партии, мы собирались и критиковали партию вождей, мы были отравлены ядом зиновьевщины. Круговая порука не давала нам взорвать контрреволюционное гнездо зиновьевщины».

7. Шатский заявил, что никакой связи с террористической группой он не имел, разговоров на антипартийные темы не вел и о подготовке к покушению на Кирова и Сталина ничего не знал. Закончил свое слово тем, что считает себя невиновным.

8. Толмазов полностью признал свою вину, еще раз подтвердил свои показания, но заявил, что не знал о подготовке террористического акта. Заявил, что основными виновниками случившегося считает Зиновьева и Каменева, которых требует привлечь к самой суровой ответственности. Выразил удивление, почему их нет на скамье подсудимых рядом со всеми теми, которых они сюда привели. Далее Толмазов сказал, что в своей практической работе всегда и всюду, на любом участке, горбом своим выносил большую и тяжелую работу на пользу рабочему классу. Обещал впредь, если суд отнесется к нему снисходительно, на самой тяжелой и опасной работе, хоть в небольшой мере, загладить свою вину перед рабочим классом, потому что он сам рабочий, 15 лет в партии и никогда из нее не исключался.

9. Мясников заявил, что он, как член контрреволюционной организации и член центра организации, несет ответственность за преступление Николаева, но о подготовке террористического акта он ничего не знал. Мясников сказал, что на скамью подсудимых

должны сесть Зиновьев и Каменев, которые воспитали их, зиновьевцев, в духе ненависти к партийному руководству. «Я никогда не думал, — говорил Мясников, — что окажусь под судом на одной скамье с убийцами и шпионами. До этого меня довело двурушничество. Чтобы не быть двурушником, надо было оборвать все связи, покончить со всеми колебаниями и сомнениями. Я этого не сделал и оказался в фашистской организации». Мясников просил у суда снисхождения.

10. Ханик сказал, что ему очень тяжело, что он, будучи сыном рабочего и матери, старой революционерки, участвовал в контрреволюционной организации, которая боролась против партии и Советской власти фашистскими методами. Он сказал, что окончательно разобрался во всем и очень благодарен следствию, которое помогло ему положить раз и навсегда предел его преступлениям. Организация, по его словам, питала звериную ненависть к руководству партии, в особенности к товарищам Сталину, Кирову, Молотову и Кагановичу. Понадобилась слишком дорогая цена — жизнь Кирова, чтобы приостановить дальнейшую подлую и беспринципную борьбу с контрреволюционной зиновьевщиной. Просил суд учесть, что он фактически с июля 1933 года порвал с этой контрреволюционной организацией, так как уехал в Кронштадт, но вместе с тем признает, что если бы обстоятельства его задержали в Ленинграде, он, вероятно, остался бы в контрреволюционной организации, так как «эти люди буквально засасывают и довлеют» над ним. Просил суд оставить ему жизнь для того, чтобы искупить свою тяжкую вину.

11. Левин, признавая полностью свою контрреволюционную деятельность в качестве руководителя контрреволюционной организации, заявил, что он несет полную ответственность за террористический акт Николаева. Считая, что он, как зрелый политический деятель, не может просить о помиловании, Левин рассказывал о пройденном им десятилетнем пути двурушничества в партии, которое привело его в контрреволюционное болото. «Нас об этом партия предупреждала. Мы не учли опыта всех оппозиций, не послушались партии. Только сейчас я осознал, что между мной и Николаевым прямая связь. «Политически я уже не существую». Левин закончил свое слово просьбой к суду: «Хотелось бы сгладить свои преступления, прошу жизни как милости».

12. Соскицкий заявил, что полностью признает свою вину, что привела его на контрреволюционный путь контрреволюционная зиновьевщина. «Надо, — сказал он, — уничтожить контрреволюционное зиновьевское болото». Благодарил следствие, которое раскрыло перед ним глаза на пропасть, в которой он очутился. Соскицкий говорил о непрерывной связи прошлой борьбы с партией в 1927–1928 годах и последующей контрреволюционной работы с выстрелом Николаева. Признал, что партию обманывал дважды: когда после первого своего исключения из партии вернулся в нее двурушником, и когда затем обманывал партию, несмотря на оказанное ему партией доверие. Свое предательство он понял только здесь. Главную ответственность, по его словам, должны нести Зиновьев и Каменев, которые так воспитали своих единомышленников, что они очутились на скамье подсудимых вместе с убийцей тов. Кирова. Соскицкий просил суд дать ему возможность доказать свою преданность рабочему классу. Закончил он свое слово требованием разгромить контрреволюционную зиновьевщину, чтобы не оставить от нее камня на камне.

13. Румянцев заявил, что до последних дней состоял в контрреволюционной организации и не нашел в себе мужества порвать с организацией и разоблачить ее до конца. Благодарил следствие, которое помогло ему осознать свое преступление. Заявил, что очутился в лагере врагов, так как свято верил Зиновьеву, как Евдокимову и Залуцкому, что из этой веры проистекали его преступления. Далее, перейдя к методам борьбы против партии, практиковавшимся им на протяжении всех лет, Румянцев квалифицирует их как фашистские. Румянцев говорил, что в последнее время он ко всему окружающему подходил с фракционным озлоблением и стал врагом Советской власти. Сказал, что он и прочие зиновьевцы вернулись в партию с двурушнической целью,

сославшись при этом на заявление Зиновьева о том, что «лозунги XV съезда оправдывают нашу предшествовавшую борьбу». Румянцев просил суд принять суровые меры по отношению к Куклину, заявившему ему: «Пусть остановится сердце пролетарской революции (Куклин имел в виду тов. Сталина), но Зиновьев и Каменев будут у руководства партией». Румянцев еще раз признает свои преступления перед Советской властью, но отрицает свою принадлежность к террористической группе. Румянцев подчеркнул, что в последнее время он старался встречи с единомышленниками свести к минимуму. Заканчивая свою речь, Румянцев сказал, что «надо каленым железом ликвидировать зиновьевщину. Я проклял день, когда встал на путь борьбы против партии. Я прошу пролетарский суд, если возможно, сохранить мне звание гражданина СССР и вернуть меня в семью трудящихся. Клянусь, что на любом участке буду самоотверженно работать».

14. Мандельштам сказал, что он с ужасом должен констатировать, что оказался на скамье подсудимых в такой печальной роли: «Не хочу повторяться, читать политические лекции и делать экскурсы в прошлое. Я подтверждаю весь фактический материал, который здесь приводился Румянцевым. В нашем падении виноваты, конечно, «вожди». Их спросят, и они ответят. Я заявляю пролетарскому суду, что нас всех надо расстрелять до единого. Я не контрреволюционный террорист, но скатился в пропасть». Обращаясь к суду, Мандельштам продолжает: «Вашим ответом, которому будет аплодировать весь пролетарский Ленинград, должен быть — расстрел всех нас без исключения». Мандельштам в заключение сказал: «Да здравствует Ваш суровый приговор».

В 2 часа 30 минут 29 декабря суд удалился на совещание для вынесения приговора.

В 5 часов 45 минут 29 декабря суд объявил приговор по делу, которым все обвиняемые в количестве 14-ти человек (Николаев Л., Антонов, Звездов, Юскин, Соколов, Котолынов, Шатский, Толмазов, Мясников, Ханик, Левин, Соскицкий, Румянцев и Мандельштам) приговорены к расстрелу. Почти все обвиняемые выслушали приговор подавленно, но спокойно. Николаев воскликнул: «Жестоко!» — и слегка стукнулся о барьер скамьи подсудимых. Мандельштам негромко сказал: «Да здравствует Советская власть, да здравствует коммунистическая партия», и пошел вместе со всеми обвиняемыми к выходу.

Зам. наркома внутренних дел СССР —
Я. Агранов

29 декабря 1934 г.».
ЦА ФСБ. Ф. 3. On. 2. Д. 60. Л. 48–56.

Совершенно секретно
Записка по прямому проводу Из Ленинграда
Москва, народному комиссару внутренних дел СССР — т. Ягода

Сегодня, 29-го декабря 1934 года, в 5 часов 45 минут выездной сессией военной коллегии Верховного суда СССР за организацию и осуществление убийства тов. Кирова приговорены к расстрелу: Николаев Леонид, Антонов, Звездов, Юскин, Соколов, Котолынов, Шатский, Толмазов, Мясников, Ханик, Левин, Соскицкий, Румянцев и Мандельштам.

В 6 часов 45 минут приговор приведен в исполнение.

Зам. народного комиссара

внутренних дел Союза СССР —
Агранов

23 декабря 1934 г.».

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оn. 2. Д. 60. Л. 33.

Глава 4
СТАЛИН И ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА

Стенограмма доклада наркома НКВД Н. И. Ежова на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года

23 февраля 1937 г. Вечернее заседание

Молотов.
Товарищи, разрешите объявить заседание пленума открытым. К повестке дня есть замечания у членов пленума?

Голоса с мест. Нет.

Молотов.
Нет возражений?

Голоса с мест. Нет.

Молотов.
Утверждается. Начнем с первого вопроса — «Дело Бухарина и Рыкова». Доклад Ежова.

Ежов.
Товарищи, на прошлом Пленуме Центрального Комитета партии, на основании показаний Каменева, Пятакова, Сокольникова, Сосновского, Угланова и Куликова, я докладывал о существовании антисоветской организации правых, которую возглавлял центр в составе Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова и Шмидта. Я тогда докладывал Пленуму ЦК партии о том, что члены центра — Бухарин, Рыков, Томский, Угланов: во-первых, знали о существовании подпольного антисоветского троцкистско-зиновьевского объединенного блока; во-вторых, знали о существовании подпольного антисоветского троцкистского параллельного центра; в-третьих, были осведомлены о том, что троцкистско-зиновьевский объединенный блок и троцкистский параллельный центр в своей борьбе против партии и Советского правительства перешел к методам террора, диверсии, вредительства; в-четвертых, были осведомлены об изменнической платформе троцкистско-зиновьевского блока, направленной к реставрации капитализма в СССР при помощи иностранных фашистских интервентов и, наконец, в-пятых, члены центра Бухарин, Угланов и Рыков стояли на той же платформе, контактировали антисоветскую деятельность своей правой организации с организацией троцкистов.

Ввиду серьезности тех обвинений, которые предъявлены Бухарину и Рыкову, предыдущий Пленум Центрального Комитета партии, по предложению т. Сталина, вынес постановление о том,

чтобы вопрос о конкретной вине кандидатов в члены ЦК ВКП(б) Бухарина и Рыкова перенести на настоящий Пленум с тем, чтобы за это время произвести самое внимательное и добросовестное расследование антисоветской деятельности правых, в частности конкретной вины Бухарина и Рыкова. Руководствуясь этим постановлением

Пленума ЦК, за это время расследована деятельность организации правых и причастность к ней Бухарина и Рыкова, которая выразилась в основном в следующем:

1. В Москве, Ленинграде, Ростовена-Дону, Свердловске, Саратове, Иваново-Вознесенске, Хабаровске и в некоторых других городах были допрошены и передопрошены вновь троцкисты Пятаков, Радек, Яковлев, Белобородое и многие другие активные участники организации правых, большинство из которых известные вам: Угланов, Котов, Яковлев, Слепков Александр, Слепков Василий, Астров, Цетлин, Луговой, Розит, Сапожник[ов]…

(перечисляет),

Козлов, Шмидт Василий и многие другие. Все перечисленные участники организации правых, равно как и троцкисты, дали исчерпывающие показания о всей антисоветской деятельности организации правых и своем личном участии в ней. Они целиком подтвердили те обвинения, которые были предварительно предъявлены Бухарину и Рыкову на предыдущем Пленуме и дополнили большим количеством новых фактов.

Эти факты не оставляют сомнения в том, что до последнего времени существовала относительно разветвленная организация правых во главе с Бухариным, Рыковым, Томским и Углановым. Расследование деятельности правых, по нашему мнению, произведено с достаточной тщательностью и объективностью. Объективность этого расследования подтверждается следующими фактами: во-первых, совершенно в различных городах, различными следователями, в разное время опрошены десятки активнейших участников организации правых, которые в разное время и в разных местах подтвердили одни и те же акты. Таким образом, у следствия имелась возможность объективного сопоставления показаний десятков арестованных, которые подтвердили в основном — с отдельными мелкими отклонениями применительно к индивидуальной антисоветской деятельности каждого — все показания.

Во-вторых, товарищи, многие из активнейших участников организации правых, и в частности такие ближайшие друзья Бухарина, его ученики, как Ефим Цетлин, Астров, сами изъявили добровольное согласие рассказать Наркомвнуделу и партийному органу всю правду об антисоветской деятельности правых за все время их существования и рассказать все факты, которые они скрыли во время следствия в 1933 году. В-третьих, для объектив-

ности проверки показаний Политбюро Центрального Комитета устроило очную ставку Бухарина с Пятаковым, Радеком, Сосновским, Куликовым, Астровым. На очной ставке присутствовали тт. Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, Микоян и другие члены Политбюро. Все присутствовавшие на очной ставке члены Политбюро ЦК неоднократно ставили перед всеми арестованными троцкистами и правыми вопрос, не оговорили ли они Бухарина и Рыкова, не показали ли лишнего на себя. Все из арестованных целиком подтвердили показания и настаивали на них.

Вы сами понимаете, товарищи, что у арестованных, которые говорят не только о деятельности других, не в меньшей мере, а в большей о своей собственной антисоветской деятельности, соблазн был большой, когда задавался такой вопрос, ответить отрицательно, отказаться от показаний. Несмотря на это, все подтвердили эти показания.

Рыкову была дана очная ставка с людьми, с которыми он сам пожелал иметь очную ставку. Ближайшие работники, в прошлом лично с ним связанные, — Нестеров, Рагин, Котов, Шмидт Василий, — все они подтвердили предварительные показания на очной ставке, причем несмотря на строжайшее предупреждение о том, что ежели они будут оговаривать и себя и Рыкова, то будут наказаны, они тем не менее свои предварительные показания подтвердили. Больше того, в этих очных ставках дали целый ряд новых фактов,

напоминая Рыкову об отдельных разговорах, об отдельных директивах, которые от него получали, и об отдельных фактах, которые не смог даже отрицать Рыков.

Таким образом, товарищи, мы считаем, что документальный и следственный материал, которым мы располагаем, не оставляет никаких сомнений в том, что до последнего времени существовала и действовала антисоветская организация правых, члены которой, подобно троцкистам и зиновьевцам, ставили своей задачей свержение советского правительства, изменение существующего в СССР Советского общественного и государственного устройства. Подобно троцкистам и зиновьевцам, они встали на путь прямой измены родине, на путь террора против руководителей партии и Советского правительства, на путь вредительства и диверсий в народном хозяйстве. Из этих же материалов следствия и документов вытекает, что виновность Бухарина и Рыкова вполне доказана, виновность в тягчайших преступлениях против партии и государства, которые им предъявлялись на предыдущем Пленуме и о котором я собираюсь докладывать сейчас.

Переходя к конкретному изложению следственных и документальных материалов, которые имеются в нашем распоряжении, я считаю необходимым оговориться, что я не буду касаться истории вопроса, хотя имеется очень много интересных с точки зрения исторической фактов развития организации правых и ее борьбы против партии. Я буду этих фактов касаться только постольку, поскольку они имеют отношение к обсуждению сегодняшнего вопроса.

Если остановиться на возникновении и развитии антисоветской организации правых, то на основании материалов следствия и документальных материалов ее деятельность можно разбить примерно на три этапа. Первый этап — это 1921—27 гг., когда зародилась организация правых в виде школки Бухарина, с одной стороны, и в виде известных тред-юнионистски настроенных кадров профсоюзников, возглавляемых Троцким, — с другой, которые впоследствии превратились в одну из основных и главных частей организации правых. Второй этап — 1927—30 гг., когда к школке Бухарина, к профсоюзникам потянулись все правооп-портунистические группы, возглавляемые Рыковым в советском аппарате, Томским — в профсоюзном, Углановым — в московской партийной организации. Все вместе они к июньскому Пленуму ЦК 1928 года образовали вполне сколоченную фракцию со своей платформой, внутрифракционной дисциплиной и своим централизованным руководством. Наконец, третий этап — 1930— 37 гг. (я здесь объединяю), когда организация правых уходит в подполье, отказывается от открытого отстаивания своих взглядов, двурушнически маскируя свое отношение к линии партии, к руководству партии и постепенно скатывается к тактике террора, к организации повстанчества в деревне, к организации забастовок и, наконец, к диверсии и вредительской деятельности в народном хозяйстве.

Разрешите мне на первых двух этапах не останавливаться, взяв здесь только два наиболее важных факта. Первый факт, имеющий отношение к первому этапу развития организации правых, следующий. Из всей своей многолетней борьбы против Ленина Бухарин, к сожалению, вынес один урок: он своей школе прямо говорил, что Ленин бил меня потому, что я не имел организованной группы своих единомышленников. Поэтому после смерти Ленина он сразу же начинает сколачивать группу своих единомышленников…

Микоян.
Герой большой он.

Ежов.
…которая впоследствии оформляется в известную всем школку Бухарина. Уже тогда эта школка представляла совершенно законченную фракционную группу со своей

программой, со своей внутрифракционной дисциплиной. Вся эта школка воспитывалась на противопоставлении Бухарина Ленину. Вся школка

считала, что Бухарин в своей борьбе и в своих взглядах по вопросам советской экономики, по вопросам учения о государстве, об империализме был прав, тогда как Ленин ошибался. Об этом говорят все участники бухаринской школки до единого. Причем Бухарин этого и не скрывал. Он прямо воспитывал их в этой школе на таком противопоставлении себя Ленину. Больше того, он себя воспитывал не только на противопоставлении Ленину, но и на противопоставлении Центральному Комитету партии, считая, что Центральный Комитет партии тоже проводит неправильную политику. От этой школки молодых бухаринцев никаких секретов буквально не существовало. Все секреты, все вопросы Политбюро, которые обсуждались, — а как известно, Бухарин был членом Политбюро, — обязательно обсуждались и в школке.

Второй факт, товарищи, имеющий отношение ко второму этапу. Всем известно, что лидеры правой оппозиции в 1928 году и позже доказывали, что у них никаких фракций не существует, тем более не существует никакой нелегальной организации. Они утверждали, что все дело сводится к тому, что правые по-своему честно, каждый в отдельности, не связанные фракционной дисциплиной, отстаивали и защищали свои неправильные взгляды. Факты говорят обратное. Уже к 1928 году вполне сложилась законченная фракция правых, которая противопоставляла свою линию линии ЦК ВКП(б). Сложилась она, как я уже говорил, с одной стороны, из школки Бухарина, из правооппортунистических тред-юнионистов профсоюзников, из некоторых работников-хозяйственников из хозяйственно-советского аппарата и, наконец, из некоторых руководящих партийных работников Московской партийной организации.

Факт третий, имеющий отношение к этому же периоду, — это тот, что уже в 1928 году правые для руководства всей фракционной деятельностью и борьбой своей против партии создали руководящий центр, в который вошли Рыков, Бухарин, Томский, Шмидт, Угланов и Угаров. Как сейчас установлено материалами следствия и документами, этот центр руководил всей фракционной борьбой правых. Все выступления правых на пленумах, на активах партийной организации в течение 1928—29 гг. предварительно обязательно обсуждались в этом центре. Больше того, известная антипартийная вылазка правых на съезде профсоюзов, где они пробовали свои силы, руководилась целиком этим фракционным центром. Во время заседаний съезда центр почти беспрерывно заседал на квартире у Томского, установив дежурства. Все время дежурили либо Рыков, либо Бухарин, либо Томский, либо другие. Такие выступления, например, как выступления Котова и Розита на апрельском Пленуме Центрального Комитета в

1929 году, тезисы их утверждались, предварительно центром просматривались, только после этого они выступали.

Вот таковы основные факты, которые я считал необходимым отметить из деятельности правых на первом этапе развития этой организации и на втором. Что касается третьего, основного и главного этапа, то он рисуется примерно в следующем виде. После поражения правых на ноябрьском Пленуме ЦК в 1929 году центр правых приходит к убеждению, что открытая атака против партии безнадежна и обречена на провал. Продолжая стоять на своих правооппортунистических позициях, центр правых, в целях сохранения своих кадров от окончательного разгрома, встал на путь двурушнической капитуляции. В надежде, что удастся в ближайшее время начать новую атаку против партии, центр обсуждает целый план, всю тактику двурушничества. Здесь учитываются ошибки троцкистов, ошибки зиновьевцев и разрабатывается буквально до деталей план двурушнической подачи заявлений. План этот заключается в следующем: первое — всем причастным к организации правых членам партии, которые не известны еще партийным организациям как активно связанные с правыми, дается директива конспирировать свои связи до поры до времени и никуда не вылезать, никаких заявлений

не подавать. Особая тактика вырабатывается для москвичей, в особенности для членов Центрального Комитета от московской организации.

Во время ноябрьского Пленума ЦК в 1929 году заседает центр, и в центре предлагают Угланову, Котову и Куликову на ноябрьском Пленуме ЦК выступить с покаянными речами и подать заявление. Какая цель преследуется? Цель следующая: во что бы то ни стало сохранить московскую группу работников, сохранить Угланова, так как на ближайшее время намечалась, когда оправятся, новая драка, новая атака против ЦК партии. Как известно, Угланов, Котов и Куликов, тогдашние члены Центрального Комитета, выступили с таким заявлением и подали покаянное заявление с отказом от своих правооппортунистических взглядов и о разрыве с оппозицией. Известно также, товарищи, что Бухарин, Рыков и Томский подали эти заявления значительно позже. Сейчас вот этот факт и Рыков и Бухарин не прочь изобразить следующим образом: «Что же, де, вы нам приписываете существование какой-то фракции со своей дисциплиной и т. д., а я вот узнал относительно подачи заявления с капитуляцией, с отказом от правых взглядов только на самом Пленуме ЦК. Даже больше того, я был настолько возмущен, считая это ударом в спину». На деле этот «удар в спину» был довольно мягким, потому что он обсуждался заранее, да и никакого удара здесь не было. Весь план строился только с расчетом сохранить во что бы то ни стало верхушку московской организации правых, упрочить их положение с тем, чтобы при первой возможности начать новую атаку против ЦК партии.

Дальше, товарищи, уже после подачи заявления Рыковым, Бухариным и Томским центр дает указание своим сторонникам на местах немедленно капитулировать. Кстати сказать, в то время проходили пленумы крайкомов, обкомов и ЦК нацкомпартий, собирались активы, где обсуждался вопрос, связанный с борьбой правой оппозиции против партии и с осуждением этой борьбы. На большинстве этих пленумов и активов активные правые, в особенности из числа бухаринских учеников, самым ярым образом выступали в защиту своих старых правых позиций, в защиту Бухарина, Рыкова и Томского. И для них «приказ», как его называет Слепков, приказ по фракции относительно немедленной подачи заявления с отказом был совершенно неожиданным. Не обошлось и без курьезов, например, такой курьез: Слепков, будучи на пленуме крайкома в Самаре… утром выступает с речью в защиту своих позиций, в защиту правых позиций, в защиту Бухарина, Рыкова и Томского; во время обеденного перерыва приходит к себе в гостиницу, или к себе на квартиру, получает директиву от Бухарина с нарочным медленно капитулировать. На вечернем заседании он выступает с покаянной речью, отказывается от всех своих убеждений, осуждает правых. И как он теперь говорит: «До того обидно было, что я всю ночь проплакал, потому что меня поставили в такое идиотское положение». Вот, товарищи, таким образом и в момент подачи покаянных заявлений никакого сомнения не было, что действовало централизованное руководство фракции правых, которое давало приказ капитулировать, разрабатывая в то же время план этой капитуляции во всех деталях.

Так, товарищи, обстоит дело с якобы искренним отказом Бухарина, Рыкова и Томского от отстаивания своих позиций в борьбе против партии. Они встают на позиции двурушничества, переходят в подполье с тем, чтобы при первой возможности активизировать свою антисоветскую деятельность.

К этому времени, товарищи, т. е. к началу 1930 года, или в 1930 году, принимая во внимание все маневры правых, мы имели сложившуюся организацию правых примерно в следующем виде. Правые имели свой центр в составе Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова и Шмидта. Второе — для объединения руководства подпольной деятельностью правых, работающих в Москве, был образован так называемый московский центр, в состав которого входят: Угланов, Куликов, Котов, Матвеев, Запольский, Яковлев. В то же время на местах, на периферии складываются

группы правых из числа активнейших участников организации и, главным образом, участников школки Бухарина, которые решением ЦК были посланы для работы на местах. Такие группы складываются: в Самаре — группа Слепкова, в которую входят Левин, Арефьев, Жиров; в Саратове — группа Петрова [Петровского П. Г.] в составе Зайцева, Лапина [Лапкина В. С.]; в Казани — группа Васильева; в Иванове — группа Астрова; в Ленинграде — группа Марецкого в составе Чернова и др.; в Новосибирске — группа Яглома и Кузьмина; в Воронеже — группа Сапожникова и несколько позднее Нестерова; в Свердловске — группа Нестерова.

Вот эти группы к 1930 году более или менее оформились, организовались со своей фракционной дисциплиной и делали все попытки для того, чтобы вербовать себе сторонников. Они существовали вплоть до 1932 года с небольшим изменением в своем составе, когда многие из их участников были изобличены в антисоветской деятельности, подверглись репрессиям, значительная часть была арестована после известной всем конференции правых, состоявшейся в Москве в августе 1932 года. Часть была арестована в связи с разоблачением группы Рютина, и после 1932— 33 гг. члены организации уходят в еще более глубокое подполье. Члены центра и их сторонники на местах поддерживают связь друг с другом только по цепочке. Если в 1932—33 гг. мы имели большое количество фактов совещаний, собраний и даже конференцию, то в последующие годы всякие совещания запрещаются и связь налаживается только на началах персональных встреч. Так, товарищи, обстоит дело с возникновением и развитием антисоветской организации правых, так, как она рисуется по материалам следствия и тем документам, которые имеются в нашем распоряжении.

Какова же политическая платформа организации правых на протяжении ее существования? Я, товарищи, здесь- не стану касаться всем известных отдельных документов, которые подавали правые в свое время ЦК партии, а начну с характеристики тех документов, которые имеются, по крайней мере, в нашем распоряжении сейчас.

В 1929 году, мысли были такие и до 1929 года, правые считали нужным обобщить отдельные разрозненные свои записки, свои разногласия с партией в какой-то единый документ. Была попытка составить такой платформенный документ с тем, чтобы подать его в Центральный Комитет партии. Такой документ был составлен. Однако члены партии центра правых не решались его подать в ЦК партии, скрыли его от Центрального Комитета партии. Правда, они его не скрывали от троцкистов и Зиновьевцев. Бухарин, например, показал этот документ Пятакову. Осведомлен был об этом документе и Каменев. Однако Центральному Комитету партии они не представили его. Достаточно осведомлены об этом документе, обобщающем, были и члены своей организации.

Я не стану в подробностях касаться этого документа. Скажу только, что он не имеет актуального значения для обсуждения сегодняшнего вопроса. Скажу только одно, что документ более или менее откровенно излагает предложения, которые, по существу, вели к капиталистической реставрации в СССР, обвиняя всякого рода совершенно нетерпимыми, гнусными выпадами Центральный Комитет партии. В том числе сползая на троцкистские рельсы, правые излагают в нем несогласие по всем коренным вопросам нашего социалистического строительства и вносят свои предложения.

Этот документ не увидел свет. Правые его скрыли. Актуального значения, повторяю, для обсуждения сегодняшнего вопроса он не имеет. Я его коснулся только мельком и хочу перейти к более поздним документам. В первую очередь необходимо остановиться на так называемой рютинской платформе. Прежде всего она объединяет и таинственную рютинскую платформу. Появление этой платформы трактовалось по-разному. Основное, что было выявлено, это то, что существовала какая-то дикая группа, связанная с правыми, которая была более репрессивно настроена. Они решили обобщать все свои настроения и умонастроения в качестве платформы. Итак, эта дикая группа пускает в распространение эту платформу. Эту платформу распространили и правые, и сами рютинцы, и зиновьевцы, и троцкисты. Немножечко, сказать, удивлены были, что,

например, Рыков давал такие указания своим ближайшим помощникам связаться с правой организацией. Бухарин говорит, что это документ не существующий, говорит, что его ГПУ выдумало.

А вот какова же картина появления этого документа, его природа, на самом деле как она рисуется на основании следственных материалов, которыми мы располагаем. Сейчас, товарищи, совершенно бесспорно доказано, что рютинская платформа была составлена по инициативе правых в лице Рыкова, Бухарина, Томского, Угланова и Шмидта. Вокруг этой платформы они предполагали объединить все несогласные с партией элементы: троцкистов, зиновьевцев, правых. По показаниям небезызвестного всем В. Шмидта, дело с ее появлением рисуется примерно следующим образом.

В связи с оживлением антисоветской деятельности различного рода группировок, правые весной 1932 года решили во что бы то ни стало составить политическую платформу, на основе которой можно было бы объединить всю свою организацию и привлечь к ней все группы.

С этой целью весной 1932 года на даче у Томского в Болшеве был собран центр правых в составе Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова и Шмидта. На этом совещании члены центра договорились по всем основным принципиальным вопросам платформы, набросали ее план. Шмидт показал, что даже нечто вроде тезисов было набросано. Затем центр правых поручил Угланову связаться с Рютиным, привлечь кое-кого из грамотных людей, оформить эту платформу, составить и представить на рассмотрение центра. Платформа на основе вот этих предварительных записей, указаний центра, была составлена осенью 1932 года. Угланов получает эту платформу, первоначальный набросок этой самой платформы уже в законченном виде и предлагает опять собраться центру. По предложению Угланова опять собираются в Болшеве на даче у Томского под видом вечеринки или выпивки какой-то и там подвергают этот документ самой тщательной переработке и чтению. Читали по пунктам, вносили поправки. На этом втором заседании центра присутствовали: Угланов, Рыков, Шмидт, Томский. Тогда Бухарина не было, он был то ли в отпуску, то ли в командировке. Так объясняет Шмидт.

Картину обсуждения этой платформы Василий Шмидт рисует следующим образом, поскольку он принимал участие в утверждении и рассмотрении платформы. При рассмотрении этой платформы Алексей Иванович Рыков выступил против первой части, которая дает экономическое обоснование, и сильно ее браковал. «Не годится, она уж слишком откровенно проповедует, это уж прямо восстановление капитализма получается, слишком уж не прикрыта. Надо ее сгладить. Что касается практической части, там, где говорится об активных методах борьбы против правительства, там, где говорится о переходе к действенным мероприятиям против партии, тут она написана хорошо и с ней надо согласиться».

Томский выступил: «Экономическая часть — это чепуха, будет она поправлена или нет, потом можно поправить. Главное не в ней

(смех),

главная вот эта часть, которая говорит об активных действиях». Причем, как говорил Шмидт, назвал эту часть террористической частью. «Эта часть хорошо написана, а раз хорошо написана, давайте согласимся с ней и утвердим». Все согласились с Томским, платформа была утверждена и, судя по примерным срокам, которые мы имеем сейчас возможность проверить по данным следствиям, — Шмидт не помнит, в какой именно день это было, — но по сопоставлению следствия можно установить, что это совпадает как раз с моментом обсуждения этой платформы на даче в Болшеве у Томского.

Таким образом, товарищи, материалы следствия, по-нашему, бесспорно доказывают то, что фактически авторами действительной рютинской платформы является не какая-то дикая группа Рютина, нечаянно свалившаяся с неба, а центр правых, в том

числе Рыков, Бухарин, Томский, Угланов и Шмидт, они являются действительными авторами и то, что они передоверили свое авторство Рютину, это дела не меняет. На этом же совещании было решено, что ежели где обнаружится эта платформа и будут спрашивать на следствии, что Рютин должен обязательно скрыть и выдать за свою, объявив, что это дикая платформа и т. д. Вот, товарищи, истинное происхождение рютинской платформы.

Само собой разумеется, что Бухарин и Рыков отрицают это дело. Хотя вчера на очной ставке со Шмидтом Рыков вынужден был признать, что на даче Томского он действительно читал рютинскую платформу, правда, он это изображает невинно и говорит, что там были члены ЦК, видимо, члены ЦК получали рютинскую платформу. Я не знаю, рассылалась ли членам ЦК рютинская платформа?

Голоса с мест. Нет, нет.

Ежов.

Дальше он говорит, что читали под пьянку рютинскую платформу и характеризует ее шляпниковско-медведниковским документом.

Голоса с мест.

Сообщал ли он кому-нибудь об этом?

Ежов.

Он не сообщил. Он говорит, что члены ЦК имеют право читать любые документы.

Голос с места.

Вчера сообщил.

Ежов.

Да, вчера сообщил. Я, товарищи, напомню, для того, чтобы увязать с последующим основные положения рютинской платформы. Рютинская платформа отрицает социалистический характер Советского государства, требует роспуска колхозов и отказа от коллективизации, отказа от линии ликвидации кулачества, от советской индустриализации, предлагает для борьбы против партии и Советского правительства объединить все оппозиционные группы, в том числе троцкистов, зиновьевцев, шляпниковцев, правых, леваков и т. д. и в качестве практических мер откровенно формулирует и предлагает индивидуальный террор, требует также, как и троцкисты в известном своем письме, — убрать Сталина, под этим подразумевают — убить Сталина, предлагает всем своим единомышленникам выпускать листовки, прокламации, организовать забастовки на заводах и требует, наконец, свержения Советского правительства путем вооруженного восстания.

Если внимательно вчитаться в отдельные предложения этой платформы, то там в такой завуалированной, туманной форме содержится призыв к вредительству и саботажу мероприятий партии и правительства. Эта платформа, товарищи, по существу, представляла документ, выражающий собою чаяния, настроения, взгляды, которые требовали прямо капиталистической реставрации в СССР. Если приложите туда последние издания соглашения Троцкого с Гитлером…

Голос с места.

Одно и то же.

Ежов.
Это одно и то же. Так обстоит дело с рютинской платформой.

После рютинской платформы, после выпуска ее прошло, примерно, 5 лет. За эти годы, товарищи, страна гигантски ушла вперед. Для всех победа социализма стала совершенно очевидной. В условиях окончательной победы социализма продолжать активную борьбу с Советским правительством, прикрываясь советской фразеологией, не выйдет дело. Дело безнадежно, разоблачить сумеет любой. Поэтому неизбежно должны были возникнуть в группе отдельных правых настроения сформулировать свои настроения более откровенно. Такую попытку составить платформу мы обнаружили сейчас при следствии. Она имеет отношение к 1936—37 годам. Эта платформа сама по себе чрезвычайно характерна. Эта платформа имеет обращение ко всем народам Советского Союза и ко всей молодежи. Авторами платформы являются Слепков Александр, небезызвестный ученик Бухарина, Кузьмин, ученик Бухарина, наконец — Худяков. Сидя в тюрьме, в изоляторе, они написали эту программу, эту платформу и при освобождении Худякова предложили ему, так как он выезжал в ссылку в Западную Сибирь, в Бийск, предложили ему связаться, дали ему адреса, предложили связаться с организацией правых, обсудить платформу и высказать свои соображения.

Я, товарищи, зачитаю вам некоторые положения новой платформы. Прежде всего, ее философская часть. В ней говорится следующее: «Марксизм, как цельное мировоззрение […] и, наконец, учение о классовой борьбе». Все это, по мнению авторов платформы, жизнью опровергнуто, марксизм себя изжил окончательно. Дальше идут рассуждения о высказываниях Спенсера, Герцена и Бакунина и т. д., которые себя оправдали и жизнью перекрыты. Критикуя политическую часть нашего строя, они в программе говорят следующее:

«Социалистическая система хозяйства оказалась на деле самой бюрократической… в своих кольцах удава задушила все живое». И дальше: «Диктатура пролетариата с его монопольным положением…»

Голос с места.
Сволочи.

Ежов.
«Философия марксизма превратилась в самую реакционную закостенелую догму… защиты и нападения». Исходя из этого, авторы платформы считают священным и неуклонным долгом свержение такой деспотической власти. И дальше они предлагают образовать новую партию под названием «Народная демократическая партия России».

(Возмущение в зале.)

Так бывший кадет Слепков формулирует сегодня свои взгляды, собака вернулась к своей блевотине.

Дальше, каковы же основные задачи на ближайший период они предлагают. Они считают первым и основным долгом свержение сталинского режима. Какими средствами? Предлагают они следующие: «Это уничтожение может произойти в результате различных причин и способов, из которых мы наиболее удачными и целесообразными считаем следующее: 1) В результате внешнего удара, т. е. в результате наступательной войны Германии и Японии на СССР».

Антипов.
Знакомое нам дело.

Ежов.
«2) В результате дворцового переворота или военного переворота, могущего быть совершенным одним из красных генералов».

Межлаук.
Тоже знакомое дело.

Ежов.
Дело с дворцовыми переворотами, оно вам достаточно известно из протоколов, которые вам переданы, и надо сказать, что Рыков, Бухарин и другие с этим делом очень долго носились. Таким образом, товарищи, эта программа на первое место выдвигает военное нападение фашистской Германии и Японии на Советский Союз. Они неприкрыто формулируют свое пораженческое отношение к этому.

Кроме того, программа не отказывается и от индивидуального террора. Правда, они называют, видимо, на опыте Кировских событий, это «террористической партизанщиной» и предлагают перейти к групповому террору.

Шкирятов.
Это тоже нам знакомо.

Ежов.
Тоже довольно знакомо из рассуждений, которые были у Бухарина с Радеком и с другими. Но, правда, они не отвергают и отдельных убийств. Однако говорят, что самая последняя «современность», т. е. убийство Кирова, — не свидетельствует в ее пользу. Но, однако, рассуждают они, «появление Цезаря всегда неизбежно влечет за собой и появление Брута».
(Шум, движение в зале.)
Они говорят: «Мы, террористы, к террору относимся совсем по-другому, чем так называемый официальный марксизм». Вот, товарищи, последнее откровение этой, дошедшей до конца, группы правых.

Кстати сказать, сегодня мы получили телеграмму из Новосибирска, где продолжается следствие, и оказывается, зам. пред. Западно-Сибирского Госплана, как его?

Эйхе.
Эдельман.

Ежов.
Зам. пред. Госплана Эдельман принял эту платформу и проводил ее в своей группе правых.

Ворошилов.

А где составлялась эта платформа?

Ежов. В
изоляторе.
(Смех.)

Косиор
С. Интересный это изолятор.
(Смех.)

Лозовский.
Эта платформа школки Бухарина.

Ежов.
Да, ее составляли Слепков, известный вам Кузьмин и Худяков. Это очень близкие Слепкову люди, вовлеченные в организацию, его воспитанники. Вот, товарищи, таковы программные политические установки правых, которые нам рисуются на основании тех следственных и документальных материалов, которые мы сейчас имеем в нашем распоряжении.

Перехожу к фактической стороне антисоветской деятельности правых, которую они смогли развернуть в наших своеобразных тяжелых условиях, к их работе за эти годы. Поставив своей целью восстановление капитализма в СССР и захват власти, они по мере успехов нашего социалистического строительства с каждым днем падали все ниже и ниже и переходили к наиболее обостренным формам борьбы.

Прежде всего, товарищи, о террористической деятельности правых. На основании всех следственных материалов, которыми мы сейчас располагаем, не оставляет никакого сомнения, что правые уже давно стали признавать возможность террора в отношении вождей партии и правительства. В условиях полной политической изоляции и невозможности как-либо активно другими способами проявить свое подлинное лицо, правые в конце концов так же, как и троцкисты и зиновьевцы, перешли на позиции индивидуального террора. Тут товарищам известны некоторые факты по протоколам, но я хочу сказать, что террористические настроения у правых зародились значительно раньше. Первые террористические высказывания и разговоры довольно откровенного порядка, которые вскрывались в организации правых, мы имели уже в 1928 году. Небезызвестный вам этот же Кузьмин — автор этой платформы — еще в 1928 году высказал прямо мысль о необходимости убийства т. Сталина. Он высказал вслух то, о чем тогда поговаривали, не желая сказать этого прямо, окружавшие его люди, в том числе Слепков и другие. Кузьмин еще в 1928 году прямо поставил вопрос, он ставил этот вопрос, и это был не вообще выкрик взбесившегося молодого парня, вовлеченного в антисоветскую организацию, это было убеждение человека. Он говорил это уже в 28 году, достаточно прочитать его дневник, чтобы представить себе все настроения его в те годы.

Могут сказать: Кузьмин — одиночка, по русской пословице — «в семье не без урода». К сожалению, слишком много уродов в семье правых…

Эйхе.
Сплошь одни уроды.

Ежов.

Слепков еще в 1927—28 годах, Сапожников прямо поставили этот вопрос, а затем позже они перешли к организации террористических актов. Ну, товарищи, здесь могут поставить такой вопрос: а при чем здесь Бухарин и Рыков?

Голоса с мест.

О-о-о!

Ежов.

Может быть, это настроения отдельных сторонников их? К сожалению, я должен сказать, что наиболее активно организовывались террористические группы там, где они организовывались по прямому указанию либо Бухарина, либо Рыкова, либо Томского. Все вы получили следственный материал по делу правых. Поэтому я ограничусь только тем, что укажу на наиболее характерные, с моей точки зрения, факты.

Что говорит Розит, небезызвестный вам Розит, один из ближайших учеников и друг Бухарина? Он показывает: «Террор у нас явление не случайное. Бухарин воспитывал у нас и культивировал исключительную ненависть к Сталину и его соратникам. Я не помню ни одного совещания, ни одной встречи с Бухариным, где бы он не разжигал этой ненависти. В связи с этим мне припомнилось выражение Слепкова о том, что ненависть к Сталину — священная ненависть». Кстати сказать, что по этой ненависти к Сталину определялась преданность Рыкову, Бухарину и Томскому, — это был критерий.

В 1930 году на даче Слепкова в Покровско-Стрешневе Бухарин уже лично даст установку на террор и мотивирует это тем, что ставка правых на завоевание большинства в ВКП(б) бита. Тот же Розит дает следующее показание: «Бухарин прямо сказал, что необходимо приступить к подготовке террористической группы против Сталина и ближайших его соратников…

(читает).

То есть у людей даже не вызывало это никакого сомнения потому, что уже до этого почва была уже вполне подготовлена. Почему я привожу это показание Розита? Мы имеем и Слепкова, и Марецкого, и всех остальных из школки Бухарина. Я привожу показания Розита потому, что он один из тех людей, которые ближе были связаны с Бухариным до последнего времени. Таков, товарищи, Бухарин.

Что касается Рыкова, то на первый взгляд вроде как он ни при чем. Правда, из последних показаний, которые вы читали, известно, что он тоже при чем, имеет прямую причастность к этому делу. Правда, Рыков, если взять в сумме членов этого центра, гораздо более осторожный, гораздо более конспиративный, не болтун, знает, где что можно делать, и умеет конспирировать, тогда как Бухарин иногда и взболтнуть любит. Томский дошел вплоть до того, что в своих записочках, довольно откровенных, записывал невероятную чепуху. Мы можем встретить в них антипохабные выражения (так в тексте. —

В. С),

махровые выражения по адресу не только отдельных руководителей партии и правительства, но даже и по адресу нашей страны. Человек, который имел переписку до последнего времени с самыми махровыми белогвардейцами, которые ругали и кляли

Советскую власть типично фашистскими выражениями, этот человек считал возможным получать эту переписку, читать ее и, больше того, хранить в квартире и подшивать.

Так вот, о Рыкове. Несмотря на всю его конспиративность и осторожность, я хочу привести следующие показания бывшего заведующего секретариатом Рыкова в Совнаркоме Нестерова, человека, лично очень близкого к Рыкову. Он дает следующие показания: «Вокруг Рыкова мы, правые, пытались создать такие настроения»…

(читает).

В соответствии с этим Рыков, несмотря на свое особое положение, не стесняется давать прямые указания об организации террористических групп. Вот этот же Нестеров рассказывает, как он перед отъездом в Свердловск в мае 1931 года…

Молотов

. Какой это Нестеров?

Ежов.

Заведующий Секретариатом Рыкова. Рыков обрадовался приходу Нестерова и сказал, что из пред. Совнаркома он попал в почтмейстеры. Вот, говорит, вам и Политбюро, вот, говорит, и линия на сработанность, попал в почтмейстеры. Рисовал он довольно в мрачных красках положение в стране и предложил ему организовать в Свердловске группу единомышленников, подобрать боевиков террористов с тем, чтобы при случае послать их в Москву. Нестеров показывает: «Как партия училась организации вооруженных сил в эпоху…

(читает).

Нам нужно учиться стрелять по-новому». И далее, Рыков дал прямое указание организовать террористические группы. И далее: «в этой беседе Рыков дал мне прямую директиву…»

(читает).

Немало изобличающих показаний дает и другой бывший «ученый» секретарь Рыкова Радин. Он показывает, что «в одном из разговоров со мной Рыков мне сказал…»

(читает).

В показаниях Радина, Котова и других вы найдете достаточно изобличающих материалов. Я хочу остановиться только на одном факте. При очных ставках чрезвычайно трудно отрицать все эти факты, которые прямо предъявляются Рыкову. Кстати сказать, он сам лично просил об очных ставках с определенными лицами. Радина он характеризовал мне предварительно как человека чрезвычайно умного, спокойного и талантливого и просил раньше устроить очную ставку с ним. Когда устроили очную ставку с ним, после этого или предварительно он заявил, что действительно в 1932 году Радин приходил к нему на квартиру, и у Радина были такие настроения антипартийные, антисоветские. Он требовал от Рыкова, якобы: «Что же вы тут в центре сидите, ничего не делаете. Давайте вести борьбу, активизироваться и т. д.». Словом, нажимал на Рыкова Радин. Вообще Рыков жаловался, что Радин провоцировал его на такие резкие выступления. Но я, говорит, его отругал, выругал, выгнал и т. д. В частности, когда Радин хотел уходить из партии, его обругал. Словом, Рыков хочет изобразить дело так, что не он влиял на Радина, а Радин влиял на Рыкова. Но при этом он ограничивался такими отеческими внушениями. А сказал ли он партии об этом? Не сказал. В этом, говорит, моя ошибка.

Несколько фактов, показывающих, что речь идет не только о разговорах по вопросам террора, речь идет о практической деятельности." Из фактов этого порядка я привожу следующие. В 1931 году по директиве Рыкова Нестеров сорганизовал в Свердловске террористическую группу в составе: Нестеров, Карболит (Кармалитов А. И. —

В.

С), Александров. Нестеров, Карболит, Александров — все признали свое участие в террористической организации, все показали, что они дали свое согласие вступить в террористическую организацию, все признали, что по первому вызову они обязались прибыть в любое место Советского Союза для того, чтобы пожертвовать своей жизнью в пользу своей правой организации.

Второй факт. Член Московского центра правых Куликов, а также Котов по поручению Угланова создали в 1931 году террористическую группу в Москве в составе Котова, Афанасьева, Носова. Котов, Угланов, Афанасьев и Носов — все сознались в этом. Я не буду приводить конкретных показаний, они известны вам из разосланных протоколов. Далее установлено, что в начале 1933 года Бухарин поручил бывшему троцкисту и бывшему эсеру Семенову подготовить террористический акт против т. Сталина. Об этом дает показания Цетлин — достаточно близкий Бухарину человек, который знал всю подноготную, что творится у Бухарина, самый преданный ему человек.

Наконец, по личному поручению Рыкова вела наблюдение, устанавливая наиболее легкие способы совершения террористического акта, некая Артеменко — близкий человек Рыкову, жена этого самого Нестерова. Далее, по личному поручению Рыкова активный участник организации правых Радин вместе со Слеп-ковым вел тоже подготовку по вербовке членов для совершения террористического акта против тов. Сталина.

Я, товарищи, совершенно исключаю здесь четыре террористические группы, организованные Томским, ограничусь пока что теми показаниями, теми фактами, которые я здесь изложил. Такова, товарищи, документальная, фактическая сторона террористической деятельности организации правых. Мне кажется, что на основе показаний всех участников, на основе документов, которые мы имеем, эта сторона подлой антисоветской деятельности правых и членов этого центра Бухарина, Рыкова, других совершенно доказана.

Далее, товарищи, я хочу в нескольких словах остановиться на идее так называемого «дворцового переворота». Наряду с идеями индивидуального террора 1930—31 годов правые усиленно поговаривали о возможности реального осуществления идеи так называемого «дворцового переворота». Мыслилась она в разных вариантах, но в основе своей она заключалась в том, что надо арестовать правительство, ввести какую-то воинскую часть, уничтожить правительство и назначить свое. Так, они предполагали, что им удастся коротким таким ударом по руководству партии и правительства быстро приблизиться к власти. Эта идея, довольно распространенная одно время, широко обсуждалась в кругах правых. Я думаю, что, товарищи, мы до конца еще не докопались во всех фактах, сопутствующих обсуждению этих планов, но я не исключаю, что кое-какие реальные перспективы, они, может быть, маячили в те времена перед ними. Достаточно сказать, что мы сейчас арестовали одного бывшего работника ЧК в Ленинграде, который работал в нашем аппарате, он присутствовал на совещании в группе правых и усиленно поддерживал эту самую идею «дворцового переворота», как наиболее легко осуществимую. Причем предлагал им свои услуги в деле установления связи…

Голос с места

. Кто это?

Ежов.

Это — рядовой работник, бывший белорусский работник, сейчас в Ленинграде в пожарной команде работает.

Каковы же варианты этой идеи «дворцового переворота»? Я здесь не буду останавливаться на показаниях Сапожникова, они известны вам, я приведу только наиболее характерные показания Цетли-на. Он дает следующие показания: «Инициатором идеи „дворцового переворота" был лично Бухарин и выдвинул ее с полного согласия Томского и Рыкова»…

(читает).

«Выдвигался второй вариант для осуществления „дворцового переворота": во-первых, — распространить наше влияние на охрану Кремля, сколотить там ударные кадры, преданные нашей организации, и совершить переворот путем ареста… (Читает, кончая словами: «Используя служебное положение Рыкова, как председателя Совнаркома, ввести эту воинскую часть по приказу в Кремль».) В случае удавшегося переворота они распределяли посты. Предлагался на пост секретаря ЦК Томский, остальные посты в ЦК займут Слепков и вообще все другие участники правых. Таковы факты. Из тех идей, которые особенно характерны были в 1930—31 годах для Бухарина, была идея «дворцового переворота».

Я, товарищи, затянул несколько доклад, разрешите мне дальше совершенно выпустить этот раздел, где говорится о блоке с троцкистами и зиновьевцами, ибо новых материалов в сравнении с теми, которые были на процессе и которые всем известны, я ничего прибавить не могу. Следует только сказать об этом самом блоке с троцкистами и зиновьевцами, о его некотором своеобразии, как оно рисуется по материалам следствия и как оно мне представляется.

Видите ли, то, что правые после поражения в 1929 году сразу же встали на путь поисков связей с зиновьевцами и троцкистами, это показывают всем известная встреча Бухарина, его переговоры и т. д. и т. п. Сейчас мы располагаем еще одним новым фактом. Тот же Шмидт Василий сообщил нам следующую новость о том, что в конце 1930 года, насколько я помню по его показаниям, вызвал Шмидта к себе Томский и говорит ему: «Нужна дача мне твоя на вечер один». Тот его спросил: «Зачем?» «Не твое, — говорит, — дело». — «Нет, скажи». — «Для нашего собрания надо». Он членом центра был, спрашивает: «А я могу?» — «Нет, — говорит, — нельзя. Дай дачу». — «Я вначале немножко поартачился, обиделся», — говорит он. «Не хочешь дать? Найдем другую, другую квартиру найдем». — «Ну, потом, — говорит, — я предоставил, уехал сам. Затем на второй день я насел на Томского, устроил ему истерику. Что же получается? Вы там, тройка, что-то такое решаете. Я сам член партии, что я, идиот, дурак, что ли, я вам только подчиняться должен. В чем дело, расскажи. Нажимал на Томского, и Томский проболтался, говорит: «Было свидание у нас, был Рыков, был Бухарин и был я, был Каменев на даче. На все мои расспросы, о чем говорили, он сказал: я не скажу, не могу сказать».

Рыков, понятно, и Бухарин это отрицают, но у меня имеется один чрезвычайно любопытный объективный факт. На днях жена Томского, передавая некоторые документы из своего архива, говорит мне: «Я вот, Николай Иванович, хочу рассказать вам один любопытный факт, может быть, он вам пригодится. Вот в конце 1930 года Мишка — она называет своего мужа так — очень волновался. Я знаю, что что-то такое неладно было. Я увидела, что приезжали на дачу Васи Шмидта такие-то люди, он там не присутствовал. О чем говорили, не знаю, но сидели до поздней ночи. Я это дело увидела случайно. Я почему это говорю, что могут теперь Васю Шмидта обвинить, но он ничего не знает». Я говорю: «А почему вы думаете, что он ничего не знает?» — «Потому, что я на второй день

напустилась на Томского и сказала: ты что же, сволочь такая, ты там опять встречаешься, засыпешься, попадешься, что тебе будет? Он говорит: молчи, не твое дело. Я с ним поругалась и сказала, что я еще в ЦКК скажу. Потом пришел Вася Шмидт, я на него набросилась: ты почему даешь квартиру свою для таких встреч? Он страшно смутился и говорит: я ни о чем не знаю». Вот она какой факт рассказала. Таким образом это не только показание этого самого Шмидта, это совпадает и с тем разговором, который у меня был с ней при встрече.

Таким образом, товарищи, уже в конце 1930 года, как видите, они считают возможным встретиться за городом, в конспиративной обстановке, поговорить. Я не думаю, чтобы это был душевный разговор и чаепитие. Если бы это было так, то, вероятно, Василия Шмидта пригласили бы. Видимо, разговор был серьезный, о котором они даже не сочли возможным сообщить Шмидту. Тут Шмидт говорит: я им сказал — дураки, вас же Каменев выдаст. Они говорят: ничего, не выдаст. Ну, а если он выдаст, мы его уничтожим физически. Так Шмидт говорит. Это первое.

Связь правых с троцкистами и зиновьевцами отмечена и в 1932 году. Факты эти известны. Но вот настороженность, чем объясняется та известная осторожность или настороженность, когда люди не шли на прямое слияние? Мне кажется, что здесь, наверху, они не шли, они давали прямую директиву на блок с троцкистами внизу, и фактически мы имели в Самаре, Саратове и Свердловске прямое объединение их с троцкистами. Они объединяются в блок, действуют и работают вместе, там их трудно разобрать, кто правый, различия между ними никакого нет, они работают вместе. А здесь, наверху, они осторожничали. Почему осторожничали? Исходили из следующего: они считали, что Зиновьев, Каменев и другие троцкисты и зиновьевцы настолько дискредитированы, что связывать свою судьбу с ними небезопасно. Потому они установили взаимную информацию, взаимное осведомление, взаимный контакт. Но дальше этого они не шли для того, чтобы блокироваться прямо. Как некоторые правые поговаривают, в частности, из школки Бухарина, здесь имелась известная боязнь правых того, чтобы как-нибудь их не вышибли в случае захвата власти, как бы не слишком много мест досталось троцкистам и т. д. Хотя это второстепенное. Мне кажется, что главное в том, что они не шли на организационное слияние с троцкистами — это боязнь. Есть еще последний момент, когда установилась прямая связь. Хотя можно считать, что формально ни Бухарин, ни Рыков, ни другие не входили в параллельный или в объединенный троцкистско-зиновьевский центр, но то, что они были вполне осведомлены о всей их деятельности, то, что они были целиком информированы и согласны, это у меня не вызывает никакого сомнения.

Хочу остановиться, товарищи, на позиции правых, на деятельности правых в их отношении с эсерами и, в частности, хочу остановиться на их отношении к кулацким восстаниям. На основе материалов следствия, которыми мы сейчас располагаем, должен прямо сказать, что правые своим сторонникам на местах давали прямые указания относительно того, что в случае деревенских волнений, которые, они предполагали, будут широко развернуты в 1930—31–32 годах, чтобы не остаться в стороне от этих движений, мы должны возглавить эти движения. Из тех фактов, которые вам известны, я не буду их повторять, я только хочу сказать следующее, что в 1930—31 годах по показаниям арестованного ныне известного Яковенко, партизана…

Голос с места.
Наркомзем, что ли?

Молотов. Ну,
все вы знаете.

Ежов.

Да, совершенно верно. Так вот этот самый Яковенко в своих показаниях говорит о том, что в 1930—32 годах он имел неоднократные беседы с Бухариным, высказывал свое несогласие с политикой партии в деревне, считал, что в вопросе коллективизации партия особенно ошибается, считал неизбежными кулацкие восстания, считал нужным ввести эти кулацкие и иные восстания в какое-то организованное русло. Бухарин его усиленно поддерживал. Он сообщил Бухарину, что имеет связь, очень близкую связь с сибирскими партизанами. «Ко мне без конца наезжают люди, и что я имею возможность организовать их». Был образован партизанский центр.

Сам Яковенко более или менее регулярно осведомлял Бухарина, что он имеет возможность организовать восстание в некоторых районах Западной Сибири, Красноярского края, Восточной Сибири. Бухарин тогда высказал такую мысль, что если бы успешно удалось организовать восстание, то не исключена возможность, что можно было бы там организовать известную автономию — Сибирское государство, которое бы давило на сталинский режим

(смех),

помогало бы нам в вопросах колхозной политики.

Ворошилов.

Государство в государстве.

Каганович.

Вроде как у Колчака.

Ежов.

Они ставили вопрос о создании этого государства. Дальше я, товарищи, не буду зачитывать вам те показания, которые имеются у вас на руках. Я должен сказать, что самое горячее, активное участие во всех таких событиях — затруднение с хлебозаготовками на Кубани, во всех сибирских волынках. Самое активное участие, где только можно приложить, правые обязательно принимали как директиву — ввязаться в это дело.

Фактов с эсерами я не буду перечислять, здесь нового ничего нет. Кроме показания Цетлина мы ничего не имеем. Зачту только одно предварительное показание Яковенко. Он показывает: «Я рассказал Бухарину свою отрицательную точку зрения на политику ЦК ВКП(б). Информировал о своем впечатлении о моем приезде в Сибирь, откуда я недавно вернулся»…

(читает).

Установка Бухарина, говорит, полностью совпадала с моими взглядами, и я их принял.

Таковы факты, которыми мы располагаем в отношении правых к вопросам крестьянских восстаний, которые имели место в 1930—31 годах, в ряде которых они участвовали. Также они принимали участие в организованных волынках на промышленных предприятиях. Мы сейчас находимся в стадии расследования

чрезвычайно важных вычугских событий и вообще событий в Иванове. Они были, по существу, организованы правыми.

Голос с места
. В 1932 году?

Ежов.
Да, в 1932 году вычугские события были организованы правыми. Об этом дают показания активнейшие участники правых, Башенков и другие.

Сталин.
Какие события? Мы не знаем.

Ворошилов.
Не все знают.

Ежов.
События, о которых было решение ЦК партии, они всем известны.

Косиор.
Они были опубликованы в печати.

Ежов.
Да, опубликованы в печати. Это событие в связи с некоторыми хлебными затруднениями, как сейчас выяснилось, начались искусственные забастовки.

Шкирятов.
На текстильных предприятиях.

Ежов.
Волынки на текстильных предприятиях. Оказывается, как сейчас установлено, к этому прямую руку приложили правые, организовали вычугские волынки.

О вредительской деятельности правых. Наряду с линией на террор, правые считали возможным принять тоже линию на вредительство. Мы имеем десятки показаний сейчас, в том числе таких активнейших участников правых, как Яковлев, Кротов, Шмидт Василий, которые проводили активнейшую линию на вредительство. В частности, Шмидт Василий, будучи директором Трансугля на

Дальнем Востоке, он вел этот развал, за который его снял Центральный Комитет с работы. Он говорил, что этот развал был произведен сознательно. «Развалил я трест сознательно по директиве правых, имел людей своих, вредителей, которые вредили каждый день».

Выводы какие? Таким образом, товарищи, мы на основании всех материалов следствия считаем установленным, во-первых, что центр антисоветской организации

правых в лице Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова, Шмидта двурушнически отказался в конце 1929 года с маневренной целью от своих правых взглядов, обманывал партию, не выдавал своей подпольной организации, сохранил ее и продолжал борьбу с партией до самого последнего времени. Поставив своей основной целью добиться захвата власти насильственным путем, изложив свою открыто буржуазно-реставраторскую платформу, так называемую платформу Рютина, они вступили фактически в блок с троцкистами, антисоветскими партиями эсеров и меньшевиков и вместе с ними возглавляли антисоветские осколки разгромленных классов в нашей стране и превратились в конечном итоге в агентуру фашистской буржуазии.

Для осуществления своих буржуазно-реставраторских планов центр правых в лице Бухарина, Рыкова, Томского и других встал на путь организации террора в отношении партии и правительства, на путь вредительства, на путь блока с антисоветскими партиями, на организацию кулацких восстаний и на организацию волынок на заводах.

Мне кажется, что все это ставит в отношении Бухарина и Рыкова, людей, которые целиком отвечают за всю деятельность правых организаций вообще и за всю антисоветскую деятельность в частности, ставит вопрос о возможности пребывания их не только в составе Центрального Комитета партии…

Голос с места
. Правильно.

Ежов.
…но и в составе членов партии.

Голос с места
. Правильно.

Голос с места
. Этого мало.

«Неугомонный не дремлет враг…»

«Совершенно секретно

Народным комиссарам внутренних дел союзных республик, начальникам Управлений НКВД автономных республик, областей и краев

НКВД

Союза вскрыта и ликвидируется крупнейшая и, судя по всем данным, основная диверсионно-шпионская сеть польской разведки в СССР, существовавшая в виде так называемой

«Польской организации войсковой» («ПОВ»). Накануне Октябрьской революции и непосредственно после нее Пилсудский создал на советской территории свою крупнейшую политическую агентуру, возглавлявшую ликвидируемую сейчас организацию, а затем из года в год систематически перебрасывал в СССР, под видом политэмигрантов, обмениваемых политзаключенных, перебежчиков, многочисленные кадры шпионов и диверсантов, включавшихся в общую систему организации,

действовавшей в СССР и пополнявшейся здесь за счет вербовки среди местного польского населения.

Организация руководилась центром, находившимся в Москве, — в составе Уншлихта, Муклевича, Ольского и других, и имела мощные ответвления в Белоруссии и на Украине, главным образом в пограничных районах и ряде других местностей СССР.

К настоящему времени, когда ликвидирована, в основном, только головка и актив организации, уже определилось, что антисоветской работой организации были охвачены — система НКВД, РККА, Разведупр РККА, аппарат Коминтерна — прежде всего Польская секция ИККИ, Наркоминдел, оборонная промышленность, транспорт — преимущественно стратегические дороги западного театра войны, сельское хозяйство.

Активная антисоветская работа организации велась по следующим основным направлениям:

1. Подготовка, совместно с левыми эсерами и бухаринцами, свержения Советского правительства, срыв Брестского мира, провоцирование войны РСФСР с Германией и сколачивание вооруженных отрядов интервенции (1918 год).

2. Широкая всесторонняя подрывная работа на Западном и Юго-Западном фронтах во время советско-польской войны, с прямой целью поражения Красной Армии и отрыва УССР и БССР.

3. Массовая фашистско-националистическая работа среди польского населения СССР в целях подготовки базы и местных кадров для диверсионно-шпионских повстанческих действий.

4. Квалифицированная шпионская работа в области военной, экономической и политической жизни СССР при наличии крупнейшей стратегической агентуры и широкой средней и низовой шпионской сети.

5. Диверсионно-вредительская работа в основных отраслях оборонной промышленности, в текущем и мобилизационном планировании, на транспорте, в сельском хозяйстве; создание

мощной диверсионной сети на военное время как из числа поляков, так и, в значительной степени, за счет различных непольских элементов.

6. Контактирование и объединение диверсионно-шпионских и иных активных антисоветских действий с троцкистским центром и его периферией, с организацией правых предателей, с белорусскими и украинскими националистами на основе совместной подготовки свержения Советской власти и расчленения СССР.

7. Прямой контакт и соглашение с руководителем военно-фашистского заговора предателем Тухачевским в целях срыва подготовки Красной Армии к войне и для открытия нашего фронта полякам во время войны.

8. Глубокое внедрение участников организации в компартию Польши, полный захват в свои руки руководящих органов партии и польской секции ИККИ, провокаторская работа по разложению и деморализации партии, срыв единого и народного фронта в Польше, использование партийных каналов для внедрения шпионов и диверсантов в СССР, работа, направленная на превращение компартии в придаток пилсудчины с целью использования ее влияния для антисоветских действий во время военного нападения Польши на СССР.

9. Полный захват и парализация всей нашей разведывательной и контрразведывательной работы против Польши и систематическое использование проникновения членов организации в ВЧК— ОГПУ—НКВД и Разведупр РККА для активной антисоветской работы.

Основной причиной безнаказанной антисоветской деятельности организации в течение почти 20 лет является то обстоятельство, что почти с самого момента возникновения ВЧК на важнейших участках противопольской работы сидели проникшие в ВЧК крупные польские шпионы — Уншлихт, Мессинг, Пиляр, Медведь, Ольский, Сосновский, Маковский, Логановский, Баранский и ряд других, целиком захвативших в

свои руки всю противопольскую разведывательную и контрразведывательную работу ВЧК-ОГПУ-НКВД.

Возникновение организации и методы внедрения польской агентуры в СССР

«Польская организация войскова» возникла в 1914 году по инициативе и под личным руководством Пилсудского как националистическая организация активных сторонников борьбы за независимость буржуазной Польши, вышколенных в боевых организациях польской социалистической партии (ППС), на которую, главным образом, опирался Пилсудский, и в специальных военных школах, создававшихся им для подготовки костяка будущей польской армии.

Эти школы создавались Пилсудским в 1910–1914 годах в Галиции, где они носили полуконспиративный характер и пользовались субсидиями и практическим содействием со стороны разведывательного отдела австро-венгерского генерального штаба. Еще до империалистической войны в распоряжении Пилсудского находился ряд офицеров австро-венгерской разведывательной службы, обучавших пилсудчиков военному делу, а также технике разведки и диверсии, так как кадры, образовавшие несколько позднее

«ПОВ»,

предназначались для действий в союзе с австро-германской армией на тылах русских войск и для комплектования польских легионов в предвидении войны с царской Россией.

Поэтому уже тогда, помимо территории царской Польши, члены «ПОВ» посылались в Россию, вербовались здесь на месте, исходя из принципа создания своих организаций где только можно, преимущественно в крупных городах, для учета и мобилизации своих людей в целях связи и разведки.

Одновременно «ПОВ» являлась орудием для политической мобилизации Пилсудским сил, участвующих под его руководством в борьбе за независимость Польши. В связи с этим «ПОВ» тайно проникла во все польские политические партии — от крайних левых до крайних правых, всюду вербуя активных деятелей этих партий в свои ряды на базе признания непререкаемости авторитета и личной воли Пилсудского и идеи борьбы за великодержавную Польшу в границах 1772 года.

По этой линии «ПОВ» еще с довоенных лет накапливала богатую практику внутрипартийной и межпартийной провокации, являющейся основным методом пилсудчины в ее борьбе с революционным движением.

Во главе

«ПОВ»

тогда находился центральный штаб, носивший название «Коменда начельна» (сокращенно — «КН»), который руководил деятельностью местных пилсудчиковских организаций, носивших то же название, с добавлением порядкового номера, например, в Белоруссии — «КН-1», на Украине — «КН-3» и т. д. Каждая из этих местных «коменд» представляла собой областной территориальный округ «ПОВ», делящийся на местные комендатуры «ПОВ», количество которых на данной территории определялось в зависимости от местных условий и задач, преследуемых пилсудчиной в данном районе.

В конце 1918 года в связи с образованием Польши, возглавленной Пилсудским как единоличным диктатором со званием «начальника государства», главное командование «ПОВ» в полном составе влилось в генеральный штаб Польши и образовало разведывательный отдел штаба.

В период временного отстранения Пилсудского от власти в Польше (1922–1926) главное командование «ПОВ», в целом устраненное тогда эндеками из правительственных органов Польши и только частично сохранившее все влияние в разведывательном отделе

генерального штаба, продолжало свою диверсионно-разведывательную работу на территории СССР независимо от официальных органов польской разведки и подготавливало новый приход к власти Пилсудского.

После так называемого майского переворота 1926 года, снова приведшего Пилсудского к власти, руководящая головка и актив «ПОВ» заполнили собой всю государственную верхушку и фашистский правительственный аппарат Польши; значительная же часть актива «ПОВ» сохранилась в подполье для борьбы с революционным движением в Польше методами провокации и революционной инспирации, а также, главным образом, для нелегального внедрения различными путями в СССР.

Деятельность конспиративной организации Пилсудского на нашей территории значительно активизируется в 1917 году, когда в связи с событиями империалистической войны в различных пунктах нашей страны скопились значительные квалифицированные кадры приближенных Пилсудского из среды военнопленных легионеров (легионы Пилсудского, сформированные «ПОВ», входили в состав австро-венгерской армии) и беженцев с территории царской Польши, оккупированной тогда немцами.

Таким образом, уже ко времени Октябрьской революции Пилсудский имел в России значительные кадры участников «ПОВ» как из среды местного польского населения, так, главным образом, из среды поляков, эвакуированных из Польши.

Поскольку, однако, основные кадры «ПОВ» времен империалистической войны состояли из людей, более или менее известных своими открытыми польско-патриотическими убеждениями, и учитывая победоносный рост влияния большевистской партии, Пилсудский летом 1917 года предпринял специальные вербовочные меры проникновения в РСДРП (большевиков). В этих целях, по личному указанию Пилсудского, его приближенные развернули широкую вербовочную работу среди польских социал-демократов и в ППС-левице, позднее слившихся и образовавших компартию Польши.

В течение 1917 года находившиеся тогда в Москве и Петрограде члены центрального руководства «ПОВ» — Пристор (впоследствии польский премьер-министр), Пужак (секретарь ЦК МПС), Маковский (член московского комитета ППС, впоследствии пом. нач. КРО ОГПУ и резидент И НО ОГПУ по Польше), Голувко, Юзефовский (волынский воевода), Матушевский (позднее начальник 2-го отдела польского генерального штаба) — вовлекли в «ПОВ» ряд польских социал-демократов и членов ППС-левицы, проникших позднее на видные посты в советский государственный аппарат: Уншлихта (быв. зам. пред. ОГПУ и РВС), Лещинского (секретарь ЦК Компартии Польши), Долецкого (руководитель ТАСС), Бронковского (зам. нач. Разведупра РККА), Муклевича (нач. морских сил РККА, зам. наркома оборонной промышленности), Лонгву (комкор, нач. управления связи РККА) и ряд других, образовавших в 1918 году московский центр «ПОВ» и возглавивших руководство всей деятельностью «ПОВ» на территории СССР.

Одновременно, в начале 1918 года, Пилсудский дал директиву ряду персонально подобранных членов «ПОВ», состоявших в ППС и находившихся в СССР, внедриться в советский государственный аппарат посредством инсценировки своего разрыва в ППС и перехода на советские позиции. К числу таким способом внедрившихся в советскую систему польских агентов относятся: бывший член Московского комитета ППС Логановский М.А. (перед арестом зам. секретаря парткома пищевой промышленности), Маковский, Войтыга (проникшие в КРО и ИНО ОГПУ— НКВД), Баранский (начальник отделения ИНО ОГПУ—НКВД) и ряд других.

Стремясь захватить в свои руки нашу разведывательную и контрразведывательную работу против Польши, Пилсудский, наряду с внедрением в ВЧК указанных выше членов «ПОВ», предпринимает в течение 1919–1920 годов и в последующее время ряд мер к внедрению в ВЧК высококвалифицированных кадровых разведчиков — офицеров 2-го

отдела польского главного штаба, которые при содействии Уншлихта, Пиляра, Мессинга, Медведя и других крупных польских агентов проникли на руководящие должности в советской разведке и контрразведке.

Так, И. И. Сосновский (перед арестом зам. нач. Управления НКВД по Саратовской области), являвшийся в 1919 году эмиссаром Пилсудского и резидентом 2-го отдела польского главного штаба на территории Советской России, получил тогда директиву начальника 2-го отдела майора Матушевского внедриться в аппарат ВЧК. Используя свой арест особым отделом ВЧК летом 1920 года, Сосновский, при содействии Пиляра, инсценировал свой разрыв с польской разведкой и «ПОВ», руководящим деятелем которой он являлся, выдал с разрешения 2-го отдела ПГП ничтожную часть своей сети и внедрился в работу в центральный аппарат ВЧК. Вскоре же Сосновскому удалось внедрить в ВЧК целую группу крупных польских офицеров-разведчиков: подполковника 2-го отдела польгенштаба Витковского (занимавшего должность начальника польского отделения особого отдела ВЧК, перешедшего затем на работу в Наркомтяжпром), Кияковского (нач. англо-романского отделения КРО ВЧК), Роллера (перед арестом — нач. Особого отдела Сталинского края), Бжезовского (зам. нач. Особого отдела Украины) и др.

Ряд других членов «ПОВ», начиная с Бронковского, проникшего при содействии Уншлихта на должность зам. нач. Разведупра РККА, внедрились во всю систему Разведупра, захватили в свои руки и парализовали всю разведывательную работу против Польши (Будкевич — нач. отдела и заграничный резидент), Жбиковский, Шеринский, Фирин, Иодловский, Узданский, Максимов и др.

Одним из видов использования этих крупных польских шпионов на заграничной работе И НО и Разведупра была широкая подставка двойников в состав наших резидентур за границей. В дальнейшем посредством инсценировок провалов подставленные разведкой двойники перебрасывались в СССР для шпион-ско-диверсионной работы.

На ответственные руководящие посты в Красной Армии в разное время проникли и работали польские агенты: Уншлихт — зам. пред. РВС, Муклевич — нач. морских сил, Лонгва — нач. Управления связи РККА, Коханский — комкор, Козловский — комиссар ряда частей и многие другие польские агенты, проникшие в самые различные части РККА.

Основной кадр польских агентов, проникших в Наркоминдел, создал работавший в нем в период 1925–1931 годов Логановский, причем и здесь польская агентура концентрировалась на участке работы НКИД, связанной с Польшей (референтами по Польше были шпионы Морштын, Кониц), и ряде других важнейших направлений (полпред Бродовский, полпред Гайкис, полпред Карский).

Захватив с давних пор руководящие органы компартии Польши и польскую секцию ИККИ в свои руки, «ПОВ» систематически перебрасывала своих участников — шпионов и диверсантов в СССР

под видом политических эмигрантов и обмениваемых политзаключенных,

специально инсценируя аресты и осуждения членов «ПОВ», проникших в компартию.

Независимо от «ПОВ» метод переброски шпионов в СССР под видом политэмигрантов широко использовался польской политической полицией (дефензивой), имеющей в компартиях Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии значительные по количеству кадры своей провокаторской агентуры из среды польских, белорусских, украинских националистов, проникших в различные революционные организации.

Одновременно различные органы польской разведки (преимущественно местные аппараты 2-го отдела польглавштаба — виленская и львовская экспозитуры, пограничные разведывательные пункты-разведпляцувки, политическая полиция тыловых и

пограничных районов Польши) систематически, в массовом масштабе, перебрасывают в СССР шпионов и диверсантов

под видом перебежчиков.

Преступные цели своего прибытия в СССР эти «перебежчики» прикрывали различными мотивами и предлогами (дезертирство с военной службы, бегство от полицейского преследования, от безработицы — в поисках заработка, для совместного проживания с родственниками и т. д.).

Как сейчас выясняется, польские шпионы и диверсанты, перебрасываемые в СССР под видом перебежчиков, несмотря на наличие у них самостоятельных путей связи с Польшей, в ряде случаев связывались на нашей территории с участниками «ПОВ», действовали под их руководством, а масса перебежчиков в целом являлась для организации источником активных кадров.

Ряд квалифицированных польских шпионов, переброшенных в СССР под видом перебежчиков — солдат, дезертировавших из польской армии, оседали в Саратовской области, где действовали польские агенты Пиляр и Сосновский.

Политэмигранты и перебежчики образуют костяк диверсионной сети поляков в промышленности и на транспорте, комплектующий диверсионные кадры из среды местных националистов-поляков, что наиболее важно, за счет самых различных непольских, глубоко законспирированных антисоветских элементов.

Организацию «ПОВ» на Украине возглавлял Лазоверт (Госарбитр УССР), под руководством которого находился частично ликвидированный в 1933 году центр «ПОВ» на Украине (Скарбек, Политур, Вишневский), а в Белоруссии — Бенек (наркомзем БССР), который, так же, как и Лазоверт, являлся участником московского центра «ПОВ» с 1918 года.

Подготовка антисоветского переворота в первый период революции

Первый этап активной деятельности «ПОВ» в Советской России включает в себя действия, направленные в начале 1918 года к срыву Брестского мира и подготовке вместе с бухаринцами и левыми эсерами антисоветского переворота, с целью втянуть Советскую Россию в продолжение войны с Германией, поскольку к тому времени Пилсудский уже переориентировался на Антанту и направлял деятельность своих организаций по директивам французского штаба.

Члены организации — Уншлихт, Лещинский и Долецкий, вместе с Бухариным и левыми эсерами разработали план ареста Совнаркома во главе с Лениным. В этих целях Пестковский, по поручению Уншлихта, установил связь с представителем французской разведки в Москве генералом Ляверń и руководством левых эсеров; Бобинский сколачивал вооруженные отряды для участия в левоэсеровском восстании; в польских частях, сохранившихся от времени Керенского, велась работа по подготовке их провокационного военного выступления против немецких войск на демаркационной линии.

Потерпев неудачу в осуществлении плана антисоветского переворота и возобновления войны с Германией, московская организация «ПОВ», действуя по директивам Ляверня и нелегально прибывшего на советскую территорию адъютанта Пилсудского — видного члена «ПОВ» Венявы-Длугошевского, переключилась на подготовку интервенции против Советской России, создавая под видом формирования польских частей Красной Армии свою вооруженную силу.

Сформировавшаяся в конце 1918 года так называемая Западная стрелковая дивизия, укомплектованная преимущественно поляками, была в своей командной головке целиком захвачена членами «ПОВ» (комдивы Маковский и Лонгва, комиссары Лазоверт и Славинский, комбриги Маевский и Длусский, комиссары бригад Сцибор, Грузель и Черницкий, командиры полков, — все без изъятия были членами «ПОВ»), создававшими группы «ПОВ» в различных частях дивизии.

Пораженческая работа в период советско-польской войны

Основным полем деятельности московской организации

«ПОВ»

с начала 1919 года становится Западный фронт, где организация, используя пребывание ряда своих участников на руководящих постах в штабе фронта (Уншлихт — член РВС фронта, Муклевич — комиссар штаба фронта, Сташевский — начальник разведывательного отдела штаба фронта, Будкевич — комиссар штаба 16-й армии), в Особом отделе фронта (Медведь, Ольский, Поличкевич, Чацкий), в правительственных органах Белоруссии (Циховский — председатель ЦИКа Литбелреспублики), широко развернула работу, направленную к поражению Красной Армии и облегчению захвата поляками Белоруссии.

Первым, наиболее крупным актом деятельности организации на фронтах была сдача Вильно полякам, совершенная Уншлихтом, захватившим в свои руки руководство обороной Литбелрес-ублики.

В различных частях Западного фронта организация сконцентрировала значительное количество своих сторонников. Собрав их из различных местностей страны под видом мобилизации поляков-коммунистов на фронт, насадила своих людей в различные советские учреждения фронта и возглавила работу местной организации «ПОВ» в Белоруссии («КН-1»), созданной поляками независимо от московского центра.

В дальнейшем, во время советско-польской войны, организация под руководством Уншлихта не только снабжала польское командование всеми важнейшими сведениями о планах и действиях нашей армии на Западном фронте (Уншлихт передал полякам план наступления на Варшаву), но проводила планомерную работу по влиянию на оперативные планы фронта в нужном для поляков направлении и развернула широкую диверсионно-повстанческую работу на тылах Западного фронта.

В свете установленных сейчас следствием фактов совершенно несомненно, что ликвидируемая организация «ПОВ» во главе с Уншлихтом сыграла крупную роль в деле срыва наступления Красной Армии на Варшаву.

Фашистская националистическая работа среди польского населения СССР

В период гражданской войны, наряду с диверсионно-повстан-ческой деятельностью, широкую националистическую работу среди местного польского населения вели созданные независимо от московского центра

«ПОВ»

местные организации

«ПОВ»

в Белоруссии («КН-1»), на Украине («КН-3»), в Сибири и др. местах.

После окончания советско-польской войны местные организации «ПОВ» перестраиваются в соответствии с условиями мирного времени, и руководство всей их антисоветской деятельностью сосредоточивается в московском центре «ПОВ», который развернул широкую, ведущуюся до сих пор фашистскую националистическую работу среди польского населения СССР.

Особенно активно с конца 1920 года начинается широкое внедрение польской агентуры на руководящие посты всей системы партийно-советских учреждений по работе среди польского населения СССР и использование этой системы для проведения работы «ПОВ».

Члены «ПОВ» Гельтман и Нейман проникают на должности секретарей польбюро при ЦК ВКП(б), Вноровский, Вонсовский, Мазепус — в польбюро ЦК КП(б) Белоруссии,

Скарбек, Лазоверт и другие — в польбюро ЦК КП(б) Украины, Домбаль — редактором газеты «Трибуна Радзецка» в Москве, Принц и Жарский — редакторами польской газеты в Минске, другие члены «ПОВ» захватывают руководство в редакциях польских газет на Украине, в польсекциях Наркомпросов, а также польские издательства, техникумы, школы и клубы в различных местностях СССР.

Пользуясь по своему служебному положению правом распределения кадров, Гельтман и Нейман направляли из Москвы членов «ПОВ», прикрывавшихся партбилетами, на партийную, культурно-просветительную, педагогическую, хозяйственную работу в самые различные районы СССР, где только есть польское население, не только на Украину, в Белоруссию и Ленинград, но и на Урал, в Сибирь, ДВК — где польская разведка ведет активную, не вскрытую до сих пор работу в контакте с японской разведкой.

Свое внедрение в эту систему партийно-советских учреждений организация активно использовала для создания местных низовых групп

«ПОВ»

и разворачивания широкой шовинистической и полонизаторской работы, продолжающейся до сих пор и имеющей своей целью подготовку прежде всего диверсионно-по-встанческих кадров и вооруженных антисоветских выступлений на случай войны.

Эти же цели преследовались созданием под воздействием

«ПОВ»

польских национальных сельсоветов и районов в пограничной полосе, зачастую в местностях с меньшинством польского населения, что также обеспечивало «ПОВ» одну из возможностей полонизаторской работы среди украинцев и белорусов-католиков.

Свое проникновение в систему советско-партийных учреждений по работе среди польского населения «ПОВ» широко использовала для проведения всесторонней шпионской работы через свою массовую агентуру в различных местностях страны.

Использование польской разведкой троцкистской и иных антисоветских организаций

В своей практической диверсионной, шпионской, террористической и пораженческой работе на территории СССР польская разведка широко использует прежде всего троцкистских наймитов и правых предателей.

В 1931 году Уншлихт и Муклевич, связавшись с антисоветским троцкистским центром в лице Пятакова, а затем и с Каменевым, договорились с ними о совместной вредительской подрывной работе членов «ПОВ» и троцкистов-зиновьевцев в народном хозяйстве страны и, в частности, в военной промышленности.

В сентябре 1932 года Уншлихт вошел в контакт также с центром правых предателей, получив согласие Бухарина на объединение диверсионно-вредительской работы правых и «ПОВ».

Наконец, в 1933 году с ведома Пятакова Уншлихт связывается с изменником Тухачевским, получает от него информацию о его сношениях с германскими фашистами и договаривается с ним о совместных действиях, направленных к ликвидации советской власти и реставрации капитализма в СССР. Уншлихт договорился с Тухачевским о снабжении последним польской разведки важнейшими шпионскими сведениями по РККА и об открытии полякам нашего Западного фронта в случае войны.

Все местные организации «ПОВ» вели антисоветскую работу в теснейшей связи с троцкистами, правыми и различными антисоветскими националистическими организациями на Украине, в Белоруссии и др. местах.

Шпионская работа польской разведки в СССР

Независимо от шпионской работы своей низовки, московский центр «ПОВ» осуществлял, вплоть до ликвидации, систематическое снабжение польской разведки всеми важнейшими сведениями о военном, экономическом и политическом положении СССР, включая оперативно-мобилизационные материалы штаба РККА, к которым Уншлихт, Муклевич, Будкевич, Бронковский, Лонгва и другие участники московского центра имели доступ по своему служебному положению.

Параллельно этому московским центром «ПОВ» и резидентами 2-го отдела ПГШ велась крупная вербовка шпионов из среды непольских элементов. Уншлихт, например, в 1932 году завербовал для польской разведки начальника Артиллерийского управления РККА Ефимова и получал от него исчерпывающие сведения о состоянии артиллерийского вооружения Красной Армии. Другой участник московского центра «ПОВ» Пестковский провел ряд вербовок в Коминтерне, научных институтах и других учреждениях, причем вербовал большей частью неполяков непосредственно для польской разведки как таковой, и только в некоторых случаях прямо в «ПОВ», поскольку варшавский центр санкционировал организацию включать в отдельных случаях в «ПОВ» также и непольские элементы (русских, украинцев). Крупную шпионскую сеть в Наркоминделе создал Логановский.

Особенно большую вербовочную работу провели резидент 2-го отдела
ПГШ
И. Сосновский и его заместитель по резидентуре подполковник 2-го отдела В. Витковский.

Сосновский завербовал и использовал для польской разведки пом. нач. Разведупра РККА Карина (оказавшегося немецким агентом с 1916 года), пом. нач. Разведупра РККА Мейера, помощника прокурора СССР Прусса, зам. нач. Дмитровского лагеря НКВД Пузицкого и ряд других лиц, занимавших ответственные должности в РККА, ОГПУ—НКВД и центральных правительственных учреждениях.

В. Витковский, внедренный Сосновским в ВЧК в 1920 году, был позднее переброшен для шпионской работы на транспорте и руководящих органах народного хозяйства, где он ко времени ареста создал крупную диверсионно-шпионскую сеть, состоявшую преимущественно из специалистов. Серьезным накалом проникновения в Красную Армию польской шпионской агентуры, сохранившейся в ней до сих пор, была существовавшая в Москве с 1920 по 1927 год так называемая школа Красных коммунаров, именовавшаяся перед расформированием объединенной военной школой им. Уншлихта.

Эта военная школа, особенно в первый период своего существования, комплектовалась за счет поляков, направляющихся в нее, главным образом, польским бюро при центральных и местных партийных органах.

Проникшие в польбюро члены «ПОВ» направляли в школу участников организации, а также кадровых агентов польской разведки, оставшихся в СССР под видом не желающих возвращаться в Польшу военнопленных периода советско-польской войны или прибывших под видом перебежчиков; в самой же школе существовала крепкая группа «ПОВ», проводившая самостоятельную вербовочную работу.

Школа готовила командный состав пехотной, кавалерийской и артиллерийской специальностей, направлявшийся в самые различные части РККА, куда, естественно, попадали и оканчивавшие школу польские шпионы.

Связь с Варшавой осуществлялась организацией регулярно, с применением самых различных и многообразных способов.

В СССР систематически приезжали видные представители варшавского центра «ПОВ» и 2-го отдела Польглавштаба, которые связывались здесь с Уншлихтом, Пестковским, Сосновским, Витковским, Бортновским и др.

Эти представители приезжали в СССР под разными официальными предлогами (в качестве дипкурьеров, для ревизий польских дипучреждений, по коммерческим делам), под личными прикрытиями (в качестве туристов, для свидания с родственниками, транзитом, а также нелегально). Специально для постоянной связи с Сосновским и Ольским в составе польского военного атташата в Москве находились командированные из Варшавы приближенные к Пилсудскому офицеры 2-го отдела ПГШ Ковальский и Кобылянский, встречи с которыми были легализованы путем проведения фиктивных вербовок их Ольским и Сосновским для ОГПУ.

Ряд членов организации имел конспиративную связь с польским военным атташатом в Москве и другими членами посольской резидентуры (Висляк, Будкевич, Домбал, Науискайтис, Кобиц и др.).

Другие участники «ПОВ», пробравшиеся на должности, дававшие им возможность официальных встреч с составом иностранных посольств, пользовались этими встречами для разведывательной связи (Логановский — на официальных приемах, Морштын — по работе в НКИД, Пестковский — в различных польско-советских комиссиях и т. д.).

Члены организации, находившиеся на заграничной, советской официальной или негласной работе, связывались там с представителями «ПОВ» и 2-го отдела

ПГШ

(Логановский, Баранский и др. в Варшаве, Боржозовский Г. — в Финляндии, Чехословакии и Японии, Лещинский — в Копенгагене, Будкевич — во Франции и т. д.).

Наконец, у ряда крупных резидентов (Сосновский, Пестковский) существовали сложные шифры и пароли для связи.

Через все эти каналы связи в Варшаву систематически передавались все добывающиеся шпионские сведения и информация о деятельности организации, а из главного центра «ПОВ» и 2-го отдела

ПГШ

получались денежные средства и директивы о направлении активной деятельности организации.

Вредительская и диверсионная работа польской разведки в народном хозяйстве СССР

Сразу же после окончания гражданской войны польская разведка через московский центр «ПОВ» и по другим параллельным линиям начала вредительскую работу, направленную в первый период к срыву восстановления промышленности СССР.

В 1925 году приезжавший в Москву представитель варшавского центра «ПОВ» М. Сокольницкий передал Уншлихту директиву об усилении вредительской работы, дополненную вскоре указанием о переходе к диверсионным действиям.

В соответствии с этими директивами московский центр «ПОВ» развернул и осуществлял вплоть до своей ликвидации широкую диверсионно-вредительскую деятельность, направленную к подрыву обороноспособности СССР.

Ряд виднейших членов «ПОВ» был внедрен в руководящие органы РККА и РККФ, а также в гражданские учреждения, ведавшие вопросами обороны страны (штат РККА, Управление военно-морских сил, сектора обороны, транспорта и металлургии Госплана СССР, Главморпром и др.).

В 1925 году при штабе РККА был сформирован военно-экономический отдел Мобилизационного управления.

На руководящую работу в этот период был внедрен член «ПОВ» С. Ботнер, являвшийся одновременно участником действовавшей на военно-научном участке польской шпионско-вре-дительской группы Горбатюка.

Совместно с последним Ботнер С. О. развернул в Мобупре штаба РККА серьезную вредительскую работу, рассчитанную на подготовку поражения Советского Союза в предстоящей войне.

Так, при разработке мобилизационных проблем, группа посредством перенесения центра внимания на вопросы обеспечения тыла вредительски срезала заявки самой армии на военное время как якобы завышенные. Сроки мобилизационного развертывания промышленности удлинялись до года и более, что, по существу, оставляло ряд предприятий неподготовленными к обороне. Разрешение вопросов обеспечения Красной Армии военной техникой и усовершенствования последней систематически срывались.

В 1927 году был создан сектор обороны Госплана СССР, которому принадлежит крупнейшая роль в деле подготовки обороны страны, мобилизации промышленности и транспорта.

Чтобы захватить в свои руки этот важнейший участок, московский центр «ПОВ» внедрил на руководящую работу в сектор обороны Госплана сначала упомянутого выше Ботнера, а затем, при его и Уншлихта содействии, туда проникли члены «ПОВ» Колесинский В. А., Муклевич Анна, Шеринский Заслав и др., а в 1931 году и сам Уншлихт, занимавший пост зам. председателя Госплана СССР. Эти лица, в свою очередь, вовлекли вновь в организацию ряд ответственных работников сектора обороны.

В своей практической деятельности организация стремилась прежде всего подорвать развитие военной промышленности.

Первоначально члены организации открыто выступали против строительства военных заводов под прикрытием того, что это дорого и непосильно, вредительски рекомендуя военное производство налаживать в гражданской промышленности.

В этой своей деятельности Уншлихт, Колесинский, Ботнер и другие блокировались с антисоветской троцкистской группировкой Смилги в ВСНХ.

В дальнейшем от рискованных открытых выступлений против военного строительства организация перешла к более замаскированным методам подрыва советской оборонной базы.

При проработке в секторе обороны Госплана СССР планов капитального строительства военной промышленности члены организации умышленно распыляли средства по многим строительным объектам и не обеспечивали нужными средствами решающие стройки. В результате строительство военных заводов растягивалось на длительные сроки, создавалась некомплектность в мощности отдельных цехов, поощрялась практика беспроектного строительства.

В этом отношении особенно характерен срыв строительства и реконструкции снаряжательных заводов, направленный в сочетании с другими вредительскими действиями к созданию «снарядного голода» на время войны.

В ряде районов, например, на Урале, были построены только снарядные заводы, снаряжательные же отсутствовали. Это приводило и приводит к тому, что производство корпусов снарядов находится на расстоянии нескольких тысяч километров от мест, где они могут получить снаряжение. В тех же случаях, когда строительство снаряжательных заводов все-таки велось, разворот его сознательно тормозился, а обслуживающее снаряжательные заводы хозяйство (вода, пар, энергия, канализация) дезорганизовывалось.

Также намеренно срывалось строительство и реконструкция заводов производства корпусов снарядов. Уншлихт, Колесинский, Ботнер в практическом контакте с троцкистской организацией в промышленности (Пятаков, Смилга, Ерман, Крожевский) намеренно запутывали мощность этих заводов, затягивали их строительство и реконструкцию.

Аналогичное положение имело место и с производством по-рохов. При проработке в секторе обороны Госплана плана строительства новых пороховых заводов, Уншлихт, Колесинский, Ботнер принимали и проводили в жизнь вредительские установки Ратайчака, в частности расчеты мощностей по устаревшим нормам. Одновременно с этим вредительство шло по линии задержек строительства новых объектов (например, Алексинского порохового комбината Московской области), дезорганизации обслуживающего хозяйства пороховых заводов и срыва реконструкции старых пороховых заводов (Казанского № 40, им. Косякова № 44 и др.).

По линии планирования же организация проводила умышленное занижение планов потребности в металлах для военных заказов, давала ложные, заведомо преуменьшенные сведения о производственных мощностях военной промышленности, доказывая, что планы заказов военведа для военной промышленности невыполнимы, максимально сокращала мобилизационные заказы военведа и НКПС, в результате чего из года в год росло недовыполнение программ оборонного строительства и недобор мобилизационных запасов.

Планы обеспечения мобилизуемой промышленности рабочей силой вовсе не разрабатывались в течение ряда лет.

Несмотря на дефицит в обеспечении военных производств цветными металлами в военное время, мероприятия по замене цветных металлов тормозились так же, как и развитие промышленности редких металлов.

Отдельные участки мобилизационной подготовки в секторе обороны Госплана СССР намеренно оставлялись заброшенными, в частности мобилизационная подготовка в области здравоохранения и в области сельского хозяйства.

Лично Уншлихт, при помощи завербованного им для польской разведки троцкиста Епифанова, провел значительную вредительскую работу в транспортном секторе Госплана СССР.

Эти вредительские действия были направлены к дезорганизации завоза сырья на заводы, срыву выпуска готовой продукции и осуществлялись путем установления намеренно заниженных норм и показателей. Необходимый ремонт транспорта систематически срывался путем урезки заявок НКПС на металл. Ликвидация узких мест транспорта искусственно тормозилась путем вредительского распределения ассигнований при утверждении титульных списков капитальных работ на транспорте.

План мобилизационных перевозок на железнодорожном транспорте в течение длительного периода времени составлялся так, что с объявлением войны хозяйственные перевозки должны были почти вовсе прекратиться, что означало срыв мобилизации промышленности и нормальной жизни тыла страны.

Серьезнейшая вредительско-диверсионная работа была проведена в системе военно-морского флота и Главморпрома одним из руководителей «ПОВ» Муклевичем Р. А.

С момента своего назначения начальником морских сил РККФ в 1925 г., Муклевич начал энергично сколачивать антисоветские кадры для использования их в работе «ПОВ».

Муклевич привлек к вредительской работе своего заместителя зиновьевца Куркова П. И., входившего в антисоветскую организацию в морском флоте, и через него использовал эту группировку в интересах «ПОВ».

Вредительская работа Муклевича во флоте началась с торможения строительства торпедных катеров, сторожевых кораблей и

первой серии подводных лодок. Проектирование этих судов Муклевич поручил Игнатьеву, возглавлявшему группу вредителей в научно-техническом комитете. Утвержденные Реввоенсоветом сроки проектирования и строительства этих судов самовольно нарушались и изменялись. Заложенные на стапелях суда по нескольку раз расклепывались и перекладывались заново. Заказы на оборудование размещались несвоевременно и некомплектно.

Перейдя в 1934 г. на должность начальника Главморпрома, Муклевич и там сформировал вредительско-диверсионную организацию, не теряя одновременно контакта с антисоветской организацией в РККФ.

Во вредительскую организацию в системе морского судостроения Муклевич вовлек более двадцати руководящих работников судостроительной промышленности из числа троцкистов, зиновьевцев и антисоветски настроенных специалистов. С их помощью Муклевич развернул широкую вредительскую и диверсионную деятельность в Главморпроме и на заводах судостроительной промышленности.

В результате этой деятельности задержаны строительство и сдача военведу ряда судов и подводных лодок. В частности, путем задержки производства дизелей сорвана сдача в текущем году подводных лодок для Дальнего Востока. В подлодке «Малютка» вредительски увеличен габарит, лишающий возможности перевозить ее по железной дороге. Сорвано строительство серийных эсминцев. На лидерах-эсминцах корпус корабля сделан слишком легким, что мешает использованию кормовой артиллерии. На крейсерах зенитная артиллерия размещена так, что не может быть одновременно введена в бой. Сорвана подготовка стапелей для закладки линкоров на Николаевских заводах.

По договоренности с антисоветской организацией РККФ испытание уже готовых кораблей систематически тормозилось, и они не вводились в строй.

Наряду с широким вредительством Муклевич подготовлял и диверсионные акты.

Так, в частности, по указанию Муклевича члены организации в промышленности морского судостроения Стрельцов и Бродский должны были организовать вывод из строя больших стапелей Балтийского судостроительного завода. Эту диверсию намечено было осуществить либо путем устройства замыкания электрических проводов, которые в большом количестве имеются на окружающих стапеля лесах, либо путем организации взрыва. Однако осуществить эту диверсию Муклевичу не удалось.

Также подготовлялся вывод из строя ряда крупных военных заводов в Ленинграде, в том числе часть агрегатов Кировского

завода, помощник директора которого, Лео Марковский, также являлся членом «ПОВ».

Диверсионные группы на крупнейших авиационных (завод № 22, Пермский авиазавод и др.) и артиллерийских заводах (им. Молотова, «Баррикады», Тульский, киевский «Арсенал»), в химической промышленности были созданы Логановским, Будняком, Артамоновым, Баранским и др.

Крупнейшую базу для диверсионной сети в промышленности составляют перебежчики и эмигранты из Польши, осевшие преимущественно на Урале и в Сибири. Поскольку, однако, за последние годы велась чистка основных оборонных предприятий от этих категорий, польская разведка и

«ПОВ»

в целях создания особо законспирированной диверсионной сети вербовала различные непольские элементы, работающие в оборонной промышленности и не разоблаченные до сих пор.

Диверсионная работа польской разведки на транспорте концентрировалась преимущественно на железных дорогах западного театра войны и Сибирской магистрали, главным образом на Уральском участке, с целью отрезать Дальний Восток от центральной части Союза. Однако вскрытие польских диверсионных групп на транспорте до сих пор совершенно не развернуто.

В ряде случаев, в целях проверки готовности созданной на военное время диверсионной сети, организация производила в ряде мест диверсионные акты.

Так, участник организации

«ПОВ»

в Днепропетровской области Вейхт, по директиве украинского центра

«ПОВ»,

произвел диверсионный акт на Каменской электростанции, при котором станция была полностью уничтожена.

Террористическая работа польской разведки

По директивам из Варшавы Уншлихт, Пестковский, Маковский, Домбаль, Висляк, Матушевский и другие, вместе с троцкистами, вели подготовку центральных террористических актов.

Так, например, Матушевский создал в аппарате московской милиции группу «ПОВ», вовлек в нее вместе с Шипровским (быв. секретарь парткома милиции) большое количество работников милиции (в том числе и не поляков), проводивших свою подрывную деятельность на различных участках милицейской службы (наружная служба, связь, охрана метро, комвуз милиции).

По директивам Домбаля, Матушевский и Шипровский готовили центральные террористические акты, используя нахождение участников группы на охране объектов, посещаемых членами правительства.

Завербованный Сосновским в Саратове польский агент Касперский (редактор областной газеты «Коммунист») входил в состав троцкистской организации, был связан с саратовским краевым троцкистским центром наряду с участием в его диверсион-но-вредительской работе (диверсионная группа на заводе комбайнов, свинцовых аккумуляторов, заводе 195 и др.), включился в подготовку центральных террористических актов.

В деловом контакте с краевым троцкистским центром находились также Сосновский и Пиляр, сам участвовавший в подготовке террористических актов.

Саратовская группа «ПОВ», через того же Касперского, находилась в связи с антисоветской организацией правых в Саратове.

Ликвидируемый сейчас филиал «ПОВ» в Днепропетровской области вел подготовку центральных терактов совместно с троц-кистско-зиновьевской организацией в Днепродзержинске, с которой контактировал также свою диверсионно-вредительскую работу.

Наряду с террористической работой в настоящее время московский центр «ПОВ» имел директиву подготовить ряд боевых групп для совершения центральных террористических актов в момент военного нападения на СССР.

Работу по созданию таких групп вел член московского центра «ПОВ» Пестковский.

Вредительство в советской разведывательной и контрразведывательной работе

После окончания советско-польской войны, основной кадр организации возвращается в Москву и, используя пребывание Уншлихта на должностях зампреда ВЧК—ОГПУ, а затем зампреда РВС, разворачивает работу по захвату под свое влияние решающих участков деятельности ВЧК—ОГПУ (Пиляр — нач. КРО ВЧК, Сосновский и его группа — в КРО ВЧК, Ольский— пред. ГПУ Белоруссии, Ихновский — нач. ЭКУ ОГПУ, Медведь — председатель МЧК, позднее сменил Мессинга на посту ПП ОГПУ в ЛВО, Логановский, Баранский и ряд других — в системе ИНО ВЧК-ОГПУ-НКВД) и Разведупра РККА (Бортновский и др.).

Работа организации в системе ВЧК—ОГПУ—НКВД и Разведупре РККА в течение всех лет направлялась, в основном, по следующим линиям:

1. Полная парализация нашей контрразведывательной работы против Польши, обеспечение безнаказанной успешной работы польской разведки в СССР, облегчение проникновения и

легализации польской агентуры на территорию СССР и различных участках народно-хозяйственной жизни страны.

Пиляр, Ольский, Сосновский и другие в Москве, Белоруссии; Мессинг, Медведь, Янишевский, Сендзиковский и другие в Ленинграде — систематически срывали мероприятия наших органов против польской разведки, сохраняли от разгрома местные организации «ПОВ», предупреждая группы и отдельных членов

«ПОВ»

об имеющихся материалах, готовящихся операциях, консервировали и уничтожали поступавшие от честных агентов сведения о деятельности «ПОВ», заполняли агентурно-осведомитель-ную сеть двойниками, работавшими на поляков, не допускали арестов, прекращали дела.

2. Захват и парализация всей разведывательной работы НКВД и Разведупра РККА против Польши, широкое и планомерное дезинформирование нас и использование нашего разведывательного аппарата за границей для снабжения польской разведки нужными ей сведениями о других странах и для антисоветских действий на международной арене.

Так, член

«ПОВ»

Сташевский, назначенный Уншлихтом на закордонную работу, использовал свое пребывание в Берлине в 1932 году для поддержки Брандлера в целях срыва и разгрома пролетарского восстания в Германии, действуя при этом по прямым директивам Уншлихта.

Член «ПОВ» Жибковский, направленный Бронковским на закордонную работу Разведупра РККА, вел провокационную работу в целях осложнения взаимоотношений СССР с Англией.

По директивам Уншлихта члены организации Логановский и Баранский использовали свое пребывание по линии

ИНО

в Варшаве в период отстранения Пилсудского от власти для создания под прикрытием имени ОГПУ диверсионных пилсудчиковских организаций, действовавших против тогдашнего правительства эндеков в Польше, и готовили от имени резидентуры ИНО провокационное покушение на французского маршала Фоша во время его приезда в Польшу в целях срыва установления нормальных дипломатических отношений между Францией и СССР.

3. Использование положения членов «ПОВ» в ВЧК—ОГПУ— НКВД для глубокой антисоветской работы и вербовки шпионов.

Эмиссар Пилсудского и резидент 2-го отдела

ПГШ

И. Сосновский широко использовал свое положение в органах для установления контакта с различными, преимущественно националистическими антисоветскими элементами и возглавил их подрывную деятельность в Закавказье, Средней Азии и других местах.

Однако едва ли не самый большой вред нанесла нам теория и практика пассивности в контрразведывательной работе, упорно и

систематически проводившаяся польскими шпионами, проникшими в ВЧК-ОГПУ-НКВД.

Пользуясь захватом в свои руки руководящих постов в нашем контрразведывательном аппарате, польские шпионы сводили всю его работу к узко оборонительным мероприятиям на нашей территории, не допускали работы по проникновению нашей контрразведывательной агентуры в центры иностранных разведок и других активно наступательных контрразведывательных действий.

Срывая и не допуская основного метода контрразведывательной работы, заключающегося в перенесении нашей борьбы против иностранных разведок на их собственные территории, польские шпионы в наших органах достигли такого положения, при котором советская контрразведка из органа, которому пролетарским государством поручена борьба против иностранных разведок и их деятельности в целом, была на ряд прошедших лет превращена в беспомощный аппарат, гоняющийся за отдельными мелкими шпионами.

В тех же случаях, когда попытки контрразведывательного выхода за кордон делались, они использовались польской разведкой либо для внедрения своей крупной агентуры в СССР (дело Савинкова), либо для установления контакта с деятельностью антисоветских элементов и их активизации (дело Москвича-Боярова, проф. Исиченко и др.).

Провокаторская работа польской разведки в Компартии Польши

Проникновение крупной польской агентуры в компартию Польши, польскую секцию ИККИ и в аппарат Коминтерна предопределилось тем обстоятельством, что при образовании в конце 1913 г. компартии Польши в ее руководство автоматически включился ряд крупных членов «ПОВ», ранее состоявших в ППС-левице и польской социал-демократии, объединившихся при образовании компартии.

Независимо от этого руководящая головка «ПОВ» на протяжении всех последующих лет систематически внедряла свою агентуру в ряды компартии посредством различных провокационных мероприятий, одновременно вербовала новую агентуру из числа националистически настроенной интеллигенции, примкнувшей к коммунистическому движению, продвигала эту агентуру в руководящие органы партии, в целях ее разложения и использования в своих интересах, и широко использовала политэмиграцию и обмен политзаключенными для массового внедрения своей агентуры в СССР.

Примером крупнейшей политической провокации пилсудчины является созданная «ПОВ» в 1919 г. так называемая оппозиция ППС, руководство которой, во главе с Барским, Лянде-Витков-ским, Витольдом Штурм де Штремом, состояло из крупнейших провокаторов. Имея первоначально своей задачей не допустить отход революционизирующихся элементов от ППС к компартии, «оппозиция», не будучи в состоянии удержать под своим влиянием рабочие массы, отколовшиеся от ППС в 1920 г., влилась вместе с ними в компартию Польши и захватила там ряд руководящих постов.

Другим, наиболее крупным актом широкой политической провокации уже внутри компартии Польши со стороны пилсудчиков, проникших в ее руководство, является использование влияния компартии в массах во время майского переворота Пилсудского в 1926 г., когда эти провокаторы выдвинули и осуществили политику поддержки компартией пилсудчиковского переворота.

Предвидя, что та часть членов «ПОВ», проникших в руководство компартии Польши и прямо работавших над использованием компартии для содействия пилсудчиковскому перевороту (Варский, Костржева, Краевский, Лянде-Витковский), будет этим скомпрометирована и отстранена от руководства, «ПОВ» держала в резерве другую группу членов «ПОВ» (во главе с Лещинским), которая внешне находилась в стороне от содействия перевороту 1926 г. и предназначалась для захвата руководства КПП после провала группы Барского.

После майского переворота, в целях отвлечения рабочих масс от противодействия установлению Пилсудским нового фашистского режима и для ослабления и разложения компартии изнутри, «ПОВ» разработала и провела план широкой фракционной борьбы между группой Лещинского (т. н. меньшинство в КПП) и группой Барского — Костржевы (т. н. большинство). Обеим группам «ПОВ» удалось втянуть в фракционную борьбу партийные массы и надолго парализовать работу партии.

В итоге руководство партией удалось захватить группе «ПОВ», возглавляемой членом московского центра «ПОВ» Лещинским, сосредоточившим свою работу над дальнейшим разложением партии и торможением революционного движения в Польше.

В последние годы все усилия варшавского и московского центра «ПОВ» в отношении их работы внутри компартии Польши были направлены к срыву единого и народного фронта в Польше и, главным образом, к подготовке использования компартии для антисоветских действий во время военного нападения Польши на СССР.

В этом направлении Уншлихтом и Лещинским велась специальная работа по использованию партийных каналов для службы связи польской разведки во время войны, и был разработан план ряда политических провокационных мероприятий (предъявление ультиматумов Коминтерну и ВКП(б)) от имени компартии Польши о неприкосновенности «польской независимости», выпуск антисоветских воззваний к рабочему классу Польши, раскол партии и т. д.

Начиная с 1920 г., и особенно широко после майского переворота, «ПОВ» использует каналы компартии польской секции Коминтерна, в которую проникли такие крупные члены «ПОВ», как Сохацкий-Братковский, Лещинский, Прухняк, Бергинский, Бронковский и ряд других, — для систематической широкой переброски в СССР диверсионно-шпионской агентуры различного масштаба под видом политэмигрантов и политзаключенных. Так, под видом политзаключенных в СССР были переброшены польские шпионы Пиляр, Будзинский, Науискайтис, Высоцкий, Домбаль, Белевский; в качестве политэмигрантов — Висляк, Генрих Ляуэр (руководил сектором металлургии Госплана СССР), Здзярский, Генриховский, Бжозовский и многие десятки и сотни других шпионов, проникших на самые различные участки государственного аппарата, промышленности, транспорта и сельского хозяйства СССР.

Не только одна компартия Польши использовалась как прикрытие для шпионов и диверсантов. Агентура польской разведки перебрасывалась в СССР также под прикрытием принадлежности к компартиям Западной Белоруссии, Западной Украины и других революционных организаций, в самое возникновение которых польская разведка включалась в провокационных целях.

Так, например, существовавшая в свое время т. н. Белорусская громада — массовая крестьянская организация в Западной Белоруссии — была активно использована польской разведкой и фашистской организацией белорусских националистов, существующей в Вильно, для разгрома крестьянского движения в Западной Белоруссии и переброски своей агентуры в СССР.

Такая же массовая организация как независимая крестьянская партия (незалежная партия хлопска) в коренной Польше была создана крупнейшим провокатором-офицером 2-го отдела ПГШ Воевудским специально для перехвата движения революционизирующегося польского крестьянства и также использования для переброски агентуры в СССР под видом «крестьянских» деятелей, спасающихся от полицейского преследования.

Все материалы следствия по настоящему делу с исчерпывающей несомненностью доказывают, что подавляющее, абсолютное

большинство т. н. политэмигрантов из Польши являются либо участниками «ПОВ» (выходцы из коренной Польши, в том числе польские евреи), либо агентами 2-го отдела

ПГШ

или политической полиции (поляки, украинцы, белорусы и др.).

Антисоветская работа польской разведки в Белоруссии и других местностях СССР

Организация «ПОВ» в Белоруссии, возглавлявшаяся в последнее время членом московского центра «ПОВ» Бенеком, членами минского центра «ПОВ» Вонсовским, Клысом, кроме того, по многим каналам руководимая Пиляром, Сосновским, Гельманом, Домбалем, установила органические связи с организацией белорусских национал-фашистов, троцкистским подпольем и антисоветской организацией правых, в результате чего в Белоруссии существовал единый антисоветский заговор во главе с Червяковым, Гололедом, Бенеком.

Объединенное подполье развернуло в Белоруссии широкую вредительскую и разрушительную работу, увязанную с военными планами польско-немецких генеральных штабов.

Подрывной работой объединенного подполья были поражены все отрасли народного хозяйства Белоруссии: транспорт, планирование, топливно-энергетическое хозяйство, строительство новых предприятий, все отрасли легкой промышленности, сельское хозяйство, строительство совхозов.

На протяжении нескольких последних лет объединенное подполье, путем искусственного распространения инфекционных заболеваний (менингит, анемия, чума), провело большую работу по уничтожению поголовья свиней, конского поголовья в Белоруссии, в результате чего только за один 1936 г. было уничтожено по БССР свыше 30 тыс. лошадей.

В процессе своей работы по подготовке захвата БССР поляками, объединенное подполье выдвинуло и попыталось осуществить вредительский проект осушения полесских болот, являющихся естественным препятствием против наступательных действий польской армии. В то же время Домбаль, проводивший разработку проектов «Большого Днепра» во вредительском духе, включил в план работы прорытие в Белоруссии глубоководного канала, предназначенного для открытия доступа военным судам поляков на советскую территорию.

Одновременно с вредительской работой в сельском хозяйстве БССР объединенное подполье вело активную работу по подготовке повстанческих кадров и вооруженного антисоветского восстания, широко практикуя различные методы искусственного

возбуждения недовольства населения против Советской власти (планомерные «перегибы» при проведении различных хозяйственных кампаний на селе, переобложение, незаконные массовые конфискации за неуплату налогов и т. д.).

Осуществляя связь с Польшей по многим каналам (через московский центр «ПОВ», Минское польское консульство, виленский центр белорусских национал-фашистов со 2-м отделом

ПГШ

непосредственно), объединенное подполье вело в БССР всестороннюю шпионскую работу, имея ряд своих связей в частях Белорусского военного округа и в контакте с военно-фашистской группой изменника Тухачевского, в лице участника этой группы Уборевича.

По прямому поручению Зиновьева троцкист Гессен организовал из участников объединенного подполья террористическую группу, которая готовила покушение против т. Ворошилова во время его пребывания в Минске осенью 1936 г.

Свою работу по ликвидации руководящей головки антисоветского объединенного подполья в Белоруссии НКВД БССР развернул на основе минимальных данных, полученных в начальной стадии следствия в Москве, и передопроса арестованных ранее

белорусских национал-фашистов, показав этим умелое оперативное использование небольших исходных данных для разгрома организующих сил врага.

Совершенно неудовлетворительно шла до сих пор работа по ликвидации «ПОВ» в ДВК, Сибири, Свердловской и Челябинской областях и на Украине. Имея в период 1933–1935 гг. исключительно большие возможности для вскрытия подполья (аресты группы Скарбека, Стасяка-Конецкого), аппарат НКВД Украины не развернул тогда следствия до необходимого предела полного разоблачения деятельности

«ПОВ»

на Украине, чем и воспользовался сидевший тогда в Особом отделе центра шпион Сосновский для провокации провала вообще.

Рассылая при этом сборники протоколов допросов Уншлихта и других арестованных, предлагаю ознакомить с настоящим письмом всех начальников оперативных отделов ГУГБ и руководящих работников третьих отделов.

Народный комиссар внутренних дел СССР

генеральный комиссар госуд. безопасности

Н. Ежов

Верно:

Оперсекретарь ГУГБ НКВД СССР

комбриг

Ульмер».

Архив Управления МВД Украины Харьковской области. Коллекция документов. С. 89—136. Машинопись. Копия.

«Передать в НКВД…»

Существовало ли тогда в СССР контрреволюционное подполье? Несомненно, и это подтверждается документальными источниками. Правда, иногда поиск врагов превосходил все возможные границы. Как вот в этом случае.

15 декабря 1937 года. Заседает Бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б).

Слушали: Об изготовлении маслобоек с лопастями, которые имели вид фашистской свастики.

Постановили: 1. Принять к сведению заявление наркома оборонной промышленности М. М. Кагановича, что в месячный срок лопасти маслобоек, имеющих вид фашистской свастики, будут изъяты и заменены новыми.

2. Дело о конструировании, изготовлении и неприятии мер к прекращению производства маслобоек, лопасти которых имели вид фашистской свастики, — передать в НКВД.

Результаты голосования: за — Шкирятов, за — Ярославский.

Как возник вопрос? В результате политической бдительности, проявленной простым советским хозяйственником.

Цитирую источник:

«Заместителю пред. КПК при ЦК ВКП(б)

тов. М. Ф. Шкирятову

Об использовании маслобоек, лопасти которых имеют вид фашистской свастики

9-го августа с. г. в КПК обратился упр. Московской обл. конторы Метизсбыта тов. Глазко с образцом маслобойки, изготовленной на заводе № 29, лопасти которой имеют вид фашистской свастики.

Проверка установила:

Маслобойка конструирована в тресте ширпотреба ГУАПа старшим инженером Тучашвили. Цех ширпотреба завода № 29 (нач. цеха Краузе, по национальности немец, член ВКП(б) с 1924 г.) добавил вторую лопасть, установив ее перпендикулярно первой. В результате расположение лопастей приобрело вид фашистской свастики. Конструкцию маслобойки утвердил тов. Тарский (нач. треста ширпотреба ГУАПа — член ВКП(б) с 1925 года).

Заводом № 29 за 1936 год по указанному образцу изготовлено 23 247 маслобоек и за 1937 г. 32 516 шт. На изготовление их израсходовано около 70 тонн дорогостоящего металла, в то время как можно было употребить пластмассу, дерево и т. д.

В 1936 г. на завод ездил зам. нач. треста ширпотреба ГУАП тов. Борозденко (член ВКП(б) с 1926 г., сейчас работает на заводе № 22), которому тов. Краузе заявил, что лопасти маслобойки похожи на фашистскую свастику. Тов. Борозденко, вместо исправления расположения лопастей, которые даже с технической точки зрения нецелесообразны, ответил: «Лишь бы рабочему классу было хорошо, не обращай внимания».

Несмотря на ряд сигналов ни руководство завода № 29 (т. Александров), ни руководство треста ширпотреба ГУАПа (т. Тарский) до вмешательства КПК не приняли мер к изъятию и прекращению выпуска маслобоек, лопасти которых имели вид фашистской свастики.

Выпуск маслобоек, лопасти которых имеют вид фашистской свастики, считаю вражеским делом. Прошу передать все это дело в НКВД.

Проект постановления прилагается.

Рук. группы Тяжпрома КПК
Васильев

15 октября 1937 г.».
ЦХСД. Ф. 6. On. 1. Д. 79. Л. 64. Подлинник.

«Чаще пользуйтесь лупой»

«Приказ № 39 по Главному Управлению по делам
литературы и издательств
14 февраля 1935 г.

Секретно

ВСЕМ НАЧАЛЬНИКАМ КРАЙОБЛЛИТОВ, НАЧАЛЬНИКАМ ГЛАВЛИТОВ АССР, НАЧАЛЬНИКАМ ГЛАВЛИТОВ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК, УПОЛНОМОЧЕННЫМ ГЛАВЛИТА

§ 1.

Классовая борьба в области литературы и искусства за последнее время принимает все новые и новые формы. В частности, на ИЗО-фронте Главлитом обнаружены умело замаскированные вылазки классового врага. Путем различного сочетания красок, света и

теней, штрихов, контуров, замаскированных по методу «загадочных рисунков», протаскивается явно контрреволюционное содержание.

Как замаскированная контрреволюционная вылазка квалифицирована символическая картина художника Н. Михайлова «У гроба Кирова», где посредством сочетания света и теней и красок были даны очертания скелета.

То же обнаружено сейчас на выпущенных Снабтехиздатом этикетках для консервных банок (вместо куска мяса в бобах — голова человека).

§ 2.

Исходя из вышеизложенного — ПРИКАЗЫВАЮ:

Всем цензорам, имеющим отношение к плакатам, картинам, этикеткам, фотомонтажам и проч. — установить самый тщательный просмотр этой продукции, не ограничиваться вниманием к внешнему политическому содержанию и общехудожественному уровню, но смотреть особо тщательно все оформление в целом, с разных сторон (контуры, орнаменты, тени и т. д.) чаще прибегая к пользованию лупой.

Во всех случаях малейших сомнений — обязываю цензоров консультироваться в аппарате Главлита (Сектор Худож. Литературы) или сообщать мне и моему заместителю с приложением оригиналов.

Нач. Главлита РСФСР
Б. Волин».

АПРФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 990. Л. П. Заверенная копия.

Волин (Фрадкин) Б. М. (1886–1957).

В 1931–1935 годах начальник Главлита. В 1936–1938 годах первый заместитель наркома просвещения РСФСР.

Обстановку шпиономании и всеобщей подозрительности нагнетали в основном мелкие служащие. Примитивные, недалекие в своем большинстве, они нахватались терминологии своих начальников и проявляли в этом деле невиданное рвение. Всюду им мерещились злые умыслы, происки классовых врагов.

История, о которой речь пойдет ниже, приобрела особо гротескную форму.

«т. СТАЛИНУ т. КАГАНОВИЧУ

16 октября сотрудница Особого сектора т. Сентарецкая вскрывала поступившие за день письма и заявления на имя т. Сталина.

В одном из вскрытых ею пакетов вместо письма оказался небольшой кусок массы коричневого цвета, по внешнему виду — экскременты. При вскрытии этого пакета — по словам т. Сентарецкой и других сотрудников — распространился сильный запах.

Взволновавшаяся и расстроенная т. Сентарецкая, схватив массу, вынесла ее в уборную, где и выбросила в унитаз. По выходе из уборной у т. Сентарецкой, по ее словам, закружилась голова. Войдя в комнату, она упала на пол, ударившись затылком. Придя в себя через несколько минут, она заявила, что ничего не видит.

Вызванный врач, осмотрев т. Сентарецкую и не найдя никаких признаков каких-либо повреждений, заявил о необходимости помещения т. Сентарецкой в больницу для дальнейших наблюдений и исследований.

После этого т. Сентарецкая была направлена в Кремлевскую больницу, а конверт с остатками пятен от массы отправлен для исследования в лабораторию НКВД.

По данным медицинского заключения (прилагается) и наблюдений в больнице выясняется, что слепота т. Сентарецкой является якобы на почве истерии и не вызвана действием химических веществ.

В настоящее время, начиная с 22 октября, зрение постепенно к ней возвращается.

В отношении предохранительных мероприятий для сотрудников, работающих по вскрытию писем, приняты следующие меры:

1. Вскрывающие почту снабжены резиновыми перчатками, которые должны одевать при вскрытии писем.
2. Приобретен запас различных дезинфицирующих средств. 26.Х. 35 г.

Зав. ОС ЦК ВКП(б)
(Поскребышев)».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 65. Л. 25–26. Подлинник, машинопись.

На документе резолюция: «Тт. Молотову, Андрееву, Микояну.
Каганович».

Сталин не оставил никаких следов своего ознакомления с докладной запиской Поскребышева. Наверное, с досадой отмахнулся от мышиной возни серых людишек в своем аппарате. Документ завизировали Молотов, Андреев, Микоян.

«Народному комиссару внутренних дел Союза С. С. Р. тов. Ягода
Рапорт

16-го октября с. г. в особый сектор ЦК ВКП(б) поступило адресованное «Кремль, тов. Сталину» иногороднее письмо, опущенное 13 октября в почтовый ящик вне Москвы.

Сотрудница 5-й части особого сектора ЦК ВКП(б) тов. Сентарецкая — чл. ВКП(б), производившая вскрытие почты и, в частности, вскрывшая это письмо, обнаружила в конверте завернутое в бумагу вещество, которое она приняла по внешнему виду за экскременты. Поскольку это вещество издавало запах гвоздики, она показала его заведующему 5-й части сектора тов. Селицкому и его заместителю тов. Кабашкину. Оба они осмотрели вещество, ощутили запах гвоздики, и т. Кабашкин велел Сентарецкой выбросить в уборную находящееся в конверте вещество. Сентарецкая, вернувшись из уборной, куда она ходила

выбрасывать это вещество, приступила к работе, но через несколько минут заявила, что чувствует себя плохо, попыталась встать со стула, но упала без сознания, ударившись при падении головой об пол. Когда после первой помощи к Сентарецкой вернулось сознание, она начала жаловаться на помутнение зрения, а затем на слепоту.

Сентарецкая была немедленно отправлена в кремлевскую больницу, где ей была оказана необходимая медицинская помощь и где она была подвергнута всестороннему исследованию. Профессор Авербах М. О., приват-доцент Раппопорт М. Ю., зам. главного врача кремлевской больницы Коген Б. Е. и врач-невропатолог Теппер Е. В., производившие исследование, пришли к заключению (о чем составили акт), что внезапная слепота — истерического характера и что каких-либо симптомов органического заболевания системы глаз и зрительных путей, объясняющих внезапно развившуюся слепоту, нет.

Научно-исследовательский институт санитарии и 13-е отд. коммунистического госпиталя РККА, куда мы обратились за проверкой этого заключения, подтвердили его и составили акт в том, что внезапная слепота не может быть объяснена влиянием известных институту химических веществ.

В настоящее время зрение у Сентарецкой постепенно восстанавливается и уже близко к норме.

Так как бумага с завернутым в нее веществом была выброшена в уборную, поэтому мы подвергли всестороннему исследованию только оставшийся конверт. Исследование

производилось начальником 1-го отдела научно-исследовательского химического института РККА тов. Удрисом, который не обнаружил на конверте признаков какого-либо химического отравляющего вещества.

Дальнейшее расследование, которое ведет Особый отдел, затрудняется, так как на конверте стерт почтовый штемпель пункта отправления и трудно установить город, откуда письмо было отправлено.

Зам. нач. Оперода ГУГБ НКВД
(Волович)

27 октября 1935 г.».
Там же. Л. 29–31. Подлинник, машинопись.
Копия
Начальник 1 отдела
Научно-исследовательского химического института РККА 17.X. 1935 г.
При осмотре конверта обнаружилось:

В конверте следов вещества совершенно не сохранилось, и возможность применения химического анализа т. о. исключена.

Конверт издает слабый запах, отд&тенно напоминающий запах экскрементов или мясных изделий (кишок, идущих на изг. колбасы, или т. п.).

Можно предположить, что содержавшийся в конверте препарат (по всей вероятности, он был завернут еще в другую бумагу) животного происхождения, однако это ни в какой степени нельзя считать доказанным.

Нач. 1 отдела НИХИ РККА
(подпись)

Там же. Л. 32. Копия, машинопись.

Глава 5
СТАЛИН И ВОЕННЫЕ (1937 год)

Пленум ЦК ВКП(б)
23 февраля — 5 марта 1937 г.
Стенографический отчет
Выступление К. Е. Ворошилова (нарком обороны СССР)
Председательствующий (Андреев). Слово имеет тов. Ворошилов.

Ворошилов.

Товарищи! Доклады тт. Молотова и Кагановича, вчерашнее выступление тов. Ежова со всей ясностью, как прожектором, осветили подрывную работу наших классовых врагов и показали, как глубоко проникли они в поры нашего социалистического хозяйства и государственного аппарата.

Выбирая наиболее чувствительные места, важнейшие пункты в нашем социалистическом строительстве, враг не брезговал никакими средствами, чтобы, поражая их, подрывать народнохозяйственный организм, наносить вред всему социалистическому строительству. НКПС, Наркомтяжпром, Наркомлегпром, Наркомпищепром и другие наркоматы — все они были и, к сожалению, в какой-то мере, очевидно, продолжают еще

быть пораженными вредительской работой японо-немецких, троцкистско-зиновьев-ских шпионов и диверсантов.

В своих выступлениях товарищи наркомы и работники наркоматов честно пытались анализировать, вскрыть причины проникновения врага в недра нашего социалистического строительства. Все выступавшие обещали работать по-иному, так, чтобы в будущем не только не допустить врага в наиболее важные участки хозяйства и госаппарата, но и вообще лишить его какой ни было возможности вредить и мешать нам в социалистическом строительстве.

Будет очень хорошо, товарищи, если мы данные здесь Пленуму Центрального Комитета обещания сумеем выполнить хотя бы, скажем, на 95 проц. Мне думается, что пройдет немало времени, прежде чем мы по-настоящему эти обещания реализуем. Благодушие, зазнайство, желание почить на лаврах, о чем товарищ Сталин часто нам говорит, все это и многое, многое другое тяжелым грузом тащится за нами. Это шоры на наших глазах, мешающие видеть вокруг себя все, что надлежит видеть руководителю и всякому истинному коммунисту. Но помимо всего этого есть ряд других причин, способствующих проникновению врага в наши ряды и способствующих его подлой подрывной работе. В частности, я имею в виду следующий, казалось бы, маловажный, однако имеющий большое значение фактор.

Все наркоматы в той или иной степени являются заказчиками и исполнителями заказов. В процессе деловых связей, в ходе выполнения заказов отношения между ответственными людьми наркоматов выливаются нередко в недопустимые трения, а то и прямо в склоки.

Это обстоятельство, я в этом глубочайше убежден, является же одним из наиболее удобных прикрытий, ширмой для врага, диверсанта, вредителя, шпиона.

Голоса.
Правильно.

Ворошилов. Я
не хочу быть голословным. Здесь присутствует тов. Павлуновский, который в свое время нес ответственность за производство артиллерийского вооружения для армии. У нас с ним были часто споры по различным конкретным и серьезным вопросам. Но был и до сих пор остается один очень большой спор на протяжении ряда лет по тяжелой восьмидюймовой гаубице «Б-4», изготовляемой на Ленинградском артиллерийском заводе «Большевик». Все требования наших приемщиков, инженеров и других работников артиллерийского управления, все указания на неблагополучие в производстве этой гаубицы, на невыполнение условий договора и технических требований заказчика — все это работники завода встречали в штыки. Больше того, они доказывали, что именно военные приемщики и работники артиллерийского управления являются причиной того, что дело с производством гаубицы идет плохо, что, дескать, они предъявляют новые требования, вносят изменения в систему и прочее. Создалась такая обстановка, что пришлось вмешаться правительству. Но дело было нарочито так запутано, что разобраться во всем этом было очень трудно.

Что же вскрылось теперь? А вскрылось вот что: главный конструктор, который всю эту работу вел, оказался не только организатором большого вредительства в артиллерийской работе завода «Большевик», но и матерым немецким шпионом. Этот господин сам теперь во всем признался. Он обещает, если ему будет дарована жизнь, все вредительские акты исправить как по указанной тяжелой гаубице, так и по другим артиллерийским системам.

Вот видите, товарищи, в то время как мы с дирекцией завода «Большевик» и с тов. Павлуновским пререкались и устраивали

драчки, шпионы и диверсанты делали свое черное дело. Оно и понятно. Наши ведомственные склоки и петушиные бои — лучшая ширма для вредителя, диверсанта и шпиона. Враг ловко использует «конъюнктуру» и, делая глазки начальству, наносит свои предательские удары по наиболее чувствительным местам.

Можно было бы привести еще целый ряд подобных примеров.

И вот, товарищи, теперь, когда мы обещаем работать по-другому, по-большевистски, давайте учтем и этот фактор. Необходимо впредь требования со стороны заказчиков рассматривать не как неприятное предъявление к исполнителям заказов каких-то назойливых претензий, а как выполнение партийных и государственных обязанностей. Мы не имеем права забывать, что каждый из нас выполняет волю партии на том посту, на который назначен. Поэтому отношения между нами должны быть не только нормально деловыми, но обязательно и товарищескими, коммунистическими. При этих условиях не будет места ведомственным драчкам. При этих условиях будет затруднено проникновение врага туда, куда он проникать не должен.

Голоса.

Правильно.

Ворошилов.

Я думаю, что это правило должно быть обязательным для всех нас при установлении новых форм и методов большевистской ленинско-сталинской работы на будущее время. Это тоже одно из условий, могущих препятствовать проникновению врагов в наше народное хозяйство и государственные органы.

Разрешите перейти теперь к военному ведомству.

Лазарь Моисеевич перед тем, как я пошел на трибуну, сказал мне: «Посмотрим, как ты будешь себя критиковать, это очень интересно».

(Общий смех.)

Я ему сказал, что мне критиковать себя очень трудно, и совсем не потому, что я не люблю самокритики, особенно больших любителей самокритики, впрочем, среди всех нас немного найдется

(смех),

— я тоже не особенный, так сказать, любитель, но я большевик, член ЦК, и мне не пристало бояться нашей партийной критики.

Но положение мое, Лазарь Моисеевич, несколько особое. И потому, что я представляю армию, — это имеет «кое-какое» значение, — и потому, что в армии к настоящему моменту, к счастью, вскрыто пока не так много врагов. Говорю — к счастью, надеясь, что в Красной Армии врагов вообще немного.

Так оно и должно быть, ибо в армию партия посылает лучшие свои кадры; страна выделяет самых здоровых и крепких людей.

Что собой представляют вскрытые НКВД в армии враги, представители фашистских японо-немецких, троцкистских банд? Это в своем большинстве высший начсостав, это лица, занимавшие высокие командные посты. Кроме этой сравнительно небольшой

группы вскрыты также отдельные небольшие группы вредителей из среды старшего и низшего начсостава в разных звеньях военного аппарата. Я далек, разумеется,

от мысли, что в армии везде и все обстоит благополучно. Нет, совсем не исключено, что в армию проникли подлые враги в гораздо большем количестве, чем мы пока об этом знаем.

Рабоче- Крестьянская Красная Армия в настоящее время представляет собой громадную индустриализированную, если можно так выразиться, организацию. Армия располагает колоссальным автомобильным и танковым парком, с огромной массой самых разнообразных машин. Мы имеем могущественную авиацию и большую насыщенность артиллерией всех родов войск. Армия располагает большим количеством разных инженерных и химических частей. Я уже не говорю о морском флоте, где все основано на технике. Во всех этих родах войск очень много всевозможных военных специалистов. Разумеется, враг не может не пытаться проникнуть туда для вредительской и диверсионной работы. Но, повторяю, к настоящему моменту среди личного состава РККА вскрыта пока небольшая по численности (о качестве я буду говорить позже) группа людей, которая вела свою подлую контрреволюционную работу.

Товарищи! Не взыщите, если я сделаю самый короткий экскурс в недалекую нашу историю, для того чтобы было понятнее, откуда появились в Красной Армии эти мерзкие предатели, арестованные сейчас органами НКВД.

Троцкий еще в 1920–1921 годах, когда он пошел открытым походом на Ленина, на нашу партию, пытался опереться на кадры армии. Он считал тогда, что имеет в армии прочную базу и достаточное количество своих сторонников, чтобы начать бои с нашей артией по всем правилам военного искусства. Он просчитался и не мог не просчитаться, Троцкий был слишком далек от нашей партии, он только что в нее вступил и не знал ее, не верил в силы, заложенные в партии, рабочем классе, не понимал основ, на которых покоилась мощь и партии, и всей ленинской политики.

На этом этапе своей вражьей вылазки против партии и Ленина Троцкий был разбит. Но он не сложил оружия, а повел углубленную подрывную работу. И к 1923 году ему удалось — об этом нужно прямо сказать — с помощью своей агентуры добиться немалых успехов в Красной Армии.

В 1923–1924 годах троцкисты имели за собой, как вы помните, об этом помнить следует, почти весь Московский гарнизон. Военная академия почти целиком, школа

ВЦИК,

артиллерийская лкола, а также большинство других частей гарнизона Москвы были тогда за Троцкого.

Дурачки, шпионы и диверсанты делали свое черное дело. Оно и понятно. Наши ведомственные склоки и петушиные бои — лучшая ширма для вредителя, диверсанта и шпиона. Враг ловко использует «конъюнктуру» и, делая глазки начальству, наносит свои предательские удары по наиболее чувствительным местам.

Можно было бы привести еще целый ряд подобных примеров.

И вот, товарищи, теперь, когда мы обещаем работать по-другому, по-большевистски, давайте учтем и этот фактор. Необходимо впредь требования со стороны заказчиков рассматривать не как неприятное предъявление к исполнителям заказов каких-то назойливых претензий, а как выполнение партийных и государственных обязанностей. Мы не имеем права забывать, что каждый из нас выполняет волю партии на том посту, на который назначен. Поэтому отношения между нами должны быть не только нормально деловыми, но обязательно и товарищескими, коммунистическими. При этих условиях не будет места ведомственным драчкам. При этих условиях будет затруднено проникновение врага туда, куда он проникать не должен.

Голоса.

Правильно.

Ворошилов.

Я думаю, что это правило должно быть обязательным для всех нас при установлении новых форм и методов большевистской ленинско-сталинской работы на будущее время. Это тоже одно из условий, могущих препятствовать проникновению врагов в наше народное хозяйство и государственные органы.

Разрешите перейти теперь к военному ведомству.

Лазарь Моисеевич перед тем, как я пошел на трибуну, сказал мне: «Посмотрим, как ты будешь себя критиковать, это очень интересно».

(Общий смех.)

Я ему сказал, что мне критиковать себя очень трудно, и совсем не потому, что я не люблю самокритики, особенно больших любителей самокритики, впрочем, среди всех нас немного найдется

(смех),

— я тоже не особенный, так сказать, любитель, но я большевик, член ЦК, и мне не пристало бояться нашей партийной критики.

Но положение мое, Лазарь Моисеевич, несколько особое. И потому, что я представляю армию, — это имеет «кое-какое» значение, — и потому, что в армии к настоящему моменту, к счастью, вскрыто пока не так много врагов. Говорю — к счастью, надеясь, что в Красной Армии врагов вообще немного.

Так оно и должно быть, ибо в армию партия посылает лучшие свои кадры; страна выделяет самых здоровых и крепких людей.

Что собой представляют вскрытые НКВД в армии враги, представители фашистских японо-немецких, троцкистских банд? Это в своем большинстве высший начсостав, это лица, занимавшие высокие командные посты. Кроме этой сравнительно небольшой группы вскрыты также отдельные небольшие группы вредителей из среды старшего и низшего начсостава в разных звеньях военного аппарата. Я далек, разумеется, от мысли, что в армии везде и все обстоит благополучно. Нет, совсем не исключено, что в армию проникли подлые враги в гораздо большем количестве, чем мы пока об этом знаем.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия в настоящее время представляет собой громадную индустриализированную, если можно так выразиться, организацию. Армия располагает колоссальным автомобильным и танковым парком, с огромной массой самых разнообразных машин. Мы имеем могущественную авиацию и большую насыщенность артиллерией всех родов войск. Армия располагает большим количеством разных инженерных и химических частей. Я уже не говорю о морском флоте, где все основано на технике. Во всех этих родах войск очень много всевозможных военных специалистов. Разумеется, враг не может не пытаться проникнуть туда для вредительской и диверсионной работы. Но, повторяю, к настоящему моменту среди личного состава РККА вскрыта пока небольшая по численности (о качестве я буду говорить позже) группа людей, которая вела свою подлую контрреволюционную работу.

Товарищи! Не взыщите, если я сделаю самый короткий экскурс в недалекую нашу историю, для того чтобы было понятнее, откуда появились в Красной Армии эти мерзкие предатели, арестованные сейчас органами НКВД.

Троцкий еще в 1920–1921 годах, когда он пошел открытым походом на Ленина, на нашу партию, пытался опереться на кадры армии. Он считал тогда, что имеет в армии прочную базу и достаточное количество своих сторонников, чтобы начать бои с нашей партией по всем правилам военного искусства. Он просчитался и не мог не просчитаться, Троцкий был слишком далек от нашей партии, он только что в нее вступил и не знал ее, не

верил в силы, заложенные в партии, рабочем классе, не понимал основ, на которых покоилась мощь и партии, и всей ленинской политики.

На этом этапе своей вражьей вылазки против партии и Ленина Троцкий был разбит. Но он не сложил оружия, а повел углубленную подрывную работу. И к 1923 году ему удалось — об этом нужно прямо сказать — с помощью своей агентуры добиться немалых успехов в Красной Армии.

В 1923–1924 годах троцкисты имели за собой, как вы помните, об этом помнить следует, почти весь Московский гарнизон. Военная академия почти целиком, школа

ВЦИК,

артиллерийская кола, а также большинство других частей гарнизона Москвы были тогда за Троцкого.

Гамарник. И

штаб Московского округа, где сидел Муралов, был за Троцкого.

Ворошилов.

Правильно. Троцкий пошел тогда в атаку на больного Ленина, а фактически на тов. Сталина. Но усилиями настоящих большевиков, главным образом тов. Сталина, Троцкий и на этом этапе был разбит наголову.

Нелишне напомнить, товарищи, потому что многие, присутствующие здесь, в то время не были членами ЦК ВКП(б), что в тот момент, когда в конце 1923 и начале 1924 года Троцкий попытался нанести предательский удар нашей партии, Красной Армии как боевой вооруженной силы, способной вести войну с внешним врагом, не существовало. Троцкий, будучи еще Нарком-военмором, и его агентура в армии и вне ее больше всего думали не об армии и задачах, стоящих перед нею, а о том, как бы поудобней рассадить своих людей для свержения партийного и государственного руководства. Если вы развернете протоколы ЦК ВКП(б) за февраль и апрель 1924 года, то из доклада тов. Гусева — председателя спец. комиссии ЦК и ЦКК ВКП(б), созданной для изучения вопросов текучести и состояния армии, — выступлений тов. Сталина и других товарищей узнаете о полном развале Красной Армии. Армии как боеспособной силы в то время не существовало. Это было единодушное мнение всех военных специалистов и ответственных военных работников. Того же мнения были все командующие военных округов. Зато в армии сложились крупные группы троцкистов, которые, используя свое служебное положение, вели ожесточенную, дикую борьбу с партией и ее руководством.

При жизни Ленина Троцкий в роли Наркомвоенмора дважды пытался свергнуть партийное руководство, навязать партии свою политическую линию и руководство и обараза был беспощадно бит. Но он и не думал складывать оружия, особенно после смерти великого Ленина.

В 1925–1927 гг. Троцкий во главе своей окончательно сложившейся организационно и квалифицированной качественно группы в последний раз пошел на партию. К этому времени все военные гарнизоны были твердо за партию и против Троцкого. Только Ленинград представлял исключение. Тогдашнее ленинградское партруководство — Зиновьев и его присные Евдокимов, Бакаев, Залуцкий и другие — изменили партии. Они пошли за контрреволюционером Троцким. В этот последний раз, когда Троцкий вместе со своими новыми подручными Зиновьевым и Каменевым был не только побит, но и выброшен из наших рядов как открытый враг, он оставил и в стране, и в армии кое-какие кадры своих единомышленников. Правда, количественно

эти кадры были мизерны, но качественно они представляли известное значение. Вот к этим кадрам относятся и те господа, которые ныне себя снова проявили в армии уже по-новому, как открытые, подлые враги, как наемные убийцы.

Что представляют собой эти изменники и предатели персонально, кто они такие? Это, во-первых, комкоры Примаков и Пуша, оба виднейшие представители старых троцкистских кадров. Это, во-вторых, комкор Туровский, который, не будучи в прошлом троцкистом, тем не менее, невзирая на отрицание пока своей виновности, очевидно, в скрытом виде, тоже является сочленом троцкистской банды.

Далее идут комдивы Шмидт и Саблин, комбриг Зюк, полковник Карпель и майор Кузьмичев.

Следовательно, к настоящему времени в армии арестовано 6 человек комсостава в «генеральских» чинах: Примаков, Путна, Туровский, Шмидт, Саблин, Зюк и, кроме того, полковник Карпель и майор Кузьмичев. Помимо этой группы командиров арестовано несколько человек инженеров, преподавателей и других лиц начальствующего состава «рангом и калибром» пониже.

Небезынтересно, что собою представляют эти господа с точки зрения их политической физиономии и морального облика. Чтобы охарактеризовать их с этой стороны, я позволю себе прочитать только пару писем этих наглецов, и вам будет ясно, на какие подлости способны эти люди.

Вот, например, начальник штаба авиабригады Кузьмичев. Он только майор, по-старому подполковник, «чин» небольшой, но по стажу борьбы с партией это очень заядлый троцкист. Кузьмичев в свое время был секретарем у Примакова, был тесно с ним связан, принимал активное участие в троцкистских вылазках против партии с 1923 по 1927 год.

Этот Кузьмичев, будучи арестован, обращается ко мне через органы Наркомвнудела с письмом, в котором пытается доказать свою невиновность. И пишет так, что даже ваши закаленные сердца не могут не…

Голос.
Не дрогнуть.

Ворошилов.
Да, не могут не дрогнуть. Вы увидите, к чему вся эта писанина свелась. Он пишет:

«Народному Комиссару Обороны тов. Ворошилову.

Меня обвиняют в том, что я якобы являюсь членом контрреволюционной троцкистской террористической группы, готовил покушение на Вашу жизнь.

Мое заявление о том, что я ничего по этому делу не знаю, рассматривается как запирательство и нежелание давать показания.

Основания не верить мне имеются, ибо я в 1926–1928 гг. входил в контрреволюционную троцкистскую организацию…»

Уже врет. В троцкистскую организацию он входил и в 1923–1924 гг. — об этом, как видите, Кузьмичев умалчивает.

«Начиная с 1929 года, — продолжает Кузьмичев, — я старался всеми мерами загладить свою вину перед партией. В Вашем лице я всегда видел не только вождя Красной Армии, но и чрезвычайно отзывчивого человека. Вашим доверием я обязан факту моего возвращения в РККА в 1929 г.…»

Это было действительно так.

«Своими действиями в 1929 году я, мне кажется, оправдал Ваше доверие и, конечно, не без Вашего решения был награжден вторым орденом Красного Знамени».

Это тоже факт.

«В 1931 году, — повествует далее Кузьмичев, — Вашим распоряжением мне представили возможность поступить в Академию.

В 1934 году в связи с болезнью жены, опять-таки не без Вашего участия, меня перевели в условия, где моя жена и ребенок быстро выздоровели.

Вашим решением я обязан той интересной работе, которую я вел последние годы. Именно Вы сделали меня человеком, настоящим членом партии.

Иных чувств, кроме чувства большого уважения и глубокой благодарности, я к Вам иметь не мог.

Как же случилось, что меня зачислили в банду фашистских убийц?

В 1935 году я проездом с Дальнего Востока в Запорожье остановился у Дрейцера — в то время он был членом ВКП(б), носил ордена и являлся зам. начальника Криворожского строительства. Он по телефону мне сообщил, что у него гостил Туровский, который только что уехал, и что сам Дрейцер тоже через 1–2 дня уезжает, поэтому мне можно будет остановиться у него на квартире. Я так и сделал. С Дрейцером мы виделись мало, говорили о работе: я — о своей, он — о своей, и все. С тех пор я его не видел, и уже в тюрьме на очной ставке я от него услышал, что якобы я сам предложил свои услуги для Вашего убийства.

Эту троцкистскую клевету я не могу опровергнуть, все заявления о нелепости чудовищной клеветы, все мои заявления о нелепости чудовищной клеветы, все мои просьбы расследовать обстоятельства моих разговоров ни к чему не привели. Скоро будет суд. По-видимому, меня расстреляют, ибо у меня нет возможности доказать, что никаких контрреволюционных дел у меня с Дрейцером не было.

Может быть, через несколько лет все же троцкисты скажут, зачем оболгали невинного человека, и вот тогда, когда раскроется действительная правда, я Вас прошу восстановить моей семье честное имя. Простите за марание, больше не дают бумаги.

21.
VIII
-36 г.

Кузьмичев
».

Так писал мне господин Кузьмичев 21 августа 1936 года. А вот этот же господин показал на допросе в Наркомвнуделе 1 сентября, стало быть, ровно через 10 дней после этого письма.

Вопрос следователя: «Что вами было практически сделано для подготовки террористического акта над Ворошиловым в осуществление полученного задания от Дрейцера в феврале 1935 года?»

Я очень извиняюсь, товарищи, что вынужден тут занимать вас своей персоной. Читаю это просто для того, чтобы полнее охарактеризовать этого субъекта.

Голоса.
Правильно.

Ворошилов.
Вот как Кузьмичев, добровольно взявший на себя выполнение теракта, отвечает на этот вопрос следователя:

«На маневрах в поле с Ворошиловым мне встретиться не удалось, так как наша часть стояла в районе Белой Церкви, а маневры проходили за Киевом, в направлении города Коростень. Поэтому совершение теракта пришлось отложить до разбора маневров, где предполагалось присутствие Ворошилова».

«Где происходил разбор маневров?»

«В Киевском театре оперы и балета», — отвечает Кузьмичев.

«Каким образом вы попали в театр?» — спрашивает Кузьмичева следователь.

Кузьмичев отвечает: «Прилетев в Киев на самолете, я узнал о том, что билетов для нашей части нет. Комендант театра предложил занять свободные места сзади. Так как я намерен был совершить террористический акт над Ворошиловым во время разбора, я принял меры к подысканию места поближе к сцене, где на трибуне после Якира выступал Ворошилов. Встретив Туровского, я попросил достать мне билет. Через несколько минут Туровский дал мне билет в ложу».

Дальше его спрашивают: «На каком расстоянии вы находились от трибуны?» Кузьмичев отвечает: «Метрах в 15-ти, не больше». И вслед за этим он рассказывает, из какого револьвера должен был стрелять, почему он не стрелял — потому что якобы ему помешали, потому что все присутствующие в ложе его знали, что впереди две ложи были заняты военными атташе и иностранными гостями…

Косиор.

Она несколько сзади, эта ложа.

Ворошилов.

Да, она сзади, и эти две ложи с иностранными гостями несколько заслоняли ложу, в которой разместился этот «стрелок».

Вот, товарищи, облик одного из этих мерзких типов. Когда я впервые прочитал это письмо Кузьмичева, то невольно подумал: может быть, и в самом деле человека оговорили, может быть, парень невиновен. А всего лишь через 10 дней этот предатель пространно излагает, как он проводил свою гнусную работу, как он подготовлял теракты. А разве он рассказал все, разве он до конца вскрыл свою гадкую и предательскую работу? Конечно, нет.

Вот другой тип — Шмидт Дмитрий; этот уже в «генеральском чине», комдив. Он тоже написал мне и тоже апеллирует к моим чувствам.

Вот его письмо.

«Дорогой Климентий Ефремович! Меня арестовали и предъявили чудовищные обвинения, якобы я троцкист. Я клянусь Вам всем для меня дорогим — партией, Красной Армией, что я ни на одну миллионную не имею вины, что всей своей кровью, всеми мыслями принадлежу и отдан только делу партии, делу Сталина. Разберитесь, мой родной, сохраните меня для будущих тяжелых боев под Вашим начальством».

Как видите, в этом, хотя и кратком, письме, но сказано все, ничего не упущено. Предатель Шмидт с достойной двурушника циничностью даже заботится о том, чтобы я был его начальником «в будущих тяжелых боях». А через месяц этот наглец, будучи уличен фактами, сознался во всех своих подлых делах, рассказал во всех подробностях о своей бандитской и контрреволюционной работе.

Я имею письма и от других арестованных: от Туровского, от Примакова. Все они пишут примерно в том же духе. Но ни Примаков, ни Туровский пока не признали своей виновности, хотя об их преступной деятельности имеется огромное количество показаний. Самое большое, в чем они сознаются, это то, что они не любили Ворошилова и Буденного, и каются, что вплоть до 1933 года позволяли себе резко критиковать и меня, и Буденного.

Примаков говорит, что он видел в нас конкурентов, он-де кавалерист, и мы с Буденным тоже кавалеристы.

(Смех.)

Ему, Примакову, видите ли, не давали хода вследствие того, что Буденный и его конноармейцы заняли все видные посты в армии и пр., вследствие чего он был недоволен и фрондировал.

Конечно, это наглая ложь, разумеется, дело совсем не в этом. А дело в том, что именно Примаков — этот воспитатель и вдохновитель кузьмичевых — является, бесспорно, доверенным агентом Троцкого, его главным уполномоченным по работе в армии. Об этом говорят показания почти всех основных бандитов — троцкистов и зиновьевцев. Об этом говорят и Радек, и Сокольников, Пятаков, Смирнов и Дрейцер. Все они довольно подробно

рассказали следственным органам о роли и действиях Примакова. И тем не менее этот субъект запирается и до сих пор не признался в своих подлых преступлениях.

Я не могу не сказать несколько слов и относительно Туровского, тоже крупного работника Красной Армии. Туровский, так же, как и Примаков, запирается, не признает за собой вины. Он признает себя виновным лишь в поддержании связи с Дрейцером и со всей бандой (Шмидт, Зюк, Кузьмичев и др.).

Справедливости ради должен сказать, что в 1927 году, когда мы с Вячеславом Михайловичем и другими товарищами в Ленинграде вели борьбу с троцкистско-зиновьевским блоком, Туровский был в наших рядах, он дрался тогда против зиновьевцев по-настоящему, по-большевистски. Тем не менее я думаю, что он по уши сидит в троцкистской грязи, что показания на него его дружков основаны на правде.

Какие цели и задачи ставила перед собой эта японо-немецкая, троцкистско-шпионская банда в отношении Красной Армии?

Как военные люди они ставили и стратегические, и тактические задачи. Стратегия их заключалась в том, чтобы, формируя троцкистские ячейки, вербуя отдельных лиц, консолидируя силы бывших троцкистов и всякие оппозиционные и недовольные элементы в армии, создавать свои кадры, сидеть до времени смирно и быть готовыми в случае войны действовать так, чтобы Красная Армия потерпела поражение, чтобы можно было повернуть оружие против своего правительства. Тактические цели — это коренная подготовка и проведение террористических актов против вождей партии и членов правительства.

Пятаков, этот кровавый бандит из бандитов, в своих показаниях по поводу планов Троцкого в отношении Красной Армии заявляет следующее:

«Особенно важно, — подчеркивал Троцкий, — иметь связи в Красной Армии. Военное столкновение с капиталистическими государствами неизбежно. Я не сомневаюсь, что исход такого столкновения будет неблагоприятен для сталинского государства. Мы должны быть готовы в этот момент взять власть в свои руки».

И далее Пятаков показывает:

«Что касается войны, то и об этом Троцкий сообщил весьма отчетливо. Война, с его точки зрения, неизбежна в ближайшее время. В этой войне неминуемо поражение «сталинского государгва». Он, Троцкий, считает совершенно необходимым занять в этой войне отчетливо пораженческую позицию. Поражение в войне означает крушение сталинского режима, и именно поэтому Троцкий настаивал на создании ячеек в армии, на расширении гвязей среди командного состава. Он исходил из того, что поражение в войне создаст благоприятную обстановку в армии для возвращения его, Троцкого, к власти. Он считал, что приход к власти блока, безусловно, может быть ускорен военным поражением».

А вот как о том же говорит расстрелянный террорист Пикель, бывший в свое время секретарем Зиновьева.

«На допросе от 4 июля 1936 года вы показали о существовании военной организации, в которой принимали участие связанные с Дрейцером Путна и Шмидт. В чем должна была заключаться их работа?» — спрашивает Пикеля следователь.

Пикель отвечает:

«Все мероприятия троцкистско-зиновьевского центра сводились к организации крупного противогосударственного заговора. На военную организацию возлагалась задача путем глубокой нелегальной работы в армии подготовить к моменту успешного осуществления планов Зиновьева и Каменева немедленный переход власти руководящего командного состава армии на сторону Троцкого, Зиновьева и Каменева и требования командного состава армии отстранить Ворошилова от руководства Красной Армией. Это предполагалось в том случае, если Дмитрию Шмидту до убийства Сталина не удастся убить Ворошилова».

Вот как эти господа намечали развертывание своей предательской работы в армии. Если не удастся троцкистам и зиновьевцам прийти к власти путем устранения руководства партии и советского государства террором, то необходимо выждать и готовиться к войне. А уже во время войны действовать в соответствии с их «стратегическими» планами.

В своих показаниях Д. Шмидт, рассказывая о преступной деятельности троцкистов в армии, говорит примерно то же, что и Пикель.

«Развивая передо мною задачи организации военных троцкистских ячеек в армии, — заявляет Шмидт, — Дрейцер информировал меня о наличии двух вариантов захвата власти:

1) Предполагалось, что после совершения нескольких основных террористических актов над руководством партии и правительства удастся вызвать замешательство оставшегося руководства, благодаря чему троцкисты и зиновьевцы придут к власти;

2) в случае неудачи предполагалось, что троцкистско-зиновьев-ская организация прибегнет к помощи военной силы, организованной троцкистскими ячейками в армии. Исходя из этих установок, Дрейцер в разговоре со мной настаивал на необходимости создания троцкистских ячеек в армии».

Как видите, товарищи, здесь уже более полное обоснование необходимости организации троцкистских ячеек в армии, подчеркивается их значение на случай военного переворота, на случаи вооруженной борьбы за власть.

Пятаков и Радек в своих показаниях также говорят о работе в Красной Армии. И тот, и другой возможность военного переворота в мирных условиях почти исключали, так как считали, что в Красной Армии достаточно твердая и сознательная дисциплина, что армия предана партии, правительству и своему государству. Однако троцкистские, контрреволюционные группы в армии насаждали, видя в них очаги разложения армии и опорные пункты во время войны. Эта сволочь — как вы увидите далее из их же показаний — держала курс на поражение Красной Армии в будущей войне.

Не менее важными представляются показания по этому вопросу Путны. Этого субъекта многие из вас знают. Последнее время он работал за границей. В 1927–1931 гг. Путна был военным атташе в Японии, Финляндии, Германии; затем работал в Киевском в[оенном] о[круге] и на Дальнем Востоке; после этого снова был назначен военным атташе в Англии. На последней должности и был разоблачен органами НКВД.

Еще в 1931 году, будучи в Берлине военным атташе, Путна, связавшись через Смирнова с Седовым, намечал план троцкистской работы в Красной Армии. Вот что он показывает на вопрос следователя о содержании разговора, имевшего место между ним и Седовым.

«Разговор велся тогда по двум направлениям, — говорит Путна, — во-первых, вокруг уже известной мне от Смирнова директивы о терроре и, во-вторых, о настроениях в Красной Армии и перспективах укрепления троцкистского влияния в частях РККА.

Седов подробно меня расспрашивал, кто из троцкистов остался среди комсостава армии, и выразил уверенность, что армия и ее командиры Троцкого помнят».

Касаясь указаний, которые получались разными путями от Троцкого по вопросам целей и задач военной троцкистской организации и работы в Красной Армии, Путна говорит:

«Седов, узнав от меня о моем предстоящем отъезде в СССР, сообщил мне как директиву, что Троцкий считает необходимым снова собрать в организацию всех военных работников-троцкистов. Седов мне назвал Мрачковского, который эту задачу сможет решить, поскольку он еще в 1927 году был руководителем военной группы троцкистов и связи с участниками этой группы хранил. Седов мне тогда передал мнение Троцкого о том, что сильная военная организация троцкистов сможет сыграть решающую роль, если это потребуется в ходе борьбы с руководством ВКП(б)».

И далее:

«Общая и основная задача нашей военной троцкистской организации заключалась в борьбе с руководством ВКП(б) и Красной Армии, направленной в итоге к смене этого руководства. Я имею в виду Сталина и Ворошилова в первую очередь. Я уже показал выше, что Седов в Берлине излагал мне точку зрения Троцкого, по которой необходимо было иметь сильную военную организацию троцкистов для того, чтобы в нужный момент, если это потребуется конкретной обстановкой, она смогла бы сыграть решающую роль в борьбе за приход троцкистов к власти».

Зюк, которому была поручена организация ячеек в Красной Армии, рассказывает следующее:

«Ставя себе задачу создания своей базы, своей опоры в армии и ведя в этом направлении практическую работу, о чем я показал на допросе от 29.VIII с. г., мы контингент лиц, на которых рассчитывали, не ограничивали троцкистами. Мы, конечно, отдавали себе отчет в том, что рассчитывать в этом отношении на сколько-нибудь широкие слои в армии — вещь нереальная. Но к военнослужащим, по тому или иному частному поводу недовольным своим положением, к элементу «обиженному», недисциплинированному, озлобленному и т. д. мы считали целесообразным присмотреться, приблизить его к себе, под углом зрения использования этого элемента в наших целях. Исходя из этой установки, мы считали необходимым такого рода людей из армии не увольнять, формально ссылаясь на то, что людей этих можно перевоспитать, на них затрачены государственные деньги, они уже приобрели военную квалификацию и тому подобные мотивы. Такая установка разделялась и мною, и Дрейцером, и Примаковым».

Далее он называет определенных лиц, намеченных к вербовке, а может быть, уже и завербованных. Предатели рассчитывали, что в армии всегда найдутся «контингенты», помимо наших троцкистско-зиновьевских ублюдков, на которые можно рассчитывать и которых можно вовлечь в свою гнусную организацию.

Расчет и надежды, возлагавшиеся на определенные элементы в армии с точки зрения врага, правильны. Как видите, товарищи, аргументация — нельзя человека выгонять запросто, на него затрачены государственные деньги, он может исправиться, нужно человеку дать время показать себя на новой работе и т. п. — эта аргументация не только наша, этой аргументацией ловко пользуется злейший враг. Часто сталкиваешься с такого рода случаями, когда приходится говорить: нельзя же каждое лыко в строку, нужно к человеку подходить внимательно, нужно его перевоспитать, сберечь для армии, для партии, для страны. В общем, это правильно. Нельзя огульно людей избивать. Но нельзя и забывать, что враг хитро и коварно пользуется всяким случаем в своих подлых целях.

Я уже говорил, что, по заявлению Пятакова и Радека, троцкистский центр не верил в возможность военного переворота в мирных условиях. Это, как мы увидим из их же показаний, означало, что троцкистский центр не придавал особого значения работе в Красной Армии. Радек в своих показаниях 4–6 декабря 1936 года заявляет:

«Я уже показывал ранее, что Дрейцер, руководивший террористической деятельностью ряда групп первого центра, привлек также к террористической деятельности троцкистов, оставшихся на командных должностях в Красной Армии. Связь с участниками организации в Красной Армии поддерживал также и параллельный центр, в частности, я — Радек был связан с Путной и Шмидтом.

Объясняется это тем, что деятельности троцкистов в Красной Армии Троцкий и центр блока придавали особо серьезное значение, исходя опять-таки из. установки на поражение в грядущей войне СССР с фашистскими государствами.

Как первый, так и второй центры троцкистско-зиновьевского блока прекрасно понимали, что троцкисты — командиры Красной Армии в мирных условиях ничего реального в смысле широкого или сколько-нибудь значительного выступления против правительства сделать не могут.

Как первый, так и второй центры исходили при этом из общеизвестного факта сознательной дисциплины в Красной Армии и ее преданности правительству и считали поэтому, что рассчитывать на красноармейскую массу нельзя.

Однако в случае поражения СССР в войне, из чего мы главным образом исходили и на что рассчитывали, троцкисты — командиры Красной Армии могли бы даже отдельные проигранные бои использовать как доказательство якобы неправильной политики ЦК ВКП(б) вообще, бессмысленности и губительности данной войны.

Они также могли бы, пользуясь такими неудачами и усталостью красноармейцев, призвать их бросить фронт и обратить оружие против правительства.

Это дало бы возможность немецкой армии без боев занять оголенные участки и создать реальную угрозу разгрома фронта. В этих условиях наступающих немецких войск блок, опираясь уже на части, возглавляемые троцкистами-командирами, делает ставку на захват власти в свои руки, для того чтобы после этого стать оборонцами».

Сокольников показывает по этим вопросам примерно то же самое. Отвечая следователю на вопрос о том, какие обязательства взял на себя Троцкий перед фашистской Германией и какова тактика троцкистского блока во время войны, Сокольников говорит:

«Троцкий обещал гитлеровскому правительству, что блок будет проводить линию активного пораженчества…

Троцкий указывал, что организации блока должны содействовать поражению СССР всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Основными средствами, как указывал Троцкий, должны явиться: диверсия и вредительство в промышленности и прямая измена командиров-троцкистов на фронте».

И последнее из громадного количества показаний всех этих мерзавцев, которое считаю необходимым, товарищи, довести до вашего сведения, — это показания Пятакова от 26 октября 1936 года.

Показывая об имевшей место специальной встрече в Нарком-тяжпроме и беседе с Сокольниковым почти по всем основным вопросам работы троцкистов, зиновьевцев и правых, Пятаков, в частности, заявляет:

«Тут же Сокольников рассказал мне о своем плане действия, который сводился к тому, что одновременно с террористическими актами в Москве, на Украине и других пунктах Союза надо использовать воинские части в Ленинградском гарнизоне. Но надо сказать, что в Ленинградском гарнизоне я, за исключением Виталия Примакова, никаких связей не имел и не знал. Я план Сокольникова об использовании воинских частей считал фантастическим, но тем не менее я понимал, что нужен действительно план согласованных действий. Я поэтому предложил собраться всей четверке, о которой я указывал выше, плюс Томский, для того чтобы подвести итоги того, чем мы располагаем, и наметить действительно реальный план на будущее».

Из всего, что я здесь зачитал вам, товарищи, ясно, насколько серьезно троцкистско-фашистская сволочь ставила дело внедрения своей организации в Красную Армию, как

вся эта гнусная шайка стремилась использовать Рабоче-Крестьянскую Красную Армию в своих контрреволюционных целях.

Вся деятельность этих фашистских бандитов сконцентрирована на том, чтобы создавать в армии свои группки и ячейки, вылавливать отдельных недовольных лиц и вербовать их на свою сторону.

План этих предателей столь же прост, сколь и мерзок. С одной стороны — готовить террористические акты над членами ЦК и правительства и, если представится случай, приводить их в исполнение, с другой стороны — ждать войны, ждать наиболее острого момента для государства, чтобы потом путем измены, подлого предательства и провокации помогать врагу против своей страны и армии.

Отсюда нужно сделать соответствующие выводы, извлечь, как здесь все товарищи правильно говорили, нужные уроки. Я уже говорил и еще раз повторяю: в армии арестовали пока небольшую группу врагов; но не исключено, наоборот, даже наверняка, и в рядах армии имеется еще немало невыявленных, нераскрытых японо-немецких, троцкистско-зиновьевских шпионов, диверсантов и террористов. Во всяком случае, для того чтобы себя обезопасить, чтобы Красную Армию — этот наиболее деликатный инструмент, наиболее чувствительный и важнейший государственный аппарат — огородить от проникновения подлого и коварного врага, нужна более серьезная и, я бы сказал, несколько по-новому поставленная работа всего руководства в Красной Армии.

Сейчас, может быть, не совсем к месту, но я считаю необходимым, не вводя в заблуждение Центральный Комитет, сказать, что мы, работники Красной Армии, все-таки старались вести свою работу так, чтобы преградить доступ в армию нашим заклятым врагам.

Мы без шума — это и не нужно было — выбросили большое количество негодных людей, в том числе и троцкистско-зиновь-евского охвостья, и всякого подозрительного, недоброкачественного элемента. За время с 1924 года, с того времени, как Троцкий был изгнан из армии, за это время вычищено из ее рядов большое количество командного и начальствующего состава. Пусть вас не пугает цифра, которую я назову, потому что сюда входят не только враги, но и всякая мало пригодная для армии публика и некоторая часть хороших людей, подлежавших сокращению. За 12 лет уволено из армии около 47 тысяч человек начсостава. (За это же время призвана в армию из запаса 21 тысяча человек.) Только за последние три года — 1934–1936 включительно — уволено из армии по разным причинам, преимущественно негодных и политически неблагонадежных, около 22 тысяч человек, из них 5 тысяч человек как явные оппозиционеры.

Причем — я должен об этом сказать, товарищи, — и я, и мои ближайшие помощники проводили эту работу с достаточной осторожностью. Я лично подхожу всегда осторожно при решении вопроса об увольнении человека из рядов армии. Приходится быть внимательным, даже если человек в прошлом был замешан в оппозиции. Я считаю необходимым и правильным — так учит нас тов. Сталин — всегда самым подробнейшим образом разобраться в обстоятельствах дела, всесторонне изучить и проверить человека и только после этого принять то или другое решение.

Частенько бывают у меня разговоры с органами тов. Ежова в отношении отдельных лиц, подлежащих изгнанию из рядов Красной Армии. Иной раз приходится отстаивать отдельных лиц. Правда, сейчас можно попасть в очень неприятную историю: отстаиваешь человека, будучи уверен, что он честный, а потом оказывается, он самый доподлинный враг, фашист. Но, невзирая на такую опасность, я все-таки эту свою линию, по-моему правильную, сталинскую линию, буду и впредь проводить. Я считаю такое отношение к столь серьезным вопросам наиболее правильным, наиболее партийным. Тов. Молотов в своем докладе об этом говорил совершенно правильно. Нужно изучать людей, нужно знать их душу, их способности, повадки, проверять их на деле, на работе, в частной и личной жизни; знать их окружение, среду. Только зная человека по-настоящему, будучи с ним, если можно так выразиться, связан интимно, товарищески, проникая в его душу, в

деталях зная его работу, можно более или менее правильно решать, на что способен человек, является ли он тем, за кого его считают. У нас же сплошь и рядом бывает так, что мы верим словам или тех, кто о нем говорит, или тому, что он сам о себе говорит, а лично хорошо не знаем, что он за человек.

Товарищ Сталин неоднократно говорил и часто об этом напоминает, что кадры решают все. Это — глубокая правда. Кадры — все! А кадры Рабоче-Крестьянской Красной Армии, которым тов. Сталин уделяет колоссально много времени и внимания, являются особыми кадрами. Мы должны постоянно и упорно работать над тем, чтобы эти кадры увеличивались численно и улучшались качественно, чтобы непрерывно повышались их специальные знания и их политическая стойкость и ценность.

Армия располагает по штату 206 тыс. человек начальствующего состава, из которых 107 тыс. командиров, а остальные — политсостав, инженерно-технический, медицинский, ветеринарный, административно-хозяйственный и прочий начальствующий состав. Этот огромный человеческий массив требует к себе очень большого, серьезного и постоянного внимания со стороны руководящих органов армии.

Достаточно ли умело ведем мы нашу работу, чтобы этих командиров и начальников по-настоящему, по-большевистски организовывать, воспитывать, по-большевистски растить, чтобы они были достойными той высокой чести и задачи, которые возлагаются партией, государством, советским народом на Рабоче-Крестьянскую Красную Армию? К сожалению, товарищи, невзирая на все старания, наше руководство могло бы быть лучшим, мы могли бы управлять людьми более умело, чем мы это делали до сих пор.

Как мы готовим наши кадры, как мы с ними работаем? Я об этом обязан вам сказать, чтобы не создалось впечатления, что в Красной Армии так плохо, что нужны какие-нибудь сверхординарные и срочные меры.

В Красной Армии, конечно, есть много недочетов и недостатков, но армия обладает такими кадрами командного и начальствующего состава, которые обеспечивают ей не только нужную боеспособность, но и преданность и верность нашей партии и пролетарскому государству.

Готовим мы наши кадры усиленно и в большом количестве. Армия имеет 12 академий и 1 ветеринарный институт с 11 тысячами слушателей, 75 военных школ, в которых обучается 65 тысяч курсантов и слушателей. За 12 лет школы дали 134 700 человек командиров и разных начальников — теперешних лейтенантов, воентехников и пр. Академии за тот же период дали армии 13 тысяч командиров, инженеров и других специалистов.

Как видите, Красная Армия укомплектована командным и начальствующим составом неплохо. Но над этим командным составом необходимо работать еще очень много, работать непрерывно, умело и организованно. Мы знаем немало фактов, когда неплохо подготовленные в военном отношении, честные и долгое время находившиеся в армии люди вследствие нашей нерадивости, вследствие того, что мы ими не занимались и упускали их из поля зрения, портились, становились никудышными и даже вредными.

Мы провели вместе со всей партией в 1933–1934 годах чистку партийного состава Красной Армии. В армии — как многие из секретарей обкомов и нацкомпартий это знают — был, пожалуй, наименьший процент вычищенных…

Косиор.
Так и должно быть.

Ворошилов.
Правильно, потому что страна дает армии лучших людей. Если бы мы имели такие же результаты по чистке парторганизаций РККА, какие имелись в гражданских ячейках,

это было бы плохо, потому что мы имеем отборных во всех отношениях людей. Хотя мы и имеем, казалось, незначительный процент вычищенных, все же в абсолютных цифрах вычищено довольно много — 3328 человек, из которых за троцкизм и контрреволюционную агитацию — 555 человек. Из этих 555 человек было уволено сразу же из армии 400 человек.

При обмене партдокументов исключено из партии, как бывших троцкистов и зиновьевцев, 244 человека.

Из числа бывших троцкистов и зиновьевцев и исключенных в разное время из партии оставлено в армии 155 человек. Кроме того, в армии находятся на различных должностях 545 человек бывших участников антипартийных группировок, получивших новые партбилеты.

Всего, таким образом, в армии имеется без партбилетов и с партбилетами бывших троцкистов, зиновьевцев и правых 700 человек.

Этих людей мы знаем, все они находятся под нашим непосредственным наблюдением. Однако последние события показывают, что этот народ нужно взять под еше более тщательный контроль и партийное наблюдение. Очевидно, придется соответствующей работой с этими товарищами добиваться положения, при котором можно будет переводить их из «бывших» уже в настоящих большевиков, чтобы не было сомнений в их партийности и преданности нашему делу. А с сомнительными нужно будет расстаться.

Наша армия имеет, в общем, замечательный красноармейский состав. Лучших людей нельзя выдумать. Если и наши командные кадры будут так же хороши, крепки, если они будут здоровы, по-настоящему преданы нашей партии и государству, то армия при наличии той прекрасной техники, которой она располагает сейчас, будет безусловно непобедимой. Командные кадры армии — это все.

Что же собой представляют эти командные кадры?

Я уже говорил, что из 206 тысяч начальствующего состава 107 тысяч падает на командиров. 67 проц. командного состава — партийцы и, кроме того, около 8 проц. — комсомольцы.

Из 107 тысяч командиров: бывших рабочих — 50 942 человека, или 47,5 проц.; с законченным военным образованием — 96 390 человек, или 90 проц. всего командного состава.

Военно-технический состав. Здесь мы имеем свыше 60 проц. членов партии, почти 15 проц. комсомольцев. Бывшие рабочие составляют почти 65 проц. всего военно-технического состава. Свыше 90 проц. военно-технического состава имеют законченное специальное образование.

Военно-политического состава в армии 22 тысячи, 100 проц. — члены партии, 58 проц. — бывшие рабочие, 50 проц. политсостава имеют законченное военное или политическое образование. Тут многое еще не сделано. Признать нормальным положение, когда 50 проц. политсостава не имеют военной или политической подготовки, нельзя, тем более что людям приходится вести постоянно ответственную политическую работу среди рядового и начальствующего состава.

Военно-медицинский состав. Здесь картина значительно хуже. Члены партии среди медиков составляют всего лишь 27,2 проц., комсомольцы — 5 проц.; рабочие — около 14 проц., со специальной подготовкой — 91 проц.

Примерно так же обстоит дело и среди военно-ветеринарного состава (члены партии составляют 29 проц., комсомольцы — 4 проц., рабочие—13,5 проц.).

Но хуже всего положение с военно-хозяйственным и административным составом. Военно-хозяйственный и административный персонал составляет значительную долю всего начальствующего состава — почти 26 тысяч человек, а членов партии из этих 26 тысяч только 9331 человек, или 36 проц., комсомольцев — 3,8 проц. Рабочих среди этой

группы начсостава 23 проц., а имеющих военную или специальную подготовку лишь 43 проц.

Таким образом, нельзя сказать, что военно-хозяйственный персонал — а от него зависит очень многое в деле ведения военного хозяйства, правильного снабжения и своевременного удовлетворения текущих нужд армии — по своему составу удовлетворяет тем требованиям, которые в настоящее время предъявляются к этой группе начсостава. Как вы видите, народ здесь еще не совсем подготовленный и с недостаточной партийной прослойкой.

Я не буду дальше утомлять ваше внимание приведением цифр по ряду других интересных разделов, характеризующих кадры начсостава РККА.

Скажу лишь несколько слов относительно организации воспитательной работы среди начальствующего состава армии.

Наркомат обороны имеет возможность и обязан по-иному вести работу с кадрами, чем какой-либо другой наркомат. Наркомат обороны — особый наркомат.

В то время как большинство наркоматов партийно-политической работы не ведет или почти не ведет, вся эта деятельность распределяется между парторганами, профсоюзами и общественными организациями, в Наркомате обороны положение совершенно другое. В Наркомате обороны под руководством его органов кадры армии помимо своей повседневной работы — командования, обучения войск и прочего — сами непрерывно учатся. Они в обязательном порядке учатся на политзанятиях, в образовательных школах и кружках, в группах по специальным военным и техническим предметам. Так, например, в прошлом и в этом году политзанятия для начсостава проводились три раза в месяц по четыре часа. Для общеобразовательной подготовки (для тех, кто в этой подготовке нуждается) отводилось шесть занятий в месяц по два часа. На изучение иностранных языков для среднего, старшего и высшего состава — шесть занятий в месяц по два часа. Военная подготовка проводилась и проводится пять раз в месяц (35 часов). Это тот обязательный минимум, который неуклонно выполняется во всех военных подразделениях и частях.

Эта твердая система занятий дает возможность не только воспитывать, растить людей, кадры, но и систематически наблюдать за их работой, за их ростом, улавливать их настроения и запросы.

На 1 января 1937 года в армии насчитывалось 5475 учебных групп, в которых занималось 102 тысячи человек начальствующего состава. Это примерно половина всего командного и начальствующего состава. Следует, однако, иметь в виду, что высший начсостав в своей подавляющей части ведет самоподготовку в индивидуальном порядке или вовсе освобожден от подготовки, как уже имеющий законченное соответствующее образование. Как видите, охват политической и общеобразовательной учебой начсостава армии значительный. Необходимо, однако, признать, что часть начсостава все же остается вне этого охвата. Нужно еще немало усилий, чтобы все 100 проц. были включены в систему подготовки и переподготовки в целях непрерывного совершенствования и роста политического и начальствующего состава Красной Армии.

Товарищи! Какие выводы необходимо сделать нам, работникам Красной Армии, из всего того, о чем здесь было сообщено в докладах и выступлениях по этим докладам, из всех тех ужасных фактов вредительства, диверсий, шпионажа, двурушничества и обмана партии, государства и народа подлыми предателями?

Мне кажется, что тот же самый вывод, что делают для себя все другие товарищи. Я думаю, что мы обязаны не только обратить еще большее внимание на политическую, партийную работу среди всего личного состава армии, но и посмотреть глубже, наблюдать изо дня в день за всей деятельностью наших специальных частей: военно-морских, авиационных, танковых, артиллерийских, химических, инженерных, связи, школ и академий.

Враг будет пытаться (если он уже не проник глубоко в недра армии) запустить свои щупальца в Красную Армию, в ее наиболее важные части.

Больше всего нужно бояться, чтобы, разойдясь с этого Пленума ЦК ВКП(б), кое-что, а может быть, и многое сделав в процессе повседневной работы, снова не успокоиться. Это было бы самым непростительным и недопустимым легкомыслием. Вредители и шпионы снова тогда полезут во все щели и наделают нам еще больших бед, чем до сих пор. Нет, впредь мы должны работать по-другому.

Товарищ Сталин постоянно напоминает нам, что классовая борьба не только не окончена, но она принимает еще более острые формы. Не воюя с оружием в руках, мы ведем жестокую борьбу с теми классовыми врагами, которых у рабочего класса, у нашего государства еще очень и очень много. При этом нужно иметь в виду, что арсенал средств борьбы у наших классовых врагов чрезвычайно велик и разнообразен. При малейшем нашем самоуспокоении, забывчивости и ротозействе враг будет творить нам всякие пакости, не останавливаясь ни перед чем. И это будет происходить до тех пор, покуда «или мы их — или они нас». Конечно, «мы их», сказал Петька в «Чапаеве». Но пока «мы их» изничтожим, пока рабочий класс железной метлой выметет капиталистическую нечисть на Западе, наши смертельные враги будут использовать всякие малейшие наши промахи, и особенно благодушие, маниловщину и разгильдяйство, чтобы наносить удары по социализму, подрывать наше дело. Наша социалистическая страна не отгорожена непроницаемой перегородкой от остального мира. А весь остальной мир — это мир капитала, мир наших классовых врагов. Оттуда, «из того мира», в нашу страну проникают организаторы диверсий, шпионажа, наемные убийцы. Оттуда фашист Троцкий управляет своей шайкой, разбросанной по советской земле и нами еще не выловленной.

Классовый враг еще до начала открытой войны с нашей социалистической Родиной будет пытаться наносить вред, ослаблять ее силы. Поэтому мы всегда должны чувствовать себя на боевом посту, принимать все меры к тому, чтобы врагу было тесно, если он попадет в ту или иную нашу организацию, чтобы ему было душно, чтобы он обязательно был задушен. Это больше всего и главным образом относится к нам, военным коммунистам, к нам, ответственным работникам армии. Мы не можем, не имеем права быть «шляпами», слюнтяями. Бдительность, аккуратность, четкость и организованность в работе, политическая, большевистская, ленинско-сталинская закалка — вот чем должны обладать обязательно все военные работники, если они не хотят быть ротозеями и посмешищем для врага.

Теперь больше, чем раньше, должно быть уделено внимания воспитанию кадров Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Мы обязаны упорно и умно работать над тем, чтобы возможно большее число беспартийных командиров и начальников сделать подлинными большевиками. Нужна упорная, хорошо продуманная работа над непрерывной политической, классовой, партийной шлифовкой кадров армии. Кадры армии должны быть на все 100 проц. сознательными, большевистски твердыми, сталински верными. Мы, однако, не можем не допускать беспартийных в кадры Красной Армии. Беспартийные есть и будут оставаться в кадрах армии в значительном проценте. Но ни один беспартийный командир не может, не должен быть безразличным к советскому строю, власти, социализму. Мы не можем допустить, чтобы беспартийный начальствующий состав был аполитичен.

Впредь мы не допустим, чтобы беспартийный командир был безразличен к тому, что делается вокруг него, чтобы он не знал, не интересовался нашей партией, ее задачами и стремлениями, чтобы он не являлся активным участником социалистического строительства. Если будут появляться беспартийные с маской аполитичности, безразличия, стало быть, это полувраги или агенты врага. Таких беспартийных мы терпеть у себя не будем, не должны их терпеть. И разумеется, тем более мы не можем допустить, чтобы наши партийные командиры и красноармейцы (последних, к сожалению, сейчас у нас пока мало из-за прекращения приема в партию) были неполноценными,

ненастоящими во всех отношениях партийцами-большевиками. Все члены партии, работающие в армии, независимо от занимаемых постов, должны непрерывно учиться марксизму-ленинизму, должны быть полностью вооружены необходимыми знаниями, обязаны быть образцовыми партийцами, ленинцами, сталинцами.

Красная Армия и теперь занимается не только военной учебой. Она ведет большую работу по политическому воспитанию командных и рядовых кадров. Мы и впредь обязаны еще усиленнее и более продуманно, тов. Уборевич, — это вы должны все запомнить, — работать по воспитанию бойцов и командиров в марксистско-ленинско-сталинском духе, добиваться, чтобы красные бойцы и командиры были действительно знающими, стопроцентными большевиками. Это основной и главный залог, первое условие, могущее гарантировать нас от проникновения врагов в ряды нашей армии.

Мы обязаны далее добиться, чтобы связь между различными группами начальствующего состава, между старшими и младшими, связь начсостава с красноармейской массой была еще более крепкой, деловой, товарищеской, большевистской связью, а не формальной или панибратской, что, к сожалению, часто теперь наблюдается.

Часто наши командиры и начальники, партийные и беспартийные, отрываются от красноармейцев, не знают доподлинно повседневной жизни бойцов, не интересуются как следует их настроениями, запросами, нуждами. Отсюда, как следствие, недовольство красноармейцев. Враг этим пользуется, не может не воспользоваться. Он прекрасно понимает, что из недовольных легко создать врагов Советской власти.

У нас были случаи, когда красноармейцы вредили, ломали механизмы, портили самолеты, делали иные пакости в своей части. Были случаи поджога ангаров с самолетами. Правда, эти красноармейцы оказались детьми кулаков, попов, урядников. Но дело, понятно, не в этом. Дело в нашей плохой работе с красноармейцами, в незнании личного состава командирами и политработниками, в плохой работе политорганов войсковых частей армии. Нашим политорганам и политработникам нужно сильно подтянуться, резко улучшить свою политработу, крепче связаться с красноармейской массой и комсоставом, усилить работу с партийными кадрами, непрерывно изучать людей и знать их полностью.

Товарищи! Красная Армия оказалась, к сожалению, тоже задетой подлой контрреволюционной мерзостью. Я и мои ближайшие помощники несем всю ответственность за это, тем паче, что эти Примаковы, Путны, Зюки и Шмидты нам были очень хорошо известны. Правда, никто из нас не может вспомнить ни одного случая, когда эти господа проявили бы себя антисоветски или хотя бы подозрительно. Наоборот, эти люди, ведя подпольную, подрывную работу на поражение в предстоящей войне, как теперь выяснилось, в армии для виду вели себя неплохо. И Примаков, и Путна, и Туровский, и даже Шмидт — все они своей работой не вызывали ни у кого сомнения.

В чем же дело? А дело в том, товарищи, что система нашего управления и наблюдения за этими людьми оказалась негодной. Мы должны были за ними смотреть по-другому, знать о них больше, чем мы знали, видеть их лучше, чем мы видели. Стало быть, метод, с помощью которого мы изучали людей, измеряли политическую температуру, этот метод оказался негодным, порочным, провалившимся. Нужны другие меры, иной подход, новый метод управления и руководства людьми вообще, такого рода людьми в особенности.

Какие же это меры? Что необходимо предпринять, чтобы окончательно ликвидировать последствия болезнетворного нарыва на здоровом, безусловно здоровом, прекрасном теле Рабоче-Кре-стьянской Красной Армии?

Как я уже сказал, надо максимально повысить качество политической, партийно-воспитательной работы среди всего начсостава и красноармейских масс.

Необходимо добиться более дружной и согласованной работы командования, политорганов, особых отделов и партийных организаций.

Надо систематически проверять, контролировать работу, изучать людей на деле и исправлять их ошибки, воспитывая чувство нетерпимости к очковтирательству, подхалимству, зазнайству, успокоенности и всяким прочим безобразиям и недочетам, безжалостно борясь с этими явлениями, невзирая на ранг и положение руководителей.

Необходима, наконец, еще более тесная связь начсостава между собой, связь больших и малых начальников с массами, с

отдельными людьми, с которыми надлежит быть связанным; необходимо подлинное знание окружающей среды, людей, их чаяний, запросов и настроений.

Все это и ряд других мероприятий, направленных к усилению ленинско-сталинской бдительности и руководства, избавит Красную Армию от зловредных, мерзких элементов, которые, несомненно, еще имеются в ее рядах, и гарантирует нас в будущем от проникновения в ряды начсостава двурушников, изменников и предателей из подлого лагеря троцкистов, зиновьевцев и правых.

Выступление И. В. Сталина на расширенном заседании военного совета при наркоме обороны

2 июня 1937 года (неправленая стенограмма)

Сталин.

Товарищи, в том, что военно-политический заговор существовал против Советской власти, теперь, я надеюсь, никто не сомневается. Факт, такая уйма показаний самих преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, что несомненно здесь имеет место военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами.

Ругают людей: одних — мерзавцами, других — чудаками, третьих — помещиками.

Но сама по себе ругань ничего не даст. Для того чтобы это зло с корнем вырвать и положить ему конец, надо его изучить, спокойно изучить, изучить его корни, вскрыть и наметить средства, чтобы впредь таких безобразий ни в нашей стране, ни вокруг нас не повторялось.

Я хотел как раз по вопросам такого порядка несколько слов сказать.

Прежде всего обратите внимание, что за люди стояли во главе военно-политического заговора. Я не беру тех, которые уже расстреляны, я беру тех, которые недавно еще были на воле. Троцкий, Рыков, Бухарин — это, так сказать, политические руководители. К ним я отношу также Рудзутака, который также стоял во главе и очень хитро работал, путал все, а всего-навсего оказался немецким шпионом. Карахан, Енукидзе. Дальше идут Ягода, Тухачевский — по военной линии, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник—13 человек. Что это за люди? Это очень интересно знать. Это — ядро военно-политического заговора, ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспосабливало всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов. Что это за люди?

Говорят, Тухачевский — помещик, кто-то другой — попович. Такой подход, товарищи, ничего не решает, абсолютно не решает. Когда говорят о дворянах как о враждебном классе трудовому народу, имеют в виду класс, сословие, прослойку, но это не значит, что некоторые отдельные лица из дворян не могут служить рабочему классу. Ленин был дворянского происхождения — вы это знаете?

Голос.

Известно.

Сталин.

Энгельс был сын фабриканта — непролетарские элементы, как хотите. Сам Энгельс управлял своей фабрикой и кормил этим Маркса. Чернышевский был сын попа — неплохой был человек. И наоборот. Серебряков был рабочий, а вы знаете, каким мерзавцем он оказался. Лившиц был рабочим, малограмотным рабочим, а оказался шпионом.

Когда говорят о враждебных силах, имеют в виду класс, сословие, прослойку, но не каждое лицо из данного класса может вредить. Отдельные лица из дворян, из буржуазии работали на пользу рабочему классу, и работали неплохо. Из такой прослойки, как адвокаты, скажем, было много революционеров. Маркс был сын адвоката, не сын батрака и не сын рабочего. Из этих прослоек всегда могут быть лица, которые могут служить делу рабочего класса не хуже, а лучше, чем чистые кровные пролетарии. Поэтому общая мерка, что это не сын батрака, — это старая мерка, к отдельным лицам неприменимая. Это не марксистский подход.

Это не марксистский подход. Это, я бы сказал, биологический подход, не марксистский. Мы марксизм считаем не биологической наукой, а социологической наукой. Так что эта общая мерка, совершенно верная в отношении сословий, групп, прослоек, она не применима ко всяким отдельным лицам, имеющим не пролетарское или не крестьянское происхождение. Я не с этой стороны буду анализировать этих людей.

Есть у вас еще другая, тоже неправильная ходячая точка зрения. Часто говорят: в 1922 году такой-то голосовал за Троцкого. Тоже неправильно. Человек мог быть молодым, просто не разбирался, был задира. Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист, и все ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось. Андреев был очень активным троцкистом в 1921 году.

Голос с места. Какой Андреев?

Сталин.

Секретарь ЦК, Андрей Андреевич Андреев. Так что видите, общее мнение о том, что такой-то тогда-то голосовал или такой-то тогда-то колебался, тоже не абсолютно и не всегда правильно.

Так что эта вторая причина, имеющая большое распространение среди вас и в партии вообще точка зрения, она тоже неправильна. Я бы сказал, не всегда правильна, и очень часто она подводит.

Значит, при характеристике этого ядра и его членов я также эту точку зрения, как неправильную, не буду применять.

Самое лучшее — судить о людях по их делам, по их работе. Были люди, которые колебались, потом отошли, отошли открыто, честно и в одних рядах с нами очень хорошо дерутся с троцкистами. Дрался очень хорошо Дзержинский, дерется очень хорошо товарищ Андреев. Есть и еще такие люди. Я бы мог сосчитать десятка два-три людей, которые отошли от троцкизма, отошли крепко и дерутся с ним очень хорошо. Иначе и не могло быть, потому что на протяжении истории нашей партии факты показали, что линия Ленина, поскольку с ним начали открытую войну троцкисты, оказалась правильной. Факты показали, что впоследствии, после Ленина, линия ЦК нашей партии, линия партии в целом оказалась правильной. Это не могло не повлиять на некоторых бывших троцкистов. И нет ничего удивительного, что такие люди, как Дзержинский, Андреев и десятка два-три бывших троцкистов, разобрались, увидели, что линия партии правильна, и перешли на нашу сторону.

Скажу больше. Я знаю некоторых нетроцкистов, они не были троцкистами, но и нам от них большой пользы не было. Они по-казенному голосовали за партию. Большая ли цена такому «ленинцу»? И наоборот, были люди, которые топорщились, сомневались, не все признали правильным и не было у них достаточной доли трусости, чтобы скрыть свои колебания, они голосовали против линии партии, а потом перешли на нашу сторону. Стало быть, и эту вторую точку зрения, ходячую и распространенную среди вас, я отвергаю как абсолютную.

Нужна третья точка зрения при характеристике лидеров этого ядра заговора. Это точка зрения характеристики людей по их делам за ряд лет.

Перехожу к этому. Я пересчитал тринадцать человек. Повторяю: Троцкий, Рыков, Бухарин, Енукидзе, Карахан, Рудзутак, Ягода, Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник. Из них десять человек — шпионы. Троцкий организовал группу, которую прямо натаскивал, поучал: давайте сведения немцам, чтобы они поверили, что у меня, Троцкого, есть люди. Делайте диверсии, крушения, чтобы мне, Троцкому, японцы и немцы поверили, что у меня есть сила. Человек, который проповедовал среди своих людей необходимость заниматься шпионажем, потому что мы, дескать, троцкисты, должны иметь блок с немецкими фашистами, стало быть, у нас должно быть сотрудничество, стало быть, мы должны помогать так же, как они нам помогают в случае нужды. Сейчас от них требуют помощи по части информации — давайте информацию. Вы помните показания Радека, вы помните показания Лившица, вы помните показания Сокольникова — давали информацию. Это и есть шпионаж. Троцкий — организатор шпионов из людей, либо состоявших в нашей партии, либо находящихся вокруг нашей партии, — обер-шпион.

Рыков. У нас нет данных, что он сам информировал немцев, но он поощрял эту информацию через своих людей. С ним очень тесно были связаны Енукидзе и Карахан, оба оказались шпионами. Карахан с 1927 года и с 1927 года — Енукидзе. Мы знаем, через кого они доставляли секретные сведения, через кого доставляли эти сведения, — через такого-то человека из германского посольства в Москве. Знаем. Рыков знал все это. У нас нет данных, что он сам шпион.

Бухарин. У нас нет данных, что он сам информировал, но с ним были связаны очень крепко и Енукидзе, и Карахан, и Рудзутак, они им советовали — информируйте, сами не доставляли.

Гамарник. У нас нет данных, что он сам информировал, но все его друзья, ближайшие друзья: Уборевич, особенно Якир, Тухачевский — занимались систематической информацией немецкого генерального штаба.

Остальные. Енукидзе, Карахан — я уже сказал. Ягода — шпион и у себя в ГПУ разводил шпионов. Он сообщал немцам, кто из работников ГПУ имеет такие-то пороки. Чекистов таких он посылал за границу для отдыха. За эти пороки хватала этих людей немецкая разведка и завербовывала, возвращались они завербованными. Ягода говорил им: я знаю, что вас немцы завербовали, как хотите, либо вы мои люди, личные, и работаете так, как я хочу, слепо, либо я передаю в ЦК, что вы — германские шпионы. Те завербовывались и подчинялись Ягоде как его личные люди. Так он поступил с Гаем — немецко-японским шпионом. Он это сам признал. Эти люди признаются. Так он поступил с Воловичем — шпион немецкий, сам признается. Так он поступил с Паукером — шпион немецкий, давнишний, с 1923 года. Значит, Ягода. Дальше, Тухачевский. Вы читали его показания.

Голоса

. Да, читали.

Сталин

. Он оперативный план наш, оперативный план — наше святое святых передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион. Для благовидности на Западе этих жуликов из западноевропейских цивилизованных стран называют информаторами, а мы-то по-русски знаем, что это просто шпион. Якир систематически информировал немецкий штаб. Он выдумал себе эту болезнь печени. Может быть, он выдумал себе эту болезнь, а может быть, у него действительно была. Он ездил туда лечиться. Уборевич не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал. Карахан — немецкий шпион. Эйдеман — немецкий шпион. Карахан информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был у них военным атташе в Германии. Рудзутак. Я уже говорил о том, что он не признает, что он шпион, но у нас есть все данные. Знаем, кому он передавал сведения. Есть одна разведчица опытная в Германии, в Берлине. Вот когда вам, может быть, придется побывать в Берлине, Жозефина Гензи, может быть, кто-нибудь из вас знает. Она красивая женщина. Разведчица старая. Она завербовала Карахана. Завербовала на базе бабской части. Она завербовала Енукидзе. Она помогла завербовать Тухачевского. Она же держит в руках Рудзутака. Это очень опытная разведчица, Жозефина Гензи. Будто бы она сама датчанка на службе у немецкого рейхсвера. Красивая, очень охотно на всякие предложения мужчин идет, а потом гробит. Вы, может быть, читали статью в «Правде» о некоторых коварных приемах вербовщиков. Вот она одна из отличившихся на этом поприще разведчиц германского рейхсвера. Вот вам люди. Десять определенных шпионов и трое организаторов и потакателей шпионажа в пользу германского рейхсвера. Вот они, эти люди.

Могут спросить, естественно, такой вопрос — как это так, эти люди, вчера еще коммунисты, вдруг стали сами оголтелым орудием в руках германского шпионажа? А так, что они завербованы. Сегодня от них требуют — дай информацию. Не дашь, у нас есть уже твоя расписка, что ты завербован, опубликуем. Под страхом разоблачения они дают информацию. Завтра требуют: нет, этого мало, давай больше и получи деньги, дай расписку. После этого требуют — начинайте заговор, вредительство. Сначала вредительство, диверсии, покажите, что вы действуете на нашу сторону. Не покажете — разоблачим, завтра же передаем агентам Советской власти и у вас головы летят. Начинают они диверсии. После этого говорят — нет, вы как-нибудь в Кремле попытайтесь что-нибудь устроить или в Московском гарнизоне и вообще займите командные посты. И они начинают стараться, как только могут. Дальше и этого мало. Дайте реальные факты, чего-нибудь стоящие. И они убивают Кирова. Вот получайте, говорят. А им говорят — идите дальше, нельзя ли все правительство снять. И они организуют через Енукидзе, через Горбачева, Егорова, который был тогда начальником школы ВЦИК, а школа стояла в

Кремле, Петерсона. Им говорят — организуйте группу, которая должна арестовать правительство. Летят донесения, что есть группа, все сделаем, арестуем и прочее. Но этого мало — арестовать, перебить несколько человек, а народ, а армия. Ну, значит, они сообщают, что у нас такие-то командные посты заняты, мы сами занимаем большие командные посты — я, Тухачевский, а он, Уборевич, а здесь Якир. Требуют — а вот насчет Японии, Дальнего Востока как? И вот начинается кампания, очень серьезная кампания. Хотят Блюхера снять. И там же есть кандидатура. Ну уж, конечно, Тухачевский. Если не он, так кого же. Почему снять? Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему, спрашивается, объясните, в чем дело? Вот он выпивает. Ну, хорошо. Ну, еще что? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов работы не понимает. Ну, сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадает. Посмотрите, ЦК встает перед фактом всякой гадости, которую говорят о Блюхере. Путна

бомбардирует, Аронштам бомбардирует нас в Москве, бомбардирует Гамарник. Наконец, созываем совещание. Когда он приезжает, видимся с ним. Мужик как мужик, неплохой. Мы его не знаем, в чем тут дело? Даем ему произнести речь — великолепно. Проверяем его и таким порядком. Люди с мест сигнализировали, созываем совещание в зале ЦК.

Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается. Была маленькая группа. Возьмем Котовского, он никогда ни армией, ни фронтом не командовал. Если люди не знают своего дела, мы их обругаем — подите к черту, у нас не монастырь. Поставьте людей на командную должность, которые не пьют и воевать не умеют, — нехорошо. Есть люди с 10-летним командующим опытом, действительно из них сыплется песок, но их не снимают, наоборот, держат. Мы тогда Гамарника ругали, а Тухачевский его поддерживал. Это единственный случай сговоренности. Должно быть, немцы донесли, приняли все меры. Хотели поставить другого, но не выходит.

Ядро, состоящее из десяти патентованных шпионов и трех патентованных подстрекателей шпионов. Ясно, что сама логика этих людей зависит от германского рейхсвера. Если они будут выполнять приказания германского рейхсвера, ясно, что рейхсвер будет толкать этих людей сюда. Вот подоплека заговора. Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор, и эти господа взялись за заговор. Рейхсвер хочет, чтобы эти господа систематически доставляли им военные секреты, и эти господа сообщали им военные секреты. Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось. Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны было все готово, чтобы армия перешла к вредительству с тем, чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел рейхсвер, и они это дело готовили. Это агентура, руководящее ядро военно-политического заговора в СССР, состоящее из десяти патентованных шпиков и трех патентованных подстрекателей шпионов. Это агентура германского рейхсвера. Вот основное. Заговор этот имеет, стало быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику германского рейхсвера. Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе и завербовали шпиков, орудовавших в этом деле. Вот обстановка.

Тухачевский особенно, который играл благородного человека, на мелкие пакости неспособного, воспитанного человека. Мы его считали неплохим военным, я его считал неплохим военным. Я его спрашивал: как вы могли в течение трех месяцев довести численность дивизии до 7 тысяч человек. Что это? Профан, не военный человек. Что за дивизия в 7 тысяч человек? Это либо дивизия без артиллерии, либо это дивизия с артиллерией без прикрытия. Вообще это не дивизия, это — срам. Как может быть такая дивизия? Я у Тухачевского спрашивал: как вы, человек, называющий себя знатоком этого дела, как вы можете настаивать, чтобы численность дивизии довести до 7 тысяч человек и вместе с тем требовать, чтобы у нас дивизия была 60… 40 гаубиц и 20 пушек, чтобы мы имели столько-то танкового вооружения, такую-то артиллерию, столько-то минометов. Здесь одно из двух — либо вы должны всю эту технику к черту убрать и одних стрелков поставить, либо вы должны только технику поставить. Он мне говорит: «Товарищ Сталин, это увлечение». Это не увлечение, это вредительство, проводимое по заказам германского рейхсвера.

Вот ядро, и что оно собой представляет? Голосовали ли они за Троцкого? Рудзутак никогда не голосовал за Троцкого, а шпиком оказался. Енукидзе никогда не голосовал за Троцкого, а шпиком оказался. Вот ваша точка зрения — кто за кого голосовал.

Помещичье происхождение. Я не знаю, кто там еше есть из помещичьей семьи, кажется, только один Тухачевский. Классовое происхождение не меняет дела. В каждом отдельном случае нужно судить по делам. Целый ряд лет люди имели связь с германским

рейхсвером, ходили в шпионах. Должно быть, они часто колебались и не всегда вели свою работу. Я думаю, мало кто из них вел свое дело от начала до конца. Я вижу, как они плачут, когда их привели в тюрьму. Вот тот же Гамарник. Видите ли, если бы он был контрреволюционером от начала до конца, то он не поступил бы так, потому что я бы на его месте, будучи последовательным контрреволюционером, попросил бы сначала свидания со Сталиным, сначала уложил бы его, а потом бы убил себя. Так контрреволюционеры поступают. Эти же люди были не что иное, как невольники германского рейхсвера, завербованные шпионы, 'и эти невольники должны были катиться по пути заговора, по пути шпионажа, по пути отдачи Ленинграда, Украины и т. д. Рейхсвер как могучая сила берет себе в невольники, в рабы слабых людей, а слабые люди должны действовать, как им прикажут. Невольник есть невольник. Вот что значит попасть в орбиту шпионажа. Попал ты в это колесо, хочешь ты или не хочешь, оно тебя завернет, и будешь катиться по наклонной плоскости. Вот основа. Не в том, что у них политика и прочее, никто не спрашивал о политике. Это просто люди идут на милость.

Колхозы. Да какое им дело до колхозов? Видите, им стало жалко крестьян. Вот этому мерзавцу Енукидзе, который в 1918 году согнал крестьян и восстановил помещичье хозяйство, ему теперь стало жалко крестьян. Но так как он мог прикидываться простачком и заплакать, этот верзила, то ему поверили.

Второй раз, в Крыму, когда пришли к нему какие-то бабенки, жены, так же, как и в Белоруссии, пришли и поплакали, то он согнал мужиков, вот этот мерзавец согнал крестьян и восстановил какого-то дворянина. Я его еще тогда представлял к исключению из партии, мне не верили, считали, что я как грузин очень строго отношусь к грузинам. А русские, видите ли, поставили перед собой задачу защищать «этого грузина». Какое ему дело, вот этому мерзавцу, который восстанавливал помещиков, какое ему дело до крестьян.

Тут дело не в политике, никто его о политике не спрашивал. Они были невольниками в руках германского рейхсвера.

Те командовали, давали приказы, а эти в поте лица выполняли. Этим дуракам казалось, что мы такие слепые, что ничего не видим. Они, видите ли, хотят арестовать правительство в Кремле. Оказалось, что мы кое-что видели. Они хотят в Московском гарнизоне иметь своих людей и вообще поднять войска. Они полагали, что никто ничего не заметит, что у нас пустыня Сахара, а не страна, где есть население, где есть рабочие, крестьяне, интеллигенция, где есть правительство и партия. Оказалось, что мы кое-что видели.

И вот эти невольники германского рейхсвера сидят теперь в тюрьме и плачут. Политики! Руководители!

Второй вопрос — почему этим господам так легко удавалось вербовать людей. Вот мы человек 300–400 по военной линии арестовали. Среди них есть хорошие люди. Как их завербовали?

Сказать, что это способные, талантливые люди, я не могу. Сколько раз они поднимали открытую борьбу против Ленина, против партии при Ленине и после Ленина и каждый раз были биты. И теперь подняли большую кампанию и тоже провалились. Не очень уж талантливые люди, которые то и дело проваливались, начиная с 1921 года и кончая 1937-м. Не очень талантливые, не очень гениальные.

Как это им удалось так легко вербовать людей? Это очень серьезный вопрос. Я думаю, что они тут действовали таким путем. Недоволен человек чем-либо, например, недоволен тем, что он бывший троцкист или зиновьевец и его не так свободно выдвигают, либо недоволен тем, что он человек неспособный, не управляется с делами и его за это снижают, а он себя считает очень способным. Очень трудно иногда человеку понять меру своих сил, меру своих плюсов и минусов. Иногда человек думает, что он гениален, и поэтому обижен, когда его не выдвигают.

Начали с малого — с идеологической группки, а потом шли дальше. Вели разговоры такие: вот, ребята, дело какое. ГПУ у нас в руках, Ягода в руках, Кремль у нас в руках, так как Петерсон с нами, Московский округ, Корк и Горбачев тоже у нас. Все у нас. Либо сейчас выдвинуться, либо завтра, когда придем к власти, остаться на бобах. И многие слабые, нестойкие люди думали, что это дело реальное, черт побери, оно будто бы даже выгодное. Этак прозеваешь, за это время арестуют правительство, захватят Московский гарнизон и всякая такая штука, а ты останешься на мели.

Точно так рассуждает в своих показаниях Петерсон. Он разводит руками и говорит: дело это реальное, как тут не завербоваться?

Оказалось, дело не такое уж реальное. Но эти слабые люди рассуждали именно так: как бы, черт побери, не остаться позади всех. Давай-ка скорей прикладываться к этому делу, а то останешься на мели.

Конечно, так можно завербовать только нескольких людей. Конечно, стойкость тоже дело наживное, от характера кое-что зависит, но и от самого воспитания. Вот эти малостойкие, я бы сказал, товарищи, они и послужили материалом для вербовки. Вот почему этим мерзавцам так легко удавалось малостойких людей вовлекать. На них гипнозом действовали: завтра все будут у нас в руках, немцы с нами, Кремль с нами, мы изнутри будем действовать, они — извне. Вербовали таким образом этих людей.

Третий вопрос — почему мы так странно прошляпили это дело? Сигналы были. В феврале был Пленум ЦК. Все-таки как-никак дело это наворачивалось, а вот все-таки прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных. В чем тут дело? Может быть, мы малоспособные люди или совсем уже ослепли? Тут причина общая. Конечно, армия не оторвана от страны, от партии, а в партии, вам известно, что эти успехи несколько вскружили голову, когда каждый день успехи, планы перевыполняются, жизнь улучшается, политика будто бы неплохая, международный вес нашей страны растет бесспорно, армия сама внизу и в средних звеньях, отчасти в верхних звеньях, очень здоровая и колоссальная сила, все это дело идет вперед, поневоле развинчивается, острота зрения пропадает, начинают люди думать: какого рожна еще нужно? Чего не хватает? Политика неплохая. Рабоче-Крес-тьянская Красная Армия за нас, международный вес нашей страны растет, всякому из нас открыт путь для того, чтобы двигаться вперед, неужели же еще при этих условиях кто-нибудь будет думать о контрреволюции? Есть такие мыслишки в головах. Мыто не знали, что это ядро уже завербовано германцами, и они даже при желании отойти от пути контрреволюции не могут отойти, потому что живут под страхом того, что их разоблачат и они головы сложат. Но общая обстановка, рост наших сил, поступательный рост и в армии, и в стране, и в партии, вот они у нас притупили чувство политической бдительности и несколько ослабили остроту нашего зрения. И вот в этой-то как раз области мы и оказались разбитыми.

Нужно проверять людей — и чужих, которые приезжают, и своих. Это значит, надо иметь широкоразветвленную разведку, чтобы каждый партиец и каждый непартийный большевик, особенно органы ОГПУ, рядом с органами разведки, чтобы они свою сеть расширяли и бдительнее смотрели. Во всех областях разбили мы буржуазию, только в области разведки оказались битыми, как мальчишки, как ребята. Вот наша основная слабость. Разведки нет, настоящей разведки. Я беру это слово в широком смысле слова, в смысле бдительности и в узком смысле слова также — в смысле хорошей организации разведки. Наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем. Наша разведка по линии ГПУ возглавлялась шпионом Гаем, и внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа хозяев этого дела, работавшая на Германию, на Японию, на Польшу сколько угодно, только не для нас. Разведка — это та область, где мы впервые за двадцать лет потерпели жесточайшее поражение. И вот задача состоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши. Слишком большие победы одержали, товарищи, слишком лакомым куском стал СССР для всех хищников. Громадная страна, великолепные железные дороги, флот растет, производство хлеба растет, сельское

хозяйство процветает и будет процветать, промышленность идет в гору. Это такой лакомый кусок для империалистических хищников, что он, этот кусок, обязывает нас быть бдительными. Судьба, история доверили этакое богатство, эту великолепную и великую страну, а мы оказались спящими, забыли, что этакое богатство, как наша страна, не может не вызывать жадности, алчности, зависти и желания захватить эту страну. Вот Германия первая серьезно протягивает руку. Япония вторая — заводит своих разведчиков, имеет повстанческое ядро. Те хотят получить Приморье, эти хотят получить Ленинград. Мы это прозевали, не понимали. Имея эти успехи, мы превратили СССР в богатейшую страну и вместе с тем в лакомый кусок для всех хищников, которые не успокоятся до тех пор, пока не испробуют всех мер к тому, чтобы отхватить от этого куска кое-что. Мы эту сторону прозевали. Вот почему у нас разведка плоха, и в этой области мы оказались битыми, как ребятишки, как мальчишки.

Но это не все, разведка плохая. Очень хорошо. Ну, успокоение пошло. Факт. Успехи одни. Это очень большое дело — успехи, и мы стремимся к ним. Но у этих успехов есть своя теневая сторона — самодовольство ослепляет. Но есть у нас и другие такие недостатки, которые помимо всяких успехов или неуспехов существуют и с которыми надо распроститься. Вот тут говорили о сигнализации, сигнализировали. Я должен сказать, что сигнализировали очень плохо с мест. Плохо. Если бы сигнализировали больше, если бы у нас было поставлено дело так, как этого хотел Ленин, то каждый коммунист, каждый беспартийный считал бы себя обязанным о недостатках, которые замечает, написать свое личное мнение. Он так хотел. Ильич к этому стремился, ни ему, ни его птенцам не удалось это дело наладить. Нужно, чтобы не только смотрели, наблюдали, замечали недостатки и прорывы, замечали врага, но и все остальные товарищи чтобы смотрели на это дело. Нам отсюда не видно. Думают, что центр должен все знать, все видеть. Нет, центр не все видит, ничего подобного. Центр видит только часть, остальное видят на местах. Он посылает людей, но он не знает этих людей на сто процентов, вы должны их проверять. Есть одно средство настоящей проверки — это проверка людей на работе, по результатам их работы. А это только местные люди могут видеть.

Вот товарищ Горячев рассказывал о делах головокружительной практики. Если бы мы это дело знали, конечно, приняли бы меры. Разговаривали о том, о сем, что у нас дело с винтовкой плохое, что наша боевая винтовка имеет тенденцию превратиться в спортивную.

Голос.
Махновский обрез.

Сталин.
Не только обрез, ослабляли пружину, чтобы напряжения не требовалось. Один из рядовых красноармейцев сказал мне, что плохо дело, — поручили кому следует рассмотреть. Один защищает Василенко, другой — не защищает. В конце концов выяснилось, что он действительно грешен. Мы не могли знать, что это вредительство. А кто же он оказывается? Оказывается, он шпион. Он сам рассказал. С какого года, товарищ Ежов?

Ежов.
С 1926 года.

Сталин.

Конечно, он себя троцкистом называет, куда лучше ходить в троцкистах, чем просто в шпионах.

Плохо сигнализируете, а без ваших сигналов ни военком, ни ЦК ничего не могут знать. Людей посылают не на сто процентов обсосанных, в центре таких людей мало. Посылают людей, которые могут пригодиться. Ваша обязанность проверять людей на деле, на работе, и если неувязки будут, вы сообщайте. Каждый член партии, честный беспартийный, гражданин СССР не только имеет право, но обязан о недостатках, которые он замечает, сообщать. Если будет правда хотя бы на пять процентов, то и это хлеб. Обязаны посылать письма своему наркому, копию в ЦК. Как хотите. Кто сказал, что обязывают только наркому писать? Неправильно.

Я расскажу один инцидент, который был у Ильича с Троцким. Это было, когда Совет Обороны организовывался. Это было, кажется, в конце 1918 или 1919 года.

Троцкий пришел жаловаться: получаются в ЦК письма от коммунистов, иногда в копии посылаются ему как наркому, а иногда даже и копии не посылается, и письма посылаются в ЦК через его голову. «Это не годится». Ленин спрашивает: почему? «Как же так, я нарком, я тогда не могу отвечать». Ленин его отбрил, как мальчишку, и сказал: «Вы не думайте, что вы один имеете заботу о военном деле. Война — это дело всей страны, дело партии». Если коммунист по забывчивости или почему-либо прямо в ЦК напишет, то ничего особенного

в

этом нет. Он должен жаловаться в ЦК. Что же вы думаете, что ЦК уступит вам свое дело? Нет. А вы потрудитесь разобщать по существу эту жалобу. Вы думаете, вам ЦК не расскажет — расскажет. Вас должно интересовать существо этого письма — правильно оно или нет. Даже и в копии можно наркому не посылать.

Разве вам когда Ворошилов запрещал письма посылать в ЦК?

Голоса.
Нет, никогда.

Сталин.
Кто из вас может сказать, что вам запрещали письма писать в ЦК?

Голоса.
Нет, никто.

Сталин.
Поскольку вы отказываетесь писать в ЦК и даже наркому не пишете о делах, которые оказываются плохими, то вы продолжаете старую троцкистскую линию. Борьба с пережитками троцкизма в головах должна вестись и ныне, надо отказаться от этой троцкистской практики. Член партии, повторяю, беспартийный, у которого болит сердце о непорядках, — а некоторые беспартийные лучше пишут, честнее, чем другие коммунисты, — обязаны писать своим наркомам, писать заместителям наркомов, писать в ЦК о делах, которые им кажутся угрожающими.

Вот если бы это правило выполнялось, — а это ленинское правило, — вы не найдете в Политбюро ни одного человека, который бы что-нибудь против этого сказал, — если бы это правило проводили, мы гораздо раньше разоблачили бы это дело. Вот это насчет сигналов.

Еще недостаток в отношении проверки людей сверху. Не проверяют. Мы для чего организовали Генеральный штаб? Для того, чтобы он проверял командующих округами. А чем он занимается? Я не слыхал, чтобы Генеральный штаб проверял людей, чтобы Генеральный штаб нашел у Уборевича что-нибудь и раскрыл все его махинации. Вот тут выступал один товарищ и рассказывал насчет кавалерии, как тут дело ставили, где же был Генеральный штаб? Вы что думаете, что Генеральный штаб для украшения существует? Нет, он должен проверять людей на работе сверху. Командующие округами не Чжан Цзолин, которому отдали округ на откуп…

Голоса.
А это было так.

Сталин.
Такая практика не годится. Конечно, не любят иногда, когда против шерсти гладят, но это не большевизм. Конечно, бывает иногда, что идут люди против течения и против шерсти гладят. Но бывает и так, что не хотят обидеть командующего округом. Это неправильно, это гибельное дело. Генеральный штаб существует для того, чтобы он изо дня в день проверял людей, давал бы ему советы, поправлял. Может, какой командующий округом имеет мало опыта, просто сам сочинил что-нибудь, его надо поправить и прийти ему на помощь. Проверить как следует.

Так могли происходить все эти художества — на Украине Якир, здесь, в Белоруссии, — Уборевич.

И вообще нам не все их художества известны, потому что люди эти были предоставлены сами себе, и что они там вытворяли, бог их знает!

Генштаб должен знать все это, если он хочет действительно практически руководить делом. Я не вижу признаков того, чтобы Генштаб стоял на высоте с точки зрения подбора людей.

Дальше. Не обращали достаточного внимания, по-моему, на дело назначения на посты начальствующего состава. Вы смотрите, что получается. Ведь очень важным вопросом является, как расставить кадры. В военном деле принято так: есть приказ — должен подчиниться. Если во главе этого дела стоит мерзавец, он может все запутать. Он может хороших солдат, хороших красноармейцев, великолепных бойцов направить не туда, куда нужно, не в обход, а навстречу врагу. Военная дисциплина строже, чем дисциплина в партии. Человека назначили на пост, он командует, он главная сила, его должны слушаться все. Тут надо проявлять особую осторожность при назначении людей.

Я сторонний человек и то заметил недавно. Каким-то образом дело обернулось так, что в механизированных бригадах, чуть ли не везде, стоят люди непроверенные, нестойкие. Почему это, в чем дело? Взять хотя бы Абошидзе — забулдыга, мерзавец большой, я слышал краем уха об этом. Почему-то обязательно надо дать ему механизированную бригаду. Правильно я говорю, товарищ Ворошилов?

Ворошилов.
Он начальник АБТ войск корпуса.

Сталин. Я
не знаю, что такое АБТ.

Голос с места.
Начальник автобронетанковых войск корпуса.

Сталин.
Поздравляю! Поздравляю! Очень хорошо! Почему он должен быть там? Какие у него достоинства? Стали проверять. Оказалось, несколько раз его исключали из партии, но потом восстановили, потому что кто-то ему помогал. На Кавказ послали телеграмму, проверили, оказывается, бывший каратель в Грузии, пьяница, бьет красноармейцев. Но с выправкой!

Стали копаться дальше. Кто же его рекомендовал, черт побери! И представьте себе, оказалось, рекомендовали его Элиава, товарищи Буденный и Егоров. И Буденный и Егоров его не знают. Человек, как видно, не дурак выпить, умеет быть тамадой, но с выправкой! Сегодня он произнесет декларацию за Советскую власть, завтра — против Советской власти, — какую угодно! Разве можно такого непроверенного человека рекомендовать? Ну, вышибли его, конечно.

Стали смотреть дальше. Оказалось, везде такое положение. В Москве, например, Ольшанский…

Голос с места
. Проходимец!

Голоса
с
мест.
Ольшанский или Ольшевский?

Сталин.
Есть Ольшанский и есть Ольшевский. Я говорю об Ольшанском. Спрашивал я Гамарника насчет его. Я знаю грузинских князей, это большая сволочь. Они многое потеряли и никогда с Советской властью не примирятся, особенно эта фамилия Абошидзе сволочная, как он у вас попал? Говорят: как так, товарищ Сталин, не может быть. Как не может быть, когда он командует. Поймали за хвост бывшего начальника бронетанкового управления Халепского, — не знаю, как он попал, он пьяница, нехороший человек, я его вышиб из Москвы, как он попал? Потом докопались до товарищей Егорова, Буденного, Элиава, — говорят — Серго рекомендовал. Оказывается, он осторожно поступил — не подписал.

Голос.
Он только просил.

Сталин.
У меня нет рекомендации, чтобы вам прочитать.

Егоров. В
этот период в академии находился.

Сталин.
Рекомендуется он как человек с ясным умом, выправкой, волевой. Вот и все, а кто он в политике — не знали, а ему доверяют танковые части. Спустя рукава на это дело смотрели. Также не обращали должного внимания на то, что на посту начальника командного управления подряд за ряд лет сидели Гарькавый, Савицкий, Фельдман, Ефимов. Ну уж, конечно, они старались, но многое не от них все-таки зависит. Нарком должен подписать. У них какая уловка практиковалась? Требуется военный атташе, представляют семь кандидатур, шесть дураков и один свой, он среди дураков выглядит умницей. Возвращают бумаги на этих шесть человек — не годятся, а седьмого посылают. У них было много возможностей. Когда представляют кандидатуры шестнадцати дураков и одного умного, поневоле его подпишешь. На это дело нужно обратить особое внимание.

Затем не обращали должного внимания на военные школы, по-моему, на воспитание хорошее, валили туда всех. Это надо исправить, вычистить.

Голос.
Десять раз ставили вопрос, товарищ Сталин.

Сталин.
Ставить вопрос мало, надо решать.

Голос. Я
не имею права.

Сталин.
Ставят вопросы не для постановки, а для того, чтобы их решать.

Не обращалось также должного внимания на органы печати Военведа. Я кое-какие журналы читаю, появляются иногда очень сомнительные такие штуки. Имейте в виду, что молодежь наша военная читает журналы и по-серьезному понимает. Для нас, может быть, это не совсем серьезная вещь — журналы, а молодежь смотрит на это дело свято, она читает и хочет учиться, и если дрянь пропускают в печать — это не годится.

Вот такой инцидент, такой случай был. Прислал Кутяков свою брошюру — не печатают. Я на основании своего опыта и прочего и прочего знаю, что раз человек пишет, командир, бывший партизан, нужно обратить на это внимание. Я не знаю — хороший он или плохой, но что он путаный, я это знал. Я ему написал, что ленинградцы всякие люди имеются — Деникин тоже ленинградец, есть Милюков — тоже ленинградец. Однако наберется немало людей, которые разочаровались в старом и не прочь приехать. Мы бы их пустили, зачем для этого манифестацию делать всякую. Напишем своим послам, и они их пустят. Только они не хотят, и если даже приедут — они не вояки. Надоела им возня, они хотят просто похозяйничать. Объяснили ему очень спокойно, он доволен остался.

Затем второе письмо — затирают меня. Книгу я написал насчет опыта советско-польской войны.

Голоса.

«Киевские Канны».

Сталин.

«Киевские Канны» о 1920-м годе. И они не печатают. Прочти. Я очень занят, спросил военных. Говорят — дрянная. Клима спросил — дрянная штука. Прочитал все-таки. Действительно, дрянная штука. Воспевает чрезвычайно польское командование, чернит чрезмерно наше общее командование. И я вижу, что весь прицел в брошюре состоит в том, чтобы разоблачить Конную армию, которая там решала дело тогда, и поставить во главу угла 28-ю, кажется, дивизию.

Голос.

25-ю.

Сталин.

У него там дивизий много было. Знаю одно, что там мужики были довольны, что вот башкиры пришли и падаль, лошадей едят, подбирать не приходится. Вот хорошие мужики. А чтобы дивизия особенно отличилась, этого не видно. И вот интересно, что товарищ Седякин написал предисловие к этой книге. Я товарища Седякина мало знаю. Может быть, это плохо, что я его мало знаю, но если судить по этому предисловию, очень подозрительное предисловие. Я не знаю, человек он военный, как он не мог раскусить орех этой брошюры. Печатается брошюра, где запятнали наших командиров, до небес возвели командование Польши. Цель брошюры — развенчать Конную армию. Я знаю, что без нее ни один серьезный вопрос не разрешался на Юго-Западном фронте. Что он свою 28-ю дивизию восхвалял, ну бог с ним, это простительно, но что польское командование возводил до небес незаслуженно и что он в грязь растоптал наше командование, что он Конную армию хочет развенчать — неправильно. Как этого товарищ Седякин не заметил. Предисловие говорит: есть недостатки вообще и всякие такие штуки, но, в общем, интересный, говорит, опыт. Сомнительное предисловие и даже подозрительное.

Голос. Я согласен.

Сталин.

Что согласен, не обращали внимания на печать, печать надо прибрать к рукам обязательно.

Теперь еще один вопрос. Вот эти недостатки надо ликвидировать, я их не буду повторять.

В чем основная слабость заговорщиков и в чем наша основная сила? Вот эти господа нанялись в невольники германского вредительства. Хотят они или не хотят, они катятся по пути заговора, размена СССР. Их не спрашивают, а заказывают, и они должны выполнять.

В чем их слабость? В том, что нет связи с народом. Боялись они народа, старались сверху проводить: там одну точку установить, здесь один командный пост захватить, там — другой, там кого-либо застрявшего прицепить, недовольного прицепить. Они на свои силы не рассчитывали, а рассчитывали на силы германцев, полагали, что германцы их

поддержат, а германцы не хотели поддерживать. Они думали: ну-ка заваривай кашу, а мы поглядим. Здесь дело трудное, они хотели, чтобы им показали успехи, говорили, что поляки не пропустят, здесь лимитрофы, если бы на север, в Ленинград, там дело хорошее. Причем знали, что на севере, в Ленинграде, они не так сильны. Они рассчитывали на германцев, не понимали, что германцы играют с ними, заигрывают с ними. Они боялись народа. Если бы прочитали план, как они хотели захватить Кремль, как они хотели обмануть школу ВЦИК. Одних они хотели обмануть, сунуть одних в одно место, других — в другое, третьих — в третье и сказать, чтобы охраняли Кремль, что надо защищать Кремль, а внутри они должны арестовать правительство. Днем, конечно, лучше, когда собираются арестовывать, но как это делать днем? «Вы знаете, Сталин какой! Люди начнут стрелять, а это опасно». Поэтому решили лучше ночью. Но ночью тоже опасно, опять начнут стрелять.

Слабенькие, несчастные люди, оторванные от народных масс, не рассчитывающие на поддержку народа, на поддержку армии, боящиеся армии и прятавшиеся от армии и от народа. Они рассчитывали на германцев и на всякие свои махинации: как бы школу ВЦИК в Кремле надуть, как бы охрану надуть, шум в гарнизоне произвести. На армию они не рассчитывали — вот в чем их слабость. В этом же и наша сила.

Говорят, как же такая масса командного состава выбывает из строя. Я вижу кое у кого смущение, как их заменить.

Голоса.
Чепуха, чудесные люди есть.

Сталин. В
нашей армии непочатый край талантов. В нашей стране, в нашей партии, в нашей армии непочатый край талантов. Не надо бояться выдвигать людей, смелее выдвигайте снизу. Вот вам испанский пример.

Тухачевский и Уборевич просили отпустить их в Испанию. Мы говорим: «Нет, нам имен не надо. В Испанию мы пошлем людей малоизвестных». Посмотрите, что из этого вышло. Мы им говорили — если вас послать, все заметят, не стоит. И послали людей малозаметных, они же там чудеса творят. Кто такой был Павлов? Разве он был известен?

Голос.
Командир полка.

Голос.
Командир мехбригады.

Буденный.
Командир 6-й дивизии мехполка.

Ворошилов.
Там два Павловых: старший лейтенант…

Сталин.
Павлов отличился особенно.

Ворошилов.
Ты хотел сказать о молодом Павлове?

Голос.
Там Гурьев и капитан Павлов.

Сталин.
Никто не думал, и я не слыхал о способностях командующего у Берзина. А посмотрите, как он дело наладил. Замечательно вел дело.

Штерна вы знаете? Всего-навсего был секретарем у товарища Ворошилова. Я думаю, что Штерн не намного хуже, чем Берзин, может быть, не только хуже, а лучше. Вот где наша сила — люди без имен. «Пошлите, — говорят, — нас, людей с именами, в Испанию». Нет, давайте пошлем людей без имени, низший и средний офицерский наш состав. Вот сила, она и связана с армией, она будет творить чудеса, уверяю вас. Вот из этих людей смелее выдвигайте, все перекроят, камня на камне не оставят. Выдвигайте людей смелее снизу. Смелее — не бойтесь.

Ворошилов.
Работать будем до 4-х часов.

Голоса.
Перерыв устроить, чтобы покурить.

Ворошилов.
Объявляю перерыв на 10 минут… Нужно будет раздать стенограмму, как у нас было принято.

Блюхер.
Нам сейчас, вернувшись в войска, придется начать с того, что собрать небольшой актив, потому что в войсках говорят и больше, и меньше, и не так, как нужно. Словом, нужно войскам рассказать, в чем тут дело.

Сталин.
То есть пересчитать, кто арестован?

Блюхер.
Нет, не совсем так.

Сталин. Я
бы на вашем месте, будучи командующим ОКДВА, поступил бы так: собрал бы более высший состав и им подробно

доложил. А потом тоже я, в моем присутствии, собрал бы командный состав пониже и объяснил бы более коротко, но достаточно вразумительно, чтобы они поняли, что враг затесался в нашу армию, он хотел подорвать нашу мощь, что это наемные люди наших врагов, японцев и немцев. Мы очищаем нашу армию от них, не бойтесь, расшибем в лепешку всех, кто на дороге стоит. Вот я бы так сказал. Верхним сказал бы шире.

Блюхер.
Красноармейцам нужно сказать то, что для узкого круга?

Сталин.
То, что для широкого круга.

Ворошилов.
Может быть, для облегчения издать специальный приказ о том, что в армии обнаружено такое-то дело? А с этим приказом вышел бы начальствующий состав и прочитал во всех частях.

Сталин.
Да. И объяснить надо. А для того чтобы верхний командный состав и политические руководители знали все-таки, стенограмму раздать.

Ворошилов.
Да, это будет очень хорошо. В стенограмме я много цитировал. Тут будет полное представление.

Сталин.
Хорошо, если бы товарищи взялись и наметили в каждой определенной организации двух своих заместителей и начали выращивать их как по политической части, так и по командной части.

Ворошилов.
Давайте это примем. По партийной линии это принято.

Сталин.
Это даст возможность изучать людей.

Ворошилов.
Вот этот самый господинчик Фельдман, я в течение ряда лет требовал от него: дай мне человек сто пятьдесят людей, которых можно наметить к выдвижению. Он писал командующим, ждал в течение двух с половиной, почти трех лет. Этот список есть где-то. Нужно разыскать.

Буденный. Я
его видел, там все троцкисты, одни взятые уже, другие — под подозрением.

Сталин.
Так как половину из них арестовали, то, значит, нечего тут смотреть.

Буденный.
Не нужно этот приказ печатать, а просто сказать — не подлежит оглашению.

Сталин.
Только для армии и затем вернуть его. Стенограмму тоже вернуть. Будет еще вот что хорошо. Вы как собираетесь — в два месяца раз?

Ворошилов.
В три месяца раз.

Сталин.
Так как у вас открытой критики нет, то хорошо бы критику здесь разворачивать внутри вашего Совета, иметь человека от оборонной промышленности, которую вы будете критиковать.

Голоса.
Правильно.

Сталин.
И от вас будут представители в Совет оборонной промышленности человек пять.

Голоса
. Правильно.

Сталин.
Начиная, может быть, с командира полка, а лучше было бы еще ниже, иметь заместителем.

Ворошилов.
Командира дивизии или командира полка, я его назначаю заместителем.

Голоса
. Есть такое распоряжение.

Ворошилов.

Распоряжение есть. Но мы должны иметь лучших людей, каждый должен найти у себя, и тогда уже трогать не буду. Я буду знать, что у Кожанова командир подводной лодки № 22 или командир «Червоной Украины» является избранником, которого он будет выращивать. Я его трогать не буду.

Голос.

Такое же распоряжение отдано.

Ворошилов.

Совсем не такое.

Сталин.

Может быть, у вас нет таких людей, которые могут быть заместителями?

Ворошилов.

Есть. У нас известная градация по росту. Командир Ефимов, он командир корпуса, он будет искать среди командиров дивизии, но так как командиров дивизии мало и он не может оттуда наметить, он будет искать из командиров батальонов.

Сталин.

Не будет боязни, что отменят тех, которые намечены?

Голос. Эта боязнь есть.

Сталин.

Поэтому надо искать и выращивать, если будут хорошие люди.

Ворошилов.

Значит, в 8 часов у меня в зале заседание.

Сталин.

Нескромный вопрос. Я думаю, что среди наших людей как по линии командной, так и по линии политической есть еще такие товарищи, которые случайно задеты. Рассказали ему что-нибудь, хотели вовлечь, пугали, шантажом брали. Хорошо внедрить такую практику, чтобы, если такие люди придут и сами расскажут обо всем, — простить их. Есть такие люди?

Голоса.

Безусловно. Правильно.

Щаденко.

Как прежде бандитам обещали прощение, если он сдаст оружие и придет с повинной.

Сталин.

У этих и оружия нет, может быть, они только знают о врагах, но не сообщают.

Ворошилов.

Положение их, между прочим, неприглядное; когда вы будете рассказывать и разъяснять, то надо рассказать, что теперь не один, так другой, не другой, так третий — все равно расскажут, пусть лучше сами придут.

Сталин. Простить надо, даем слово простить, честное слово даем.

СОСТАВ ВОЕННОГО СОВЕТА ПРИ НАРКОМЕ ОБОРОНЫ СССР

(Февраль 1936 г.)

Собирался один раз в квартал. Рассматривал важнейшие вопросы оборонной политики страны.

Ворошилов К. Е. (1881–1969). Народный комиссар обороны, Маршал Советского Союза

Гамарник Я. Б. (1894–1937). Заместитель народного комиссара обороны, армейский комиссар 1 ранга

Тухачевский М. Н. (1893–1937). Заместитель народного комиссара обороны, Маршал Советского Союза

Егоров А. И. (1883–1939). Начальник Генерального штаба РККА, Маршал Советского Союза

Буденный С. М. (1883–1973). Маршал Советского Союза

Блюхер В. К. (1890–1938). Маршал Советского Союза

Якир И. Э. (1896–1937). Командарм 1 ранга

Уборевич И. П. (1896–1937). Командарм 1 ранга

Белов И. П. (1893–1938). Командарм 1 ранга

Каменев С. С. (1881–1936). Командарм 1 ранга

Шапошников Б. М. (1882–1945). Командарм 1 ранга

Орлов В. М. (1895–1938). Флагман флота 1 ранга

Викторов М. В. (1892–1938). Флагман флота 1 ранга

Алкснис Я. И. (1896–1938). Командарм 2 ранга

Халепский И. А. (1893–1938). Командарм 2 ранга

Дубовой И. Н. (1896–1938). Командарм 2 ранга

Дыбенко П. Е. (1889–1938). Командарм 2 ранга

Каширин Н. Д. (1888–1938). Командарм 2 ранга

Корк А. И. (1887–1937). Командарм 2 ранга

Левандовский М. К. (1890–1938). Командарм 2 ранга

Федько И. Ф. (1897–1939). Командарм 2 ранга

Седякин А. И. (1893–1938). Командарм 2 ранга

Галлер Л. М. (1883–1950). Флагман флота 2 ранга

Кожанов И. К. (1897–1938). Флагман флота 2 ранга

Амелин М. П. (1896–1937). Армейский комиссар 2 ранга

Аронштам Л. Н. (1896–1938). Армейский комиссар 2 ранга
Булин А. С. (1894–1938). Армейский комиссар 2 ранга
Векличев Г. И. (1898–1938). Армейский комиссар 2 ранга
Гугин Г. И. (1896–1937). Армейский комиссар 2 ранга
Гришин А. С. (1891–1937). Армейский комиссар 2 ранга
Иппо Б. М. (1898–1937). Армейский комиссар 2 ранга
Мезис А. И. (1894–1938). Армейский комиссар 2 ранга
Окунев Г. С. (1900–1938). Армейский комиссар 2 ранга
Осепин Г. А. (1891–1937). Армейский комиссар 2 ранга
Славин И. Е. (1893–1938). Армейский комиссар 2 ранга
Смирнов П. А. (1897–1939). Армейский комиссар 2 ранга
Шифрес А. Л. (1898–1938). Армейский комиссар 2 ранга
Апанасенко И. Р. (1890–1943). Комкор
Аппога Э. Ф. (1898–1937). Комкор
Василенко М. И. (1888–1937). Комкор
Великанов М. Д. (1893–1938). Комкор
Гарькавый И. И. (1888–1937). Комкор
Гайлит Я. П. (1894–1938). Комкор
Германович М. Я. (1895–1937). Комкор
Горбачев Б. С. (1892–1937). Комкор
Городовиков О. И. (1879–1960). Комкор
Грибов С. Е. (1895–1938). Комкор
Грязное И. К. (1897–1938). Комкор
Ефимов Н. А. (1897–1937). Комкор
Ингаунис Ф. А. (1894–1938). Комкор
Кулик Г. И. (1890–1950). Комкор
Ковтюх Е. И. (1890–1938). Комкор
Лапин А. Я. (1899–1937). Комкор
Левичев В. Н. (1891–1937). Комкор
Меженинов С. А. (1890–1937). Комкор
Петин Н. Н. (1876–1937). Комкор
Примаков В. М. (1897–1937). Комкор
Сангурский М. В. (1894–1938). Комкор
Тимошенко С. К. (1895–1970). Комкор
Тодорский А. И. (1894–1965). Комкор
Туровский С. А. (1895–1937). Комкор
Урицкий С. П. (1895–1938). Комкор
Фельдман Б. М. (1890–1937). Комкор
Эйдеман Р. П. (1895–1937). Комкор
Лудри И. М. (1895–1937). Флагман 1 ранга
Берзин Я. К. (1890–1938). Корпусный комиссар
Прокофьев А. П. (1896–1939). Корпусный комиссар
Хрулев А. В. (1892–1962). Корпусный комиссар
Шестаков В. Н. (1893–1938). Корпусный комиссар
Ярцев А. П. (1895–1938). Корпусный комиссар
Ястребов Г. Г. (1884–1957). Корпусный комиссар
Баранов М. И. (1888–1938). Корврач
Ошлей П. М. (1886–1937). Коринтендант
Фишман Я. М. (1887–1961). Коринженер
Казанский Е. С. (1896–1937). Комдив
Кучинский Д. А. (1898–1938). Комдив
Мерецков К. А. (1897–1968). Комдив

Роговский Н. М. (1897–1937). Комдив
Штерн Г. М. (1900–1941). Комдив
Обысов СП. (1896–1937). Комбриг
Синявский Н. М. (1891–1938). Коринженер
Ткачев И. Ф. (1896–1938). Комкор

Показания Тухачевского М. Н. от 1 июня 1937 года

«Настойчиво и неоднократно пытался отрицать как свое участие в заговоре, так и отдельные факты моей антисоветской деятельности, но под давлением улик следствия я должен был шаг за шагом признать свою вину. В настоящих показаниях я излагаю свою антисоветскую деятельность в последовательном порядке.

I. Организация и развитие заговора

Начало моих отношений с немцами относится к периоду учений и маневров в Германии, на которые я был командирован в 1925 году. Сопровождавший меня капитан фон Цюлов говорил по-русски, много раз останавливался на вопросе общих интересов СССР и Германии в возможной войне с Польшей, знакомил меня с методикой боевой подготовки рейхсвера и, в свою очередь, очень интересовался основами только что вышедшего Полевого устава РККА 1925 года.

В 1926 году фон Цюлов присутствовал на маневрах в Белоруссии, где я встретился с ним и мы продолжали разговор. Я ознакомил фон Цюлова с организацией нашей дивизии, дивизионной артиллерии и с соотношением между пехотой и артиллерией. После маневров моя связь с фон Цюловым была утеряна.

Около 1925 года я познакомился с Домбалем, командуя в то время Белорусским военным округом. Встречи и знакомства были короткие, если не ошибаюсь, в поезде, по пути из Минска в Смоленск.

В дальнейшем, когда я был начальником штаба РККА, Домбаль возобновил свое знакомство.

Во все эти встречи Домбаль постоянно возвращался к вопросам о войне между Польшей и СССР, говорил о том, что его, Домбаля, авторитет в рабочем классе Польши велик, что помимо того довольно значительные слои польского офицерства не сочувствуют Пилсудскому и что в этих слоях он также имеет большие связи, что он уверен в том, что в будущей войне наступающая Красная Армия встретит полную польскую пролетарскую революцию. Домбаль говорил, что он офицер-пулеметчик и всегда проявлял исключительный интерес к военному делу и к подготовке войны. В разговорах с ним я рассказывал об организации нашей дивизии, об основах современного боя, о методах нашей тактической подготовки, а также, говоря об условиях войны между нами и Польшей, указал на то, что мы должны были, в силу запаздывания в развертывании, сосредоточить на границах с Польшей крупные силы, которые я Домбалю и перечислил. Помимо того, я рассказывал Домбалю о различиях между кадровыми и территориальными войсками, как в отношении организации, так и в отношении прохождения службы и обучения. Таким образом, мною сообщены Домбалю данные о запаздывании нашего сосредоточения, дислокации частей в приграничных районах, организации кадровой и территориальной дивизии, прохождения службы и основы боевой подготовки кадровых и территориальных войск.

В 1928 году я был освобожден от должности начальника штаба РККА и назначен командующим войсками ЛВО.

Будучи недоволен своим положением и отношением ко мне со стороны руководства армии, я стал искать связей с толмачевцами. Прежде всего я связался с

Марголиным во время партийной конференции 20-й стр. дивизии, в которой Марголин был начподивом. Я поддержал его в критике командира дивизии, а затем в разговоре наедине выяснил, что Марголин принадлежит к числу недовольных, что он критикует политику партии в деревне. Я договорился с ним, что мы будем поддерживать связь и будем выявлять не согласных с политикой партии работников.

Летом 1928 года во время полевых занятий, зная, что Туровский — командир 11-й стр. дивизии — голосовал за толмачевскую резолюцию, я заговорил с ним на те же темы, что и с Марголиным, встретил согласие и договорился с Туровским о необходимости выявления недовольных людей. Туровский указал мне на командира полка Зюка, которому он вполне доверяет. Я переговорил с Зюком и также условился с ним о связях и о выявлении недовольных.

Зимой с 1928 по 1929 год, кажется, во время одной из сессий ЦИКа, со мной заговорил Енукидзе, знавший меня с 1918 года и, видимо, слышавший о моем недовольстве своим положением и о том, что я фрондировал против руководства армии. Енукидзе говорил о том, что политика Сталина ведет к опасности разрыва смычки между рабочим классом и крестьянством, что правые предлагают более верный путь развития и что армия должна особенно ясно понимать, т. к. военные постоянно соприкасаются с крестьянами. Я рассказал Енукидзе о белорусско-толмачевских настроениях, о большом числе комполитсостава, не согласного с генеральной линией партии, и о том, что я установил связи с рядом командиров и политработников, не согласных с политикой партии. Енукидзе ответил, что я поступаю вполне правильно и что он не сомневается в том, что восторжествует точка зрения правых. Я обещал продолжать информировать Енукидзе о моей работе.

На протяжении 1929–1930 годов я принимал участие в военно-научной работе при Толмачевской академии. Во время этой работы, на одном из докладов, в перерыве я разговаривал с преподавателем академии Нижечек, о котором Марголин говорил как о человеке, не согласном с политикой партии и которого следовало бы приблизить. Я начал прощупывать Нижечка, и мы очень скоро начали откровенно обмениваться мнениями о не согласных с политикой партии, особенно в деревне. Нижечек сообщил мне, что он связан с рядом преподавателей, настроенных так же, как и он, и что, в частности, так же настроен преподаватель Бочаров.

В 1928 и 1929 годах я много работал над боевой подготовкой округа и, изучая проблемы пятилетнего плана, пришел к выводу, что в случае осуществления этого плана характер Красной Армии должен резко измениться. Я написал записку о реконструкции РККА, где доказывал необходимость развития металлургии, автотракторостроения и общего машиностроения для подготовки ко времени войны реконструированной армии в составе до 260-ти дивизий, до 50 000 танков и до 40 000 самолетов. Резкая критика, которой подверглась моя записка со стороны армейского руководства, меня крайне возмутила, и потому, когда на XVI партийном съезде Енукидзе имел со мной второй разговор, я весьма охотно принимал его установки. Енукидзе, подозвав меня во время перерыва, говорил о том, что правые хотя и побеждены, но не сложили оружия, перенося свою деятельность в подполье. Поэтому, говорил Енукидзе, надо и мне законспирированно перейти от прощупывания командно-политических кадров к их подпольной организации на платформе борьбы с генеральной линией партии за установки правых. Енукидзе сказал, что он связан с руководящей верхушкой правых и что я буду от него получать дальнейшие директивы. Я принял эту установку, однако ничего конкретного предпринять не успел, т. к. осенью 1930 года Какурин выдвинул против меня обвинение в организации военного заговора, и это обстоятельство настолько меня встревожило, что я временно прекратил всякую работу и избегал поддерживать установившиеся связи.

В 1931 году я был переведен в Москву. Работа начальника вооружений меня очень увлекла, однако недовольство отношением ко мне со стороны армейского руководства все

еще продолжало иметь место, о чем я неоднократно разговаривал с Фельдманом, Якиром, Уборевичем, Эйдеманом и др.

В 1931 году (осенью или в зиму на 1932 год) в Москву приезжал начальник германского генерального штаба ген. Адам, и его сопровождал офицер генерального штаба Нидермайер. После обеда, данного в честь гостя народным комиссаром, Нидермайер очень ухаживал за мной, говорил о дружбе Германии и СССР, о наличии обшей военной задачи, выражающейся в обоюдной заинтересованности в поражении Польши, о необходимости наличия между Красной Армией и рейхсвером самых тесных отношений. Подошедший ген. Адам присоединился к этим соображениям, присоединился к ним и я. В дальнейшем я укажу, что ген. Адам в следующем, 1932 году, когда я был на германских маневрах, вновь вернулся к этим разговорам.

В 1932 году я продолжал неоднократные разговоры наедине с Фельдманом, критикуя армейское руководство, а в дальнейшем переходя и к критике политики партии. Фельдман высказал большие опасения по вопросу о политике партии в деревне. Я сказал, что это особенно должно насторожить нас, военных работников, и предложил ему организовать на платформе правых взглядов военную группу, которая могла бы обсуждать эти вопросы и принимать необходимые меры. Фельдман согласился, и таким образом было положено начало антисоветскому военно-троцкистскому заговору. Я сообщил Фельдману, что мною установлена связь с Енукидзе, который собой представляет руководящую верхушку правых.

В августе того же года я поехал в отпуск на Кавказ. На ст. Белан меня встретил командарм РККА Смолин. Он жаловался на плохое отношение к нему наркома. В дальнейших наших разговорах выяснилось несогласие Смолина с генеральной линией партии, и я предложил ему вступить в группу, которую я нелегально сколачиваю в армии на основе платформы правых. Смолин согласился. Я спросил его, кого он считал бы возможным привлечь к нашей организации, и он указал на своего начальника Алафузо.

Алафузо охотно участвовал в разговоре, еще более сгущал краски, и я предложил ему наконец вступить в военную организацию, на что он и согласился, узнав ее правую платформу.

Насколько я помню, в том же 1932 году мною был завербован в члены антисоветского военно-троцкистского заговора бывший заместитель начальника ВВС Наумов, которого я знаю давно, в частности и по Л ВО.

После отпуска на Кавказе я был командирован на большие германские маневры. Среди командированных был и Фельдман.

В пути вместе со мной оказался и Ромм, которому Троцкий поручил связаться со мной. Ромм передал мне, что Троцкий активизировал свою работу как за границей, в борьбе с Коминтерном, так и в СССР, где троцкистские кадры подбираются и организуются. Из слов Ромма о политических установках Троцкого вытекало, что эти последние, особенно в отношении борьбы с политикой партии в деревне, очень похожи на установки правых. Ромм передал, что Троцкий просит меня взять на себя задачу по собиранию троцкистских кадров в армии. Между прочим, Ромм сообщил мне, что Троцкий надеется на приход к власти Гитлера, а также на то, что Гитлер поддержит его, Троцкого, в борьбе с Советской властью.

После окончания германских маневров, на банкете, данном в честь гостей главнокомандующим рейхсвера Гаммерштейном, генерал Адам вновь возобновил со мной разговоры, начатые на банкете в Москве, о чем я уже сообщил выше. Генерал Адам подчеркивал серьезность, с которой он относится к обороноспособности Польши, и напирал на необходимость со стороны СССР самых действенных мер к подготовке войны. Между тем в моей работе как начальника вооружений РККА имели места и значительные трения с германской стороной. Дело в том, что Уборе-вич и Ефимов провели заключение договора с фирмой «Рейнметалл» на продажу нам и постановку у нас на производство целого ряда артиллерийских систем. При испытании этих систем, производившихся

одновременно с постановкой на производство, выяснилось, что они недоработаны. В связи со всем этим я стал на точку зрения ликвидации договора с фирмой «Рейнметалл». В полученных нами перехватах германский посол Дирксен высказывал недовольство мной.

Благодаря моей критике заключенного с фирмой «Рейнметалл» договора, а в дальнейшем благодаря проведенному расторжению договора с этой фирмой, я испортил отношения как с Уборевичем, так и с Ефимовым. Только тогда, когда поставил вопрос о развертывании АУ в ГАУ (Главное артиллерийское управление) и выдвинул на должность начальника ГАУ Ефимова, Ефимов установил со мной товарищеские отношения. Фельдман неоднократно говорил мне о том, что Ефимов настроен враждебно к политике партии. Я использовал улучшение наших отношений и однажды заговорил с ним у себя в кабинете о плохой организации промышленности, о плохих настроениях в армии и т. п. Ефимов охотно вступил в разговор, критикуя партийное руководство. Я сказал Ефимову, что как правые, так и троцкисты сходятся на необходимости организовывать подпольную работу, чтобы сменить партийное руководство, что армия в стороне оставаться не может, и предложил ему, Ефимову, вступить в военную группу. Ефимов согласился.

Корка я завербовал летом 1933 года, во время опытных учений, организованных под Москвой штабом РККА. Следя за ходом учения, я стал критиковать боевую подготовку частей. Корк ответил, что он ведь уже говорил, что работа в округе у него не клеится. Я понял, что у Корка эти разговоры не случайны, стал его прощупывать, и мы быстро договорились. Я тогда не знал, что Корк уже был завербован Енукидзе. Я сообщил Корку, что имею связь с Троцким и с правыми, и поставил ему задачу вербовать новых членов в МВО…

Примерно к тому же времени относится и завербование мною в состав заговора Вакулича. Я уже несколько лет хорошо знал его, разговаривал с ним много раз в 1928 году и знал его недовольство политикой партии в деревне.

Я предложил ему вступить в организацию военного заговора, возглавляемого мною, и Вакулич дал согласие. Я указал Вакуличу на мою связь с правыми и с троцкистами и поручил ему дальнейшую вербовку участников заговора.

По возвращении с Дальнего Востока Путны и Горбачева, кажется, это было в 1933 году, я разговаривал с каждым из них в отдельности. Путна быстро признал, что он связан с Троцким и со Смирновым. Я предложил ему вступить в ряды военно-троцкистского заговора, сказав, что по этому вопросу имеются прямые указания Троцкого. Путна сразу же согласился. В дальнейшем, при его назначении военным атташе, перед ним была поставлена задача держать связь между Троцким и центром военно-троцкистского заговора. Если не ошибаюсь, около этого же времени я имел разговор со Смирновым И. Н., который сказал мне, что он, по директивам Троцкого, стремится дезорганизовать подготовку мобилизации промышленности в области производства снарядов.

Горбачев, о неважных настроениях которого я уже и раньше слышал от Фельдмана, очень быстро стал поддаваться на прощупывание, и я понял, что он завербован. На мое предложение вступить в ряды заговора он ответил согласием, сообщил, что им организуется так называемый дворцовый переворот и что у него есть связь с Петерсоном, комендантом Кремля, Егоровым, начальником школы ВЦИК, а также с Енукидзе.

Примерно в тот же период, т. е. в 1933–1934 годы, ко мне в Москве зашел Ромм и передал, что должен сообщить мне новое задание Троцкого. Троцкий указывал, что нельзя ограничиваться только вербовкой и организацией кадров, что нужна более действенная программа, что германский фашизм окажет троцкистам помощь в борьбе с руководством Сталина и что поэтому военный заговор должен снабжать данными германский генеральный штаб, а также работающий с ним рука об руку японский генеральный штаб, проводить вредительство в армии, готовить диверсии и террористические акты против членов правительства. Эти установки Троцкого я сообщил нашему центру заговора.

В 1933 году у меня был первый разговор с Бухариным. Мне с Поповым пришлось пойти на квартиру к больному Бухарину. По согласовании вопроса о телемеханическом институте мы с Поповым стали прощаться. Бухарин, пока Попов шел к двери, задержал меня за руку и скороговоркой сказал, что ему известно о моей работе по организации военного заговора, что политика партии губительна, что надо обязательно убрать Сталина и что поэтому надлежит всячески форсировать организацию и сколачивание заговора.

Эйдемана я завербовал в 1932 году. По получении директивы Троцкого о вредительстве, шпионаже, диверсиях и пр. Эйдеман просил дать ему директивы о его деятельности в Осоавиахиме. Обсудив этот вопрос в центре, мы поставили основной задачей Эйдеману увязку его вредительской работы с Каменевым с тем, чтобы, кроме плохой защиты объектов в отношении ПВО, была бы дезорганизована и общественная деятельность по ПХВО. Помимо того Эйдеману была поставлена задача дезорганизации допризывной подготовки, занятий с командным составом запаса и, наконец, организации диверсионных групп в отрядах Осоавиахима.

Эйдеман сказал мне, что он вполне надеется на присоединение к нам Аппоги. Я на том же пленуме заговорил с Аппогой и сразу почувствовал, что он уже завербован. На мое предложение войти в организованную мною группу Аппога ответил согласием. Тогда я информировал Аппогу о составе членов группы и о политических правотроцкистских установках. Зная, что у Аппоги очень хорошие отношения с Каменевым С. С, я просил его постараться обработать Каменева.

В дальнейшем Аппога получил задачу проводить вредительство в ж. д. войсках, срывать строительство железных, шоссейных и грунтовых дорог военного значения, готовить на время войны диверсионные группы для подрыва мостов и, наконец, сообщить германскому и японскому генеральным штабам данные о железнодорожных перевозках на Дальний Восток и к западным границам. В 1933 году, во время посещения мною железнодорожного полигона в Гороховце, Аппога сказал мне, что данные о наших перевозках по железным дорогам германскому и японскому генеральным штабам им, совместно с работниками НКПС, сообщены. Какими путями были переданы данные и кто из работников НКПС принимал в этом участие, Аппога мне не говорил, а я не спросил.

После опытных учений 1933 года, в начале зимы, ко мне в кабинет зашел однажды Каменев С. С. и стал говорить о своих выводах по опытным учениям. После длительного разговора Каменев долго еще не уходил, и я понял, что он хочет поговорить о чем-то другом. Я ему сказал: «Очень советую Вам, Сергей Сергеевич, держите поближе связь с Аппогой», на что Каменев ответил, что с Аппогой он связан очень тесно, но что также хочет связаться и со мной. Я начал говорить об ошибках армейского и партийного руководства, Каменев стал вторить моим словам, и я предложил ему стать участником заговора. Каменев сразу же согласился. Я сказал ему, что мы будем считать его членом центра заговора, сообщил ему мои разговоры с Енукидзе и Бухариным, а также с Роммом.

Первоначально Каменеву была поставлена задача вредить в области военного хозяйства, которым он руководил как третий заместитель наркома. Затем большую вредительскую работу Каменев развернул как начальник ПВО. Противовоздушная оборона таких важнейших объектов, как Москва, Ленинград, Киев, Баку, проводилась им таким образом, чтобы площадь, прикрываемая зенитным многослойным и однослойным огнем, не соответствовала наличным артиллерийским зенитным средствам, чтобы аэростаты заграждения имелись в недостаточном числе, чтобы сеть ВНОС имела не собственную проводку, а базировалась на сеть Наркома связи, и т. п.

Рохинсона я вовлек в состав участников заговора в 1933 или 1934 году. Я слышал от Фельдмана, что Рохинсон по всему его прошлому и по его учебе в Академии имеет характер неустойчивого коммуниста, которого, вероятно, без труда удастся вовлечь в заговор. Я неоднократно заговаривал с Рохинсоном как во время опытов на полигоне, так и при его докладах у меня в кабинете. Достаточно прощупав его, я предложил ему

вступить в военный заговор, и он согласился. Рохинсон вовлек в заговор и привлек к вредительской работе Гендлера и Либермана.

Вовлечение в заговор Примакова состоялось в 1933 или 1934 году, когда Примаков был переведен в Москву. Примаков сообщил, что он в своей троцкистской деятельности связан с Казанским, Курковым, Шмидтом и Зюком.

После разговора с Примаковым я связался с Пятаковым, который повторил мне ту же информацию, что уже сообщил Примаков. Пятаков сказал, что он очень озабочен вопросами вредительства в оборонной промышленности, что по химии он и сам знает, что надо делать, а вот что касается артиллерийской промышленности, то он просит, чтобы Ефимов, об участии которого в заговоре я сообщил Пятакову, крепко связался с Ерманом и Кражевским, работавшими в ГВМУ. Это поручение я передал Ефимову.

В зиму 1933 на 1934 год Пятаков передал мне, что Троцкий ставит задачу обеспечить поражение СССР в войне, хотя бы для этого пришлось отдать немцам Украину, а японцам Приморье. На подготовку поражения должны быть сосредоточены все силы как внутри СССР, так и вне; в частности, Пятаков сказал, что Троцкий ведет решительную линию на насаждение своих людей в Коминтерне. Пятаков сказал при этом, что, конечно, эти условия означают реставрацию капитализма в стране.

По мере получения директив Троцкого о развертывании вредительской, шпионской, диверсионной и террористической деятельности центр заговора, в который, кроме меня, входили в порядке вступления в заговор Фельдман, Эйдеман, Каменев, Примаков, Уборевич, Якир и с которым были тесно связаны Гамарник и Корк, давал различным участникам заговора установки для их деятельности, вытекавшие из вышеуказанных директив. Члены центра редко собирались в полном составе, исходя из соображений конспирации. Чаше всего собирались отдельные члены, которым по каким-либо служебным делам приходилось встречаться.

Таким образом, развивая свою платформу от поддержки правых в их борьбе против генеральной линии партии, присоединяя к этому в дальнейшем троцкистские лозунги, в конечном счете антисоветский военно-троцкистский заговор встал на путь контрреволюционного свержения Советской власти, террора, шпионажа, диверсии, вредительства, пораженческой деятельности, реставрации капитализма в СССР.

В 1934 году Ефимову была поставлена задача организовать вредительство по линии артиллерийского управления, в частности, в области некомплектного приема элементов выстрела от промышленности, приема продукции без соблюдения чертежей литера и т. д., а также было предложено передать немцам данные о численности наших запасов артиллерийских выстрелов. Помимо того, в зиму с 1935–1936 года я поставил Ефимову и Ольшевскому задачу подготовить на время войны диверсионные взрывы наиболее крупных арт. складов.

Туровский в 1936 году сообщил мне, что Саблиным переданы планы Летичевского укрепленного района польской разведке.

Алафузов передал польской и германской разведке, какими путями, не знаю, данные об авиации и мех. соединениях, а также об организации ПВО в БВО и КВО.

Перед центром военного заговора встал вопрос о том, как организовать связь с иностранными и особо с германским ген. штабом во время войны. Такие связи были намечены.

Центр антисоветского военно-троцкистского заговора проводил и диверсионную работу исключительно по линии существующих органов правления в РККА, не допуская никакого образования комиссий, групп и т. п. Вся работа должна была проводиться исключительно в системе текущей утвержденной работы, вкладываться в ее сметы, средства и сроки. Там, где вредительство велось удачно, там к концу года обычно оставались крупные неиспользованные кредиты.

В 1935 году, поднимаясь по лестнице на заседание пленума ЦК, на котором рассматривался вопрос Енукидзе, я встретил последнего, и он сказал, что в связи с его

делом, конечно, весьма осложняется подготовка «дворцового переворота», но что в связи с тем, что в этом деле участвует верхушка НКВД, он, Енукидзе, надеется, что дело не замрет. Между прочим, Енукидзе сказал, что он рекомендует мне связаться с Караханом, доверенным человеком, т. к. Карахан хорошо информирован в вопросах международной политики.

После всех указаний Енукидзе я стал следить за разговорами Ягоды, но ни одного прямого разговора с ним не имел. Две реплики Ягоды, как мне показалось, намекали на то, что он знает о моей роли в военном заговоре. На банкете по случаю 60-летия Калинина Ягода спросил меня: «Ну, как дела, главный из борцов», а в 1936 году во время парада на Красной площади сказал: «В случае надобности военные должны уметь подбросить силы к Москве», в чем я понял намек на поддержку «дворцового переворота».

Завербовав Белицкого, я поручил ему помогать Эйдеману в осуществлении его вредительских задач.

Вольпе я завербовал в 1935 году, а после того как его долгое время обрабатывал Белицкий, Геккера и Чайковского я завербовал в 1935.

(Далее М. Н. Тухачевский описывает, как позже были завербованы Ольшанский, Сергеев и другие военные.)

Уборевич и Якир раскритиковали состав центра заговора. Они находили этот состав слишком «беспартийным». Якир считал необходимым усиление не только центра, но даже и рядового состава людьми с большим партийным и политическим весом.

Ставил Якир и вопрос о том, не правильнее ли центру антисоветского военно-троцкистского заговора слиться с центром правых или троцкистов.

Я указал Якиру, что было бы очень важно для центра военного заговора, чтобы Якир перевелся в Москву, тем более что ему делалось предложение занять должность начальника ВВС и заместителя наркома. Однако Якир при поддержке Уборевича с этим не согласился и категорически как перед Ворошиловым, так и перед Сталиным поставил вопрос о своем несогласии, и предложение было взято обратно. Якир считал более важным сохранить за собой КВО. Благодаря этому руководство заговора упустило возможность серьезно проникнуть в аппарат УВВС.

Я указал Якиру, что для придания большего аналитического веса военному заговору следовало бы втянуть в заговор побольше политических работников и что эту задачу лучше всех сумеет выполнить он, Якир. Якир согласился и взял на себя выполнение этой задачи.

Якир обратил внимание на то, что в заговор втянуты работники морского флота. Я сообщил Якиру и Уборевичу, что наш флот пока что слаб и что в ближайшее время ни в мирный период, ни во время войны не сможет сыграть сколько-нибудь решающей роли.

В 1935 году, когда я был однажды в кабинете Гамарника, последний сказал мне, что он от Якира и Уборевича знает о военном заговоре и будет ему содействовать, особенно по линии вредительства на Дальнем Востоке. Гамарник указал, что он не будет принимать официального участия в центре заговора, но будет держать с ним связь через меня, Якира и Уборевича.

Завербованных много. Однако, несмотря на внушения о необходимости соблюдения строжайшей конспирации, таковая постоянно нарушалась. От одних участников заговора узнавали данные, которые должны были знать только другие, и т. д. Все это создавало угрозу провала.

С другой стороны, успехи, достигнутые партией за последние годы в строительстве социализма, были настолько очевидны, что нельзя было рассчитывать на какое бы то ни было восстание с участием сколько-нибудь широких слоев населения. Политико-моральное состояние красноармейских масс было на высоком уровне. Невозможно было допустить и мысли, чтобы участникам заговора удалось повести за собой целую часть на выполнение преступной задачи. Надежды Примакова на то, что ему удастся повести за собой механизированные войска ПВО, представлялись больше фантазией.

После убийства Кирова террор стал делом чрезвычайно сложным и трудным благодаря мерам предосторожности, принятым правительством. Это наглядно доказывала и неудача террористической организации Шмидта на Киевских маневрах.

Таким образом, единственно реальным представлялся «дворцовый переворот», подготовляемый правыми совместно с работниками НКВД, и, наконец, изменение положения могло наступить в результате тяжелой напряженной войны в СССР, особенно в случае поражения.

В отношении немцев как я, так и Уборевич с Якиром, считали, что их армия еще очень слаба, чтобы иметь возможность напасть на СССР.

Обсуждался вопрос и о том, что установившиеся у нас в до-гитлеровские годы отношения с немецкими военными кругами следует закрепить и постараться выяснить их намерения в отношении СССР. Поэтому при встречах с немцами следовало держать себя с ними предупредительно и дружелюбно, вступая в разговоры о возможных условиях предстоящей войны, подчеркивая свое личное дружественное отношение к немцам.

Во время разговора Якир сказал, что он совместно с Гамарником и Осепяном ведет работу по вовлечению в заговор политических работников армии. Тут же Якир спросил, что я думаю о настроениях Блюхера. Я ответил, что у него есть основания быть недовольным центральным аппаратом и армейским руководством, но что отношение к нему Сталина очень хорошее. Якир сказал, что он хорошо знает Блюхера и при первой возможности прозондирует его настроение. Был ли такой зондаж — я не знаю.

Осенью 1935 года ко мне зашел Путна и передал мне записку от Седова, в которой Седов от имени Троцкого настаивал на более энергичном вовлечении троцкистских кадров в военный заговор и на более активном развертывании своей деятельности. Я сказал Путне, чтобы он передал, что все это будет выполнено. Путна дополнительно сообщил мне, что Троцкий установил непосредственную связь с гитлеровским правительством и генеральным штабом и что центру антисоветского военно-троцкистского заговора ставится задача подготовки поражения на тех фронтах, где будут действовать германские армии.

В зиму с 1935 на 1936 год, как я уже упоминал, я имел разговор с Пятаковым, в котором последний сообщал мне установку Троцкого на обеспечение безусловного поражения Советского Союза в войне с Гитлером и Японией и о вероятности отторжения от СССР Украины и Приморья. Эти указания говорили о том, что необходимо установить связь с немцами, чтобы определить, где они собираются двинуть свои армии и где надлежит готовить поражение советских армий.

В конце января месяца 1936 года мне пришлось поехать в Лондон на похороны английского короля. Во время похоронной процессии, сначала пешком, а затем поездом, со мной заговорил генерал Румштедт — глава военной делегации от гитлеровского правительства. Очевидно, германский генеральный штаб уже был информирован Троцким, т. к. Румштедт прямо заявил мне, что германский генеральный штаб знает о том, что я стою во главе военного заговора в Красной Армии, и что ему, Румштедту, поручено переговорить со мной о взаимно интересующих нас вопросах. Я подтвердил его сведения о военном заговоре и о том, что я стою во главе его. Я сказал Румштедту, что меня очень интересуют два вопроса: на каком направлении следует ожидать наступления германских армий в случае войны с СССР, а также в котором году следует ожидать германской интервенции. Румштедт уклончиво ответил на первый вопрос, сказав, что направление построения главных германских сил ему неизвестно, но что он имеет директиву передать, что главным театром военных действий, где надлежит готовить поражение красных армий, является Украина. По вопросу о годе интервенции Румштедт сказал, что определить его трудно.

В апреле происходила в Москве стратегическая военная игра, организованная Генеральным штабом РККА. Якир, по заданию игры, командовал польскими, а я германскими армиями. Эта игра дала нам возможность продумать оперативные

возможности и взвесить шансы на победу для обеих сторон как в целом, так и на отдельных направлениях, для отдельных участников заговора. В результате этой игры подтвердились предварительные предположения о том, что силы (число дивизий), выставляемые РККА по мобилизации, недостаточны для выполнения поставленных ей на западных границах задач.

Допустив предположение, что главные германские силы будут брошены на украинское направление, я пришел к выводу, что если в наш оперативный план не будут внесены поправки, то сначала Украинскому, а потом и Белорусскому фронтам угрожает весьма возможное поражение. Если же к этому добавить вредительские действия, то эта вероятность еще более вырастет.

Я дал задание Якиру и Уборевичу на тщательную проработку оперативного плана на Украине и в Белоруссии и разработку вредительских мероприятий, облегчающих поражение наших войск. В связи с зиновьевским делом начались аресты участников антисоветского военно-троцкистского заговора. Участники заговора расценивали положение как очень серьезное. Можно было ожидать дальнейших арестов, тем более что Примаков, Путна и Туровский отлично знали многих участников заговора, вплоть до его центра.

Поэтому, собравшись у меня в кабинете и обсудив создавшееся положение, центр принял решение о временном свертывании всякой активной деятельности в целях максимальной маскировки проделанной работы. Решено было прекратить между участниками заговора всякие встречи, не связанные непосредственно со служебной работой.

Помимо упоминавшихся ранее участников антисоветского военно-троцкистского заговора, лично мною вовлеченных в организацию, я слышал от других членов заговора о принадлежности к заговору Савицкого, Довтдовского, Кутякова, Козицкого, Тухарели, Ольшанского, Ольшевского, Щеглова, Егорова (школа

ВЦИК),

Лаврова (ПВО), Хрусталева, Азарова, Янеля, Либермана, Гендлера, Саблина, Кашеева, Лапина (комкора), Лапина (инженера), Сатина, Железнякова, Осепяна, Ермана, Кражевского, Татайчака, Бодашкова, Артамонова, Воронкова, Петерсона, Шмидта, Зюка, Розынко, Куркова, Казанского, Угрюмова.

Показания об оперативном поражении Красной Армии и вредительской работе в РККА изложу в отдельных протоколах.

Тухачевский».

Допросили:
НАЧ. 5 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР
Комиссар гос. безопасн. 2 ранга
(Леплевский)
ПОМ. НАЧ. 5 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
Комиссар гос. безопасности
(Ушаков)

II. План поражения

Центр антисоветского военно-троцкистского заговора тщательно изучал материалы и источники, могущие ответить на вопрос: каковы основные планы Гитлера, имеющие целью обеспечение господства германского фашизма в Европе?

Основной для Германии вопрос — это вопрос о получении колоний. Гитлер прямо заявил, что колонии — источники сырья — Германия будет искать за счет России и государств Малой Антанты. Если подойти к вопросу о возможных замыслах Гитлера в

отношении войны против СССР, то вряд ли можно допустить, чтобы Гитлер мог серьезно надеяться на разгром СССР. Максимум на что Гитлер может надеяться, это на отторжение от СССР отдельных территорий.

Немцы, безусловно, без труда могут захватить Эстонию, Латвию и Литву и из занятого плацдарма начать свои наступательные действия против Ленинграда, а также Ленинградской и Калининской (западной ее части) областей.

Единственно, что дал бы Германии подобный территориальный захват — это владение всем юго-восточным побережьем Балтийского моря и устранение соперничества с СССР в военно-морском флоте. Таким образом, с военной точки зрения, результат был бы большой, зато с экономической — ничтожный.

Второе возможное направление германской интервенции при договоренности с поляками — это белорусское. Совершенно очевидно, что как овладение Белоруссией, так и Западной областью никакого решения сырьевой проблемы не дает и поэтому для Германии неинтересно. Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической.

Остается третье — украинское направление. В стратегическом отношении пути борьбы за Украину для Германии те же, что и для борьбы за Белоруссию, т. е. связано это с использованием польской территории. В экономическом отношении Украина имеет для Гитлера исключительное значение. Она решает и металлургическую, и хлебную проблемы. Германский капитал пробивается к Черному морю. Даже одно только овладение Правобережной Украиной и то дало бы Германии и хлеб, и железную руду. Таким образом, Украина является той вожделенной территорией, которая снится Гитлеру германской колонией.

Как я показал уже в первом разделе, во время стратегической военной игры в апреле 1936 года я по вопросам оперативного положения наших армий обменивался мнениями с Якиром и Уборевичем. Учитывая директиву Троцкого о подготовке поражения того фронта, где будут действовать немцы, а также указание генерала Румштедта, что подготовку поражения надо организовать на Украинском фронте, я предложил Якиру облегчить немцам задачу путем диверсионно-вредительской сдачи Летичевского укрепленного района, комендантом которого был участник заговора Саблин. В случае сдачи Летичевского района немцы легко могли обойти Новоград-Волынский и Житомирский укрепленные районы с юга и, таким образом, опрокинуть всю систему пограничных с Польшей укрепленных районов КВО. Вместе с тем я считал, что если подготовить подрыв ж. д. мостов на Березине и Днепре, в тылу Белорусского фронта, в тот момент, когда немцы начнут обходить фланг Белорусского фронта, то задача поражения будет выполнена еще более решительно. Уборевич и Аппога получили задание иметь на время войны в своих железнодорожных частях диверсионные группы подрывников. Самые объекты подрывов не уточнялись.

Рассмотрение плана действий Белорусского фронта, построенного на задаче разгромить польско-германские силы на варшавском направлении, говорит о том, что план этот не обеспечен необходимыми силами и средствами. Вследствие этого поражение не исключено даже без наличия какого бы то ни было вредительства. Само собой понятно, что проявление вредительства, даже в отдельных звеньях фронтового и армейского управления, резко повышает шансы на поражение. Из области реально осуществленной вредительской работы, непосредственно отражающейся на оперативном плане, необходимо отметить, в первую очередь, ту задержку, которую организационный отдел Генерального штаба (Алафузо) осуществил в вопросе увеличения числа стрелковых дивизий, задержку, которая создает основную оперативную опасность для наших армий на Белорусском и Украинском фронтах. Такая же опасная задержка проведена в вопросе широкого развертывания артиллерийского и танкового резерва главного командования.

Каковы же были основные вредительские мероприятия, разработанные центром антисоветского военно-троцкистского заговора, которые должны были использовать наши затруднения на фронтах сражений с германскими и польскими армиями в целях поражения наших красных армий?

Было решено оставить в силе действующий оперативный план, который заведомо не был обеспечен необходимыми силами. Наступление Белорусского фронта с приближением, а тем более с переходом этнографической границы Польши должно было стать критическим и с большой долей вероятности опрокидывалось ударом немцев или из В. Пруссии в направлении Гродно, или через Слоним на Минск.

Украинский фронт, в первую очередь или после нанесения удара немцев на севере, также, по всей вероятности, потерпит неудачу в столкновении со значительно превосходящими силами польских и германских армий.

В связи с такой обстановкой на Уборевича была возложена задача так разрабатывать планы Белорусского фронта, чтобы расстройством ж. д. перевозок, перегрузкой тыла и группировкой войск еще более перенапрячь уязвимые места действующего оперативного плана.

На Якира были возложены те же задачи, что и на Уборевича, но кроме того через Саблина он должен был организовать диверсионно-вредительскую сдачу Летичевского укрепленного района.

И Уборевич, и Якир должны были в течение лета разработать через штабы БВО и КВО практические мероприятия, вытекающие из этих вредительских установок. Что успели сделать БВО и КВО во исполнение этого задания, мне не известно, так как (о чем я уже показывал раньше) в связи с арестом ряда видных участников заговора летом 1936 года центром заговора решено было временно прекратить всякую практическую работу. Об отдельных вопросах вредительских разработок, известных мне, я покажу дальше. В связи с временным прекращением работ заговора я не согласовывал с генералом Кестрингом намеченных центром заговора оперативных мероприятий о подготовке поражения наших армий, это согласование я должен был сделать по окончании практических оперативных разработок в БВО и КВО.

Каменев С. С. должен был разработать, по своей линии, мероприятия, направленные к тому, чтобы дезорганизовать противовоздушную оборону железных дорог в БВО и КВО и тем внести расстройство как в стратегическое сосредоточение армии, так и в работу последующих снабженческих и оперативных перевозок.

Из отдельных вредительских мероприятий, подготовлявшихся в штабе БВО и КВО, мне известно нижеследующее: разработка плана снабжения с таким расчетом, чтобы не подвозить для конных армий объемистого фуража, со ссылкой на то, что фураж есть на месте, в то время как такового заведомо на месте не хватает, а отступающий противник уничтожает и остатки. Засылка горючего для авиации и механизированных соединений не туда, где это горючее требуется. Слабая забота об организации оперативной связи по тяжелым проводам, что неизбежно вызовет излишнюю работу раций и раскрытие мест стоянки штабов. Недостаточно тщательная разработка и подготовка вопросов снабжения и грунтовых участков военной дороги. Размещение ремонтных организаций с таким расчетом, чтобы кругооборот ремонта затягивался. Плохая организация службы ВНОС, что будет затруднять своевременный вылет и прибытие к месту боя истребительной авиации.

Что касается Дальнего Востока, то оперативный план последнего центром военного заговора не обсуждался в целом. Дальним Востоком специально занимался Гамарник. Он почти ежегодно ездил в ОКАВА и непосредственно на месте давал указания и решал многие вопросы.

Мне известно, что Путна и Горбачев в их бытность на Дальнем Востоке стремились дезорганизовать систему управления в ОКАВА. В дальнейшем эту работу

проводил Лапин. Эти работники стремились расшатать субординацию в ОКАВА путем дискредитации командования.

Лапин усиленно пропагандировал в ОКАВА теорию о том, что действия крупноорганизованными массами, состоящими из разных родов войск, для ОКАВА не годятся. На Дальнем Востоке нужна, мол, особая горно-таежная тактика, которая тянула боевую подготовку армии в сторону тактических форм малой войны. Лапину удалось в этом отношении кое-что протащить в жизнь.

Дальневосточный театр войны крайне слабо обеспечен от воздействия японцев через МНР в направлении Читы и кругобайкальской военной дороги. В этом отношении ни ОКАВА, ни Гамарник не ставили вопросов о необходимости прокладки ж. д. пути от Байкала, хотя бы до Улан-Батора. В случае нападения на нас японцев наше положение в направлении МНР будет чрезвычайно тяжелым.

Тухачевский».

Николай Власик: «Заговор маршалов против Сталина был»

Воспоминания Николая Сергеевича Власика были продиктованы им перед смертью и записаны женой Марией Семеновной Власик. Хранятся у его боевого товарища, бывшего начальника охраны Н. М. Шверника Г. А. Эгнаташвили, которому их передала дочь Власика Надежда Николаевна Власик-Михайлова по завещанию матери.

«Среди многочисленных обвинений, возведенных на т. Сталина после его смерти, самым значительным, пожалуй, является обвинение в физическом уничтожении группы военных руководителей Красной Армии во главе с Тухачевским. В настоящее время они реабилитированы. На XXII съезде Коммунистическая партия СССР заявила перед всем миром о их полной невиновности.

На основании каких данных они были реабилитированы?

Осуждены они были по документам. Спустя двадцать лет эти документы были объявлены фальшивыми.

Пусть это так. Но с тех пор прошло много лет, полных драматических событий, а страна пережила страшную опустошительную войну. Умер Сталин. Была разоблачена банда Берия. Обстановка в стране, отношения ко многим событиям изменились.

Но вернемся к прошлому, к 1936 году. Как должен был отнесясь т. Сталин к документу, уличавшему Тухачевского в измене, переданному другом Советского Союза президентом Чехословакии Бенешем? Не допускаю мысли, что кроме этого не были собраны и другие улики. Если все военачальники, как это теперь утверждают, были невиновны, то почему вдруг застрелился Гамарник? Я что-то никогда не слышал о таких случаях, когда ни в чем не повинные люди в ожидании ареста стрелялись. Ведь революционеры, всегда живущие под угрозой ареста, никогда не кончали жизнь самоубийством. Кроме того, эта группа военных не была расстреляна, как 26 бакинских комиссаров, без суда и следствия. Их осудил Особый военный трибунал Верховного суда.

Суд, верно, происходил при закрытых дверях, поскольку показания на суде должны были касаться военных тайн. Но в состав суда входили такие авторитетные, известные всей стране люди, как Ворошилов, Буденный, Шапошников. В сообщении о суде было указано, что подсудимые признали себя виновными. Ставить под сомнение это сообщение — значит бросать тень на таких незапятнанных людей, как Ворошилов, Буденный, Шапошников.

Говоря об этом процессе, хочется остановиться на личности руководителя военной группы Тухачевском.

Личность, безусловно, очень яркая. О нем уже много написано, в частности, такой маститый писатель, как Л. Никулин, написал о нем книгу. Вот об этой книге и еще об одной книге Майкла Сайерса и Альберта Кана «Тайная война против Советской России»,

изданной в 1947 году (издательство «Иностранная литература», предисловие секретаря ЦК КПСС Поспелова П. Н.), мне и хочется сказать несколько слов. Я хочу остановиться на той характеристике Тухачевского, которую дают авторы этих книг.

Их характеристики прямо противоположны. Кто же из них прав? Кому верить? Я лично встречался с Тухачевским, знал его. О нем было известно, что он происходил из дворянской помещичьей семьи, закончил Кадетский корпус и Александровское военное училище. Но я никогда не слышал о том, что его мать была простой малограмотной крестьянкой. Никулин пишет, что сведения о детстве Тухачевского получил от товарища своего знакомого, который разыскал 90-летнего старика, работавшего в молодости в имении отца Тухачевского. Записал беседу с ним и переслал ее Никулину.

Источник, как мне кажется, малоавторитетный.

Бесспорно, что Тухачевский был высокообразованным человеком. Ни внешность, ни жесты, ни манера держаться, ни разговор — ничто не указывало в нем на пролетарское происхождение, наоборот, во всем видна была голубая кровь.

Никулин пишет, что Тухачевский не был карьеристом, а вот по другим сведениям, Тухачевский после окончания Александровского училища говорил:

«Или в тридцать лет я буду генералом, или застрелюсь».

Французский офицер Реми Рур, который был в плену вместе с Тухачевским, характеризовал его как человека крайне честолюбивого, не останавливающегося ни перед чем. Впоследствии, в 1928 году, Реми Рур написал о Тухачевском книгу под псевдонимом Пьер Фервак.

Тухачевский бежал из немецкого плена и вернулся в Россию накануне Октябрьской революции. Он сначала примкнул к бывшим офицерам царской армии, затем порвал с ними.

Сайерс и Кан пишут, что своему приятелю Голумбеку на вопрос о том, что он намерен делать, Тухачевский ответил: «Откровенно говоря, я перехожу к большевикам. Белая армия ничего не способна сделать. У них нет вождя».

В 1918 году Тухачевский вступил в партию. Культурный человек, образованный военный и, безусловно, талантливый полководец, Тухачевский быстро выдвинулся в первые ряды руководителей Красной Армии. Таких людей у большевиков было мало, и они им были нужны. Расчет Тухачевского был верен. После окончания Гражданской войны Тухачевский стал одним из ближайших помощников Фрунзе по штабу Красной Армии. А в 1925 году после смерти Фрунзе был назначен на пост начальника штаба Красной Армии.

Вот что пишут об этом периоде деятельности Тухачевского Сайерс и Кан: «Работая в штабе Красной Армии, Тухачевский сблизился с троцкистом Путной, последовательно занимавшим должности военного атташе в Берлине, Лондоне, Токио, и начальником Политуправления Красной Армии Яном Гамарником», которого Сайерс и Кан называют «личным другом рейхсверовских генералов Сокта и Гаммерштейна».

Никулин пишет, что все обвинения против Тухачевского были построены на оговорах. Для этого воспользовались служебными поездками маршала и его товарищей за границу, встречами, имевшими чисто деловой характер.

А вот что пишут об одной такой поездке Сайерс и Кан.

В начале 1936 года Тухачевский, как советский военный представитель, ездил в Лондон на похороны короля Георга V. Незадолго до отъезда он получил желанное звание Маршала СССР. Он был убежден, что близок час, когда советский строй будет низвергнут и «новая Россия» в союзе с Германией и Японией ринется в бой за мировое господство. По дороге в Лондон Тухачевский останавливался ненадолго в Варшаве и Берлине, где он беседовал с польскими полковниками и немецкими генералами. Он так был уверен в успехе, что почти не скрывал своего преклонения перед немецкими милитаристами.

В Париже на официальном обеде в советском посольстве, устроенном после его возвращения из Лондона, Тухачевский изумил европейских дипломатов открытыми нападками на советское правительство, добивавшееся организации коллективной безопасности совместно с западными демократическими державами. Сидя за столом рядом с румынским министром иностранных дел Титулеску, он говорил: «Напрасно, господин министр, вы связываете свою карьеру и судьбу своей страны с судьбами таких старых, конченых государств, как Великобритания и Франция. Мы должны ориентироваться на новую Германию. Германии, по крайней мере, в течение некоторого времени, будет принадлежать гегемония на Европейском континенте. Я уверен, что Гитлер означает для нас всех спасение».

Слова Тухачевского были записаны румынским дипломатом, заведующим отделом печати румынского посольства в Париже Шаканаком Эссезом, который также присутствовал на банкете в советском посольстве. А бывшая в числе гостей известная французская журналистка Женевьева Табуи писала потом в своей книге «Меня называют Кассандрой»: «В последний раз я видела Тухачевского на следующий день после похорон короля Георга V. На обеде в советском посольстве русский маршал много разговаривал с Политисом, Титулеску, Эррио и Бонкуром. Он только что побывал в Германии и рассыпался в похвалах нацистам. Сидя справа от меня и говоря о воздушном пакте между великими державами и Гитлером, он не переставал повторять: «Они уже непобедимы, мадам Табуи». Почему он говорил с такой уверенностью? Не потому ли, что ему вскружил голову сердечный прием, оказанный ему немецкими дипломатами, которым нетрудно было договориться с этим представителем старой русской школы?

Так или иначе, в этот вечер не я одна была встревожена его откровенным энтузиазмом. Один из гостей, крупный дипломат, проворчал мне на ухо, когда мы покидали посольство: «Надеюсь, что не все русские думают так».

В 1938 году на процессе Ягоды троцкисты Крестинский и Розенгольц в своих показаниях подробно рассказывали о роли Тухачевского в заговоре военных. А Ягода на вопрос о том, почему они не объединились с военными, ответил, что они знали о бонапартистских наклонностях Тухачевского и это их не устраивало.

Все это говорит, конечно, не в пользу Тухачевского.

Я не имею ни права, ни достаточно фактов, чтобы обвинить Тухачевского, я это и не ставлю своей целью, но не могу не поставить под сомнение его незапятнанную славу. Она запятнана подозрениями.

Никулин пишет, что Сталин завидовал Тухачевскому. Но почему тогда Тухачевского назначали на ответственнейшие посты, оказывали ему полное доверие и одному из первых полководцев присвоили высокое звание маршала? Правдоподобно ли обвинение Никулина? Ведь от Сталина тогда многое зависело. Это происходило в годы так называемого «культа личности». Едва ли Тухачевский достиг бы такого высокого положения, если бы Сталин не поддерживал его, а наоборот, противодействовал. Относительно военных способностей Сталина и зависти его к славе других скажу одно — он занимал такое положение и пользовался таким авторитетом, как в своей стране, так и за рубежом, что смешно, если бы он кому-то завидовал. А свои военные способности он доказал, будучи Верховным Главнокомандующим во время Великой Отечественной войны, которую под его руководством наша страна выиграла. А тому, кто сомневается в этом, рекомендую прочитать переписку Сталина с Рузвельтом и Черчиллем, которая является подлинным историческим документом в истории войны 1941–1945 годов и характеризует Сталина как крупного государственного деятеля и мудрого военного руководителя. Эту переписку не мешало бы прочитать каждому советскому человеку.

Никулин пишет, что достаточно перечитать военную переписку Ленина, чтобы понять, кто был истинной душой обороны Советской республики в годы Гражданской войны. Так вот, прочитав военную переписку Сталина с Рузвельтом и Черчиллем, можно

также понять, кто был душой обороны Советской России в годы Великой Отечественной войны.

Никулин берет на себя смелость заявлять о том, что, если бы не были физически уничтожены видные военачальники Красной Армии, можно было бы достичь победы с меньшими жертвами и весь ход войны мог бы быть иным. Я согласен с Никулиным в последнем, но с оговоркой. Ход войны был бы иным, если бы не был уничтожен враг внутри страны. Вот что писал по этому поводу американский посол в СССР Джозеф Дэйк в 1941 году после нападения нацистов на Советский Союз: «В России не было так называемой «внутренней агрессии», действовавшей согласованно с немецким верховным командованием. В 1939 году поход Гитлера на Прагу сопровождался активной военной поддержкой со стороны генлейновских организаций. То же самое можно сказать о гитлеровском вторжении в Норвегию.

Но в России не оказалось судетских генлейнов, словацких тиссо, бельгийских дегрелей или норвежских квислингов. Все это фигурировало на процессах 1937–1938 годов, на которых я присутствовал лично, следя за их ходом.

Вновь пересмотрев отчеты об этих процессах и то, что сам тогда писал, я вижу, что, по существу, все методы действий немецкой «пятой колонны», известные нам теперь, были раскрыты и обнажены признаниями саморазоблачившихся русских квислингов… Теперь совершенно ясно, что все эти процессы, чистки и ликвидации, которые в свое время казались такими суровыми и так шокировали весь мир, были частью решительного и энергичного усилия сталинского правительства предохранить себя не только от переворота изнутри, но и от нападения извне. Оно основательно взялось за работу по очистке и освобождению страны от изменнических элементов. В России в 1941 году не оказалось представителей «пятой колонны» — они были уничтожены.

Чистка навела порядок в стране и освободила ее от измены».

Из книги Сайерса и Кана: «Великая Отечественная война выдвинула много новых талантливых полководцев. Герои, овеянные славой, любимые народом, они пользовались огромной популярностью». И разве можно сравнить славу и популярность и любовь народа к Жукову и Рокоссовскому с популярностью Тухачевского? Однако Сталин не уничтожил их, а осыпал почестями, и не только их, а многих, многих других. И вообще изображать Сталина Иваном Грозным недостойно настоящего писателя, так как таким он никогда не был.

Сталин был непримирим к врагам, но никогда ничего не делал из личных побуждений. Им руководило одно чувство любви к Родине, ее благополучию и процветанию.

История оправдывает даже Ивана Грозного, поскольку те жестокие меры, которыми было отмечено его царствование, были применены во имя укрепления, объединения и дальнейшего развития России.

Я еще раз повторяю, что не собираюсь обвинять Тухачевского, я только ставлю под сомнение его незапятнанность. Мне лично в этом деле кажется очень странным самоубийство Гамарника и то растерянное и очень подавленное состояние, в каком находился Тухачевский после снятия его с поста заместителя наркома. Если он ни в чем не был замешан, то почему это так его потрясло?

Если человек виновен, то страх перед разоблачением и арестом может привести в такое состояние.

Вот что пишет генерал-лейтенант Ермолин о своей встрече с Тухачевским на партконференции в г. Куйбышеве после назначения Тухачевского командующим Приволжским военным округом: «Чувствовалось, что Михаилу Николаевичу не по себе. Сидя неподалеку от него за столом президиума, я украдкой приглядывался к нему. Виски его поседели, глаза припухли. Иногда он опускал глаза, как от режущего света. Голова опущена, пальцы непроизвольно перебирают карандаши, лежащие на скатерти. Мне

доводилось наблюдать Тухачевского в различных обстановках, в том числе и в горькие дни варшавского отступления, но таким я не видел его никогда».

Да, в жизни все бывает. Бывают взлеты и падения. Но если совесть у человека чиста и он настоящий коммунист, то он не падает духом и постарается доказать свою невиновность.

Разрешу себе привести для примера такой случай.

Адмирал Н. Г. Кузнецов в 1947 году был снят с поста наркома Военно-Морского Флота и назначен с большим понижением на работу в Ленинград. Но он не пал духом, не утратил душевного равновесия, а с присущей ему энергией взялся за работу в новой должности. Совесть его была чиста, и он мог не бояться за свое будущее. А в 1948 году он уже был назначен на пост военно-морского министра. Все это происходило в годы так называемого «культа личности».

Приведу и себя в пример. В 1952 году, оклеветанный перед Сталиным врагом народа Берия, я был не только снят с должности начальника Главного управления охраны и переведен на работу в г. Асбест, но и исключен из партии. Но я также не пал духом, не растерялся, совесть моя была чиста. Я был твердо уверен, что Сталин во всем разберется и правда восторжествует. Но мои враги, чувствуя это, решили избавиться от меня и добились санкции на мой арест. Уничтожить меня физически им помешало разоблачение самого Берия как врага народа.

Что касается Тухачевского, то он обвинен на основании документа, переданного Бенешем Сталину, разоблачающего документа, а вот реабилитирован Тухачевский по довольно сомнительному заверению гитлеровских агентов, будто бы документ, переданный Бенешем, был фальшивым.

Можно этому верить? Сомневаюсь».

Глава 6
СТАЛИН И БУХАРИН

«Что мерзавцев расстреляли — отлично: воздух сразу очистился»
Н. И. Бухарин — членам Политбюро ЦК ВКП(б) и А. Я. Вышинскому

В сопроводительной записке к своему письму Н. И. Бухарин написал:

«В секретариат
тов.
Сталина.

Прошу размножить и разослать прилагаемый документ по соответствующим адресам. Если тов. Сталин в отпуску,
все равно прошу
отослать ему
в первую очередь. В
этом особая моя просьба. 27 августа 1936 г. Москва.
Н. Бухарин». (Ф. 3. Оп. 24. Д. 236. Л. 67. Автограф.)

На машинописном экземпляре письма Н. И. Бухарина имеются пометки: «Читал К. Ворошилов», «Читал А. Андреев», «В. Чу-барь», «Читал Ежов», на другом машинописном

экземпляре письма также имеются пометки: «Читал. Надо обсудить. Молотов», «Читал С.Орджоникидзе». (
Там же. Л. 53, 54.)

«г. Москва
27 августа 1936 г.
Всем членам Политбюро ЦК ВКП(б)
Копия — тов. Вышинскому
Дорогие товарищи!

Будучи в городах Средней Азии, я не имел никакого представления о процессе. Никакого вызова из Москвы — ни от ЦК, ни от Прокуратуры — я не получал. Приехав во Фрунзе, я случайно прочел о показаниях Каменева. Я тотчас отправился в Ташкент, оттуда выслал телеграмму на имя т. Сталина и немедленно на самолете вылетел в Москву. Прилетел вчера, ночью читал газеты, не читанные вдалеке. И, пока мой разум еще не помутился от того позора и бесчестья, которые созданы не столько фактом моей подследственности, сколько резолюциями, часть коих предполагает доказанной мою виновность (хотя следствие еще и не начиналось, т. е. только на основе заявлений мерзавцев Каменева и др.), я обращаюсь к вам с настоящим письмом.

Затруднительность положения усугубляется тем, что, несмотря на самолет (и нарушение постановления о летании), я не поспел к суду, и, следовательно, не могу уже требовать очной ставки с Каменевым, Зиновьевым, Рейнгольдом. Моих
обвинителей
(здесь и далее выделено Н. И. Бухариным. —
В. С.)
поделом расстреляли, но их
обвинения
живут.

Между тем я не только не виновен в приписываемых мне преступлениях, но могу с гордостью сказать, что защищал все последние годы, и притом со всей страстностью и убежденностью линию партии, линию ЦК, руководство Сталина.

Прежде всего, я хотел бы сказать несколько слов о том, зачем, по всей вероятности, понадобилась Каменеву и К° клевета. Она понадобилась им, по-видимому, в следующих целях:

а) показать (в международном масштабе), что «они» —
не одни;

б) использовать хотя бы самый малый шанс на помилование путем демонстрации якобы предельной искренности («разоблачать»
даже
«других», что не исключает пряташья
своих
концов в воду);

в) побочная цель: месть тем, кто хоть как-нибудь активно живет политической жизнью. Каменев поэтому постарался, вместе
с

Рейнгольдом, отравить все колодцы — жест очень продуманный, хитрый, рассчитанный. При таких условиях любой член партии

боится поверить

любому слову бывшего когда-либо в какой-либо оппозиции товарища.

«Правда» от имени партии писала в одной из передовых по поводу людей, имена коих фигурируют в заявлении тов. Вышинкого (о следствии), что нужно убедиться, кто честен, а у кого камень за пазухой. Правильная постановка вопроса. Именно это и должно установить следствие.

В связи с этим я должен сказать, что со своей стороны я, вероятно, с 33 года оборвал даже

всякие личные отношения

со своими бывшими единомышленниками М. П. Томским и А. И. Рыковым. Как ни тяжела подобного рода самоизоляция, но я считал, что политически это необходимо, что нужно отбить, по возможности, даже внешние поводы для болтовни о «группе». Что это — не голословное утверждение, а реальный факт, можно очень просто проверить опросом шоферов, анализом их путевок, опросом часовых, агентуры НКВД, прислуги и т. п. Впрочем, это, кажется, факт общеизвестный и никем не оспариваемый. Между тем уже один этот факт уничтожает концепцию Каменева — Рейнгольда о сотрудничестве или связях с группой правых. Правых (лидеров) давным-давно уже

не было.

Пафос власти у меня лично всегда отсутствовал — это тоже всем известно. А что касается партийной линии, то здесь у моих обвинителей полная путаница: с одной стороны, Бухарин-де не согласен с генлинией; с другой стороны, они с генлинией согласны, но желают голой власти; в то же время Бухарин будто согласен с ними. Здесь такая же

логическая

подлая нечистоплотность, как и морально-политическая грязь. Между тем желательно было бы знать, что за другую линию выставлял Бухарин? К сожалению, это уже неизвестно навсегда.

По существу дела. После познания и признания своих ошибок (освоение этих уроков во всем их объеме было, разумеется,

процессом,

а не однократным актом) я

во всех областях с подлинной убежденностью защищал линию партии и сталинское руководство. Я

считал и считаю, что только

дураки

(если вообще хотеть социализма, а не чего-то еще) могут предлагать «другую линию». Какую? Отказаться от колхозов, когда они быстрейше растут и богатеют на общественной основе? От индустриализации? От политики мира? От единого фронта? Или вопрос о руководстве. Ведь только дурак (или изменник) не понимает, что за победоносные вехи: индустриализация, коллективизация, уничтожение кулачества, две великие пятилетки, забота о человеке, овладение техникой и стахановство, зажиточная жизнь, новая конституция. Ведь только дурак (или изменник) не понимает, что за львиные прыжки сделала страна, вдохновленная и направляемая железной рукой Сталина. И противопоставлять Сталину пустозвонного фанфарона (Л. Б. Каменев. —

В. С.)
или пискливого провизора-литератора (Г. Е. Зиновьев. —
В. С.)
можно только выживши из ума.

Но я думаю, что троцкистско-зиновьевские мерзавцы лгали, когда они говорили о только — власти
без
линии. У Троцкого есть своя, глубоко подлая и, с точки зрения социализма, глубоко глупая линия; они
боялись
о ней сказать; это — тезис о порабощении пролетариата «сталинской бюрократией», это — оплевывание стахановцев, это — вопрос о нашем государстве, это — оплевывание проекта нашей новой Конституции, нашей внешней политики и т. д. Но все это бьет в нос в такой степени, что подлецы не смели об этом даже заикнуться.

Я останавливаюсь на всем этом с такой подробностью вот почему. Доказать, что я действую
искренне
(без «камня за пазухой»), когда уже создана атмосфера (по милости подлецов, возведших двурушничество в чудовищно-всеобъемлющий принцип политики) полного априорного недоверия, можно только затратив много
труда.

Теперь, однако, нетрудно понять, что с
такой
(троцкистской)
линией
я не могу иметь ничего общего по всему своему прошлому и настоящему.

С другой стороны,
голода власти
я никогда не имел, а ума не потерял настолько, чтоб на место Сталина прочить аптекарского ученика.

С третьей стороны, группа бывших правых лидеров перестала давным-давно существовать.

Где же место для чего-то (неизвестно чего)?

Нет, товарищи! Со всей искренностью и любовью я защищаю общее дело, и никто не может мне предъявить обвинение в непартийности.

Но, однако же, ответьте — скажут мне — на «факты», о коих говорили Каменев, Зиновьев, Рейнгольд.

О чем говорил М. П. Томский с Каменевым в период работы последнего в издательстве «Академия», я совершенно не осведомлен, ибо не видался с М. П. Томским, как сказано выше. Каменев заявляет, что он поддерживал связь со мной и с Томским, и тут же утверждает, что он у Томского осведомлялся о моих настроениях. Это зачем, раз он

разговаривал непосредственно со мной? А как раз именно здесь и запущена ядовитая мысль,

отрава:

Бухарин-де не согласен с линией (в чем? в каких пунктах?), согласен с «нами» (но ведь вы как раз

согласны

с линией?), а зато имеет особую «тактику», хочет заслужить доверие, будучи двурушником…

Томского уже нет в живых, и я тоже не могу иметь с ним разговора… Но что мерзавец Каменев здесь хорошо

спекулирует,

это ясно. Все знают, что вовне я был гораздо более активен (что отчасти стоит в связи и с самим родом моей работы). Исходя из этого

факта,

он вкладывает в уста Томскому гипотезу (очень удобную для его, Каменева, целей). Подлый двурушник меряет здесь на свой аршин. Я и сейчас, вот этим письмом, борюсь за

доверие. Но

не для того, чтоб пакостить партии, а для того, чтобы иметь большие возможности работы: я не хочу падать жертвой подлой каменевской клеветы…

Хуже всего то, что эти убийцы говорят, будто я был с ними «согласен» или им «сочувствовал». Нигде не сказано, в

чем

согласен, в

чем

сочувствовал. Подлецы молчаливо вставляют сюда, очевидно, и террор, но нигде об этом не говорят прямо. Легко объяснить, почему. Не «своим» они об этом и не могли сказать, ибо сразу же бы «просыпались». На этом была построена у них вся система их отвратительной, подлейшей в истории практики. Поэтому речь никогда не шла —

и не могла идти

— о терроре. А между тем подлый намек (в расплывчатости самой формулировки) дан. Для чего? Для того, чтобы топить честных людей в той же вонючей яме с целью, о коей я уже говорил в самом начале письма.

Теперь необходимо сказать о пресловутых «связях» (моих). С Рейнгольдом я не имел удовольствия видеться, хотя он наиболее «осведомлен» (откуда?). С Каменевым, этим потенцированным стервецом (в

последний

период, о котором, собственно, и идет речь: я ведь не отрицаю своего тяжкого преступления в более ранний период и пресловутого разговора, «записанного» Каменевым и переданного им Троцкому), я виделся три раза и вел три деловых разговора. Все они относятся к тому времени, когда К[аменев] сидел в «Академии», намечался Горьким в лидеры Союза писателей (Постановлением Политбюро ЦК от 1 сентября 1934 года Л. Б. Каменев был рекомендован членом президиума и правления Союза советских писателей. —

В.

С), и когда ЦК ВКП(б) постановил, чтобы мы, академики-коммунисты, проводили его директором Института литературы и искусства Ак. наук (на место, кое раньше занимал умерший А. В. Луначарский). Мы должны, значит, были даже агитировать за Каменева среди беспартийных академиков, — никто и не подозревал, что за гнусная змея вползает туда. И ЦК не знал. И никто из нас не знал. И я не знал. Тогда ему доверяли. Статьи его печатались в «Правде».

Так вот мои три разговора (самое существенное):

Первый разговор. Я

спросил К[аменева], не возьмется ли он вести, как намечаемый глава литературы, литературный отдел газеты, — тогда я, мол, поговорю об этом с тов. Сталиным. Ответ гласил (примерно, за смысл ручаюсь): «Я хочу вести тихую и спокойную жизнь, чтоб я никого не трогал и меня чтоб никто не трогал. Я хочу, чтоб обо мне позабыли и чтоб Сталин не вспоминал даже моего имени».

После этой декларации обывательщины и «тихой жизни» я предложение свое снял. Т. о., К[аменев] не только не посвящал в свои планы контрреволюции, но

весьма основательно от меня маскировался,

что и не удивительно. А теперь лжет злодейской и кровавой ложью.

Второй разговор

был у нас в редакции в связи с какой-то печатавшейся у нас каменевской статьей (он тогда, как сказано выше, печатался и в «Правде»).

Третий

разговор

был в общежитии Академии наук, где останавливался всегда и я (мы тогда провели К[амене]ва, по постановлению ЦК, в вышеназванный институт директором). Там, в общежитии, были общие обеды, чаи, ужины, и все сидели за одним столом. Я читал вслух какую-то свою большую статью (академическую). Из политически важных вещей в памяти остался такой, примерно, диалог между Каменевым] и мной:

Кам[енев]:

«Как дела?»

Я

: «Прекрасно, страна растет, руководство блестяще маневрирует и управляет».

Кам[енев|:

«Да, маневрирует и управляет».

Точка. Тогда я не обратил достаточного внимания на полуиронический, очевидно, тон. Теперь у меня это всплыло в памяти.

Но из этого вытекает, что Каменев прекрасно знал о моих

партийных
взглядах. А что он налгал, как негодяй?

Значит, «связи» с Каменевым не носили никоим образом преступного характера. ЦК «ставил» Каменева на работу, и с ним приходилось работать. Теперь только открылось, что Фриц Давид (И. Д. Круглянский, в 1926 году был направлен в Германию для нелегальной работы, в 1933 году возвратился в Москву и работал до ареста в 1936 году в Исполкоме Коминтерна. —
В. С.) —
террористическая сволочь. А недавно он еще печатался в «Правде». Здесь речь идет не о нелегальных связях совместно действующих единомышленников-заговорщиков, а о чем-то совсем другом, что нельзя ставить в вину (если можно упрекать, то в недостаточной изощренной бдительности). Часто, однако, в острые моменты истории некоторые не замечают этой капитальной разницы, а многие трусят и дрожат априорно. Но здравый смысл требует здесь дифференцированного подхода: иначе можно наделать крупнейших ошибок…

Теперь о
Рейнгольде.
Мне неизвестен разговор Томского с Зиновьевым в 1932 году, о чем говорит Рейнгольд. Что касается фразы: «Связь с Бухариным поддерживалась через Карева (заместитель заведующего отделом АН СССР. —
В. С.) —
активного зиновьевца, который был тесно связан с двумя террористическими группами: Слепкова (член редколлегии «Правды». —
В. С.)
и Эйсмонта (нарком торговли РСФСР. —
В. С.)»,
то замечу следующее:

Во-первых, Карева я неоднократно встречал в Ак. наук, и притом, главным образом, на квартире управделами Академии, Ст. Волынского, старого, испытанного чекиста, который «сопровождал» Троцкого при высылке в Константинополь. Здесь Карев был свой человек, друг дома («Коля Карев»), и при такой специфической ситуации я никак не мог предполагать, что в Кареве сидит террорист. Ни намека ни на какие разговоры о терроре здесь, разумеется, не было. Может, это считать за «связь»? Тогда она была и у Волынского, и у его жены, и у всех академиков, кои часто торчали на этой квартире.

Во-вторых, я ровно ничего не знал о группе Эйсмонта до разбора этого дела в ЦК и уж подавно не знал, что Карев был с ней в каких-либо отношениях (если вообще Рейнгольд здесь говорил правду, о чем не мне судить).

В-третьих, мне до сих пор неизвестно, чтобы группа Слепкова, группа контрреволюционная, была террористической. Правда, тов. Сталин самолично показывал мне ряд документов, из коих было видно, что эти люди у меня «вырвались из рук» (Сталин) уже давно, что давно они мне не доверяли, а некоторые считали предателем, что они ушли далеко, что где-то на периферии и здесь иногда всплывали террористические гнусные разговоры, о коих я из этих документов только и узнал. Но до сей поры я не знаю, что группа была террористической. Описания пресловутой конференции, которые мне в свое время давали по распоряжению тов. Сталина, не содержали ни намека на террор. А это было последнее, что я знал о группе Слепкова.

Следовательно, и из «сообщения» Рейнгольда ничего не получается. С кем бы и как Карев ни был связан, со мной он был «связан» литературно-философскими беседами на квартире у С. Т. Волынского, и я не имел — и не мог иметь —

вплоть до прочтения газет с отчетами о процессе,

ни малейшего представления о его террористической роли.

Мне хочется, наконец, сказать несколько слов о своей заграничной поездке. Вы, вероятно, знаете, что на моем докладе в Париже не кто иной, как

троцкисты,

произвели враждебную демонстрацию и были выведены нашими боевиками. Вы, б. м., знаете и о том, что парижские троцкисты готовились сделать мне и более крупные неприятности и что наша агентура просила меня поэтому во что бы то ни стало переехать из отеля в полпредство; что даже французская полиция выставила для моей охраны наряды полисменов, ибо ждали нападения на мою личность… Признаюсь, пасть под такими ударами было бы много лучше, чем пасть под ударами каменевской клеветы, подхваченной своими, близкими, товарищами (см. некоторые резолюции). Я сейчас потрясен до самого основания трагической нелепостью положения, когда, при искреннейшей преданности партии, пробыв в ней тридцать лет, пережив столько дел (ведь кое-что я делал и положительное), меня вот-вот зачислят (и уж зачисляют) в ряды врагов — да каких! Перестать жить биологически — стало теперь недопустимым политически. Жизнь при политической смерти не есть жизнь. Создается безысходный тупик, если только сам ЦК не снимет с меня бесчестья. Я знаю, как теперь стало трудно

верить,

после всей зловонной и кровавой бездны, которая вскрылась на процессе, где люди были уже не-люди. Но и здесь есть своя мера вещей: не все люди из бывших оппозиционеров двурушники.

Пишу вам, товарищи, пока есть еще капля душевных сил. Не переходите грани в недоверии! И — прошу — не затягивайте дела подследственного Николая Бухарина: и так мне сейчас жить — тяжкая смертельная мука, — я не могу переносить, когда даже в дороге меня боятся — и, главное,

без вины

с моей стороны.

Что мерзавцев расстреляли — отлично: воздух сразу очистился. Процесс будет иметь огромнейшее международное значение. Это — осиновый кол, самый настоящий, в могилу кровавого индюка, налитого спесью, которая привела его в фашистскую охранку. У нас даже мало оценивают, мне сдается, это международное значение. Вообще жить хорошо, но не в моем положении. В 1928—29 преступно наглупил, не учитывая всех последствий своих ошибок, и вот даже теперь приходится расплачиваться такой ужасной ценой.

Привет всем вам. Помните, что есть и люди, которые искренне ушли от прошлых грехов и которые, что бы ни случилось, всей душой и всем сердцем (пока оно бьется) будут с вами.

Николай Бухарин

Некоторые добавочные факты

Должен, чтобы не было недоразумений, сказать, что за годы моей работы в НКТП (Наркомат тяжелой промышленности СССР. —

В. С.)

и «Известиях», куда ко мне ходило и ходит много всякого народу с разными просьбами, жалобами и т. д., бывали случаи встреч, о коих кратко упоминаю.

1. В НКТП (не помню уж, в котором году) прямо от Серго ко мне зашел И. Н. Смирнов (троцкист. —

В. С.),

сказал, что был в Самаре (или Саратове?), где «голодает» Рязанов (Д. Б. Голденбах, до 1931 года директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса, тогда же исключен из партии. —

В. С.)

и его жена больная, нельзя ли тому помочь. Я что-то обещал справиться, кажется, звонил в

ЦИК.

2. В «Известия» внезапно заявился однажды Рязанов, с орденом на груди (года не помню, но его легко установить, т. к. тогда ему было разрешено приехать лечить больную жену). Когда я у него спросил, что он сотворил с документом, он вскипел, стал стучать кулаком и заявил, что никогда не признает своей вины. Скоро ушел.

3. Как ни старался я избежать посещения А. Шляпникова (до 1929 года представитель правления акционерного общества «Металлоимпорт», впоследствии хозяйственный работник, в 1933 году исключен из партии. —

В. С),

он меня все-таки поймал (это было в этом году, незадолго до его ареста) в «Известиях», просил передать письмо Сталину; я сказал своим работникам, чтобы больше его не пускали, потому что от него «политически воняет» (он ныл: «Не за границу же мне бежать» и в таком же роде). Его письма, которые он оставил, я не пересылал, видя его настроения.

4. На квартире у Радека (троцкист, исключался из партии в 1927 и 1936 годах, работал в редакции газеты «Известия». —

В.

С), вскоре после моего назначения в «Известия», я однажды вечером встретил Зиновьева (тогда он был в «Большевике» и пришел к Радеку за книгами): мы заставили его выпить за Сталина (он жаловался на сердце); Зин[овьев] тогда пел дифирамбы Сталину

(вот подлец!).

5. Однажды я пришел к Радеку в Дом Правительства, чтобы прочитать ему, как члену редколлегии, только что написанную мной статью и там встретил длинного, худого человека. Я быстро прочитал статью, а он почти тотчас ушел. Я узнал, что это был Мрачковский (после окончания Гражданской войны командовал рядом военных округов, с 1925 года на хозяйственной работе. —

В. С).

Радек сказал мне, что он его не мог вытолкать, что велел жене, чтобы больше она его не пропускала, и был очень недоволен его вторжением. Факты эти известны, ибо все посещения в Доме Правительства регистрируются у швейцаров.

Два последних случая, по-моему, не бросают на Радека никакой тени. Я верю в его искренность по отношению к партии и Сталину. Я неоднократно с ним беседовал на острые политические темы: он продумывает их очень добросовестно и во всех выводах крепко стоит на партийной позиции. В малых, кухонных, делах у нас не раз бывали конфликты, и я бывал отнюдь не в восторге от его поведения. Но в большой политике у него, насколько я могу судить, безусловная партийность и огромное уважение и любовь к Сталину и другим руководителям партии.

6. Звонил однажды Астров (до ареста в 1932 году работал в Институте истории Комакадемии. —

В. С.)

, но я его не принял.

Добавляю, что людям такого типа, как я или Радек, иногда трудно просто вытолкать публику, которая приходит: это подчас роняет престиж человека, точно он безмерно трусит («как бы чего не случилось»). Ко мне, напр[имер], приходили все время просить за О. Мандельштама (Б. Пастернак. Дело решил тов. Сталин), за С. Вольского (т. Сталин приказал его немедленно освободить по письму его, Вольского, бывшей жены) и т. д. и т. п.

Тут нужно знать меру, но далеко не всегда можно и не всегда нужно обязательно избегать аналогичных посещений.

Упомяну еше о случае, бывшем несколько месяцев тому назад. Ко мне пришел в «Изв[естия]>> б. секретарь Томского, Н. И. Воинов, и сказал мне, что Т[омск]ий в полном одиночестве, в мрачной депрессии, что к нему никто не заходит, что его нужно ободрить; он просил меня зайти. Я не выполнил этой человеческой просьбы, подчинив свое поведение вышеупомянутой политической норме. А может, это в данном случае была ошибка. Ведь и пессимистические политические настроения нередко вырастают на неполитической почве, которая, в свою очередь, может быть производной от политики.

В заключение я должен, товарищи, прямо сказать: я сейчас ни физически, ни умственно, ни политически не в состоянии появляться на работе (хотя и срок моего отпуска еще не кончился: он кончается только 1 сентября). Я не могу ничего приказывать, ни требовать, когда я

подследственный. Я

глубоко благодарен ЦК, что он не снял меня с «Известий». Но я прошу понять, что работать фактически смогу только после того, как с меня будет снят позор каменевских клевет. Я разбит настолько, что буду сидеть или на квартире или на даче и буду ждать вызова со стороны ЦК или Прокуратуры.

С комм, приветом Н. Б.

27 августа 1936 г.

Москва».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 236. Л. 67–82. Автограф. Там же. Л. 53–66. Маш. экз.

Из истории переписки.

Вышинский в 1935–1939 годах занимал пост Прокурора СССР.

19—24 августа 1936 года в открытом судебном заседании слушалось дело об «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре». На скамье подсудимых было 16 человек. Ранее они исключались из партии, арестовывались, помещались в тюрьмы и высылались из Москвы за активное участие в троцкистской и зиновьевской оппозиции.

К высшей мере наказания были приговорены: Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов, И. П. Бакаев, С. В. Мрачковский, И. Н. Смирнов, И. И. Рейнгольд, Фриц-Давид (И. Д. Круглянский), М. И. Лурье, Н. Л. Лурье и др.

В приговоре сказано, что указанные лица были осуждены к смертной казни за проведение антисоветской, шпионской, вредительской и террористической деятельности, причастность к убийству С. М. Кирова и подготовку террористических актов против руководителей партии и правительства.

Л. Б. Каменев, И. Н. Рейнгольд и некоторые другие подсудимые утверждали, что Бухарин, Рыков и Томский знали о существовании террористических групп правых. Бухарин в это время был в Средней Азии и, не подозревая о начавшемся в Москве процессе, писал письма Сталину о своих путевых впечатлениях.

24 августа 1936 года из Ташкента Бухарин направил телеграмму: «ЦК ВКП(б) т. Сталину. Только что прочитал клеветнические показания мерзавцев. Возмущен глубины души. Вылетаю Ташкента самолетом 25 утром. Прошу извинить это нарушение. 24/VIII Бухарин». (Ф.

3. Оп. 24. Д. 235. Л. 118.)

Они все молчали, и тогда встревоженный Бухарин обратился к Ворошилову.

Бухарин — Ворошилову

«Дорогой Климент Ефремович.

Ты, вероятно, уже получил мое письмо членам Политбюро и Вышинскому, я послал его ночью сегодня в секретариат т. Сталина с просьбой разослать. Там написано все существенное в связи с чудовищно подлыми обвинениями Каменева. (Пишу сейчас и переживаю чувство полуреальности: что это — сон, мираж, сумасшедший дом, галлюцинации? Нет, это реальность.)

Хотел спросить (в пространство) одно: и вы все верите? Вправду?

Вот я писал статьи о Кирове. Киров, между прочим, когда я был в опале (поделом) и в то же время заболел в Ленинграде, приехал ко мне, сидел целый день, укутал, дал вагон свой, отправил в Москву, с такой нежной заботой, что я буду помнить об этом и перед смертью. Так вот, что же

я неискренне

писал о Сергее?

Поставьте честно вопрос. Если неискренне, то меня нужно немедля арестовать и уничтожить: ибо таких негодяев нельзя терпеть.

Если вы думаете «неискренне», а сами меня оставляете на свободе, то вы сами трусы,

не заслуживающие уважения.

А если вы сами не верите в то, что набрехал циник-убийца Каменев, омерзительнейший из людей, падаль человеческая, то зачем же вы допускаете резолюции, где (Киевская, напр.) говорится о том, что я «знал» черт знает о чем? (23 августа 1936 года «Правда» опубликовала заметку «Из резолюции Киевского областного и городского актива по докладу тов. П. П. Постышева» о процессе над Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым и др. —
В. С.)

Где тогда смысл следствия, рев. законность и прочее?

Ведь, напр., если Киевский партактив
решает:
«он знал», то как следователь может сказать
«не
знал», если
партия
сказала «знал»?

Я хорошо понимаю, что раз на суде гласно было сделано такое заявление (хотя вряд ли оно выскочило на суде только в первый раз; а на предварительном следствии? И почему меня не вызвали?), то следствие логически из этого вытекало. Но тогда нужно
ждать его
конца,
не спешить и не компрометировать самой рев. законности.

Ты назвал «правых»
помощниками
зин[овьевцев]-троцк[истов] (в речи о С. С. Каменеве) (Речь К. Е. Ворошилова на похоронах члена Военного совета при НКО СССР, командарма 1-го ранга С. С. Каменева. —

В.

С).
В данное
время это —
лозунг.
Хотя у тебя — другое время, но в
массе
не разбираются так тонко. Значит, ты
веришь
во все это чудовищное?

Тогда не тяните канители и расправляйтесь поскорей. В истории бывают случаи, когда замечательные люди и превосходные политики делают тоже роковые ошибки «частного порядка»: я вот и буду математическим коэффициентом вашей частной ошибки. Sub specie historioe (под углом зрения истории) это — мелочь, литературный материал.

Правда, я — поскольку сохраняю мозги — считал бы, что с международной точки зрения

глупо

расширять базис сволочизма (это значит идти навстречу желаниям прохвоста Каменева! им того только и надо было показать, что они — не одни). Но не буду говорить об этом, еще подумаете, что я прошу снисхождения под предлогом большой политики…

А я хочу правды: она на моей стороне. Я много в свое время грешил перед партией и много за это и в связи с этим страдал.

Но еще и еще раз заявляю, что с великим внутренним убеждением я защищал все последние годы политику партии и руководство Кобы, хотя и не занимался подхалимством.

Хорошо было третьего дня лететь над облаками: 8° мороза, алмазная чистота, дыхание спокойного величия.

Я, б. м., написал тебе какую-то нескладицу. Ты не сердись. Может, в такую конъюнктуру тебе неприятно получить от меня письмо — бог знает: все возможно.

Но «на всякий случай» я тебя (который всегда так хорошо ко мне относился) заверяю:

твоя совесть должна быть внутренне совершенно спокойна;

за твое отношение я тебя не подводил: я действительно ни в чем не виновен, и рано или поздно это обнаружится, как бы ни старались загрязнить мое имя.

Бедняга Томский! Он, быть может, и «запутался» — не знаю. Не исключаю. Жил один. Быть может, если б я к нему ходил, он был бы не так мрачен и не запутался. Сложно бытие человека!

Но это — лирика. А здесь — политика, вещь мало лиричная и в достаточной мере суровая.

Что расстреляли собак — страшно рад. Троцкий процессом убит политически, и это скоро станет совершенно ясным.

Если к моменту войны буду жив — буду проситься на драку (не красное словцо), и ты тогда мне окажи последнюю эту услугу и устрой в армии хоть рядовым (даже если каменевская отравленная пуля поразит меня).

Советую когда-либо прочесть драмы из французской] рев[о-лю]ции Ром. Роллана.

Извини за сумбурное письмо: у меня тысячи мыслей, скачут как бешеные лошади, а поводьев крепких нет. Обнимаю, ибо чист,

Ник. Бухарин

31.VIII.36».

АПРФ. Ф. 58. On. 1. Д. 6. Л. 10–13. Автограф. Ф. 3. On. 24. Д. 237. Л. 116–118. Машинописная копия.

Ворошилов — Бухарину

«т. Бухарину

Возвращаю твое письмо, в котором ты позволил себе гнусные выпады в отношении парт, руководства. Если ты твоим письмом хотел убедить меня в твоей полной невиновности, то убедил пока в одном: впредь держаться от тебя подальше, независимо от результатов следствия по твоему делу, а если ты письменно не откажешься от мерзких эпитетов по адресу парт, руководства, буду считать тебя и негодяем.

К. Ворошилов

3. IX.36 г.».

АПРФ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 6. Л. 14. Автограф. АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 237. Л. 115. Машинописный экз.

Бухарин — Ворошилову
«3 сент. 1936 г.
Тов. Ворошилову

Получил твое
ужасное
письмо.

Мое письмо кончалось: «обнимаю».
Твое письмо кончается: «негодяем».
После этого что же писать?
Но я хотел бы устранить одно политическое недоразумение.

Я писал письмо
личного
характера (о чем теперь очень сожалею). В тяжком душевном состоянии; затравленный, я писал просто к человеку большому; я сходил с ума по поводу одной только мысли, что может случиться, что кто-то поверит в мою виновность.

И
вот,

крича,

я писал:

«Если вы думаете «неискренне» (что я напр., Кировские статьи писал «неискренне»), а оставляете меня на свободе, то вы сами трусы и т. д.

И далее: «А
если вы сами не верите
в то, что набрехал К[аменев] и т. д.».

Что же, я думаю, по-твоему, что вы трусы или обзываю трусами руководство?

Наоборот, этим я говорю:

Так как

всем известно, что вы не трусы,
значит,
вы не
верите
в то, что я мог написать неискренние статьи. Ведь это же видно из самого письма!

Но если я так сумбурно написал, что это можно понять, как выпад, то я — не страха ради иудейска, а по существу, — трижды письменно и как угодно беру все эти фразы назад, хотя я совсем не то хотел сказать, что ты подумал.

Партийное руководство я считаю замечательным. И в самом письме к тебе, не исключая возможности ошибки со мной с вашей стороны, я писал: «В истории бывают случаи, когда

замечательные

люди и

превосходные

политики делают тоже ошибки частного порядка»… Разве этого не было в письме? Это же и есть мое действительное отношение к руководству. Я это давным-давно признал и не устану это повторять. И смею думать, я доказал это своею деятельностью за все последние годы.

Во всяком случае, это недоразумение прошу снять. Очень извиняюсь за прошлое письмо, впредь отягощать никакими письмами не буду. Я в крайне нервном состоянии. Этим и было вызвано письмо. Между тем мне необходимо возможно спокойнее ждать конца следствия, которое — уверен — докажет мою полную непричастность к бандитам. Ибо в этом — правда.

Прощай,

Бухарин».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 458. Л. 14–22. Ротаторный экз. Ф. 58. Оп. 1. Д. 6. Л. 10–15. Автограф.

Из истории переписки.

Ворошилов распорядился направить Сталину копии поступивших ему писем Бухарина и своего ответа ему. Прочитав их, Сталин написал на сопроводительном листе: «Тов. Молотову. Ответ Ворошилова хорош. Если бы Серго также достойно отбрил господина Ломинадзе, писавшего ему еще более пасквильные письма против ЦК ВКП, Ломинадзе был бы теперь жив и, возможно, из него вышел бы человек.

И. Сталин».

(Ф.

3. Оп. 24. Д. 237. Л. 114.)

В декабре 1936 года Ворошилов снова направил Сталину записку по поводу этих писем Бухарина: «Секретарю ЦК ВКП(б) т. Сталину. На заседании Пленума ЦК ВКП(б) т. Молотов в своей речи упоминал о письме т. Бухарина на мое имя и моем ответе на это письмо. Прошу разослать всем членам Пленума ЦК ВКП(б) копии упомянутых писем т. Бухарина на мое имя и мой ответ т. Бухарину, для сведения.

К. Ворошилов.

7.XI 1.36 г.».

Л. М. Каганович — И. В. Сталину

«14/IX

Здравствуйте, дорогой т. Сталин!

…4) Несколько слов об очной ставке Сокольникова — Рыкова — Бухарина. Сокольников производит впечатление озлобленного уголовного бандита, выкладывающего без малейшего смущения план убийства и их работу в этом направлении.

Рыков держал себя довольно выдержанно и все допытывался у Сокольникова, знает ли он об участии Рыкова только со слов Томского или еще кого. Видимо, после того

как он узнал, что Сокольников знает о связи Рыкова с Зиновьевым и Каменевым только от Томского, Каменева, он — Рыков — совсем успокоился и перешел в наступление. Но и Рыков и Бухарин главный упор делали на последних годах, что касается 31–32—33-го годов, они оба явно обходили. Хотя Рыков должен быть признать, что уже в 1934 году Томский его спрашивал, идти ли ему к Зиновьеву на дачу, т. е. в год убийства Кирова. Рыков ограничился только тем, что отсоветовал Томскому, но никому об этом не сказал.

Бухарин, тот больше спорил с Сокольниковым, хотя должен был признать, что в ответ на просьбу Сокольникова о напечатании его статьи в «Известиях» Бухарин ему ответил: «Пишите с подписью полной своей фамилии, вам надо бороться за свою легальность, я Рыкову это тоже говорю». В основном он, Бухарин, это подтвердил. Бухарин после ухода Сокольникова пустил слезу и все просил ему верить. У меня осталось впечатление, что, может быть, они и не поддерживали прямой организационной связи с троцкистско-зиновьевским блоком, но в 32–33, а может быть, и в последующих годах они были осведомлены в троцкистских делах. Видимо, они — правые, имели свою собственную организацию, допуская единство действий снизу. Вот на днях мне транспортные органы Г. П. У. дали список арестованной троцкистской группы железнодорожников в Москве, но, когда я посмотрел список, там оказалось порядочно крупных углановских бывших московских работников, и я думаю, что это троцкистско-правая организация железнодорожников. Во всяком случае правую подпольную организацию надо искать. Она есть. Я думаю, что роль Рыкова, Бухарина и Томского еще выявится.

Пятаков пока показаний не дает. Очная ставка будет устроена ему и Радеку. Хорошо, что громим всех этих троцкистско-зино-вьевских подлецов до конца…

Сердечный Вам привет и наилучшие пожелания. Ваш
Л. Каганович».

Ф. 45. Оп. 1. Д. 743. Л. 60–63. Автограф.

Из истории письма.

Направлено Кагановичем, оставшимся «на хозяйстве» в ЦК, Сталину, находившемуся на отдыхе в Сочи. В письме содержалась также информация об очных ставках Г. Я. Сокольникова с А. И. Рыковым и Н. И. Бухариным, проведенных 8 сентября 1936 года Прокурором СССР А. Я. Вышинским в присутствии Л. М. Кагановича.

Предсмертное письмо Бухарина
Бухарин — Сталину
«Весьма секретно Лично
Прошу никого другого без разрешения И. В. Сталина не читать
И. В. Сталину

7 стр. + 7 стр. приложения. (Приложение не обнаружено. —
В. С.)

Иосиф Виссарионович!

Пишу это письмо, как, возможно, последнее, предсмертное, свое письмо. Поэтому прошу разрешить мне писать его, несмотря на то, что я арестант, без всякой официальщины, тем более, что я его пишу только тебе, и самый факт его существования или несуществования целиком лежит в твоих руках…

Сейчас переворачивается последняя страница моей драмы и, возможно, моей физической жизни. Я мучительно думал, браться ли мне за перо или нет, — я весь дрожу сейчас от волнения и тысячи эмоций и едва владею собой. Но именно потому, что речь

идет о пределе, я хочу проститься с тобой заранее, пока еще не поздно, и пока пишет еще рука, и пока открыты еще глаза мои, и пока так или иначе функционирует мой мозг.

Чтобы не было никаких недоразумений, я с самого начала говорю тебе, что для мира (общества) я 1) ничего не собираюсь брать назад из того, что я понаписал; 2) я ничего в этом смысле (и по связи с этим) не намерен у тебя ни просить, ни о чем не хочу умолять, что бы сводило дело с тех рельс, по которым оно катится. Но для твоей личной информации я пишу. Я не могу уйти из жизни, не написав тебе этих последних строк, ибо меня обуревают мучения, о которых ты должен знать.

1. Стоя на краю пропасти, из которой нет возврата, я даю тебе тредсмертное честное слово, что я невиновен в тех преступлени-которые я подтвердил на следствии.

2. Перебирая все в уме, насколько я способен, я могу, в дополнение к тому, что я говорил на пленуме, лишь отметить:

а) что когда-то я от кого-то слыхал о выкрике, кажется, Кузьмина, но никогда не придавал этому никакого серьезного значения — мне и в голову не приходило;

в) что о конференции, о которой я

ничего не знал

(как и о рютинской платформе), мне бегло, на улице, post factum, сказал Айхенвальд («ребята собирались, делали доклад»), — или что-то в таком роде, и я тогда это скрыл, пожалев «ребят»;

с) что в 1932 году я двурушничал и по отношению к «ученикам», искренне думая, что я их

приведу целиком к партии,

а иначе оттолкну. Вот и все. Тем я очищаю свою совесть

до мелочей. Все остальное или не было или, если было, то я об этом не имел никакого представления.

Я на пленуме говорил таким образом

сущую правду,

только мне не верили. И тут я говорю абсолютную правду: все последние годы я честно и искренно проводил партийную линию и научился по-умному тебя ценить и любить.

3) Мне не было никакого «выхода», кроме как подтверждать обвинения и показания других и развивать их: либо иначе выходило бы, что я «не разоружаюсь».

4) Кроме внешних моментов и аргумента 3) (выше), я, думая над тем, что происходит, соорудил примерно такую концепцию:

Есть какая-то

большая и смелая политическая идея

генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, Ь) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, Ь) подозрительных и с) потенциально подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись. Одних обезвреживают так-то, других — по-другому, третьих — по-третьему. Страховочным моментом является и то, что люди неизбежно говорят друг о друге и

навсегда

поселяют друг к другу недоверие (сужу по себе: как я озлился на Радека, который на меня натрепал! а потом и сам пошел по этому пути…). Таким образом, у руководства создается

полная гарантия.

Ради бога, не пойми так, что я здесь скрыто упрекаю, даже в размышлениях с самим собой. Я настолько вырос из детских пеленок, что понимаю, что
большие
планы,
большие
идеи и
большие
интересы перекрывают все, и было бы мелочным ставить вопрос о своей собственной персоне
наряду с всемирно-историческими
задачами, лежащими прежде всего на твоих плечах.

Но тут-то у меня и
главная
мука, и главный мучительный парадокс.

5)
Если бы
я был абсолютно уверен, что ты именно так и думаешь, то у меня на душе было бы много спокойнее. Ну, что же! Нужно, так нужно. Но поверь, у меня сердце обливается горячей струею крови, когда я подумаю, что ты можешь
верить
в мои преступления и в глубине души
сам
думаешь, что я во всех ужасах действительно виновен.
Тогда
что же выходит? Что я
сам
помогаю лишаться ряда людей (начиная с себя самого!), то есть делаю заведомое
зло! Тогда
это ничем не оправдано. И все путается у меня в голове, и хочется на крик кричать и биться головою о стенку: ведь я же становлюсь причиной гибели других. Что же делать? Что делать?

6) Я ни на йоту не злобствую и не ожесточен. Я — не христианин. Но у меня есть свои странности. Я считаю, что несу расплату за те годы, когда я действительно вел борьбу. И если хочешь уж знать, то больше всего меня угнетает один факт, который ты, может быть, и позабыл: однажды, вероятно, летом 1928 года, я был у тебя, и ты мне говоришь: знаешь, отчего я с тобой дружу: ты ведь неспособен на интригу? Я говорю: Да. А в это время я бегал к Каменеву («первое свидание»). Хочешь верь, хочешь не верь, но вот
этот
факт стоит у меня в голове, как какой-то первородный грех для иудея. Боже, какой я был мальчишка и дурак! А теперь плачу за это своей честью и всей жизнью.
За это

прости меня, Коба. Я пишу и плачу. Мне ничего уже не нужно, да ты и сам знаешь, что я скорее ухудшаю свое положение, что позволяю себе все это писать. Но не могу, не могу просто молчать, не сказав тебе последнего «прости». Вот поэтому я и не злоблюсь ни на кого, начиная с руководства и кончая следователями, и у тебя прошу прощенья, хотя я уже наказан так, что все померкло, и темнота пала на глаза мои.

7) Когда у меня были галлюцинации, я видел несколько раз тебя и один раз Надежду Сергеевну. Она подошла ко мне и говорит: «Что же это такое сделали с Вами, Н. И.? Я Иосифу скажу, чтобы он Вас взял на поруки». Это было так реально, что я чуть было не вскочил и не стал писать тебе, чтоб… ты взял меня на поруки! Так у меня реальность была перетасована с бредом. Я знаю, что Н. С. не поверила бы ни за что, что я злоумышлял против тебя, и недаром подсознательное моего несчастного «я» вызвало этот бред. А с тобой я часами разговаривал… Господи, если бы был такой инструмент, чтобы ты видел всю мою расклеванную и истерзанную душу! Если б ты видел, как я внутренне к тебе привязан, совсем по-другому, чем Стецкие и Тали! Ну, да это «психология» — прости. Теперь нет ангела, который отвел бы меч Аврамов, и роковые судьбы осуществятся!

8) Позволь, наконец, перейти к последним моим небольшим просьбам:

а) мне легче тысячу раз
умереть,
чем пережить предстоящий процесс: я просто не знаю, как я совладаю сам с собой — ты знаешь мою природу; я не враг ни партии, ни СССР, и я все сделаю, что в моих силах, но силы эти в такой обстановке минимальны, и тяжкие чувства подымаются в душе; я бы, позабыв стыд и гордость, на коленях умолял бы, чтобы не было этого. Но это, вероятно, уже невозможно, я бы просил, если возможно, дать мне возможность умереть до суда, хотя я знаю, как ты сурово смотришь на такие вопросы;

в) если (далее следуют слова «вы предрешили», зачеркнутые Н. И. Бухариным. — В. С.)
меня ждет смертный приговор, то я заранее тебя прошу, заклинаю прямо всем, что тебе дорого, заменить расстрел тем, что я сам выпью в камере яд (дать мне морфию, чтоб я заснул и не просыпался). Для меня этот пункт крайне важен, я не знаю, какие слова я должен найти, чтобы умолить об этом, как о милости: ведь политически это ничему не помешает, да никто этого и знать не будет. Но дайте мне провести последние секунды так, как я хочу. Сжальтесь! Ты, зная меня хорошо, поймешь. Я иногда смотрю ясными глазами в лицо смерти, точно так же, как — знаю хорошо — что способен на храбрые поступки. А иногда тот же я бываю так смятен, что ничего во мне не остается. Так если мне суждена смерть, прошу о морфийной чаше. Молю об этом…

с) прошу дать проститься с женой и сыном. Дочери не нужно: жаль ее слишком будет, тяжело, так же, как Наде и отцу. А Анюта — молодая, переживет, да и мне хочется сказать ей последние слова. Я просил бы дать мне с ней свидание
до
суда. Аргументы таковы: если мои домашние увидят, в чем я
сознался,
они могут покончить с собой от неожиданности. Я как-то должен подготовить к этому. Мне кажется, что это в интересах дела и в его официальной интерпретации;

д) если мне будет сохранена, паче чаяния, жизнь, то я бы просил (хотя мне нужно было бы поговорить с женой):

*) либо выслать меня в Америку на n лет. Аргументы за: я провел бы кампанию по процессам, вел бы смертельную борьбу против Троцкого, перетянул бы большие слои колеблющейся интеллигенции, был бы фактически Анти-Троцким, и вел бы это дело с большим размахом и прямо с энтузиазмом; можно было бы послать со мной квалифицированного чекиста и, в качестве добавочной гарантии, на полгода задержать здесь жену, пока я на деле не докажу, как я бью морду Троцкому и К° и т. д.;

**) но если есть хоть атом сомнения, то выслать меня хоть на 25 лет в

Печору

или

Колыму,

в лагерь: я бы поставил там университет, краеведческий музей, технич. станции и т. д., институты, картинную галерею, этнограф-музей, зоо- и фито-музей, журнал лагерный, газету.

Словом, повел бы пионерскую зачинательскую культурную работу, поселившись там до конца дней своих с семьей.

Во всяком случае, я заявляю, что работал бы где угодно как сильная машина.

Однако, по правде сказать, я на это не надеюсь, ибо самый факт изменения директивы февральского пленума говорит за себя (а я ведь вижу, что дело идет к тому, что не сегодня-завтра процесс).

Вот, кажется, все мои последние просьбы (еще: философская работа, оставшаяся у меня, — я в ней сделал много полезного).

Иосиф Виссарионович! Ты потерял во мне одного из способнейших своих генералов, тебе действительно преданных. Но это уж прошлое. Мне вспоминается, как Маркс писал о Барклае-де-Толли, обвиненном в измене, что Александр I потерял в нем зря такого помощника. Горько думать обо всем этом. Но я готовлюсь душевно к уходу от земной юдоли, и нет во мне по отношению ко всем вам и к партии, и ко всему делу — ничего, кроме великой, безграничной любви. Я делаю все человечески возможное и невозможное. Обо всем я тебе написал. Поставил все точки над i. Сделал это заранее, так как совсем не знаю, в каком буду состоянии завтра и послезавтра etc.

Может быть, что у меня, как у неврастеника, будет такая универсальная апатия, что и пальцем не смогу пошевельнуть.

А сейчас, хоть с головной болью и со слезами на глазах, все же пишу. Моя внутренняя совесть чиста перед тобой теперь, Коба. Прошу у тебя последнего прощенья (душевного, а не другого). Мысленно поэтому тебя обнимаю. Прощай навеки и не поминай лихом своего несчастного.

Н. Бухарин

10. XII.37 г.».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 427. Л. 13–18. Маш. копия. Л. 19–22. Автограф.

Письмо Н. И. Бухарина поступило в Особый отдел ЦК ВКП(б) 2.XII.1938 г. без приложения.

В 1956 г. письмо Н. И. Бухарина рассылалось членам Президиума ЦК, кандидатам в члены Президиума ЦК и секретарям ЦК КПСС.

!Н. С. Аллилуева —

жена И. В. Сталина. Имеется в виду пленум ЦК ВКП(б), проходивший с 23 февраля по 5 марта 1937 года. Решением пленума по докладу Ежова «дело Бухарина и Рыкова» было передано в НКВД.

Кузьмин В. В.
и
Айхенвальд А. Ю.
— представители группы молодых партийных работников-экономистов, объединившихся вокруг Н. И. Бухарина («бухаринская школа»). На одном из заседаний этой группы, якобы в присутствии Н. И. Бухарина, В. В. Кузьмин заявил о своем желании убить Сталина. В 1932–1933 годах многие представители «бухаринской школы» были арестованы и впоследствии расстреляны. Документальных подтверждений о проведении нелегальной конференции, о которой упоминается в письме, и участии в ней Н. И. Бухарина не обнаружено.

Рютинская платформа названа по имени ее автора
Рютина М. Н. (1890–1937).
В марте 1932 года Рютин и его сторонники подготовили проекты двух документов: платформу под названием «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и обращение «Ко всем членам партии». Во время очной ставки в ЦК ВКП(б) 13 января 1937 года между В. Астровым и Н. Бухариным Сталин высказал предположение, что автором рютинской платформы был Бухарин. (Ф. ft
On. 24. Д. 270. Л. 68.)

Радек К. Б. (1885–1939)
— видный деятель партии и Советского государства. В 1936 году был арестован, под давлением следствия давал сфабрикованные показания против Н. И. Бухарина. 30 января 1939 года осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по делу так называемого «параллельного антисоветского центра» к десяти годам тюремного заключения. Убит в тюрьме 19 мая 1939 года.

Стецкий А. И. —
в 1930–1938 гг. заведующий отделом ЦК партии и одновременно главный редактор журнала «Большевик».

Таль Б. М. —
в 1935–1937 годах заведующий отделом печати и издательств ЦК ВКП(б), в 1935 году член редколлегии газеты «Правда», в 1936-м заместитель главного редактора газеты «Известия».

А письмо, которое наизусть заучила его жена и которое обошло все издания в годы горбачевской перестройки? Там он представляется совсем другим — этаким гордым и несломленным рыцарем революции.

Глава 7
СТАЛИН И ЯГОДА

Акт об обыске у Ягоды

«1937 года, апреля 8 дня. Мы, нижеподписавшиеся, комбриг Ульмер, капитан госуд. безопасности Деноткин, капитан госуд. безопасности Бриль, ст. лейтенант госуд. безопасности Березовский и ст. лейтенант госуд. безопасности Петров, на основании ордеров НКВД СССР за №№ 2, 3 и 4 от 28 и 29 марта 1937 года в течение времени с 28 марта по 5 апреля 1937 года производили обыск у Г. Г. Ягода в его квартире, кладовых по Милютинскому переулку, дом 9, в Кремле, на его даче в Озерках, в кладовой и кабинете Наркомсвязи СССР.

В результате произведенных обысков обнаружено:

1. Денег советских 22 997 руб. 59 коп., в том числе сберегательная книжка на 6180 руб. 59 коп.
2. Вин разных 1229 бут., большинство из них заграничные и изготовления 1897, 1900 и 1902 годов.
3. Коллекция порнографических снимков 3904 шт.
4. Порнографических фильмов 11 шт.
5. Сигарет заграничных разных, египетских и турецких 11 075 шт.
6. Табак заграничный 9 короб.
7. Пальто мужск. разных, большинство из них заграничных 21 шт.
8. Шуб и бекеш на беличьем меху 4 шт.
9. Пальто дамских разных заграничных 9 шт.
10. Манто беличьего меха 1 шт.
11. Котиковых манто 2 шт.
12. Каракулевых дамских пальто 2 шт.
13. Кожаных пальто 4 шт.
14. Кожаных и замшевых курток заграничных 11 шт.
15. Костюмов мужских разных заграничных 22 шт.
16. Брюк разных 29 пар
17. Пиджаков заграничных 5 шт.
18. Гимнастерок коверкотовых из заграничного материала, защитного цвета и др. 32 шт.
19. Шинелей драповых 5 шт.
20. Сапог шевровых, хромовых и др. 19 пар
21. Обуви мужской разной (ботинки и полуботинки), преимущественно заграничной 23 пары
22. Обуви дамской заграничной 31 пара
23. Бот заграничных 5 пар
24. Пьекс 11 пар
25. Шапок меховых 10 шт.
26. Кепи (заграничных) 19 шт.
27. Дамских беретов заграничных 91 шт.
28. Шляп дамских заграничных 22 шт.
29. Чулок шелковых и фильдеперсовых заграничных 130 пар
30. Носков заграничных, преимущественно шелковых 112 пар
31. Разного заграничного материала, шелковой и др. тканей 24 отреза
32. Материала советского производства 27 отрезов
33. Полотна и разных тканей 35 кусков
34. Заграничного сукна 23 куска
35. Отрезов сукна 4 куска
36. Коверкот 4 куска
37. Шерстяного заграничного материала 17 кусков
38. Подкладочного материала 58 кусков
39. Кож разных цветов 23

40. Кож замшевых 14
41. Беличьих шкурок 50
42. Больших наборных куска беличьих шкурок 4
43. Каракулевых шкурок 43
44. Мех — выдра 5 шкурок
45. Чернобурых лис 2
46. Мехов лисьих 3
47. Мехов разных 5 кусков
48. Горжеток и меховых муфт 3
49. Лебединых шкурок 3
50. Мех — песец 2
51. Ковров больших 17
52. Ковров средних 7
53. Ковров разных — шкуры леопарда, белого медведя, волчьи 5
54. Рубах мужских шелковых заграничных 50
55. Мужских кальсон шелковых заграничных 43
56. Мужских верхних рубах шелкового полотна заграничных 29
57. Рубах заграничных «Егер» 23
58. Кальсон заграничных «Егер» 26
59. Патефонов (заграничных) 2
60. Радиол заграничных 3
61. Пластинок заграничных 399 шт.
62. Четыре коробки заграничных пластинок ненаигранных
63. Поясов заграничных 42
64. Поясов дамских для подвязок заграничных 10
65. Поясов кавказских 3
66. Носовых платков заграничных 46
67. Перчаток заграничных 37 пар
68. Сумок дамских заграничных 16
69. Юбок 13
70. Костюмов дамских заграничных 11
71. Пижам разных заграничных 17
72. Шарфов разных, кашне и шарфиков заграничных 53
73. Блузок шелковых дамских заграничных 57
74. Галстуков заграничных 34
75. Платьев заграничных 27
76. Сорочек дамских шелковых, преимущественно заграничных 68
77. Кофточек шерстяных вязаных, преимущественно заграничных 31
78. Трико дамских шелковых заграничных 70
79. Несессеров заграничных в кожаных чемоданах 6
80. Игрушек детских заграничных 101 комплект
81. Больших платков дамских шелковых 4
82. Халатов заграничных шелковых, мохнатых и др. 16
83. Скатертей ковровых, японской вышивки заграничных, столовых — больших 22
84. Свитеров шерстяных, купальных костюмов шерстяных заграничных 10
85. Пуговиц и кнопок заграничных 74 дюж.
86. Пряжек и брошек заграничных 21
87. Рыболовных принадлежностей заграничных 73 пред.
88. Биноклей полевых 7
89. Фотоаппаратов заграничных 9
90. Подзорных труб 1
91. Увеличительных заграничных аппаратов 2

92. Револьверов разных 19
93. Охотничьих ружей и мелкокалиберных винтовок 12
94. Винтовок боевых 2
95. Кинжалов старинных 10
96. Шашек 3
97. Часов золотых 5
98. Часов разных 9
99. Автомобиль 1
100. Мотоцикл с коляской 1
101. Велосипедов 3
102. Коллекция трубок курительных и мундштуков (слоновой кости, янтарь и др.), большая часть из них порнографических 165
103. Коллекция музейных монет
104. Монет иностранных желтого и белого металла 26
105. Резиновый искусственный половой член 1
106. Фотообъективы 7
107. Чемодан-кино «Цейс» 1
108. Фонари для туманных картин 2
109. Киноаппарат 1
ПО. Приборов для фото 3
111. Складной заграничный экран 1
112. Пленок с кассетами 120
113. Химических принадлежностей 30
114. Фотобумаги заграничной — больших коробок 7
115. Ложки, ножи и вилки 200
116. Посуда антикварная разная 1008 пред.
117. Шахматы слоновой кости 8
118. Чемодан с разными патронами для револьверов 1
119. Патрон 360
120. Спортивных принадлежностей (коньки, лыжи, ракеты) 28
121. Антикварных изделий разных 270
122. Художественных покрывал и сюзане 11
123. Разных заграничных предметов (печи, ледники, пылесосы, лампы) 71
124. Изделия Палех 21
125. Заграничная парфюмерия 95 пред.
126. Заграничные предметы санитарии и гигиены (лекарства, презервати вы) 115
127. Рояль, пианино 3
128. Пишущая машинка 1
129. К.-р. троцкистская, фашистская литература 542
130. Чемоданов заграничных и сундуков 24

Примечание: Помимо перечисленных вещей, в настоящий акт не вошли разные предметы домашнего обихода, как-то: туалетные приборы, зеркала, мебель, подушки, одеяла, перочинные заграничные ножи, чернильные приборы и др.

Комбриг
Ульмер

Капитан ГБ
Деноткин

Капитан ГБ
Бриль

Ст. лейтенант ГБ
Березовский

Ст. лейтенант ГБ
Петров».

ЦА ФСБ. Ф. Я-13614. Т. 2. Л. 15-20

Протоколы допросов Ягоды
СССР
Народный комиссариат внутренних дел
Главное управление государственной безопасности
Протокол допроса № 1
2 апреля 1937 года. Я, оперуполномоченный 4 отдела ГУГБ лейтенант Лернер допросил в качестве обвиняемого
1. Фамилия Ягода

2.
Имя и отчество
Генрих Григорьевич

3. Дата рождения 1891 г.
4. Место рождения г. Рыбинск
5. Место жительства Кремль

6.
Нац. и
граж.
(подданство)
еврей, гр. СССР

7. Паспорт

8. Род занятий
Народный комиссар связи Союза ССР

9.
Социальное происхождение
отец был золотых дел мастер

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
а) до революции служащий
б) после революции служащий

11.
Состав семьи

1. Григорий Филиппович Ягода, отец, иждивенец; 2. Мария Гавриловна, мать; 3. Ида Леонидовна Авербах, жена, зам прокурора г. Москвы; 4. Генрих, сын, 8 л.; 5. Эсфирь Знаменская, сестра, Москва; 6. Розалия Шохор, сестра, Москва; 7. Фрида, сестра; Лилия, сестра, Комитет по делам искусств.

12.
Образование (общее, специальное)
среднее, окончил курс гимназии в 1908 году

13.
Партийность (в прошлом и настоящем)
член ВКП(б) с 1907 года, п/б № 000075

14.
Каким репрессиям подвергался:
судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)

а)
до революции
в 1911 году арестован за революционную деятельность, выслан был на три года в г. Симбирск

б) после революции нет

15.
Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.)
при сов. власти орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Закавказской федерации

16. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете нет
17. Служба в Красной Армии (краен, гвардии, в партизан, отрядах), когда и в качестве кого с 1918–1919 зам. председателя Высшей военной инспекции
18. Служба в белых и др. к.-р. армиях (когда, в качестве кого) нет
19. Участие в бандах, к.-р. организациях и восстаниях нет
20. Сведения об общественно-политической деятельности
Примечание. Каждая страница должна быть заверена подписью допрашиваемого, а последняя и допрашивающего.

Протокол допроса
№
2
Ягоды Генриха Григорьевича от 2 апреля 1937 года

Ягода Г. Г., 1891 г. р., в ВКП(б) с 1907 г. До сентября 1936 г. — народный комиссар внутренних дел СССР. В момент ареста — Нарком связи.

Вопрос.

Вы обвиняетесь в антигосударственных, политических и уголовных преступлениях. Приступая к следствию по вашему делу, нас прежде всего интересует характер ваших взаимоотношений с рядом лиц: Лурье, Волович и др. Сначала о Лурье. Вы его давно знаете?

Ответ.

Знаю Лурье с 1918 года. До работы в ОГПУ работал в Высшей военной инспекции. В 1919 году я был направлен на работу в 00

ВЧК

и был назначен Управделами. Через некоторое время мною был принят на работу в Особый отдел, помощником управляющего делами Лурье.

Вопрос.

Значит, впервые в органы ВЧК—ОГПУ Лурье вы потянули?

Ответ.

Да, Лурье был принят в ВЧК—ОГПУ мною.

Вопрос.

Известно ли вам было, что Лурье выходец из социально чуждой среды?

Ответ.

Да, мне это было известно.

Вопрос.

Почему вы не приняли мер к увольнению Лурье из органов ОГПУ, когда в 1921 году он был снят с работы в Особом отделе, с объявлением выговора по партийной линии за мошеннические проделки?

Ответ.

Он, насколько я помню, был снят не за мошеннические проделки, иначе он был бы арестован. Поэтому я не принял мер по его увольнению.

Вопрос.

За что же он был снят с работы?

Ответ.

Не помню.

Вопрос.

Документами было установлено, что Лурье был снят с работы в Особом отделе и ему был объявлен выговор по партийной линии за самоснабжение. Почему вы не только не уволили его из органов, но рекомендовали его на закордонную работу?

Ответ.

Посоветовавшись с товарищами, мы, должно быть, не сочли его преступление достаточным для его увольнения и поэтому направили его на закордонную работу.

Вопрос.

Вам известно, что Лурье в 1922 году за границей был исключен из партии?

Ответ.

Да, мне это известно.

Вопрос.

Вам были известны и мотивы, по которым он был исключен?

Ответ.

Да, были известны и мотивы.

Вопрос.

А именно?

Ответ.

Лурье был исключен из партии как социально чуждый человек.

Вопрос.

Почему же вы после исключения Лурье из партии, после того, как он в связи с этим должен был уйти от закордонной работы, почему вы Лурье оставляете на работе в органах ОГПУ?

Ответ.

Он был назначен мною коммерческим директором кооператива ОГПУ. Я считал, что на этой работе он, как беспартийный, может быть использован при партийном правлении.

Вопрос.

Не вышло у вас с использованием Лурье на оперативной работе, так вы сунули его (после исключения из партии) на хозяйственную работу?

Ответ. Я

считал его способным человеком и поэтому назначил его коммерческим директором.

Вопрос.

Вы имели достаточно данных для того, чтобы убедиться не только в том, что Лурье политически неблагонадежен, но и в том, что он вообще авантюрист.

1. Вы знали, что он выходец из социально чуждой семьи.

2. Вы знали, что в 1921 году он был снят с работы в Особом отделе с выговором по партийной линии за мошеннические проделки.

3. Вы знали, что в 1922 году он был исключен из партии как социально чуждый. Все это было вам известно, и все же вы его держали около себя в аппарате ОГПУ. Что же вас связывало с Лурье?

Ответ.

Если бы я знал, что он авантюрист, он был бы арестован и судим. Я знал его как способного коммерсанта, которого можно было использовать на этой работе. Меня связывали с ним только деловые отношения.

Вопрос.

Откуда вам известны были его коммерческие способности до его назначения в кооператив?

Ответ.

Будучи помощником по Управлению делами 00, я убедился в его хозяйственных способностях.

Вопрос.

Арестованный Лурье сознался, что он не только авантюрист, совершивший ряд уголовных преступлений, но и является агентом иностранной разведки. Вы это знали и покрывали.

Ответ. Я

этого не знал и поэтому и не покрывал. Если бы я знал, что Лурье шпион, он был бы арестован и расстрелян.

Вопрос.

Факты и материалы говорят о том, что вам все это было известно.

Ответ.

Мне это не было известно.

Вопрос.

Перейдем к фактам. Вы направляли Лурье за границу, когда он работал в «Динамо».

Ответ.
Лурье за границу я действительно отправлял.

Вопрос.
Зачем вы Лурье направляли за границу?

Ответ.
Он поехал за границу (через Наркомвнешторг) закупать оружие для «Динамо» у фирмы «Борзиг» и «Лепаж».

Вопрос.
Почему именно Лурье был направлен для закупки оружия?

Ответ.
Потому что он был тогда коммерческим директором «Динамо».

Вопрос.
Направляя Лурье за границу, вы давали задание установить за ним там наблюдение?

Ответ. В
эту поездку не помню, в последующие его выезды за границу я такие задания давал.

Вопрос.
Вам известно, что свои операции за границей Лурье осуществлял через директора фирмы «Борзиг» Ульриха?

Ответ.
Через фирму «Борзиг» — да. Было ли это через Ульриха — не знаю.

Вопрос.
Вам отделами ОГПУ—НКВД докладывалось, что как при первой, так и при последующих поездках за границу Лурье связывался с Ульрихом, который являлся не только представителем фирмы «Борзиг», но и шпионом. В Особом отделе имелась даже агентурная разработка, по которой Ульрих разрабатывался как германский шпион.

Ответ.

Что Ульрих шпион — это можно было предполагать, тем более, что он был представителем фирмы «Борзиг» в Союзе. Докладывались ли мне материалы об Ульрихе — я сейчас не припомню.

Вопрос.
Выше вы показали, что об Ульрихе вам ничего не было известно. А сейчас вы показываете, что Ульрих был представителем фирмы «Борзиг». Откуда вы это знаете?

Ответ.
Очевидно, по агентурным материалам.

Вопрос.
Значит, агентурные материалы об Ульрихе вам все же докладывались?

Ответ.
Мне докладывались агентурные материалы о каждой поездке Лурье за границу.

Вопрос. В
материалах иностранного отдела о поездках Лурье за границу, которые вам докладывались, указывалось, что Лурье все свои сделки проводит через Ульриха и что Лурье с Ульрихом подозрительно близок.

Ответ.
Сейчас я не помню этих материалов, если они были, я давал, должно быть, указания о необходимости продолжать наблюдение.

Вопрос.
Вам было известно, что Лурье в одну из своих поездок в Германию был там арестован берлинской полицией и вскоре был освобожден?

Ответ.
Да, это было мне известно.

Вопрос.
Как он был освобожден?

Ответ.
Я дал указания Артузову вмешаться в это дело, но он был освобожден, как мне докладывали из ИНО, за взятку.

Вопрос.

Вы интересовались, за что Лурье был арестован берлинской полицией?

Ответ.
По данным ИНО — за торговлю бриллиантами.

Вопрос.
Лурье докладывал вам, о чем его допрашивали в полиции?

Ответ.
Нет, не говорил, а я сам не спрашивал.

Вопрос.
Как же вы не заинтересовались, при каких обстоятельствах был арестован сотрудник ОГПУ и был освобожден. Вы даже не спрашивали, о чем его берлинская полиция допрашивала?

Ответ.
Очевидно, потому, что все это я знал через ИНО ОГПУ с исчерпывающей ясностью.

Вопрос.
А что вам было известно из материалов ИНО?

Ответ.
Что Лурье был арестован, что ценностей при нем не нашли и что он был освобожден за взятку.

Вопрос.
Вы показываете, что Лурье удалось выручить из полиции взяткой. Значит, по существу, он в Германии уже был провален. Почему же вы его опять после этого направляете за границу?

Ответ.
Лурье считался на германском рынке спекулянтом, и провал его не считался причиной для опасения вторичного ареста.

Вопрос.
По какому паспорту Лурье ездил за границу? Под какой фамилией?

Ответ.

Он ездил под фамилией Александров, как представитель коммерческой фирмы «Динамо».

Вопрос.
А что, берлинской полиции не известно было, что общество «Динамо» является предприятием ОГПУ?

Ответ.
Надо полагать, что, несомненно, известно было.

Вопрос.
Как же германское правительство давало въездные визы, заранее зная, что он сотрудник ОГПУ?

Ответ.
После первого ареста с визами для Лурье в Германию чинились препятствия. Приходилось обращаться за помощью в НКИД.

Вопрос.
Вам было известно, что въездные визы для Лурье доставались им при содействии шпиона Ульриха?

Ответ.
Нет, это мне не было известно.

Вопрос.
Вы это знали из материалов ИНО?

Ответ.
Я не помню таких материалов ИНО.

Вопрос.
Не вызывало ли у вас подозрения, что однажды проваленный за границей Лурье неоднократно туда ездит под той же фамилией и не арестовывается?

Ответ.
Не думал об этом, но указания ИНО о наблюдении за Лурье за границей давал.

Вопрос.
Что же вам
ИНО

докладывало о своих наблюдениях за Лурье?

Ответ.

Ничего такого подозрительного мне не докладывалось, или ИНО не давало мне весь материал.

Вопрос.

Допустим, что материалы ИНО ничего подозрительного в поведении Лурье за границей не фиксировали, хотя документы говорят, что именно материалы ИНО указывали на подозрительную связь Лурье с Ульрихом. Но вам было известно о том, что Ульрих приезжал в Советский Союз и при чрезвычайно конспиративных обстоятельствах встречался с Лурье?

Ответ.

Нет, мне это не было известно.

Вопрос.

Вам докладывалась спецсводка Особого отдела от 24 октября 1930 года, в которой сообщалось, что «шпион Ульрих 19 октября 1930 года посетил в Милютинском переулке квартиру Лурье и открывал калитку своим ключом». В этой же сводке говорилось и о том, что Ульрих 22 октября 1930 года вновь посетил квартиру Лурье и находился там пять часов. Какие меры вы приняли?

Ответ.

Эту сводку я не знаю. Она мне не докладывалась.

Вопрос.

Более того, в той же спецсводке сообщалось, что другой шпион, Шитц в разговоре с Ульрихом жаловался, что

ГПУ

его часто беспокоит и в конце концов он будет арестован. На это Ульрих заявил, что он имеет настолько влиятельные связи в ОГПУ, что Шитц может не беспокоиться за свою свободу. Что вы сделали в связи с этим сообщением?

Ответ. Я

утверждаю, что это сообщение мне не было известно.

Вопрос.

Как это могло случиться, что в отделах ОГПУ—НКВД имелись такие материалы, а вам, как вы говорите, о них не докладывалось. Может ли это быть?

Ответ. Я

утверждаю, что эти данные все же мне не докладывались, очевидно, это могло быть, раз я это дело не знаю.

Вопрос.

Аналогичные агентурные донесения о неоднократных конспиративных встречах Лурье с Ульрихом вам докладывались по линии Оперода в продолжение ряда лет?

Ответ.

По линии Оперода мне были однажды даны одна или две агентурки из гостиницы «Националь» о встрече Лурье с иностранцами: Берензон, Оппенгеймер и Френкель.

Вопрос.

О чем сообщалось в этих сводках?

Ответ.

Об обеде Лурье с иностранцами.

Вопрос

. И только?

Ответ.

Мне сообщалось также и об омерзительном поведении с проститутками всех указанных иностранцев и Лурье. Мною было указано Буланову, чтобы он вызвал Лурье и предупредил его, что, если это повторится, он будет арестован.

Вопрос.

Лурье в это время какую должность занимал?

Ответ.

Он был директором «Динамо».

Вопрос.

Как же так получается, вам докладывают агентурные донесения о крайне подозрительных встречах Лурье с иностранцами, о его, как вы говорите, омерзительном поведении. А вы, вместо того, чтобы вскрыть характер связей Лурье с иностранцами, ограничиваетесь, с позволения сказать, такой мерой, как предупреждение самого Лурье через Буланова о том, «чтобы это больше не повторялось».

Ответ.

На этот обед или ужин Лурье пошел с разрешения Буланова и с моего ведома. Обед этот был дан Лурье купцом — скупщиком бриллиантов.

Вопрос.

Что это за купцы? Давайте по порядку. Кто такой Френкель?

Ответ.

Со слов Лурье я знаю, что Френкель является маклером фирмы Березона по бриллиантам, с которым у Лурье были деловые взаимоотношения.

Вопрос.

Френкель приезжал в СССР?

Ответ.

Раз в год обязательно.

Вопрос.

А с какого года он стал приезжать в СССР?

Ответ.

Приблизительно с 1930 года, как мне известно.

Вопрос.

Документально установлено, что Френкелю с 1925 по 1926 год двадцать восемь раз были даны въездные визы в СССР. Оперативные отделы ОГПУ—НКВД неоднократно закрывали въезд Френкеля в СССР. Однако каждый раз, по настоянию Лурье, вашим личным распоряжением въезд Френкеля в СССР допускался.

Ответ.

Въезд Френкеля в СССР был запрещен Наркомвнешторгом. Но в связи с продажей бриллиантов мною были разрешены въезды Френкелю в СССР.

Вопрос.

Вас спрашивают, почему вы разрешили Френкелю двадцать восемь раз приезжать в СССР, несмотря на категорические возражения оперативных отделов?

Ответ.

Мотивы, по которым оперативные отделы (ИНО) запрещали въезд Френкелю в СССР, были связаны с запретом Наркомвнешторга, но тогда, когда Френкелю требовалось приехать в СССР по делам, связанным с его операциями с Лурье, я ему въезд разрешал.

Вопрос.

Вам было известно, что Френкель является польским шпионом и что именно по этим мотивам оперативные отделы настаивали на запрещении ему въезда в Союз?

Ответ.

О том, что Френкель польский шпион, твердо мне не докладывалось. Но подозрения о том, что он польский шпион, всегда были.

Вопрос.

Допустим, что твердых данных не было, что вы только предполагали, что Френкель является польским шпионом. Почему же разрешали Лурье производить операции с ценностями через человека, который подозревается в шпионаже?

Ответ.

Потому что не было точных данных, а были только подозрения Френкеля в шпионаже, насколько я помню.

Вопрос.

А разве через лиц, заподозренных в шпионаже, можно было допустить производство таких операций?

Ответ.

Операции производились потому, что пребывание иностранца, только подозреваемого в шпионаже, на нашей территории, находящегося под наблюдением, не являлось опасным для государства. А быстрота и выгода реализации бриллиантов это оправдывали.

Вопрос.

Операции по бриллиантам были секретными?

Ответ.

Для иностранного государства — да, если б они знали, что продает Советское государство. А так как они знали, что Лурье является частным лицом и Френкель тоже частным, то секретность отпадала.

Вопрос.

А что, Френкель знал, что Лурье является сотрудником НКВД?

Ответ.

Да, конечно, знал. Я это припоминаю.

Вопрос.

Почему вы Лурье разрешали производить операции через заведомых шпионов?

Ответ.
Потому что Френкель только подозревался в шпионаже.

Вопрос.
Вы знали, через кого Лурье реализует бриллианты? Он же вам докладывал предварительно, через кого он намечает производить свои операции.

Ответ.
Да, я вам указал, через Френкеля, Оппенгеймера, Герштейна и Берензона.

Вопрос.
Почему вы санкционировали Лурье продажу именно этим людям?

Ответ.
Это крупные бриллиантщики, и они платили лучше.

Вопрос.
Это неверно. Вы имели сигналы от ряда организаций, в частности от Кустэкспорта, о том, что Лурье, войдя в личные сделки с этими скупщиками, продает им бриллианты ниже их стоимости?

Ответ.
Мне никогда Кустэкспорт подобные заявления не делал. Поправляю, Кустэкспорт мне писал, что Лурье продает бриллианты дешевле, чем Кустэкспорт, но это, по-моему, было неправильно, неверно, так как при сличении качество бриллиантов оказалось разным.

Вопрос.
А вы проверяли существование личных сделок между Лурье и Френкелем с другими?

Ответ.
Нет, не проверял.

Вопрос.
Значит, вы слепо этому доверялись?

Ответ.
Нет, давал задания проверять его агентурно, но агентура не сообщала о том, что Лурье получает от скупщиков проценты или берет от них взятки. Расчеты за проданное производились за границей.

Вопрос.
Вам было известно о случае с анкетой скупщика Герштейна, австрийского скупщика?

Ответ.
Нет, об этом я не знаю.

Вопрос.
А вам разве не докладывалось, что портье при заполнении анкеты Герштейна в гостинице «Националы» со слов Герштейна записал, что он приехал в СССР по делам финансового управления НКВД?

Ответ.
Нет, не докладывалось.

Вопрос.
Разве не по вашему поручению Буланов потом вызывал этого портье больного из курорта и в присутствии Лурье ругал его за такое «небрежное» заполнение анкеты?

Ответ.
Нет, я таких поручений не давал.

Вопрос.
Как же вы все же относились к Лурье?

Ответ.
Личность Лурье всегда мне была неприятна, всегда относился к нему с подозрением, поэтому всегда давал задания наблюдать за ним за границей. Но исходил я не из личных чувств, а из целесообразности его использования.

Вопрос. И
человеку, к которому вы всегда относились с подозрением, вы все же продолжали бесконтрольно доверять серьезные операции, заранее зная, что он входит в этих целях в сделки с подозрительными по шпионажу лицами?

Ответ.
Что он входит в личные сделки с подозрительными
по
шпионажу лицами, я не знал. Подозревая его, я давал указания о наблюдении за ним.

Вопрос.

Ваши заявления о том, что вы всегда подозревали Лурье, но ничего конкретного не сделали для его устранения, по крайней мере, несерьезны и наивны. Вам Лурье был известен как грязный, преступный человек. Вы знали не только о его мошеннических сделках с ценностями, но и о его шпионских связях. Однако вы не решились его разоблачить. Значит, что-то вас с ним связывало. Отвечайте прямо на вопрос. Что вас связывало с Лурье? Чем он вас держал в руках?

Ответ.

Фактов, говорящих о преступлении Лурье, у меня не было. Лурье в моих глазах был способным коммерсантом, как я говорил выше. О его мошеннических проделках с ценностями я не знал. О его сделках с лицами, подозрительными по шпиона-

жу (как Френкель и др.), я тоже сказал выше. Кроме указанных фактов никакой другой связи с Лурье у меня не было и ничем он меня в руках не держал.

Вопрос.

Почему же вы его не уволили? Не выгнали?

Ответ.

Не было на то достаточных фактов.

Вопрос.

Вас связывали с ним личные отношения?

Ответ.

Нет.

Вопрос.

А жена Лурье пользовалась вами в служебных целях?

Ответ.

Нет, никогда.

Вопрос.

Почему же вы жене Лурье устраивали неоднократные выезды за границу?

Ответ.

Специальных поездок жене Лурье я не устраивал. Она ехала, как некоторые другие жены сотрудников.

Вопрос.

Откуда жена Лурье брала деньги на поездку за границу? Вы лично ей деньги отпускали?

Ответ.
Жене Лурье я деньги никогда не выдавал.

Вопрос.
Известно, что при поездках за границу жена Лурье пребывала там по 2–3 месяца. Ездила по самым дорогим курортам. Вы не интересовались, на какие средства она там жила?

Ответ. Не интересовался и не спрашивал.

Вопрос.
А не казалось вам странным, откуда у сотрудника НКВД такие возможности?

Ответ.
К сожалению, этими «мелочами» не занимался.

Записано с моих слов, мною прочитано.
Ягода

Допросил: нач. отд. 4 отдела ГУГБ капитан ГБ
Коган

Верно: оперуполномоч. 4 отдела ГУГБ лейтенант ГБ
Уемов

ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 2. Л. 21, 40-56

Протокол допроса
№
3
Ягоды Генриха Григорьевича от 26 апреля 1937 года

тов. Сталину тов. Молотову тов. Ворошилову тов. Кагановичу
Направляю протокол допроса Ягоды Г. Г. от 26 апреля сего года.
Настоящие показания получены в результате продолжительных допросов, предъявления целого ряда уликовых данных и очных ставок с другими арестованными.
Ягода до сего времени не дает развернутых показаний о своей антисоветской и предательской деятельности, отрицая свои связи с немцами и скрывая целый ряд участников заговора. Отрицает также свое участие в подготовке террористических актов

над членами правительства, о чем показывают все другие участники — Паукер, Волович, Гай и др.

Следует, однако, отметить, что на последних допросах под давлением улик Ягода все же вынужден был признать, что о связи с немцами и подготовке терактов некоторыми участниками заговора он был осведомлен.

Допрос продолжается.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Ежов

26 апреля 1937 года
ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 331. Л. 72.

Заявление Ягоды.

В продолжение долгих дней допросов я тщетно пытался скрыть преступную, изменническую деятельность против Советской власти и партии. Я надеялся, что мой опыт работы в ЧК даст мне возможность совсем скрыть от следствия всю сумму моей предательской работы, либо, если это мне не удастся, свести дело к чисто уголовным и должностным преступлениям. Я надеялся также, что мои сообщники, в силу тех же причин, не выдадут следствию ни себя, ни тем более меня.

Планы мои рухнули, и поэтому я решил сдаться. Я расскажу о себе, о своих преступлениях все, как бы это тяжело мне ни было.

Вопрос.
Почему тяжело?

Ответ. Потому что придется мне впервые в своей жизни сказать правду о себе лично. Всю свою жизнь я ходил в маске, выдавал себя за непримиримого большевика. На самом деле большевиком, в его действительном понимании, я никогда не был. Мелкобуржуазное мое происхождение, отсутствие теоретической подготовки — все это с самого начала организации Советской власти создало у меня неверие в окончательную победу дела партии. Но собственного мировоззрения у меня не было, не было и собственной программы. Преобладали во мне начала карьери-стические, а карьеру свою надо было строить, исходя из реальной обстановки. Какова была эта обстановка? Советская власть существовала, укреплялась, я оказался в аппарате б. ОГПУ и поэтому я вынужден был исходить именно из этих конкретных факторов. Взбирдясь по иерархической лестнице, я в 1926 году дошел до зампреда ОГПУ. С этого момента и начинаются мои первые попытки игры на «большой политике», мои представления о себе как о человеке, который сумеет влиять на политику партии и видоизменять ее. Это было после смерти Дзержинского, в период открытой борьбы троцкистов с партией. Я не разделял взглядов и программы троцкистов, но я все же очень внимательно приглядывался к ходу борьбы, заранее определив для себя, что пристану к той стороне, которая победит в этой борьбе. Отсюда и та особая линия, которую я проводил в то время в борьбе с троцкизмом.

Вопрос.
В чем же конкретно выражалась эта ваша особая линия в борьбе с троцкизмом?

Ответ.

Когда начались репрессии против троцкистов, вопрос о том, кто победит (троцкисты или ЦК ВКП(б)) окончательно еще не был решен. Во всяком случае, так думал я. Поэтому я, как зампред ОГПУ, в карательной политике исходил из того, чтобы не озлоблять против себя троцкистов. Направляя троцкистов в ссылки, я создавал им там такие условия, при которых они могли бы продолжать там свою деятельность и не чувствовали бы себя осужденными. Само собою разумеется, что, когда полностью определилась победа партии над троцкизмом, когда партия пошла за Центральным Комитетом, за Сталиным, я тоже поспешил показать себя как непоколебимого сторонника ЦК, оставаясь, конечно, на своих прежних позициях неверия в победу линии ЦК, оставаясь для ЦК в непроницаемой своей маске. Если в какой-либо мере применим ко мне термин двурушника, то я являюсь ярким образцом его, пожалуй, даже пионером двурушничества.

Вопрос.

Ваша линия по отношению к троцкистам была вам продиктована со стороны троцкистской организации?

Ответ.

Нет, в данном случае я действовал самостоятельно, по собственной инициативе. Выше я объяснил, какими мотивами я руководствовался. Иначе обстояло дело, когда на арену борьбы с партией выступили правые. Здесь моя роль была более определенной: с правыми я был организационно связан.

Вопрос.

Но нам еще не совсем ясен вопрос о ваших взаимоотношениях с троцкистами. Организационные связи с троцкистами у вас были?

Ответ. В

тот период не было. Они возникли значительно позже, когда троцкисты вошли в блок с правыми.

Вопрос.

Об этом мы поговорим в дальнейшем. Вы собирались рассказать о ваших связях с правыми.

Ответ.

Да.

Я

говорил, что с правыми у меня были организационные связи. Начало этим связям было положено в моих личных взаимоотношениях с Рыковым, бывшим тогда председателем Совета Народных Комиссаров. Как зампред ОГПУ, я часто встре-

чался с Рыковым, сначала на заседаниях, а затем и дома у него. Относился он ко мне хорошо, и это мне льстило и импонировало. Личные отношения у меня были также с Бухариным, Томским и Углановым. (Я был тогда членом бюро МК, а Угланов секретарем

МК.) Когда правые готовились к выступлению против партии, я имел по этому поводу несколько бесед с Рыковым.

Вопрос.
Где, когда, какого характера беседы?

Ответ.
Это было в 1928 году, у Рыкова в кабинете. О характере этого разговора у меня в памяти сохранилось, что речь шла о каких-то конкретных расхождениях у Рыкова, Бухарина, Томского с Политбюро ЦК по вопросам вывоза золота и продажи хлеба. Рыков говорил мне, что Сталин ведет неправильную линию не только в этих вопросах. Это был первый разговор, носивший, скорее, характер прощупывания и подготовки меня к более откровенным разговорам. Вскоре после этого у меня был еще один разговор с Рыковым. На сей раз более прямой. Рыков изложил мне программу правых, говорил о том, что они выступают с открытой борьбой против ЦК и прямо поставил мне вопрос, с кем я.

Вопрос.
Что вы на это ответили Рыкову?

Ответ. Я
сказал Рыкову следующее: «Я с вами, я за вас, но в силу того, что я занимаю положение зампреда ОГПУ, открыто выступать на вашей стороне я не могу и не буду. О том,
что
я с вами, пусть никто не знает, а я, всем возможным с моей стороны, со стороны ОГПУ помогу вам в вашей борьбе против
ЦК».

Вопрос.
Значит, в 1928 году вы примкнули к правым и скрывали это от партии?

Ответ.
Да.

Вопрос. В
1928 году правые открыто выступали против партии. Почему вы, являясь правым, открыто не выступали, а конспирировали свое участие в организации правых?

Ответ.
Это вытекало из всей моей линии поведения. Дело складывалось таким образом: с одной стороны, беседы Рыкова со мною определяли мои личные симпатии к программе правых, с другой стороны, из того, что Рыков говорил мне о правых, о том, что кроме него, Бухарина, Томского, Угланова, на стороне правых вся московская организация, ленинградская организация, профсоюзы, из всего этого у меня создалось впечатление, что правые могут победить в борьбе с ЦК. А так как тогда уже ставился вопрос о смене

руководства партии и Советской власти, об отстранении Сталина, то ясно было, правые идут к власти. Именно потому, что правые рисовались мне как реальная сила, я заявил Рыкову, что я с ними.

Вопрос.

Вы не ответили на вопрос, почему вы конспирировали свое участие в организации правых?

Ответ.

Я был зампредом ОГПУ. Если бы я открыто заявил о своих связях с правыми, я был бы отстранен от работы. Это я понимал. Про себя я соображал таким образом: «А вдруг правые не победят? Я, сохраняя в тайне свою принадлежность к ним, остаюсь на своем месте». Поэтому я и договорился с Рыковым об особом своем положении среди правых.

Вопрос.

Только ли этими соображениями вы руководствовались, оставаясь законспирированным правым?

Ответ.

Нет, не только этим. Были у меня и другие соображения. Мне совершенно ясно было, что отношение ко мне лидеров правых определяется не удельным политическим весом моим в партии и стране (веса такого у меня вообще не было), а моим положением как зампреда ОГПУ. Окажись я вне ОГПУ, не зампредом, никакого интереса я для правых не представлял бы и мое положение, в случае их победы, оказалось бы ничтожным. Но, оставаясь зампредом ОГПУ, я нужен был правым, мог быть им полезен. Это хорошо понимал и Рыков. Таким образом, хотя по разным соображениям, но мы оба согласились на том, что я открыто с правыми не выступаю.

Вопрос.

Какова же была ваша роль в организации правых? Как складывались ваши взаимоотношения с их лидерами?

Ответ. В

1928–1929 годах я продолжал встречаться с Рыковым. Я снабжал его, по его просьбе, секретными материалами ОГПУ о положении в деревне. В материалах этих я особо выделял настроения кулачества (в связи с чрезвычайными мерами), выдавал их за общие настроения крестьян в целом. Рыков говорил, что материалы эти они, правые, используют как аргументацию в их борьбе с ЦК. В 1928 году я присутствовал на совещании правых в квартире Томского. Там были лидеры правых и, кажется, Угланов и Котов. Были общие разговоры о неправильной политике ЦК. Конкретно, что именно говорилось, я не помню. Помню еще совещание на квартире у Рыкова, на котором присутствовали, кроме меня и Рыкова, еще Вася Михайлов и, кажется, Нестеров. Я сидел с Рыковым на диване и беседовал о гибельной политике ЦК, особенно в вопросах сельского хозяйства. Я говорил тогда Рыкову, что все это верно, и сослался на материалы ОГПУ, подтверждающие его выводы. В 1929 году ко мне в ОГПУ приходил Бухарин и

требовал от меня материалов о положении в деревне и о крестьянских восстаниях. Я ему давал. Когда я узнал, что Триллисер также однажды дал Бухарину какие-то материалы, я выразил Триллисеру свое отрицательное отношение к этому факту. В данном случае мне нужно было монополизировать за собой снабжение правых документами, поставить их в некоторую зависимость от себя.

Вопрос.

А кроме участия на перечисленных вами совещаниях лидеров правых и снабжения их тенденциозно подобранными материалами ОГПУ, чем конкретно вы помогали правым? Вы же обещали им помощь со стороны аппарата ОГПУ?

Ответ.

На том отрезке времени, 1928 — середина 1929 года, когда правые вели открытую борьбу против партии, от меня больше и не требовалось. Иное положение создалось, когда выяснилось, что в открытой борьбе правые потерпели поражение, когда тактика правых приняла характер нелегальной борьбы с партией. Тут и мое положение должно было измениться. Во-первых, я договорился с Рыковым об особой своей законспирированности, о прекращении взаимных посещений и встреч. Во-вторых, коль скоро речь шла о нелегальной работе правых, естественно повлекшей за собой репрессии, моя помощь правым уже не могла ограничиться информацией. На меня центром правых была возложена задача ограждения организации от полного провала. В разговоре с Рыковым на эту тему я так определил свое положение: «Вы действуйте. Я вас трогать не буду. Но если где-нибудь прорвется, если я вынужден буду пойти на репрессии, я буду стараться дела по правым сводить к локальным группам, не буду вскрывать организацию в целом, тем более не буду трогать центр организации».

Вопрос.

Когда у вас был этот разговор с Рыковым?

Ответ.

Точно не помню. Кажется, в конце 1929 или в начале 1930 года.

Вопрос.

Вы показали, что после перехода организации правых к нелегальным методам борьбы против партии ваша роль, как участника организации правых, активизировалась, и, как вы договорились с Рыковым, она сводилась к ограждению организации от провала. Как вы проводили эту свою предательскую линию в ОГПУ-НКВД?

Ответ.

Оградить организацию правых от провала, в условиях их возраставшей активности и перехода к нелегальной борьбе с партией, мне самому было трудно. Мне было ясно, что если в аппарате ОГПУ, в особенности в Секретном отделе, не будет своего человека, то, вопреки моему желанию, организация правых может быть провалена. С этой целью мною и был назначен осенью 1931 года начальником Секретного отдела Молчанов.

Вопрос.
Почему именно Молчанов?

Ответ:
По двум причинам: 1) О Молчанове — нач. Ивановского губотдела ГПУ мне было известно, что он связан с правыми, в частности с Колотиловым, бывшим тогда секретарем Ивановского губкома ВКП(б); 2) Молчанов был лично мне преданным человеком, был в моих руках, и я смело мог располагать им.

Вопрос:
Откуда вы знали, что Молчанов правый?

Ответ.
Об этом мне сам сказал Молчанов, не помню в каком году, то ли в 1929, или в 1930. Он как-то приехал из Иваново, зашел ко мне в кабинет и рассказал, что в Иваново имеется группа правых, возглавляемая Колотиловым, что Колотилов ведет с ним специфические для правых разговоры о неправильности линии ЦК, о гибельности такой линии для страны. Молчанов просил моего совета, как ему поступить. Из того, как он мне излагал правые взгляды Колотилова, я почувствовал, что он и сам стоит на точке зрения правых, и прямо его спросил, как он лично оценивает позиции правых. Молчанов мне откровенно заявил, что он разделяет их взгляды.

Вопрос.
Чем объяснить, что начальник губотдела ГПУ не побоялся доложить вам, зампреду ОГПУ, свои контрреволюционные правые взгляды. Он что, знал о вашей принадлежности к правым?

Ответ.
Для того, чтобы ясна была причина его откровенности со мною, я должен рассказать об одном эпизоде, имевшем место до этого разговора с Молчановым. Примерно в 1927 году ко мне поступили материалы, компрометирующие Молчанова. Речь шла о каких-то его уголовных преступлениях где-то на Кавказе. Я вызвал его из Иваново, сказал ему об этих материалах. Молчанов тогда же признал за собою эти грехи в прошлом и, уже в порядке исповеди, рассказал еще об одном своем грехе — о приписке себе партстажа. Я сказал, что нуждаюсь в лично мне преданных людях, что судьба его отныне в моих руках, но если он будет выполнять всякие мои указания, то я материалам о нем ходу не дам, а он может продолжать свою работу в Иваново в той же должности.

Вопрос.
То есть, говоря прямо, вы Молчанова завербовали на имевшихся у вас компрометирующих материалах, причем завербовали для своих преступных, контрреволюционных целей?

Ответ.

Да, фактически я его завербовал, причем в момент вербовки я еще не знал, как конкретно в дальнейшем его использую.

Вопрос.

Чем же закончилась тогда эта вербовка Молчанова?

Ответ.

Он мое предложение охотно принял и уехал обратно в Иваново. Теперь вам, несомненно, ясна причина откровенности Молчанова и то, что он не побоялся рассказать мне о своих правых взглядах и о своей связи с Ивановской организацией правых.

Вопрос.

Какие указания вы дали Молчанову, когда он вам сообщил о своей связи с правыми?

Ответ.

Тогда я Молчанову о том, что я сам являюсь правым, не говорил, но предложил ему во всем поддерживать в Иваново линию Колотилова.

Вопрос.

Как же все-таки Молчанов был назначен начальником Секретно-политического отдела?

Ответ.

Разрешите мне некоторое отступление. Общеизвестно, что 1931 год был чреват наибольшими трудностями в стране. Общеизвестно также, в 1931 году возросла активность всех контрреволюционных элементов в стране. На фоне этих трудностей активизировалась и нелегальная работа правых. Это было мне известно как по материалам ОГПУ, так и из личных встреч с лидерами правых. В 1931 году впервые встал вопрос о блоке между правыми, троцкистами и зиновьевцами, на основе борьбы за свержение Советской власти методами террора против руководителей партии и массовыми восстаниями. В связи с этим я однажды (это было летом 1931 года) был приглашен в Болшево на дачу к Томскому. Там я застал также Фому (А. П. Смирнова). Томский начал свой разговор с общей оценки положения в стране, говорил о политике ЦК, ведущей страну к гибели, говорил, что мы, правые, не имеем никакого права оставаться в роли простых наблюдателей, что момент требует от нас активных действий. Меня, естественно, интересовали реальные планы и возможности борьбы, и я так и поставил вопрос. Присутствовавший Фома рассказал мне о намечающемся блоке с троцкистами и зиновьевцами, говорили о наличии довольно широко разветвленных группах организации в ряде городов Союза и в целом очень оптимистически охарактеризовали перспективы борьбы с партией. Надо признать, что и мне эти перспективы тогда рисовались также в оптимистических тонах.

Вопрос.

Почему вы поехали к Томскому? Вы ведь уславливались с Рыковым об особой вашей законспирированности, исключающей всякие встречи с лидерами правых?

Ответ.

Тут свою роль сыграли два фактора. Во-первых, переживаемые страной трудности и возможность, как мне казалось, в связи с этим прихода к власти правых. Поэтому мне нужно было проявить некоторую активность и подчеркнуть свою солидарность с ними. Во-вторых, мое положение в ОГПУ в то время до некоторой степени пошатнулось. Это было в период работы в ОГПУ Акулова. Я был обижен и искал помощи у правых.

Вопрос.

Все же ответьте, как произошло назначение Молчанова начальником СПО?

Ответ.

Вот на этом-то совещании у Томского и был поднят вопрос о необходимости принять меры к тому, чтобы не провалить работу правых, чтобы обеспечить им со стороны ОГПУ полную возможность разворота их деятельности на новой, значительно расширенной и активизирующейся основе. Стал вопрос о том, смогу ли я это сделать. Я ответил, что мне одному это трудно, что лучше бы всего посадить на Секретный отдел своего человека. И вот не то Томский, не то Фома, сказал, что начальник Ивановского губотдела ГПУ Молчанов известен им как правый, и его именно не мешало бы посадить начальником Секретного отдела. Это предложение я принял, и Молчанов был назначен начальником СП О ОГПУ.

Вопрос.

Значит, назначение Молчанова начальником Секретно-политического отдела состоялось по решению центра организации правых?

Ответ:

Да, так именно оно и было. Технически это было оформлено просто: я вызвал из Иваново Молчанова, сообщил ему о принятии организацией решения о назначении его в Москву начальником Секретного отдела, предупредил его, что он будет вызван Булановым для переговоров по этому вопросу, чтобы он свое согласие дал, ни слова не говоря о разговоре со мною. А на практиковавшихся тогда совещаниях зампредов у Менжинского я выдвинул кандидатуру Молчанова на должность начальника Секретного отдела. Кандидатура Молчанова возражений не встретила, и он был назначен.

Вопрос.

Следовательно, и Молчанов знал, что он назначен начальником СПО ОГПУ решением центра правых?

Ответ:

Да, я ему об этом говорил. В дальнейшем я сговорился с Молчановым о тактике нашей работы в ОГПУ.

Вопрос.
О тактике предательства?

Ответ:
Да. О тактике, которая заключалась в покрывательстве контрреволюционной деятельности правых, троцкистов и зиновьевцев. Я думаю, что не стоит здесь перечислять все факты, связанные с моей и Молчанова предательской линией, они теперь известны всей партии, да вряд ли все и вспомнишь. Известно, конечно, что, если бы не наша предательская работа в НКВД, центры зиновьевцев, троцкистов и правых были бы вскрыты в период зарождения — в 1931—32 годах. Агентурные материалы об их контрреволюционной деятельности поступали со всех концов Советского Союза во все годы. Мы шли на удары по этим организациям только тогда, когда дальнейшее покрывательство грозило провалом нас самих. Так было с Рютинской группой, которую мы вынуждены были ликвидировать, потому что материалы попали в ЦК; так было с бухаринской «школкой», ликвидация которой началась в Новосибирске и дело о которой мы забрали в Москву лишь для того, чтобы здесь его свернуть; так было с троцкистской группой И. Н. Смирнова и в конце концов так продолжалось даже и после убийства Кирова. Надо признать, что даже в таких случаях, когда мы шли на вынужденную ликвидацию отдельных провалившихся групп организаций, как правых, так и троцкистов и зиновьевцев, я и Молчанов, по моему указанию, принимали все меры к тому, чтобы изобразить эти группы организациями локальными, и в особенности старались скрыть действующие центры организаций.

Вопрос. К
системе вашей предательской работы и к отдельным фактам мы еще вернемся. Вы выше признали, что если бы не ваша и Молчанова предательская роль в ОГПУ—НКВД, то центры организации правых, троцкистов и зиновьевцев, вернее говоря, центры блока этих организаций можно было своевременно ликвидировать?

Ответ.
Да, это несомненно так.

Вопрос.
Значит, и убийство тов. Кирова могло быть предотвращено?

Ответ.
Безусловно.

Вопрос. И
вы это не сделали?

Ответ.
Нет.

Вопрос.
Значит, вы являетесь соучастником этого злодейского убийства?

Ответ.
Нет, я это не могу признать.

Вопрос.
У вас материалы о действующих террористических центрах были?

Ответ.
Были.

Вопрос.
Киров был убит ими?

Ответ.
Ими.

Вопрос.
Вы покрывали деятельность этих террористических организаций?

Ответ.
Покрывал.

Вопрос.
Как же вы смеете отрицать свое соучастие в убийстве тов. Кирова?

Ответ.
Я не являлся соучастником этого убийства, но, несомненно, должен ответить за то, что не предотвратил убийства тов. Кирова.

Вопрос.
Вопреки тому, что имели все возможности для предотвращения этого убийства?

Ответ.
Да.

Вопрос.

Вы являлись участником организации правых, а к моменту убийства тов. Кирова и участником блока террористических организаций. Вы сознательно покрывали подготовку убийства тов. Кирова?

Ответ.

Вы должны понять, что в мои личные планы как народного комиссара внутренних дел, не могли входить такие разрозненные акты, как убийство тов. Кирова. Я же хорошо понимал, что такие акты могут привести если не к полному моему провалу как участника организации правых, то во всяком случае к моей полной ответственности как наркома, ведающего охраной правительства. Тут ничего, кроме проигрыша, для меня лично не могло выйти, а как раз к этому периоду мои личные планы шли довольно далеко и не совсем совпадали с планами блока.

Вопрос.

Каковы были эти ваши личные планы?

Ответ.

В 1932 году был окончательно оформлен блок троцкистов, зиновьевцев и правых. Вместе они, на мой взгляд, представляли собой довольно внушительную силу. В среде организации правых зрела мысль о дворцовом перевороте. Я лично в эти планы правыми не был посвящен. И мне было понятно почему: коль скоро речь шла о дворцовом перевороте, то здесь они могли обойтись и без меня. Охрана Кремля тогда была не в моих руках. Мне казалось, что, ежели им удастся прийти к власти, меня могут обойти. Некоторое недоверие ко мне они всегда питали, да и я сам не особенно доверял им. Наряду с этим, мне, зампреду ОГПУ, имевшему всестороннюю информацию, было видно, что соотношение сил в стране еще не таково, что можно рассчитывать на полный успех заговора против Советской власти тогда, в 1932–1933 годах. Но в дальнейшем агрессивность заговорщиков росла прямо пропорционально победам партии. Не исключена была возможность их успеха. И вот, чтобы не оказаться в дураках, я пришел к выводу о необходимости застраховать себя на случай удачи заговора правых и троцкистов и заставить их считаться со мною, как с реальной силой. И тогда я приступил к организации параллельного заговора против Советской власти в аппарате ОГПУ-НКВД.

Вопрос.

Порвав с правыми?

Ответ.

Как сказать, и да, и нет. Да, потому что от правых я скрывал эти свои планы; нет, потому что продолжал им помогать. Вот тут-то и проявилась двойственность моего положения, красной нитью проходившая во всей моей политической деятельности.

Вопрос.

Какая тут двойственность? О какой двойственности вы говорите? Вы являлись врагом Советской власти, предателем внутри партии.

Ответ.

Я говорю о двойственности моего собственного положения в организации правых. Я уже говорил выше, что боялся, что они могут, придя к власти, попросту выгнать меня, и именно поэтому я организовал параллельный заговор.

Вопрос.

Вы говорите, что создали заговор против Советской власти внутри аппарата ОГПУ—НКВД. Вы, значит, имели сообщников среди чекистов?

Ответ.

Конечно, имел.

Вопрос.

Кого?

Ответ.

О Молчанове я уже вам говорил, он был завербован мною давно. Кроме него, участниками организованного мною заговора против Советской власти являлись:

1. Прокофьев — зам. наркома внутренних дел.
2. Паукер — начальник оперотдела.
3. Волович — зам. нач. оперотдела.
4. Гай — нач. Особого отдела.
5. Буланов — секретарь НКВД.
6. Шанин — нач. транспортного отдела.
7. Островский — нач. админ. — хоз. управления.

Вопрос.

Это все?

Ответ.

Как непосредственные участники заговора — все. Все они были посвящены в планы и цели заговора и выполняли, по моему поручению, задания, связанные с подготовкой заговора. Кроме перечисленных, были еще некоторые люди, лично мне преданные, выполнявшие отдельные мои преступные поручения, но не посвященные в план заговора.

Вопрос.

Кто эти люди, назовите их.

Ответ.

К ним относятся:

1. Лурье — нач. инженерно-строительного отдела НКВД.
2. Иванов — пом. секретаря НКВД.

3. Винецкий — сотрудник оперотдела.
4. Пакалн — нач. отделения админ. — хоз. упр. НКВД.
5. Черток — нач. ЭКО.
6. Погребинский — нач. УНКВД в Горьковском крае.

Вопрос.

Вы скрываете участников вашего заговора против Советской власти. Вы не всех выдаете.

Ответ.

Какой мне смысл теперь скрывать отдельных участников заговора? Они мне больше ни к чему. Может быть, я упустил из памяти некоторых лиц, которые в план заговора посвящены не были, но которые так или иначе входили в мои расчеты, на случай практического выполнения заговора. Сейчас я их вспомнить не могу. Я прошу разрешить вернуться к этому вопросу на следующем допросе, я к тому времени постараюсь вспомнить.

Вопрос.

Вы возглавляли контрреволюционный заговор против советского государства, реально предполагая и готовя захват власти в свои руки. Не может быть, чтобы ограничились только тем составом участников заговора, который вами назван. Мы требуем выдачи всех ваших сообщников.

Ответ.

Я действительно являлся организатором заговора против Советской власти, и именно потому, что я реально его готовил, я не мог пойти на вовлечение в это преступное дело широкого состава участников заговора. Я ведь все же был чекистом…

Вопрос.

Предателем вы были, а не чекистом!

Ответ.

…Предателем, но в чекистских рядах. Я больше других понимал и опасался провала.

Вопрос.

Как же вы пошли на вербовку хотя бы того небольшого, сравнительно, количества людей из чекистов, которых вы называли?

Ответ.

Вербовка каждого из них имеет свою историю, она тщательно подготавливалась, и на откровенный разговор я шел только тогда, когда мои шансы на успех вербовки были несомненны. Вы это видели на примере вербовки Молчанова.

Вопрос.

Как конкретно были завербованы ваши соучастники?

Ответ.

Тут надо сказать несколько слов о той системе воспитания непосредственно соприкасающихся со мной работников ОГПУ—НКВД, которую я проводил в течение многих лет. Она сводилась, в первую очередь, к тому, что я подчинял людей своему личному влиянию. В отношении большинства мне, как руководителю аппарата, это удавалось. Добившись этого, я переходил на другую ступень: я внушал людям отчужденность от партии, выращивал в их сознании идею, что государственная разведка должна в политике играть самостоятельную от правительства и от партии роль. Я ссылался при этом на опыт буржуазных государств и доказывал, что правительства этих стран меняются, разведка же остается неизменной всегда. Вполне понятно, что говорил я это не всегда прямо и не всем, но в завуалированной форме высказывал часто. Прикрытием мне служили в этих целях так называемые чекистские традиции, которым я придал антипартийный характер. Ссылка или, вернее, спекуляция, на них служила мне дополнительной гарантией от возможности провала, ибо составной частью этих пресловутых традиций была кастовость. В ходу у меня была поговорка «Не выносить сор из избы». Таковы были общие условия, которые сами по себе были мной установлены и которые способствовали моим заговорщическим целям, в первую очередь, целям вербовки в этих условиях людей внутри аппарата ОГПУ-НКВД.

Вопрос.

Но вы, надо полагать, вербовали людей для заговора индивидуально каждого и в определенных целях. Вот об этом вы ничего не сказали.

Ответ.

Перехожу к этому. При индивидуальной вербовке я исходил, в первую очередь, из того, чтобы во главе ведущих отделов ОГПУ—НКВД стояли мои люди, мне преданные, нужные мне для практического выполнения и обеспечивающие меня от провала.

1. Молчанов. Он был начальником Секретно-политического отдела. Как он был вовлечен в заговор, я уже говорил. Он

страховал меня от возможного провала тем, что по моим указаниям тормозил вскрытие организации правых, «тушил» отдельные провалы этой организации и докладывал мне о деятельности троцкистов, зиновьевцев и правых. По его докладам я все время внимательно следил за нарастанием или ослаблением их активности и в связи с этим строил и свои планы.

2. Прокофьев. Он был моим заместителем. Был близким мне человеком. Наблюдал я за ним давно. Знал, что он человек глубоко антипартийный. Ходил когда-то в троцкистах. В разговоре с ним на общеполитические темы он всегда поддакивал моим осторожно пущенным критическим замечаниям. Его я завербовал, когда он, после его работы в РКИ, возвращался в органы ОГПУ, кажется, это было в 1932 году. Посвящен он был постепенно во все. Имел он своих людей, которых я сам вербовал.

3. Паукер. Его вербовка имела, конечно, первостепенное значение. Он был начальником Оперода. Непосредственно ведал охраной членов правительства. На него, на случай конкретного выполнения заговора, падала основная работа: обеспечение ареста членов правительства. Это был наиболее близкий мне человек и наиболее преданный.

4. Гай. Он был начальником Особого отдела. Окончательно разложившийся и преступный человек. Сифилитик. Он был близок с Прокофьевым и завербован он был по его совету. Он содействовал мне в сокрытии следов шпионской деятельности некоторых работников ОГПУ—НКВД, о которых я скажу ниже. В плане заговора ему отведена была роль наблюдения и связи с военными из РККА, к отбору из их состава людей, которых можно будет использовать в заговорщических целях. Он легко это мог выполнять потому, что, будучи начальником Особого отдела, он знал настроения разных военных работников. Окончательно он был завербован в 1934 году (или в начале 1935 года). Был введен в курс моих планов и выполнял мои поручения.

5. Волович. Заместитель начальника Оперотдела. Его я завербовал следующим образом. В 1931 году Волович, бывший тогда нач. Отделения ИНО (до этого он был нашим резидентом во Франции), зашел ко мне в кабинет и рассказал, что завербован германской разведкой. Тогда он говорил мне, что ничего еще для них не сделал. Я предупредил его, что покрою этот его предательский акт, если он будет впредь выполнять все мои поручения. Волович согласился. Он был после этого переведен заместителем к Паукеру и ведал там техникой. Его я использовал в плане организации для меня возможности подслушивания правительственных переговоров по телефону. А впоследствии я Воловича использовал значительно шире по выполнению специальных заданий.

6. Буланов. Он был у меня на особо секретных поручениях. У него хранился мой нелегальный валютный фонд, который был мною создан в целях финансирования контрреволюционной моей деятельности, в целях «покупки» нужных мне людей. Буланов был наиболее доверенным у меня человеком, знал о всех моих планах и, кроме того, помогал мне и в чисто уголовных моих делах.

7. Шанин. Был лично мною завербован, когда он еще являлся моим личным секретарем. У него впервые хранился мой валютный фонд. Впоследствии я ввел его в курс моих заговорщических планов.

8. Островский. Его я завербовал примерно в 1934 году. Попался он мне на каких-то уголовных делах, и я вовлек его в свои собственные уголовные дела. Выполнял он отдельные мои поручения, по связи с нужными людьми и по уголовным моим делам.

Вопрос.

Целый ряд вопросов, которых вы коснулись выше, потребуют уточнения и детализации. Мы к ним вернемся впоследствии. Сейчас нас интересуют ваши планы заговора. Как конкретно вы мыслили себе его осуществление?

Ответ.

Было несколько вариантов. Один из них заключался

в

том, что когда организация правых, совместно с блоком троцкистов и зиновьевцев, будет готова к захвату власти, они должны были дать мне об этом знать, и я осуществил бы это технически. Для этого имелся в виду арест моими силами членов Советского правительства и руководителей партии и создание нового правительства из состава заговорщиков, преимущественно из правых. В 1935 году это было вполне реально: охрана Кремля, его гарнизон были в моих руках и я мог бы это совершить. В этом направлении мною были приняты и соответствующие меры.

Вопрос. В

чем они заключались?

Ответ. Я

дал указания Паукеру приближать к себе командный состав Кремлевского гарнизона. Я сам вызывал к себе ряд командиров. Так как комендантом Кремля был Ткалун, не наш человек, назначенный Наркоматом обороны, я пытался и его также приблизить к себе. В отношении его Паукер также имел указания обхаживать его, приручить его к нам. И Паукер, правда не совсем умело, это делал, так как у них часто бывали стычки. Если бы не удалось Ткалуна завербовать, его легко было бы в нужный момент локализовать, убрать.

Вопрос.

Ткалуна удалось завербовать?

Ответ.

Нет. Но это имелось в виду в дальнейшем. Кроме указанных мероприятий в отношении Кремлевского гарнизона, я приказал Паукеру отобрать 20–30 человек из особо преданных ему и мне людей из Оперотдела, тренировать их в ловкости и в силе, не вводя их в курс дела, держать про запас.

Вопрос.

Для каких целей?

Ответ. Я

имел в виду использовать их в момент выполнения нами переворота, для непосредственного ареста членов правительства. Паукер докладывал мне, что людей таких он частично отобрал и с ними работает.

Вопрос.

Кто эти люди? Назовите их.

Ответ. Я

лично фамилии их не знаю. Это надо будет спросить Паукера. Я хочу только предупредить вас, что люди эти никакого представления не имеют о целях и задачах, которые перед ними могли быть поставлены. Во всяком случае, Паукер мне не говорил, что посвящал их в это.

Вопрос.

Вы заявили, что у вас было несколько вариантов осуществления заговора. Вы назвали пока один из них. Каковы остальные варианты?

Ответ.

Другой вариант, менее четкий, который явился результатом начавшегося разгрома троцкистско-зиновьевского блока и правых, после убийства Кирова. Убийство Кирова, о конкретной подготовке которого я не знал, вызвало ко мне естественную

настороженность в ЦК. Я был поставлен под контроль Ежова, который нажимал на меня и требовал полного разгрома организации троцкистов, зиновьевцев и правых. Я боялся идти на это, во-первых, потому что не хотел лишить себя широкой базы для осуществления заговора, и, во-вторых, потому что я боялся в связи с этим собственного провала. Все, что я и мои сообщники (в первую очередь Молчанов) могли сделать для торможения дела ликвидации этих организаций, мы сделали. Но это не удалось, Ежов нажимал, и мы вынуждены были идти на дальнейший разворот дела, на дальнейшую ликвидацию. Это был период 1935–1936 годов, когда перспектива военной опасности была очень реальна и близка. Так вот, второй вариант нашего заговора был связан с этими перспективами близости войны.

Вопрос.
В чем конкретно заключался ваш второй вариант захвата власти на случай войны?

Ответ.
Если в первом варианте речь шла об осуществлении заговора совместно с правыми и по их инициативе, то второй вариант, как я уже показал, был вызван фактически совершившимся под нажатием ЦК разгромом сил блока троцкистов, зиновьевцев и правых, которые таким образом выпадали из моей игры, и тут-то совершилась моя переориентировка на немцев как на реальную силу. Мне казалось, что на случай войны СССР с Германией и Японией Советскому правительству придется столкнуться не только с военной силой своих противников, но и с крестьянскими восстаниями у себя в тылу. На фоне этого будут активизироваться контрреволюционные организации, и в первую очередь троцкисты, зиновьевцы и правые. Поражение СССР в войне мне казалось возможным. А поражение неизменно влекло бы за собой и перемену правительства, состав которого был бы продиктован победителями, в данном случае Германией. Вот почему, желая себя застраховать и играть определенную роль и в будущем правительстве, я имел в виду наладить контакт с германскими правительственными кругами.

Вопрос.
Вы не только думали наладить контакт, но и фактически уже установили его?

Ответ.
Нет, личных связей с немцами у меня не было, но возможно, что немцы знали о моих планах.

Вопрос:
Каким путем?

Ответ:
Через Воловича, связанного с германской разведкой. Кроме того, о необходимости ориентироваться на немцев намекал мне Радек.

Вопрос.
Когда и где вы поговорили по этому поводу с Радеком?

Ответ.
Он приходил ко мне летом 1936 года.

Вопрос.
Зачем он к вам приходил?

Ответ.
Радек пришел ко мне в момент разворота операции по троцкистам и спросил меня, насколько я далеко пойду в ликвидации организации. Я сообщил Радеку, что положение таково, что придется далеко идти, возможно, и до полной ликвидации, и тут я ничем не смогу помочь, так как я нахожусь под строгим контролем Ежова.

Вопрос.
Чем объяснить этот визит Радека к вам? Разве вы были связаны с ним ранее?

Ответ.
Нет. Личных связей с Радеком у меня не было, роль его в троцкистской организации мне, конечно, была известна, но меня удивило, откуда Радек знает о моей роли. Мое недоумение рассеял сам Радек, заявив, что он пришел ко мне от Бухарина.

Вопрос.
Что же вам сказал Радек о своих связях с немцами?

Ответ.
Он сказал мне, что ситуация сейчас такова, что нужно ориентироваться на немцев и что он лично связан с немецкими правительственными кругами. При этом он даже назвал мне фамилии лиц, с которыми он связан.

Вопрос.
Каких он вам назвал лиц?

Ответ.
Сейчас не помню этих фамилий.

Вопрос:
А для чего вам Радек это говорил?

Ответ.
Сказать по правде, я сам этого не понял, но у меня создалось впечатление, что Радек этим хотел подчеркнуть, насколько важно сохранение его лично, поскольку в его

руках были связи с немецкими правительственными кругами. Это мое впечатление подкрепилось еще и тем, что Радек, уходя от меня, заявил, что если мне понадобится его помощь, то он всегда готов к услугам. На этом беседа закончилась.

Вопрос.

Только этим и ограничилась ваша беседа с Радеком?

Ответ.

Да. Только этим. Это был короткий разговор, потому что в тот момент сама по себе встреча с Радеком была чревата возможностями провала для меня.

Вопрос.

Все же не ясно, как конкретно вы мыслили осуществление варианта заговора на случай войны и в связи с немцами?

Ответ.

Конкретно разработанного плана у меня не было, но я предполагал при этом варианте войти в сношение с германскими правительственными кругами, которые оказали бы непосредственную помощь в осуществлении заговора. Лично с немцами я связаться не успел, так как в сентябре я был отстранен от работы в Народном комиссариате внутренних дел.

Вопрос.

С уходом из НКВД ваша предательская, изменническая деятельность не изменилась. Вы продолжали активно руководить заговором и принимали меры к сокрытию следов ваших преступлений в НКВД.

Ответ.

Да, это так. Уход из НКВД явился для меня и моих сообщников неожиданностью. Появилась реальная опасность раскрытия моих преступлений, тем более наркомом был назначен Ежов — человек, которого я все время боялся. Обстановка складывалась для меня крайне неблагоприятно. Поздно было говорить и даже думать об отказе от заговора, слишком далеко я зашел. Я предвидел еще и то, что авторитет, власть и влияние, т. е. все то, чем я сдерживал замкнутый круг преступников от провала, после смещения меня с поста наркома внутренних дел быстро исчезнет. Провал был весьма реален. Ко мне растерянно приходили мои сообщники и спрашивали: «Что делать? Как быть?» Я говорил им: «Оставайтесь на местах, вы мне здесь нужны будете».

Все мои мысли были направлены на то, как бы спасти свою шкуру. Мои люди оставались в НКВД. Спасением бы явился мой возврат в НКВД. Это при Ежове было невозможно. Я просил об оставлении меня в системе НКВД на любой работе, но мне отказано было. Рассчитывать на то, что следы моих преступлений будут скрыты, я не мог. И я решил убрать Ежова, убить его.

Вопрос: И

вы стали готовить убийство?

Ответ: Да.

Вопрос.

Убийство секретаря ЦК ВКП(б), народного комиссара внутренних дел Союза тов. Ежова Николая Ивановича?!

Ответ.

Да, я пошел на это. У меня другого выхода не было. Я рассчитывал, что, убив Ежова, я если не добьюсь возврата меня в НКВД, то обеспечу себя от провала.

Вопрос.

Как же вы готовили это чудовищное преступление?

Ответ.

Я вел подготовку убийства Ежова по двум линиям. Я дал задание Воловичу подготовить террористический акт, и такое же задание я дал Иванову Л.

Вопрос.

Когда вы дали им эти задания?

Ответ.

Воловичу я дал задание в последних числах сентября 1936 года перед отъездом моим в отпуск. Разговор у нас произошел в моем служебном кабинете в НКВД в тот день, когда Волович, по моему распоряжению, снимал у меня подслушивающую аппаратуру у телефонов. Я сказал Воловичу: «Подумайте о возможности убрать Ежова, свяжитесь для этого с Прокофьевым, так как я уезжаю в отпуск». Он ответил, что займется этим. Иванову я, после своего возвращения из отпуска, сказал то же самое, что и Воловичу, т. е., что Ежова нужно убрать. Разговор происходил в моем кабинете в Наркомсвязи. Иванов дал свое согласие. Я предложил ему связаться с Булановыми и моим курьером Саволайненом, которого я считал возможным использовать для теракта, так как этот человек, около двадцати лет у меня прослуживший, был безгранично мне предан, слепо выполнял любое мое поручение. Иванов тогда же предложил использовать для теракта способ отравления кабинета Ежова сильнодействующим ядом. Он сказал, что у него имеется такой яд, очень удобный для отравления кабинета, так как запаха не имеет, действует медленно, но смертельно, не оставляя следов отравления. Я одобрил этот способ, потому что он был наиболее безопасен с точки зрения возможностей провала.

Вопрос.

Вам докладывали о ходе подготовки террористического акта?

Ответ. Да.

Вопрос.

Как шла эта подготовка? Кто намечен был в исполнители теракта?

Ответ.

После приезда из отпуска я получил от Прокофьева информацию о ходе выполнения моего задания Воловичем. Прокофьев мне рассказал, что Волович обрабатывает какого-то родственника Н. И. Ежова и намерен склонить его к убийству Ежова. Я одобрил эту кандидатуру, так как она бы придала убийству личный, семейный характер.

Вопрос.

А Иванов вам докладывал, как у него идет подготовка к террористическому акту?

Ответ.

Я как-то спросил его, как идет подготовка. Он ответил, что все в порядке, связь с Булановым и Саволайненом он поддерживает, и они там работают.

Протокол записан с моих слов верно, мною прочитан.

Г. Ягода

ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 2. Л. 57–88.

Гай М. И. (1898–1937),

большевик с 1919 года. В органах госбезопасности с 1922 года. С декабря 1932 года — заместитель начальника Особого отдела ОГПУ, с 1 июня 1933 года — начальник Особого отдела ОГПУ. В ноябре 1936 года назначен начальником УНКВД Восточно-Сибирского края. Комиссар госбезопасности 2 ранга. Арестован 13 апреля 1937 года с обвинением в участии в антисоветском заговоре в НКВД. Расстрелян 19 июня 1937 года. В реабилитации отказано.

Молчанов Г. А. (1897–1937),

большевик с 1917 года. В ВЧК с 1919. В ноябре 1931 года — начальник Секретно-оперативного отдела ОГПУ, затем НКВД. В ноябре 1936 года назначен наркомом внутренних дел Белоруссии. Арестован 7 марта 1937 года как «член организации правых», расстрелян 9 октября 1937 года. В 1996 году обвинение Молчанова в «измене Родине», «диверсиях» было Главной военной прокуратурой России отвергнуто за отсутствием состава преступления. Его участие в массовых репрессиях квалифицировано как злоупотребление служебным положением и превышение власти при наличии особо отягчающих обстоятельств.

Паукер К. В. (1893–1937),

большевик с 1917 года. В

ВЧК с

1920 года. С июля 1934 года начальник Оперативного отдела ГУГБ НКВД СССР, с 1936 года — начальник охраны ГУГБ НКВД СССР. Арестован 15 апреля 1937 года с обвинением в «шпионаже» и участии в антисоветском заговоре в НКВД под руководством Ягоды. Расстрелян 14 августа 1937 года. В реабилитации отказано.

Прокофьев Г. Е. (1895–1937),

большевик с 1919 года. В ВЧК с 1920 года. С ноября 1932 года заместитель председателя ОГПУ, с 10 июля 1934 года — заместитель наркома внутренних дел СССР, в 1936 году — заместитель наркома связи СССР. Арестован 12 апреля

1937 года с обвинением в участии в антисоветском заговоре в НКВД. Расстрелян 14 августа 1937 года. В реабилитации отказано.

Трилиссер (Москвин) М. А. (1883–1940),

большевик с 1901 года. В органах безопасности с 1924 года. В 1926–1930 годах — заместитель председателя ОГПУ, в 1930–1934 годах — зам. наркома РКИ РСФСР. Член ВЦИК. Арестован 23 ноября 1938 года с обвинением в антисоветском заговоре в НКВД. Расстрелян 1 февраля 1940 года. Реабилитирован в 1956 году.

Чершок И. И. (1902–1937),

большевик с 1919 года. В ВЧК с

1921 года. Был начальником отделения Экономического управления ОГПУ. 16 апреля 1937 года покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна.

Шанин А. М. (1894–1937),

большевик с 1918 года. В

ВЧК

с 1920 года. В 1933–1934 годах — зам. начальника экономического управления ОГПУ, с 1935 года — начальник транспортного отдела ГУГБ НКВД СССР. Комиссар госбезопасности 2 ранга. Арестован 22 апреля 1937 года с обвинением в участии в антисоветском заговоре в НКВД. Расстрелян 14 августа 1937 года. В реабилитации отказано.

Протокол допроса

№

4

Ягоды Генриха Григорьевича от 4 мая 1937 года

Вопрос.

После допроса вас народным комиссаром внутренних дел Союза тов. Ежовым Н. И. и после устроенных вам очных ставок с Паукером и Воловичем вы заявили, что дадите полные и исчерпывающие показания о своей предательской деятельности и, прежде всего, выдадите ваших сообщников. С этого мы сегодня и начнем ваш допрос.

Ответ. Я

уже показывал, что первым человеком, вовлеченным в заговор, был Молчанов. Это потому, что в ОГПУ—НКВД он пришел уже участником организации правых, и, как вам уже известно, само назначение его начальником СПО было произведено по постановлению центра организации правых. Я показывал также о роли Молчанова как участника заговора. Она состояла главным образом в том, чтобы, будучи начальником

СПО, создавая видимость борьбы с правыми и троцкистами, по существу, отводить от них удары и дать им возможность действовать.

Известно, что все дела как по правым, так и по троцкистам и зиновьевцам сосредоточивались в первом отделении Секретно-политического отдела. Так вот, о кандидатуре начальника первого отделения мы неоднократно говорили с Молчановым. К приходу Молчанова в СПО начальником первого отделения был Рутковский. В заговор наш Рутковский не был вовлечен, но начальником первого отделения он все же оставался несколько лет, кажется, до конца 1934 года. Это потому, что Рутковский сработавшийся чекист, о нем, пожалуй, можно сказать, что он оппортунист в чекистской работе. Он с недоверием подходил к агентурным материалам и сигналам об агрессивных намерениях и действиях троцкистов, зиновьевцев и правых, поэтому он не мешал нам и оставался начальником первого отдела.

Но как-то случилось, что Рутковский должен был уйти из первого отделения, причин сейчас не помню. Стал вопрос о другом начальнике первого отделения. Молчанов тогда предложил мне кандидатуру Петровского, о котором он отозвался как о малоинициативном и им запуганном чекисте. Я просил Молчанова, можно ли в дальнейшем рассчитывать на привлечение Петровского к заговору. Молчанов ответил отрицательно, заявив, что для участия в заговоре Петровский человек неподходящий, он на это не пойдет, но начальником первого отделения он будет терпим, в силу того, что без критики будет выполнять все то, что ему прикажут. К тому времени, летом или осенью 1934 года, такая кандидатура нас устраивала.

Но иначе стал вопрос к концу 1935 года, когда ЦК требовал от меня разворота событий по троцкистам, зиновьевцам и правым. При этом положение Петровского оставить в первом отделении было опасно. И вот тогда-то, с моего согласия, на первое отделение были посажены лица, привлеченные им в качестве соучастников заговора.

Вопрос.
Кто именно?

Ответ. Я
говорю о Штейне и Григорьеве. Первый был назначен начальником отделения, а второй его заместителем.

Вопрос.
Откуда вы знаете, что они были вовлечены в заговор?

Ответ.
Мне говорил Молчанов. Он говорил, что Штейн является прямым участником заговора, которого он ввел в курс всех наших дел, что это наш человек, который несомненно будет выполнять все, что потребуется от него. Менее четко он говорил о Григорьеве. Насколько я помню, о Григорьеве было сказано, что это лично ему, Молчанову, преданный человек, беспрекословно выполняющий все его задания, в том числе и преступные. Был ли он введен Молчановым в курс заговора, точно сказать не могу.

В дальнейшем и Штейн, и Григорьев проводили предательскую работу по смазыванию и свертыванию дела троцкистско-зиновьев-ского блока. По прямому нашему поручению скрывали в следствии по первому центру блока все прорвавшиеся выходы на

правых, вели все к тому, чтобы следствие свернуть сначала на небольшой группе Шемелева и Трусова, а затем, когда это удалось, скрыли в следствии программу блока. Была попытка закончить дела по разгрому блока на первом процессе, но это также не удалось, Ежов продолжал жать на меня.

Вопрос.

Значит, в СПО Молчановым были завербованы и привлечены к участию два человека, Штейн и Григорьев. Вам это известно от самого Молчанова? Вы лично в СПО никого больше не вербовали?

Ответ.

Нет, не вербовал. Но у Молчанова там был еще один завербованный человек, это парторг Тимофеев. Вовлек его в заговор сам Молчанов, в какой мере он его посвятил во все дела заговора, я сказать не могу. Тимофеев был человеком, целиком преданным Молчанову, и, когда я однажды вызвал его и в целях проверки его самого спросил, помогает ли ему Молчанов в партийной работе, Тимофеев, должно быть, поняв, о чем я говорю, заявил мне, что он работает в полном контакте с Молчановым. Надо сказать, что Молчанов в парторги СПО проводил людей по тому же принципу, что и начальника первого отделения: или бездеятельных и послушных, или им завербованных. Такова была его система. Больше в СПО людей, вовлеченных в наши преступные дела, мне неизвестно. Были люди и у Гая в Особом отделе.

Вопрос.

Кто? Назовите их?

Ответ.

Во-первых, Богуславский. О нем мне Гай говорил, что он вовлечен в заговор и выполняет ряд его поручений, связанных с заговором. Потом Уманский. Гай говорил мне, что Уманский германский разведчик, и на этом Гай завербовал его в заговор. Уманского я затем использовал в своих целях. Об этом разрешите мне сказать в дальнейшем. Ильк. Не помню точно, на основании каких данных, но у меня сложилось впечатление, что он тоже германский разведчик. Я говорил об этом Гаю и рекомендовал осторожно его прощупать и, если удастся, завербовать. Сделал ли это Гай, не знаю. Это по Особому отделу все.

Вопрос.

А по другим отделам?

Ответ.

У Паукера и Воловича своим человеком был Колчин, начальник отделения Оперода. Выполнял он их преступные поручения. Был ли он посвящен в дела нашего заговора, точно не знаю. Надо спросить Паукера и о его секретаре Эйхмане. Что-то он мне о нем говорил в плане наших дел, но что именно, я сейчас не помню. Неправильно я на предыдущем допросе говорил о Погребинском, что он не был вовлечен мною в заговор. Погребинский был мною посвящен в заговорщические планы, разделял их и являлся прямым участником нашего заговора.

Вопрос.
Когда и где был завербован Погребинский?

Ответ.
Погребинский был преданным мне человеком в продолжение ряда лет, и говорил я с ним довольно откровенно. Был завербован мною окончательно, когда из Уфы он был переведен нач. управления НКВД в г. Горький. Это было, кажется, в 1932 году. Вербовал я его у себя в кабинете. Сказал ему, что я связан с правыми, что положение таково, что правые могут прийти к власти и что нам придется им в этом деле помочь. Говорил ему, что именно в связи с этим я перевожу его поближе к Москве, в г. Горький, с тем, чтобы он подобрал себе там людей и был бы готов к действиям по моим указаниям.

Вопрос. К
какого характера действиям вы готовили Погребинского?

Ответ. В
мои планы входило создание в ближайшем к Москве полномочном представительстве б. ОГПУ группы своих людей с тем, чтобы иметь возможность в нужный момент перебросить их в Москву. Именно в этих целях я завербовал Погребинского и перевел в г. Горький.

Вопрос.
Вы давали задание Погребинскому подобрать людей? Кого он завербовал?

Ответ.
У Погребинского была своя группа. Он говорил мне, что целиком вовлечен в заговор его заместитель Иванов Лев (он, кажется, сын жандармского полковника). Называл он также «своим» его начальника СПО, упоминал еще об одном своем работнике, но не припоминаю, кого именно. Кроме того, был у меня с Погребинским также разговор относительно людей уголовного мира, среди которых у Погребинского были связи. Он еще в первом нашем разговоре предложил мне, что если нужны будут верные и готовые на все люди, то он может сколотить себе группу из уголовников. Я отверг это предложение Погребинского, так как я не представлял себе перспективы их использования.

Вопрос.
Это неверно. Вы не только не отвергли предложения Погребинского, но и дали ему прямое указание готовить из этих уголовников группу террористов.

Ответ.
Нет. Я отрицаю это. У меня не было надобности в террористах из уголовников. Если бы дело дошло до необходимости свершения террористических актов над членами Политбюро, я имел все возможности это сделать силами Паукера. Я допускаю, что Погребинский создал эту группу, но ее состава я не знаю.

Вопрос.

Выше вы говорили, что Погребинского вы завербовали для того, чтобы ближе к Москве иметь группу сообщников вашего заговора. Кого вы еще завербовали из тех же соображений? К Москве примыкало много таких управлений?

Ответ.

В других управлениях у меня не было людей. В Дмитлаге был у меня завербован Пузицкий. Его я вербовал у себя в кабинете в 1935 году по тем же соображениям близости его места работы к Москве. У меня с ним произошел следующий разговор: «Мы с вами, Пузицкий, чекисты, нас осталось мало, за вами столько заслуг, немногие об этом помнят, а дело идет к тому, что в стране возможны всякие перемены, идет борьба. Мы находимся в таком положении, что должны будем выбирать между новым руководством и старым и, в зависимости от обстановки, должны будем решить, и если силы будут на стороне новых руководящих кругов, то мы примкнем к ним». Пузицкий спросил, какие это новые руководящие круги я имел в виду. Я прямо ему сказал, что правые могут прийти к власти, и наша задача помочь им в этом. Пузицкий дал мне свое согласие. Ему я поручил сколотить группу из преданных ему людей.

Вопрос.

И он это сделал?

Ответ.

Он мне докладывал, что уже создал группу, назвал мне, как им завербованы Кшанович и одного своего зама и пома, фамилий которых я не помню. Говорил он и о других, не называя их.

Генрих Ягода

ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 2. Л. 89–96.

Пузицкий С. В. (1895–1937),

большевик с 1921 года. В ВЧК с 1921 года. Принимал участие в чекистских операциях 20-х годов: «Трест», «Синдикат-2» и др. Был помощником начальника Иностранного отдела ОГПУ—НКВД СССР. В 1936 году — начальник 3-го управления Дмитровского лагеря НКВД. Арестован 9 мая 1937 года по обвинению в терроризме и шпионаже. Расстрелян 19 июня 1937 года. Реабилитирован в июне 1956 года.

.

Протокол допроса

№

5

Ягоды Генриха Григорьевича от 13 мая 1937 года

Вопрос.

На допросе 26 апреля вы показали, что Волович наряду с другими заданиями, которые он выполнял в плане заговора, организовал для вас возможность прослушивания правительственных разговоров по телефонам «ВЧ». Когда, как и в каких целях вы прослушивали правительственные разговоры?

Ответ.

Раньше чем ответить на этот конкретный вопрос, разрешите мне остановиться на общем состоянии, в котором я лично находился в продолжение многих лет моей заговорщической и предательской деятельности. Я всегда чувствовал к себе подозрительное отношение, недоверие, в особенности со стороны Сталина. Я знал, что Ворошилов прямо ненавидит меня. Такое же отношение было со стороны Молотова и Кагановича. Особенно меня тревожил интерес к работе Наркомата внутренних дел со стороны Николая Ивановича Ежова, который начал проявляться еще во время чистки партии в 1933 году, переросший в конце 1934 года в контроль, настойчивое влезание им в дела НКВД, вопреки препятствиям, которые мы (участники заговора) чинили ему; все это не предвещало ничего хорошего. Это я ясно понимал, отдавая себе во всем отчет, и все это еще больше усиливало тревогу за себя, за свою судьбу. Отсюда целый ряд мероприятий страховочного порядка, в том числе и мысль о необходимости подслушивания правительственных переговоров.

Вопрос.

О каком «целом ряде страховочных мероприятий» вы говорите?

Ответ.

Это была система окружения, обволакивание людей, близких к правительственным кругам, простая слежка за членами правительства и ПБ и прослушивание их разговоров. Начну хотя бы с того, что Паукеру я дал задание ежедневно мне докладывать не только передвижения членов правительства, но и доносить мне абсолютно все, что станет ему известно из личной жизни членов ПБ: кто к кому ходит, долго ли засиживаются, о чем говорят и т. п. Паукер все это мог выполнить через работников охраны членов правительства.

Вопрос.

Значит, вы Паукеру и Воловичу давали прямые задания вести «особое наблюдение и слежку» за членами правительства?

Ответ.

Да, это именно так.

Вопрос.

Зачем вам это нужно было?

Ответ.

Конечно, не из простого любопытства. Мне это нужно было в моих заговорщических целях. Во-первых, человеку (я имею в виду себя), реально готовившему государственный переворот, надо всегда быть в курсе дела личных взаимоотношений членов правительства, которое он намерен свергать, надо знать о них все. Во-вторых, пока дело до свержения правительства еще не дошло, путем повседневной слежки, подслушивания телефонных разговоров, подборов всяческих слухов из личной жизни членов правительства, на основе этого можно неплохо лавировать и вовремя реагировать там, где требуется. Так поступал я, используя в этих целях аппарат НКВД. Не удовлетворившись этим, я окружил людей, близких членам ПБ и правительства, сетью своих информаторов. В первую очередь это относится к дому Горького. Общеизвестна роль М. Горького, его близость к Сталину и другим членам Политбюро, авторитет, которым он пользовался. В доме Горького часто бывали руководители правительства. Поэтому на окружение Горького своими людьми я обратил особое внимание.

Началось с моего сближения с П. Крючковым, секретарем Горького, прямым его подкупом деньгами. Крючков выполнял у меня роль агента при Горьком. От него я узнавал, кто бывает у Горького, что говорят именно обо мне с ним члены правительства, о чем вообще они беседуют с Горьким. Через Крючкова же я добивался отстранения от Горького лиц, которые могут влиять отрицательно на его отношение ко мне. Затем я подвел к Горькому группу писателей: Авербаха, Киршона и Афиногенова. С ними же бывали Фирин и Погребинский.

Это были мои люди, купленные денежными подачками, связанные антипартийными настроениями (Фирин и Погребинский — участники заговора), игравшие роль моих трубадуров не только у Горького, но и вообще в среде интеллигенции. Они культивировали обо мне мнение, как о крупном государственном муже, большом человеке и гуманисте. Их близость и влияние на Горького было организовано мною и служило моим личным целям.

Вопрос.

Вы показываете, что подслушивание правительственных разговоров являлось составной частью всей вашей системы мероприятий «страховочного порядка». Как оно было организовано?

Ответ.

Аппарат для прослушивания был по моему распоряжению куплен в Германии в 1933 году и тогда же был установлен у меня в кабинете инженером Винецким, работником Оперода. Распоряжение о покупке этого аппарата я дал Паукеру и Воло-вичу. Мысль о необходимости подслушивания правительственных разговоров возникла у меня в связи с разворотом моей заговорщической деятельности внутри НКВД. Меня, естественно, тревожила мысль, не прорвется ли где-нибудь нить заговора, не станет ли это известно в кругах правительства и ЦК. Особенно мне понадобилось подслушивание в дни после убийства С. М. Кирова, когда Ежов находился в Ленинграде. Но так как дежурить у подслушивающего аппарата в ожидании разговоров между Ежовым и Сталиным у меня не было никакой физической возможности, я предложил Воловичу организовать подслушивание переговоров Ленинград — Москва на станции «ВЧ» в помещении Оперода.

Вопрос.

Волович подслушивал разговоры между тов. Ежовым и тов. Сталиным?

Ответ.
Да, прослушивал и регулярно мне докладывал.

Вопрос.
А после событий, связанных с убийством тов. Кирова, продолжалось подслушивание?

Ответ.
Только тогда, когда Сталин выезжал в отпуск. Я помню, в частности, что в сентябре 1936 года Волович подслушивал разговор между Сталиным, находившимся в Сочи, и Ежовым. Волович мне доложил об этом разговоре, сообщил, что Сталин вызывает Ежова к себе в Сочи.

Вопрос.
Вы поручили Воловичу, немецкому шпиону, подслушивание правительственных разговоров не только потому, что эти разговоры интересовали вас, но и потому, что это требовала немецкая разведка. Вы признаете это?

Ответ. Я
давал задание Воловичу подслушивания правительственных разговоров только по мотивам, о которых я говорил выше. Но несомненно, что Волович передал содержание этих переговоров и в германскую разведку.

Вопрос.
По вашему поручению?

Ответ.
Нет, по собственной инициативе.

Вопрос.
Какие еще задания вы давали Воловичу?

Ответ. В
конце 1935 или в начале 1936 года. Волович сообщил мне, что познакомился с Примаковым. Насколько я помню, это произошло через Лилю Брик, которая вместе с Примаковым пришла к Воловичу домой. Знакомство Воловича с Примаковым заинтересовало меня в плане возможности установления с ним организационной связи и привлечения его к заговору (я уже показывал, что искал связи среди военных). Поэтому я поручил Воловичу попробовать сблизиться с Примаковым, прощупать возможности его вербовки.

Вопрос.

Вы знали, что Примаков является участником троцкистской организации и одним из руководителей военной группы этой организации?

Ответ.

Давая задание Воловичу, я знал только, что Примаков — участник троцкистской организации. О его принадлежности к военной группировке я тогда еще не знал. Но об этом мне докладывал вскоре Волович.

Вопрос.

Что именно он вам говорил?

Ответ.

Волович сообщил мне, что, выполняя мое поручение, он несколько раз встретился с Примаковым. Говорил с ним более или менее откровенно по общеполитическим вопросам, и в результате всего этого Примаков сообщил о своей связи с группой военных-троцкистов.

Вопрос.

Примаков назвал Воловичу участников этой группы?

Ответ. Нет, не называл, вернее, мне об этом Волович ничего не говорил. Но к этому времени, или немного позже, в протоколах следствия по делу троцкистской организации уже появились первые данные о наличии троцкистов в составе Шмидта, Зюка, Примакова и других. Вскоре я вынужден был пойти на аресты, сначала, кажется, Шмидта и Зюка, и в дальнейшем и самого Примакова. Таким образом, линия связи Примаков — Волович механически была оборвана. Примаков после его ареста долгое время не давал показания, даже после признания Шмидта и Зюка. Так было, во всяком случае, до момента моего ухода из НКВД. Когда мне об этом докладывали, причины запирательства Примакова были для меня совершенно ясны. Примаков знал, что в НКВД «свои люди», и он предполагал, что его как-нибудь выручат.

Вопрос.

Примаков не предполагал, а знал, что его выручат. У вас на этот счет была с ним договоренность?

Ответ.

Нет, договоренности со мной не было. Я не допускаю, что она была и с Воловичем. Это было слишком рискованно, потому что это было уже летом 1936 года, следствие контролировалось Ежовым, и мы не могли на это пойти.

Вопрос.

А Примаков знал о существе заговора в
НКВД,
о вашей роли?

Ответ.
Кое-что он, несомненно, знал от Воловича, но в какой мере и что именно, я сказать не могу.

Вопрос.
Как видно из ваших показаний, Волович выполнял наиболее существенные ваши предательские задания.

Ответ.
Это будет не совсем верно.

Вопрос.
Как не совсем верно? О том, что Волович германский шпион, вы знали?

Ответ: Знал.

Вопрос.
Участником вашего заговора против Советской власти Волович являлся?

Ответ. Да.

Вопрос.
Связь с ранее завербованным Гаем германская разведка установила через Воловича?

Ответ.
Да, через Воловича.

Вопрос.
Волович вам об этом докладывал?

Ответ.
Докладывал.

Вопрос.
Организацию системы прослушивания правительственных разговоров вы поручили Воловичу?

Ответ.
Воловичу и Паукеру.

Вопрос.

Но подслушивать переговоры между тов. Сталиным и тов. Ежовым вы поручили Воловичу?

Ответ.
Да, Воловичу.

Вопрос.
Подготовку покушения на Лаваля вы организовали совместно с Воловичем?

Ответ.
Да, с Паукером и Воловичем.

Вопрос.
Установление связи с военно-троцкистской организацией, с Примаковым, вы поручили тоже Воловичу?

Ответ.
Да, тоже Воловичу.

Вопрос. И
наконец, организацию террористического акта над секретарем Центрального Комитета ВКП(б) и народным комиссаром внутренних дел Союза товарищем Ежовым вы поручили тому же Воловичу?

Ответ.
Да, Воловичу.

Вопрос.
Чем же объяснить, что именно Воловичу вы поручали такие серьезные задания?

Ответ.
Потому, что Волович имел группу связанных с ним работников НКВД, и некоторые мои задания мог выполнять через них.

Вопрос.
Какую группу работников НКВД имел Волович? Какого характера связи у него были с ними?

Ответ.
Волович являлся не просто германским разведчиком, он был резидентом германской разведки.

Вопрос.
Откуда вы это знаете?

Ответ.
Об этом мне сказал сам Волович.

Вопрос.
Когда? Где?

Ответ.
В 1934 году, когда Волович сообщил мне, что он должен по поручению германской разведки установить связь с Гаем, я спросил его, почему именно ему поручено это дело. Волович ответил мне, что он выполняет функции резидента германской разведки по НКВД.

Вопрос.
А вы знаете, кто входит в резидентуру Воловича?

Ответ.
По линии германской разведки с Воловичем были связаны Гай, Лурье и Винецкий.

Вопрос.
Еще кто?

Ответ.
Больше не знаю. Может, были и другие, но о них мне ничего неизвестно.

Вопрос.
А откуда вы знаете об этих, которых вы назвали?

Ответ.
О том, что Гай германский разведчик и связан по линии разведки с Воловичем, я уже говорил. О том, что Лурье германский разведчик, я узнал следующим путем. В продолжение ряда лет Лурье по моим заданиям выезжал в Германию продавать бриллианты. Сама по себе операция продажи бриллиантов являлась законной и легальной, но использовал я эту операцию в преступных целях, присваивая часть вырученных сумм в свой нелегальный фонд. Так вот, в целях наибольшей маскировки этих преступных махинаций с продажей бриллиантов Лурье установил связь с группой дельцов, среди которых были и немецкие шпионы (Френкель, Ульрих и др.). О том, что они шпионы, мне было известно из материалов ОГПУ—НКВД. Связь с этими шпионами Лурье шла значительно дальше продажи им бриллиантов, и я лично подозревал, что он завербован

немецкой разведкой. Это мнение укрепилось у меня после следующего обстоятельства. В одну из своих поездок в Берлин Лурье был арестован полицией и очень скоро был освобожден, как он говорил, за взятку. Мне это казалось маловероятным, и я укрепился в своем мнении, что Лурье работает на немцев. Но я его не трогал. Он был мне нужен для продажи бриллиантов и для выполнения других преступных моих поручений.

Вопрос.
Но откуда вы знаете, что Лурье связался по разведке с Воловичем?

Ответ.
Дело было так. В 1932 или 1933 году Лурье попал в разработку Особого отдела, как подозрительный по своим шпионским связям. Мне об этом докладывал, кажется, Прокофьев (а может быть, Гай). Я вызвал к себе Лурье и прямо поставил ему вопрос, в чем дело, каков действительный характер его связей с этими шпионами. Лурье рассказал мне, что во время его ареста

в Берлине он был завербован германской разведкой и сейчас работает на них. Я его выругал за то, что до сих пор он мне об этом не говорил. Лурье, он был уверен в моей осведомленности по материалам И НО или Особого отдела. Примерно в 1934 или в 1935 году Лурье сообщил мне, что он, по указаниям германской разведки, связался с Воловичем и работает по его указаниям.

Вопрос.
Вы показываете, что Лурье выполнял ваши преступные задания. Какие именно?

Ответ.
Основное, что он для меня делал и о чем я уже говорил, это операции с продажей бриллиантов. Кроме того, через Лурье я посылал за границу валюту жене П. П. Крючкова, которую в общежитии зовут Цеце.

Вопрос.
Какую валюту? Для чего?

Ответ.
В 1932 году жена Крючкова проживала в Берлине. Однажды ко мне обратился Крючков с просьбой послать ей туда валюту, для ее личных надобностей. Воспользовавшись очередной поездкой в Берлин Лурье, я направил через него жене Крючкова 2–3 тысячи долларов. Деньги эти я взял из нелегального фонда, который хранился у Буланова.

Вопрос.
Почему вы посылали валюту жене Крючкова?

Ответ. Я

уже говорил, что я имел фонд валюты, который я использовал для «покупки» нужных мне людей. Одним из таких людей был Крючков. Он был близок к Горькому и являлся моим личным информатором. Поэтому Крючкову я никогда не отказывал в деньгах. Жене его я посылал деньги еще раз, вскоре после первого случая. Опять по просьбе Крючкова. На этот раз я специально для этого командировал в Берлин того же Лурье с пакетом валюты.

Вопрос.
Сколько вы посылали ей во второй раз?

Ответ
Сейчас не могу точно сказать, возможно, дополнительно покажу.

Вопрос.
А откуда вы знаете, что Винецкий являлся немецким разведчиком?

Ответ.
Об этом мне докладывал Паукер и, кажется, Волович.

Вопрос.
Когда это было и где это было?

Ответ.
Это было в 1932 году, я обратился к Воловичу с предложением подыскать мне человека, который мог бы сопроводить мою жену в Германию, куда она ехала лечиться. Волович мне порекомендовал Винецкого, и на мой вопрос, почему именно Винецкого, он ответил, что Винецкий может гарантировать благополучный проезд и пребывание там моей жены не только потому, что он имеет широкие связи в Германии, но и потому, что он связан с германской разведкой, которая ему многим обязана, и поэтому это наиболее подходящая кандидатура.

Вопрос.
Винецкий сопровождал вашу жену в Германию?
Ответ.
Да, я с кандидатурой Винецкого согласился, и он сопровождал мою жену в Германию.

Вопрос.
А какие поручения в плане вашей преступной деятельности выполнял Винецкий?

Ответ.
Раньше, чем ответить на этот вопрос, разрешите мне вернуться к истории моих взаимоотношений с Рыковым.

Вопрос.

Какое это имеет отношение к Винецкому?

Ответ.

Это будет видно из дальнейшего моего изложения. В 1927 или 1928 году Рыков выезжал лечиться за границу, был он долгое время в Берлине. По приезде из Берлина, в один из разговоров со мною уже в 1928 году Рыков рассказал мне следующее. В Берлине он часто встречался с давнишним его другом (кажется, родственником) членом Заграничной делегации меньшевиков-эмигрантов Николаевским. С этим Николаевским, как Рыков мне говорил, он всегда беседовал по общеполитическим вопросам и по вопросам положения в Советском Союзе. Рыков мне говорил, что меньшевики за границей понимают положение Советского Союза и расценивают дальнейшие перспективы значительно правильнее и объективнее, чем это делает Сталин. Меньшевики целиком поддерживают точку зрения правых, и идея рыковской двухлетки, которую он защищал на одном из пленумов ЦК, продиктована ему меньшевиками, в частности Николаевским, за границей.

Вопрос.

Через кого осуществлялись связи Рыкова с ЦК меньшевиков за границей?

Ответ.

Пока Рыков являлся председателем Совнаркома, я не знаю, как он осуществлял связь, но с переходом его в Наркомсвязь, связь эта осуществлялась через Винецкого.

Вопрос.

Откуда вам это известно?

Ответ.

Мне об этом говорил Винецкий.

Вопрос.

Что он вам говорил?

Ответ. В

одну из своих командировок за границу, по-моему, в 1931 году, Винецкий вошел ко мне в кабинет и сказал, что он по поручению Рыкова должен взять с собою для передачи за границей по адресу, указанному Рыковым, пакет с материалами. Я спросил Винецкого, почему он об этом говорит мне. Винецкий объяснил, что он высказал Рыкову сомнение в возможности нелегального перевоза этого пакета за границу. Рыков ему ответил, что опасаться не следует, так как Ягода в курсе и препятствий к провозу чинить никто не будет. Так как я знал, что Рыков связан с Центральным Комитетом меньшевиков за границей, то я разрешил Винецкому взять с собою этот пакет и впредь выполнять все указания Рыкова, касающиеся его связи с заграницей.

Вопрос.

Совершенно непонятно, какое имеет отношение Ви-нецкий, сотрудник Оперода, к Рыкову.

Ответ.

Винецкий работал в Опероде по совместительству, основным же местом его работы был Наркомсвязь, где он занимал должность инспектора связи при наркоме, т. е. при Рыкове. Рыков же, в свою очередь, знал, что Винецкий работает в НКВД и часто ездит за границу.

Вопрос.

Что вам известно о связи Рыкова с ЦК меньшевиков в Берлине в дальнейшем?

Ответ.

Об этом мне известно по материалам НКВД. В 1933 и 1934 годах по агентурным материалам в СПО, сначала в Ленинграде, затем в Москве появились данные о связи Николаевского с Рыковым. Сведения эти были довольно конкретны, указывалось, в частности, что связь осуществляется через какого-то инженера Наркомсвязи. Материалы эти докладывал мне Молчанов, и я тогда опасался возможности провала этой линии. Молчанову я говорил, что об этом знаю, что материалы эти соответствуют действительности, что Рыков действительно поддерживает связь с ЦК меньшевиков и что нужно принять меры к тому, чтобы ходу этим материалам не давать. Молчанов, как он мне потом сказал, передал эти материалы Григорьеву, и ходу они не получили. В 1936 году, после первого процесса, ко мне зашел Прокофьев и показал мне заявление какого-то агента СПО, в котором тот сообщает, что в продолжение нескольких лет он давал материалы о связи Рыкова с меньшевиками, но что по его материалам никаких мер не приняли, и поэтому он счел необходимым написать об этом тогда зам. наркома Прокофьеву в появившихся в газетах сообщениях о причастности Рыкова к деятельности зиновьевско-троцкистского центра. Прокофьеву, как и Молчанову, я говорил, что этому делу ходу давать не надо.

Вопрос.

Вы скрываете от следствия не только характер связи центра правых с ЦК меньшевиков, но и личное свое участие в этой связи?

Ответ.

Я лично никакого участия в связи центра правых с ЦК меньшевиков не принимал. Был случай, когда Винецкий обратился ко мне от имени Рыкова с просьбой наладить ему дополнительную линию связи с Берлином, так как он, Винецкий, не может обеспечить постоянной регулярной связи Рыкова с Николаевским. Воспользовавшись поездкой в Берлин моего тестя, Леонида Николаевича Авербаха, работавшего тогда в «Интуристе», я рекомендовал Винецкому связать его там с кем-либо из представителей ЦК меньшевиков с тем, чтобы через него осуществлять связь Рыкова с Николаевским.

Вопрос. И

это было осуществлено?

Ответ.

Да. Авербах, которого я об этом предупредил, сообщил мне, что Винецкий в Германии связал его с каким-то немцем, с которым он условился, что он будет приезжать в Союз под видом туриста и будет получать от него пакеты.

Вопрос.

Какого рода пакеты?

Ответ.

Содержание этих пакетов не знаю, мне их приносил Винецкий от Рыкова, а я их передавал Авербаху тогда, когда он меня предупреждал о приезде связиста меньшевиков из Берлина.

Вопрос.

Много пакетов вы передали Авербаху?

Ответ.

Это было не более двух-трех раз в 1933 году и, кажется, один раз в 1934 году.

Вопрос.

Вашими показаниями устанавливается, что центр организации правых (в лице Рыкова) в продолжение ряда лет поддерживал нелегально связь с заграничным ЦК меньшевиков (в лице Николаевского). Связь эта осуществлялась через

НКВД.

Ответ.

Да, это правильно.

Вопрос.

Значит, между меньшевиками и правыми существовал контакт о совместной борьбе против Советской власти. На какой основе было достигнуто это соглашение?

Ответ.

Об этом я ничего не могу показать. Верно, что меньшевики за границей и правые в Союзе установили контакт для борьбы против Советской власти. По материалам НКВД я знал также, что правые в Советском Союзе блокируются с меньшевиками. Именно поэтому я в своей работе в НКВД не принимал никаких мер к разгрому меньшевистских организаций, вопреки тому, что материалы об их активизации поступали из ряда краев и областей.

Вопрос.

Вам предъявляется документ из материалов НКВД, в котором сообщается о меньшевистском центре за границей и об активной его работе в СССР. На этом документе

в ноябре 1935 года наложена следующая резолюция: «Это давно не партия, и возиться с ними не стоит». Это вы писали?

Ответ.

Да, эту резолюцию писал я. Это только одно из проявлений того, как я оберегал от провала и отводил удар от меньшевиков потому, что они находились в контакте с правыми. В повседневной работе по моим указаниям это делал Молчанов. Помню, например, что в 1935 году Молчанов смазал дело группы чекистов-меньшевиков, потому что через них могла быть вскрыта вся меньшевистская организация и вместе с ними и правые. Это было сразу же после убийства Кирова, когда возможность нашего провала являлась очень реальной, потому что с этого времени начинается систематическое и настойчивое вползание в дела НКВД Ежова. А Ежова, я, кажется, об этом уже говорил, мы боялись больше всего.

Вопрос.

Почему «больше всего»?

Ответ.

Потому что с другими руководителями партии и правительства по делам НКВД говорил лично я сам, никого другого из аппарата НКВД я не подпускал. Поэтому опасность проговориться, показать не то, что надо, более или менее исключалась. Правда, это не спасало меня от подозрений и недоверия, но тут вина не моя. В этом больше всего сказывалась прозорливость и чутье тех, с кем мне приходилось говорить. Но Ежов пришел в аппарат, обходя меня, он спускался непосредственно в оперативные отделы, влезал сам во все дела. Это было в начале 1936 года, когда начались только дела по троцкистской организации. Но постепенно тревога усиливалась: Ежов, должно быть, раскусил нашу тактику. Он не удовлетворялся разговорами и докладами, которые ему делал Молчанов. Он стал ходить сам к следователям на допросы, стал сам вызывать и допрашивать арестованных, беседовать с рядовыми сотрудниками аппарата и т. п. Тут мы были бессильны: ни договориться с сотрудниками, ни инструктировать их, что говорить Ежову, нельзя было. Словом, Ежов подбирался к нам. Это мы все чувствовали. Меры, которые я применял к изоляции Ежова от аппарата НКВД, ничего не давали.

Вопрос.

Какие меры к изоляции тов. Ежова от НКВД вы принимали?

Ответ.

Вкратце я об этом сказал выше. Я запрещал давать Ежову какую-либо информацию, помимо меня. Я пытался всеми силами преградить путь Ежову к аппарату НКВД. В этом активно содействовал мне Молчанов. Даже тогда, когда через наши головы Ежов все же ходил в кабинет к следователям, Молчанов принимал все меры к тому, чтобы не все ему показать. Молчанов давал указания следователям при Ежове ничего не говорить, допрос прекращать.

Когда я и Молчанов узнавали, что Ежов приедет из ЦК в НКВД, мы предварительно составляли список арестованных, которых можно показывать Ежову, с тем, чтобы не вызывались на допросы те из арестованных, которые могут что-либо

лишнее показать. Но это не помогло. Ежов, должно быть, и тут нас раскусил: он предварительно звонил из ЦК и требовал вызвать на допрос арестованных, которых он называл по фамилиям. И мы вынуждены были это делать. Таким образом, все мои попытки изолировать Ежова от аппарата НКВД рушились.

Под нажимом ЦК, который осуществлялся через Ежова, дело по вскрытию центра троцкистско-зиновьевской организации разворачивалось, и опасность нашего провала все возрастала. И тогда впервые у меня появилась мысль о необходимости локализовать Ежова, убрать его.

Вопрос.
Когда это было?

Ответ.
Это было в 1936 году, примерно в июне месяце (после пленума ЦК), когда я окончательно убедился в том, что попытка свернуть следствие по троцкистам на группу Шемелева, Ольберга не удалась и что придется идти на дальнейший разворот следствия.

Вопрос.
Что вы предприняли, как вы организовали покушение на тов. Ежова?

Ответ.
Тут надо сказать следующее: прямого покушения на убийство Ежова я тогда не организовывал. В мои планы это не входило, и я просто опасался это делать. Во всех случаях, как бы тщательно это покушение не было организовано, отвечал бы я. Хотя бы потому, что плохо охранял. Я понимал, что в той ситуации, которая тогда создалась, мне это грозило во всяком случае отстранением от работы в НКВД. А это означало полное крушение моих заговорщических планов. Кроме того, убийство одного Ежова ничего реального в широком плане заговора не дало бы мне.

Что мне требовалось? Нужно было во что бы то ни стало отстранить Ежова от участия в следствии по троцкистско-зиновьевскому центру, хотя бы только на время следствия, и тем самым дать нам возможность свернуть дело. Это было главное. Продумывая пути, как лучше всего это осуществить, я пришел к выводу, что наиболее безопасный путь — это отравление Ежова каким-нибудь медленнодействующим ядом.

Вопрос.
Почему вы остановились именно на этом средстве?

Ответ.
Очень просто: во-первых, это наиболее незаметный способ. Во-вторых, я учитывал при этом, что незначительное вмешательство яда при слабом, как мне казалось, здоровье Ежова может вызвать достаточную реакцию, которая если не приведет к смерти, то во всяком случае, прикует его к постели и тем самым освободит нас от его вмешательства в следствие.

Вопрос.
Что вы практически предприняли?

Ответ.

По этому вопросу я говорил с Паукером и Воловичем и с Булановым. Объяснив сложившуюся ситуацию, я сказал им о своем плане отравления Ежова. Паукер заявил мне тогда, что он осуществит этот план путем отравления квартиры Ежова через своих людей, обслуживающих квартиру (Ежов жил в доме НКВД и обслуживался также по линии НКВД).

Вопрос.

И Паукер отравлял квартиру Ежова?

Ответ.

Это мне не известно, Паукер мне об этом не докладывал.

Вопрос.

Как так «неизвестно»? Вы даете задание Паукеру отравить квартиру тов. Ежова, вы лично заинтересованы в осуществлении этого акта и не интересуетесь у Паукера, что и как он делает?

Ответ.

Это было на протяжении последних двух-трех месяцев моей работы в НКВД. Я был в паническом состоянии и, дав задание Паукеру, не проследил исполнения этого задания.

Вопрос.

Но для отравления требовался яд. Вы показываете, что решили произвести отравление медленнодействующими ядами. Какой это был яд, и где вы его взяли?

Ответ.

У Паукера, Воловича и Буланова ядов было достаточно. Наконец, можно было достать яд из лаборатории Серебрянского. Но где они доставали, и какой яд был применен в данном случае, и применялся ли он вообще, я не знаю.

Вопрос.

А откуда у Паукера, Воловича, Буланова и Серебрянского имелись яды? Для каких целей они хранились?

Ответ.

Ядами для служебных целей занимался Серебрянский. Их производили у него в лаборатории и привозили для него из заграницы через Оперод. Поэтому яды всегда имелись в достаточном количестве и в различных рецептурах. Я прошу записать, что никакого отношения Серебрянский к моей преступной деятельности не имеет. Если у него и брали яды, то он, конечно, не знал, для чего они предназначены.

Вопрос.
Значит, вы утверждаете, что вам неизвестно, произведено ли было отравление тов. Ежова?

Ответ.
Да, я это утверждаю.

Вопрос.
Но задание Паукеру вы давали?

Ответ.
Да, давал задание Паукеру и Воловичу.

Вопрос. И
они должны были произвести отравление через своих людей, обслуживающих квартиру тов. Ежова?

Ответ. Да.

Вопрос.
Через кого именно?

Ответ.
Этого я тоже не знаю.

Вопрос.
Но что значит «через своих людей»?

Ответ. Я
думаю, что через сотрудников Оперода.

Вопрос.
Завербованных Паукером?

Ответ.
Для этого вовсе не требовалось их вербовать, Паукер мог использовать кого-либо из прислуги в квартире Ежова, не вербуя, а просто втемную.

Вопрос.
Но как же это было сделано?

Ответ. Я
не знаю, сделано ли это вообще. Я предполагаю, что ничего не сделали.

Вопрос.
Почему вы так предполагаете?

Ответ.
По очень простым признакам. Ежов летом 1936 года все время работал, в отпуск не уезжал и, кажется, даже не болел, а

после моего ухода из НКВД сразу же приступил к работе, и отравление было произведено уже в служебном кабинете Ежова в здании
НКВД.

Вопрос.
Как было произведено отравление служебного кабинета тов. Ежова в здании НКВД?

Ответ.
Мое отстранение от работы в НКВД, приход на мое место Ежова означали полный провал нашего заговора, потому что удержать начавшийся и далеко зашедший разгром троцкист-ско-зиновьевской организации нельзя было. Это ясно чувствовалось еще за некоторое время до моего снятия, а приход Ежова в НКВД означал, что разгром пойдет значительно глубже (как это было на самом деле) и что через правых доберутся и до меня, в частности. Тут думать уже не над чем было, нужно было действовать решительно и быстро. Правда, все мои люди оставались в НКВД, но это никак не гарантировало от провала. Ежов раскопает все — надо избавиться от Ежова. Это было единственное решение, к которому я пришел и которое я начал решительно готовить.

Вопрос.
Вы все же не ответили на вопрос, как вы отравляли кабинет тов. Ежова?

Ответ.
28 или 29 сентября 1936 года, точно не помню, я вызвал к себе в кабинет Буланова, велел приготовить смесь ртути с какой-нибудь кислотой и опрыскать ею кабинет и прилегающие к нему комнаты. Смесь эту приготовил Буланов вместе с Саволайненом в моем присутствии, перед моим уходом кабинет был опрыскан этим составом. 1 октября 1936 года я уехал в отпуск. Перед самым отъездом я поручил Иванову Лаврентию созвониться с Булановым и предложить ему от моего имени опрыскивание кабинета продолжать. И они, наверное, это делали.

Вопрос.

Значит, опрыскивание производилось раствором ртути с какой-то кислотой?

Ответ.
Да.

Вопрос.
А вы лично давали Буланову какие-либо яды?

Ответ.
Нет, не давал.

Вопрос.
Это неверно. Буланов показывает, что 28 сентября 1936 года у себя в кабинете вы дали ему две ампулы с каким-то ядом, которым предложили дополнительно опрыскивать кабинет тов. Ежова.

Ответ.
Никогда яда я Буланову не давал. Может быть, он и опрыскивал каким-либо другим ядом, но это уже без меня, и я об этом ничего не знаю.

Вопрос.
Буланов приводит детали и обстановку, при которой вы вручили ему эти ампулы с ядом. Он говорит, что вы вынули их из шкатулки, хранившейся в несгораемом шкафу у вас в кабинете, и что они были «явно заграничного происхождения».

Ответ. Я
не помню таких деталей, и я не помню, чтобы я давал Буланову какие-то яды.

Вопрос.
Значит, первое отравление кабинета тов. Ежова производили Буланов и Саволайнен в вашем присутствии?

Ответ.
Да, в моем присутствии. Должно быть, это было 29 сентября, а первого октября я уехал в отпуск.

Вопрос. И
во время вашего пребывания в отпуске опрыскивание продолжалось?

Ответ.
Должно быть.

Вопрос.
А после вашего приезда?

Ответ.
Уже работая в Наркомсвязи, я как-то спросил Иванова Лаврентия, как идут дела у Буланова с отравлением кабинета Ежова. Он ответил мне, что все в порядке, что Буланов совместно с Саволайненом работу продолжают. Лично я Буланова в этот период не видел и его самого не спрашивал. Вообще, после моего приезда из отпуска, я почти никого из моих людей, оставшихся на работе в аппарате НКВД, по соображениям конспирации не встречал и с ними не беседовал.

Вопрос.
Вы говорите, что почти никого не видели. Что это значит? Кого же вы видели, с кем и о чем говорили?

Ответ.
Видел и имел короткую беседу с Молчановым, после того, как узнал, что он снят с работы в СПО и уезжает в Белоруссию. Это было в последние дни работы Чрезвычайного съезда Советов в начале декабря 1936 года. Я встретил Молчанова в кулуарах съезда и там говорил с ним.

Вопрос.
О чем вы беседовали с Молчановым?

Ответ.
Снятие Молчанова меня сильно встревожило. Как раз по линии СПО легче всего можно было добраться до нитей моего заговора, и мне было совершенно ясно, что первой жертвой будет Молчанов, что он будет арестован. Поэтому я счел необходимым предупредить его, чтобы он на следствии не сдавался. Я так прямо и сказал ему: «Не говори ничего. Не все еще потеряно, я вас выручу».

Вопрос.
На каком основании вы обещали Молчанову выручить его? Как вы предполагали это сделать?

Ответ. Я
знал, что идет подготовка покушения на Ежова, как путем отравления его кабинета, так и по линии Воловича (об этом я показывал на предыдущих допросах), и я надеялся, что, покончив с Ежовым, легче будет спрятать концы нашего заговора.

Вопрос.
А вы не говорили Молчанову, что собираетесь вернуться в НКВД?

Ответ.

Может быть, и говорил, но лично у меня на этот счет иллюзий не было. Если я и говорил об этом Молчанову, или кому-нибудь другому, то больше всего для придачи бодрости.

Записано с моих слов верно, мною прочитано. Г. Ягода

Допросили:

Нач. отд. 4 отдела ГУГБ капитан государств, без.
Коган

Опер, уполн. 4 отдела ГУГБ лейтенант государств, без.
Лернер

ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 2. Л. 117–145.

В. М. Примаков

и другие военные были полностью реабилитированы в 1957 году. (Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 42–73.) А. И. Рыков, Н. И. Бухарин и другие были реабилитированы в 1988 году. (Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 69–92.)

Б. И. Николаевский (1887–1966),

в 1903–1906 годах — большевик, затем меньшевик, политэмигрант. Николаевский опроверг сообщения о получении каких-либо пакетов от Рыкова. (Социалистический вестник. 1938. № 5. С. 12.)

Протокол допроса
№
6
Ягоды Генриха Григорьевича от 19 мая 1937 года

Вопрос.

Вы показали, что в 1931 году присутствовали на совещании правых, на даче Томского в Болшево, на котором правые выдвинули кандидатуру Молчанова на должность нач. СПО ОГПУ. Вы не все сказали об этом совещании. Следствию известно, что на этом совещании решались и другие вопросы борьбы против партии и Советской власти.

Ответ.

Я действительно был в 1931 году у Томского на даче в Болшево. Кроме меня и Томского там также был и А. Смирнов. Я уже показывал, что на этом совещании Томский и Смирнов информировали меня о намечающемся блоке между троцкистами и зиновьевцами и о необходимости активизации деятельности правых. Но я не все сказал об этом совещании. Я хочу сейчас рассказать все как было и сообщить следствию о характере моей связи с правыми. Я скажу всю правду. Мне тяжело было обо всем этом говорить, но я вижу, что наступила наконец пора выложить все. На совещании в Болшево Томский сообщил мне о готовящемся правительственном перевороте с арестом всех членов правительства и Политбюро в Кремле и об участии в этом Енукидзе.

Вопрос.
Что вам говорил Томский? Изложите подробно ваш разговор с ним.

Ответ.
Разговор с Томским по этому вопросу был очень короткий. Он сообщил мне, что в связи с агрессивной деятельностью троцкистов и зиновьевцев, которые в порядок дня своей борьбы против партии выставили лозунг террора и решительно стали на путь его осуществления, правые, в свою очередь, активизируют свою деятельность и намечают свержение Советской власти путем переворота в Кремле.

На мой вопрос, какими реальными возможностями правые располагают для осуществления своего плана, Томский сообщил мне, что Енукидзе с нами, что он имеет все возможности для ареста руководства партии и Советской власти, когда это будет признано необходимым. «Вам не мешает установить связь с Енукидзе, — сказал Томский, — и помочь в этом деле людьми и советом». Томский обещал переговорить об этом деле с Енукидзе и поставить его в известность о необходимости связаться со мной. Вот все, что было на этом совещании у Томского.

Вопрос.
С Енукидзе вы установили связь?

Ответ.
Да, но значительно позже. В конце 1932 года по каким-то служебным делам я был у Енукидзе в ЦИКе. По окончании официальных разговоров Енукидзе, обращаясь ко мне, сказал: «Я давно собираюсь поговорить с вами, Генрих Григорьевич. Вы наверно догадались, о чем?» Я ответил, что догадаться не трудно, так как Томский предупредил меня о предстоящем разговоре.

Енукидзе сказал, что о моем участии в организации правых он знал не только от Томского, но и от Рыкова, что это его страшно радует, так как в моем лице, в моей помощи он видит и реальную большую силу, прекрасное прикрытие и защиту от возможности провала.

Я заявил Енукидзе, что, в силу специфики своего положения, лично я не имею возможности непосредственного общения с кем-либо из участников центра правых, так как это сразу может вызвать подозрение и я могу нарваться на неприятности. В силу этих причин меня больше всего устраивает связь с ним, Енукидзе, человеком, официально ни в чем не запятнанным, и, как я и сам, числившимся «проверенным». Енукидзе согласился с моими доводами, и мы условились о регулярной связи. Наша встреча закончилась обусловленной датой ближайшей встречи для более детального разговора.

Вопрос.
Когда состоялась вторая ваша встреча с Енукидзе?

Ответ.
Это было зимой 1932–1933 года, также в кабинете у Енукидзе. Разговор наш начался с довольно обширной информации Енукидзе о положении дела в организации. Он сообщил мне о том, что блок между троцкистами и зиновьевцами окончательно оформлен организацией общего центра, что правые также входят в этот блок, но сохраняют свою самостоятельную организацию и свою особую линию.

Вопрос.
Какую свою особую линию?

Ответ.
По этому вопросу мы с Енукидзе беседовали довольно долго. Я не могу, конечно, сейчас передать в деталях весь наш разговор, но общий смысл его сводится к следующему.

Троцкисты и зиновьевцы, говорил Енукидзе, слились теперь в одну организацию с единым центром и единой программой. Сточки зрения конечных целей, мы, правые, ничего своего, что отделяло нас от троцкистов и зиновьевцев, не имеем. Мы так же, как и они, против генеральной линии партии. Против Сталина.

В борьбе за наши конечные цели, за их осуществление, за приход наш к власти мы признаем все средства борьбы, в том числе и террор против руководства партии и Советского правительства. На этой основе и достигнуто было соглашение правых с центром троцкистско-зиновьевского блока.

Но что отделяет нас от этого блока? В чем особенность нашей линии? Дело в том, что троцкисты и зиновьевцы, подстегиваемые находившимся в изгнании Троцким, торопят с совершением террористических актов. Троцкому за границей, наверно, не сладко приходится, и он исходит злобой, брызжет слюной и жаждет крови. Он не дает опомниться своему центру в Союзе, он требует террористических актов против членов ЦК, не считаясь с общей ситуацией в стране и вне ее, не считаясь с тем, что такой оторванный от плана заговора террористический акт ничего конкретного нам не даст, а может стоить нам десятка голов наших людей.

Мы же, правые, говорил Енукидзе, не можем и не хотим пускаться на авантюрные акты, продиктованные больше жаждой мести и злобой, нежели рассудком и расчетом. Это не значит, конечно, что мы против террористических актов, что мы питаем какие-либо симпатии к Сталину и его Политбюро. Нет! Мы, как и троцкисты, полны ненависти и негодования, мы, как и они, готовы к террористическим актам, но на такие акты мы пойдем тогда, когда это совпадет с общим нашим планом. «Над нами не капает, мы не в эмиграции. Все наши люди находятся в Союзе, нас особенно не били. Мы можем хладнокровнее готовиться, готовиться всерьез к захвату власти и имеем свои планы», — закончил Енукидзе.

Вопрос.
Енукидзе вас несомненно посвятил в планы организации правых. В чем они заключались?

Ответ.

Планы правых в то время сводились к захвату власти путем так называемого дворцового переворота. Енукидзе говорил мне, что он лично по постановлению центра правых готовит этот переворот. По словам Енукидзе, он активно готовит людей в Кремле и в его гарнизоне (тогда еще охрана Кремля находилась в руках Енукидзе).

Вопрос.

И он назвал вам своих людей в гарнизоне Кремля?

Ответ.

Да, назвал. Енукидзе заявил мне, что комендант Кремля Петерсон целиком им вербован, что он посвящен в дела заговора. Петерсон занят подготовкой кадров заговорщиков-исполнителей в школе ВЦИК, расположенной в Кремле, и в командном составе Кремлевского гарнизона. «При удачной ситуации внутри страны, как и в международном положении, мы можем в один день без всякого труда поставить страну перед свершившимся фактом государственного переворота. Придется, конечно, поторговаться с троцкистами и зиновьевцами о конструкции правительства, подерутся за портфели, но диктовать условия будем мы, так как власть будет в наших руках. В наших же руках и Московский гарнизон». Я, естественно, заинтересовался у Енукидзе, как понимать его заявление о том, что и «Московский гарнизон в наших руках». Енукидзе сообщил мне, что Корк, командующий в то время Московским военным округом, целиком с нами.

Вопрос.

С кем — с нами? С правыми?

Ответ.

Корк являлся участником заговора правых, но имел самостоятельную, свою группу среди военных, которая объединяла и троцкистов. Я знаю, что помощник Корка по командованию Московским военным округом Горбачев тоже являлся участником заговора, хотя он и троцкист. Среди военных вообще блок троцкистов, зиновьевцев и правых был заключен на более крепкой организационной основе, и в общем заговоре против Советской власти они выступали как единая группа.

Вопрос.

Кого еще из участников группы военных вы знаете?

Ответ.

Лично я связи с военными не имел. Моя осведомленность о них идет от Енукидзе. Я говорил уже о Корке и Горбачеве. Я знаю, что были и другие военные, участники заговора (Примаков, Путна, Шмидт и др.), но это стало мне известно значительно позже уже по материалам следствия или от Воловича (о Примакове). Я хочу здесь заявить, что в конце 1933 года Енукидзе в одной из бесед говорил мне о Тухачевском как о человеке, на которого они ориентируются и который будет с нами. Но это был единственный разговор о Тухачевском, очень неопределенный, и я опасаюсь показывать о нем более определенно.

Вопрос.

Чего вы опасаетесь? От вас требуется показывать то, что вы знаете. А то, что вы говорите о Тухачевском, нелепо и неопределенно. Что именно вам говорил Енукидзе о нем? Говорите яснее.

Ответ.

В одной из бесед о военной группе нашего заговора я обратил внимание Енукидзе на то, что Корк не такая крупная и авторитетная в военном мире фигура, вокруг которой можно собрать все оппозиционные в армии группы, что следовало бы подобрать и вовлечь в это дело более авторитетную фигуру. Никого конкретно я не называл, но имел в виду Тухачевского. И вот тогда Енукидзе мне заявил, что такая фигура имеется, назвав Тухачевского. На мой вопрос, завербован ли Тухачевский, Енукидзе ответил, что это не так просто и что определенного сказать мне ничего не может, но вся военная группа ориентируется на Тухачевского как на своего будущего руководителя. Я допускаю мысль, что Енукидзе мне ничего более определенного не говорил, потому что не во всем мне доверял. Но это только мое предположение.

Вопрос.

А к разговору о Тухачевском, о его роли в заговоре вы возвращались когда-либо при своих встречах с Енукидзе?

Ответ.

Нет.

Вопрос.

Что вам еще известно о группе военных, участниках заговора?

Ответ.

Больше ничего. Я по этому вопросу сказал все, что знаю.

Вопрос.

Вы, несомненно, тут не все сказали. Но оставим пока это. У нас к вам следующий вопрос. Вы все время говорите, что военная группа является составной частью общего заговора, была связана с Енукидзе. Нам не ясно, о каком общем заговоре вы говорите, и не совсем понятна роль Енукидзе. Почему военная группа, объединяющая и троцкистов и правых, была связана с Енукидзе?

Ответ.

Мне понятен ваш вопрос. Я попытаюсь на него ответить подробно, так как считаю это важным не только по моему делу, но и для того, чтобы внести ясность во все дела ликвидированных отдельных центров нашего заговора. Существующее представление о том, что разгромленные центры троцкистско-зиновьевского блока, первый и второй, разгромленные нами центры правых, заговоры в НКВД и группа военных, о которой я

здесь говорил, что все это разрозненные, не связанные между собой самостоятельные организации, ведшие борьбу против Советской власти, — такое представление неверное и не соответствует действительному положению вещей.

На самом деле было не так. На протяжении 1931–1933 годов внутри Советского Союза был организован единый контрреволюционный заговор против коммунистической партии и против Советской власти по общей программе борьбы за свержение Советской власти и реставрации капитализма на территории СССР.

Заговор этот объединил все антисоветские партии и группы как внутри Союза, так и вне его.

Вопрос.

Какие антисоветские партии и группы вошли в этот заговор?

Ответ. В

заговоре принимали участие следующие партии и группы, которые имели свои собственные организации: 1) троцкисты; 2) зиновьевцы; 3) правые; 4) группа военных; 5) организация в НКВД; 6) меньшевики; 7) эсеры.

Вопрос.

Откуда это вам известно? Мы предлагаем вам подробно и детально показать по этому вопросу все, что вы знаете.

Ответ. Я

понимаю всю ответственность моего заявления, и я расскажу все. Я уже говорил, что зимой 1932–1933 года Енукидзе сообщил мне об оформлении блока между троцкистами и зиновьевцами и о том, что в блок в этот вошли также правые. Мы беседовали тогда с Енукидзе о реальных наших силах и о перспективах захвата власти. Коснулись также программных и организационных вопросов будущего правительства. Тогда-то Енукидзе и информировал меня о том, что блок троцкистов и правых, по существу, охватывает собой все антисоветские силы в стране. Я помню, что Енукидзе, взяв карандаш, на листе бумаги составил перечень этих сил и разъяснил мне роль каждой из них в заговоре.

О троцкистах и зиновьевцах он говорил, что их организации почти целиком слились, что внутренние трения существуют, но в общем заговоре они выступают как единая организация, которая руководствуется указаниями Троцкого из эмиграции. Он говорил мне, что центр их блока в общем блоке заговора представлен Пятаковым и Каменевым. «Правые в данное время, — говорил Енукидзе, — наиболее сильны. У центра правых, помимо соглашения с троцкистско-зиновьевским центром, существует контакт с меньшевиками и эсерами».

С меньшевиками контакт установил Рыков (о связи Рыкова с закордонным блоком меньшевиков через Николаевского я знал до разговора с Енукидзе, и об этом я уже говорил). С эсерами контакт установил Бухарин. В центре заговора правые представлены Томским, Рыковым и самим Енукидзе. Наконец, группу военных, очень сильную группу, имеющую свой центр, представляет в центре заговора Корк.

Вопрос.

А от заговора в НКВД кто входил в этот центр?

Ответ.

Енукидзе предлагал мне войти в состав центра заговора, но я от этого категорически отказался. Я заявил ему, что не могу принимать участие ни в каких совещаниях, не могу встречаться ни с кем из участников центра. Я согласен включить свою организацию в этот общий заговор, но так, чтобы об этом никто не знал, кроме него (Енукидзе), а связь с центром буду осуществлять только через Енукидзе.

Вопрос.

Вашими показаниями, таким образом, устанавливается, что в 1932–1933 годах в стране был организован единый заговор для свержения Советской власти, был создан центр вашего общего заговора, куда вошли: 1) Каменев, Пятаков от блока троцкистско-зиновьевской организации; 2) Рыков, Томский представляли центр организации правых, меньшевиков и эсеров; 3) Енукидзе, который представлял в этом центре правых, а также заговор в НКВД; 4) Корк, представитель заговорщической группы среди военных. Так это?

Ответ:

Да, так.

Вопрос. И

это вы знаете от Енукидзе?

Ответ.

Да, от Енукидзе.

Вопрос.

Центр этот собирался?

Ответ.

Да, собирался.

Вопрос.

Когда, где, сколько раз?

Ответ:

Мне известно только о двух совещаниях общего центра заговора. Информировал меня о них Енукидзе.

Вопрос.

Что он вам говорил? Когда?

Ответ:

За месяц до начала XVII съезда партии мне позвонил Енукидзе и просил срочно к нему заехать в ЦК. Я поехал. Енукидзе сообщил мне, что вчера состоялось совещание центра заговора, на котором Рыков от имени правых внес предложение произвести государственный переворот с арестом всех делегатов XVII съезда партии и с немедленным созданием нового правительства из состава правых и троцкистско-зиновьевского блока.

Енукидзе рассказывал, что вокруг этого вопроса на совещании разгорелись большие прения. От имени троцкистско-зиновьевского блока против такого плана возражали Каменев и Пятаков. Каменев заявлял, что это неосуществимая идея, что придется столкнуться с огромным сопротивлением в стране и что это очень рискованное предложение. Енукидзе охарактеризовал поведение Каменева, как поведение болтливого труса, на словах мечущего гром и молнию, умеющего посылать убийц из-под угла, но не способного на решительные действия.

Пятаков говорил, что он не может принять участие в решении этого вопроса без соответствующих инструкций от Троцкого, а так как получение инструкций займет много времени, он отказывается от участия в осуществлении этого плана. Ввиду того, что по этому вопросу не было достигнуто общего мнения, вопрос этот был снят.

Вопрос.

Что вам говорил Енукидзе о плане ареста

XVII

съезда партии? Как конкретно это предполагалось осуществить?

Ответ.

Об этом говорил Рыков, когда вносил свое предложение. Он говорил, что центр правых может осуществить арест всего съезда силами гарнизона Кремля, окружив Кремль военными частями Московского гарнизона.

Вопрос.

Какое участие в осуществлении ареста состава XVII съезда партии должны были принять вы?

Ответ.

Предварительной договоренности со мной не было. Енукидзе мне говорил, что если б план этот был принят, то большая работа легла бы на меня, и что об этом до совещания он имел разговор с Рыковым и Томским.

Вопрос.

Значит, план свержения Советской власти путем ареста состава XVII съезда партии был принят предварительно центром правых?

Ответ.

Да, несомненно. От имени центра правых Рыков и вносил это предложение на совещании центра заговора.

Вопрос. И
не состоялось это только потому, что Каменев «струсил», а Пятаков не имел инструкций от Троцкого?

Ответ.
Не состоялось потому, что не было достигнуто единодушия по этому вопросу. Возражали троцкисты и зиновьевцы.

Вопрос.
Тут что-то неясно. Вы показываете, что план ареста
XVII
съезда партии был принят центром правых, что Рыков, внося это предложение на совещании центра заговора, заявил, что правые могут осуществить этот план собственными силами — гарнизоном Кремля, частями Московского военного округа, при участии заговорщиков из НКВД. Почему же это не было сделано?

Ответ. Я
уже говорил, что троцкисты и зиновьевцы возражали против этого плана.

Вопрос.
Но правые могли это сделать сами, без троцкистов и зиновьевцев?

Ответ. В
среде центра правых по этому вопросу также не было полного единодушия: был против, или, вернее, колебался Бухарин. Енукидзе говорил мне, что на совещании центра правых Бухарин пытался доказать, что политическая ситуация в стране не такова, что переворот может произойти без дополнительных столкновений, и выступал против плана переворота. Возможно, что в связи с этим правые без поддержки зиновьевцев и троцкистов и без внутреннего единства сами не пошли на осуществление своего плана переворота.

Вопрос.
А как лично вы относились к этому плану?

Ответ.
Предварительного моего мнения никто не спрашивал. Рыков, должно быть, не сомневался, что я окажу полную поддержку этому плану. Меня об этом плане информировал Енукидзе после того, как план ареста
XVII
съезда партии был отвергнут центром заговора.

Вопрос.

Но когда вы беседовали с Енукидзе, вы высказывали ему свое отношение к этому делу?

Ответ.

Енукидзе я ничего не говорил. Но разговор этот произвел на меня большое впечатление. К этому времени в самом аппарате б. ОГПУ сколько-нибудь сильной организации у меня еще не было. Я только приступил к ее созданию. Если бы план был принят и потребовалось участие в осуществлении его, то я оказался бы в дураках и реальной силы выставить не сумел бы. Поэтому меня лично удовлетворила та информация, что до дела не дошло.

Наряду с этим меня напугало, что центр заговора реально ставит вопрос о государственном перевороте, и он может быть осуществлен без меня и так, что я останусь на задних ролях. Это обстоятельство и решило вопрос о необходимости форсирования организации собственной своей силы в ОГПУ—НКВД, и с этого момента начинается создание самостоятельной заговорщической организации внутри НКВД. В разговоре с Енукидзе я ему об этом, конечно, ничего не говорил. Я заявил только, что о таких делах впредь прошу договариваться со мной предварительно и не ставить меня в известность постфактум.

Вопрос.

Вы показали, что знаете о двух совещаниях центра заговора. Об одном вы уже показали. Что вам известно о другом совещании?

Ответ.

Второе совещание центра заговора состоялось летом 1934 года. Незадолго до этого совещания я был у Енукидзе. Он говорил, что в ближайшие дни предстоит совещание центра заговора, на котором троцкисты и зиновьевцы потребуют утвердить их план террористических актов против членов Политбюро ЦК ВКП(б).

Я самым решительным образом заявил Енукидзе, что не допущу совершения разрозненных террористических актов против членов ЦК, что не позволю играть моей головой для удовлетворения аппетита Троцкого. Я потребовал от Енукидзе, чтобы об этом моем заявлении он довел до сведения Рыкова, Бухарина и Томского. Мой категорический тон, должно быть, подействовал на Енукидзе, и он обещал мне, что правые на совещании выступят против разрозненных террористических актов.

Мы условились с Енукидзе, что немедленно после совещания он поставит меня в известность о решении центра.

Через несколько дней я по звонку Енукидзе опять заехал к нему, и он сообщил мне, что совещание уже состоялось, что Каменев и Пятаков внесли большой план совершения террористических актов, в первую очередь, над Сталиным и Ворошиловым, и затем над Кировым в Ленинграде.

«С большими трудностями, — говорил Енукидзе, — правым удалось отсрочить террористические акты над Сталиным и Ворошиловым и, уступая троцкистско-зиновьевской части центра, санкционировать теракт над Кировым в Ленинграде».

Енукидзе рассказал мне, что Каменев и Пятаков предъявили совещанию требование совершения терактов над Сталиным и Ворошиловым, которое получено от Троцкого. Они заявили, что их террористические организации ведут энергичную подготовку этих актов и что они вряд ли в силах приостановить их свершение. Но, памятуя договоренность со мной, Рыков, Томский и Енукидзе активно возражали, и тогда,

в виде компромисса, Каменев внес предложение немедленно санкционировать террористический акт над Кировым в Ленинграде. Он заявил, что необходимо дать выход накопившейся энергии террористических групп, которые могут загнить на корню без дела. Каменев аргументировал также тем, что если центр не утвердит ни одного теракта, то неизбежны партизанские действия отдельных террористических групп организации. И это было санкционировано. Енукидзе от имени центра заговора предложил мне не чинить препятствий этому теракту, и я обещал это сделать.

Вопрос.
Вы все время твердите на допросах, что вы, как отвечающий за охрану членов правительства, были против террористических актов над членами ЦК. Как же вы пошли на то, что допустили террористический акт против Кирова?

Ответ.
Киров был в Ленинграде, и теракт над ним должен был быть совершен там же. Я предполагал, что, если им даже и удастся убить Кирова, отвечать будет Медведь. А от Медведя я не прочь был избавиться. Он враждовал со мной. Всем известны были мои плохие взаимоотношения с Медведем, известно было также, что я собираюсь его снять, и это, как я думал, будет служить лишним аргументом в пользу моей невиновности и вины Медведя в плохой постановке охраны Кирова.

Вопрос.
Поэтому, значит, вы приняли предложение центра заговора, которое передал вам Енукидзе: «Не чинить препятствий теракту над Кировым в Ленинграде»?

Ответ. Да.

Вопрос. И
обещали это сделать?

Ответ.
Да.
Я
вынужден был это сделать.

Вопрос.
Что вы конкретно сделали?

Ответ. Я
вызвал из Ленинграда Запорожца (зам. ПП), сообщил ему о возможности покушения на Кирова и предложил ему не препятствовать этому.

Вопрос.
Вы предложили это Запорожцу? Почему ему? Какое он имел отношение к заговору?

Ответ.

Я упустил из виду, когда называл своих соучастников, назвать в их числе и Запорожца. Завербовал я его в заговор в конце 1933 года, в один из его приездов из Ленинграда в Москву. До этого мне было известно, что Запорожец, будучи за границей, был завербован немецкой разведкой. Об этом он сам мне сказал перед своим назначением в Ленинград в 1931 году. Он говорил, что несмотря на то, что после его вербовки прошло уже много лет, с ним никто еще не связывался, и он никакой работы для них не ведет.

Вопрос.

При каких обстоятельствах Запорожец был завербован немецкой разведкой?

Ответ.

Возможно, он мне рассказывал об этом, но я сейчас об этом не помню.

Вопрос.

А при каких обстоятельствах вы его вербовали в заговор?

Ответ. Запорожец всегда был правым человеком, много лет был украинским эсером. Я использовал все это плюс его связь с немецкой разведкой и без особых усилий завербовал его. Я должен сказать, что еще в 1931 году, посылая Запорожца в Ленинград, я ему говорил, что он едет туда как мой человек, так как Медведь в Ленинграде таковым не является, и что Запорожец должен подсидеть Медведя и сесть на его место.

Вопрос.

Так что же вы говорили Запорожцу в связи с решением центра заговора о террористическом акте над тов. Кировым?

Ответ. Я

уже говорил, что вызвал его из Ленинграда, сообщил ему о предстоящем покушении на Кирова и предложил ему, в случае, если прорвутся где-нибудь в агентурных материалах данные о подготовке теракта, не давать ходу этим материалам и сообщать мне. В подробности я его не посвящал. Запорожец мои указания принял к исполнению.

Вопрос.

Но известно, что убийца Кирова Николаев за некоторое время до совершения им террористического акта над тов. Кировым был задержан Оперодом в Ленинграде. При нем были оружие и документы, изобличающие его как террориста и, несмотря на это, он был выпущен.

Ответ.

Об этом мне сообщил Запорожец спустя некоторое время после освобождения Николаева.

Вопрос.

Что он вам сообщил?

Ответ.

Запорожец был в Москве, зашел ко мне и рассказал, что сотрудниками Оперода в Ленинграде был задержан некий Николаев, который вел наблюдение за машиной Кирова. Он был доставлен в ПП, и у него после обыска у Губина были обнаружены материалы, свидетельствующие о его террористических намерениях. Об этом доложил ему Губин, и Запорожец освободил Николаева.

Вопрос.

Ваша роль в убийстве тов. Кирова не ограничивается только тем, что вы не чинили препятствий к совершению террористических актов над ним, и тем, что вы освободили задержанного сотрудниками Оперода Ленинграда убийцу. Вы приняли меры к тому, чтобы максимально ослабить физическую охрану тов. Кирова, и тем самым облегчить доступ убийце.

Ответ. Я

это не признаю. Никаких указаний об ослаблении физической охраны тов. Кирова я не давал. Может быть, это делал Запорожец по собственной инициативе, но мне об этом не говорил.

Вопрос.

Вы не только дали распоряжение об ослаблении охраны Кирова, но и после совершения террористического акта приняли меры к устранению свидетеля. Мы говорим об убийстве сотрудника Оперода Борисова, охранявшего Кирова.

Ответ.

Этого я тоже признать не могу. Я лично никаких указаний об устранении Борисова не давал. Запорожца в это время вообще в Ленинграде не было. Если здесь имело место убийство, а не несчастный случай, то это дело рук Губина, но я этого не знаю.

Вопрос.

Вы говорите неправду. Вы будете уличены во лжи показаниями Запорожца и Губина. Мы предлагаем вам сейчас сказать правду о том, при каких обстоятельствах был убит Киров?

Ответ. Я

ничего не скрываю. Я говорю искренно и правдиво. Добавить к своим показаниям по этому поводу ничего не могу. Я могу признать, что лично у меня после убийства Кирова была попытка, вернее, намерение, дело это «потушить» и ограничиться арестами только в Ленинграде. Но неослабный контроль со стороны ЦК и участие в следствии Ежова этому помешало. Как известно, были арестованы Зиновьев, Каменев, Бакаев и др. в Москве. Неудачной также оказалась попытка выгородить Запорожца от привлечения к

ответственности по делу ленинградских чекистов, вмешался Ежов — и Запорожец был арестован.

Вопрос. К
вопросу о следствии по делу быв. ленинградских чекистов мы вернемся на следующем допросе.

Записано с моих слов верно, мною прочитано.
Г. Ягода

Допросили:
Зам. народного комиссара внутренних дел СССР,

комиссар государств, безопасности 3 ранга
Курский

Нач. отделения 4 отдела ГУГБ,

капитан государств, безопасности
Коган

Верно: оперуполн. 4 отдела ГУГБ НКВД
Лернер

ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 2. Л. 146–167.

Все сведения о заговорах и терактах, упоминающихся в допросах Г. Г. Ягоды, считаются сфальсифицированными. Дело об убийстве С. М. Кирова не завершено до сих пор. А. Е. Енукидзе и другие упоминаемые в протоколе лица реабилитированы в 60— 80-е годы.

Протокол допроса
№
7
Ягоды Генриха Григорьевича от 26 мая 1937 года

Вопрос.
Продолжаем прерванный допрос. Вы показали, что после убийства тов. Кирова у вас были намерения следствие по этому делу «потушить». Этому помешали обстоятельства, от вас не зависящие. Но нас интересует, как вы намерены были это свернуть или, как вы говорите, «потушить»?

Ответ.
Никакого готового плана действий у меня не было. Уже по ходу следствия, когда определилось и стало ясным, что убийство Кирова дело рук троцкистско-зиновьевской

организации, я очень жалел, что сам не остался в Ленинграде руководить следствием по делу. Совершенно ясно, что если бы я остался в Ленинграде, то убийство Кирова было бы изображено как угодно, но до действительных виновников, троцкистов и зиновьевцев, не добрались бы.

Конечно, все это очень условно и предположительно, руководил следствием не я, в Ленинграде, как вы знаете, сидел Ежов, и в большей или меньшей мере действительное положение вещей вырвалось наружу. Зато я компенсировал себя в Москве тем, что свернул и направил по ложному следу следствие по делу бывших ленинградских чекистов.

Вопрос.
Как вы это сделали? Что именно было скрыто по делу б. ленинградских чекистов?

Ответ.
Во-первых, к ответственности мною вначале не был привлечен участник заговора Запорожец. В списке отстраненных от работы в НКВД и отданных под суд ленинградских чекистов (список был опубликован в газете) фамилии Запорожца не было. Он был привлечен значительно позже по распоряжению из ЦК.

Во-вторых, до начала следствия по делу я вызвал к себе Прокофьева и Молчанова и предложил им лично руководить следствием. Я поставил перед ними две задачи:
1. Чтобы в материалах не было ничего компрометирующего центральный аппарат НКВД и его работников (в первую очередь меня самого).

2.
Свести дело к простой халатности и выгородить тем самым Запорожца и Губина, знавших о готовящемся убийстве Кирова.

Мои указания были целиком выполнены.
Я должен здесь заявить, что в этом деле принимал участие и Миронов. Действовал он не по прямым моим указаниям, а по своей доброй воле, он активно выгораживал меня во всех допросах, в которых он принимал участие.
Если вы посмотрите материалы следствия по делу Медведя, то вам, несомненно, бросится в глаза, что почти все протоколы его допросов составлены таким образом, что я, Ягода, якобы неоднократно предупреждал о необходимости усилить физическую охрану Кирова, а Медведь это не выполнял. В итоге получилось, что я ни в чем не виноват, а виноват Медведь и его аппарат.
Допрашивали Медведя, насколько я помню, Миронов с Прокофьевым или Миронов с Молчановым.
Было в этом следствии еще одно обстоятельство, которое могло, если бы оно всплыло, вызвать неприятности.

Вопрос.
Какое это обстоятельство?

Ответ. В
1933-34 годах СПО УНКВД Ленинградской области вскрыл и ликвидировал довольно серьезную троцкистско-зиновьевскую организацию. В материалах следствия, которые были присланы из Ленинграда Молчанову и мне, были данные о наличии этого

центра в Москве. Ни я, ни Молчанов никаких мероприятий по этим материалам не приняли — положили их под сукно. Так вот, опасность состояла в том, что обвиняемые по делу ленинградских чекистов могли на допросах, в порядке оправдания своего, поднять этот вопрос. Говорили мы об этом с Молчановым и условились, чтобы данные эти вообще в следствии не фигурировали. Так и было сделано.

Была и другая опасность. Она состояла в том, что кто-нибудь из арестованных ленинградских оперодовцев (Губин или другие) могли на допросах выболтать, что Николаев, убийца Кирова, при первом своем задержании (до убийства) был обыскан и у него были обнаружены материалы, свидетельствовавшие об его террористических намерениях, и оружие. Но Молчанов был прав, когда утверждал, что этого никто из них не скажет, хотя бы из чувства самосохранения.

Вопрос.

Значит, Молчанов знал, что убийца тов. Кирова Николаев был освобожден в ленинградском Опероде после того, как было установлено, что он является террористом?

Ответ.

Да, знал. Молчанову и Прокофьеву я сообщил обо всех обстоятельствах, связанных с убийством Кирова, после своего приезда из Ленинграда в первых числах декабря 1934 года.

Вопрос.

Что вы им сообщили?

Ответ.

Я сказал им, что Киров убит по решению центра троц-кистско-зиновьевского блока, что я был об этом предупрежден заранее, что я предложил Запорожцу не чинить этому препятствий и рассказал им о случае освобождения Запорожцем задержанного в Ленинграде Николаева.

Обо все этом я вынужден был предупредить Молчанова и Прокофьева потому, что они руководили следствием по делу б. ленинградских чекистов и должны были знать все обстоятельства дела, чтобы не допускать прорыва этих данных в допросах. Я могу сообщить еще об одном материале профилактического порядка, которое я намерен был осуществить, но которое сорвалось, когда дело дошло до

ЦК.

Вопрос.

Какого порядка мероприятие? Почему и как оно сорвалось?

Ответ.

После суда над ленинградским террористическим центром, после осуждения Зиновьева, Каменева и других, в Ленинграде были проведены массовые операции по высылке зиновьевцев. Высылали их почти без всякого предварительного следствия. И это меня устраивало, потому что была исключена возможность провала.

Вопрос.

Непонятно, почему это вас устраивало? Почему исключена была возможность провала?

Ответ.

Очень просто. Если бы всех, кто из Ленинграда был выслан, пропустили через основательное следствие, могло случиться, что в каких-либо звеньях следствия данные о заговоре, о центре троцкистско-зиновьевского блока прорвались бы. По этим же соображениям я намерен был аналогичную операцию провести в Москве. Мне было ясно, что удар по троцкистско-зиновь-евским кадрам в Москве неизбежен. Из двух зол я выбирал наименьшее; можно было бы пойти на серьезную ликвидацию организации или отдельных групп организации в порядке следствия и можно было просто выслать из Москвы какую-нибудь часть рядового учета троцкистов и зиновьевцев.

Я пошел на второе. Предложил Молчанову приготовить соответствующие списки и поднял этот вопрос перед ЦК. Но в этом мне было отказано. Мне заявили, что удар надо нанести не по одиночкам из бывших троцкистов и зиновьевцев, а необходимо вскрыть нелегальные действующие и организующие центры троцкистско-зиновьевского центра. А этого я делать не хотел и не мог.

Вопрос.

Как же вы вышли из этого положения?

Ответ.

Никак не вышел. Не удалось, как вы видите, выйти из этого двойственного положения. Весь 1935 год я тормозил, саботировал, оттягивал требование ЦК громить центры троцкистско-зиновьевских организаций и правых. Когда по прямому предложению Сталина я вынужден был заняться делом «Клубок», я долго его тянул, переключил следствие от действительных

виновников, организаторов заговора в Кремле — Енукидзе и др., на «мелких сошек» — уборщиц и служащих, и тем самым опять спас свое положение.

Вопрос.

Кстати, о деле «Клубок» и о Енукидзе. На допросе 4 мая вы показали, что во время следствия по этому делу к вам явился Карахан с предложением «выручить» Енукидзе и не проваливать его в этом деле. Как теперь устанавливается, вы были лично связаны с Енукидзе и вовсе непонятно, зачем вам нужен посредник, Карахан, в ваших делах с Енукидзе? Вы, значит, где-то напутали, неправду сказали?

Ответ.

Нет, я говорил правду и в одном, и в другом случае. Верно, что я был лично связан с Енукидзе как с членом общего центра заговора, и верно также, что Карахан приходил ко мне, когда началось дело «Клубок», по поручению Енукидзе.

Дело обстояло таким образом. Я уже говорил, что инициатива дела «Клубок» принадлежит Сталину. По его прямому предложению я вынужден был пойти на

частичную ликвидацию дела. С самого начала мне было понятно, что тут где-то прорвалась нить заговора Енукидзе в Кремле, что, если основательно потянуть за оборванный конец, вытянешь Енукидзе, а за ним и всех нас — участников заговора.

Так или иначе, но Енукидзе я считал в связи с этим проваленным, если не совсем, то частично. Поэтому было бы неосторожным с моей стороны продолжать свои встречи с Енукидзе именно в этот период, когда шло следствие по делу «Клубок». Поэтому я прекратил бывать у Енукидзе, как и он (по тем же соображениям) перестал звонить и приглашать меня. Но Енукидзе, должно быть, не очень в меня верил и опасался, что я могу его окончательно провалить. Поэтому он прислал Карахана для разговора со мной. А до этого по его поручению со мной говорил Петерсон.

Вопрос.
О чем вы беседовали с Петерсоном?

Ответ.
С Петерсоном я до этого несколько раз встречался у Енукидзе. Он знал о том, что моя связь с Енукидзе носит заговорщический характер. На сей раз, это было весной 1935 года, Петерсон сам начал разговор. Он заявил, что Енукидзе и он сам очень обеспокоены материалами о заговоре, который попал в НКВД. Он говорил мне, что некоторые факты об их заговорщической деятельности, которые прорывались в стенах Кремля, он задержал у себя и никому их, конечно, не показывал. Я ознакомил его с данными НКВД, сказал ему, что особых причин к беспокойству нет, что я стараюсь выгородить его и Енукидзе. Наряду с этим я попросил, чтобы он прислал мне все имеющиеся у него материалы. Петерсон прислал. Это были отдельные рапорта и сводки о контрреволюционных высказываниях сотрудников Кремля и т. п. О материалах этих я докладывал в ЦК, заявив, что они были мною изъяты при нелегальном обыске в столе у Петерсона.

Вопрос.
Зачем вы это сделали? Вы же обещали Петерсону выгородить его из дела?

Ответ.
В следствии я действительно покрыл Петерсона, но мне надо было его скомпрометировать, чтобы снять его с работы коменданта Кремля. Я все время стремился захватить охрану Кремля в свои руки, а это был удобный предлог. И мне это полностью удалось. Кроме того, я сообщил тогда же в ЦК, что Петерсон подслушивает правительственные разговоры по кремлевским телефонам (кабинет Петерсона находился рядом с телефонной станцией Кремля). Узнал я об этом из агентурных материалов, и мне вовсе не хотелось, чтобы и мои разговоры по телефонам контролировались Петерсоном. Петерсон был после этого снят, вместе с ним из Кремля была выведена школа ЦИК. В Кремль были введены войска НКВД.

Вопрос.
Известно, что по делу «Клубок» в качестве обвиняемых были привлечены Каменев и Зиновьев. Что вы сделали для того, чтобы скрыть их участие в заговоре?

Ответ.

По отношению к Зиновьеву и Каменеву у меня была двойственная политика. Я не мог допустить, чтобы следствие по их делу далеко зашло. Я боялся их откровенных показаний. Они могли бы выдать весь заговор. Поэтому Молчанов рассказ об их участии в деле «Клубок» свел к антисоветским разговорам, которые имели место между Каменевым и его братом Розенфельдом.

Наряду с этим положение Зиновьева и Каменева, осужденных и находящихся в изоляторе, все время меня беспокоило. А вдруг они там что-либо надумают, надоест им сидеть и они разразятся полными и откровенными показаниями о заговоре, о центре, о моей роли (Каменев, как участник общего центра заговора, несомненно, знал обо мне и о том, что я являюсь участником заговора). Я говорю, что это обстоятельство все время меня тревожило. Правда, я принял все меры к тому, чтобы создать Зиновьеву и Каменеву наиболее благоприятные условия в тюрьме: книги, бумагу, питание, прогулки — все это они получали без ограничения. Но чем черт не шутит? Они были опасными свидетелями. Поэтому, докладывая дело в ЦК, я, чтобы покончить с ними, предлагал Зиновьева и Каменева расстрелять. Это не прошло потому, что данных для расстрела действительно не было. Так обстояло с делом «Клубок».

Вопрос:

Выше вы показали, что во время следствия по делу «Клубок» вы из конспиративных соображений не встречались с Енукидзе. Следствие по «Клубку», как известно, началось с 1935 года. До этого вы виделись с Енукидзе?

Ответ.

С Енукидзе я виделся после убийства Кирова, вскоре после ареста Зиновьева, Каменева и др. в Москве. Разговор происходил, как обычно, в кабинете у Енукидзе. Он спрашивал меня, как обстоят дела в Ленинграде, нет ли опасности полного провала, и выражал свое негодование по поводу партизанских действий троцкистов и зиновьевцев, выразившихся в убийстве Кирова.

Вопрос.

О каких партизанских действиях вы говорите? Ведь убийство тов. Кирова было санкционировано общим центром заговора?

Ответ.

Это верно. Но я уже говорил на предыдущем допросе, что правые были вынуждены пойти на санкцию теракта над Кировым только в порядке компромисса. Вообще мы были против отдельных терактов, не согласованных с общим планом заговора и захвата власти. Вот это именно и имел в виду Енукидзе, когда говорил о партизанских действиях. Тогда же Енукидзе сообщил мне, что вместо арестованного Каменева троцкистско-зиновьевский блок выдвинул в общий центр заговора Сокольникова. Енукидзе говорил мне, что в новой ориентации заговора роль Сокольникова имеет первостепенное значение.

Вопрос.

Что это за новая ориентация, и почему именно роль Сокольникова связана с этой ориентацией?

Ответ.

На одном из допросов я уже показывал, что в 1935 году к планам нашего заговора на государственный переворот только внутренними силами прибавилась ориентировка на немцев, вернее, на фашистскую Германию, как на союзника в деле свержения Советской власти. Вызвано это было следующими соображениями.

Во-первых, в 1935 году перспектива войны со стороны окрепшей Германии против Советского Союза нарастала с каждым днем. В связи с этим надо было забежать вперед и договориться с ними. Енукидзе мне говорил, что Троцкий за границей установил полный контакт с германскими правительственными кругами, что сам Енукидзе тоже имеет линию связи с немцами.

Во-вторых, убийство Кирова вызвало огромную настороженность со стороны партии и всей страны к троцкистским и зиновьевским кадрам и расчеты на какую-либо поддержку внутри страны исключались. «Бдительность, о которой они кричат на каждом углу, будет стоить голов нашим людям», — говорил мне Енукидзе.

Именно эти соображения и легли в основу ориентировки заговора, начиная с 1935 года, на Германию. И именно в связи с этим роль Сокольникова в общем центре заговора, являющегося одновременно заместителем Наркоминдела, имела особое значение потому, что через него могла быть налажена связь с официальными кругами Германии.

Вопрос.

Вы говорите, что через Сокольникова «могла быть» налажена связь с немцами. А разве эта возможность не была реализована?

Ответ.

Этого я сказать не могу. Тогда при моем разговоре с Енукидзе речь шла только о возможностях. Было ли это в дальнейшем осуществлено, я не знаю. Но мне известно, что в ориентировке и заговорах с германскими правительственными кругами у троцкистов и зиновьевцев, с одной стороны, и у правых, с другой стороны, были свои особые, различные линии.

Вопрос.

Чем они отличаются, и откуда вы это знаете?

Ответ.

Об этом мне говорил Карахан в одну из наших бесед с ним в 1935 году. Сущность этих двух линий в ориентировке и контакте с немцами состоит в следующем: троцкистско-зиновь-евская часть нашего центра вела переговоры с германскими правительственными кругами через находящегося в эмиграции Троцкого, оторванного от Советского Союза, не знавшего внутренние процессы страны и готового все отдать, лишь бы скорее свергнуть Советскую власть и вернуться в Россию.

Иначе к делу относились мы, правые. Мы не являлись сторонниками полного раздела России, как это делал Троцкий. Мы считали, что силы наши в стране довольно значительны и можем в переговорах с немцами выступать как равная сторона. Если дозволено на фоне наших преступных и изменнических дел употребить слово «патриотизм», то некоторая доля этого патриотизма в нас, правых, все же сохранилась. Этим отличалась точка зрения правых в их ориентировке на немцев от линии троцкистско-зи-новьевского блока. Именно поэтому центр правых предложил Карахану

установить связь с германскими правительственными кругами и вести с ними переговоры. Но об этом я уже рассказывал.

Вопрос.

Вы показывали совершенно не то, что говорите теперь. На допросе 4 мая вы показали, что Карахан установил связь с немцами по собственной инициативе. Сейчас же вы говорите, что вязь с германскими првительственными кругами Карахан установил по постановлению центра правых.

Ответ.

Никаких расхождений между тем, что я показал на допросе 4 мая, и между тем, что я говорю теперь, — я не лгу. Я только дополняю свои предыдущие показания. Связь с немцами у Карахана существовала давно. И эту, уже установленную линию связи центр правых использовал как реальную линию, предложив Карахану вступить с германскими правительственными кругами в официальные переговоры. Я уже показывал, что Карахан после этого был в Берлине, виделся там с Надольным и Гессом (или Геббельсом) и, как он мне говорил, уже в 1936 году добился значительных уступок от немцев.

Вопрос.

Каких уступок?

Ответ.

Уступок от кабальных условий, на основе которых было достигнуто соглашение с Троцким.

Вопрос.

На каких условиях Карахан достиг соглашения с немцами?

Ответ. Я

боюсь напутать в передаче того, что говорил мне Карахан. Политик я плохой, в международных вопросах слабо разбираюсь, еще меньше в экономических. Помню, что Карахан говорил о двух вариантах соглашения: один, если центр заговора приходит к власти самостоятельно без помощи немцев; второй, если заговорщикам в их приходе к власти помогут немецкие штыки во время войны.

При первом варианте речь шла о следующих условиях: 1) Разрыв СССР договоров о союзе с Францией и Чехословакией;

2) заключение военного и экономического союзов с Германией;

3) ликвидация Коминтерна;

4) предоставление Германии [права] на долголетние концессии источников химического сырья СССР (Кольского полуострова, нефтяных источников и прочее);

5) установление в СССР такого политического и экономического строя, который гарантирует германским фирмам полную возможность развития своей частной инициативы на территории СССР.

При втором варианте, т. е. при приходе к власти в военное время при помощи немцев, оставались в силе те же условия, плюс какие-то территориальные уступки, но какие именно, я не помню. Об этом должен подробнее и точнее показать сам Карахан.

Вопрос.

Вы показываете, что одним из вариантов соглашения с немцами являлся приход заговорщиков к власти самостоятельно, без помощи со стороны немцев. Каковы реальные силы, которые центр заговора мог использовать для свержения Советской власти?

Ответ.

Об этом я уже говорил на предыдущем допросе. Это были все те организации, которые входили в общий заговор против Советской власти.

Вопрос.

Вы дали только перечень организаций, входивших в заговор, но ничего не показали об их реальных силах.

Ответ.

Это верно, но я считаю, что все организации, входившие в общий центр заговора, теперь уже ликвидированы и поэтому не стоит их перечислять.

Вопрос.

Но вы знали о наличии этих организаций до того, как они были ликвидированы?

Ответ.

Об основных знал.

Вопрос.

От кого?

Ответ.

О некоторых я знал из материалов ОГПУ—НКВД, о других мне говорил Енукидзе.

Вопрос.

О каких организациях вам говорил Енукидзе? И когда он вам о них говорил?

Ответ.

Когда точно это было сказано, я сказать не могу. Мы неоднократно вместе с Енукидзе прикидывали силы организации заговора. О троцкистских, зиновьевских и правых организациях Енукидзе говорил, что они сильны, кроме Москвы, еще в Ленинграде, на Украине, на Урале, в Азово-Черноморском крае, в Западно-Сибирском крае и на Кавказе. Енукидзе говорил также, что военная организация наиболее сильна в Москве, но имеет свои группы на Украине и в Ленинграде. О меньшевиках и эсерах Енукидзе высказывал предположение, что у них имеются законспирированные

организации в Сибири, в Средней Азии и на Кавказе. А силы мои в НКВД вам известны, я о них уже показывал.

Вопрос.
Но вы опять даете только голый перечень местных организаций.

Ответ.
Но Енукидзе мне ничего не говорил ни о количественном составе этих организаций, ни об их руководителях. Это стало мне известным уже по данным следствия в НКВД значительно позднее, в 1936 году.

Вопрос.
А как мыслился приход к власти на случай войны?

Ответ.
Речь шла о восстании наших партий в тылу, аресте членов правительства при одновременном открытии фронта неприятелю заговорщиками из военного блока. Но это были только планы, которым не дано было осуществиться, потому что в конце 1935 года, весь 1936 и 1937 годы прошли под знаком ликвидации всех наших организаций; сначала, пока я был в НКВД, при значительном торможении, а затем уже, при Ежове, начался полный разгром всех звеньев нашего заговора. О том, как мы, участники заговора в НКВД, прикрывали организации заговора, тормозили их ликвидацию, я уже говорил. Но одну деталь я еще не сообщил. А сейчас, когда я говорю всю правду, я не хочу больше ее скрывать.

Вопрос.
Что вы хотите показать?

Ответ.
Летом 1936 года из политизоляторов в Москву для привлечения к следствию по делу центра троцкистско-зиновьевско-го блока были доставлены Зиновьев и Каменев. Мне, как я уже говорил, нужно было с ними покончить: они все равно были уже провалены, третий раз привлекались; и я очень беспокоился, чтобы они где-нибудь на следствии не болтнули лишнего. Поэтому я стал практиковать обход некоторых камер арестованных во внутренней тюрьме. Почти во все камеры я заходил вместе с начальником тюрьмы Поповым. К Зиновьеву и Каменеву (в отдельности к каждому) я тоже зашел, предупредив Попова, чтобы он остался за дверью.

За время 5—10 минут я успел предупредить Зиновьева и Каменева о том, кто арестован, какие имеются показания. Заявил им, что никаких данных о других центрах, принимавших участие в заговоре, тем более об общем центре, следствие не знает. «Не все еще потеряно, ничего не выдавайте сами. Центр заговора действует. Вне зависимости от приговора суда вы вернетесь ко мне», — говорил я им. И Зиновьев и Каменев на следствии и на суде, как вы знаете, выполнили мои указания. А после приговора они были расстреляны. Это было в августе 1936 года. В сентябре я был снят с работы в

НКВД.
Генрих Ягода

Допросили:

Нач. отд. 4 отдела ГУГБ капитан гос. без.
Коган
Оперуполном. 4 отдела ГУГБ лейтенант гос. без.
Лернер

ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 2. Л. 168–185.

Все сведения о заговоре и обвинении в «шпионаже», упоминаемые в допросах Г. Г. Ягоды, считаются сфальсифицированными.

Л. М. Карахан
и другие упомянутые в протоколе лица реабилитированы.

Декабрьские допросы
Протокол допроса Ягоды Генриха Григорьевича от 28 декабря 1937 года

Вопрос.
Мы получили дополнительные данные о вашей антисоветской деятельности. Установлено, что много вы еще скрываете. В частности, вы ничего не показали о своей преступной связи с врачом Левиным Л. Г. Что вы можете показать по этому вопросу?

Ответ:
Я виновен в очень тяжелых преступлениях, о которых до сих пор ничего не показывал. Слишком велики эти преступления, и не хватило сил о них говорить. С именем Левина меня

связывает, пожалуй, самые тяжелые мои преступления перед народом.

Вопрос.
Когда и как возникла между вами и Левиным преступная связь?

Ответ.
Левин был постоянно лечащим врачом Максима Горького. Бывая часто в доме у Горького, я, естественно, много раз сталкивался с Левиным. Первое время я интересовался им, хотя он, как врач, и бывал у меня дома — лечил членов моей семьи. Но вскоре Левин мне понадобился для осуществления моих личных преступных замыслов, поэтому я стал ближе к нему присматриваться, проявлять к нему некоторое внимание.

Вопрос.
Для осуществления каких преступных ваших замыслов вам понадобился Левин?

Ответ. Я

вынашивал в себе преступную мысль физического уничтожения сына Горького — Максима Алексеевича Пешкова. Тот человек мне мешал. Причины здесь глубоко личные и низменные, никаких политических целей не было, но факт остается фактом: я решил его убрать.

Вопрос.

Вы все же скажите нам об этих «глубоко личных и низменных» причинах.

Ответ.

Я прошу в протоколе не фиксировать моих объяснений по этому вопросу. Покажу о них отдельно.

Вопрос.

Хорошо. Продолжайте свои показания.

Ответ.

Решив уничтожить М. Пешкова, я все же понимал, что сделать это нужно с величайшей осторожностью. Я долго над этим вопросом думал, советовался даже с Погребинским. Он, как известно, был мною приближен к семье Горького и, как наиболее близкий человек, знал обо всех моих преступных планах.

Погребинский предложил мне свою помощь в этом деле. Его предложение заключалось в том, что, пригласив М. Пешкова к себе, в Уфу (он был нач. УНКВД Башкирской АССР), он организует нападение на него уголовников, которые убьют его.

Я согласился было с вариантом Погребинского, но впоследствии раздумал: это чревато было неприятностями для меня, даже в случае удачи предприятия. Это было опасно потому также, что слишком большое количество людей надо было бы ввести в это дело. Поэтому я решил, что лучшим способом уничтожения Максима Пешкова явится «смерть от болезни».

Вопрос.

Как это понимать?

Ответ.

Очень просто: человек естественно заболевает. Некоторое время болеет. Окружающие привыкают к тому, что больной (что тоже естественно) или умирает, или выздоравливает. Врач, лечащий больного, может способствовать выздоровлению, но он может способствовать смерти больного. Таково главное содержание идеи «смерть от болезни». Ну, а все остальное — дело техническое. Пришел я к этому выводу в конце 1932 года и сразу же начал действовать.

Вопрос.

Что и как вы делали?

Ответ.

Определив, что Макс (так звали сына Горького) много пьет и часто болеет, я продвинул ему врача санотдела НКВД Виноградова. Это давало мне постоянную информацию о состоянии здоровья Макса. Затем, убедившись, что Левин является постоянным врачом семьи Горького, я начал приближать его к себе.

Затем, когда Левин был до некоторой степени приручен, я предложил изыскать ему наиболее удобный способ и вызвать преждевременную смерть М. Пешкова. Левин согласился, и в 1934 году, когда Макс заболел, он выполнил мое задание: М. Пешков умер потому, что Левин по моему поручению «залечил» его.

Вопрос.

Непонятно, почему Левин пошел на это страшное преступление. У вас были низменные побуждения, а у него что?

Ответ.

Разговор с Левиным я начал с абстрактного вопроса

о

том, может ли врач способствовать смерти его пациента. Получив утвердительный ответ, я спросил, понимает ли он, что бывают условия, когда больной является помехой для его окружающих, и что смерть такого больного была бы встречена с радостью. Левин говорил мне, что вопрос этот дискуссионный, что он лично придерживается той точки зрения, что врач не имеет права сократить жизнь человеку, даже больному. Я спорил с ним, доказывал ему, что он отсталый человек, что «мы» (надо было понимать под этим — современные люди) придерживаемся другой точки зрения. На эту тему было у меня с Левиным несколько разговоров.

Однажды я пригласил его к себе в кабинет и в самой категорической форме предложил ему принять меры к тому, чтобы М. А. Пешков умер. Я заявил ему, что это является политической директивой, и он не имеет права отказаться от выполнения ее. Старик, конечно, был огорошен. Я пытался доказать ему, что Макс никчемный, плохо влияющий на М. Горького человек, что он алкоголик и все равно скоро умрет. Левин согласился и сделал свое дело.

Вопрос.

Вы выше показали, что к этому делу был привлечен и врач санчасти НКВД Виноградов. Как это было организовано?

Ответ.

Виноградов также был привлечен к соучастию в убийстве М. Пешкова, как врач НКВД Виноградов часто сталкивался с Булановым и им был привлечен к выполнению различных преступных поручений. О них, вероятно, расскажет Буланов. После того, как я Левину дал поручение убить М. Пешкова, я решил, что дело будет надежнее, если привлечь еще и Виноградова. Зная от Буланова, что Виноградов грязная личность (антисоветчик, связан с заграницей), я сказал Буланову, чтобы он предложил ему принять участие в убийстве М. Пешкова, для чего действовал заодно с Левиным. Не помню точно, но, кажется, при одной из встреч с Виноградовым в доме у Горького я лично подтвердил ему задание, переданное ему Булановым.

Вопрос.

Значит, и Буланов был в курсе этого чудовищного, преступного замысла?

Ответ.
Да, Буланов вообще знал обо всем, что я делаю. Если я ему прямо и не говорил, он обо всем догадывался. Я должен сказать, что в этом преступном деле принимали участие еще два человека: профессор Плетнев и секретарь М. Горького Крючков Петр Петрович.

Вопрос.
Они были вами привлечены?

Ответ.
Да.

Вопрос.
При каких обстоятельствах?

Ответ.
С Крючковым дело обстояло очень просто. Я уже показывал, что в доме Горького Крючков являлся моим человеком с давних пор. Он служил мне простым информатором. Он сообщал мне абсолютно все, что происходило в доме. Человек он авантюристический, нечистоплотный, присосавшийся случайно к Горькому, и поэтому мне нетрудно было прибрать его к рукам. Когда у меня возникла мысль избавиться от Макса, я начал осторожную подготовку к этому делу Крючкова. А он, как я полагал, не должен был возражать против этого.
Вопрос.
Почему?

Ответ.
Крючков неоднократно высказывал мне свои опасения о смерти Горького. «Что будет со мною?» — говорил он. Его тревожила мысль, что Горький оставит литературным наследником не его, а сына Макса. Я, в свою очередь, подогревал в нем эти настроения. Я убеждал его в том, что Макс может отстранить Крючкова от участия в издании литературного наследства Горького.

Постепенно я привил Крючкову мысль, что для него было бы лучше, если Макса вообще не будет. А затем уже прямо с ним договорился. Я сообщил Крючкову, что подготовил убийство Макса, рассказал ему о том, кто и как это будет делать. На него, поскольку он ближе всех к Максу, я возложил задачу принять меры к тому, чтобы спаивать Макса и довести его до болезненного состояния. Мне важно было, чтобы Макс заболел, а все остальное доделают врачи. Крючков согласился.
Вопрос. И
что он делал?

Ответ

Он делал все, что мог: спаивал Макса, возил его пьяного за город, приучал его к быстрой езде на открытом автомобиле (сама эта езда грозила катастрофой), словом, он делал все, чтобы Макс заболел. Кажется, в 1932 году Макс заболел. Я направил к нему Виноградова, но он так и не сумел ничего сделать. Но то, что не удалось в 1932 году, было совершено в мае 1934 года при содействии Крючкова: Макс заболел воспалением легких, а врачи Левин, Виноградов и Плетнев залечили его до смерти.

Вопрос.
О Плетневе. Как и где он был привлечен к этому убийству?

Ответ.
Плетнева пришлось привлечь к этому делу потому, что по установившейся традиции он являлся постоянным и наиболее авторитетным членом всех консилиумов при заболевании кого-либо из членов семьи Горького. Не помню точно когда, но спустя некоторое время после привлечения мною Левина, он явился ко мне с заявлением, что ему самому вряд ли что удастся сделать и что необходимо привлечь для этого дела еще кого-либо из врачей. Он прямо назвал Плетнева и заявил, что, если я не буду возражать, он сам попытается переговорить с ним. Я не возражал, но наряду с этим я дал задание аппарату ОГПУ подобрать мне компрометирующие Плетнева материалы. Оказалось, что их довольно много. Оказалось, что Плетнев был участником какой-то антисоветской группы врачей и вообще являлся человеком антисоветским. Я вызвал Плетнева к себе, спросил его, говорил ли с ним Левин. Плетнев начал было «рассуждать». Я положил на стол папку с материалами, погрозил ему, и он согласился слушаться меня.

Вопрос.
Как же все-таки был убит сын Горького — М. А. Пешков?

Ответ.
Детали я сейчас описать не могу. Я знаю, что он заболел (Крючков этому содействовал), для его лечения были направлены Виноградов и Левин. Был там и Плетнев. Они не допускали к Максу других врачей, неправильным применением лечения организм его был ослаблен, и он умер. Я полагаю, что врачи (Левин, Виноградов и Плетнев) расскажут об этом подробнее.

Вопрос.
Только ли в результате неправильного лечения умер М. А. Пешков?

Ответ.
Да, только в этом.

Вопрос.
А не было ли здесь отравления?

Ответ.

Нет, не было.

Вопрос.
Вы это категорически утверждаете?

Ответ.
Совершенно категорически.

Вопрос.
Хорошо, оставим этот вопрос открытым с тем, чтобы к нему еще вернуться. Но ваши преступления в этой области не ограничиваются умерщвлением только М. А. Пешкова. Мы предупреждаем вас, что располагаем уже показаниями Виноградова,

Плетнева, Левина, Крючкова и других. Вы сами понимаете, что в таком положении вам ничего уже скрыть не удастся.

Ответ.
Я и не собираюсь этого делать.

Вопрос.
Не знаем, собираетесь ли вы или нет, но то, что вы скрывали это в процессе всего следствия по вашему делу, это же факт.

Ответ.
Да, скрывал. Но теперь мне скрывать нечего. Я заявляю, что, кроме Макса, тем же путем по моему заданию были умерщвлены В. Р. Менжинский, В. В. Куйбышев и А. М. Горький. Я хочу записать, что если в смерти Менжинского виноват только я, то смерть В. В. Куйбышева и А. М. Горького была организована по прямому постановлению объединенного центра правотроцкистской организации, которое (постановление) было мне лично передано членом этого центра А. С. Енукидзе.

Вопрос.
Давайте запишем ваши показания об обстоятельствах умертвления каждого из названных вами лиц. Рассказывайте.

Ответ.
Начну с Менжинского. Известно, что последние годы Менжинский больше болел, чем работал. Руководил работой я. Было ясно, что с его смертью председателем ОГПУ буду я. С этой мыслью я свыкся и ждал смерти Менжинского. А он не умирал. Когда я дал задание Левину, я подумал: «Почему то же самое не сделать с Менжинским?» В одном из разговоров с Левиным я ему об этом прямо сказал. Он уже был связан со мной подготовкой к преступлению и не мог мне отказать. Но он заявил, что не имеет доступа к Менжинскому, что постоянным лечащим врачом является доктор Казаков и что без него здесь не обойдется. Я поручил Левину привлечь к этому делу Казакова. Он это сделал. Не обошлось и без моего личного вмешательства в это дело. Левин сообщил мне, что Казаков

в хороших отношениях с Менжинским, и у него (Левина) имеются сомнения, не обманет ли он. Я вызвал Казакова к себе, подтвердил ему мое распоряжение, наговорил ему кучу угроз, и он сделал свое дело — Менжинский умер.

Вопрос.

А что конкретно сделал Казаков? Как он добился смерти В. Р. Менжинского?

Ответ.

Этого я не знаю. Казаков «лечил» Менжинского по ему одному известному методу. Как и что он делает, в это он меня не посвящал. Мне важны были результаты, они были положительными, и меня это устраивало. Правда, помню, что в день предсмертной болезни Менжинского я говорил с Казаковым. Он заверил меня, что «все в порядке».

Вопрос.

А Левин, Плетнев, Виноградов — они принимали участие в убийстве В. Р. Менжинского?

Ответ.

Мне трудно на этот вопрос ответить. Не знаю, вернее, не помню. Левин-то был в курсе дела, но принимал ли он непосредственное участие в этом деле, не знаю.

Вопрос.

Значит, можно констатировать, что В. Р. Менжинский и М. А. Пешков умерщвлены по вашему прямому заданию, притом руководствовались вы в обоих случаях личными низменными соображениями?

Ответ.

Да, это так. Я признаю себя виновным в этом. Я хочу рассказать об обстоятельствах, при которых я был поставлен перед необходимостью пойти на более чудовищное преступление, на организацию умерщвления таких людей, как В. В. Куйбышев и А. М. Горький.

Вопрос.

Рассказывайте.

Ответ.

На одном из допросов я рассказал о том, как объединенный центр правотроцкистской организации вынес свое решение об убийстве С. М. Кирова. Я рассказывал также и о том, что в принятии этого решения я участия не принимал. Больше того, когда Енукидзе сообщил мне об этом, я возражал. И вам, конечно, ясно почему. Я боялся прямых террористических актов, потому что я отвечал за охрану членов правительства.

В протоколах предыдущих моих допросов записано, что я вынужден был предупредить Запорожца (в Ленинграде), чтобы он не препятствовал террористическому акту над С. М. Кировым. Это вы уже знаете из моих показаний, но я тогда не договорил. О чем я умолчал? Я не рассказал о том, что, когда Енукидзе поставил меня в известность летом 1934 года о решении организовать террористический акт над С. М. Кировым, я предложил ему свой вариант убийства Кирова путем «смерти от болезни».

Я тогда же сообщил ему, что этот способ уже проверен мною на практике (М. А. Пешков и В. Р. Менжинский), и что он безопасен и для меня, как зампреда ОГПУ, отвечающего за охрану. Енукидзе отверг мое предложение в отношении С. М. Кирова. Он мотивировал это тем, что террористический акт над Кировым организовывали непосредственно зиновьевцы и троцкисты и что наше дело не мешать им и только. «Смерть от болезни» не даст должного резонанса в стране. «Надо проверить, как страна откликнется на выстрел в Кирова», — заявил мне Енукидзе.

Но вместе с тем Енукидзе ухватился и за предложенный мною метод. Он заставил меня подробно проинформировать его о том, как технически и кто конкретно осуществляет. Я ему рассказал. Через некоторое время Енукидзе меня вновь просил заехать к нему. Он заявил мне, что довел до сведения центра о моем методе и что решено немедленно приступить к его применению.

Вопрос.

На ком применить?

Ответ.

Было ясно, что речь идет об организации таким методом убийства руководителей Советской власти, членов Политбюро ЦК ВКП(б).

Вопрос.

А конкретные фамилии были названы?

Ответ.

Нет, в этом разговоре конкретные фамилии названы не были. Но Енукидзе предложил мне направить к нему Левина, предварительно подготовив его к предстоящему разговору.

Вопрос. И

вы это сделали?

Ответ.

Да, сделал. Я вызвал к себе Левина, заявил ему, что на очереди новые задачи, и предложил ему зайти к Енукидзе для подробного разговора. Помню, что и на сей раз пришлось пустить в ход угрозы, так как Левин пытался возражать. Во всяком случае, у Енукидзе Левин был и с ним беседовал уже о конкретных делах.

Вопрос.

Откуда вам это известно?

Ответ.

Мне об этом говорили и Левин, и Енукидзе. Левин явился ко мне на следующий день после своего разговора с Енукидзе с заявлением, что теперь ему все ясно, что он просит меня еще раз вызвать Плетнева, чтобы избавить его от лишних разговоров с ним. Енукидзе сообщил мне об этом разговоре следующее: он спросил Левина, кого он лечит и кто из членов Политбюро болен. Выяснилось, что Левин наблюдает за здоровьем Куйбышева. Енукидзе предложил Левину приступить к подготовке смерти Куйбышева.

Кроме того, тогда же Енукидзе сообщил мне, что центр организации считает необходимым подготовить таким же образом смерть А. М. Горького и что задание в отношении его Левину также дано. Я должен в интересах правдивости сказать, что это заявление Енукидзе меня огорошило. «При чем тут Горький?» — спросил я.

Из ответа Енукидзе я понял следующее: объединенный центр правотроцкистской организации в течение долгого времени пытался обработать Горького и оторвать его от близости к Сталину. В этих целях к Горькому были приставлены и Каменев, и Томский, и ряд других. Но реальных результатов это не дало. Горький по-прежнему близок к Сталину и является горячим сторонником и защитником его линии. При серьезной постановке [вопроса] о свержении сталинского руководства и захвате власти правотроцкистами, центр не может не учитывать исключительного влияния Горького в стране, его авторитет за границей. Если Горький будет жить, то он подымет свой голос протеста против нас. Мы не можем этого допустить. Поэтому объединенный центр, убедившись в невозможности отрыва Горького от Сталина, вынужден был вынести решение о ликвидации Горького. Выполнение этого решения поручено было мне через врачей, лечащих Горького. Мои попытки возразить не возымели своих результатов: Енукидзе предложил принять к исполнению решение центра. Через несколько дней я вызвал к себе Левина и вновь подтвердил ему то, что до меня было сказано ему Енукидзе.

Вопрос.

Речь, таким образом, шла о двух жертвах, которые были намечены объединенным центром правотроцкистской организации, — о товарищах В. В. Куйбышеве и А. М. Горьком?

Ответ.

Да, только о них.

Вопрос.

Почему только о них?

Ответ.

Я уже рассказал, как и почему возник вопрос об умерщвлении А. М. Горького. А о Куйбышеве встал вопрос потому, что это технически наиболее легко было осуществить: он болел часто и лечили его Левин с Плетневым.

Вопрос.

Нам известно, что в деле организации убийства тов. В. В. Куйбышева принимало участие еще одно лицо. Почему вы об этом не говорите?

Ответ. Я
этого не знаю.

Вопрос.
А помощника тов. Куйбышева Максимова вы разве не знаете?

Ответ.
Я лично его мало знаю. Но Енукидзе говорил мне, что он правый и что с ним есть договоренность о том, что он будет помогать Левину.

Вопрос.
Это не точно. Мы располагаем данными, что вы присутствовали при разговоре об этом Енукидзе с Максимовым.

Ответ. Я
этого не помню.

Вопрос.
А вот Максимов утверждает, что так именно это было.

Ответ.
Может быть, но я этого не помню. Я не могу ни отрицать, ни подтверждать этого.

Вопрос.
Переходите к изложению того, как были выполнены эти чудовищные, преступные дела ваши.

Ответ.
С Куйбышевым дело обстояло проще: осенью 1934 года он уехал в Среднюю Азию в длительную командировку. Уезжал он, как мне говорил Левин, совершенно больной. Но Левин и Плетнев заявили ему (оба смотрели его перед самым отъездом), что он в хорошем состоянии, и разрешили ему ехать. С собой в дорогу ему дали лекарство, прием которого пагубно действовал на его здоровье. Енукидзе говорил мне, что он уверен в том, что Куйбышев не вернется живым из этой командировки. Но он вернулся и вскоре умер от сердечного припадка, вызванного вмешательством «лечения» Левина и Плетнева.

Енукидзе был очень доволен обстоятельствами смерти Куйбышева, но помню, что однажды он с тревогой заявил мне, что в кругах членов Политбюро обстоятельства смерти Куйбышева вызывают сомнения. Откуда он это знал, мне не известно, но мы договорились о необходимости еще большей конспирации и временного прекращения вмешательства в здоровье Горького.

Вопрос.

Вы договорились отсрочить смерть тов. А. М. Горького, потому что испугались подозрений?

Ответ.

Пожалуй, так. Но это не надо понимать в таком смысле, что мы принимали какие-либо специальные меры к отмене нашего решения. Нет, мы просто не торопили врачей, и этим объясняется, что Горький прожил до лета 1936 года.

Вопрос.

А как было организовано убийство тов. А. М. Горького?

Ответ. Я

уже говорил об этом. За здоровьем Горького наблюдали Левин и Плетнев. Оба они были мною привлечены к делу умерщвления Горького и получили соответствующие задания.

Вопрос.

Выше вы говорили, что Левин, получив задание умертвить Горького, просил вас еще раз переговорить с Плетневым. Этот разговор ваш с Плетневым состоялся?

Ответ.

Да, состоялся.

Вопрос.

Перед Плетневым мне пришлось до некоторой степени раскрыть завесы политического смысла этих актов. Дело в том, что Плетнев в давние годы принимал участие в политической работе, он, кажется, примыкал к какой-то партии. Из материалов ОГПУ—НКВД мне было известно, что он не прекратил политической борьбы и вел активную антисоветскую деятельность. Кроме того, он имел довольно широкие связи в мире интеллигенции и пользовался популярностью и за границей. Поэтому я счел возможным заявить ему, что мы тоже ведем борьбу с Советской властью, и буржуазно-демократическая республика, которая придет на смену Советской власти, несомненно, во всех смыслах будет приемлема для него, Плетнева, больше, нежели ныне существующий строй. Я заявил ему, что акты в отношении Куйбышева и Горького — это звенья цепи нашей борьбы против сталинского руководства, поэтому он не смеет отказаться от участия в этом деле. Он не возражал.

Вопрос.

Значит, Плетнев пошел на убийство лучших людей Страны Советов по политическим соображениям?

Ответ.

На этот вопрос вернее было бы ответить: «И по политическим соображениям». Потому что, как я думаю, тут действовали, несомненно, и угрозы разоблачения, аресты и т. п., которыми (угрозами) я, признаю, пользовался.

Вопрос.
А Крючков был вами привлечен к делу убийства тов. А. М. Горького?

Ответ.
Как же, был привлечен и сыграл в этом деле серьезную роль. После дела с Максом Крючков был уже связан со мной узами совместного участия в преступлении. Я с ним не церемонился. Я ему рассказал обо всем. Я сообщил ему, что имею поручение умертвить Горького, и предложил повторить над Горьким все, что он раньше совершил над Максом.

Вопрос.
Вы сообщили ему, от кого исходит это поручение?

Ответ.
Да, я сказал ему, что речь идет об организации, которая ведет борьбу против сталинского руководства и которая идет к власти. Кажется, больше я ему ничего не говорил, но он, надо думать, многое знал от Буланова. Во всяком случае, Крючков получил от меня задание устроить так, чтобы Горький заболел, и он это сделал.

Вопрос.
Остановитесь на этом вопросе подробнее.

Ответ.
Не знаю, сумею ли я вспомнить все детали, но дело было так. Осенние и зимние месяцы Горький обычно проводил на своей даче в Крыму. Там с ним бывал и Крючков. Так было и в 1935 году. Перед отъездом мы условились с Крючковым, что там в Крыму Горький «заболеет», и он его, больного, привезет в Москву «лечиться» у Плетнева.

Так и было. Весной 1936 года Крючков мне неоднократно звонил из Крыма, что состояние здоровья Горького плохое и что, если его в таком состоянии вести в Москву, он, несомненно, приедет больным. Я не возражал, и Горький, приехав в Москву, сразу заболел. Тут же в ход были пущены Левин и Плетнев, и Горький был умерщвлен.

Вопрос.
Они применяли какие-нибудь особые средства к умертвлению Горького?

Ответ.
Нет, во всяком случае, мне об этом не известно. Ко мне они не обращались, может быть, они сами что-нибудь делали и мне не говорили.

Вопрос.

Вы говорите явную чепуху, без вашей санкции Левин и Плетнев не пошли бы на такое дело.

Ответ.

Это верно. Я утверждаю, что мне не известно, применяли ли Левин и Плетнев какие-либо особые средства к умерщвлению Горького. Я полагаю, что Горький умер от того, что при содействии Крючкова он заболел, а врачи Левин и Плетнев «залечили» его так, как они это до этого сделали с Максом и Куйбышевым.

Вопрос.

Резюмируем эту часть ваших показаний: 1) Убийство тт. Куйбышева и Горького произведено по решению объединенного центра правотроцкистской организации?

Ответ.

Да.

Вопрос.

2) Об этом решении вам стало известно от члена этого центра Енукидзе А. С?

Ответ

. Да.

Вопрос.

3) Организация и подготовка этих чудовищных убийств была проведена вами и Енукидзе?

Ответ

. Да.

Вопрос

4) К убийству т.т. Куйбышева и А. М. Горького были вами и Енукидзе привлечены Левин Л. Г., Плетнев Д. Д., Крючков П. П. и Максимов В. А.?

Ответ

. Да.

Вопрос.

5) По прямым вашим и Енукидзе заданиям намеченные центром правотроцкистской организации убийства были осуществлены?

Ответ

. Да.

Допрос прерывается

Записано с моих слов верно, мною прочитано
Генрих Ягода
.

Допросили:

Майор государств, безопасности
Коган

Старший лейтенант государств, безопасности
Лернер

ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 2. Л. 186–207.

Сведения считаются недостоверными. Профессор
Л. Г. Левин
и другие врачи были позже реабилитированы за отсутствием в их действиях состава преступления.

Протокол очной ставки между Ягодой Генрихом Григорьевичем и Левиным Львом Григорьевичем от 4 января 1938 года
После подтверждения взаимного знакомства и отсутствия личных счетов, были заданы следующие вопросы:

Вопрос Левину.
Вы дали показания о своей преступной связи с Ягодой Г. Г. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ Левина
Да, подтверждаю.

Вопрос Левину.
Вы показали, что по прямому указанию Ягоды вы приняли участие в умерщвлении Максима Алексеевича Пешкова. Когда и при каких обстоятельствах вы получили это указание Ягоды и осуществили умерщвление М. А. Пешкова?

Ответ Левина.
Указание умертвить М. А. Пешкова я получил от Ягоды в 1932 году. Это был год, когда я часто встречался с ним в доме у М. Горького. Первый разговор Ягоды со мною был относительно невинным, он очень отрицательно отзывался о М. Пешкове, назвав его никуда не годным человеком, пьяницей. Через несколько дней Ягода возобновил со мною

разговор о нем. На этот раз он сказал, что М. Пешков не только никому не нужный, но и вредный человек для своего отца, и поэтому лучше было бы ему прекратить свое существование.

Вопрос Ягоде.
Вы подтверждаете эти показания Левина?

Ответ Ягоды.
Да, подтверждаю.

Вопрос Левину.
Как конкретно вы договорились с Ягодой об умерщвлении М. Пешкова?

Ответ Левина.
Дав мне указание умертвить М. Пешкова, Ягода в этом же разговоре напомнил мне, что говорит со мною как лицо, возглавляющее ОГПУ, и что ослушаться его я не имею права. Я опускаю описание охватившего меня сомнения и того, насколько ошеломило меня предложение Ягоды. Это лишнее. Факт, что я принял его преступное задание к исполнению. Этот разговор со мною Ягода закончил тем, что предложил мне подыскать помощников в этом деле, а само дело хранить в строжайшей тайне.

Через несколько дней я опять встретился с Ягодой и сказал ему, что наиболее подходящим человеком в помощи для выполнения его преступного задания я считаю профессора Плетнева, потому что он, во-первых, по своим взглядам подходит для этого дела, во-вторых, он обычно, когда кто-либо заболевал в доме М. Горького, привлекался в качестве консультанта. Указал я еще на врача НКВД Виноградова, которого Ягода сам привлек к преступлению.

Вопрос Ягоде.
Правильно рассказывает Левин о вашем разговоре с ним по поводу умерщвления М. А. Пешкова?

Ответ Ягоды.
Да, правильно.

Вопрос Ягоде.
Врача Виноградова вы сами привлекли, без участия Левина?

Ответ Ягоды.
Да, но непосредственно мое задание Виноградову передал Буланов по моему поручению. Буланов знал от меня о готовящемся преступлении.

Вопрос Левину.

Вы назвали Ягоде профессора Плетнева и врача Виноградова как лиц, каких нужно привлечь к соучастию в умерщвлении М. Пешкова? Ягода показывает, что Виноградова он привлек через Буланова. А кто привлек Плетнева?

Ответ Левина.

Я лично в начале 1933 года привлек Плетнева к сочувствию в умерщвлении М. Пешкова. Зная, что проф. Плетнев антисоветски настроен, и что, если я сошлюсь на директиву Ягоды, он пойдет на преступление, я решился при первом удобном случае пойти на открытый с ним разговор. Случай представился лишь в начале 1933 года, и я убедился в правильности моих предложений: Плетнев дал согласие на соучастие в преступлении.

Вопрос Левину.

А Ягода лично говорил с Плетневым по вопросу об его соучастии?

Ответ Левина.

Да, Плетнев мне позже рассказал, что его вызывал по этому же вопросу Ягода.

Вопрос Ягоде.

Вы это подтверждаете?

Ответ Ягоды.

Да, подтверждаю.

Вопрос Ягоде.

Еще в каких преступных действиях принимал участие Левин по вашим заданиям?

Ответ Ягоды. В

умерщвлении Куйбышева и Максима Горького.

Вопрос Ягоде.

Как эти убийства были организованы, по чьему поручению?

Ответ Ягоды.

Это было задание объединенного правотроцкистского центра об уничтожении Куйбышева и М. Горького. В мае 1934 года у меня состоялась встреча с Енукидзе, который сообщил мне, что имеется решение объединенного правотроцкистского центра об уничтожении Куйбышева и М. Горького. Не стоит здесь говорить о моих возражениях Енукидзе, так как в результате моего разговора с Енукидзе я вызвал Левина и дал ему поручение ускорить смерть Куйбышева и М. Горького и предложил зайти по этому вопросу к Енукидзе.

Вопрос Левину.

Вы получили такое поручение от Ягоды?

Ответ Левина.

Получил. После смерти М. Пешкова — весною 1934 года. Ягода вызвал меня к себе и, отметив, что одно его преступное задание мною уже выполнено, заявил, что этим далеко не исчерпаны его задания, что я должен принять участие в убийстве членов Политбюро и М. Горького. Объяснив необходимость политических убийств, Ягода спросил меня, в отношении кого я мог бы выполнить его задания.

Я ответил, что могу это сделать в отношении Куйбышева, который часто хворал и у которого я поэтому часто бывал, и если необходимо, то как ни тяжело мне это, то то же самое и в отношении М. Горького. Ягода предупредил меня опять о сохранении разговора в строжайшей тайне, в противном случае, грозил он, я буду немедленно уничтожен. В качестве помощника в деле умертвления М. Горького он предложил мне секретаря Горького Крючкова, который, по словам Ягоды, если понадобится, окажет нам любую помощь.

Я подтверждаю показание Ягоды о том, что он меня направил к Енукидзе, который, кстати, был моим постоянным больным, и встреча поэтому не представляла никакого труда. Енукидзе первый спросил меня, говорил ли со мной Ягода, и, получив утвердительный ответ, стал распространяться о необходимости этих убийств, спросил меня, кого я могу на себя взять еще, кроме Куйбышева и М. Горького. Я ответил, что больше никого. Сказал я ему также, что помогать мне будут Плетнев и секретарь Горького Крючков, и на этом мы расстались.

Из моих показаний на следствии вы уже знаете, что и Куйбышев и М. Горький были умерщвлены.

Вопрос Левину.

Вы, таким образом, подтверждая свои предыдущие показания, еще раз заявляете, что умерщвление

Куйбышева и М. Горького было совершено при вашем участии, по прямому заданию Ягоды?

Ответ Левина.

Да.

К

умерщвлению Куйбышева и М. Горького меня привлек Ягода. Я не в силах был бороться с ним, и его преступные задания я выполнил.

Вопрос Ягоде.

Вы подтверждаете, что давали Левину преступные задания и он, выполняя их, принял участие в трех преступных актах — умерщвлении М. А. Пешкова, Максима Горького и тов. Куйбышева?

Ответ Ягоды.

Да, я это подтверждаю.

Протокол записан с наших слов правильно, нами прочитан.
Ягода
Левин
Очную ставку проводили:

Майор государств, безопасности
Коган

Нач. 5 отделения 4 отдела ГУГБ, капитан государств, безопасности
Герзон

Оперуполномоч. 4 отдела ГУГБ, ст. лейтенант государств, безопасности
Лернер

в присутствии зам. наркомвнудела СССР, комкора
Фриновского

ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 43. Л. 19–24.

Протокол очной ставки
между Ягодой Генрихом Григорьевичем и Крючковым Петром Петровичем от 5 января 1938 года
После взаимного знакомства и отсутствия личных счетов были заданы следующие вопросы:

Вопрос Крючкову.
Вы давали показания о своем участии в преступном умерщвлении сына М. Горького и самого Горького. Подтверждаете вы свои показания?

Ответ Крючкова.
Да, подтверждаю.

Вопрос Крючкову.
Вы эти преступления совершали по собственной инициативе или выполнили чьи-либо указания?

Ответ Крючкова. Я
совершил преступления по прямому указанию Ягоды.

Вопрос Ягоде.
Вы подтверждаете только что показанное Крючковым?

Ответ Ягоды.
Да, я привлек его к соучастию в умерщвлении М. А. Пешкова и М. Горького.

Вопрос Крючкову.

Расскажите, при каких обстоятельствах Ягода вас привлек к преступной деятельности?

Ответ Крючкова.

С Ягодой я познакомился в 1928 году. Ближе мы познакомились в 1932 году, когда я стал бывать у него на квартире и на даче. С М. Горьким я познакомился в 1928 году, начал у него работать в комиссии по улучшению быта ученых, а затем личным секретарем. В 1928 году продолжал работать секретарем у Горького, у меня впервые возникла мысль, что Алексей Максимович старится, может скоро умереть, и смерть его очень плачевно отразится на моем материальном положении. Живя у Горького, я привык к определенным условиям жизни, прямо говоря, хорошо жил.

В 1932 году Ягода, встречаясь со мною в доме у Горького, стал проявлять ко мне интерес и в беседах со мною затрагивать больной для меня вопрос, а именно: о моих перспективах после смерти М. Горького, указывая, что мне туго тогда придется. В 1932 году он начал мне намекать: «Петр Петрович, вам нужно думать о себе, что будет с вами после смерти М. Горького».

В 1933 году Ягода стал мне говорить, что два человека близко стоят около Горького — это я и сын его Макс, но после смерти Горького все останется Максу, а я окажусь приживальщиком Макса. Должен признаться, что он говорил в унисон моим собственным настроениям.

В том же 1933 году Ягода прямо мне заявил: «Вы заинтересованы в смерти Макса, вам трудно будет жить после смерти Горького, но дело не только в Максе, но и в самом Горьком, который мешает большим людям в той политике, которую они ведут, и смерть М. Горького развязала бы нам руки». Ягода сообщил мне, что в СССР предполагается переворот, будет новая государственная власть, которая будет содействовать и моим личным устремлениям (я тогда был связан с группой Авербаха). Я спросил Ягоду: «А что мне нужно делать?» Он ответил: «Нужно сначала устранить Макса — сына Горького. Вы с Максом пьете, продолжайте пить, а так как здоровье у него плохое, вино очень отрицательно действует на его организм, а остальное я доделаю».

Вопрос Ягоде.

Правильно излагает Крючков свои показания?

Ответ Ягоды.

Да, правильно.

Вопрос Ягоде.

Крючков показал, что он по вашему поручению участвовал в умерщвлении сына Горького — М. А. Пешкова. А в деле умерщвления самого Горького он принимал личное участие?

Ответ Ягоды.

Самое активное.

Вопрос Крючкову.

Ягода показывает, что вы принимали активное участие не только в умерщвлении М. А. Пешкова, но и М. Горького. Вы это подтверждаете?

Ответ Крючкова.

Да, подтверждаю.

Вопрос

Крючкову. Одни вы выполняли преступное задание Ягоды?

Ответ Крючкова.

Нет, в этом деле принимали участие доктор Левин и проф. Плетнев.

Вопрос Крючкова.

От кого вы узнали об их участии?

Ответ Крючкова. От Ягоды.

Вопрос Крючкову.

Сталкивались вы непосредственно с Левиным и Плетневым?

Ответ Крючкова.

Да, уже во время болезни М. Пешкова и Горького.

Вопрос Крючкову.

Вы преступные указания Ягоды выполнили и признаете себя в этом виновным?

Ответ

Крючкова. Признаю.

Вопрос Ягоде.

Вы говорили Крючкову, по чьему поручению вы дали ему задание умертвить Горького?

Ответ Ягоды.

Говорил и даже называл фамилии.

Вопрос Крючкову.

Вам Ягода говорил, от кого исходит задание умертвить Горького?

Ответ Крючкова.

Он говорил мне, что задание умертвить Горького продиктовано правотроцкистским лагерем, но не помню, чтобы он называл фамилии.

Заявление Ягоды. Я

прошу потребовать у Крючкова ответа, куда он дел некоторые документы Горького. Дело в том, что Горький мне неоднократно говорил, что он написал целый ряд заметок для составления биографий Сталина, Ворошилова и др. руководителей партии и обещал мне их прочесть. Однако прочесть их мне он не успел, как-то не пришлось.

Когда М. Горький умер, в архиве этих документов не оказалось. Эти документы чрезвычайно ценны. Ввиду того, что Крючков знал о предстоящей смерти Горького, я не сомневаюсь в том, что он эти документы забрал. Не передал ли он эти ценные документы за границу?

Вопрос Ягоде.

Мы по этому вопросу Крючкова допросили, а сейчас ответьте, признаете ли вы себя виновным в том, что дали задание Крючкову умертвить М. А. Пешкова и М. Горького, что Крючковым и было выполнено?

Ответ Ягоды

. Да, признаю.

Протокол записан с наших слов правильно, нами прочитан.

Ягода

Крючков

Очную ставку проводили:

Майор государств, безопасности

Коган

Майор государств, безопасности

Лулов

Оперуполномоченный 4 отдела ГУГБ, ст. лейтенант госбезопасности

Лернер

Оперуполномоченный 4 отдела ГУГБ, лейтенант госбезопасности

Церпенто

ЦА ФСБ. Д. Н-13614. Т. 43. Л. 25–29.

Ответы считаются недостоверными. П. П. Крючков (1889–1938) позже был реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Протокол очной ставки между Ягодой Генрихом Григорьевичем и Плетневым Дмитрием Дмитриевичем от 5 января 1938 года

После подтверждения взаимного знакомства и отсутствия личных счетов были заданы следующие вопросы:

Вопрос Ягоде.

Вы давали показания, что Д. Д. Плетнев был привлечен к участию в умертвлении Куйбышева и М. Горького. Подтверждаете вы свои показания?

Ответ Ягоды. Подтверждаю.

Вопрос Плетневу.

Вы давали показания, что принимали участие в этом преступлении. Подтверждаете вы свои показания?

Ответ Плетнева.

Да, подтверждаю.

Вопрос Ягоде.

Расскажите, при каких обстоятельствах вы привлекали Плетнева и в чем конкретно выразилась его роль?

Ответ Ягоды.

Когда я договорился с Левиным относительно его участия в умерщвлении Куйбышева и М. Горького, он заявил, что ему одному трудно будет выполнить мое задание, т. к. обычно на консультации, в случае болезни Куйбышева и Горького, обязательно присутствует Плетнев. Левин предложил привлечь и Плетнева и взял на себя миссию переговорить с ним. Я согласился, и через некоторое время Левин сообщил мне, что Плетнев согласен принять участие в умерщвлении Куйбышева и Горького, но необходимо, чтобы я лично с ним переговорил. Через некоторое время у меня был Плетнев. Я спросил его, говорил ли с ним Левин и, получив утвердительный ответ, я подтвердил ему необходимость его участия в этих преступлениях.

Вопрос Плетневу.

С вами Левин действительно говорил о вашем участии в умерщвлении Куйбышева и М. Горького?

Ответ Плетнева.

Да, говорил.

Вопрос Плетневу.

Что именно он вам говорил?

Ответ Плетнева.

Левин говорил мне о существовании больших разногласий внутри Советского правительства, и что Ягода относится к группе антагонистов, считающих, что сейчас

нужно направить атаку на своих противников и что Ягода будет со мной на эту тему говорить.

Вопрос Плетневу.
Левин с вами говорил от своего имени?

Ответ Плетнева.
Нет, он говорил со мною по поручению Ягоды.

Вопрос Плетневу.
Кого вы еще знаете из так называемых вами антагонистов? Вам назывались еще какие-либо фамилии?

Ответ Плетнева.
Нет.
В
предварительной со мной беседе Левин называл только Ягоду.

Вопрос Плетневу.
Изложите содержание беседы с вами Ягоды.

Ответ Плетнева. Я
был вызван в здание НКВД в кабинет Ягоды. Разговаривал со мной Ягода резким тоном, заявив, что имеет достаточные материалы для того, чтобы заставить меня подчиниться. Спросил, имел ли со мной разговор Левин. Когда я выразил колебание, т. к. подозревал, что это какая-то зондировка, тогда Ягода взял агрессивный тон, стал угрожать лично мне, моей семье и заявил, что если я попытаюсь куда-либо обратиться, то от него мне не уйти. Видя, что я испуган и сдаюсь, Ягода предложил мне держать связь с Левиным и всячески ему содействовать.

Вопрос Плетневу.
Ягода вам прямо поставил вопрос об участии в преступлении?

Ответ Плетнева.
Да, он сам мне назвал фамилии Куйбышева и Горького. Я дал согласие. Между прочим я ему сказал, что М. Горький в конце концов больной человек и не так активен и опасен, но Ягода заметил, что ввиду исключительно важной роли, какую играет Горький в стране, всякий срок укорочения его жизни имеет громадное значение.

Вопрос Плетневу.
Ягода вам не говорил, кто конкретно заинтересован в смерти Куйбышева и Горького?

Ответ Плетнева.

От Левина я услышал фамилию Енукидзе, как лица, представляющего организацию, заинтересованную в смерти Куйбышева и Горького.

Вопрос Ягоде.

Вы Плетневу говорили о решении антисоветского центра умертвить Куйбышева и М. Горького?

Ответ Ягоды.

Нет, я не считал возможным ему это сказать. Плетнев говорит правду.

Вопрос Плетневу.

После разговора с Ягодой вы вновь встречались с Левиным по вопросам, связанным с преступными заданиями?

Ответ Плетнева.

Да. Ягода ведь дал общее задание, а технически я и Левин выработали план вредительства в смысле лечения.

Вопрос Плетневу. И
в итоге преступный план был осуществлен?

Ответ Плетнева.

Да, я принимал участие в осуществлении плана.

Вопрос Плетневу.

Значит, можно констатировать, что вы, вместе с Левиным, по прямому заданию Ягоды принимали участие в умерщвлении, во-первых, товарища Куйбышева, во-вторых, Максима Горького?

Ответ Плетнева. Да.

Вопрос Ягоде.

Вы это подтверждаете?

Ответ Ягоды.

Да, задание мое было выполнено: люди умерли.

Протокол записан с наших слов правильно, нами прочитан.
Ягода
Плетнев

Очную ставку производили:

Сотрудник для особых поручений при нач. 4 отдела ГУГБ,

майор государств, безопасности
Коган

Начальник отделения 4 отдела ГУГБ,

капитан государств, безопасности
Герзон

Оперуполном. 4 отдела ГУГБ,

ст. лейтенант государств, безопасности
Лернер

в присутствии зам. народного комиссара внутренних дел Союза ССР комкора Фриновского

Нач. 4 отдела ГУГБ НКВД, ст. майора государств, безопасности
Литвина

ЦА ФСБ. Д. Н-13614. Т. 43. Л. 30–34.

Ответы считаются недостоверными. Профессор Д. Д. Плетнев позже был реабилитирован за отсутствием в его действиях состава преступления.

Протокол очной ставки между Левиным Львом Григорьевичем и Крючковым Петром Петровичем от 5 января 1938 года

После подтверждения взаимного знакомства и отсутствия личных счетов были заданы следующие вопросы:

Вопрос Крючкову.
Вы давали показания о своем участии в умертвлении сына Горького М. А. Пешкова и самого М. Горького. Подтверждаете вы это?

Ответ Крючкова. Подтверждаю.

Вопрос Крючкову.
Левин известен вам как соучастник этих преступлений?

Ответ Крючкова.
Да, он принимал участие в умертвлении М. А. Пешкова и М. Горького.

Вопрос Левину.
Вам известно было об участии Крючкова в преступлениях?

Ответ Левина.

Да, он принимал участие в умертвлении М. А. Пешкова и М. Горького. Узнал я это от Ягоды тогда, когда он дал мне задание уничтожить М. Пешкова. Я уже ранее показывал, что предложил Ягоде привлечь Плетнева, что он одобрил. В свою очередь Ягода мне сказал: «Вы хорошо знаете обстановку в доме у Горького, что ничего нельзя предпринять без секретаря Горького — Крючкова. Имейте в виду, что Петр Петрович (Крючков) будет в курсе дела, не будет мешать и, если понадобится помощь, обратитесь к нему». Вот таким образом я узнал об участии Крючкова.

Вопрос Крючкову.
Вы от кого узнали об участии Левина?

Ответ Крючкова.
От Ягоды. Это было в 1933 году, когда я разговаривал с Ягодой относительно устранения М. А. Пешкова. Он мне сказал, что нужно обратиться к доктору Виноградову и доктору Левину.

Вопрос Левину.
Когда вы впервые столкнулись с Крючковым как с соучастником по преступлению?

Ответ Левина.
Когда встал вопрос о необходимости ослабить организм Пешкова настолько, чтобы он захворал, я предложил обратиться к Крючкову, чтобы он воздействовал на слабую сторону Максима Пешкова, использовал его пристрастие к спиртным напиткам. С этим я обратился к Крючкову, предварительно спросив, говорил ли с ним Ягода. Он ответил утвердительно, и я договорился с ним, что он будет максимально спаивать М. Пешкова и добьется того, чтобы тот заболел. Крючков это выполнил и, когда Максим Пешков заболел, мы, т. е. я и Плетнев, уже действовали сами.

Вопрос Крючкову.
Вы подтверждаете только что показанное Левиным?

Ответ Крючкова.
Да, он говорит правду.

Вопрос Левину и Крючкову.
Таким образом, вы, получив задание от Ягоды умертвить М. А. Пешкова и М. Горького, выполнили эти преступления. Признаете себя в этом виновными?

Ответ Левина. Признаю.
Ответ Крючкова. Признаю.
Протокол записан с наших слов правильно, нами прочитан.
Левин
Крючков

Очную ставку производили:
Сотрудник для особ, поручений при нач. 4 отд. ГУГБ,

майор государств, безопасности
Коган

Сотрудник для особ, поручений при нач. 4 отд. ГУГБ,

майор государств, безопасности
Лулов

Нач. отделения 4 отдела ГУГБ,

капитан государств, безопасности
Герзон

Оперуполном. 4 отдела ГУГБ НКВД,

старш. лейтенант государств, безопасности
Лернер

Оперуполном. 4 отдела ГУГБ,

лейтенант государств, безопасности
Церпенто

ЦА ФСБ. Д. Н-13614. Т. 43. Л. 35–37.

Признания Л. Г. Левина и П. П. Крючкова позже были отвергнуты как недостоверные.

Сообщение
В. М. Киршона о поведении Ягоды в тюрьме
«Майору государственной безопасности тов. Журбенко
Ягода встретил меня фразой: «О деле говорить с вами не будем, я дал слово комкору на эти темы с вами не говорить».
Он начал меня подробно расспрашивать о своей жене, о Надежде Алексеевне Пешковой, о том, что о нем писали и говорят в городе.
Затем Ягода заявил мне: «Я знаю, что вас ко мне подсадили, а иначе бы не посадили, не сомневаюсь, что все, что я вам скажу или сказал бы, будет передано. А то, что вы мне будете говорить, будет вам подсказано. А кроме того, наш разговор записывают в тетрадку у дверей те, кто вас подослал».
Поэтому он говорил со мной мало, преимущественно о личном.
Я ругал его и говорил, что ведь он сам просил, чтоб меня посадили.
«Я знаю, — говорит он, — что вы отказываетесь. Я хотел просто расспросить вас об Иде, Тимоше, ребенке, родных и посмотреть на знакомое лицо перед смертью».
О смерти Ягода говорит постоянно. Все время тоскует, что ему один путь в подвал, что 25 января его расстреляют, и говорит, что никому не верит, что останется жив.
«Если б я был уверен, что останусь жив, я бы еще взял на себя бремя всенародно заявить, что я убийца Макса и Горького».
«Мне невыносимо тяжело заявить это перед всеми исторически и не менее тяжело перед Тимошей».

«На процессе, — говорит Ягода, — я, наверно, буду рыдать, что еще хуже, чем если б я от всего отказался».

Однажды, в полубредовом состоянии, он заявил: «Если все равно умирать, так лучше заявить на процессе, что не убивал, нет сил признаться в этом открыто».

Потом добавил: «Но это значит объединить вокруг себя контрреволюцию — это невозможно».

Говоря о Тимоше, Ягода упомянул однажды о том, что ей были переданы 15 тысяч долларов. Причем он до того изолгался, что стал уверять меня, что деньги эти без его ведома отправил на квартиру Пешковой Буланов, что, конечно, абсолютно абсурдно.

Ягода все время говорит, что его обманывают, обещав свидание с женой. Значит, обманывают и насчет расстрела. «А если б я увиделся с Идой, сказал бы несколько слов насчет сынка, я бы на процессе чувствовал себя иначе, все перенес бы легче».

Ягода часто говорит о том, как хорошо было бы умереть до процесса. Речь идет не о самоубийстве, а о болезни. Ягода убежден, что он психически болен. Плачет он много раз в день, часто говорит, что задыхается, хочет кричать, вообще раскис и опустился позорно.

1938 г. В. Киршон».

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 318. Л. 113–114.

В. М. Киршон (1902–1938),

большевик с 1920 года, советский писатель и драматург.

Протокол допроса обвиняемого

10 января 1938 года следователь по важнейшим делам при прокуроре СССР Л. Р. Шейнин и прокурор СССР А. Я. Вышинский допрашивали нижепоименованного в качестве обвиняемого с соблюдением ст. ст. 135–138 Уг. процесс, кодекса.

1. Фамилия, имя, отчество или прозвище

Ягода Генрих Григорьевич

Все свои показания, данные ранее, в которых я признал свое участие в правотроцкистском контрреволюционном заговоре и сообщил о своей преступной, изменнической и террористической деятельности, подтверждаю полностью.

По существу данных мне вопросов отвечаю:

Начало моего участия в контрреволюционном заговоре правых относится к 1928 году, когда я говорил с Рыковым, что, используя свое положение в ОГПУ, я буду делать все возможное для прикрытия контрреволюционной деятельности правых.

В 1930 году я присутствовал на заседании у Томского, где обсуждался вопрос о блоке правых с троцкистами, о захвате власти, об организации государственного переворота.

В 1931 году наша контрреволюционная организация стала на путь террора и организации кулацких восстаний. Разумеется, я, как член этой же организации, полностью разделял эти позиции и должен отвечать за это.

Я признаю, что еще в 1929 году я передавал Бухарину нарочно подобранные секретные тенденциозные материалы о положении в деревне.

Признаю также, что по указанию контрреволюционной организации правых я назначил начальником СПО Молчанова, который является членом к.-р. организации правых.

В НКВД мною была создана контрреволюционная группа из числа отдельных сотрудников НКВД, привлеченных мною к контрреволюционной деятельности. О деятельности этой контрреволюционной группы и ее составе я подробно показывал ранее. Подтверждаю также данные мною ранее показания о своем участии в убийстве С. М. Кирова.

О том, что убийство С. М. Кирова готовится по решению центра заговора, я знал заранее от Енукидзе. Енукидзе предложил мне не чинить препятствий организации этого террористического акта, и я на это согласился. С этой целью мною был вызван из Ленинграда Запорожец, которому я дал указания не чинить препятствий готовившемуся террористическому акту над С. М. Кировым.

Запорожец после освобождения убийцы С. М. Кирова Николаева, когда Николаев был задержан в первый раз, мне об этом сообщил.

После совершения убийства С. М. Кирова с моей стороны была попытка «потушить» расследование по этому делу. Однако в этом мне помешал Н. И. Ежов, который осуществлял по поручению ЦК неослабный контроль за ходом расследования по делу об убийстве С. М. Кирова.

Я подтверждаю, что был осведомлен Караханом о переговорах, которые он вел по поручению блока с германскими фашистскими кругами. Я был также осведомлен и о том, что правотроцкистский блок дал свое согласие и обещание на территориальные уступки Германии после прихода блока к власти.

Признаю также, что я был в курсе пораженческой позиции, занимаемой правотроцкистским блоком.

Во время приезда в СССР Лаваля я организовывал покушение на его жизнь. Это делалось по прямой директиве германских

фашистских кругов, полученной правотроцкистским заговорщическим блоком. Естественно, что, выполняя эту директиву, я фактически выполнял указание германских фашистов. Мои конкретные действия, направленные к организации убийства Лаваля, подробно изложены в моих предыдущих показаниях, которые я полностью подтверждаю.

Переходя к вопросу о своей террористической деятельности, я должен сказать, что я вообще не был сторонником идеи дворцового переворота. Однако я не отрицаю своей лично террористической деятельности и хочу лишь сказать, что я был вынужден это делать в силу положения, как участник заговора.

Вопрос.

А кто вас вынуждал ускорять смерть тов. Менжинского?

Ответ.

Это преступление я совершил из личных целей, т. к. был заинтересован в устранении Менжинского.

Вопрос.

А кто вас вынуждал добиваться смерти Максима Пешкова?

Ответ.

И это преступление я совершил из личных целей.

Вопрос.

Вы подготовляли убийство товарища Н. И. Ежова?

Ответ.

Да, вынужден признать, что я подготовлял это преступление. Организовывая подготовку убийства, я исходил из стремления устранить Ежова как человека, опасного

для контрреволюционного заговора и могущего разоблачить нашу контрреволюционную деятельность. Мною ранее подробно изложены конкретные обстоятельства подготовки мною этого террористического акта.

Я признаю также, что организовал ускорение смерти А. М. Горького. Я действительно предложил доктору Левину, секретарю Горького Крючкову принять все необходимые меры к тому, чтобы ускорить смерть А. М. Горького. Подробности этого преступления мною показаны в предыдущих показаниях.

Должен добавить, что ускорение смерти Горького, т. е. фактически его убийство путем заведомо неправильного лечения, было организовано мною по решению центра блока, переданному мне Енукидзе. Это решение было вызвано тем, что Горький был известен как активный сторонник политики ЦК и близкий друг Сталина. Вследствие этого блок считал необходимым физически устранить А. М. Горького, т. к. он несомненно явился бы в случае переворота нашим активным и опасным противником.

Подтверждаю также, что мною по решению правотроцкистского блока было организовано ускорение смерти В. В. Куйбышева. К этому делу я привлек профессора Плетнева, который и ускорил смерть В. В. Куйбышева путем заведомо неправильного его лечения, то есть фактически совершил его убийство.

Подробности этих преступлений изложены мною ранее. Никаких жалоб и претензий я не имею. Протокол мне прочитан, записан верно.

Г. Ягода

Допросили:

Прокурор Союза ССР

А. Вышинский

Следователь по важнейшим делам

Л. Шейнин

ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 2. Л. 208–210.

Вышинский А. Я. (1883–1954),

в 1933–1939 годах зам. прокурора и прокурор СССР.

Шейнин Л. Р. (1906–1967),

в 1923–1950 годах работал в суде и Прокуратуре СССР.

Совершенно секретно

Стенографический протокол

закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР 9 марта 1938 года

Комендант суда.

Суд идет, прошу встать.

Председательствующий.
Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается. Подсудимый Ягода, что вы желаете сказать об обстоятельствах умерщвления Максима Пешкова?

Ягода. Я
подтверждаю свои показания и показания Левина по этому вопросу. Ввиду того, что это — сугубо личный вопрос, я просил бы суд освободить меня от подробных объяснений по этому вопросу.

Председательствующий.
Вы, обвиняемый Ягода, просили весь вопрос перенести в закрытое заседание. Мы согласились. Вы не отрицаете, что вы способствовали умерщвлению Пешкова?

Ягода. Я
повторяю: я подтверждаю свои показания, данные на предварительном следствии.

Вышинский.
То есть ваше соучастие в организованном вами умерщвлении Пешкова вы подтверждаете?

Ягода.
Подтверждаю.

Вышинский.
Вы только говорите, что мотивы не хотите раскрывать?

Ягода.
По-моему, не стоит.

Вышинский.
Это убийство было совершенно на почве личных интересов или общественных?

Ягода.
Я сказал: ввиду личных отношений.

Вышинский.
То есть, так как это убийство было организовано на почве личных интересов, то вы не желаете об этом подробно говорить?

Ягода. Да.

Председательствующий

(к прокурору).
Больше вопросов к другим подсудимым у вас нет?

Вышинский. Нет.

Председательствующий.
Заседание закрывается.

Председательствующий армвоенюрист
В. Ульрих
Секретарь: военный юрист 1 ранга
Башнер

ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 65. Л. 78–79.

Глава 8
СТАЛИН И ЕЖОВ

«26 октября 1938 года
Только лично
Народному Комиссару
Николаю Ивановичу Ежову

Я хочу объяснить Вам в этом письме, как могло случиться, чтобы я, — после девятнадцати лет безупречной службы партии и Советской власти, после тяжелых лет подполья, после моей активнейшей и полной самопожертвования борьбы последних двух лет в условиях ожесточенной войны, после того, как партия и правительство наградили меня за боевую работу орденами Ленина и Кр. Знамени, — ушел от Вас.

Вся моя безупречная жизнь, полная служением интересам пролетариата и Сов. власти, прошла перед глазами партии и коллектива работников нашего наркомата…

9 июля я получил телеграмму, лишенную всякого оперативного смысла, в которой я ясно прочел, что по диким и совершенно непонятным мотивам устраивается ловушка на специально посланном для захвата меня пароходе «Свирь».

В телеграмме предлагалось мне явиться в Антверпен 14 июля, куда на этом пароходе прибудет «товарищ, которого я знаю лично». «Желательно, — гласила телеграмма, — чтобы первая встреча произошла на пароходе…» Для «обеспечения конспиративности встреч» телеграмма предлагала мне поехать на дипломатической машине нашего посольства во Франции в сопровождении ген консула…

Я анализировал телеграмму: почему первая встреча должна произойти именно на пароходе? Зачем, если не для того, чтобы оглушить меня и увезти уже как заведомого врага. Почему меня должен сопровождать генконсул в дипломатической машине, если не для того, чтобы не спускать с меня глаз по пути и, в случае заминки у парохода, засвидетельствовать властью консула, что я — сумасшедший, контуженный в Испании, которого заботливо везут в СССР. Сопровождение меня в дип. машине не объяснялось в телеграмме интересами обеспечения конспиративности встреч…

Эта бездарная в оперативном отношении телеграмма просто являлась плохой дымовой завесой для заготовленной для меня, человека ни в чем не повинного, коварной ловушки. Для меня стало ясно, что руководитель отдела переусердствовал в «чистке» аппарата и пытался укрепить свою карьеру намерением выдать меня… за преступника,

которого необходимо ухищрениями, кстати, очень бездарными, заманить на пароход как врага народа, и потом кричать «ура» и ждать награждения, как за хорошо проведенную операцию. Таким образом я узнал, что моя судьба предрешена и что меня ждет смерть.

Я перед собой ставил вопрос: имею ли я право, как партиец, даже перед угрозой неминуемой смерти отказаться от поездки домой. Товарищи, работавшие со мной, хорошо знают, что я неоднократно рисковал жизнью, когда это требовалось для дела партии.

Я систематически находился под ожесточенными бомбардировками. Вместе с морским атташе я в течение двух недель под бомбами фашистской авиации разгружал пароходы с боеприпасами (хотя это не входило в мою обязанность). Я неоднократно жертвовал своей жизнью при выполнении известных Вам боевых заданий. На расстоянии трех шагов в меня стрелял известный Вам белогвардеец, как в ненавистного большевика. Когда в результате автомобильного крушения у меня был сломан позвоночный столб (2 позвонка), я, будучи наглухо залит гипсом, вопреки запрету врачей не бросил работы, а систематически разъезжал по фронтам и городам, куда меня звали интересы борьбы с врагом…

Никогда партия не требовала от своих членов бессмысленной смерти, к тому же еще в угоду преступным карьеристам.

Но даже не это, не угроза беззаконной и несправедливой расправы остановила меня от поездки на пароход… Сознание, что после расстрела меня, ссылки или расстрела моей жены, моя 14-летняя больная девочка окажется на улице, преследуемая детьми и взрослыми как дочь «врага народа», как дочь отца, которым она гордилась как честным коммунистом и борцом, — выше моих сил.

Я не трус. Я бы принял и ошибочный, несправедливый приговор, сделав последний, даже никому не нужный, жертвенный шаг для партии, но умереть с сознанием того, что мой больной ребенок обречен на такие жуткие муки и терзания, — выше моих сил.

Мог ли я рассчитывать по прибытии в СССР на справедливое разбирательство моего дела? — Нет и еще раз нет! Вот мотивы:

1. Факт не открытого вызова меня домой, а организация западни на пароходе уже предопределила все. Я уже был занесен в список врагов народа еще до того, как моя нога вступила бы на пароход.

2. Я оказался бы в руках преступника Дугласа, который из низменных личных побуждений уничтожил двух честнейших коммунистов.

Этого мало. Мне известно, что Дуглас дал распоряжение об уничтожении героя войны Вальтера, добровольно проведшего шестнадцать месяцев на передовой линии огня. Имя этого Вальтера является одним из нескольких популярнейших имен, известных каждому солдату. Это распоряжение было отдано Дугласом на основании необоснованных слухов, что у него, мол, «нездоровые настроения, могущие привести к невозвращенчеству…».

Честные люди не пошли на исполнение этого преступного приказа. Вальтер вскоре добровольно поехал домой с радостным чувством выполненного задания партии. Есть много других примеров, характеризующих преступность этого человека (Д.), готового из карьеристских мотивов погубить десятки заведомо честных людей и партийцев, лишь бы создать видимость оперативной работы и успешной борьбы с врагами.

В поисках популярности этот карьерист Дуглас в присутствии большинства моих работников выбалтывал ряд важнейших ведомственных тайн. Он терроризировал моих сотрудников перечислением десятков фамилий наших бывших работников, расстрелянных без суда (в освещении, достойном «Нового времени»). Сам Дуглас, да и кроме него даже честные работники, приезжавшие из дому, терялись в догадках: на основании чего были признаны шпионами и расстреляны без суда даже такие наши работники, которые пользовались полным доверием, в то время как с их бывшей сетью продолжают работать и поныне? И действительно, если П., например, был шпионом, то

как же продолжают работать с таким человеком, как «Тюльпан», которого он сдал. Как он не предал «Тюльпана»? Или если М. был шпион, то как же он не предал «Вайзена», «Зенхена» и других, с которыми продолжают работать до сих пор.

Вот вкратце причины, заставившие меня, человека, преданного партии и СССР, не идти на заготовленную мне карьеристом и преступником Дугласом ловушку на пароходе.

Я хочу, чтобы Вы по-человечески поняли всю глубину переживаемой мною трагедии преданного партийца, лишенного партии, и честного гражданина, лишенного своей родины.

Моя цель — довести своего ребенка до совершеннолетия.

Помните всегда, что я не изменник партии и своей стране. Никто и ничто не заставит меня никогда изменить делу пролетариата и Сов. власти. Я не хотел уйти из нашей страны, как не хочет рыба уйти из воды. Но преступные деяния преступных людей выбросили меня как рыбу на лед… По опыту других дел знаю, что Ваш аппарат бросил все свои силы на мое физическое уничтожение. Остановите своих людей! Достаточно, что они ввергли меня в глубочайшее несчастье, лишив меня завоеванного моей долголетней самоотверженной работой права жить и бороться в рядах партии, лишив меня родины и права жить и дышать одним воздухом совместно с советским народом.

Если Вы меня оставите в покое, я никогда не стану на путь, вредный партии и Сов. Союзу. Я не совершил и не совершу ничего против партии и н. страны.

Я даю торжественную клятву: до конца моих дней не проронить ни слова, могущего повредить партии, воспитавшей меня, и стране, взрастившей меня.

Швед».

«В Политбюро ЦК ВКП(б)
23 ноября 1938 года
Тов. Сталину
Совершенно секретно
…

Прошу ЦК ВКП(б) освободить меня от работы по следующим мотивам:

1. При обсуждении на Политбюро 19-го ноября 1938 года заявления начальника УНКВД Ивановской области т. Журавлева целиком подтвердились изложенные в нем факты. Главное, за что я несу ответственность, это то, что т. Журавлев, как это видно из заявления, сигнализировал мне о подозрительном поведении Литвина, Радзивиловского и других ответственных работников НКВД, которые пытались замять дела некоторых врагов народа, будучи сами связаны с ними по заговорщицкой антисоветской деятельности. В частности, особо серьезной была записка т. Журавлева о подозрительном поведении Литвина, всячески тормозившего разоблачение Постышева, с которым он сам был связан по заговорщицкой работе. Ясно, что, если бы я проявил должное большевистское внимание и остроту к сигналам т. Журавлева, враг народа Литвин и другие мерзавцы были бы разоблачены давным-давно и не занимали бы ответственных постов в НКВД.

2. В связи с обсуждением записки т. Журавлева на заседании Политбюро были вскрыты и другие, совершенно нетерпимые недостатки в оперативной работе органов НКВД. Главный рычаг разведки — агентурно-осведомительная работа оказалась поставленной из ряда вон плохо. Иностранную разведку, по существу, придется создавать заново, так как И НО был засорен шпионами, многие из которых были резидентами за границей и работали с подставленной иностранными резидентами агентурой. Следственная часть также страдает рядом существенных недостатков. Главное же здесь в том, что следствие с наиболее важными арестованными во многих случаях вели неразоблаченные еще заговорщики из НКВД, которым удавалось, таким образом, не давать разворота делу вообще, тушить его в самом начале и, что важнее всего, — скрывать своих соучастников по заговору из работников ЧК. Наиболее запущенным

участком в НКВД оказались кадры. Вместо того чтобы учитывать, что заговорщикам из НКВД и связанным с ними иностранным разведкам за десяток лет минимум удалось завербовать не только верхушку ЧК, но и среднее звено, а часто и низовых работников, я успокоился на том, что разгромил верхушку и часть наиболее скомпрометированных работников среднего звена. Многие из вновь выдвинутых, как теперь выясняется, также являются шпионами и заговорщиками. Ясно, что за все это я должен нести ответственность.

3. Наиболее серьезным упущением с моей стороны является выяснившаяся обстановка в отделе охраны членов ЦК и Политбюро. Во-первых, там оказалось значительное количество неразоблаченных заговорщиков и просто грязных людей от Паукера. Во-вторых, заменивший Паукера, застрелившийся впоследствии Курский, сейчас арестованный Дагин также оказались заговорщиками и насадили в охранку немало своих людей. Последним двум начальникам охраны я верил как честным людям. Ошибся и за это должен нести ответственность. Не касаясь ряда объективных фактов, которые в лучшем случае могут кое-чем объяснить плохую работу, я хочу остановиться только на моей персональной вине как руководителя Наркомата. Во-первых, совершенно очевидно, что я не справился с работой такого ответственного Наркомата, не охватил всей суммы сложнейшей разведывательной работы. Вина моя в том, что я вовремя не поставил этот вопрос со всей остротой, по-большевистски, перед ЦК ВКП(б). Во-вторых, вина моя в том, что, видя ряд крупнейших недостатков в работе, больше того, даже критикуя эти недостатки у себя в Наркомате, я одновременно не ставил этих вопросов перед ЦК ВКП(б). Довольствуясь отдельными успехами, замазывая недостатки, барахтаясь один, пытался выправить дело. Выправлялось туго — тогда нервничал. В-третьих, вина моя в том, что я чисто делячески подходил к расстановке кадров. Во многих случаях, политически не доверяя работнику, затягивал вопрос с его арестом, выжидал, пока подберут другого. По этим же деляческим

мотивам во многих работниках ошибся, рекомендовал на ответственные посты, и они разоблачены сейчас как шпионы. В-четвертых, вина моя в том, что я проявил совершенно недопустимую для чекиста беспечность в деле решительной очистки отдела охраны членов ЦК и Политбюро. В особенности эта беспечность непростительна в деле затяжки ареста заговорщиков по Кремлю (Брюханова и др.). В-пятых, вина моя в том, что, сомневаясь в политической честности таких людей, как бывший начальник УНКВД ДВК предатель Люшков и в последнее время Наркомвнудел Украинской ССР председатель Успенский, не принял достаточных мер чекистской предупредительности и тем самым дал возможность Люшкову скрыться в Японии и Успенскому пока неизвестно куда, розыски которого продолжаются. Все это, вместе взятое, делает совершенно невозможным мою дальнейшую работу в НКВД. Еще раз прошу освободить меня от работы в Наркомате внутренних дел СССР. Несмотря на все эти большие недостатки и промахи в моей работе, должен сказать, что при повседневном руководстве ЦК НКВД погромил врагов здорово.

Даю большевистское слово и обязательство перед ЦК ВКП(б) и перед тов. Сталиным учесть все эти уроки в своей дальнейшей работе, учесть свои ошибки, исправиться и на любом участке, где ЦК считает необходимым меня использовать, — оправдать доверие ЦК.

Ежов

Прошу Вас отдать распоряжение не трогать моей старухи-матери. Ей 70 лет. Она ни в чем не повинна. Я последний из четырех детей, которых она потеряла. Это больное, несчастное существо».

Выписка из решений Политбюро ЦК ВКП(б) «Протокол № 65а от 24 ноября 1938 г. П. 160. Заявление т. Ежова Н. И.

Рассмотрев заявление тов. Ежова с просьбой об освобождении его от обязанностей наркома внутренних дел СССР и принимая во внимание как мотивы, изложенные в этом заявлении, так и его болезненное состояние, не дающее ему возможности руководить одновременно двумя большими наркоматами, — ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Удовлетворить просьбу тов. Ежова об освобождении его от обязанностей народного комиссара внутренних дел СССР.

2. Сохранить за тов. Ежовым должности секретаря ЦК ВКП(б), председателя комиссии партийного контроля и наркома водного транспорта.

Секретарь ЦК Я.
Сталин».

Ежова арестовали 10 апреля 1939 года.

..

«Начальнику 3 спецотдела НКВД полковнику тов. Панюшкину

Рапорт

Докладываю о некоторых фактах, обнаружившихся при производстве обыска в квартире арестованного по ордеру 2950 от 10 апреля 1939 года Ежова Николая Ивановича в Кремле.

1. При обыске в письменном столе в кабинете Ежова в одном из ящиков мною был обнаружен незакрытый пакет с бланком «Секретариат НКВД», адресованный в ЦК ВКП(б) Н. И. Ежову, в пакете находилось четыре пули (три от патронов к пистолету «Наган» и одна, по-видимому, к револьверу

«Кольт»).

Пули сплющены после выстрела. Каждая пуля была завернута в бумажку с надписью карандашом на каждой «Зиновьев», «Каменев», «Смирнов» (причем в бумажке с надписью «Смирнов» было две пули). По-видимому, эти пули присланы Ежову после приведения в исполнение приговора над Зиновьевым, Каменевым и др. Указанный пакет мною изъят.

2. Изъяты мною при обыске пистолеты «Вальтер» № 623573, калибра 6,35; «Браунинг» калибра 6,35 № 104799 — находились запрятанными за книгами в книжных шкафах в разных местах. В письменном столе, в кабинете, мною был обнаружен пистолет «Вальтер» калибра 7,65, № 777615, заряженный, со сломанным бойком ударника.

3. При осмотре шкафов в кабинете в разных местах за книгами были обнаружены 3 полбутылки (полные) пшеничной водки, одна полбутылка с водкой, выпитой до половины, и две пустые полбутылки из-под водки. По-видимому, они были расставлены в разных местах намеренно.

4. При осмотре книг в библиотеке мною обнаружены 115 штук книг и брошюр контрреволюционных авторов, врагов народа, а также книг заграничных белоэмигрантских: на русском и иностранных языках.

Книги, по-видимому, присылались Ежову через НКВД. Поскольку вся квартира мною опечатана, указанные книги оставлены в кабинете и собраны в отдельном месте.

5. При производстве обыска на даче Ежова (совхоз Мещерино) среди других книг контрреволюционных авторов, подлежащих изъятию, изъяты две книги в твердых переплетах под названием «О контрреволюционной троцкистско-зиновьевской

группе». Книги имеют титульный лист и печатного текста по содержанию текста страниц на 10–15, а далее до самого конца текста не имеют — сброшюрована совершенно чистая бумага.

При производстве обыска обнаружены и изъяты разные материалы, бумаги, рукописи, письма и записки личного и партийного характера, согласно протокола обыска.

Пом. начальника 3 спецотдела НКВД

Капитан государственной безопасности
Щепилов

11 апреля 1939 года»,
«Народному комиссару
внутренних дел Союза ССР
Комиссару государственной
безопасности первого ранга
Тов. Берия
Рапорт

Согласно вашего приказания о контроле по литеру «Н» писателя Шолохова доношу: в последних числах мая поступило задание о взятии на контроль прибывшего в Москву Шолохова, который с семьей остановился в гостинице «Националь» в 215 номере. Контроль по указанному объекту длился с 3.06. по 11.06.38 г. Копии сводок имеются.

Примерно в середине августа Шолохов снова прибыл в Москву и остановился в той же гостинице. Так как было приказание в свободное от работы время включаться самостоятельно в номера гостиницы и при наличии интересного разговора принимать необходимые меры, стенографистка Королева включилась в номер Шолохова и, узнавши его по голосу, сообщила мне, нужно ли контролировать. Я сейчас же об этом доложил Алехину, который и распорядился продолжать контроль. Оценив инициативу Королевой, он распорядился премировать ее, о чем был составлен проект приказа. На второй день заступила на дежурство стенографистка Юревич, застенографировав пребывание жены тов. Ежова у Шолохова.

Контроль за номером Шолохова продолжался еще свыше десяти дней, вплоть до его отъезда, и во время контроля была зафиксирована интимная связь Шолохова с женой тов. Ежова.

Зам начальника первого отделения 2-го специального отдела НКВД лейтенант госбезопасности
(Кузьмин)

12 декабря 1938 года».
«УТВЕРЖДАЮ
Начальник Следственной части НКВД СССР
Комиссар госбезопасности 3 ранга
Кобулов
11 июня 1939 года

Постановление
г. Москва, 1939 года, 10 дня

Я, ст. следователь Следчасти НКВД СССР, ст. лейтенант Государственной Безопасности Сергиенко, рассмотрев материалы, поступившие на Ежова Николая Ивановича, 1895 г. р., из рабочих, русского, с низшим образованием, состоявшим членом ВКП(б) с 1917 года, судимого в 1919 году Военным Трибуналом запасной армии республики и осужденного к одному году тюремного заключения — условно, занимавшего пост Народного Комиссара Водного Транспорта СССР и проживавшего в г. Москве, — нашел:

Показаниями своих сообщников, руководящих участников антисоветской, шпионско-террористической заговорщической организации Фриновского, Евдокимова, Дагина и другими материалами расследования Ежов изобличается в изменнических, шпионских связях с кругами Польши, Германии, Англии и Японии.

Запутавшись в своих многолетних связях с иностранными разведками и начав с узкошпионских функций передачи им сведений, представлявших специально охраняемую государственную тайну СССР, Ежов затем по поручению правительственных кругов Германии и Польши перешел к более широкой изменнической работе, возглавив в 1936 году антисоветский заговор в НКВД и установив контакт с нелегальной военно-заговорщической организацией РККА. Конкретные планы государственного переворота и свержения Советского правительства Ежов и его сообщники строили в расчете на военную помощь Германии, Польши и Японии, взамен чего обещая правительствам этих стран территориальные и экономические уступки за счет СССР.

Для практического осуществления этих предательских замыслов Ежов систематически передавал германской и польской разведкам совершенно секретные экономические и военные сведения, характеризующие внутриполитическое положение и оборонную мощь СССР.

В этих же антисоветских целях Ежов сохранял и насаждал шпионские и заговорщические кадры в различных партийных, советских, военных и прочих организациях СССР, широко проводя подрывную, вредительскую работу на важнейших участках партийной, советской и в особенности военной и наркомвнудельской работы, как в центре, так и на местах, провоцируя недовольство трудящихся и ослабляя военную мощь Советского Союза.

Подготовляя государственный переворот, Ежов готовил через своих единомышленников по заговору террористические кадры, предполагая пустить их в действие при первом удобном случае. Ежов и его сообщники Фриновский, Евдокимов и Дагин практически подготовили на 7 ноября 1938 года путч, который, по замыслу его вдохновителей, должен был выразиться в совершении террористических акций против руководителей партии и правительства во время демонстрации на Красной площади в Москве.

Через внедренных заговорщиками в аппарат Наркомвнудела и дипломатические посты за границей Ежов и его сообщники стремились обострить отношения СССР с окружающими странами в надежде вызвать военный конфликт, в частности, через группу заговорщиков работников полпредства в Китае Ежов проводил вражескую работу в том направлении, чтобы ускорить разгром китайских национальных сил, обеспечить захват Китая японскими империалистами и тем самым подготовить нападение Японии на советский Дальний Восток.

Действуя в антисоветских и корыстных целях, Ежов организовал ряд убийств неугодных ему людей, а также имел половое сношение с мужчинами (мужеложство).

Руководствуясь статьей 91 УКП, постановил:

Приговорить Ежова Н. И. к уголовной ответственности по признакам ст. ст. 58-1 «а», 58-5, 19–58 п.п. 2 и 8, 58-7, 136 «г», 154 «а» ч. 2 УК РСФСР и приступить к следственному производству по его делу.

Меру пресечения способов уклонения от следствия и суда оставить прежнюю — содержание под стражей.

Справка: Ежов Н. И. арестован 10 апреля 1939 года и содержится под стражей в Сухановской особой тюрьме НКВД СССР.

Ст. следователь следственной части НКВД СССР

Ст. лейтенант госуд. безопасности
Сергиенко».

Записка из тюрьмы (без даты, между 12 и 16 июня 1938 г.)

«Лаврентий! Несмотря на всю суровость выводов, которых я заслужил и воспринимаю по партийному долгу, заверяю тебя по совести в том, что преданным партии, т. Сталину остаюсь до конца. Твой

Ежов».

Из показаний подследственного С. Б. Жуковского от 31 мая 1938 г.

«В

состав отдела по распоряжению Ежова были переданы некоторые отделения, в том числе специальная химическая лаборатория на Мещанской улице. До перехода в состав 12-го оперативно-технического отдела НКВД руководителями этой лаборатории были сотрудники НКВД Серебровский и Сырин. Когда я возглавил этот отдел, начальником лаборатории был назначен мною инженер-химик Осинкин.

По заданию заместителя наркома внутренних дел комкора Фриновского задачей лаборатории должно было быть: изучение средств диверсионной работы, снотворных средств, ядов и методов тайнописи для целей оперативной работы. По распоряжению Фриновского был также установлен порядок пользования указанными средствами для оперативной работы. Оперативный отдел, который желал для своих целей получить, например, снотворное средство, мог его получить только с санкции наркома или заместителя наркома — начальника ГУГБ.

Этим отменялся существующий порядок, по которому средствами лаборатории могли пользоваться по усмотрению начальника лаборатории. При передаче лаборатории в ведение 12-го отдела выяснилось, что в ее составе было всего два научных работника, оба беспартийных, и никакой серьезной разработки средств для оперативной работы не велось. В связи с этим при помощи аппарата ЦК ВКП(б) были получены три научных работника — инженер Осинкин и доктор Майрановский, члены партии, и еще один комсомолец, фамилию его не помню. Кроме того, для работы в лаборатории были использованы заключенные профессор Либерман по зажигательным средствам и инженер Горский по отравляющим веществам.

По просьбе спецгруппы Серебрянского и с разрешения Фриновского велась разработка химического средства, способного быстро воспламенить сырую нефть. Эту работу вел заключенный профессор Либерман, опыты проводились на опытной станции Пожарного управления по шоссе Энтузиастов. По заданию иностранного отдела в лице бывшего начальника отдела Слуцкого и с разрешения Фриновского велась разработка снотворного средства. Работу эту вел указанный выше сотрудник-комсомолец. По заданию того же иностранного отдела и с разрешения Фриновского велась разработка яда. Работу эту вели сотрудники Щего-лева и доктор Майрановский.

Непосредственное руководство лабораторией, а также хранение и выдача средств с разрешения руководства наркомата, то есть Ежова и Фриновского, была возложена на моего заместителя капитана госбезопасности Алехина, у которого хранились также и ключи от шкафов лаборатории. Помню, что ко мне обратились Алехин и начальник лаборатории Осинкин с вопросом о том, что в работе лаборатории уже имеются некоторые результаты и что необходимо обязательно проверить на опыте действия подготовленных лабораторией зажигательных средств для нефти, а также действия снотворных и яда.

Мною было доложено заместителю наркома Фриновскому, который разрешил испытание зажигательного средства, что и было произведено при моем участии на

опытном поле Пожарного управления. Что касается снотворного и яда, Фриновский, помню, сказал мне, что он поговорит с Ежовым и даст ответ.

Через некоторое время Фриновский мне сообщил, что имеется указание Ежова на испытание этих средств на осужденных к высшей мере и что Цесарскому, начальнику первого спецотдела, Ежовым дано соответствующее указание. На мой вопрос Цесарский подтвердил это. Мною было поручено Алехину осуществить опыт в двух или в трех случаях, договорившись с Цесарским о времени и месте. Опыты были проведены под руководством Алехина и при участии доктора Майрановского, и составлены соответствующие акты. По данным этих актов помню, что в двух или в трех указанных случаях опыты дали смертельный исход… Кто именно намечался для проведения опыта, сказать не могу, так как этот выбор из числа осужденных к высшей мере находился исключительно в ведении Цесарского, у которого я фамилий не спрашивал и который мне и, насколько я помню, Алехину также этих фамилий не называл. Опыты, как указано выше, были заактированы, подписаны Алехиным и доктором Майрановским и доложены Фриновскому. В бытность мою начальником 12-го отдела, то есть в течение пяти-шести месяцев, припоминаю, что таких опытов было два или три. Инициатива их постановки мотивирована их необходимостью и принадлежала инженеру Осокину, доктору Майрановскому и капитану госбезопасности Алехину. Непосредственно руководил опытами капитан Алехин. Насколько припомню, в бытность мою начальником 12-го отдела ни одного случая выдачи какому-либо отделу или сотруднику яда для оперативных целей не имело места. Припомню только один случай, когда начальник иностранного отдела обратился с просьбой выдать ему для научной оперативной работы яд, но с определенностью не могу сказать, был ли ему этот яд выдан или нет. Опытов по отравляющим средствам, разрабатывающимся инженером Горским, при мне не велось».

Вот как прокомментировал арестованный Ежов на допросе 25 июня 1939 года эту часть показаний бывшего своего подчиненного:

«Я знал, что такая лаборатория существует и Ягода использовал ее в своих террористических целях. Но когда я пришел в НКВД, Фриновский объяснил мне, что без средств этой лаборатории нам не обойтись, и она нужна нашей разведке и И НО за рубежом. Но я ничего не знал о том, чем они занимаются. Про все эти опыты, о которых говорил Жуковский, даже не слышал, наверное, Фриновский им все это разрешал. Правда, один раз, когда — не помню, Фриновский сказал мне, что в лаборатории у Алехина есть средство, принятие которого вызывает смерть у человека, как от сердечного приступа. Такое средство необходимо, когда нужно уничтожать врагов за границей. Но его надо испытать, не даст ли оно последствий на организм, которые можно определить при экспертизе и вскрытии. Фриновский сказал, что у них есть врач, которому для этого нужно исследование трупа умершего от этого средства человека. Тут же он предложил, что это средство можно дать тем, кто приговорен к расстрелу. Врачу нужно было провести опыты на трех-четырех людях. Какая разница, от чего они умрут, яд даже легче, чем пуля в затылок. Поэтому я согласился, но больше ничего про эту лабораторию и про то, что там изготовляли, не слышал.

— Опять отвечаете не по существу, — заметил следователь Родоса. — Назовите людей, которых вы ликвидировали в своих шпионско-диверсионных целях, используя полученные из лаборатории яды.

— Я не имею никакого представления об этих ядах, никогда их не видел».

(Ранее Родоса утверждал, что с помощью яда Ежов умертвил свою жену. — В. С.)

«Совершенно секретно

Народному комиссару внутренних дел Союза ССР

Комиссару госбезопасности первого ранга

тов. Берия

Рапорт

Считаю необходимым доложить Вам об известных мне фактах, требующих проверки, указывающих на неслучайный характер отношений Н. И. Ежова с лицами, впоследствии разоблаченными как враги народа.

1. Ежов поддерживал отношения с Пятаковым. Об этом мне стало известно в 1936 году от Родоса. В октябре 1936 года мне было поручено допрашивать Радека. В своей преступной деятельности он тогда еще не признавался. Однако он довольно откровенно говорил о связях своих, Пятакова и других участников антисоветского блока. По его словам, квартира Пятакова служила местом сборищ и попоек друзей Пятакова. Радек назвал несколько человек, которые бывали на квартире Пятакова, в том числе назвал и Н. И. Ежова. Курский и Берман (бывший начальник СПО НКВД и его заместитель), которым я доложил о заявлении Радека, предложили мне этим вопросом не интересоваться, потому что об этом Политбюро было известно. Должен оговориться, я отчетливо не помню, какими словами это было сказано, но я понял так, что Ежов действовал в данном случае по поручению Политбюро. Через несколько дней от допроса Радека отстранили. Радек все еще запирался, но был накануне признания. Уточнить этот вопрос могут, кроме Радека и Бермана, Л. Коган и А. Альтман (первый из них допрашивал Пятакова, второй — Радека).

2. Николай Иванович Ежов по непонятным причинам поддерживал необычные отношения с неким Мнацакановым А. А., бывшим сотрудником И НО НКВД. Летом 1938 года Мнацаканов из партии был исключен как явно чуждый элемент, а несколько позднее выяснилось, что он является немецким шпионом. Между тем подозрения против Мнацаканова появились и были хорошо известны в партийном коллективе И НО НКВД задолго до этого. Для того чтобы относиться к Мнацаканову с недоверием, были все основания, и не замечать их было нельзя. Этот человек ничем не был связан с Советским Союзом. За границу он выехал еще во время империалистической войны. За границей находилась вся его семья. Он сам постоянно жил за границей — в Персии, Германии и Австрии до 1936 года. В Советском Союзе до 1936 года был либо проездом, либо только для того, чтобы обделать свои личные дела и тотчас опять уехать за границу. Не будучи принятым в советское гражданство, называл себя советским гражданином и на руках имел советский паспорт (в Вене был даже с дипломатическим паспортом как вице-консул), сохраняя за собой право на персидское подданство. В кандидаты ВКП(б). был принят решением секретной комиссии при парткоме ОГПУ (членами комиссии состояли также Слуцкий, Островский из парткома и, кажется, Сперанский из отдела кадров). Был связан с братом-троцкистом и провокатором, находившимся в Персии. Когда этот провокатор был персами арестован для отвода глаз, Слуцкий добивался его освобождения через резидентуру И НО ОГПУ в Персии. Жена Мнацаканова Бошкович Эрна сохранила и поддерживала связь со своим первым мужем — польским шпионом. Как Мнацаканов, так и его жена из кожи вон лезли, чтобы познакомиться и угодить Агранову, родственникам Ягоды и т. д., которых они встречали за границей. Агент ИНО ОГПУ с 1922 или 23 года Мнацаканов благодаря личной близости к Слуцкому в 1932 году становится работником берлинской резидентуры, а в 1935 году помощником венского резидента, а в 1936 году назначается на работу в аппарат ИНО НКВД по должности помощника начальника отделения. И в своей агентурной работе у Мнацаканова отмечались подозрительные поступки: еще в 1934 году он настойчиво пытался реабилитировать провокатора под кличкой «Парень», а в другой раз выболтал агенту-двойнику под кличкой «Лекарт» наше задание, в чем, однако, не признался, Слуцкий же об этом знал. После назначения Ежова народным комиссаром в 1936 году Мнацаканов мне сказал, что он лично знаком с Ежовым. В другой раз Мнацаканов мне сказал, что Ежов не соглашается встречаться в Вене ни с кем из работников НКВД кроме него — Мнацаканова и его жены, которые

служили проводниками Ежову. Когда и после этого мое отношение к Мнацаканову не переменилось к лучшему, он стал заходить ко мне в комнату нарочно для того, чтобы от меня позвонить Ежову. Звонил Ежову перед заседанием парткома, на котором рассматривалось партийное дело Мнацаканова. На заседании парткома Мнацаканов держался крайне нахально, как будто рассчитывал на какую-то выручку. После ареста Мнацаканова я дважды обращался к Волынскому (быв. зам. нач. 3-го отдела ГУГБ) за разрешением допросить Мнацаканова о его конкретных вредительских действиях в работе. Волынский согласия на это не давал. Третий раз я разговаривал по этому вопросу уже с Дуловым (тоже быв. зам. нач. 3-го отдела ГУГБ), в ведение которого перешло следствие по делу Мнацаканова. Дулов мне сказал, что Мнацаканов признался в том, что он является немецким шпионом, и начал было писать показания о своей преступной деятельности. Но однажды во время допроса Мнацаканова в кабинет вошел Ежов, который в этот день обходил тюрьму. Ежов спросил Мнацаканова: «Ну, что, пишешь?» — на что Мнацаканов ответил утвердительно. Ежов односложно сказал: «Ну, пиши, пиши». Мнацаканов после этого отказался от своих показаний и вскоре был расстрелян. Уточнить весь этот вопрос кроме Дулова и Бошкович могут Рощин В. П. и Шанина А. Л., бывшие работники венской резидентуры ИНО НКВД, а также жена Слуцкого.

Сотрудник НКВД ст. лейтенант госбезопасности
(Кедров)

28 января 1939 г.».

На рапорте резолюция: «т. Меркулову! Переговорите со мной.
Л. Берия. 2
февраля 39 года».

1 февраля 1940 года майор госбезопасности заместитель начальника Следственной части НКВД СССР Сергиенко утвердил обвинительное заключение по делу Ежова. Ему предъявлялось пять основных обвинений.

1. Являлся руководителем антисоветской заговорщической организации в войсках и органах НКВД.

2. Изменил Родине, проводя шпионскую работу в пользу польской, германской, японской и английской разведок.

3. Стремясь к захвату власти в СССР, подготовлял вооруженное восстание и совершение террористических актов против руководителей партии и правительства.

4. Занимался подрывной, вредительской работой в советском и партийном аппарате.

5. В авантюристско-карьеристских целях создал дело о мнимом своем «ртутном» отравлении, организовал убийство целого ряда неугодных ему лиц, могущих разоблачить его предательскую работу, и имел половые отношения с мужчинами (мужеложство).

Он требовал, просил, умолял о свидании «с кем-либо из лиц Политбюро», чтобы «рассказать ему всю правду».

Что же хотел довести «железный нарком» до сведения Политбюро? Наверное, считал, что ему отомстили неразоблаченные враги народа в ЦК и в НКВД за то, что он беспощадно уничтожал их сообщников. Их имена он, наверно, и хотел сообщить Политбюро.

Подсудимому Ежову предоставили последнее слово перед вынесением Военной коллегией приговора по его делу.

Последнее слово Н. И. Ежова на судебном процессе 3 февраля 1940 года

«

Я долго думал, как пойду на суд, как буду вести себя на суде, и пришел к убеждению, что единственная возможность и зацепка за жизнь — это рассказать все правдиво и по-честному. Вчера еще в беседе со мной Берия сказал: «Не думай, что тебя обязательно расстреляют. Если ты сознаешься и расскажешь все по-честному, тебе жизнь будет сохранена».

После этого разговора с Берия я решил: лучше смерть, но уйти из жизни честным и рассказать перед судом действительную правду. На предварительном следствии я говорил, что я не шпион, я не террорист, но мне не верили и применили ко мне сильнейшие избиения. Я в течение двадцати пяти лет своей партийной жизни честно боролся с врагами и уничтожал врагов. У меня есть и такие преступления, за которые меня можно и расстрелять, и я о них скажу после, но тех преступлений, которые мне вменены обвинительным заключением по моему делу, я не совершал и в них не повинен…

Косиор у меня никогда в кабинете не был, и с ним также по шпионажу я связи не имел. Эту версию я тоже выдумал. На доктора Тайц я дал показания просто потому, что он уже покойник и ничего нельзя будет проверить. Тайца я знал просто потому, что, обращаясь иногда в Санупр, к телефону подходил доктор Тайц, называл свою фамилию. Эту фамилию на предварительном следствии я вспомнил и просто надумал о нем показания.

На предварительном следствии следователь предложил мне дать показания о якобы моем сочувствии в свое время «рабочей оппозиции». Да, «рабочей оппозиции» в свое время я сочувствовал и об этом никогда не скрывал, но в самой оппозиции я участия не принимал и к ним не примыкал. Когда вышли тезисы Ленина «О рабочей оппозиции», я, ознакомившись с тезисами, понял обман оппозиции, и с тех пор я был честным ленинцем.

Со Шляпниковым я встретился впервые в 1922 году, когда приезжал к нему на хлебозаготовки. После же я Шляпникова никогда не встречал.

О моей вражде к Пятакову я уже сообщал следствию. В 1931 году Марьясин пытался нас помирить, но я от этого отказался.

В 1933–1934 годах, когда Пятаков ездил за границу, он передал там Седову статью для напечатания в «Соцвестнике». В этой статье было очень много вылито грязи на меня и на других лиц. О том, что эта статья была передана именно Пятаковым, установил я сам.

Таким образом, имея эти инциденты с Пятаковым, я никогда не мог поддерживать с ним связи, и мои показания об установлении антисоветской связи с Пятаковым также являются вымыслом.

С Марьясиным у меня была личная, бытовая связь очень долго. Марьясина я знал как делового человека, его мне рекомендовал Каганович, но потом я с ним порвал отношения. Будучи арестованным, Марьясин долго не давал показаний о своем шпионаже и провокациях по отношению к членам Политбюро, поэтому я и дал распоряжение «побить» Марьясина. Никакой антисоветской связи с группами и организациями троцкистов, правых и «рабочей оппозиции», а также ни с Пятаковым, ни с Марьясиным и другими я не имел.

Никакого заговора против партии и правительства не организовывал, а наоборот, все зависящее от меня я принимал к раскрытию заговора. В 1934 году я начал вести дело «О кировских событиях». Я не побоялся доложить в Центральный Комитет о Ягоде и других предателях ЧК. Эти враги, сидевшие в ЦК, как Агранов и другие, нас обводили, ссылаясь на то, что это дело рук латвийской разведки. Мы этим чекистам не поверили и заставили открыть нам правду об участии в этом деле протроцкистской организации. Будучи в Ленинграде в момент расследования дела об убийстве С. М. Кирова, я видел, как чекисты хотели замазать это дело. По приезде в Москву я написал обстоятельный доклад по этому вопросу на имя Сталина, который немедленно после этого собрал совещание.

При проверке партдокументов по линии КПК и ЦК ВКП(б) мы много выявили врагов и шпионов разных мастей и разведок. Об этом мы сообщили в ЧК, но там почему-то не производили арестов. Тогда я доложил Сталину, который вызвал к себе Ягоду, приказал ему немедленно заняться этими делами. Ягода был этим очень недоволен, но был вынужден производить аресты лиц, на которых мы дали материалы.

Спрашивается, для чего бы я ставил неоднократно вопрос перед Сталиным о плохой работе ЧК, если бы был участником антисоветского заговора.

Мне теперь говорят, что все это ты делал с карьеристской целью, с целью самому пролезть в органы ЧК. Я считаю, что это ничем не обоснованное обвинение, ведь я, начиная вскрывать плохую работу органов ЧК, сразу же после этого перешел к разоблачению конкретных лиц. Первым я разоблачил Сосновского — польского шпиона. Ягода же и Менжинский подняли по этому поводу хай и вместо того, чтобы арестовать его, послали работать в провинцию. При первой же возможности Сосновского я арестовал. Я тогда не разоблачал Миронова и других, но мне в этом мешал Ягода. Вот так было и до моего прихода на работу в органы ЧК.

Придя в органы НКВД, я первоначально был один. Помощника у меня не было. Я вначале присматривался к работе, а затем начал свою работу с разгрома польских шпионов, которые пролезли во все отделы органов ЧК. В их руках была советская разведка. Таким образом, я, «польский шпион», начал свою работу с разгрома польских шпионов. После разгрома польского шпионажа я сразу же взялся за чистку контингента перебежчиков. Вот так я начал свою работу в органах НКВД. Мною лично разоблачен Молчанов, а вместе с ним и другие враги народа, пролезшие в органы НКВД и занимавшие ответственные посты.

Люшкова я имел в виду арестовать, но упустил его, и он бежал за границу.

Я почистил 14 000 чекистов. Но моя вина заключается в том, что я мало их чистил. У меня было такое положение. Я давал задание тому или иному начальнику отдела произвести допрос арестованного и в то же время сам думал: ты сегодня допрашиваешь его, а завтра я арестую тебя. Кругом меня были враги народа, мои враги. Везде я чистил чекистов. Не чистил лишь только их в Москве, Ленинграде и на Северном Кавказе. Я считал их честными, а на деле же получилось, что я под своим крылышком укрывал диверсантов, вредителей, шпионов и других мастей врагов народа.

Мои взаимоотношения с Фриновским. Я все время считал его «рубахой-парнем». По службе же я неоднократно имел с ним столкновения, ругая его, и в глаза называл дураком, потому что он, как только арестуют кого из сотрудников НКВД, сразу же бежал ко мне и кричал, что все эта «липа», арестован неправильно и т. д. И вот почему на предварительном следствии в показаниях я связал Фриновского с арестованными бывшими сотрудниками НКВД, которых он защищал. Окончательно мои глаза открылись по отношению к Фриновскому после того, как провалилось одно кремлевское задание Фриновскому, о чем сразу же доложил Сталину.

Показания Фриновского, данные им на предварительном следствии, от начала до конца являются вражескими. И в том, что он является ягодинским отродьем, я не сомневаюсь, как и не сомневаюсь в его участии в антисоветском заговоре, что видно из следующего: Ягода и его приспешники каждое троцкистское дело называли «липой», и вот под видом этой «липы» они кричали о благополучии, о затухании классовой борьбы. Став во главе НКВД СССР, я сразу же обратил внимание на это «благополучие» и весь огонь направил на ликвидацию такого положения. И вот в свете этой «липы» Фриновский всплыл как ягодинец, в связи с чем я и выразил политическое недоверие.

Мои взаимоотношения с Евдокимовым. Евдокимова я знаю, мне кажется, с 1934 года. Я считал его партийным человеком, проверенным. Бывал у него на квартире, он — у меня на даче. Если бы я был участником заговора, то, естественно, должен быть заинтересован в его сохранении как участник заговора. Но есть же документы, которые

говорят о том, что я, по силе возможности, принимал участие в его разоблачении. По моим же донесениям в ЦК ВКП(б) он был снят с работы…

Если взять мои показания, данные на предварительном следствии, два главных заговорщика — Фриновский и Евдокимов — более реально выглядели моими соучастниками, чем остальные лица, которые мною же лично были разоблачены.

Но среди них есть и такие лица, которым я верил и считал их честными, как Шапиро, которого я и теперь считаю честным, Цесарский, Пассов, Журбенко и Федоров. К остальным же лицам я всегда относился с недоверием. В частности, о Николае-ве-Журиде я докладывал в ЦК, что он продажная шкура и его можно покупать.

Участником антисоветского заговора я никогда не был. Если внимательно прочесть все показания участников заговора, будет видно, что они клевещут не только на меня, но и на ЦК и на правительство.

На предварительном следствии я вынужденно подтвердил показания Фриновского о том, что якобы по моему поручению было сфальсифицировано ртутное отравление. Вскоре после перехода на работу в НКВД СССР я почувствовал себя плохо. Через некоторое время у меня начали выпадать зубы, я ощущал какое-то недомогание. Врачи, осмотревшие меня, признали грипп. Однажды ко мне в кабинет зашел Благонравов, который в разговоре со мной между прочим сказал, чтобы я в Наркомате кушал с опасением, так как здесь может быть отравлено. Я тогда не придал этому никакого значения. Через некоторое время ко мне зашел Заковский, который, увидя меня, сказал: «Тебя, наверное, отравили, у тебя очень паршивый вид». По этому вопросу я поделился впечатлением с Фриновским, и последний поручил НиколаевуЖуриду немедленно произвести обследование воздуха в помещении, где я находился. После обследования было выяснено, что в воздухе находились пары ртути, которыми я и был отравлен. Спрашивается, кто же пойдет на то, чтобы в карьеристских целях за счет своего здоровья поднимать свой авторитет. Все это ложь.

Меня обвиняют в морально-бытовом разложении. Но где же факты? Я двадцать пять лет был на виду у партии. В течение этих двадцати пяти лет все меня видели, любили за скромность, за честность. Я не отрицаю, что пьянствовал, но я работал как вол. Где же мое разложение?

Я понимаю и по-честному заявляю, что единственный способ сохранить свою жизнь — это признать себя виновным в предъявленных обвинениях, раскаяться перед партией и просить ее сохранить мне жизнь. Партия, может быть, учтя мои заслуги, сохранит мне жизнь. Но партии никогда не нужна была ложь, и я снова заявляю вам, что польским шпионом я не был и в этом не хочу признавать себя виновным, ибо это мое признание принесло бы подарок польским панам, как равно и мое признание в шпионской деятельности в пользу Англии и Японии и принесло бы подарок английским лордам и японским самураям. Таких подарков этим господам я преподносить не хочу.

Когда на предварительном следствии я писал якобы о своей террористической деятельности, у меня сердце обливалось кровью. Я утверждаю, что я не был террористом. Кроме того, если бы я хотел произвести террористический акт над кем-либо из членов правительства, я для этой цели никого бы не вербовал, а, используя технику, совершил бы в любой момент это гнусное дело.

Все, что я говорил и сам писал о терроре на предварительном следствии, — «липа».

Я кончаю свое последнее слово. Я прошу Военную коллегию удовлетворить следующие мои просьбы.

Судьба моя очевидна. Жизнь мне, конечно, не сохранят, так как я и сам способствовал этому на предварительном следствии. Прошу об одном, расстреляйте меня спокойно, без мучений.

Ни суд, ни ЦК мне не поверят, что я не виновен. Я прошу, если жива моя мать, обеспечить ее старость и воспитать мою дочь.

Прошу не репрессировать моих родственников — племянников, так как они совершенно ни в чем не виноваты.

Прошу суд тщательно разобраться с делом Журбенко, которого я считал и считаю честным человеком, преданным делу Ленина — Сталина.

Я прошу передать Сталину, что я никогда в жизни политически не обманывал партию, о чем знают тысячи лиц, знающие мою честность и скромность. Прошу передать Сталину, что все то, что случилось со мной, является просто стечением обстоятельств и не исключена возможность, что к этому и враги приложили свои руки, которых я проглядел. Передайте Сталину, что умирать я буду с его именем на устах».

Суд удалился на совещание. По возвращении с совещания председательствующий объявил приговор.

«Приговор

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила: Ежова Николая Ивановича подвергнуть высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией имущества, лично ему принадлежащего.

Приговор окончательный и на основании Постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года приводится в исполнение немедленно…»

Ежова расстреляли на следующий день. Справка о приведении приговора в исполнение находится в первом томе его уголовного дела № 510.

«Секретно

Справка

Приговор о расстреле Ежова Николая Ивановича приведен в исполнение в г. Москве 4.2.1940.

Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве 1-го Спецотдела НКВД СССР, том № 19, лист № 186.

Нач. 12-го отделения (спецотдела НКВД СССР)

Лейтенант госбезопасности

Кривицкий».

О гласности и жестокости

К заголовку этого документа, никогда не публиковавшегося, слова «Секретно. Не для печати» и «(Окончательный текст)» написаны И. В. Сталиным красным карандашом.

В левом верхнем углу первого листа имеется резолюция, исполненная красным карандашом: «Членам ПБ, для сведения с просьбой вернуть в ЦК по прочтении.

И. Сталин».

По данным журнала регистрации лиц, принятых И. В. Сталиным, беседа продолжалась два часа. На следующий день в газете «Правда» было помещено сообщение: «28 июня днем состоялась

в служебном кабинете т. Сталина

беседа т. Сталина с Роменом Ролланом. Беседа продолжалась 1 час 40 минут и носила исключительно дружеский характер».

Набранные курсивом слова вписаны рукой И. В. Сталина.

«Секретно. Не для печати

Беседа т. Сталина с Роменом Ролланом

(Окончательный текст)

28. VI. с. г. ровно в 16 часов в сопровождении своей жены и т. Аросева — Ромен Роллан был принят т. Сталиным

Дружески поздоровались. Тов. Сталин пригласил присутствующих сесть. Ромен Роллан поблагодарил т. Сталина за то, что он доставил ему возможность говорить с ним, а в особенности, выразил благодарность за гостеприимство.

Сталин.

Я рад побеседовать с величайшим мировым писателем.

Ромен Роллан. Я

очень сожалею, что мое здоровье не позволяло мне раньше посетить этот великий новый мир, который является гордостью для всех нас и с которым мы связываем наши надежды. Если вы позволите, я буду говорить с вами в своей двойной роли старого друга и спутника СССР и свидетеля с Запада, наблюдателя и доверенного лица молодежи и сочувствующих во Франции.

Вы должны знать, чем является СССР в глазах тысяч людей Запада. Они имеют о нем весьма смутное представление, но они видят в нем воплощение своих надежд, своих идеалов, часто различных, иногда противоречивых. В условиях нынешнего тяжелого кризиса, экономического и морального, они ждут от СССР руководства, лозунга, разъяснения своих сомнений.

Конечно, удовлетворить их трудно. СССР имеет свою собственную гигантскую задачу, свою работу строительства и обороны, и этому он должен отдать себя целиком: лучший лозунг, который он может дать, это его пример. Он указывает путь, и идя этим путем, его утверждает.

Но все же СССР не может отклонить от себя великую ответственность, которую возлагает на него положение современного мира, в некотором роде «верховную» ответственность — нести заботу об этих массах из других стран, уверовавших в него. Не достаточно повторить знаменитое слово Бетховена: «О человек, помогай себе сам!», нужно им помочь и дать им совет.

Но для того, чтобы делать это с пользой, следует считаться с особым темпераментом и идеологией каждой страны — здесь я буду говорить только о Франции. Незнание этой природной идеологии может вызвать и фактически вызывает серьезные недоразумения.

Нельзя ожидать от французской публики, даже сочувствующей, той диалектики мышления, которая стала в СССР второй натурой. Французский темперамент привык к абстрактно-логическому мышлению, рассудочному и прямолинейному, в меньшей степени экспериментальному, чем дедуктивному. Нужно хорошо знать эту логику, чтобы ее преодолеть. Это народ, это общественное мнение, которые привыкли резонировать. Им всегда нужно приводить мотивы действия.

На мой взгляд, политика СССР недостаточно заботится о том, чтобы приводить своим иностранным друзьям мотивы некоторых своих действий. Между тем у него достаточно этих мотивов, справедливых и убедительных. Но он как будто мало этим интересуется; и это, по-моему, серьезная ошибка: ибо это может вызвать и вызывает

ложные или намеренно извращенные толкования некоторых фактов, порождающие тревогу у тысяч сочувствуюших. Так как я наблюдал в последнее время эту тревогу у многих из честных людей Франции, я должен вам об этом сигнализировать.

Вы скажете нам, что наша роль — интеллигентов и спутников — в этом и заключается, чтобы разъяснять. Мы не справляемся с этой задачей, прежде всего потому, что мы сами плохо информированы: нас не снабжают необходимыми материалами, чтобы сделать понятным и разъяснить.

Мне кажется, что на Западе должно было бы существовать учреждение для интеллектуального общения, нечто вроде ВОКСа, но более политического характера. Но так как подобного учреждения нет, то недоразумения накапливаются и никакое официальное учреждение СССР не занимается их разъяснением. Считают, по-видимому, что достаточно предоставить им с течением времени испариться. Они не испаряются, они сгущаются. Нужно действовать с самого начала и рассеивать их по мере возникновения.

Вот несколько примеров:

Правительство СССР принимает решения, что является его верховным правом, либо в форме судебных постановлений и приговоров, либо в форме законов, изменяющих обычные карательные меры. В некоторых случаях вопросы или лица, которых это касается, представляют или приобретают всеобщий интерес и значение; и в силу той или иной причины иностранное общественное мнение приходит в возбуждение. Было бы легко избежать недоразумений. Почему этого не делают?

Вы были правы, энергично подавляя сообщников заговора, жертвой которого явился Киров. Но покарав заговорщиков, сообщите европейской публике и миру об убийственной вине осужденных. Вы сослали Виктора Сержа на три года в Оренбург; и это было гораздо менее серьезное дело, но почему допускали, чтобы оно так раздувалось в течение двух лет в общественном мнении Европы. Это писатель, пишущий на французском языке, которого я лично не знаю; но я являюсь другом некоторых из его друзей. Они забрасывают меня вопросами о его ссылке в Оренбург и о том, как, с ним обращаются. Я убежден, что вы действовали, имея серьезные мотивы. Но почему бы с самого начала не огласить их перед французской публикой, которая настаивает на его невиновности? Вообще очень опасно в стране дела Дрейфуса и Каласа допускать, чтобы осужденный стал центром всеобщего движения.

Другой случай, совершенно иного характера: недавно был опубликован закон о наказании малолетних преступников старше двенадцати лет. Текст этого закона недостаточно известен; и даже если он известен, он вызывает серьезные сомнения. Получается впечатление, что над этими детьми нависла смертная казнь. Я хорошо понимаю мотивы, делающие необходимым внушить страх безответственным и тем, кто хочет использовать эту безответственность. Но публика не понимает. Ей представляется, что эта угроза осуществляется или что судьи по своему усмотрению могут ее осуществить. Это может быть источником очень большого движения протеста. Это нужно немедленно предотвратить.

Товарищи, вы меня извините, может быть, я слишком долго говорил и, может быть, возбуждаю вопросы, какие я не должен был бы возбуждать.

Сталин.

Нет, нет, пожалуйста. Я очень рад вас слушать, я целиком в вашем распоряжении.

Ромен Роллан.

Наконец, я перехожу к очень большому актуальному недоразумению, вызванному вопросом о войне и отношению к ней. Этот вопрос давно уже обсуждался во Франции. Несколько лет тому назад я обсуждал с Барбюсом и с моими друзьями коммунистами опасность необусловленной кампании против войны. Мне представляется необходимым

изучить различные случаи войны, которые могут представиться, и выработать различные положения, которые могут быть приняты в отношении каждого случая. Если я правильно понимаю, СССР нуждается в мире, он хочет мира, но его позиция не совпадает с интегральным пацифизмом. Последний в известных случаях может быть отречением в пользу фашизма, которое в свою очередь может вызвать войну. В этом отношении я не вполне доволен некоторыми резолюциями Амстердамского конгресса против войны и фашизма 1932 года, так как его резолюции внушают некоторое сомнение в вопросе о тактике против войны.

В настоящий момент взгляды не только пацифистов, но и многих друзей СССР в этом вопросе дезориентированы: социалистическое и коммунистическое сознание смущено военным союзом СССР с правительством империалистической французской демократии — это сеет тревогу в умах. Тут много серьезных вопросов революционной диалектики, которые требуют выяснения. Следует это сделать с максимально возможной искренностью и гласностью.

Вот, мне кажется, все, что я хотел сказать.

Сталин.

Если я должен ответить, то позвольте мне ответить по всем пунктам.

Прежде всего, о войне. При каких условиях было заключено наше соглашение с Францией о взаимной помощи? При условиях, когда в Европе, во всем капиталистическом мире возникли две системы государств: система государств фашистских, в которых механическими средствами подавляется все живое, где механическими средствами душится рабочий класс и его мысль, где рабочему классу не дают дышать, и другая система государств, сохранившихся от старых времен, — это система государств буржуазно-демократических. Эти последние государства также готовы были бы задушить рабочее движение, но они действуют другими средствами — у них остается еще парламент, кое-какая свободная пресса, легальные партии и т. д. Здесь есть разница. Правда, ограничения существуют и здесь, но все же известная свобода остается и дышать более или менее можно. Между этими двумя системами государств в интернациональном масштабе происходит борьба. При этом эта борьба, как мы видим, с течением времени делается все более и более напряженной. Спрашивается: при таких обстоятельствах должно ли правительство рабочего государства оставаться нейтральным и не вмешиваться? Нет, не должно, ибо оставаться нейтральным — значит облегчить возможность для фашистов одержать победу, а победа фашистов является угрозой для дела мира, угрозой для СССР, а следовательно, угрозой и для мирового рабочего класса.

Но если Правительство СССР должно вмешаться в эту борьбу, то на чьей стороне оно должно вмешаться? Естественно, на стороне правительств буржуазно-демократических, не добивающихся к тому же нарушения мира. СССР заинтересован поэтому, чтобы Франция была хорошо вооружена против возможных нападений фашистских государств, против агрессоров. Вмешиваясь, таким образом, мы как бы кидаем на чашу весов борьбы между фашизмом и антифашизмом, между агрессией и неагрессией добавочную гирьку, которая перевешивает чашу весов в пользу антифашизма и неагрессии. Вот на чем основано наше соглашение с Францией.

Это я говорю с точки зрения СССР как государства. Но должна ли такую же позицию в вопросе о войне занять коммунистическая партия во Франции? По-моему, нет. Она там не находится у власти, у власти во Франции находятся капиталисты, империалисты, а коммунистическая партия Франции представляет небольшую оппозиционную группу. Есть ли гарантия, что французская буржуазия не использует армию против французского рабочего класса? Конечно, нет. У СССР есть договор с Францией о взаимной помощи против агрессора, против нападения извне. Но у него нет и

не может быть договора насчет того, чтобы Франция не использовала своей армии против рабочего класса Франции. Как видите, положение компартии в СССР не одинаково с положением компартии во Франции. Понятно, что позиция компартии во Франции также не будет совпадать с позицией СССР, где коммунистическая партия стоит у власти. Я вполне понимаю поэтому французских товарищей, которые говорят, что позиция французской коммунистической партии в основе своей должна остаться той, какой она была до соглашения СССР с Францией. Из этого, однако, не следует, что если война, вопреки усилиям коммунистов, все же будет навязана, то коммунисты должны будто бы бойкотировать войну, саботировать работу на заводах и т. д. Мы, большевики, хотя мы были против войны и за поражение царского правительства, никогда от оружия не отказывались. Мы никогда не являлись сторонниками саботажа работы на заводах или бойкота войны, наоборот, когда война становилась неотвратимой, мы шли в армию, обучались стрелять, управлять оружием и затем направляли свое оружие против наших классовых врагов.

Что касается допустимости для СССР заключать политические соглашения с некоторыми буржуазными государствами против других буржуазных государств, то этот вопрос решен в положительном смысле еще при Ленине и по его инициативе. Троцкий был большим сторонником такого решения вопроса, но он теперь, видимо, забыл об этом…

Вы говорили, что мы должны вести за собой наших друзей в Западной Европе. Должен сказать, что мы опасаемся ставить себе такую задачу. Мы не беремся их вести, потому что трудно давать направление людям, живущим в совершенно другой среде, в совершенно иной обстановке. Каждая страна имеет свою конкретную обстановку, свои конкретные условия, и руководить из Москвы этими людьми было бы с нашей стороны слишком смело. Мы ограничиваемся поэтому самыми общими советами. В противном случае мы взяли бы на себя ответственность, с которой не могли бы справиться. Мы на себе испытали, что значит, когда руководят иностранцы, да еще издали. До войны, вернее, в начале девятисотых годов, германская социал-демократия была ядром социал-демократического Интернационала, а мы, русские, — их учениками. Она пыталась тогда нами руководить. И если бы мы дали ей возможность направлять нас, то наверняка мы не имели бы ни большевистской партии, ни революции 1905 года, а значит, не имели бы и революции 1917 года. Нужно, чтобы рабочий класс каждой страны имел своих собственных коммунистических руководителей. Без этого руководство невозможно.

Конечно, если наши друзья на Западе мало осведомлены о мотивах действий Советского правительства и их нередко ставят в тупик наши враги, то это говорит не только о том, что наши друзья не умеют так же

хорошо

вооружаться, как наши враги. Это говорит еще о том, что мы недостаточно осведомляем и вооружаем наших друзей. Мы постараемся заполнить этот пробел.

Вы говорите, что на советских людей возводится врагами много клеветы и небылиц, что мы мало опровергаем их. Это верно. Нет такой фантазии и такой клеветы, которых не выдумали бы враги про СССР. Опровергать их иногда даже неловко, так как они слишком фантастичны и явно абсурдны. Пишут, например, что я пошел с армией против Ворошилова, убил его, а через шесть месяцев, забыв о сказанном, в той же газете пишут, что Ворошилов пошел с армией против меня и убил меня, очевидно, после своей собственной смерти, а затем добавляют ко всему этому, что мы с Ворошиловым договорились, и т. д. Что же тут опровергать?

Ромен Роллан.

Но ведь именно отсутствие опровержений и разъяснений как раз и плодит клевету.

Сталин.
Может быть. Возможно, что Вы правы. Конечно, можно было бы реагировать энергичнее на эти нелепые слухи.

Теперь позвольте мне ответить на Ваши замечания по поводу закона о наказаниях для детей с 12-летнего возраста. Этот декрет имеет чисто педагогическое значение. Мы хотели устрашить им не столько хулиганствующих детей, сколько организаторов хулиганства среди детей. Надо иметь в виду, что в наших школах обнаружены отдельные группы в 10–15 чел. хулиганствующих мальчиков и девочек, которые ставят своей целью убивать или развращать наиболее хороших учеников и учениц, ударников и ударниц. Были случаи, когда такие хулиганские группы заманивали девочек к взрослым, там их спаивали и затем делали из них проституток. Были случаи, когда мальчиков, которые хорошо учатся в школе и являются ударниками, такая группа хулиганов топила в колодце, наносила им раны и всячески терроризировала их. При этом было обнаружено, что такие хулиганские детские шайки организуются и направляются бандитскими элементами из взрослых. Понятно, что Советское правительство не могло пройти мимо таких безобразий. Декрет издан для того, чтобы устрашить и дезорганизовать взрослых бандитов и уберечь наших детей от хулиганов.
Обращаю Ваше внимание, что одновременно с этим декретом, наряду с ним, мы издали постановление о том, что запрещается продавать и покупать и иметь при себе финские ножи и кинжалы.

Ромен Роллан.
Но почему бы Вам вот эти самые факты и не опубликовать. Тогда было бы ясно — почему этот декрет издан.

Сталин.
Это не такое простое дело. В СССР имеется еще немало выбившихся из колеи бывших жандармов, полицейских, царских чиновников, их детей, их родных. Эти люди не привыкли к труду, они озлоблены и представляют готовую почву для преступлений. Мы опасаемся, что публикация о хулиганских похождениях и преступлениях указанного типа может подействовать на подобные выбитые из колеи элементы заразительно и может толкнуть их на преступления.

Ромен Роллан.
Это верно, это верно.

Сталин.
А могли ли мы дать разъяснение в том смысле, что этот декрет мы издали в педагогических целях, для предупреждения преступлений, для устрашения преступных элементов? Конечно, не могли, так как в таком случае закон потерял бы всякую силу в глазах преступников.

Ромен Роллан.
Нет, конечно, не могли.

Сталин. К

Вашему сведению должен сказать, что до сих пор не было ни одного случая применения наиболее острых статей этого декрета к преступникам-детям и надеемся — не будет.

Вы спрашиваете — почему мы не делаем публичного судопроизводства над преступниками-террористами. Возьмем, например, дело убийства Кирова. Может быть, мы тут действительно руководились чувством вспыхнувшей в нас ненависти к террористам-преступникам. Киров был прекрасный человек. Убийцы Кирова совершили величайшее преступление. Это обстоятельство не могло не повлиять на нас. Сто человек, которых мы расстреляли, не имели с точки зрения юридической непосредственной связи с убийцами Кирова. Но они были присланы из Польши, Германии, Финляндии нашими врагами, все они были вооружены, и им было дано задание совершать террористические акты против руководителей СССР, в том числе и против т. Кирова. Эти сто человек, белогвардейцев, и не думали отрицать на военном суде своих террористических намерений. «Да, — говорили многие из них, — мы хотели и хотим уничтожить советских лидеров, и нечего вам с нами разговаривать, расстреливайте нас, если вы не хотите, чтобы мы уничтожили вас». Нам казалось, что было бы слишком много чести для этих господ разбирать их преступные дела на открытом суде с участием защитников. Нам было известно, что после злодейского убийства Кирова преступники-террористы намеревались осуществить свои злодейские планы и в отношении других лидеров. Чтобы предупредить это злодеяние, мы взяли на себя неприятную обязанность расстрелять этих господ. Такова уж логика власти. Власть в подобных условиях должна быть сильной, крепкой и бесстрашной. В противном случае она — не власть и не может быть признана властью. Французские коммунары, видимо, не понимали этого, они были слишком мягки и нерешительны, за что их порицал Карл Маркс. Поэтому они и проиграли, а французские буржуа не пощадили их. Это — урок для нас.

Применив высшую меру наказания в связи с убийством т. Кирова, мы бы хотели впредь не применять к преступникам такую меру, но, к сожалению, не все здесь зависит от нас. Следует,

кроме того,

иметь в виду, что у нас есть друзья не только в Западной Европе, но и в СССР, и в то время, как друзья в Западной Европе рекомендуют нам максимум мягкости к врагам, наши друзья в СССР требуют твердости, требуют, например, расстрела Зиновьева и Каменева, вдохновителей убийства т. Кирова. Этого тоже нельзя не учитывать.

Я хотел бы, чтобы Вы обратили внимание на следующее обстоятельство. Рабочие на Западе работают 8, 10 и 12 часов в день. У них семья, жены, дети, забота о них. У них нет времени читать книги и оттуда черпать для себя руководящие правила. Да они не очень верят книгам, так как они знают, что буржуазные писаки часто обманывают их в своих писаниях. Поэтому они верят только фактам, только таким фактам, которые видят сами и могут пальцами осязать. И вот эти самые рабочие видят, что на востоке Европы появилось новое, рабоче-крестьянское государство, где капиталистам и помещикам нет больше места, где царит труд и где трудящиеся люди пользуются невиданным почетом. Отсюда рабочие заключают: значит, можно жить без эксплуататоров, значит, победа социализма вполне возможна. Этот факт, факт существования СССР, имеет величайшее значение в деле революционизирования рабочих во всех странах мира. Буржуа всех стран знают это и ненавидят СССР животной ненавистью. Именно поэтому буржуа на Западе хотели бы, чтобы мы, советские лидеры, подохли как можно скорее. Вот где основа того,

что они организуют террористов и посылают их в СССР через Германию, Польшу, Финляндию, не щадя на это ни денег, ни других средств. Вот, например, недавно у нас в Кремле мы обнаружили террористические элементы. У нас есть правительственная библиотека, и там имеются женщины-библиотекарши, которые ходят на квартиры наших ответственных товарищей в Кремле, чтобы держать в порядке их библиотеки. Оказывается, что кое-кого из этих библиотекарш завербовали наши враги для совершения террора. Надо сказать, что эти библиотекарши по большей части представляют из себя остатки когда-то господствующих, ныне разгромленных классов — буржуазии и помещиков. И что же? Мы обнаружили, что эти женщины ходили с ядом, имея намерение отравить некоторых наших ответственных товарищей. Конечно, мы их арестовали, расстреливать их не собираемся, мы их изолируем. Но вот Вам еще один факт, говорящий о зверстве наших врагов и о необходимости для советских людей быть бдительными.

Как видите, буржуазия довольно жестоко борется с Советами, а затем в своей прессе сама же кричит о жестокости советских людей. Одной рукой посылает нам террористов, убийц, хулиганов, отравителей, а другой рукой пишет статьи о бесчеловечности большевиков.

Что касается Виктора Сержа, я его не знаю и не имею возможности дать Вам сейчас справку.

Ромен Роллан. Я

тоже его лично не знаю, лично я слышал, что его преследуют за троцкизм.

Сталин.

Да, вспомнил. Это не просто троцкист, а обманщик. Это нечестный человек, он строил подкопы под Советскую власть. Он пытался обмануть Советское правительство, но это у него вышло. По поводу него троцкисты поднимали вопрос на Конгрессе защиты культуры в Париже. Им отвечали поэт Тихонов и писатель Илья Эренбург. Виктор Серж живет сейчас в Оренбурге на свободе и, кажется, работает там. Никаким мучениям, истязаниям и проч., конечно, не подвергался. Все это чушь. Он нам не нужен, и мы его можем отпустить в Европу в любой момент.

Ромен Роллан

(улыбаясь).

Мне говорили, что Оренбург — это какая-то пустыня.

Сталин.

Не пустыня, а хороший город. Я вот жил действительно в пустынной ссылке в Туруханском крае четыре года, там морозы 50–60 градусов. И ничего, прожил.

Ромен Роллан. Я

хочу еще поговорить на тему, которая для нас, интеллигенции Западной Европы, и для меня лично является особо значительной: о новом гуманизме, провозвестником которого Вы, товарищ Сталин, являетесь, когда Вы заявили в своей прекрасной недавней речи, что «наиболее ценным и наиболее решающим капиталом из всех существующих ценностей мира являются люди». Новый человек и новая культура, от него исходящая. Нет ничего более способного привлечь к целям революции весь мир, как это предложение новых великих путей пролетарского гуманизма, этот синтез сил человеческого духа. Наследство Маркса и Энгельса, интеллектуальная партия, обогащение духа открытий и

созидания, наверное, наименее известная область на Западе. И тем не менее этому суждено оказать наибольшее воздействие на народы высокой культуры, как наши. Я счастлив констатировать, что в самое последнее время наша молодая интеллигенция начинает воистину обретать марксизм. Профессора и историки до последнего времени старались держать в тени доктрины Маркса и Энгельса или пытались их дискредитировать. Но сейчас новое течение вырисовывается даже в высших университетских сферах. Появился чрезвычайно интересный сборник речей и докладов под заглавием «При свете марксизма», редактированный проф. Валлон из Сорбонны. Основная тема этой книги — это роль марксизма в научной мысли сегодняшнего дня. Если движение это разовьется, как я надеюсь, и, если мы сумеем таким путем распространить и популяризировать идеи Маркса и Энгельса, это вызовет глубочайшие отклики в идеологии нашей интеллигенции.

Сталин.

Наша конечная цель, цель марксистов, — освободить людей от эксплуатации и угнетения и тем сделать индивидуальность свободной. Капитализм, который опутывает человека эксплуатацией, лишает личность этой свободы. При капитализме более или менее свободными могут стать лишь отдельные, наиболее богатые лица. Большинство людей при капитализме не может пользоваться личной свободой.

Ромен Роллан.

Правда, правда.

Сталин.

Раз мы снимаем путы эксплуатации, мы тем самым освобождаем личность. Об этом хорошо сказано в книге Энгельса «Антидюринг».

Ромен Роллан.

Она, кажется, не переведена на французский язык.

Сталин.

Не может быть. Там у Энгельса есть прекрасное выражение. Там сказано, что коммунисты, разбив цепи эксплуатации, должны сделать скачок из царства необходимости в царство свободы.

Наша задача освободить индивидуальность, развить ее способности и развить в ней любовь и уважение к труду. Сейчас у нас складывается совершенно новая обстановка, появляется совершенно новый тип человека, тип человека, который уважает и любит труд. У нас лентяев и бездельников ненавидят, на заводах их заворачивают в рогожи и вывозят таким образом. Уважение к труду, трудолюбие, творческая работа, ударничество — вот преобладающий тон нашей жизни. Ударники и ударницы — это те, кого любят и уважают, это те, вокруг кого концентрируется сейчас наша новая жизнь, наша новая культура.

Ромен Роллан.

Правильно, очень хорошо.

Мне очень стыдно, что я так долго задержал Вас своим присутствием и отнял много времени.

Сталин. Что Вы, что Вы!

Ромен Роллан. Я
благодарю Вас за то, что Вы дали мне возможность с Вами поговорить.

Сталин.
Ваша благодарность несколько смущает меня. Благодарят обычно тех, от кого не ждут чего-либо хорошего. Неужели Вы думали, что я не способен встретить Вас достаточно хорошо.

Ромен Роллан
(встав со стула).
Я по правде Вам скажу, что для меня это совершенно необычно. Я никогда нигде не был так хорошо принят, как здесь.

Сталин.
Вы думаете быть у Горького завтра — 29.VI?

Ромен Роллан.
Завтра условлено, что Горький приедет в Москву. Мы с ним уедем на его дачу, а позже, может быть, я бы воспользовался Вашим предложением побыть тоже на Вашей даче.

Сталин
{улыбаясь).
У меня нет никакой дачи. У нас, у советских лидеров,
собственных
дач нет вообще. Это просто одна из многих резервных дач,
составляющих собственность государства.
Это не я Вам предлагаю дачу, а предлагает Советское правительство, это предлагают Вам Молотов, Ворошилов, Каганович, я.

Там Вам было бы очень спокойно, там нет ни трамваев, ни железных дорог. Вы могли бы там хорошо отдохнуть. Эта дача всегда в Вашем распоряжении. И если Вы этого желаете, можете пользоваться дачей без опасений, что кого-либо стесняете. Вы будете на физкультурном параде 30.VI?

Ромен Роллан.
Да, да, очень хотел бы. Я просил бы предоставить мне эту возможность.

Может быть, Вы разрешите надеяться на то, что, когда я буду на даче у Горького или на даче, которую Вы мне любезно предложили, может быть, я там еще раз увижу Вас и смогу побеседовать с Вами.

Сталин.

Пожалуйста, когда угодно. Я в полном Вашем распоряжении и с удовольствием приеду к Вам на дачу. А возможность побывать на параде Вам будет обеспечена.

Переводил разговор
т. А. Аросев.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 795. Л. 38–54. Машинопись. Подлинник.

Глава 9
СТАЛИН И БЕРИЯ

«Телеграмма

Зам. председателя Грузинской ЧК Берия Ягоде о посещении Троцкого в связи с кончиной Ленина

Передать тов. Ягоде для срочной передачи тов. Сталину или Орджоникидзе

22 января посетили тов. Троцкого и сообщили ему наше мнение о том, что ему в какой бы то ни было форме необходимо высказаться в связи со смертью Ильича. Болезнь не дала возможность ему выступить на открытом собрании. Написал статью, которую мы передали по радио. В беседе с нами т. Троцкий, между прочим, сказал следующее: он не верит в возможность какого бы ни было раскола в нашей партии. Политический уровень нашей партии, даже молодой ее части, высок. Во всяком случае, если что-либо и было возможно, это не будет с его стороны. Последние слова он повторил четыре раза. В общем, он не мыслит раскола партии. По его мнению, предстоящий партийный съезд разрешит все насущные вопросы нашего хозяйства и практические вопросы смычки с крестьянами. По его мнению, предстоящая весна будет решающая в вопросе о взаимоотношениях с крестьянами.

Международное положение он считает формально благоприятным, однако этот вопрос ставит в зависимость от внутреннего положения нашего Союза. Тов. Троцкий считает, что его последняя брошюра подверглась незаслуженным нападкам, ему приписывается то, о чем, по существу, он не писал. Смерть Ильича сильно подействовала на него. Он считает, что в данный момент особенно необходима сплоченность. Он считает, что партия окажется достойной того, кто эту партию создал. Ленина может заменить только коллектив. Чувствует себя т. Троцкий неважно.

У нас создана центральная комиссия в составе Гогоберидзе, Рубена и Курулова. Дали соответствующие директивы уездкомам ко дню похорон быть готовым к демонстрации с представителями крестьян от уездов. Выехала делегация в составе Думбадзе, Болквадзе, Тодрия и Аракела, Гогоберидзе, Рубена и Курулова. 23/1-24 г. Зампредчека

Берия».

ЦА ФСФ.
Ф.
3. Оп. 2. Д. 9. Л. 247.

У мусаватистов работал с санкции

Одним из обвинений Л. П. Берии, предъявленных после его ареста в июне 1953 года, было сотрудничество с мусаватистской разведкой в двадцатые годы. Но вот в архиве Президента Российской Федерации в личном фонде И. В. Сталина мне встретился этот любопытный документ. Сохраняю орфографию и синтаксис подлинника.

«Секретарю ЦК ВКП(б) т. Сталину
О т. Берия

В 1936 г. (в документе описка. Правильно: в 1926 г. —
В. С.)
я был назначен в Закавказье Председателем Зак. ГПУ.

Перед отъездом в Тифлис меня вызвал к себе Пред. ОГПУ т. Дзержинский и подробно ознакомил меня с обстановкой в Закавказье. Тут же т. Дзержинский сообщил мне, что один из моих помощников по Закавказью т. Берия, при муссаватистах работал в муссаватистской контрразведке. Пусть это обстоятельство меня ни в какой мере не смущает и не настораживает против т. Берия, так как т. Берия работал в контрразведке с ведома ответственных тт. закавказцев и что об этом знает он, Дзержинский и т. Серго Орджоникидзе.

По приезде в Тифлис, месяца через два я зашел к т. Серго и передал ему все, что сообщил мне т. Дзержинский о т. Берия. Т. Серго Орджоникидзе сообщил мне, что действительно т. Берия работал в муссаватистской контрразведке, что эту работу он вел по поручению работников партии и что об этом хорошо известно ему, т. Орджоникидзе, т. Кирову, т. Микояну и т. Назаретяну. Поэтому я должен относиться к т. Берия с полным доверием, и что он, Серго Орджоникидзе, полностью т. Берия доверяет.

В течение двух лет работы в Закавказье т. Орджоникидзе несколько раз говорил мне, что он очень высоко ценит т. Берия, как растущего работника, что из т. Берия выработается крупный работник и что такую характеристику т. Берия он, Серго, сообщил и т. Сталину.

В течение двух лет моей работы в Закавказье я знал, что т. Серго ценит т. Берия и поддерживает его.

Года два тому назад т. Серго как-то в разговоре сказал мне, а знаешь, что правые уклонисты и прочая шушера пытается использовать в борьбе с т. Берия тот факт, что он работал в муссаватистской контрразведке, но из этого у них ничего не выйдет.

Я спросил у т. Серго, а известно ли об этом т. Сталину. Т. Серго Орджоникидзе ответил, что об этом т. Сталину известно и что об этом и он т. Сталину говорил.

Кандидат ЦК ВКП(б)
Павлуновский

25 июня 1937 г.».
АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 788. Л. 114–115 об. Подлинник. Рукопись.

Мусаватисты
— члены партии «Мусават» («Равенство»), существовала в Азербайджане в 1911–1920 годах. Выступала за национально-территориальную автономию, панисламизм, пантюркизм. Боролась против Советской власти. В сентябре 1918 года установила в Азербайджане диктатуру. В апреле 1920 года, после установления Советской власти, прекратила существование.

Павлуновский И. П. (1888–1937).

С января 1919 года — председатель Уфимской ЧК. С апреля 1919 года — заместитель, с августа — первый заместитель начальника Особого отдела ВЧК. С января 1920 года — полномочный представитель ВЧК в Сибири, член Сиббюро ЦК РКП(б). В 1926 году — председатель Закавказского краевого ГПУ. С 1932 года — заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. На июньском (1937) Пленуме ЦК исключен из партии. Расстрелян. Реабилитирован в 1955 году.

Глава 10
УБИТЬ СТАЛИНА

«Спецсообщение

№ 40919 18 ноября 1931 г. Секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Сталину

По полученным нами сведениям на явочную квартиру к одному из наших агентов в ноябре м-це должно было явиться для установления связи и передачи поручений лицо, направленное английской разведкой на нашу территорию.

12-го ноября на явку действительно, с соответствующим паролем, прибыл (по неизвестной нам переправе английской разведки), как вскоре выяснилось, белый офицер — секретный сотрудник английской разведки, работающий по линии РОВС и нефтяной секции Торгпрома (ГУКАСОВ).

Указанное лицо было взято под тщательное наружное и внутреннее наблюдение.

16-го ноября, проходя с нашим агентом в 3 часа 35 мин. дня по Ильинке около д. 5/2 против Старо-Гостиного двора, агент английской разведки случайно встретил Вас и сделал попытку выхватить револьвер.

Как сообщает наш агент, ему удалось схватить за руку указанного англоразведчика и повлечь за собой, воспрепятствовав попытке.

Тотчас же после этого названный агент англоразведки был нами секретно арестован.

О ходе следствия буду Вас своевременно информировать.

Фотокарточку арестованного, назвавшегося ОГАРЕВЫМ, прилагаю.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Упомянутое.

Зам. председателя ОГПУ
{Акулов)».

АПРФ. Ф. 3. On. 58. Д. 200. Л. 147. Подлинник.

Записка написана на бланке ОГПУ при СНК СССР. На записке резолюция: «Членам ПБ. Пешее хождение т. Сталину по Москве надо прекратить. В. Молотов» и подписи Л. Кагановича, М. Калинина, В. Куйбышева, А. Рыкова.

РОВС —
Русский общевоинский союз. Образован в 1924 году в эмиграции.

Гукасов П. О. (1858—?) —

крупный бакинский промышленник, инженер, с 1916 года — председатель совета Русского торгово-промышленного банка. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию, где в 20-х годах принимал активное участие в деятельности антисоветской организации «Торгово-промышленный комитет (Торгпром)».

Акулов И. А. (1888–1939) —

в 1930–1931 годах первый заместитель председателя ОГПУ при СНК СССР.

Сообщение

Г. Г. Ягоды К. Е. Ворошилову об аресте лиц, готовивших покушение на Сталина

«Сов. секретно

Пред. РВС СССР — тов. Ворошилову

ОГПУ ликвидирована монархическая организация, возглавлявшаяся настоятельницей тайного католического доминиканского ордена Абрикосовой Анной Ивановной и связанная с католическим епископом Евгением Неве, французским подданным, живущим во французском посольстве.

Организация имела ряд групп: в Москве, Ленинграде, Калуге, Краснодаре и Ставрополе и вела к.-р. работу среди дворянской интеллигенции и вузовской молодежи, воспитывая их в духе католицизма.

По делу арестовано 26 чел., в подавляющем большинстве — бывшие дворяне.

Показаниями члена организации студентки МГУ Бриллиантовой А. В. установлено, что активный член организации Крушельницкая К. Н. подготавливала террористический акт над т. Сталиным, наметив в качестве непосредственного исполнителя теракта ее, Бриллиантову А. В.

Крушельницкая К. Н. в беседах с Бриллиантовой А. В. обрабатывала последнюю в к.-р. направлении, подготавливая ее к активной борьбе с соввластью путем террора.

В результате этой обработки Бриллиантова А. В. незадолго до ареста решила совершить террористический акт над т. Сталиным, о чем сообщила Крушельницкой К. Н. и получила ее благословение.

Та же Бриллиантова А. В. показала, что Крушельницкая К. Н. познакомила ее со своей племянницей Верой Крушельницкой, 19 лет, бывшей студенткой техникума точной индустрии, исключенной из техникума за дезорганизацию учебы.

Вера Крушельницкая привлекла к себе внимание Крушельницкой К. Н. и Бриллиантовой А. В. тем, что была знакома с распорядком жизни Кремля и знала местонахождение квартиры т.т. Сталина и Ворошилова в Кремле и в дачных местностях.

При встречах с Верой Крушельницкая К. Н. и Бриллиантова А. В. обрабатывали ее в к.-р. террористическом направлении.

По показаниям Крушельницкой Веры, она, будучи в техникуме, познакомилась со студентами техникума Яковом Беленьким (сыном Ефима Яковлевича Беленького) и Станиславом Ганецким и через них — с рядом детей руководящих партийных и советских работников: Петром Ворошиловым, Борисом Уха-новым, Люсей Шверник, Ниной Подвойской, Евгением Комаровым, Владимиром Енукидзе, Рафаилом Кауль и др. Знакомство поддерживалось вечеринками, выпивками, катаниями на машинах и т. д.

По показаниям Веры Крушельницкой, Зубалово являлось местом постоянных увеселительных поездок молодежи, в которых принимала участие и Вера Крушельницкая. Во время этих поездок Крушельницкая Вера хорошо изучила расположение дач т.т. Сталина и Ворошилова.

В своих показаниях Вера Крушельницкая подтвердила факт к.-р. обработки ее Крушельницкой К. Н. и Бриллиантовой А. В. и интерес, проявленный ими к изучению расположения квартир т.т. Сталина и Ворошилова и способов проникновения в Кремль.

Вера Крушельницкая показала, что она, зная о террористических настроениях Крушельницкой К. Н. и Бриллиантовой А. В. и для чего им нужны данные сведения, сообщила им точное расположение и описание дачи т. Сталина в Зубалово и указала, что попасть в Кремль можно, использовав ее связи с детьми лиц, живущих в Кремле.

Приложение: протоколы допросов Бриллиантовой А. В. и Крушельницкой В. Э.

Зам. пред. ОГПУ
Ягода

20 ноября 1933 г.».
ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1271. Л. 1–3.

Секретно-политическим отделом ОГПУ в июле—октябре 1933 года была ликвидирована т. н. «контрреволюционная террористическая монархическая организация». Как указывалось в обвинительном заключении, утвержденном 1 января 1934 года начальником СПО ОГПУ Г. Молчановым, члены организации ставили своей задачей свержение в СССР Советской власти и установление монархического строя.

Организация была «создана и возглавляема» настоятельницей католического доминиканского ордена Абрикосовой А. И., дочерью бывшего крупного московского фабриканта. Финансировалась русской комиссией «конгрегации восточной церкви» при посредстве московского католического епископа, гражданина Франции Неве. Члены организации вели контрреволюционную работу среди старой интеллигенции и вузовской молодежи, готовя ее к активной борьбе с Советской властью.

Руководительница молодежной группы организации Крушельницкая К. Н. подготавливала террористический акт над Сталиным, наметив в качестве непосредственного исполнителя теракта студентку МГУ Бриллиантову А. В.

По делу арестовано 26 человек, в основном выходцы из дворян. 19 февраля 1934 года коллегией ОГПУ приговорены:

Абрикосова Анна Ивановна (1882–1936), уроженка г. Москвы, из семьи крупного фабриканта, судимая 19 мая 1924 года за связь «с миссиями с контрреволюционными целями» к 10 годам; Бриллиантова Анна Вячеславовна (1906–1937), уроженка г. Москвы, дочь бывшего меньшевика, студентка 1-го МГУ, беспартийная, к 8 годам ИТЛ; Крушельницкая Камилла Николаевна (1892–1937), уроженка г. Барановичи, из потомственных дворян, бухгалтер «Стальсбыта», к 10 годам ИТЛ.

Другие члены этой организации осуждены к разным срокам наказания.

Абрикосова А. И. умерла в 1936 году в местах заключения, Крушельницкая К. Н. и Бриллиантова А. В. тройкой УНКВД по Ленинградской области за антисоветскую агитацию среди заключенных 9 октября 1937 года приговорены к расстрелу.

В 1967 году Бриллиантова А. В., а в 1994 году Абрикосова А. И. и Крушельницкая К. Н., а также другие проходившие по этому делу реабилитированы. Выяснилось, что «организации» на самом деле не существовало.

«…И протараню самолет…»

18 мая 1935 года в небе над Москвой произошла страшная катастрофа: самый большой в мире самолет «Максим Горький» столкнулся с другим самолетом, ведомым летчиком Благиным, и обе машины рухнули на землю.

Гордость советского авиастроения, новый самолет АНТ-20 «Максим Горький» являлся флагманом агитэскадрильи им. М. Горького. Размах крыльев этого гиганта составлял 63 метра, вес — 42 тонны.

За день до трагедии, 17 мая, на «Максиме Горьком» в качестве пассажира летал французский летчик Антуан де Сент-Экзюпери. Да, тот самый знаменитый писатель, автор бессмертного «Маленького принца».

В воскресенье, 18 мая, состоялся первый прогулочный полет с работниками ЦАГИ, участвовавшими в создании самолета, и членами их семей. Полет обернулся страшной катастрофой.

В сентябре 1935 года варшавская газета «Меч» опубликовала обращение русского летчика Николая Благина, которое тот написал накануне своей смерти. 18 мая Благин, пилотирующий легкий самолет, добровольно таранил «Максима Горького», советский самолет-гигант, вызвав тем самым катастрофу, в которой погибли он сам и все летевшие на «Максиме Горьком».

За несколько дней до происшествия по всей Москве упорно распространялись слухи, что Сталин намеревается занять место в «Максиме Горьком» в компании Молотова, Кагановича, Орджоникидзе и других высокопоставленных лиц Советов.

Николай Благин написал: «Братья и сестры, вы живете в стране, зараженной коммунистической чумой, где господствует красный кровавый империализм. Именем ВКП (Всероссийская коммунистическая партия) прикрываются бандиты, убийцы, бродяги, идиоты, сумасшедшие, кретины и дегенераты. И вы должны нести этот тяжелый крест. Никто из вас не должен забывать, что эта ВКП означает второе рабство.

Хорошо запомните имена этих узурпаторов, этих людей, которые взяли на себя труд восхвалять сами себя и которые называют себя мудрыми и любимыми народом. Никто из вас не должен забывать голод, который свирепствовал с 1921 по 1933 год, во время которого ели не только собак и кошек, но даже человеческое мясо.

А в это время коммунисты организовали торгсины (благотворительная торговля) для иностранцев, чтобы пустить им пыль в глаза, говоря: «Смотрите, как мы хорошо живем!»

В этих торгсинах можно было купить золото и импортные товары, но все это было не для вас, братья и сестры. В то время, как вы умирали от голода, бандиты-коммунисты экспортировали за границу нашу лучшую продукцию по самым низким ценам для того, чтобы показать, что в Стране Советов все идет хорошо.

Братья и сестры! Не забывайте, что означает «все идет хорошо» в действительности. В то время, как у нас отбирали последние средства в виде принудительных займов и т. д., бандиты-коммунисты организовывали крупные попойки, танцевальные

вечера и дикие оргии с проститутками и разбазаривали народные миллионы.

Никогда не забывайте этого, братья и сестры! Не забывайте также и то, почему был убит бандит Киров! Вам прекрасно знакомы гримасы грабителей-узурпаторов Сталина, Кагановича, Димитрова и других коммунистов. Не забывайте о том, кто в случае войны должен быть убит в первую очередь!

Надо будет воевать, чтобы освободиться от цепей рабства, от тяжелой кабалы, от кровавого большевизма и сумасшедших коммунистов.

Никогда и нигде в мире не будет покоя до тех пор, пока коммунизм, эта бацилла в теле человечества, не будет уничтожена до последнего большевистского убийцы.

И когда эти бандиты уверяют мир в том, что не хотят войны, это наглая ложь. Коммунисты используют каждую предоставленную им возможность, чтобы поселять повсюду волнения, разруху, голод и нищету! И если они не хотят войны, то только потому, что очень хорошо знают, что это будет их последняя битва и что коммунизм исчезнет с лица земли, как заразная бацилла.

Братья и сестры! Помните это и мстите за себя до последней капли крови тем, кто выступает за Советский Союз, управляемый бандитами — коммунистами!

Власть находится в руках коммунистов-евреев, которые распространили свое господство также и на музыку, литературу, искусство и т. д.

Необходимо бороться с коммунистической заразой, используя ее собственные методы, т. е. прокламации!

Братья и сестры, завтра я поведу свою крылатую машину и протараню самолет, который носит имя негодяя Максима Горького!

Таким способом я убью десяток коммунистов-бездельников, «ударников» (коммунистические гвардейцы), как они любят себя называть, и которые на самом деле являются паразитами на теле народа.

Этот аэроплан, построенный на деньги, которые вас вынудили отдать, упадет на вас! Но поймите, братья и сестры, всякому терпению приходит конец!

Перед лицом смерти я заявляю, что все коммунисты и их прихвостни — вне закона! Я скоро умру, но вы вечно помните о мстителе Николае Благине, погибшем за русский народ!

Москва, 17 мая 1935 г.

Николай Благин, летчик».

ЦХИДК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 906. Л. 596–597.

Спецсообщение о катастрофе самолета «Максим Горький»

№ 56065 18 мая 1935 г.

«Сов, секретно

Днем 18 мая 1935 года Центральный Аэрогидродинамический Институт Наркомтяжпрома организовал катанье на агитсамолете «Максим Горький» для ударников ЦАГИ, завода № 24 и Управления Воздушных Сил РККА.

Самолет поднялся с Центрального аэродрома в 12 час. с минутами, имея на борту 11 чел. экипажа, а в качестве пассажиров — 29 взрослых и 6 детей.

Взлет прошел нормально.

В воздухе к самолету «Максим Горький» присоединились — самолеты Р-5 с летчиком РЫБУШКИНЫМ и самолет И-5 с летчиком БЛАГИНЫМ.

Р-5 имел на борту кинооператора, имевшего задание на съемку самолетов М-Г и И-5 в воздухе для дачи представления об их сравнительных размерах. Перед полетом на аэродроме пилотировавший М-Г летчик ЖУРОВ договаривался с летчиком БЛАГИНЫМ о том, что при полете И-5 в интересах киносъемки должен держаться над правым, либо над левым крылом М-Г.

Тогда же летчик БЛАГИН предложил фигурный пилотаж — «бочки».

Это предложение было отклонено как летчиком ЖУРОВЫМ, управлявшим М-Г, так и летчиком РЫБУШКИНЫМ, пилотировавшим Р-5 с кинооператором. БЛАГИ НУ было разрешено делать вместо «бочек» боевые развороты.

Несмотря на существовавшую перед полетом договоренность, летчик БЛАГИН, находясь с правой стороны самолета М-Г, сделал «правую бочку» и затем повторил ее — находясь над левым крылом «Максима Горького».

Этот маневр был сделан на недостаточной скорости, и самолет И-5 врезался в лоб М-Г.

После удара самолет «Максим Горький» начал крениться вправо, причем по мере падения крен начал увеличиваться. Примерно в 4-х километрах от Центрального аэродрома самолет М-Г врезался в дом, находящийся в рабочем поселке «Сокол». Рядом с ним потерпел катастрофу самолет И-5, пилотируемый летчиком БЛАГИНЫМ.

При катастрофе погибли пилотировавшие М-Г известные летчики ЖУРОВ и МИХЕЕВ, 9 чел. экипажа, 29 взрослых пассажиров и 6 чел. детей. (Список погибших прилагается.)

Пилотировавший самолет И-5 летчик БЛАГИН характеризуется как недисциплинированный летчик, исключен из ВКП(б) как социально чуждый элемент.

В ЦАГИ работал летчиком с 1931 года.

На месте катастрофы работает аварийная Комиссия.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Ягода

18 мая 1935 г.».

СПИСОК
погибших при катастрофе самолета «Максим Горький» 18 мая 1935 г.

1. Экипаж самолета «Максим Горький»

1. Журов — летчик
2. Михеев — летчик
3. Кравцов — инженер-летчик
4. Фомин
5. Матвеенко
6. Буговотов
7. Медведев
8. Лакузо
9. Власов
10. Бунин
11. Бегам

2. Пассажиры самолета «Максим Горький»

1. Матросов — инженер
2. Орлов с ребенком (инженер)
3. Казарнович — секретарь парткома завода Опытных конструкций ЦАГИ
4. Подвольский
5. Царев
6. Дмитриев
7. Каруто
8. Проскурников
9. Новиков
10. Сумшов
11. Кукин
12. Повстовнин
13. Рамухина с ребенком
14. Прохоров с ребенком
15. Петрушевский с ребенком
16. Галаев
17. Шеногин
18. Лопарев
19. Сухов
20. Бакуто с ребенком
21. Нудельман
22. Сафронов
23. Лебедев
24. Салмина
25. Янчарен
26. Салматин
27. Лапшин
28. Вахлянин

29. Мешарин
3. Экипаж самолета И-5 1. Благин — летчик
АПРФ. Ф. 3. On. 50. Д. 648. Л. 139–142. Подлинник.

За
писка Г. Ягоды И. Сталину

№ 56258 14 июня 1935 г.
«Сов, секретно

Секретарю ЦК ВКП(б) —
тов. СТАЛИНУ

Произведенным НКВД расследованием обстоятельств, предшествовавших катастрофе самолета «МАКСИМ ГОРЬКИЙ», установлено, что 18-го мая с. г. за час-полтора до полета, в комнате летчиков летно-испытательной станции «ЦАГИ» собрались летчики ЖУРОВ, РЫБУШКИН, БЛАГИН и работники Московской кинофабрики военно-учебных фильмов РЯЖСКИЙ В. Г., ТЕР-ОГАНЕ-СОВ К. Я. и ПУЛЛИН А. А. для обсуждения порядка полета самолетов и их киносъемки.

Объясняя кинооператорам и вместе с ними делая наброски карандашом на бумаге о том, где какой самолет должен находиться во время полета, летчик БЛАГИН в присутствии ЖУРОВА и РЫБУШКИНА заявил о том, что он во время сопровождения «МАКСИМА ГОРЬКОГО» для масштаба намерен на истребителе делать фигуры высшего пилотажа.

Присутствовавший при обсуждении ЖУРОВ возражал против предложения БЛАГИ НА, указав последнему, чтобы он не делал во время полета фигур.

Несмотря на это, работники Московской кинофабрики военно-учебных фильмов РЯЖСКИЙ и ПУЛЛИН, продолжая, без участия ЖУРОВА, обсуждение этого вопроса, вступили в прямые переговоры с БЛАГИНЫМ, договорившись с последним о том, что он для киносъемки будет производить фигуры на истребителе.

Согласие на съемку фигур высшего пилотажа РЯЖСКИЙ и ПУЛЛИН дали летчику БЛАГИНУ, несмотря на то, что в общий план съемки «МАКСИМА ГОРЬКОГО» это не входило и сценарием не было предусмотрено.

В процессе разговора между кинооператорами и БЛАГИНЫМ, по инициативе РЯЖСКОГО, возник вопрос об условной сигнализации, по которой БЛАГИ Н должен был производить фигуры.

В качестве метода сигнализации начальник съемочной группы РЯЖСКИЙ предложил оператору ПУЛЛИНУ во время полета вынуть платок и помахать им БЛАГИНУ или поднять руку. Это должно было означать, что ПУЛЛИН готов для съемки и БЛАГИН может делать фигуру.

Вопрос о сигнализации возник, как показал опрошенный ПУЛЛИН, в связи с тем, что последний опасался без предупреждения упустить фигуру и своевременно не заснять.

БЛАГИНЫМ и оператором ПУЛЛИНЫМ предложенный РЯЖСКИМ способ сигнализации не был принят, и было признано, что сигнал платком в воздухе неудобен, так как, в силу сопротивления воздуха, руку с платком могло отнести в сторону. Кроме того, было признано, что БЛАГИН может не заметить подобного сигнала.

После того, как предложенные РЯЖСКИМ и ПУЛЛИНЫМ способы сигнализации для съемки фигур были всеми признаны неудачными, БЛАГИН, отказавшись от сигнала рукой и платком, со своей стороны внес предложение, указав, что для того, чтобы во время полета вышли в съемке фигуры, которые он будет делать, он перед началом того,

как приступить к фигурам, даст знак «внимание» путем покачивания своего самолета с крыла на крыло.

Этот сигнал должен был означать, что БЛАГИН начинает фигуру, и кинооператор ПУЛЛИН должен приготовиться к съемке.

РЯЖСКИЙ и ПУЛЛИН с БЛАГИНЫМ согласились.

Несмотря на то, что съемка фигур высшего пилотажа совершенно не была предусмотрена ни планом съемки, ни сценарием, работники кинофабрики РЯЖСКИЙ и ПУЛЛИН не только не предупредили администрацию «ЦАГИ» и летно-испытательной станции о намерениях БЛАГИНА делать фигуры высшего пилотажа, но даже не просили разрешения на право съемки этого.

Летчик «ЦАГИ» РЫБУШКИН В. В., зная еще до полета о намерениях БЛАГИНА так же, как РЯЖСКИЙ и ПУЛЛИН, не предупредил об этом свое непосредственное начальство.

Обращает на себя внимание также преступно беззаботное отношение, проявленное к организации полета со стороны начальника летно-испытательной станции «ЦАГИ» ЧЕКАЛО-ВА и его помощника по летной части КОЗЛОВА, которые, зная о недисциплинированности БЛАГИНА как летчика, все же допустили его к чрезвычайно ответственному полету, лично не проинструктировав экипажи самолетов о порядке полета 18-го мая.

Нами привлечены к уголовной ответственности работники кинофабрики военно-учебных фильм[ов] РЯЖСКИЙ В. Г. и ПУЛЛИН А. А., виновные в том, что, не имея никакого разрешения, договорились с БЛАГИНЫМ о производстве им для киносъемки фигур высшего пилотажа, что явилось прямой причиной гибели самолета «МАКСИМ ГОРЬКИЙ».

Нарком внутренних дел СССР
Ягода».

Там же. Л. 162–165. Подлинник.

По поручению И. Сталина записка Ягоды была разослана членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и Н. Ежову. Записка написана на бланке НКВД СССР. На первой странице помета: «Арх[ив]. И. Ст[алин]».

К вопросу о личности Николая Благина. О нем сохранилось немного сведений. Вот что удалось узнать автору этой книги.

Николай Павлович Благин дворянского происхождения. Его отец был полковником царской армии. Сын учился в Петроградском кадетском корпусе, затем в реальном училище. С детства имел влечение к изобретательству. Будучи учеником седьмого класса реального училища, испрашивал лицензию на изобретенный им аппарат для записывания речи. Мечтал стать пилотом. В октябре 1918 года добровольно вступил в Красную Армию и в РКП(б). Однако в 1922 году был исключен из партии — не прошел чистку.

Летом 1920 года окончил теоретические курсы авиации при дивизионе воздушных кораблей «Илья Муромец», затем Московскую школу авиации и Высшую школу военлетов по классу истребителей. С 1930 года инструктор первого разряда в Научно-испытательном институте ВВС РККА, с января 1932 года в «ЦАГИ», был одним из ведущих летчиков-испытателей новых самолетов А. Н. Туполева. Участвовал в испытаниях тяжелого бомбардировщика ТБ-1 со стартовыми пороховыми ускорителями, а также другой авиационной техники и вооружения. Подал девять заявок на изобретение, на пять из них получил авторские свидетельства.

Среди родственников были репрессированные. По информации тайных осведомителей, внедренных в «ЦАГИ», нередко вел «не те» разговоры в семье и с друзьями.

В похоронах жертв катастрофы принимал участие И. В. Сталин. Он стоял в почетном карауле у урн с прахом погибших в Колонном зале. Урны в зал несли члены высшего партийного руководства Москвы во главе с Н. С. Хрущевым.

Вдове и дочери Николая Благи на были назначены персональные пенсии, дочь училась в институте.

В советское время существовали две версии происшедшего. Первая: Благину не давали покоя лавры Валерия Чкалова, и он на свой страх и риск решил «крутануть» «мертвую петлю» вокруг крыла «Максима Горького». Вторая версия: летчик получил разрешение от одного из руководителей полета — для пущего эффекта. Или с какой-то иной целью?

Докладная записка

Ягоды Сталину о завершении следствия по делу Каменева и других

«Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину

Следствие по обвинению Каменева Л. Б., Розенфельд Н. А., Мухановой Е. и др. в подготовке террористических актов над членами П/Б ЦК ВКП(б) в Кремле заканчивается.

Установлено, что существовали террористические группы:

1) в Правительственной библиотеке Кремля;

2) в Комендатуре Кремля;

3) группа военных работников-троцкистов;

4) группа троцкистской молодежи;

5) группа белогвардейцев.

Считал бы необходимым заслушать дела этих групп на Военной Коллегии Верховного Суда без вызова обвиняемых и расстрелять организаторов террора и активных террористов:

а) по группе Правительственной библиотеки расстрелять Розенфельд Н. А., Муханову Е. К., Розенфельд Н. Б., Давыдову 3. И., Бураго Н. И., Шарапову А. Ф., Барут В. А., Муханова К. К., Королькова М. В., Хосраева Л. Е., Раевскую Е. Ю;

6) по Комендатуре — Дорошина В. Г., Синелюбова;

в) по группе военных работ — Козырева В. И., Чернявского М. К., Иванова Ф. Г., Новожилова М. И;

г) по группе молодежи — Розенфельд Б. И., Нехамнина Л. Я., Азбель Д. С, Белова В. Г.;

д) по группе белогвардейцев — Сикани-Скалова Г. Б., Скалову Н. Б., Сидорова А. И., Гардик-Гейлера А. А.

Всего 25 человек.

Что касается Каменева, то следствием установлено, что Каменев Л. Б. являлся не только вдохновителем, но и организатором террора. Поэтому полагал бы дело о нем вновь заслушать на Военной Коллегии Верховного Суда.

Дела на остальных 89 обвиняемых: рассмотреть часть на Военной Коллегии Верховного Суда, часть на Особом совещании.

2 мая 1935 г.

Г. Ягода».

Письмо

Ягоды Сталину о кадровых перестановках в НКВД

«Товарищ Сталин!

Согласно Ваших указаний, я, по возвращении из отпуска для проверки и тщательного инструктирования оперативной работы краевых аппаратов Наркомвнудела, выслал две оперативных группы центра — одну в Западную Сибирь, во главе с тов. Прокофьевым, и другую — в Ленинград, во главе с тов. Мироновым.

Фактическое положение, обнаруженное в результате проверки и в Новосибирске, и в Ленинграде, убедило меня в том, что ни Алексеев (начальник Западно-Сибирского управления НКВД), ни Медведь абсолютно не способны руководить нашей работой в новых условиях и обеспечить тот резкий поворот в методах работы по управлению государственной безопасностью, который сейчас необходим.

Перестройка аппарата агентуры и следственной работы в соответствии с директивами ЦК и изданными в развитие этих директив моими приказами в обеих областях не проведены.

Отрицательные результаты этого уже сказались.

Так, Алексеев преступно проспал явления саботажа хлебопоставок в крае и не только не повел борьбы с кулацкими саботажниками, но даже не сигнализировал об этом, так как не видел того, что происходит.

Не умея организовать по-новому работу управления государственной безопасности края, Алексеев фактически безобразно ослабил борьбу с контрреволюцией, которая имеет место в Западно-Сибирском крае.

У Медведя положение примерно такое же, как и в Новосибирске.

Ряд серьезных линий работы, особенно по деревне, и агентурно-оперативной охране границ от финских и иных перебежчиков и шпионов, а также постановка борьбы с диверсиями на предприятиях, находятся в неудовлетворительном состоянии.

Такое положение мне кажется тем более недопустимым, что ни Алексеев, ни Медведь, если их оставить на своих местах, не сумеют и впредь перестроить работу, добиться, чтобы подчиненные им аппараты отошли от тех традиций прошлого периода, от которых сейчас надо решительно отказаться, а также не сумеют надлежащим образом воспитывать и сохранять нужные нам чекистские кадры.

Кроме того, я считаю невозможным оставлять безнаказанным то положение, которое вскрыто проверкой работы в Новосибирске и Ленинграде, так как решительный удар по виновникам — Алексееву и Медведю — подтянет остальных начальников краевых и областных управлений Наркомвнудела.

Поэтому, а также для того, чтобы обеспечить крутой поворот в методах работы по управлению государственной безопасности на местах и заставить наших начальников краевых и областных аппаратов работать по-новому, заставить их понять необходимость решительного отказа от тех традиций в методах работы, которые подходили к условиям прежних лет, но совершенно неприемлемы в нынешней обстановке, чтобы они не думали, что нам только «переменили вывеску», а поняли всю серьезность требований, которые предъявлены к перестройке методов нашей борьбы с врагами, с другой же стороны, не позволили бы себе ни на одну минуту опустить руки перед трудностями новой обстановки и в какой бы то ни было степени ослабить удары по контрреволюции, — считаю необходимым Алексеева и Медведя снять с занимаемых ими должностей.

Это мероприятие полагал бы опубликовать в приказе Наркомвнудела по Союзу, объяснив, за что именно они — Алексеев и Медведь — сняты.

Одновременно полагал бы целесообразным назначить вместо Медведя в Ленинград Заковского из Белоруссии, несомненно сильного и способного оперативного работника, который сумеет поставить работу в Ленинграде на надлежащую высоту, а вместо Алексеева — в Новосибирск назначить Каруцкого, который значительно выше Алексеева, является талантливым оперативным работником и имеет большой опыт.

В Минск на место Заковского назначить освободившегося от работы в Средней Азии Пиляра, который уже был ранее ПП ОГПУ в Белоруссии, знает хорошо обстановку в Белоруссии и вполне удовлетворительно выполнял там свои обязанности.

В Казахстан можно было бы назначить Лордкипанидзе из Закавказья, но не знаю, подойдет ли эта комбинация и сработается ли он с Мирзояном.

Медведя же полагал бы отозвать в Москву и использовать его в центральном аппарате Наркомвнудела, где посмотреть на работе, годен ли он еще для работы в НКВД, или уже совсем выработался.

Если Вы найдете мои предложения правильными, я их поставлю на разрешение.

Очень прошу сообщить Ваше мнение.

Сентябрь 1934 г.».

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 9. Л. 243–245.

Записка

Сталина Ягоде, переданная по телефону Власиком с предложением перейти на работу наркомом связи

«Т. Ягода!

Наркомсвязь — дело очень важное. Это Наркомат оборонный. Я не сомневаюсь, что Вы сумеете этот Наркомат поставить на ноги. Очень прошу Вас согласиться на работу Наркомсвязи. Без хорошего Наркомата связи мы чувствуем себя как без рук. Нельзя оставлять Наркомсвязи в нынешнем ее положении.

Ее надо срочно поставить на ноги.

И. Сталин

Передал Власик

20 ч. 15 мин. 1936 г.».

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 9. Л. 239–240.

Глава 11
СТАЛИН И ПИСАТЕЛИ

«Мне трудно представить работу писателя без срывов»

И. Г. Эренбург

Поэт, писатель, публицист. В горбачевскую эпоху многие задавались вопросом: почему Сталин не тронул его?

«28 ноября 1935 года

Уважаемый Иосиф Виссарионович,

т. Бухарин передал мне, что Вы отнеслись отрицательно к тому, что я написал о Виноградовой. Писатель никогда не знает, удалось ли ему выразить то, что он хотел. Напечатанные в газете эти строчки о Виноградовой носят не тот характер, который я хотел им придать. Не надо было мне этого печатать в газете, не надо было и ставить имени действительно существующего человека (Виноградовой). Для меня это был клочок романа, не написанного мной, и в виде странички романа, переработанные и, конечно, измененные, эти строки звучали бы совершенно иначе. Мне хочется объяснить Вам, почему я написал этот рассказ. Меня глубоко взволновала беседа с Виноградовой, тот человеческий рост, то напряжение в работе, выдумка, инициатива и вместе с тем скромность, вся та человечность, которые неизменно меня потрясают, когда я встречаюсь с людьми нашей страны. Так же, как о Виноградовой, я мог бы написать о многих комсомольцах и комсомолках, с которыми я встречался за последнее время. Но все это подлежит обработке, должно стать страницами книги, а не быть напечатанными на газетных столбцах.

Мне трудно себе представить работу писателя без срывов. Я не понимаю литературы равнодушной. Я часто думаю: какая в нашей стране напряженная, страстная,

горячая жизнь, а вот искусство зачастую у нас спокойное и холодное. Мне кажется, что художественное произведение рождается от тесного контакта внешнего мира с внутренней темой художника. Вне этого мыслимы только опись, инвентарь существующего мира, но не те книги, которые могут жечь сердца читателей. Я больше всего боюсь в моей работе холода, внутренней незаинтересованности. Вы дали прекрасное определение всего развития нашего искусства двумя словами: «социалистический реализм». Я понимаю это, как необходимость брать «сегодня» в его развитии, в том, что имеется в нем от «завтра», в перспективе необыкновенного роста людей социалистического общества. Поэтому мне больно видеть, как словами «социалистический реализм» иногда покрывается натурализм, то есть восприятье действительности в ее неподвижности. Отсюда и происходят тот холод, то отсутствие «сообщничества» между художником и его персонажами, о которых я только что говорил.

Простите, что я отнимаю у Вас время этими мыслями, уходящими далеко от злополучной статьи. Если бы я их не высказал, осталось бы неясным мое писательское устремление: ведь в ошибках, как и в достижениях, сказывается то, что мы, писатели, хотим дать. Отсутствие меры или срывы у меня происходят от того же: от потрясенности молодостью нашей страны, которую я переживаю, как мою личную молодость. То, что я живу большую часть времени в Париже, может быть, и уничтожает множество ценных деталей в моих наблюдениях, но это придает им остроту восприятья. Я всякий раз изумляюсь, встречаясь с нашими людьми, и это изумление — страсть моих последних книг. Мне приходится в Париже много работать над другим: над организацией писателей, над газетными очерками о Западе, но все же моей основной работой теперь, моим существом, тем, чем я живу, являются именно это волнение, это изумление, которые владеют мною как писателем.

Я вижу читателей. Они жадно и доверчиво берут наши книги. Я вижу жизнь, в которой больше нет места ни скуке, ни рутине, ни равнодушью. Если при этом литература и искусство не только не опережают жизнь, но часто плетутся за ней, в этом наша вина: писателей и художников. Я никак не хочу защищать двухсот строчек о Виноградовой, и если бы речь шла только об этом, я не стал бы Вас беспокоить. Но я считаю, что, разрешив т. Бухарину передать мне Ваш отзыв об этом рассказе (или статье), Вы показали внимание к моей писательской работе, и я счел необходимым Вам прямо рассказать о том, как я ошибаюсь и чего именно хочу достичь.

Мне особенно обидно, что неудача с этой статьей совпала во времени с несколькими моими выступлениями на творческих дискуссиях, посвященных проблемам нашей литературы и искусства. Я высказал на них те же мысли, что и в письме к Вам: о недопустимости равнодушья, о необходимости творческой выдумки и о том, что социалистический реализм зачастую у нас подменяется бескрылым натурализмом. Естественно, что такие высказывания не могли встретить единодушного одобрения среди всех моих товарищей, работающих в области искусства. Теперь эти высказывания начинают связывать с неудачей статьи и это переходит в политическое недоверье. Я думал, что вне творческих дискуссий нет в искусстве движения. Возможно, что я ошибался и что лучше было бы мне не отрываться для этого от работы над романом. То же самое я могу сказать о критике отдельных выступлений нашей делегации на парижском писательском конгрессе, о критике, которую я позволил себе в беседах с тесным кругом более или менее ответственных товарищей. Разумеется, я никогда не допустил бы подобной критики на собрании или в печати. Я яростно защищал всю линию нашей делегации на Западе — на собраниях и в печати. Если я позволил себе в отмеченных беседах критику (вернее, самокритику — я ведь входил в состав нашей делегации), то только потому, что вижу ежедневно все трудности нашей работы на Западе. Многое пришлось выправлять уже в дни конгресса, и здесь я действовал в контакте и часто по прямым советам т. Потемкина. Мне дорог престиж нашего государства среди интеллигенции Запада, и я хочу одного: поднять его еще выше и при следующем

выступлении на международной арене избежать многих ошибок, может быть, и не столь больших, но досадных. Опять-таки скажу, что, может быть, и здесь я ошибаюсь, что, может быть, я вовсе непригоден для этой работы. Если я работал над созывом конгресса, если теперь я продолжаю работать над организацией писателей, то только потому, что в свое время мне предложил делать это Цека партии.

Мне говорят, что на собрании Отдела печати Цека меня назвали «пошлым мещанином». Мне кажется, что этого я не заслужил. Еще раз говорю: у каждого писателя бывают срывы, даже у писателя куда более талантливого, нежели я. Но подобные определения получают тотчас же огласку в литературной среде и создают атмосферу, в которой писателю трудно работать. Я слышу также, как итог этих разговоров: «Гастролер из Франции». Я прожил в Париже двадцать один год, но если я теперь живу в нем, то вовсе не по причинам личного характера. Мне думается, что это обстоятельство мне помогает в моей литературной работе. Я связан с движением на Западе, мне приходится часто писать на западные темы, я часто также пишу о Союзе для близких и в-органах в Европе и в Америке, сопоставляя то, что там, и то, что у нас. С другой стороны — об этом я писал выше — ощущение двух миров и острота восприятья советской действительности помогают мне при работе над нашим материалом. Наконец, я стараюсь теперь сделать все от меня зависящее, чтобы оживить работу, скажу откровенно, вялой организации, которая осталась нам от далеко не вялого конгресса. Все это, может быть, я делаю неумело, но ни эта моя работа, ни мои газетные очерки о Западе, ни мои два последних романа о советской молодежи, на мой взгляд, не подходят под определение «гастролера из Франции».

Я не связывал и не связываю вопроса о моем пребывании в Париже с какими-либо личными пожеланиями. Если Вы считаете, что я могу быть полезней для нашей страны, находясь в Союзе, я с величайшей охотой и в самый кратчайший срок переезду сюда. Я Вам буду обязан, если в той или иной форме Вы укажете мне, должен ли я вернуться немедленно из Парижа в Москву или же работать там.

Простите сбивчивую форму этого письма: я очень взволнован и огорчен.

Искренно преданный Вам

Илья Эренбург

Москва

Гостиница „Метрополь"

В правом верхнем углу первого листа имеется помета красным карандашом:

«От Эренбурга».

В левом углу резолюция рукой Сталина: «7 т.

Молотову, Жданову, Ворошилову, Андрееву, Ежову».

АПРФ. Ф. 3. On. 34. Д. 288. Л. 913. Подлинник. Машинопись. Набранные курсивом слова

и подпись — автограф.

Бухарин Н. И. (1888–1938) —

ответственный редактор газеты «Известия», давний друг И. Эренбурга по гимназии.

Виноградова Е. В. (1914–1962) —

ткачиха-ударница из г. Иванова, героиня очерка И. Эренбурга «Письмо», опубликованного в газете «Известия» 21 ноября 1935 года.

«Социалистический реализм» —

термин появился в «Литературной газете» 23 мая 1932 года. Широкое распространение получил после одобрения 1-м съездом советских писателей (1934) как творческий метод в литературе и искусстве.

Как представлялся жизненный путь И. Эренбурга заведующему сектором печати ЦК ВКП(б) А. Н. Гусеву, видно из его справки, направленной И. Сталину и П. Постышеву в сентябре 1932 года. «Тов. СТАЛИНУ, тов. ПОСТЫШЕВУ. Писатель Илья Эренбург, приехавший на лето в СССР, просит разрешить ему выехать в Париж, где он постоянно живет и работает. Во Франции он был с 1905 по 1917 год, затем с 1917 по 21 год был в СССР. Вернувшись во Францию, он в 1921 году был арестован и выслан как «нежелательный иностранец». В 1921—24 годах ездил по европейским странам, с 26-го года и до настоящего времени живет опять в Париже. Приезжает в СССР не надолго — на 2 месяца в 24 году, в 26 году и в 32 году. Пишет Эрен-бург за последнее время исключительно на темы из области показа развала капиталистического хозяйства и культуры, используя материал о жизни СССР для противопоставления нового этому развалу.

Я даю в приложении перечень его работ за последние 10 лет и четыре вырезки из наших газет, которые дают некоторое представление об Илье Эренбурге.

Писатель получил разрешение на обратный въезд во Францию; ОГПУ и НКИД считают возможным его выезд и просят санкции ЦК.

А. Гусев».

Там же. Л. 1.

И. Эренбург занимался объединением европейских писателей-антифашистов.

Имеется в виду 1-й Международный конгресс писателей в защиту культуры, состоявшийся в Париже 21–25 июня 1935 года. Эренбург был в числе его инициаторов и организаторов.

Потемкин В. П. (1874–1946)

— дипломат, полпред СССР во Франции.

В 1934 году И. Эренбург выпустил роман «День второй», в 1935 году — «Не переводя дыхания».

И. Г. Эренбург — И. В. Сталину

«21 марта 1938 года

Дорогой Иосиф Виссарионович,

мне трудно было решиться отнять у Вас время письмом о себе. Если я все же это делаю, то только потому, что от Вашей помощи зависит теперь вся моя дальнейшая литературная работа.

Я приехал в Союз в декабре. Мне давно хотелось снова взглянуть на нашу страну, подышать нашим воздухом. В декабре был пленум Союза писателей, я решил приехать на этот пленум. Перед тем я был в Испании, был на тереуэльском фронте. Я запросил редакцию «Известий», корреспондентом которой состою, не возражает ли она против моей поездки, и, получив согласие, приехал.

Предполагал я приехать на короткий срок: мне казалось, что вся моя работа за границей требует скорого возвращения туда, и в первую очередь Испания. С самого начала испанской войны я живу этим делом. Я писал об Испании для «Известий», писал в

испанские газеты, в коммунистические журналы Франции, Америки, Чехии, писал статьи, очерки, написал роман. Помимо этого, как мог, помогал там в деле пропаганды.

Сейчас мне тяжело, что я не там. За два месяца в Москве я сделал 50 докладов — на заводах, красноармейцам, вузовцам, все, конечно, об Испании, я видел, какой у нас к этому интерес, и вот сейчас, в такие трудные для Испании дни, в наших газетах только сухие сводки.

Назревают событья во Франции. Ведь я все это знаю, я должен об этом писать. Добавлю, что во Франции я оставил общественно-литературную работу в самое горячее время. Незадолго перед отъездом мне удалось одной из моих статей наконец-то поднять против Жида «левых писателей» — группу «Вандреди», Мальро и др. Важно это продолжить, на месте бороться с антисоветской кампанией. Я во Франции прожил с небольшими перерывами около тридцати лет и думаю, что сейчас там и в Испании я больше всего могу быть полезен нашей стране, нашему делу.

Редакция «Известий», отдел печати Цека все время мне говорят: «Наверно скоро поедете»… Мне обидно, больно, что в такое время я сижу без дела, и вот это чувство заставило меня написать Вам. Я очень прошу простить мне, что по этому вопросу обращаюсь лично к Вам, но мы сжились с мыслью, что Вы не только наш руководитель, но и наш друг, который входит во все.

С глубоким уважением

Илья Эренбург».

В верхнем правом углу первого листа письма имеется помета, исполненная красным карандашом:

«От И. Эренбурга».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 288. Л. 15–15 об. Подлинник. Машинопись. Подпись — автограф.

И. Эренбург приехал из Испании в Москву 24 декабря 1937 года для участия в работе пленума Союза советских писателей. Он предполагал пробыть в СССР две недели. Однако вплоть до мая 1938 года он не мог получить разрешения на возвращение в Мадрид.

Видимо, имеется в виду повесть по испанским мотивам «Что человеку надо», изданная в Москве в 1937 году.

Жид Андре (1869–1951) —

французский писатель, симпатизировавший Советскому Союзу. Посетив в СССР в 1936 году, он выпустил книгу «Возвращение из СССР», после чего был разруган советской прессой.

«Вандреди» (фр. «Пятница») —

газета, издавалась в Париже, выходила по пятницам.

И. Г. Эренбург — И. В. Сталину

«15 апреля 1945 года

Дорогой Иосиф Виссарионович,

мне тяжело, что я должен занять Ваше время в эти большие дни вопросом, касающимся лично меня. Прочитав статью Г. Ф. Александрова, я подумал о своей работе в годы войны и не вижу своей вины. Не политический работник, не журналист, я отдался целиком газетной работе, выполняя свой долг писателя. В течение четырех лет ежедневно я писал статьи, хотел выполнить работу до конца, до победы, когда смог бы вернуться к труду романиста. Я выражал не какую-то свою линию, а чувства нашего народа, и то же самое писали другие, политически более ответственные. Ни редакторы, ни Отдел печати

мне не говорили, что я пишу неправильно, и накануне появления статьи, осуждающей меня, мне сообщили из и-ва «Правда», что они переиздают массовым тиражом статью «Хватит!».

Статья в «Правде» говорит, что непонятно, когда антифашист призывает к поголовному уничтожению немецкого народа. Я к этому не призывал. В те годы, когда захватчики топтали нашу землю, я писал, что нужно убивать немецких оккупантов. Но и тогда я подчеркивал, что мы не фашисты и далеки от расправы. А вернувшись из Восточной Пруссии, в нескольких статьях («Рыцари справедливости» и др.) я подчеркивал, что мы подходим к гражданскому населению с другим мерилом, нежели гитлеровцы. Совесть моя в этом чиста.

Накануне победы я увидел в «Правде» оценку моей работы, которая меня глубоко огорчила. Вы понимаете, Иосиф Виссарионович, что я испытываю. Статья, напечатанная в ЦО, естественно, создает вокруг меня атмосферу осуждения и моральной изоляции. Я верю в Вашу справедливость и прошу Вас решить, заслужено ли это мной.

Я прошу Вас также решить, должен ли я довести до победы работу писателя-публициста или в интересах государства должен ее оборвать. Простите меня, что Вас побеспокоил личным делом, и верьте, что я искренно предан Вам.

И. Эренбург».

В верхнем правом углу документа имеется исполненная синим карандашом помета:

«От т. Эренбурга».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 833. Л. 23–23 об. Подлинник. Машинопись. Подпись — автограф.

Письмо частично опубликовано (вероятно, по копии или черновику) в комментариях к мемуарам писателя «Люди, годы, жизнь» (М., 1990. Т. 2. С. 443–444). Автор комментария

утверждает, что Г. Я. Суриц — главный редактор «Известий» — убедил И. Эренбурга «не отправлять Сталину уже написанное письмо». Однако письмо все же было отправлено. Пометка на нем говорит о том, что оно докладывалось адресату.

Александров Г. Ф. (1908–1961)

— начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Статья «Товарищ Эренбург упрощает» была опубликована в «Правде» 14 апреля 1945 года.

Статья «Хватит!» опубликована в «Правде» 9 апреля 1945 года. 11 апреля она перепечатана газетами «Красная звезда» и «Вечерняя Москва».

И. Г. Эренбург — И. В. Сталину

«2 января 1950 года

Дорогой Иосиф Виссарионович,

простите, что решаюсь побеспокоить Вас просьбой, связанной с моей работой. Я работаю над продолжением «Бури». На судьбах различных героев этой книги — советских людей, французов, американцев, немцев — я хочу показать историю послевоенных лет, борьбу за мир. Поездка в США в 1946 году позволяет мне дать ряд американских глав. Но мне не хватает материала для существенной части романа, протекающей во Франции (во время Парижского конгресса я провел там всего десять дней). Поэтому я прошу разрешить мне поехать на полтора-два месяца во Францию и на две-три недели в Берлин. Если почему-либо невозможно во Францию, в одну из соседних с ней стран (Бельгию, Италию, Швейцарию), где я мог бы собрать материал.

Я осмелился Вас этим потревожить, потому что без такой поездки мне пришлось бы отказаться от книги, над планом которой я работаю последнее время.

Я не могу закончить это письмо, не высказав Вам того, о чем мы все сейчас думаем: не пожелав Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, здоровья и счастья.

С глубоким уважением

И. Эренбург».

В левом верхнем углу имеется резолюция, исполненная синим карандашом: «Удовлетворить. Ст.». Этим же карандашом отчеркнуты на полях конец второго и последний абзац, а также подчеркнута подпись писателя. В нижнем правом углу помета: «Решение П 72/142 от 3.1.1949» (год указан, очевидно, ошибочно).

Там же. Л. 24. Подлинник. Машинопись. Подпись — автограф.

Роман «Буря» опубликован в 1947 году (удостоен Сталинской премии в 1948 году); продолжение романа «Девятый вал» — опубликовано в 1951–1952 годах.

Имеется в виду Конгресс сторонников мира 1949 года.

Разрешение советских властей И. Эренбург получил, однако французское правительство в визе писателю отказало. Материал он собирал в Бельгии и Швейцарии.

«Изъять всех социально опасных детей»

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович! После долгих колебаний я наконец-то решился написать Вам это письмо. Его тема — советские дети.

Нужно быть слепым, чтобы не видеть, что в огромном своем большинстве они благородны и мужественны. Уже одно движение тимуровцев, подобного которому не существует нигде на земле, является великим триумфом всей нашей воспитательной системы.

Но именно потому, что я всей душой восхищаюсь невиданной в истории сплоченностью и нравственной силой наших детей, я считаю своим долгом советского писателя сказать Вам, что в условиях военного времени образовалась обширная группа детей, моральное разложение которых внушает мне большую тревогу.

Хуже всего то, что эти разложившиеся дети являются опасной заразой для своих товарищей по школе. Между тем школьные коллективы далеко не всегда имеют возможность избавиться от этих социально опасных детей.

Около месяца назад в Машковом переулке у меня на глазах был задержан карманный вор. Его привели в 66-е отделение милиции и там оказалось, что этот вор-профессионал, прошедший уголовную выучку, до сих пор как ни в чем не бывало учится в 613-й школе!

Он учится в школе, хотя милиции отлично известно, что он не только вор, но и насильник: еще недавно он ударил стулом по голове свою мать за то, что она не купила ему какой-то еды. Фамилия этого школьника Шагай. Я беседовал о нем с директором 613-й школы В. Н. Скрипченко и она сообщила мне^ что он уже четвертый год находится во втором классе, попрошайничает, ворует, не хочет учиться, но она бессильна исключить его, так как РайОНО возражает против его исключения.

Я не осмелился бы писать Вам об этом случае, если бы он был единичным. Но, к сожалению, мне известно большое количество школ, где имеются социально опасные дети, которых необходимо оттуда изъять, чтобы не губить остальных.

Вот, например, 135-я школа Советского района. Школа неплохая. Большинство ее учеников — нравственно здоровые дети. Но в классе 3«В» есть четверка — Валя Царицын, Юра Хромов, Миша Шаковцев, Апрелов, — представляющая резкий контраст со всем остальным коллективом. Самый безобидный из них Юра Хромов (с обманчивой наружностью тихони и паиньки) принес недавно в класс украденную им женскую сумочку.

В протоколах 83-го отделения милиции ученики этой школы фигурируют много раз. Сережа Королев, ученик 1-го класса «В», занимался карманными кражами в кинотеатре «Новости дня». Алеша Саликов, ученик 2-го класса «А», украл у кого-то продуктовые карточки. И т. д. и т. д.

Стоит провести один час в детской комнате любого отделения милиции, чтобы убедиться, как малоэффективны те меры, которые находятся в распоряжении милицейских сержантов, — большей частью комсомолок 17-летнего возраста.

Комсомолки работают очень старательно, с большим педагогическим тактом, но вряд ли хоть один вор перестал воровать оттого, что ему в милиции прочитал наставление благородный и красноречивый сержант.

Особенно смущают меня проявления детской жестокости, которые я наблюдаю все чаще.

В Ташкентском зоологическом саду я видел 10-летних мальчишек, которые бросали пригоршни пыли в глаза обезьянкам, чтобы обезьянки ослепли. И одна из них действительно ослепла. Мне рассказывали достоверные люди о школьниках, которые во время детского спектакля, воспользовавшись темнотою зрительного зала, стали стрелять из рогаток в актеров, — так что спектакль пришлось отменить.

Но как бы я ни возмущался проступками этих детей, я никогда не забываю, что в основе своей большинство из них — талантливые, смышленые, подлинно — советские дети, которых нельзя не любить.

Они временно сбились с пути, но еше не поздно вернуть их к полезной созидательной работе.

Для их перевоспитания необходимо раньше всего основать возможно больше трудколоний с суровым военным режимом типа колонии Антона Макаренко.

Режим в этих колониях должен быть гораздо более строг, чем в ремесленных училищах. Основное занятие колоний — земледельческий труд.

Во главе каждой колонии нужно поставить военного. Для управления трудколониями должно быть создано особое ведомство, нечто вроде Наркомата безнадзорных детей. В качестве педагогов

должны быть привлечены лучшие мастера этого дела, в том числе бывшие воспитанники колонии Макаренко.

При наличии этих колоний можно произвести тщательную чистку каждой школы: изъять оттуда всех социально опасных детей и тем спасти от заразы основные кадры учащихся. А хулиганов — в колонии, чтобы по прошествии определенного срока сделать из них добросовестных, дисциплинированных и трудолюбивых советских людей!

Может быть, мой проект непрактичен. Дело не в проекте, а в том, чтобы сигнализировать Вам об опасности морального загнивания, которая грозит нашим детям в тяжелых условиях войны.

Прежде чем я позволил себе обратиться к Вам с этим письмом, я обращался в разные инстанции, но решительно ничего не добился. Зная, как близко к сердцу принимаете Вы судьбы детей и подростков, я не сомневаюсь, что Вы, при всех Ваших титанически-огромных трудах, незамедлительно примете мудрые меры для коренного разрешения этой грозной проблемы.

С глубоким почитанием писатель
К. Чуковский

ул. Горького, 6, кв. 89.
К-5-11-19».
АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 885. Л. 85–87.
Имеется помета: «Поступило в О[бщий] С[ектор] ЦК ВКП(б) 17.V.1943 г.

Назовите город именем мужа

По прихоти партийного руководства старинный город Рыбинск четырежды менял свое название. В 1777–1946, 1957–1984 и с 1989 года — Рыбинск, в 1946–1957 годах — Щербаков, в 1984–1989 годах — Андропов.

В 1946 году Рыбинск был переименован в Щербаков по просьбе жены А. С. Щербакова, письмо которой следует ниже.

«Дорогой товарищ Сталин!

Невиданно величественна победа страны социализма и велики жертвы народа. Я верю, что так же, как мне святая память о чудесном друге моем и продолжение дела его дороже всего на свете, так дорога память миллионам сердец о нем и всех тех, кто не вернулся ко Дню Победы. Много величественных строк будет вписано в историю о замечательных сынах страны социализма.

Но и сегодня великая память о сталинских богатырях и родных людях в народе и в сердце каждого человека поднимет миллионы на большие дела для победы коммунизма.

Я знаю, как непостижимо велики Ваши заботы, но прошу Вашего слова о выполнении Указа о памятнике Щербакову А. С. и о разработке его архива и печатании.

Не получил разрешения вопрос о переименовании г. Рыбинска в г. Щербаков, так как год тому назад не было уточнено место его рождения.

Теперь документально установлено, что А. С. родился в г. Рыбинске, жил и учился там, вступил в партию и в Красную гвардию.

Я верю, что население радостно встретит это переименование, как достойную память.

Ведь погиб, добывая великую победу, сын русского народа, сын социалистической Родины, соратник Сталина — творца победы, один из замечательной плеяды сталинских богатырей.

Спасибо природе за Ваше здоровье, как говорил А. С., берегите его для счастья миллионов на многие годы,

Щербакова В. К.

7. V.1946 г.».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 231. Л. 1. Копия.

14 сентября 1946 года в газете «Известия» появилось сообщение, в котором говорилось, что «Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил ходатайство советских, партийных и общественных организаций города Рыбинска и Указом от 13 сентября 1946 года переименовал город Рыбинск Ярославской области в город Щербаков».

Щербаков А. С. (1901–1945).

Советский партийный деятель, генерал-полковник (1943). Во всех официальных источниках местом его рождения считается г. Руза Московской области. В 1941–1945 годах секретарь ЦК ВКП(б), кандидат в члены Политбюро, одновременно с июня 1942 года начальник Главного политического управления РККА, в 1942–1943 годах заместитель наркома обороны СССР. Умер от сердечного приступа на второй день после Победы (10.05.1945).

Глава 12
СТАЛИН И РУССКИЙ ЯЗЫК

Нарком просвещения А. Бубнов — И. Сталину
«Секретно
16 января 1930 г.
г. Москва
№ НКП 69/М
В ЦК ВКП(б) тов. Сталину

Согласно телефонному разговору представляю Вам справку Зав. Главнаукой тов. ЛУППОЛА о латинизации.
А. Бубнов

СПРАВКА
О работе Главнауки по завершению реформы орфографии и над проблемой латинизации русского алфавита

По инициативе общественности (пресса, собрания учащихся, учителей, работников печати и т. п.) Главнаука с начала ноября 1929 г. приступила к разработке дальнейшей реформы орфографии. В процессе внутренней работы Главнауки выяснилась необходимость не только завершения реформы (1917 г.) орфографии и пунктуации, но и изучения проблемы латинизации русского алфавита. В особенности заинтересованной в этом деле оказалась полиграфическая промышленность, представители которой дали предварительные подсчеты возможной экономии. Один переход с «и» на «і» («и» с точкой) должен дать экономию до 4-х мил. рублей в год, в том числе до 1 мил. рублей валютой (цветные металлы). Диспут, организованный «Домом, печати», свидетельствовал о том, что общественность, связанная с полиграфической промышленностью, высказывается за латинизацию. Письма, получаемые Главнаукой, говорят, что эта проблема интересует широкие круги. Мнения, заключающиеся в письмах, разнородны. При таком положении Главнаука считала и считает необходимым
комиссионным путем

прорабатывать эту проблему. В настоящий момент
предварительная проработка
закончена и весь материал с отзывами как представителей общественности, так и ученых специалистов будет рассмотрен на закрытом заседании Коллегии Наркомпроса.

Само собою разумеется, что всякие слухи о предстоящем якобы уже введении латинского алфавита не основательны.
Вопрос, поднятый общественностью, лишь прорабатывается в органах Наркомпроса, и было бы плохо, если бы этот вопрос, поднимаемый в ряде организаций, застал Наркомпрос и прежде всего Главнауку врасплох.
И. Луппол».
АПРФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 15. Л. 54, 56. Подлинник.

«О латинизации».

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) Всесоюзная Коммунистическая Партия (большее.) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
№ П115/26-С
26.01.1930 г.
Тт. Курцу, Лупполу

Выписка из протокола № 115 заседания Политбюро ЦК от 25.01.1930 г.

26. — О латинизации.

Предложить Главнауке прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита.

Секретарь ЦК

Там же. Л. 52. Копия.

Зав. Главнаукой И. Луппол — Секретариату Политбюро ЦК ВКП(б)

«Секретно

5 февраля 1930 г.

№ 596/с

В Секретариат Политбюро ЦК ВКП(б)

Кульпроп ЦК ВКП(б)

Копия — Замнаркому НКП т. Курц.

По вопросу:

Немедленно по получению постановления Политбюро ЦК ВКП(б) Главнаукой 30/1-1930 года была распущена Комиссия по латинизации и в аппарате Главнауки вся работа по латинизации была прекращена.

Частные заметки, появляющиеся в печати, в частности в «Литературной газете» от 3/11-30 года, шли не из Главнауки, а от отдельных членов Комиссии, с которыми учреждения вели переговоры до постановления ЦК.

Во избежание такого явления в будущем, сегодня Главнаука обратилась в печать с предложением прекратить помещение в печати заметок и статей по вопросу о латинизации.

Зав. Главнаукой НКП:

Луппол

Выписка

РАСПОРЯЖЕНИЕ

По Главнауке НКП. № 66

30-го января 1930 г.

П/Комиссия по латинизации русского алфавита ввиду окончания проработки порученного ей вопроса объявляется распущенной.

Зав. Главнаукой

(Луппол)

Ученый Секретарь Главнауки

(Костенко)».

Там же. Л. 57, 58. Подлинник.

«О «реформе» русского алфавита»

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)

«Строго секретно

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П47/опр. 8-с 2 июля 1931 г.

Тт. Бубнову, Стецкому, Эпштейну, Милютину Н. А., Крупской, Покровскому. Выписка из протокола № 47 заседания Политбюро ЦК от 5 июля 1931 г.

Опросом членов ПБ от 2.VII.31 г.

О «реформе» русского алфавита.

Ввиду продолжающихся попыток «реформы» русского алфавита (см. извещение об итогах всесоюзного совещания орфографистов в «Вечерней Москве» от 29 июня), создающих угрозу бесплодной и пустой растраты сил и средств государства, ЦК ВКП(б) постановляет:

1) Воспретить всякую «реформу» и «дискуссию» о «реформе» русского алфавита.

2) Возложить на НКПрос РСФСР т. Бубнова ответственность за исполнение этого постановления.

Секретарь ЦК

ПРОЕКТ РЕФОРМЫ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Итоги Всесоюзного орфографического совещания

26 июня закончило работу Всесоюзное совещание по реформе русской орфографии, пунктуации и транскрипции иностранных слов.

В результате горячего обсуждения и проработки проекта в секциях, совещание приняло с некоторыми поправками проект НИЯЗ'а. В основу этого проекта положен принцип приближения письменной речи к устной, или, точнее говоря, приближение орфографии к живому литературному языку.

Практическая часть этого
проекта
сводится в основном к следующему:

Упраздняются буквы
э
,
и
,
й
,
ъ
и (апостроф).

Вместо
э
всюду пишется
е
(етаж, електричество (произношение, конечно, остается прежнее). Вместо
и
вводится
i.

Проект вводит новую букву j (йот),
которая употребляется, во-первых, везде вместо й, во-вторых, в сочетании с а, о, у, вместо я, е,
ю
Оаблоко, jуг), в-третьих, в середине слов вместо ъ или
ь

знака, стоящих перед гласными (објект, калјян), а также в слове миллион (милјон), и в-четвертых, в сочетании
ьи
(чји, семјя). Буквы
я
,
ю
,
е
сохраняются для обозначения мягкого произношения предшествующей согласной (няня, мел).

После ж, ш, ч, ц никогда не пишутся я, ю,
ы
(огурці, революціја, ціган).

Мягкий знак упраздняется:

1) после шипящих (рож), 2) в середине счетных слов (пятдесят, семсот), 3) в неопределенной форме глаголов, оканчивающейся на
тся
(он будет учится).

По вопросу о двойных согласных в корнях слов
проект
первоначально предлагал упразднить их, то есть писать Ана вместо Анна, каса вместо касса и т. д., но совещание признало это мероприятие нецелесообразным. Таким образом,
двойные согласные в корнях слов остаются.

Приставки
из, воз, низ, раз, без, чрез
— всегда пишутся с буквой з. Окончания прилагательных
ого, его
заменяются
ово, ево.
Окончания прилагательных мужского рода следует писать ој, еј (КрасНОј, добро]). Окончания прилагательных
ые, ие,
заменяются — ьп, іі (добрьп, сини).

В сложных названиях (Всесоюзный центральный исполнительный комитет) с большой буквы пишется только первое слово.

Устанавливается свободный перенос слов (совет).

По вопросу о пунктуации
совещание приняло подробный свод правил, во многом совпадающий с существующими правилами. Наиболее существенное изменение — это сокращение

случаев употребления запятой (например, между предложениями, соединенными сочинительными союзами).

В вопросе
о транскрипции иностранных слов
проект кладет в основу
принцип передачи произношения
слова (в особенности фамилий), а не написания.

Французские носовые звуки передаются буквой
н
и (перед губными согласными) буквой м. Немецкое h — буквой х, дифтонг ei —
аи.

Исключение делается для тех фамилий, которые давно и прочно вошли в русский язык в другой транскрипции, например,

Гейне, Гауптман

должны писаться по-прежнему, а не Хаше, Хауптман, как это следовало бы по новым правилам.

Принятый Всесоюзным совещанием проект реформы орфографии, пунктуации и транскрипции

передается на утверждение коллегии Наркомпроса, а затем Совнаркома.

В. Г.»

Там же. Л. 59, 60. Копии.

Зав. культпропотделом ЦК ВКП(б) А. Стецкий — И. Сталину и Л. Кагановичу

«Секретарям ЦК ВКП(б) тов. Сталину тов. Кагановичу

По поводу книжки Хансуварова сообщаю, что она вышла еще в июне 1932 года и не проходила через контроль Культпропа.

Решение о том, чтобы вся литература Партиздата выпускалась с разрешения Культпропа, было вынесено в мае 1933 года.

Это, конечно, не снимает ответственности с Культпропа за то, что ошибочные положения этой книжки не были своевременно замечены, раскритикованы и книжка была распространена Партиздатом.

Что касается существа дела, то весной прошлого, 1933 г. Культпропом были даны твердые указания Комитету по латинизации (т. Мусабекову и т. Каркмассову) о том, что ни в коем случае не латинизировать алфавит тех народностей, которые применяют русскую письменность.

Зав. культпропотделом ЦК ВКП(б):
А. Стецкий
20.11.34 г.».

Там же. Л. 89. Подлинник.

И.о. директора Партиздата Веритэ — И. Сталину и Л. Кагановичу

«г. Москва
20 февраля 1934 г.
№ 12/с

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Кагановичу

В связи с выступлением тов. Разумова на XVII съезде ВКП(б) и критикой, помещенной в «Правде» о книжке И. Хансуварова «Латинизация — орудие ленинской национальной политики», считаю необходимым сообщить Вам, что рукопись этой книжки была представлена в Партиздат 16 января 1932 г., т. е. в первые дни существования Партиздата. Она была сдана в производство в мае мес. и выпущена тиражом в 20 тыс. экз. в июле мес. 1932 г., т. е. в организационный период Партиздата.

Вскоре после выхода этой книжки я обратил внимание Культпропа ЦК ВКП(б) (т. Хавенсона) на имеющиеся в книжке крупные политические ошибки. По моему предложению тов. Хавен-сон вызвал в Культпроп для оценки этой книжки в качестве рецензента т. Умара Алиева, который, как я выяснил, дал резко отрицательную оценку.

Однако никаких дальнейших указаний от Культпропа ЦК ВКП(б) по этой книжке Партиздат не получил и вопрос о ней до XVII партсъезда не поднимался.

Мною дано распоряжение об изъятии этой книги из торговой сети.

И.о. директора «Партиздата»
(Веритэ)».

Там же. Л. 90. Подлинник.

Записка зав. отделом науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б) К. Баумана

А. Андрееву и Н. Ежову «О новом алфавите и языковом строительстве»

«С. секретно
№ ОБ-322 15 мая 1936 г.

Секретарям ЦК ВКП(б) — тов. Андрееву А. А., тов. Ежову
Н.
И.

О новом алфавите и языковом строительстве

Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА) был создан в 1927 году, а позднее — Комитеты нового алфавита (Н. А.) в республиках и нацобластях с арабской письменностью, в связи с назревшей необходимостью заменить архаическую запутанную арабскую письменность более доступной широким трудящимся массам латинизированной письменностью.

Новый алфавит встретил большое сопротивление со стороны феодально-клерикальных и буржуазно-националистических элементов, пытавшихся развернуть на этой почве контрреволюционную агитацию против большевиков и Советской власти. Например, мусаватисты и духовенство в Азербайджане приписывали Советской власти и ВКП(б) намерение «расколоть единый мусульманский мир, изолировать Азербайджан от других тюрко-татарских народов».

К началу текущего года создано 17 алфавитов для народов с арабской письменностью, и тем самым было значительно облегчено участие в социалистическом строительстве трудящихся различных тюрко-татарских народов, которые вполне освоили новую письменность.

Однако латинизация не ограничилась одной только арабской письменностью: вслед за ней началась латинизация монгольской, древнееврейской и ассирийской

письменностей, а также развернулась работа по созданию письменности на латинской основе для многочисленных безписьменных народов. К настоящему моменту по Советскому Союзу создано 68 латинизированных алфавитов.

В 1930 году по инициативе т. Луначарского был поставлен на очередь вопрос о латинизации русской письменности. В статье «Латинизация русской письменности», напечатанной в журнале «Культура и письменность Востока» (кн. VI), он писал: «Отныне наш русский алфавит отдалил нас не только от Запада, но и от Востока, в значительной степени нами же пробужденного… Выгоды, представляемые введением латинского шрифта, огромны. Он дает нам максимальную международность, при этом связывая нас не только с Западом, но и с обновленным Востоком». Созданная тогда при Главнауке Наркомпроса подкомиссия по латинизации русской письменности объявила русский алфавит «идеологически чуждой социалистическому строительству формой графики», «пережитком классовой графики XVIII–XIX вв. русских феодалов-помещиков и буржуазии», т. е. «графики самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма и насильственной русификации».

Левацкий загиб Наркомпроса и т. Луначарского оказался на руку антисоветским буржуазно-националистическим элементам в национальных республиках и областях с русской письменностью. Враги Советской власти и ВКП(б) пытались использовать латинизацию в целях отрыва трудящихся этих республик и областей от общей семьи народов Союза ССР. Прикрываясь разговорами о «международном характере» латинской основы, они отстаивали ориентацию на буржуазную культуру Зап. Европы в противовес развивающейся культуре, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Начавшееся активное искоренение русской основы в письменности тех народов, которые пользовались ею в течение десятилетий, возглавили ВЦКНА и местные комитеты нового алфавита. Однако латинизация во что бы то ни стало встретила решительное сопротивление среди местного населения. Например, сторонники русской основы в Удмуртии и Коми прямо говорили: «Какое нам дело, кем алфавит был выработан. Пусть наш алфавит был когда-то выработан миссионерами. В настоящее время он является орудием в руках пролетариата и служит целям советского строительства».

Орган ВЦКНА — «Революция и письменность» (№ 1, 1933 год) травил этих сторонников русской основы в Удмуртии, как представителей «обрусительно-миссионерской политики царизма». А когда все попытки насильственного перевода удмуртов на латинский алфавит потерпели крах, что явилось следствием определенного противодействия широких масс населения, — тогда орган ВЦКНА — «Революция и письменность» выступил с негодующими упреками по адресу местного комитета Н. А.

В области Коми насильственный перевод на латинский алфавит превратился прямо в издевательство над широкими массами населения: здесь до 1932 года была письменность на русской основе, в 1932 году ввели латинизированный алфавит, а в 1935 году его отменили и вернулись опять к русской основе. Эти латинизаторские эксперименты над народом Коми проводились с санкции и по директивам Президиума ЦКНА РСФСР, который в январе 1931 года в своем постановлении специально отметил, что «существующие алфавиты коми и удмуртского народов, являющиеся несколько кустарно видоизмененными после революции миссионерскими русификаторскими алфавитами, ни в какой мере не соответствуют как в идеологическом, так и в техническом отношении периоду развернутого наступления социализма по всему фронту».

В результате активного искоренения русского алфавита ВЦКНА и местные комитеты НА создали 10 латинизированных алфавитов для народов с русской письменностью, 3 — для народов с русской и арабской письменностью и 2 — для народов с русской и монгольской письменностью. И лишь за немногими исключениями среди всех этих народов латинизация проводилась вопреки действительным желаниям населения, т. е. она была просто навязана. Усвоили латинизированный алфавит якуты (переведены с русской письменности), бурят-монголы, калмыки (раньше имели русскую и монгольскую

письменность) и молдавы (переведены с русской письменности). Большие сомнения вызывает целесообразность дальнейшего применения латинизированного алфавита у хакассов, ойротов, кумандинцев, шорцев, черкесов, кабардинцев, балкарцев, абазинцев и адыгейцев. Не усвоили и тяготятся латинизированным алфавитом вепсы, ижорцы, калининские карелы, коми-пермяки и народы Крайнего Севера (ненцы, эвенки, эвены, ханте, маньси и др.), которые раньше не имели своей родной письменности, но по известным условиям жизни хорошо знали русский язык и пользовались русской письменностью. Таким образом, ВЦКНА и местные комитеты НА возвели латинизацию в какой-то абсолютный принцип или в самоцель, действуя наперекор развивающейся тяге народов Советского Союза к взаимному сближению. Дело дошло до того, что ВЦКНА и местные комитеты НА начали искусственно создавать латинизированные алфавиты для целого ряда малочисленных племен и незначительных этнических групп. Так, например, созданы особые латинизированные алфавиты для кетов (всего насчитывается 1400 чел.), для уде (1400 чел.), селькупов (1500 человек), ительменов (1700 чел.) и т. д.

Наконец, при проведении латинизации не были унифицированы алфавиты даже родственных по языку народов. Отсюда многочисленные расхождения в буквенных выражениях однородных звуков. Например, звук «Ч» передается тремя различными буквами, звук «Ц» — четырьмя, звук «Ж» — пятью, звук «ДЖ» — шестью и т. д. Во всей системе новых алфавитов имеется 125 различных обозначений звуков, тогда как при последовательном проведении унификации, по признанию самого ВЦКНА, это количество знаков можно было бы довести, по крайней мере, до 83.

Надо особо отметить, что некоторые новые алфавиты только называются латинизированными, как, например, абазинский и кабардинский алфавиты, а в действительности это — мешанина латинских, русских и вновь созданных графических знаков, напоминающая по своей сложности и запутанности прежнюю арабскую письменность. В самом деле, латинский алфавит имеет всего 24 знака, между тем в кабардинском языке насчитывается 65; а в абазинском — 68 фонем (звуков). Для обозначения всей этой массы фонем сверх 24 латинских букв «латинизаторы» использовали ряд букв из русского алфавита, видоизменили ряд латинских букв, придумали несколько новых букв, ввели множество надстрочных и подстрочных знаков — разных черточек, крючочков и хвостиков. В результате получился кабардинский алфавит с 46 одинарными и 9 двойными буквами, а абазинский с 51 одинарной и 17 двойными буквами. Долголетний опыт показал, что кабардинские и абазинские дети с трудом овладевают своими азбуками только на пятом году обучения, а бегло читать эту «латинизированную» письменность еще никто до сих пор не научился. Совершенно ясно, что такая «латинизация» является серьезнейшим тормозом в деле дальнейшего развития национальной письменности и культуры вообще. Между тем, не говоря о целом ряде других соображений, русский алфавит имеет сам по себе ряд таких особенностей, которые делают его наиболее приемлемым для многих народов Северного Кавказа. Например, одно то обстоятельство, что в русском алфавите насчитывается 33 буквы, среди которых многие (Ц, Ч, Щ и др.) характерны и для горских языков, дает возможность построить сравнительно более короткие алфавиты, не прибегая к дополнительным знакам и не перегружая их двойными обозначениями, т. е. такие алфавиты, которые легко усваиваются и благодаря которым учащиеся в короткий срок овладевают навыками беглого чтения.

Неблагополучно также обстоит дело с терминологическим строительством языков многих народов Союза ССР. Особенно неблагополучно в этом отношении среди пограничных народов и народностей, где «латинизация» является просто орудием больших и малых империалистов. Например, в Советской Молдавии в течение ряда лет открыто проводилась румынизация терминологии, а в Советской Карелии (при старом руководстве) — самая активная финизация. И все это происходило, несмотря на сопротивление широких масс населения. В той же Советской Карелии дело доходило до

того, что на общественных собраниях массы демонстративно выступали на русском языке, а им навязывали финский язык. Или взять, например, ижорцев: выборочный терминологический анализ 564 слов из ижорской азбуки показывает, что собственно ижорские слова составляют в ней только 5,9 %, русские — 6,4 %, зато финские — 87,7 %; такой же анализ 1500 слов из второй книги для чтения дает 3,4 % собственно ижорских слов, 6,4 % — русских и 90,2 % — финских. Это есть настоящая фини-зация ижорцев!

Такое состояние работы в области создания письменности и языкового строительства является прямым результатом грубых извращений национальной политики ВКП(б) и притупления политической бдительности со стороны отдельных руководящих работников ВЦКНА — т. т. Коркмасова и Диманштейна. Руководство со стороны президиума ВЦКНА местными комитетами явно недостаточное и лишь в последнее время несколько оживилось в связи с последним пленумом ВЦКНА. Наличие самотека в языковом строительстве приводило к тому, что отдельные национальные республики и области по собственному усмотрению принимали, отменяли и изменяли алфавиты, орфографию и терминологию, а ВЦКНА беспомощно «наблюдал» и «фиксировал». Например, в области Коми, как указано выше, три раза меняли алфавит, в Калмыкии в 1935 году изменили ряд букв и орфографию, в Узбекистане совсем недавно выбросили две буквы.

Ввиду явной неупорядоченности всего дела введения нового алфавита и разработки терминологии для языков соответствующих народов СССР, Отдел науки ЦК считает необходимым превратить ВЦКНА в авторитетный центр, без санкции которого не решался бы ни один важный вопрос языкового строительства. Опираясь на инициативу мест и серьезную научно-исследовательскую базу в лице Института национальностей ЦИК Союза ССР, В.Ц.К.Н.А. должен вносить все важные вопросы по введению и изменению алфавита, орфографии и терминологии на рассмотрение и утверждение Президиума Совета Национальностей ЦИК Союза ССР.

В соответствии с этим прилагаю проект предложений.

Зав. отделом науки, научно-технических изобретений

и открытий ЦК ВКП(б)

К. Бауман

Практические предложения о новом алфавите и языковом строительстве

1. Установить такой порядок, чтобы впредь все алфавиты, орфографические справочники, терминологические словари и грамматики, а также всякие изменения в них принимались и вводились в употребление не иначе как только по особым постановлениям Президиума Совета Национальностей ЦИК Союза ССР по представлению Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита (ВЦКНА).

2. Отменить постановления Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита и Ленинградского областного Комитета Нового Алфавита о создании латинской письменности для вепсов, ижорцев, калининских карел, коми-пермяков и народов Крайнего Севера (ненцев, эвенков, эвенов, ханте, маньси и др.) и обязать ВЦКНА в трехмесячный срок перевести алфавиты всех этих народов на русскую основу.

3. Поручить ВЦКНА в срочном порядке рассмотреть предложения Северо-Кавказских и Кабардино-Балкарских организаций о переходе кабардинцев с латинизированного алфавита на алфавит с русской основой.

4. Поручить ВЦКНА подготовить к осени 1936 г. заключение о целесообразности дальнейшего применения латинизированных алфавитов у хакассов, ойротов, кумандинцев, шорцев, черкесов, абазинцев и адыгейцев.

5. Обязать ВЦКНА в ближайшие два-три года унифицировать новые алфавиты по латинской и русской основам отдельно, обеспечить составление и издание

орфографических справочников, терминологических словарей и грамматик для народов Союза ССР с новыми алфавитами.

6. Объединить Институт национальностей ЦИК Союза ССР с Ленинградским научно-исследовательским институтом языковедения Наркомпроса РСФСР и научно-исследовательской ассоциацией Института народов Севера, реорганизовав их в Центральный институт языка и письменности народов Союза ССР при Совете Национальностей ЦИК Союза ССР, с отделением в Ленинграде, возложив на этот институт непосредственную разработку орфографических справочников, терминологических словарей и грамматик, а также оказание квалифицированной научной помощи нац. областям и республикам в работе над алфавитом и в языковом строительстве.

Организовать к началу 1936–1937 учебного года при Центральном институте языка и письменности трехгодичные курсы на 100 человек для подготовки языковедов и переводчиков классиков марксизма-ленинизма.

Зав. отделом науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б)
К. Бауман».

Там же. Л. 114–121. Копия.

Глава 13
СТАЛИН И ФИНСКАЯ КАМПАНИЯ

14—17 апреля 1940 года в ЦК
ВКП(б)
проходило совещание начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии.

В одном из фондов архива ЦК КПСС хранилась стенограмма этого совещания. После запрета КПСС в 1992 году стенограмма попала в Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).

В работе совещания активное участие принимал И. В. Сталин. Он выступил с заключительным словом в последний день совещания, 17 апреля.

Многочисленные ниспровергатели Сталина утверждают, что он делал ставку на военачальников, сформированных в гражданскую войну, не понимал значения механизации и моторизации армии. Так ли это?

Давайте внимательно прочитаем документ, который сам ответит на этот и многие другие вопросы.

Итак, Москва, Кремль, 17 апреля 1940 года. Заседание седьмое, вечернее.

Кулик
(председательствующий). Слово имеет тов. Сталин.

Сталин. Я
хотел бы, товарищи, коснуться некоторых вопросов, которые либо не были задеты в речах, либо были задеты, но не были достаточно освещены.

Первый вопрос о войне с Финляндией.

Правильно ли поступили правительство и партия, что объявили войну Финляндии? Этот вопрос специально касается Красной Армии.

Нельзя ли было обойтись без войны? Мне кажется, что нельзя было. Невозможно было обойтись без войны. Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить, безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества. Не только потому, что Ленинград представляет процентов 30–35 оборонной промышленности нашей страны, и, стало быть, от целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны, но и потому, что Ленинград есть вторая столица нашей страны. Прорваться к Ленинграду, занять его и образовать там, скажем, буржуазное правительство, белогвардейское, — это значит дать довольно серьезную базу для гражданской войны внутри страны против Советской власти.

Вот вам оборонное и политическое значение Ленинграда как центра промышленного и как второй столицы нашей страны. Вот почему безопасность Ленинграда — есть безопасность нашей страны. Ясно, что коль скоро переговоры мирные с Финляндией не привели к результатам, надо было объявить войну, чтобы при помощи военной силы организовать, утвердить и закрепить безопасность Ленинграда и, стало быть, безопасность нашей страны.

Второй вопрос, а не поторопились ли наше правительство, наша партия, что объявили войну именно в конце ноября, — в начале декабря, нельзя ли было отложить этот вопрос, подождать месяца два-три-четыре, подготовиться и потом ударить? Нет. Партия и правительство поступили совершенно правильно, не откладывая этого дела и, зная, что мы не вполне еще готовы к войне в финских условиях, начали активные военные действия именно в конце ноября — в начале декабря. Все это зависело не только от нас, а скорее всего, от международной обстановки. Там, на Западе, три самые больших державы вцепились друг другу в горло, когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда руки заняты и нам представляется благоприятная обстановка для того, чтобы их в этот момент ударить.

Было бы большой глупостью, политической близорукостью упустить момент и не попытаться поскорее, пока идет там война на Западе, поставить и решить вопрос о безопасности Ленинграда. Отсрочить это дело месяца на два означало бы отсрочить это дело лет на двадцать, потому что ведь всего не предусмотришь в политике. Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют.

Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено. Стало быть, благоприятная обстановка для того, чтобы поставить вопрос об обороне Ленинграда и обеспечении государства был бы упущен. Это было бы большой ошибкой.

Вот почему наше правительство и партия поступили правильно, не отклонив это дело и открыв военные действия непосредственно после перерыва переговоров с Финляндией.

Третий вопрос. Ну, война объявлена, начались военные действия. Правильно ли разместили наши военные руководящие органы наши войска на фронте? Как известно, войска были размещены на фронте в виде пяти основных колонн. Одна наиболее серьезная колонна наших войск — на Карельском перешейке. Другая колонна наших войск и направление этой колонны — было северное побережье Ладожского озера с основным направлением на Сердоболь. Третья колонна — меньшая — направлением на Улеаборг. Четвертая колонна — с направлением иа Торнио и пятая колонна — с севера на юг, на Петсамо.

Правильно ли было такое размещение войск на фронте? Я думаю, что правильно. Чего хотели добиться этим размещением наших войск на фронте?

Если взять Карельский перешеек, то первая задача такая. Ведь на войне надо рассчитывать не только на хорошее, но и на плохое, а еще лучше предусмотреть худшее. Наибольшая колонна наших войск была на Карельском перешейке для того, чтобы [исключить] возможность для возникновения всяких случайностей против Ленинграда со стороны финнов.

Мы знали, что финнов поддерживают Франция, Англия, исподтишка поддерживают немцы, шведы, норвежцы, поддерживает Америка, поддерживает Канада. Знаем хорошо. Надо в войне предусмотреть всякие возможности, особенно не упускать из виду наиболее худших возможностей. Вот исходя из этого, надо было здесь создать большую колонну — на Карельском перешейке — что могло прежде всего обеспечить Ленинград от всяких возможных случайностей.

Во-вторых, эта колонна войск нужна была для того, чтобы разведать штыком состояние Финляндии на Карельском перешейке, ее положение сил, ее оборону — две цели.

В-третьих, создать плацдарм для того, чтобы, когда подвезем побольше войск, чтобы они имели плацдарм для прыжка вперед и продвижения дальше. И, в-четвертых, взять Выборг, если удастся.

Во всяком случае, расположение войск на Карельском перешейке преследовало три цели: создать серьезный заслон против всяких возможностей и случайностей против Ленинграда; во-вторых, устроить разведку территории и тыла Финляндии, что очень нужно было нам, и в-третьих, создать плацдарм для прыжка, куда войска будут подвезены.

Следующий участок — севернее Ладожского озера. Наши войска преследовали две цели, тоже цель разведки, собственно, три цели, цель разведки войсковой, я говорю о разведке штыковой, это очень серьезная и наиболее верная разведка из всех видов разведки. Создание плацдарма для того, чтобы с подвозом войск выйти в тыл линии Маннергейма. Вторая основная цель — создание плацдарма и выхода в тыл, если это удастся.

Третья группа имела такую же цель — разведка территорий, населения, создание плацдарма и при благоприятных условиях сделать подход к Ку [Оулу]. Это возможная задача, но не вероятная, не вполне реальная.

Четвертая группа в сторону Торнио, нужно разведать в этом направлении, создать плацдарм для войск, которые потом подвезут, и при благоприятных условиях подойти к…

Пятая группа Петсамоская. Разведка — создание плацдармов, сделать удар по городу. Все эти группировки преследовали одну конкретную цель — заставить финнов разбить свои силы. Резерв у нас больше, чем у них, ослабить направление на Карельском перешейке, в конце прорвать Карельский перешеек и пройти севернее — к Финскому заливу.

Группа севернее Ладоги ставила перед собой задачу — взять Сердоболь, зайти в тыл. Группа Улебовская — занять Улебо. Группа Кондопожская — пойти на Торнио, группа Петсамоская — соединиться с группой Кондопожской.

Мы не раскрывали карты, что у нас имеется другая цель — создав плацдарм, произвести разведку. Если бы мы все карты раскрыли, то мы расхолодили бы наши армейские части. Задача была такая. Почему мы так осторожно и с некоторой скрытой целью подходили к этому вопросу, почему нельзя было ударить со всех пяти сторон и зажать Финляндию? Мы не ставили такой серьезной задачи, потому что война в Финляндии очень трудная. Мы знаем из истории нашей армии, нашей страны, что Финляндия завоевывалась четыре раза… Мы попытались ее пятый раз потрясти. Мы знали, что Петр I воевал двадцать один год, чтобы отбить у Швеции всю Финляндию. Финляндия была тогда провинцией у Швеции, именно тот район, который мы теперь получили, — район Колаярви и Петсамо. Это не в счет, весь Карельский перешеек до

Выборга, включая Выборгский залив, причем Петр не получил тогда полуострова Ханко, но он воевал двадцать один год.

Мы знали, что после Петра I войну за расширение влияния России в Финляндии вела его дочь Елизавета Петровна два года. Кое-чего она добилась, расширила, но Гельсингфорс оставался в руках Финляндии. Мы знали, что Екатерина II два года вела войну и ничего особенного не добилась.

Мы знали, наконец, что Александр I два года вел войну и завоевал Финляндию, отвоевал все области.

Точно такие же истории происходили с войсками русских тогда, как теперь: окружали, брали в плен, штабы уводили, финны окружали, брали в плен, то же, что и было. Всю эту штуку мы знали и считали, что, возможно, война с Финляндией продлится до августа или сентября 1940 года, вот почему мы на всякий случай учитывали не только благоприятное, но и худшее и занялись с самого начала войны подготовкой плацдармов в пяти направлениях. Если бы война продлилась и если бы в войну вмешалось какое-либо соседнее государство, мы имели в виду поставить по этим направлениям, где уже имеются готовые плацдармы 62 дивизий пехоты и 10 в резерве, 72 всего, чтобы отбить охоту вмешиваться в это дело. Но до этого дело не дошло.

У нас было всего 50 дивизий. Резерв так и остался резервом— 10 дивизий, но это потому, что наши войска хорошо поработали, разбили финнов и прижали финнов. Перед финнами мы с начала войны поставили два вопроса — выбирайте из двух одно: либо идите на большие уступки, либо мы вас распылим и вы получите правительство Куусинена, которое будет потрошить ваше правительство. Так мы сказали финской буржуазии. Они предпочли пойти на уступки, чтобы не было народного правительства. Пожалуйста. Дело полюбовное, мы на эти условия пошли, потому что получили довольно серьезные уступки, которые полностью обеспечивают Ленинград и с севера, и с юга, и с запада и которые ставят под угрозу все жизненные центры Финляндии. Теперь угроза Гельсингфорсу смотрит с двух сторон — Выборг и Ханко. Стало быть, большой план большой войны не был осуществлен и война кончилась через 3 месяца и 12 дней, только потому, что наша армия хорошо поработала, потому, что наш политический бум, поставленный перед Финляндией, оказался правильным. Либо вы, господа финские буржуа, идите на уступки, либо мы вам даем правительство Куусинена, которое вас распотрошит, и они предпочли первое.

Еще несколько вопросов. Вы знаете, что после первых успехов по части продвижения наших войск, как только война началась, у нас обнаружились неувязки на всех участках. Обнаружились потому, что наши войска и командный состав наших войск не сумели приспособиться к условиям войны в Финляндии.

Вопрос, что же особенно помешало нашим войскам приспособиться к условиям войны в Финляндии? Мне кажется, что им особенно помешала созданная предыдущая кампания психологии в войсках и командном составе — шапками закидаем. Нам страшно повредила польская кампания, она избаловала нас. Писались целые статьи и говорились речи, что наша Красная Армия непобедимая, что нет ей равной, что у нее все есть, нет никаких нехваток, ле было и не существует, что наша армия непобедима. Вообще в истории не бывало непобедимых армий. Самые лучшие армии, которые били и там, и сям, они терпели поражения. У нас, товарищи, хвастались, что наша армия непобедима, что мы всех можем шапками закидать, нет никаких нехваток. В практике нет такой армии и не будет.

Это помешало нашей армии сразу понять свои недостатки и перестроиться, перестроиться применительно к условиям Финляндии. Наша армия не поняла, не сразу поняла, что война в Польше — это была военная прогулка, а не война. Она не поняла и не уяснила, что в Финляндии не будет военной прогулки, а будет настоящая война. Потребовалось время для того, чтобы наша армия поняла это, почувствовала и чтобы она

стала приспосабливаться к условиям войны в Финляндии, чтобы она стала перестраиваться.

Это больше всего помешало нашим войскам сразу, с ходу приспособиться к основным условиям войны в Финляндии, понять, что она шла не на военную прогулку, чтобы на ура брать, а на войну. Вот с этой психологией, что наша армия непобедима, с хвастовством, которые страшно развиты у нас, — это самые невежественные люди, т. е. большие хвастуны — надо покончить. С этим хвастовством надо раз и навсегда покончить. Надо вдолбить нашим людям правила о том, что непобедимой армии не бывает. Надо вдолбить слова Ленина о том, что разбитые армии или потерпевшие поражения армии очень хорошо дерутся потом. Надо вдолбить нашим людям, начиная с командного состава и кончая рядовым, что война — это игра с некоторыми неизвестными, что там, в войне, могут быть и поражения. И поэтому надо учиться не только как наступать, но и отступать. Надо запомнить самое важное — философию Ленина. Она не превзойдена и хорошо было бы, чтобы наши большевики усвоили эту философию, которая в корне противоречит обывательской философии, будто бы наша армия непобедима, имеет все и может все победить. С этой психологией — шапками закидаем — надо покончить, если хотите, чтобы наша армия стала действительно современной армией.

Что мешало нашей армии быстро, на ходу перестроиться и приспособиться к условиям, не к прогулке подготовиться, а к серьезной войне. Что мешало нашему командному составу перестроиться для ведения войны не по-старому, а по-новому? Ведь имейте в виду, что за все существование Советской власти мы настоящей современной войны еще не вели. Мелкие эпизоды в Маньчжурии, у оз. Хасан или в Монголии, — это чепуха, это не война, это отдельные эпизоды на пятачке, строго ограниченном. Япония боялась развязать войну, мы тоже этого не хотели, и некоторая проба сил на пятачке показала, что Япония провалилась. У них было 2–3 дивизии и у нас 2–3 дивизии в Монголии, столько же на Хасане. Настоящей, серьезной войны наша армия еще не вела. Гражданская война — это не настоящая война, потому что это была война без артиллерии, без авиации, без танков, без минометов. Без всего этого, какая же это серьезная война? Это была особая война, не современная. Мы были плохо вооружены, плохо одеты, плохо питавшиеся, но все-таки разбили врага, у которого было намного больше вооружений, который был намного лучше вооружен, потому что тут в основном играл роль дух.

Так вот, что помешало нашему командному составу с ходу вести войну в Финляндии по-новому, не по типу гражданской войны, а по-новому? Помешали, по-моему, культ традиции и опыта гражданской войны. Как у нас расценивают комсостав: а ты участвовал в гражданской войне? Нет, не участвовал. Пошел вон. А тот участвовал? Участвовал. Давай его сюда, у него большой опыт и прочее.

Я должен сказать, конечно, опыт гражданской войны очень ценен, традиции гражданской войны тоже ценны, но они совершенно недостаточны. Вот именно культ традиции и опыта гражданской войны, с которым надо покончить, он и помешал нашему командному составу сразу перестроиться на новый лад, на рельсы современной войны.

Не последний человек у нас товарищ командир, первый, если хотите, по части гражданской войны, опыт у него большой, он уважаемый, честный человек, а вот до сих пор не может перестроиться на новый современный лад. Он не понимает, что нельзя сразу вести атаку без артиллерийской обработки. Он иногда ведет полки на ура. Если так вести войну, значит загубить дело, все равно, будут ли это кадры или нет, первый класс, все равно загубит. Если противник сидит в окопах, имеет артиллерию, танки, то он бесспорно разгромит.

Такие же недостатки были в 7-й армии — непонимание того, что артиллерия решает дело. Все эти разговоры о том, что жалеть нужно снаряды, нужны ли самозарядные винтовки, что они берут много патронов, зачем нужен автомат, который столько патронов берет, все эти разговоры, что нужно стрелять только по цели, — все это

старое, эта область и традиции гражданской войны. Это не содержит ничего современного.

Откуда все эти разговоры? Разговоры не только там велись, разговоры и здесь велись. Гражданские люди — я, Молотов — кое-что находили по части военных вопросов. Не военные люди специально спорили с руководителями военных ведомств, переспорили- их и заставили признать, что ведем современную войну с финнами, которых обучают современной войне три государства: обучала Германия, обучает Франция, обучает Англия. Взять современную войну при наличии укрепленных районов и вместе с тем ставить вопрос о том, что только по целям надо стрелять — значит несусветная мудрость.

Разговоры о том, почему прекратили производство автоматов Дегтярева. У него было только 25 зарядов. Глупо, но все-таки прекратили. Почему? Я не могу сказать.

Почему минометов нет? Это не новое дело. В эпоху империалистической войны в 1915 году немцы спасались от западных и восточных войск — наших и французских, главным образом, минами. Людей мало — мин много. 24 года прошло, почему у вас до сих пор нет минометов? Ни ответа, ни привета.

А чем все это объясняется? Потому что у всех в голове царили традиции гражданской войны: мы обходились без мин, без автоматов, что ваша артиллерия, наши люди замечательные, герои и все прочие, мы напрем и понесем. Эти речи напоминают мне красногольдеров в Америке, которые против винтовок выступали с дубинами и хотели победить американцев дубинами — винтовку победить дубиной — и всех их перебили.

Вот этот культ традиции и опыта гражданской войны развит у людей и отнял от них психологическую возможность побыстрей перестроиться на новые методы современной войны. Надо сказать, что все-таки недели через 2–3—4 стали перестраиваться: сначала… потом 13-я армия, Штерну тоже удалось перестроиться, тоже не без скрипа. Хорошо повел себя тов. Фролов, 14-я армия. Хуже всех пошло у тов. Ковалева. Так как он хороший боец, так как он герой гражданской войны и добился славы в эпоху гражданской войны, то ему очень трудно освободиться от опыта гражданской войны, который совершенно недостаточен. Традиции и опыт гражданской войны совершенно недостаточны, и кто их считает достаточными, наверняка погибнет. Командир, считающий, что он может воевать и побеждать, опираясь только на опыт гражданской войны, погибнет как командир. Он должен этот опыт и ценность гражданской войны дополнить обязательно… дополнить опытом современной. А что такое современная война? Интересный вопрос, чего она требует? Она требует массовой артиллерии. В современной войне артиллерия это бог, судя по артиллерии. Кто хочет перестроиться на новый современный лад, он должен понять, артиллерия решает судьбу войны, массовая артиллерия. И поэтому разговоры, что нужно стрелять по цели, а не по площадям, жалеть снаряды — это несусветная глупость, которая может загубить дело. Если нужно в день дать 400–500 снарядов, чтобы разбить тыл противника, передовой край противника разбить, чтобы он не был спокоен, чтобы он не мог спать, нужно не жалеть снарядов и патронов. Как пишут финские солдаты, что они на протяжении четырех месяцев не могли выспаться, только в день перемирия выспались. Вот что значит артиллерия. Артиллерия — первое дело.

Второе — авиация, массовая авиация, не сотни, а тысячи авиаций. И тот, кто хочет вести войну по-современному и победить в современной войне, тот не может говорить, что нужно экономить бомбы. Чепуха, товарищи, побольше бомб нужно давать противнику для того, чтобы оглушить его, перевернуть вверх дном его города, тогда добьемся победы. Больше снарядов, больше патронов давать, меньше людей будет потеряно. Будете жалеть патроны и снаряды — будет больше потерь. Надо выбирать. Давать больше снарядов и патронов, жалеть свою армию, сохранять силы, давать минимум убитых, или жалеть бомбы, снаряды.

Дальше танки, третье, тоже решающее, нужны массовые танки, не сотни, а тысячи. Танки, защищенные броней, — это все. Если танки будут толстокожими, они будут чудеса творить при нашей артиллерии, при нашей пехоте. Нужно давать больше снарядов и патронов по противнику, жалеть своих людей, сохранять силы армии.

Минометы, четвертое, нет современной войны без минометов, массовых минометов. Все корпуса, все роты, батальоны, полки должны иметь минометы 6-дюймовые обязательно, 8-дюймовые. Это страшно нужно для современной войны. Это очень эффективные минометы и очень дешевая артиллерия. Замечательная штука миномет. Не жалеть мин! Вот лозунг. Жалеть своих людей. Если жалеть бомбы и снаряды — не жалеть людей, меньше людей будет. Если хотите, чтобы у нас война была с малой кровью, не жалейте мин.

Дальше — автоматизация ручного оружия. До сих пор идут споры, нужны ли нам самозарядные винтовки с 10-зарядным магазином? Люди, которые живут традициями гражданской войны, дураки, хотя они и хорошие люди, когда говорят: «А зачем нам самозарядная винтовка?» А возьмите нашу старую винтовку 5-зарядную и самозарядную винтовку с десятью зарядами. Ведь мы знаем, что — целься, поворачивай, стреляй, попадется мишень — опять целься, поворачивай, стреляй. А возьмите бойца, у которого 10-зарядная винтовка, он в три раза больше пуль выпустит, чем человек с нашей винтовкой. Боец с самозарядной винтовкой равняется трем бойцам. Как же после этого не переходить на самозарядную винтовку, ведь это полуавтомат. Это страшно необходимо, война показала это в войсках армии. Для разведки нашей, для ночных боев, в тыл напасть, поднять шум, такой ужас создается в тылу ночью и такая паника, мое почтение. Наши солдаты не такие уж трусы, но они бегали от автоматов. Как же это дело не использовать.

Значит — пехота, ручное оружие с полуавтоматом-винтовкой и автоматический пистолет — обязательны.

Дальше. Создание культурного, квалифицированного и образованного командного состава. Такого командного состава нет у нас, или есть единицы.

Мы говорим об общевойсковом командире. Он должен давать задания, т. е. руководить авиацией, артиллерией, танками, танковой бригадой, минометчиками, но если он не имеет хотя бы общего представления об этом роде оружия, какие он может дать указания? Нынешний общевойсковой командир — это не командир старой эпохи гражданской войны, там винтовка, 3-дюймовый пулемет. Сейчас командир, если он хочет быть авторитетным для всех родов войск, он должен знать авиацию, танки, артиллерию с разными калибрами, минометы, тогда он может давать задания. Значит, нам нужен командный состав квалифицированный, культурный, образованный.

Дальше. Требуются хорошо сколоченные и искусно работающие штабы. До последнего времени говорили, что такой-то командир провалился, шляпа, надо в штаб его. Или, например, случайно попался в штаб человек с «жилкой», может командовать, говорят: ему не место в штабе, его на командный пост надо.

Если таким путем будете смотреть на штабы, тогда у нас штаба не будет. А что значит отсутствие штаба? Это значит отсутствие органа, который и выполняет приказ, и подготавливает приказ. Это очень серьезное дело. Мы должны наладить культурные искусно действующие штабы. Этого требует современная война, как она требует и массовую артиллерию и массовую авиацию.

Затем требуются для современной войны хорошо обученные, дисциплинированные бойцы, инициативные. У нашего бойца не хватает инициативы. Он индивидуально мало развит. Он плохо обучен, а когда человек не знает дела, откуда он может проявить инициативу, и поэтому он плохо дисциплинирован. Таких бойцов новых надо создать, не тех митюх, которые шли в гражданскую войну. Нам нужен новый боец. Его нужно и можно создать: инициативного, индивидуально развитого, дисциплинированного.

Для современной войны нам нужны политически стойкие и знающие военное дело политработники. Недостаточно того, что политработник на словах будет твердить: партия

Ленина-Сталина, все равно что аллилуйя-аллилуйя. Этого мало, этого теперь недостаточно. Он должен быть политически стойким, политически образованным и культурным, он должен знать военное дело. Без этого мы не будем иметь хорошего бойца, хорошо налаженного снабжения, хорошо организованного пополнения для армии.

Вот все те условия, которые требуются для того, чтобы вести современную войну нам, советским людям, и чтобы победить в этой войне.

Как вы думаете, была ли у нас такая армия, когда мы вступили в войну с Финляндией? Нет, не была. Отчасти была, но у нее, что касается этих условий, очень многого не хватало. Почему? Потому что наша армия, как бы вы ее ни хвалили, и я ее люблю не меньше, чем вы, но все-таки она — молодая армия, необстрелянная. У нее техники много, у нее веры в свои силы много, даже больше чем нужно. Она пытается хвастаться, считая себя непобедимой, но она все-таки молодая армия.

Во-первых, наша современная Красная Армия обстреливалась на полях Финляндии, — вот первое ее крещение. Что тут выявилось? То, что наши люди — это новые люди. Несмотря на их все недостатки, очень быстро, в течение каких-либо 1,5 месяца преобразовались, стали другими, и наша армия вышла из этой войны почти вполне современной армией, но кое-чего еще не хватает. «Хвосты» остались от старого. Наша армия стала крепкими обеими ногами на рельсы новой, настоящей советской современной армии. В этом главный плюс того опыта, который мы усвоили на полях Финляндии, дав нашей армии обстреляться хорошо, чтобы учесть этот опыт. Хорошо, что наша армия имела возможность получить этот опыт не у германской авиации, а в Финляндии с божьей помощью. Но что наша армия уже не та, которая была в ноябре прошлого года, и командный состав другой, и бойцы другие, в этом не может быть никакого сомнения. Уже одно появление ваших блокировочных групп — это верный признак того, что наша армия становилась вполне современной армией.

Интересно после этого спросить себя, а что из себя представляет финская армия? Вот многие из вас видели ее подвижность, дисциплину, видели, как она применяет всякие фокусы, и некоторая зависть сквозила к финской армии. Вопрос, можно ли ее назвать вполне современной армией? По-моему, нельзя. С точки зрения обороны укрепленных рубежей, она, финская армия, более или менее удовлетворительная, но она все-таки не современная, потому что она очень пассивна в обороне и она смотрит на линию обороны укрепленного района, как магометане на Аллаха. Дурачки, сидят в дотах и не выходят, считают, что с дотами не справятся, сидят и чай попивают. Это не то отношение к линии обороны, какое нужно современной армии. Современная армия не может относиться к линии обороны, как бы она не была прочна, пассивно.

Вот эта пассивность в обороне и вот это пассивное отношение к оборонительным линиям, оно характеризует финскую армию как не вполне современную для обороны, когда она сидит за камнями. Финская армия показала себя, что она не вполне современна и потому, что слишком религиозно относится к непревзойденности своих укрепленных районов. Как наступление финнов, то оно гроша ломаного не стоит. Вот три месяца боев, помните вы хоть один случай серьезного массового наступления со стороны финской армии? Этого не бывало. Они не решались даже на контратаку, хотя они сидели в районах, где имеются у них доты, где все пространство вымерено как на полигоне, они могут закрыть глаза и стрелять, ибо все пространство у них вымерено, вычерчено, и все-таки они очень редко шли на контратаку, и я не знаю ни одного случая, чтобы в контратаках они не провалились. Что касается какого-либо серьезного наступления для прорыва нашего фронта, для занятия какого-либо рубежа, ни одного такого факта вы не увидите. Финская армия не способна к большим наступательным действиям. В этой армии главный недостаток — она не способна к большим наступательным действиям, в обороне она пассивна и очень скупа на контратаку, причем контратаку она организует крайне неуклюже и всегда, по крайней мере, всегда, она уходила с потерями после контратаки.

Вот главный недостаток финской армии. Она создана и воспитана не для наступления, а для обороны, причем обороны не активной, а пассивной.

Оборона с глубокой фетишизированной верой, верой в неуязвимый край. Я не могу назвать такую армию современной.

На что она способна и чему завидовали отдельные товарищи? На небольшие выступления, на окружение с заходом в тыл, на завалы, свои условия знают — и только. Все эти завалы можно свести к фокусам. Фокус — хорошее дело — хитрость, смекалка и прочее. Но на фокусе прожить невозможно. Раз обманул — зашел в тыл, второй раз обманул, а третий раз не обманешь. Не может армия отыграться на одних фокусах, она должна быть армией настоящей. Если она этого не имеет, она неполноценна. Вот вам оценка финской армии. Я беру тактические стороны, не касаясь того, что она слаба, что артиллерии у нее мало. Не потому, что она бедна, ничего подобного. Но она только теперь стала понимать, что без артиллерии война должна быть проиграна. Не говорю о другом недостатке — у них мало авиации. Не потому, что у них не было денег для авиации. У них довольно много капитала, у них развиты целлюлозные фабрики, которые дают порох, а порох стоит дорого. У них больше целлюлозных фабрик, чем у нас, вдвое больше: мы даем 500 тыс. т в год целлюлозы, от них получили теперь заводы, которые дадут 400 тыс. т в год, а вдвое больше осталось у них. Это богатая страна. Если у них нет авиации — это потому что они не поняли силу и значение авиации. Вот вам тоже недостаток.

Армия, которая воспитана не для наступления, а для пассивной обороны; армия, которая не имеет серьезной артиллерии; армия, которая не имеет серьезной авиации, хотя имеет все возможности для этого; армия, которая ведет хорошо партизанские наступления — заходит в тыл, завалы делает и все прочее, — не могу я такую армию назвать армией.

Общий вывод.

К чему свелась наша победа, кого мы победили, собственно говоря? Вот мы 3 месяца и 12 дней воевали, потом финны встали на колени, мы уступили, война кончилась. Спрашивается, кого мы победили? Говорят, финнов. Ну, конечно, финнов победили. Но не это самое главное в этой войне. Финнов победить — не бог весть какая задача. Конечно, мы должны были финнов победить. Мы победили не только финнов, мы победили еще их европейских учителей — немецкую оборонительную технику победили, английскую оборонительную технику победили, французскую оборонительную технику победили. Не только финнов победили, но и технику передовых государств Европы. Не только технику передовых государств Европы, мы победили их тактику, их стратегию. Вся оборона Финляндии и война велась по указке, по наущению, по совету Англии и Франции, а еще раньше немцы здорово им помогали, и наполовину оборонительная линия в Финляндии по их совету построена. Итог об этом говорит.

Мы разбили не только финнов — эта задача не такая большая. Главное в нашей победе состоит в том, что мы разбили технику, тактику и стратегию передовых государств Европы, представители которых являлись учителями финнов. В этом основная наша победа.

(Бурные аплодисменты, все встают, крики «Ура!».)

Возгласы:
«Ура тов. Сталину!»

(Участники совещания устраивают в честь тов. Сталина бурную овацию.)

Кулик.

Я думаю, товарищи, что каждый из нас в душе, в крови, в сознании большевистском будет носить те слова нашего великого вождя, тов. Сталина, которые он произнес с этой трибуны. Каждый из нас должен выполнить указания тов. Сталина. Ура, товарищи!

(Возгласы «Ура!».)

Товарищи, предлагается избрать комиссию, которая должна подытожить работу по внесенным предложениям, внести в наши уставы, инструкции все поправки, которые были сделаны в предложениях и которые требуется сделать в связи с последними войнами и, в особенности, войны с Финляндией.

Кроме того, комиссия должна рассмотреть недочеты, которые были сделаны
во время
ведения войны, недочеты, которые ощущались
перед
войной. Пробелы у нас были, их нужно исправить.

Может быть, по отдельным элементам выработать технические требования. Поэтому предлагается выбрать единую комиссию, которой поручить подработать все эти вопросы для представления в Главный военный совет. Список предлагается следующий.

(Зачитывает список.)

Мехлис.
Щаденко нет.

Сталин.
У него рука не поднялась записать его.

Кузнецов.
Разведчиков нет, тов. Кулик.

Кулик.
Проскуров, Смородин.

Голос. Я
предлагаю внести тов. Копеца и командира 37-го полка майора Васильева.

Васильев.
Я просил бы меня освободить. Сейчас полк находится в таком состоянии, что его нужно приводить в порядок. Заместителя у меня нет. Остался молодой начальник штаба. Я прошу меня освободить.

Кулик. Комиссию можно принять? На том сегодня заканчиваем. 19 числа в 12 час. дня заседание комиссии в бывшем здании Реввоенсовета, в первом доме. Завтра здесь днем организуем просмотр «Кутузова».

Мехлис.

Может быть, можно просить тов. Сталина войти в комиссию.

Кулик.

Предлагается включить тов. Сталина.

(Аплодисменты.)

Васильев Н. В. (1904—?).

В Красной Армии с 1918 года. Участник советско-финляндской войны: майор, командир 37-го стрелкового полка 56-й стрелковой дивизии. В Великую Отечественную войну — заместитель командира 732-го стрелкового полка в Московском военном округе. В 1955 году уволился с военной службы по болезни.

Ковалев М. П. (1897–1967).

В Красной Армии с 1918 года. С 1938 года — командующий войсками Белорусского военного округа. Участник советско-финляндской войны: командарм 2-го ранга, командующий 15-й армией. В 1941–1945 годах командующий, с июля 1945 года — заместитель командующего Забайкальским фронтом.

Копец И. И. (1888–1941).

В Красной Армии с 1927 года. Участвовал на стороне республиканского правительства в гражданской войне в Испании в качестве командира авиационной группы. Герой Советского Союза (21.06.1937). Участник советско-финляндской войны: комбриг, командующий ВВС Северо-Западного фронта. Покончил жизнь самоубийством 23.06.1941 года.

Кулик Г. И. (1890–1950).

В Красной Армии с 1918 года. В 1932 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1937–1939 годах начальник Артиллерийского управления

Красной Армии. Во время советско-финляндской войны являлся заместителем наркома обороны СССР и начальником Главного артиллерийского управления. Герой Советского Союза (21.03.1940). С мая 1940 г. — Маршал Советского Союза. В Великую Отечественную войну командовал 54-й, затем 4-й гвардейскими армиями. С 1944 года — заместитель начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии. С 1946 года в отставке. Расстрелян. Реабилитирован.

Мехлис Л. 3. (1889–1953).

В Красной Армии с 1919 года. Окончил Институт красной профессуры (1930). В 1937–1940 годах начальник Главного политуправления РККА и заместитель наркома обороны СССР (до июля 1942 года), затем член Военного совета армии, Воронежского, Волховского, Брянского и других фронтов. В 1946–1950 годах — министр Госконтроля СССР. Член Оргбюро ЦК ВКП(б) (1938–1952).

Проскуров И. И. (1907–1941).

В Красной Армии с 1931 года. Закончил авиационную школу. Участник войны в Испании, Герой Советского Союза. Командовал авиационной бригадой, воздушной армией, ВВС Дальнего Востока. В 1937–1940 годах, в том числе в период войны с Финляндией, возглавлял Главное разведывательное управление Генерального штаба. В 1941 году арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1954 году.

Фролов В. А. (1895–1961).

В Красной Армии с 1918 года. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1932). Участник советско-финляндской войны: комкор, командующий 14-й армией. В Великую Отечественную войну был командующим 14-й армией, заместителем командующего и командующим Карельским фронтом. После войны командовал войсками Белорусского и Архангельского военных округов.

Штерн Г. М. (1900–1941).

В Красной Армии с 1919 года. В 1929 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1937–1938 годах главный военный советник при республиканском правительстве в Испании. С 1938 года — командующий 1-й отдельной Краснознаменной армией. Участник советско-финляндской войны: командарм 2-го ранга, командующий 8-й армией (с 10.01.1940). С 1941 года — начальник управления противовоздушной обороны Наркомата обороны. В том же году расстрелян. Реабилитирован.

РЦХИДНИ

Глава 14
СТАЛИН И НАЧАЛО ВОЙНЫ

Вывезти золото в трехдневный срок

«№ П 34/144 Строго секретно

27 июня 1941 г.

Выписка из протокола № 34 заседания Политбюро ЦК

Решение от 27. VI. 41 г.

144 — о вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней. Алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля.

Утвердить следующее постановление СНК СССР:

«Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Разрешить НКФ СССР, НКВД СССР и Управлению Кремля НКГБ вывезти из Москвы в Свердловск и Челябинск находящиеся в Государственном хранилище драгоценные металлы, драгоценные камни, Алмазный фонд СССР и ценности Оружейной палаты Кремля.

2. Предложить Наркомторгу СССР немедленно сдать НКФ СССР имеющиеся у него, сверх необходимого для реализации количества, запасы драгоценных металлов и драгоценных камней в изделиях, слитках,ломе и монете.

3. Предложить НКПС СССР срочно предоставить в распоряжение НКФ СССР и НКВД СССР необходимое количество вагонов для вывоза указанных в п. 1 данного постановления ценностей.

4. Обязать Наркомлес РСФСР немедленно предоставить Гохрану НКВД СССР необходимое количество тары (ящики) для упаковки.

5. Предложить НКВД СССР и НКФ СССР выделить необходимое количество служебного персонала и воинской охраны для сопровождения и охраны вывозимых ценностей.

6. Обязать НКВД СССР и НКФ СССР всю операцию по вывозу ценностей провести в трехдневный срок.

7. Обязать НКВД СССР из'ять в Гохран НКВД СССР изделия из драгоценных металлов и камней, находящихся в музеях и Эрмитаже».

Секретарь ЦК».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 424. Л. 11–12. Копия.

Мобилизация — добровольная. Проводит чрезвычайная тройка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ «О ДОБРОВОЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ДИВИЗИИ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ»

№ 10 4 июля 1941 г.

Не опубликовывать

В соответствии с волей, выраженной трудящимися, и предложениями советских, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций города Москвы и Московской области, Государственный Комитет Обороны ПОСТАНОВЛЯЕТ:

I. Мобилизовать в дивизии народного ополчения по городу Москве 200 тысяч человек и по Московской области — 70 тысяч человек.

Руководство мобилизацией и формированием возложить на командующего войсками МВО генерал-лейтенанта АРТЕМЬЕВА.

В помощь командованию МВО для проведения мобилизации создать чрезвычайную комиссию в составе т.т. СОКОЛОВА — секретаря МГК ВКП(б), ЯКОВЛЕВА — секретаря МК ВКП(б), ПЕГОВА — секретаря МК и МГК ВЛКСМ, ФИЛИППОВА — начальника управления продовольственных товаров Горторготдела, ОНУПРИЕНКО — комбрига и ПРОСТОВА — подполковника.

II. Мобилизацию рабочих, служащих и учащихся Москвы в народное ополчение и формирование 25 дивизий произвести по районному принципу.

В первую очередь провести к 7 июля формирование 12 дивизий.

Отмобилизованная дивизия получает номер и название района, например: 1-я Сокольнического района дивизия.

Районы Московской области формируют отдельные подразделения и части и вливают их по указанию штаба МВО в дивизию гор. Москвы.

III. Для пополнения убыли, кроме отмобилизованных дивизий, каждый район создает запасный полк, из состава которого идет пополнение на убыль.

IV. Для руководства работой по мобилизации трудящихся в дивизии народного ополчения и их материального обеспечения в каждом районе создается чрезвычайная тройка во главе с первым секретарем РК ВКП(б) в составе членов: райвоенкома и начальника райотдела НКВД.

Чрезвычайная тройка проводит мобилизацию под руководством штаба МВО с последующим оформлением мобилизации через райвоенкоматы.

V. Формирование дивизий производится за счет мобилизации трудящихся от 17 до 55 лет. От мобилизации освобождаются военнообязанные 1-й категории призываемых возрастов, имеющие на руках мобилизационные предписания, а также рабочие, служащие заводов Наркомавиапрома, Наркомата вооружения, Наркомата боеприпасов,

станкостроительных заводов и рабочие некоторых, по усмотрению районной тройки, предприятий, выполняющих особо важные оборонные заказы.

Рядовой состав, младший состав, 50 % командиров взводов, до 40 % командиров рот, медсостав и весь политический состав формируемой районом дивизии комплектуется из рабочих, служащих и учащихся района; остальной начсостав комплектуется за счет кадров РККА.

VI. Боевая подготовка частей производится по специальному плану штаба МВО.

VII. Отмобилизование и казарменное размещение частей народного ополчения проходит на базе жилого фонда райсоветов (школы, клубы, другие помещения), кроме помещений, предназначенных для госпиталей.

VIII. Снабжение частей дивизий средствами автотранспорта, мото- и велоснаряжением, шанцевым инструментом (лопаты, топоры), котелками, котлами для варки пищи производится за счет ресурсов Москвы, Московской области и района, путем мобилизации и изготовления этих средств предприятиями района.

Штаб МВО обеспечивает дивизии вооружением, боеприпасами и вещевым довольствием.

Боеприпасы и вооружение поступают по линии военного снабжения.

IX. Во все время нахождения мобилизованного в частях народного ополчения за ним сохраняется содержание: для рабочих — в размере его среднего заработка, для служащих — в размере получаемого им оклада, для студентов — в размере получаемой стипендии, для семей колхозников назначается пособие согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» от 26. VI. 1941 года.

В случае инвалидности и смерти мобилизованного, мобилизованный и его семья пользуются правом получения пенсии наравне с призванными в состав Красной Армии.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин». АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 286. Л. 99—101. Машинописная копия.

Товарищ Хрущев, не паникуйте

Н. С. Хрущев — Г. М. Маленкову

«г. Киев 9 июля 1941 г.

ЦК ВКП(б) т. МАЛЕНКОВУ

Считаем необходимым более точно определить, когда уничтожать имущество МТС и другое оборудование, которое не может быть вывезено. Вносим следующие предложения:

1. В зоне 100–150 километров от противника местные организации обязаны немедленно приступить к уничтожению всех комбайнов, лобогреек, веялок и других сельскохозяйственных машин. Трактора своим ходом перегонять в глубь страны, остальные трактора, которые не могут быть использованы отступающими частями Красной Армии и которые почему-либо нельзя вывезти в этой же зоне, подлежат немедленному уничтожению.

2. В этой же зоне необходимо немедленно раздавать колхозникам страховые и все остальные зерновые и прочие колхозные фонды.

3. В этой же зоне немедленно приступать к угону всего скота колхозов, совхозов, волов и молодняка лошадей. Рабочие лошади, которые могут понадобиться отступающим частям Красной Армии, подлежат угону тогда, когда противник подошел на расстояние 10–30 километров. Категорически запретить гнать скот по дорогам, где происходит передвижение войск, скот гнать по посевам, по свекле и по дорогам, которые не использует Красная Армия.

4. Свиньи колхозных ферм и совхозов в этой же зоне должны быть забиты. Мясо и сало необходимо передать воинским частям, колхозникам, рабочим в городах, госпиталям, больницам, ученикам ФЗО. Определенное количество свиней подлежит оставлению в этой зоне в живом виде для проходящих частей Красной Армии. Птица колхозных и совхозных ферм в этой же зоне также подлежит раздаче в убойном виде воинским частям, колхозникам, рабочим.

5. В зоне 100–150 километров местные органы власти, по согласованию с военным командованием, сами принимают решение о том, какое именно ценное оборудование, погруженное в вагоны, должно быть уничтожено в эшелонах, вследствие невозможности вывоза его. Такую директиву военным и местным органам власти надо дать потому, что у нас есть случаи, когда, например, часть эшелонов с ценнейшим грузом, погруженных во Львове, досталась неприятелю, так как этим эшелонам противник перерезал путь.

6. В зоне 100–150 километров от противника надо уничтожать все ценное оборудование на заводах, хлеб на складах, товары, которые не могли быть вывезенными при вынужденном отходе частей Красной Армии.

Секретарь ЦК КП(б) Украины
Хрущев».

АПРФ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 22. Л. 67–68. Заверенная машинописная копия.

И. В. Сталин — Н. С. Хрущеву
«10 июля 1941 г.
14.00
Киев Хрущеву

1) Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина, где об уничтожении всего ценного имущества говорилось в связи с вынужденным отходом частей Красной Армии. Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100–150 километров от противника, независимо от состояния фронта.

Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство Советской властью, расстроить тыл Красной Армии и создать, как в армии, так и среди населения, настроения обязательного отхода вместо решимости давать отпор врагу

2) Государственный Комитет Обороны обязывает вас в виду отхода войск, и только в случае отхода, в районе 70-верстной полосы от фронта увести все взрослое мужское население, рабочий скот, зерно, трактора, комбайны и двигать своим ходом на восток, а чего невозможно вывезти, уничтожать, не касаясь, однако, птицы, мелкого скота и прочего продовольствия, необходимого для остающегося населения. Что касается того, чтобы раздать все это имущество войскам, мы решительно возражаем против этого, так как войска могут превратиться в банды мародеров.

3) Электростанции не взрывать, но снимать все те ценные части, без которых станции не могут действовать, с тем, чтобы электростанции надолго не могли действовать.

4) Водопроводов не взрывать.

5) Заводов не взрывать, но снять с оборудования все необходимые ценные части, станки и т. д., чтобы заводы надолго не могли быть восстановлены.

6) После отвода наших частей на левый берег Днепра все мосты взорвать основательно.

7) Склады, особенно артиллерийские, вывезти обязательно, а чего нельзя вывезти, взорвать.

8) Что касается эвакуации заводов дальше 70-верстной полосы, где прямой угрозы со стороны противника пока не имеется, то эту эвакуацию осуществлять заблаговременно, вывозя главным образом станки и прочее наиболее ценное оборудование.

Председатель Государственного Комитета Обороны
И. Сталин».

АПРФ. Ф. 45. On. 1. Д. 59. Л. 10а—106. Автограф.

«Секретно экз. № 1

ОБ ОПЫТЕ БОЕВ ЧАСТЕЙ 24-й АРМИИ В РАЙОНЕ г. ЕЛЬНЯ В ПЕРИОД С 20 ИЮЛЯ ПО 5 АВГУСТА 1941 г.

Докладная записка начальника артиллерии Красной Армии Н. Н. Воронова И. В. Сталину 15 августа 1941 г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ тов. СТАЛИНУ И. В.

Опыт боев частей 24-й армии в период 20.7–5.8.41 года в районе Ельня со всей очевидностью выявил следующие основные недостатки в подготовке наших войск:

1. Пехота. Части имеют большой процент плохо подготовленных в тактическом и стрелковом отношениях бойцов и младших командиров; отделения, взводы и роты во многих частях не были сколоченными. Очень плохо отработаны вопросы сочетания огня своего оружия и движения. Плохо с перебежками и переползанием под огнем противника, при движении вперед вместо установленных цепей быстро сходятся в группы (а иногда и толпы) и подставляют себя в таком виде под огонь противника. У пехоты не воспитана необходимая вера в силу и мошь своего оружия. Благодаря незнанию и неумению выжать все, что возможно из своего оружия, — винтовка, пулемет, граната и миномет часто расцениваются как малоэффективное средство. На этой основе и рождается стремление большинство задач в бою решать артиллерией, танками и авиацией.

Командиры и бойцы пехоты не умеют использовать огневое воздействие на противника своей артиллерией и минометами (танками и авиацией) для сближения с противником, выхода на рубеж для атаки и для броска в атаку. По-прежнему атака опаздывает, иногда боясь свиста над головами снарядов и разрывов своей артиллерии, требуют переноса огня в глубину преждевре-

Все трусы и малодушные легко исчезают в тылы, бросают оружие и стараются скорее быть вне поля боя. Данные об убитых и раненых определяются неточно. Эвакуация раненых с поля боя организована плохо, много фактов оставления раненых при отходах.

Сказывается отсутствие в роте настоящего советского фельдфебеля, наши же старшины рот выполняют лишь роль плохих хозяйственников.

Все эти недостатки следует как можно скорее устранить учебой, поднятием дисциплины и рядом орг. мероприятий в тылу и на фронте.

II. Артиллерия. Основная масса бойцов и младших командиров оказалась подготовленными к ведению боя в простейших условиях, свои обязанности знали, но не имели еще достаточного практического опыта. Часть бойцов, не подготовленных, занимала второстепенные должности и особого влияния на качество действий артиллерии оказать не могла. Артиллерия занимала удаленные огневые позиции и наблюдательные пункты и почти не имела передовых наблюдательных пунктов в передовых частях пехоты. Крайняя недостаточность средств связи в артиллерии ряда дивизий (утеряно в предыдущих боях) ставило под угрозу управление огнем дивизионов и групп и вынуждало прибегать к пользованию плохо налаженной связью пехоты. Общее стремление сидеть в убежищах, землянках и т. д. не способствовало живому руководству. Многие командиры батарей, из числа недавно назначенных, были плохо подготовлены к стрельбе. Плохо организованное наблюдение мало давало данных о противнике, его огневых точках, инженерных сооружениях и т. д. Батареи много расходовали снарядов,

стреляя по «надуманным заявкам пехоты», по прямым приказам пехотных, общевойсковых и старших артиллерийских командиров, часто без всякой пользы для дела, а лишь для успокоения нервов. Артиллерийская обработка рубежа проводилась, но нужных результатов не достигали. Каждый день повторяли одно и то же, ложных переносов огня не применяли и приучили противника к нашим действиям по шаблону.

Учет расхода снарядов был поставлен плохо, подвоз их не был организован, благодаря чему ряд дивизионов оставался без снарядов, стрелянные гильзы и укупорка преступно разбрасывались и в тыл не отправлялись. Все эти недостатки были под большим нажимом устранены, была резко повышена действенность огня артиллерии и минометов.

На ряде участков фронта артиллерия стала буквально вычищать отдельные объекты от противника и давать возможность пехоте беспрепятственно их занимать. Для улучшения взаимодействия с пехотой и повышения действительности огня командиры батарей и дивизионов были выдвинуты вперед, а часть орудий выдвигались на открытые позиции для стрельбы прямой наводкой.

По данным от пленных и усиленная бомбардировка с воздуха авиацией противника боевых порядков артиллерии говорят за то, что противник от артогня нес большие потери. При продвижении вперед малокалиберная и полковая артиллерия очень неохотно выдвигались вперед за пехотой, потеряв веру в устойчивость их боевых порядков.

При выдвижении вперед и отходах назад очень редко пехота помогает артиллерии тащить орудия и очень часто малочисленному орудийному расчету приходится выполнять это со сверхчеловеческими усилиями.

Прибывшие в район Ельни две батареи «РС» были введены в дело, дали нужный эффект, он был бы гораздо большим, если бы была возможность их применить по более густым боевым порядкам. Для получения лучших результатов должна быть подготовлена и лучше пехота, за последним залпом должен немедленно начинаться штурм объекта. Малейшее опоздание атаки сводит на нет весь материальный и моральный эффект боевого применения этого нового средства борьбы.

III. Танки. Танки применялись в малых количествах и на узком фронте. Танковые части оказались слабо подготовленными для взаимодействия с пехотой и артиллерией. Танки обычно отрывались от пехоты, старались пренебрегать противотанковыми средствами противника и применяли лобовые атаки.

Малое количество атакующих танков и знакомые направления их атак позволяли противнику сосредоточивать огонь своих противотанковых орудий и выводить из строя наши танки. Опыт боя под Ельней показывает всю нецелесообразность применения наших «КВ» и «Т-34» в малых количествах на организационную оборону противника.

FV. Авиация. За весь период действий авиация противника явно господствовала в воздухе, наносила потери, а больше морально подавляла наземные войска, и только последние три дня наша авиация была немного усилена и стала проявлять активность. Благодаря удаленности аэродромов, отсутствия делегатов от авиации в дивизиях, плохой связи с аэродромами, вопросы прикрытия своих войск, штурмовые и бомбардировочные действия не давали нужного эффекта и не обеспечивали полностью действий наземных войск.

Противник. Пехота противника действовала осторожно, а на ряде участков пассивно. Вся система его огня построена на большом количестве автоматов и минометов. Артиллерия средних калибров отсутствовала, две-три тяжелые батареи редким, методическим огнем, явно экономя снаряды, обстреливала расположение наших войск. Противник активно использует минометы разных калибров, главным образом, по нашей пехоте и артиллерии. Стреляет по площади, массируя огонь нескольких минометов по скоплениям и густо расположенным нашим боевым порядкам. Зная об отсутствии у пехоты зенпулеметов и 37-мм пушек, дерзко и нахально применяет свою авиацию, бомбит, штурмует и обстреливает из пулеметов с малых высот наши боевые порядки.

Малейший успех, незначительное продвижение вперед стремится сразу же ликвидировать активными действиями своей авиации. Последняя имеет посадочные площадки близко, имеет полную возможность быстро приходить на цель и делать многократные вылеты, наносить потери и морально подавлять войска. Противник активно применяет свою разведывательную и корректировочную авиацию, последняя корректирует огонь артиллерии и вызывает бомбардировочную авиацию на определенные объекты.

При наших наступательных действиях кое-где пытался применять контратаки пехоты с танками в небольших количествах, которые успехов ему не давали. Противник на отдельных направлениях пытался вести разведку мелкими группами пехоты, на остальном фронте вел себя пассивно. В ряде мест наша пехота указывала на наличие закопанных танков на переднем крае обороны противника. Стрельбой нашей артиллерии на разрушение установлено, что эти цели оказались дерево-земляными сооружениями. По словам участников первой империалистической войны, «Кайзеровский немец» был гораздо упорнее и устойчивее в бою, нежели «Гитлеровский немец». Подвижные войска противника, безусловно, измотаны, основательно потрепаны, имеются большие потери в людском составе и технике. Предполагаю, что частые стоянки танковых частей противника на месте не только в результате отсутствия горючего, но и благодаря преждевременному износу моторов от нашей пыли и песка.

Противник в обороне оказывал упорное сопротивление, надеясь на наше неумение доводить дело до конца.

ВЫВОДЫ:

1. В районе Ельня к 5.8.41 года части противника были морально достаточно потрясены и имели большие потери в людском составе и боевой технике. Хорошая огневая подготовка и дружное наступление наших войск могли бы сломить сопротивление противника и добиться успеха.

2. Плохая боевая выучка наших войск, плохое взаимодействие и низкая дисциплина не дали нужного успеха при наступлении.

3. Плохое управление сверху донизу, низкая подготовка ряда командиров и штабов, растерянность и неуверенность в успехе не могли обеспечить этого успеха.

4. Плохая разведка лишала возможности действовать, хорошо зная силы, средства и группировку противника.

5. Отсутствие нужной дисциплины, организованности и должного порядка в наступающих войсках не обеспечили успеха.

Начальник артиллерии Красной Армии генерал-полковник артиллерии
Воронов».

АЛРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 263. Л. 145–153. Подлинник.

«Правительство и ЦК Литвы позорно бежали»

«Председателю Государственного Комитета Обороны И. В. Сталину

О ПОЗОРНОМ БЕГСТВЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЦК КП(б) ЛИТВЫ И ИХ ПРЕДАТЕЛЬСКОЙ РОЛИ

В день вероломного военного нападения фашистской Германии на нашу родину, т. е. 22 июня с. г. правительство и ЦК КП(б) Литвы позорно и воровски бежали из Каунаса в неизвестном направлении, оставив страну и народ на произвол судьбы, не подумав об эвакуации гос. учреждений, не уничтожив важнейших государственных документов.

В 9 часов 22.VI мы, коммунисты гор. Каунаса, были собраны в горком партии, где и просидели до 23 час. 20 мин. 22.VI, не имея никакой информации ни от руководства горкома, ни от руководства ЦК КП(б) Литвы. В 12.30 слушали выступление Вячеслава

Михайловича Молотова по радио, и всем стало ясно, что нам шакал Гитлер навязал войну. Мы ждали решительных мероприятий от правительства и ЦК КП(б) Литвы:

1. Учитывая прифронтовое положение Литвы, правительство и ЦК КП(б) Литвы должны были незамедлительно выступить с экстренным обращением к народу Литвы с разъяснением текущего момента на основе выступления В. М. Молотова.

2. Зная и имея сигналы о ненадежности тыла и многочисленности врагов в Литве (таутенников, шяулистов, ляуденни-ков, вольдемаристов, атейтинников, железных волков и прочих, всех тех, кто составляет пятую колонну), правительство и ЦК КП(б) Литвы обязаны были незамедлительно принять ряд решительных и оперативных мероприятий по усилению и укреплению революционного порядка в связи с навязанной нам войной.

3. К слову, и до войны руководство ЦК КП(б) и правительство Литвы проводили гнилую националистическую политику к врагам народа. Рассматривали шяулистов как безобидных и тихих ягнят. На все донесения в ЦК КП(б) и НКГБ Литвы (см. докладные записки секретарю ЦК КП(б) по кадрам Гридину и НКГБ т. Гладкову) все складывалось под спуд, а нам, коммунистам, присланным ЦК ВКП(б), отвечали: «потише», «поосторожней».

Проведенная операция 14 июня с. г. по выселению и арестам в Литве социально опасных элементов была запоздалой операцией и проведена из рук вон плохо: не подготовлена, не организована, и брали в большинстве случаев второстепенных лиц, а весь контрреволюционный актив, пятая колонна, по существу, осталась нетронутой.

4. Правительство и ЦК КП(б) Литвы обязаны были по всей стране мобилизовать весь партийный, комсомольский и общественно-советский актив, расставить их по важнейшим объектам и ответственным участкам, умело, по-большевистски, руководя последним.

5. Видя угрожающее положение, руководители правительства и партии Литвы обязаны были организовать вывоз детей, женщин и стариков в безопасный тыл, дабы тем самым развязать руки всем тем, кто способен носить оружие и вести борьбу с фашистской гадиной и пятой колонной внутри республики. Однако ничего подобного не было принято. Правительство и ЦК КП(б) Литвы с первого дня войны вступило на позорный и предательский путь, отсюда и катились дальше по наклонной плоскости. На неоднократные телефонные звонки с мест и из уездов коммунистов в ЦК Лит. компартии и СНК ЛССР нельзя было добиться. Можно подумать, что они были заняты важными государственными делами. Нет! Все руководящие работники ЦК и правительства Литвы были заняты втихомолку организацией вывоза своих семей из Каунаса в Москву, забыв о долге и ответственности перед партией, народом и страной в целом. Уже в 15 часов 22.VI правительство и ЦК КП(б) Литвы формировали транспортный состав классных вагонов для эвакуации своих семей.

Каунас — город небольшой, настороженное население видело караван транспорта правительственных автомашин, идущих на предельной скорости по направлению вокзала, нагруженных женщинами, детьми и чемоданами. Все это внесло деморализацию среди населения, и последние стихийно потянулись к вокзалу.

В 16 часов 22.VI на вокзале можно было видеть такую картину: поголовно все члены правительства, члены ЦК и ответработники ЦК и правительства Литвы во главе с секретарями ЦК и уполномоченным ЦК ВКП(б) и СНК СССР Поздняковым выстроились на перроне вокзала в Каунасе, провожая свои семьи на Москву, будто отправляя их на курорты, единственно, чего не хватало, так это цветов для отъезжающих. И все это происходило на глазах большого скопления людей на вокзале.

В 19 часов 22.V1 правительство и ЦК КП(б) Литвы со своим тесным активом на своих автомашинах бесславно и позорно покинули Каунас, держа путь на Двинск. Об этом бегстве знало все население Каунаса, за исключением нас, коммунистов, сидевших в горкоме партии.

Часом позже оставили Каунас НКГБ и НКВД, и вся милиция была снята с постов. Погрузившись на автомашины со всем домашним скарбом (вплоть до кроватей и матрацев), потянулись из города по направлению Утян вслед за правительством. Эта чудовищная картина окончательно внесла замешательство и невообразимую панику среди населения.

В 23 ч. 20 мин. 22.VI первым секретарем Каунасского горкома партии Григолавичусом нам была подана команда (на литовском языке) немедленно двигаться из Каунаса по направлению Утян (здоровые — пешим ходом, больные и слабые — на автомашинах и автобусах).

До этого приказа мы уже были вооружены винтовками, сформированы по группам для охраны важнейших объектов и поддержания революционного порядка. Поданная команда двигаться на Утяны для нас была неожиданной и непонятной, тем более что мы, сидя в горкоме, не знали истинного положения вещей и цели этого марша на Утяны, т. к. мы руководством горкома и ЦК КП(б) Литвы не были информированы. Мы же полагали, что идем на прорыв для установления революционного порядка. Характерно одно, что и руководство горкома унаследовало позорную и предательскую политику ЦК КП(б) Литвы и правительства, а именно:

1. Руководство горкома не дало четкого разъяснения и задания о причинах движения на Утяны.

2. Руководство горкома не возглавило походного движения коммунистов на Утяны, а наоборот, выпроводив коммунистов пешими, сами же руководители поспешили уехать на автомашинах за правительством.

3. Бесстыдно обманули коммунистов, направляя нас пешими, обещав подобрать на автомашины по дороге за городом.

4. Оставив весь низовой партактив (секретарей первичных парторганизаций, парторгов и комсомольский актив) в городе, не дав им никаких заданий и целевых установок, ясно одно,

что оставили их без руководства на съедение немецким фашистам.

Итак, не имея ни единого артиллерийского выстрела, не нюхая вражеского пороха, горе-правители и руководители ЦК КП(б) Литвы на первый день войны, в животном страхе позорно бежали, предав партию, предав народ немецкому фашизму. Получается в сто крат хуже, чем поступили печальной памяти бывшие польские незадачливые правители или ныне румынские правители. Уж если нужно было отступать, так надо уметь отступать по-большевистски, организованно, как учил нас Ленин, как неустанно учишь ты нас, т. Сталин, как учит вся история большевизма. А эти жалкие и позорные трусы, предатели народа и страны социализма спасали лишь свою шкуру.

1. Никакой организации не было наведено по эвакуации государственных учреждений, имущества, детей, женщин и стариков. Мирное население в страхе, узнав о предательстве правительства и руководства ЦК КП(б) Литвы, стихийно бежало по всем дорогам и направлениям, спасая свою жизнь. Окрестные населенные пункты и города, видя паническое и беспорядочное отступление из Каунаса, стихийно потянулись за ними, наводняя территорию Латвии, сея среди латышей ненужную панику.

2. Вместо того, чтобы отступать организованно и в порядке вместе с действующей армией, эти руководители Литвы поспешили удрать на машинах первыми, а за ними потянулись милицейские органы, тем самым были развязаны руки контрреволюционным бандам в Литве и пятой колонне в целом во главе с сброшенными парашютными десантами. К тому же Каунас и вся Литва вообще в течение нескольких дней находились без гражданских властей. 23 и 24 июня контрреволюция организовала боевые дружины, привлекая гимназистов 5-го класса, стали патрулировать и задерживать бежавшее население.

3. Как учит история большевизма, надо было направить коммунистов в глубокое подполье для расстройства и подрыва фашистского тыла на занятой им территории.

Конечно, нам, коммунистам, присланным ЦК ВКП(б), без знания языка было бы несколько трудней быть в подполье, тем не менее, зная условия местности и людей, мы бы считали за честь разить врага и подрывать фашистский тыл.

4. В беспорядочном и паническом бегстве наши руководители оставили все немцам: электростанции, радиостанцию и узлы, почту, телеграф, типографии, государственные документы и архивы, хлеб, мясо, мясные изделия, скот и т. д. и т. п. Больше того, эти руководители, убегая, оставили ВЧ — прямой провод (по заявлению т. Дмитровича, работника СНК ЛССР). Большинство из руководителей Литвы страдают местным национализмом, и понятно, почему они проводили гнилую политику. Что касается некоторых руководящих работников, присланных ЦК ВКП(б), к примеру: Гридин, Никитин, Шупиков, Зубов и др. страдают большим подхалимством и безмерной трусостью. Они не только повинны в том, что своевременно не пресекли трусливого паникерства руководителей ЛССР, но и вместе с тем плелись у них в хвосте и позорно бежали с ними.

Конечно, первая скрипка принадлежала уполномоченному ЦК ВКП(б) и СНК СССР Позднякову. Этот человек, проработавший в Литве на руководящей работе в течение 6–7 лет, прижился к вольготной и широкой жизни, притерся, ожирел, потерял большевистское чутье и революционную бдительность. Он растерял все, что у него было коммунистического. Он возглавил весь этот позорный и преступный побег.

Ныне эти позорные правители и руководители скрываются уже на территории СССР, боятся Москвы, боятся партии. Да, они достойны сурового наказания, они должны держать ответ перед партией, перед советским народом.

Причины такого большого прорыва на линии фронта Литвы главным образом можно отнести за счет позорного бегства правительства и руководства ЦК КП(б) Литвы.

Чл. ВКП(б) п/б № 0038302.

7. VII.1941 г.
С. Болотский.

Адрес: ул. Горького, д. 14, кв. 32.

Вышеизложенные факты могут подтвердить члены партии, работавшие в Литве: Данилин, Тарасов М. И., Писеев Н. А., Кусков А. А., Дьяконов, Писчелко П. Ф., Дмитрович, Майский и ряд других.

С. Болотский

II. Вместе с тем прошу отправить меня на фронт для защиты любимой родины. В бывшем — пастух и батрак, был добровольцем Красной Армии, политсостав. Ныне инженер-электрик. Здоров, с 1902 года рождения. Советская власть меня взрастила, комсомол меня воспитал, партия большевиков закалила во мне стойкость, решимость и безграничную преданность социалистической родине. За родину, за Сталина я буду драться до последнего вздоха. Приехав в Москву, я не имею в данное время первичной парторганизации, а поэтому я обращаюсь к Вам и прошу уважить меня.

Член ВКП(б) с 1925 г. п/б № 0038302 С. Болотский».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 460. Л. 73–88. Автограф.

ОБ ИТОГАХ ЭВАКУАЦИИ ИЗ БЕЛОРУССКОЙ ССР

«ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б) товарищу СТАЛИНУ И. В.

Все наиболее значительные предприятия числом 83 из Белоруссии эвакуированы полностью. Крупные предприятия эвакуировались комплектно: оборудование, материалы, рабочая сила, и уже восстанавливаются в других городах Союза. В числе этих предприятий — станкостроительные заводы, Гомсельмаш, очковая фабрика, паровозоремонтный завод, пресса дельта-древесины. Могилевский авиационный завод № 459 эвакуирован в Куйбышев; вывезено более 400 станков, все металлы, инструменты, электромоторы, кабели. Весь состав квалифицированных рабочих и ИТР. Вывезены полностью также Оршанский льнопрядильный комбинат, Кричевский цементный завод, судоремонтные мастерские, труболитейный завод и другие.

Кроме этого большое количество средних и мелких предприятий (спиртзаводы, льнозаводы, кирпичные) и оборудование, и материалы промышленной кооперации.

Из ценного технологического оборудования эвакуировано:

1. Металлообрабатывающих станков 3201

2. Производственно-техническ. оборудования (станки и машины — 9607 единиц), в том числе:

а) текстильные 975 ед.

б) швейные 2650 ед.

в) кожобувные 568 ед.

г) лесообрабатывающей, спичечной и бумажной промышленности 486 ед.

д) трикотажные 4740 ед.

е) прочие 538 ед.

3. турбогенераторов мощностью в 32 тыс. квт. 18 шт.

4. Электромоторов (без моторов и индивидуальных приводов) 3664 шт.

5. Трансформаторов мощностью в 58 тыс. квт. 69 шт.

6. Кабель силовой 44 км

7. Цветных металлов 842 тонны

Ценой огромных усилий, в сложной обстановке, удалось вывезти пресса Микашевичского завода дельта-древесины. Они уже установлены в другом месте и работают.

ЗЕРНОПРОДУКТЫ

1. Было зернопродуктов в БССР 151 475 т.

В том числе — муки 67 913

2. Отгружено в Ярославскую, Московскую и другие области 44 765

3. Уничтожено 42 500

4. Передано воинским частям 10 350

5. Использовано на снабжение областных и райцентров 26 115

6. Оставшееся зерно в тылу у противника (об уничтожении которого не донесено) 27 745

ЭВАКУИРОВАНО СКОТА, ТРАКТОРОВ И КОМБАЙНОВ

1. Эвакуировано скота всех видов — всего 600 000 голов В том числе: крупного рогатого скота 340 000

2. Эвакуировано тракторов 4 000 Кроме того передано РККА 300

3. комбайнов 400

4. молотилок 150

— Эвакуация комбайнов, тракторов, хлеба продолжается.

АРХИВЫ И ЦЕННОСТИ

Полностью эвакуированы денежные знаки и ценности Белорусского отделения Госбанка в Минске и у 9 областных банков (о Бресте сведений нет). То же относится и к сберегательным

кассам.

Центральный партархив КП(б)Б вывезен полностью и находится в Уфе. Секретный архив, учетные дела парткадров также полностью вывезены.

Из 212–201 горкомов и райкомов КП(б)Б учетные партийные карточки и другие секретные материалы эвакуировали, и они направлены для хранения через ЦК ВКП(б). Один райком сжег документы на месте, в трех райкомах документы остались, и о семи нет сведений.

Архивы НКГБ и НКВД эвакуированы также полностью.

Многие наркоматы и Президиум Верховного Совета БССР секретные архивы уничтожили.

Минские предприятия не эвакуированы вследствие перехвата коммуникации врагом, разрушений и общего пожара города в результате беспрерывных бомбардировок.

Станкостроительный завод Кирова разгромлен и сожжен в первые же дни целиком. На заводе им. Ворошилова оборудование испорчено.

Архив Совнаркома БССР и ряда наркоматов остался в Минске и не уничтожен. Получилось это из-за преступной растерянности, проявленной работниками и председателем СНК БССР. Друг другу поручали вывезти или сжечь и не проследили.

Сейчас дело расследуется. Мною был послан отряд 27.VI.1941 г. для уничтожения, но пробраться в Минск уже не мог.

Эвакуация продолжается даже из занятых немцами областей. Колхозники через Полесье выгоняют к нам скот.

Секретарь ЦК КП(б) Белоруссии
Пономаренко».

№ 447/ф
18. VII1.1941 г.
АПРФ. Ф. 3. On. 50. Д. 426. Л. 15–18. Подлинник.

«Даже собачек комнатных брали с собой…»

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Перед нашей страной нависла угроза германского фашизма, вероломно напавшего на нашу родину. Фашизму не будет пощады! Мы, советские патриоты, отомстим германскому фашизму за кровь наших братьев, жен и детей. Сломит германский фашизм свои собачьи зубы о наш советский стальной кулак.

И вот, когда перед нами нависла такая угроза со стороны агрессора, вероломно напавшего на нашу родину, где пришлось нам оставить на время города и села, принадлежавшие нашей стране, мы, партийные и беспартийные большевики, не должны бросаться в панику, мы должны подымать дух в народе на разгром германской фашистской собаки.

Мы должны бороться до последнего дыхания, защищая каждую пядь нашей родной земли.

Но есть ряд партийных и советских организаций, которые не учли важности данной обстановки, создают панику внутри страны.

Руководители Одесской области создали не только панику в гор. Одессе, но и по всей области. Начали эвакуацию почти всего населения еще 22-го июля 1941 года, оставив на полях тысячи гектар нескошенного и неубранного хлеба, с обильным, небывалым урожаем, где угроза нашествия врага еще была на сотни километров от Одесской области, можно было убрать хлеб и зерно вывезти в глубокий тыл страны. Но прежде чем поднимать дух народа, ряд членов партии брали государственные и колхозные деньги и уезжали на машинах в глубь страны.

Много работников торгующих и финансово-банковских организаций г. Одессы, не отчитавшиеся перед своими организациями и не получившие путевки на выезд, ограбив

магазины и другие учреждения, первым делом умчались на машинах в г. Мариуполь. Ряд случаев, когда в Мариуполе у беженцев из Одессы обнаруживали по 20–30 и больше тысяч рублей денег. Ведь такие деньги честным трудом иметь нельзя.

Выгоняемый скот с колхозов Одесской области также без учета, на произвол судьбы брошен и перегонялся на Мариуполь. Для групп дойных коров не позаботились предоставить походные агрегаты с необходимым оборудованием и посудой, чтобы можно было производить дойку коров и вырабатывать масло и творог и по пути сдавать в любом населенном пункте заготовительным или торгующим организациям. Этого не проделывалось, и дойные коровы в дороге портились, а наша страна в продуктах нуждается. Много людей, бежавших оттуда, бродит без учета. Наблюдались еще такие факты, что ряд тех жуликов, набивших карманы деньгами, забирали свои семьи и имущество свое грузили на машины и уезжали, даже собачек комнатных брали с собой и ехали под зонтиками, а тысячи 14-летних учеников школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ шли пешим строем, заливаясь потом и слезами от жары.

Вот на основании этого народ ропщет, а иногда и говорят — значит, у кого карман с деньгами, тот едет на машине, а дети-школьники должны идти пешеходом.

Приехав в Мариуполь, ряд жителей Одессы, кому удалось присвоить товары и деньги, кричат во все горло — мы пострадавшие, мы беженцы, а этим моментом по спекулятивным ценам продают товары на рынке. Вот таких людей, которые не получили расчета в учреждениях и не отчитались перед учреждениями, а была возможность, надо беспощадно их уничтожать.

Ведь сейчас наши братья проливают кровь на фронтах Отечественной войны, а паникеры и дезертиры создают панику и разлагательство. С таким народом надо будет беспощадно вести борьбу.

Заканчивая на этом, я хочу сказать, может быть, я и неверно рассуждаю по своей малограмотности, может быть, я глубоко ошибся, но я советский гражданин, если надо будет, то и жизнь отдам за советскую родину, и я решил написать своему родному правительству и открыть все наболевшее.

Ведь об этом письме знаю я один, да Вы, если его получите, будете знать, да четыре стены, в которых я писал. Если я этим письмом нанес политическую ошибку, то пусть меня советский закон покарает жестоко.

18 августа 1941 г.

И. Ковалев

Мой адрес: Сталинская область, город Мариуполь, х. Бердянский, п/я № 86, с/х артель им. М. Горького. Ковалев Иван Иванович».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 461. Л. 84–86. Заверенная машинописная копия.

«В кабинетах аппарата ЦК царил полный хаос…»

21 октября 1941 года заместитель начальника первого отдела НКВД СССР старший майор госбезопасности Шадрин направил своему начальнику заместителю наркома внутренних дел СССР, комиссару госбезопасности 3-го ранга В. Н. Меркулову рапорт.

Прочитав этот документ, будущий начальник «Смерш» написал резолюцию: «Послать т. Маленкову». В тот же день рапорт Шадрина был передан Г. М. Маленкову, который ознакомил с ним руководство ВКП(б) и, конечно же, Сталина.

«После эвакуации аппарата ЦК ВКП(б), — говорилось в рапорте старшего майора госбезопасности, — охрана 1-го отдела НКВД произвела осмотр всего здания ЦК. В результате осмотра помещений обнаружено:

1. Ни одного работника ЦК ВКП(б), который мог бы привести все помещение в порядок и сжечь имеющуюся секретную переписку, оставлено не было.

2. Все хозяйство: отопительная система, телефонная станция, холодильные установки, электрооборудование было разбросано.

3. Пожарная команда также полностью вывезена. Все противопожарное оборудование было разбросано.

4. Все противохимическое имущество, в том числе больше сотни противогазов «БС», валялись на полу в комнатах.

5. В кабинетах аппарата ЦК царил полный хаос. Многие замки столов и сами столы взломаны, разбросаны бланки и всевозможная переписка, в том числе и секретная, директивы ЦК ВКП(б) и другие документы.

6. Вынесенный совершенно секретный материал в котельную для сжигания оставлен кучами, не сожжен.

7. Оставлено больше сотни пишущих машинок разных систем, 128 пар валенок, тулупы, 22 мешка с обувью и носильными вещами, несколько тонн мяса, картофеля, несколько бочек сельдей, мяса и других продуктов.

8. В кабинете товарища Жданова обнаружены пять совершенно секретных пакетов.

В настоящее время помещение приводится в порядок. Докладываю на Ваше распоряжение».

АПРФ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

Заключенных — в строй!

«13 декабря 1941 г. И-20/132
Секретно
экз.№ 1

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ И. В.

В ближайшее время в Безымянском лагере НКВД в Куйбышеве из заключенных, работающих на строительстве заводов НКАП, освобождается около 30 тысяч человек заключенных с незначительными преступлениями (прогулы, опоздания и пр.).

Среди них большое количество квалифицированных рабочих: токарей, слесарей, монтеров, монтажников, строителей и др. специальностей, необходимых Наркомату авиационной промышленности.

По данным, полученным тов. Дементьевым в НКО в Куйбышеве, основная квалифицированная часть освобождаемых в количестве 18 тысяч человек передается в НКО как военнообязанные, из них около 9 тысяч призываются в армию, а остальные 9 тысяч организуются в воинские рабочие батальоны, которые будут передаваться предприятиям.

В целях обеспечения заводов № 1, 18, 24 рабочей силой для выполнения производственной программы и окончания строительства отдельных решающих программу объектов, прошу закрепить из освобождаемых квалифицированную часть в количестве 15–18 тысяч человек за строительством и заводами НКАП в городе Куйбышеве.

Проект решения по этому вопросу прилагаю.

А. Шахурин».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 46. Д. 34. Л. 21. Подлинник.

Служебная записка отпечатана на бланке народного комиссара авиационной промышленности Союза ССР. Имеется резолюция И. В. Сталина: «т. Берия».

По этому вопросу специального постановления ГКО не было. Однако на проекте постановления, представленном А. И. Шаху-риным, имеется резолюция: «Тов. Щаденко. Надо для НКАП это сделать.

Л. Берия.

25/ХП-41 г.».

Шахурин А. Н. (1904–1975) —

государственный деятель, генерал-полковник инженерно-авиационной службы (1944), Герой Социалистического Труда (1941). Родился в крестьянской семье. В феврале — апреле 1938 г. парторг ЦК ВКП(б) на заводе № 1 «Авиахим». С 1938 г. первый секретарь Ярославского, с 1939 г. Горьковского обкома ВКП(б). 10.01.1940 г. после самоубийства М. М. Кагановича назначен наркомом авиационной промышленности. С началом Великой Отечественной войны успешно эвакуировал предприятия отрасли за Урал, организовал резкое увеличение выпуска самолетов. В 1946 г. снят с должности, выведен из состава ЦК и арестован. Приговорен к семи годам лишения свободы за «злоупотребления и превышение власти при особо отягчающих обстоятельствах» и «выпуск нестандартной, недоброкачественной и некомплектной продукции». Освобожден в мае 1953 г., после смерти И. В. Сталина. В 1957–1959 гг. заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по внешнеэкономическим связям. С августа 1959 г. был на пенсии.

Государственный Комитет Обороны

«Секретно»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-1241

С 4 февраля 1942 г.

1) Распределение обязанностей между членами Государственного Комитета Обороны:

т. МОЛОТОВ В. М. Контроль за выполнением решений ГО КО по производству танков и подготовка соответствующих вопросов.

тт. МАЛЕНКОВ Г. М. и БЕРИЯ Л. П. а) контроль за выполнением решений ГОКО по производству самолетов и моторов и подготовка соответствующих вопросов;

б) контроль за выполнением решений ГОКО по работе ВВС КА (формирование авиаполков, своевременная их переброска на фронт, оргвопросы и вопросы зарплаты) и подготовка соответствующих вопросов.

т. МАЛЕНКОВ Г. М. Контроль за выполнением решений ГОКО по Штабу минометных частей Ставки Верховного Главнокомандования и подготовка соответствующих вопросов.

т. БЕРИЯ Л. П. Контроль за выполнением решений ГОКО по производству вооружения и минометов и подготовка соответствующих вопросов.

т. ВОЗНЕСЕНСКИЙ Н. А. а) контроль за выполнением решений ГОКО по производству боеприпасов и подготовка соответствующих вопросов;

б) контроль за выполнением решений ГОКО по черной металлургии и подготовка соответствующих вопросов.

т. МИКОЯН А. И. Контроль за делом снабжения Красной Армии (вещевое, продовольственное, горючее, денежное и артиллерийское) и подготовка соответствующих вопросов.

Подчинить контролю члена ГОКО т. Микояна все органы снабжения НКО по всем видам снабжения и транспортировки.

Утвердить заместителем члена ГОКО т. Микояна по артиллерийскому снабжению т. Яковлева.

2) Каждый член ГОКО должен иметь заместителя по контролю выполнения наркоматами решений ГОКО по порученной ему отрасли работы.

Председатель Государственного Комитета Обороны
И. Сталин

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-1271с 12 февраля 1942 г.

1. В частичное изменение постановления ГОКО от 4 февраля 1942 года поручить:

т. ВОЗНЕСЕНСКОМУ Н. А. Контроль за выполнением решений ГКО по производству черных и цветных металлов, нефти, угля и химикатов и подготовку соответствующих вопросов.

т. БЕРИЯ Л. П. Контроль за выполнением решений ГКО по производству вооружения и боеприпасов и подготовку соответствующих вопросов.

2. Утвердить заместителем члена ГОКО т. Вознесенского Н. А. по химической и топливной промышленности т. Первухина М. Г.

Председатель Государственного Комитета Обороны
И. Сталин

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГОКО-1289с 16 февраля 1942 г.

Во изменение постановления ГОКО от 4. II «О распределении обязанностей между членами Государственного Комитета Обороны», возложить на т. Маленкова Г. М.:

а) контроль за выполнением решений ГОКО по производству самолетов и моторов и подготовку соответствующих вопросов;

б) контроль за выполнением решений ГОКО по работе ВВС КА (формирование авиаполков, своевременная их переброска на фронт, оргвопросы и вопросы зарплаты) и подготовку соответствующих вопросов.

Председатель Государственного Комитета Обороны
И. Сталин».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 52. Д. 322. Л. 14–15, 19, 21. Копия.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О работе тов. Ворошилова»

«1 апреля 1942 г.
Строго секретно

1. Война с Финляндией в 1939–1940 гг. вскрыла большое неблагополучие и отсталость в руководстве НКО. В ходе этой войны выяснилась неподготовленность к обеспечению успешного развития военных операций. В Красной Армии отсутствовали минометы и автоматы, не было правильного учета самолетов и танков, не оказалось нужной зимней одежды для войск, войска не имели продовольственных концентратов. Вскрылась большая запущенность в работе таких важных управлений НКО, как Главное Артиллерийское Управление, Управление Боевой Подготовки, Управление ВВС, низкий уровень организации дела в военных учебных заведениях и др.

Все это отразилось на затяжке войны и привело к излишним жертвам. Тов. Ворошилов, будучи в то время народным комиссаром обороны, вынужден был признать на Пленуме ЦК ВКП(б) в конце марта 1940 года обнаружившуюся несостоятельность руководства НКО.

Учтя положение дел в НКО и видя, что т. Ворошилову трудно охватить такое большое дело, как НКО, ЦК ВКП(б) счел необходимым освободить т. Ворошилова от поста наркома обороны.

2. В начале войны с Германией тов. Ворошилов был назначен Главнокомандующим Северо-Западного направления, имеющего своею главною задачею защиту Ленинграда. Как выяснилось потом, тов. Ворошилов не справился с порученным делом и не сумел организовать оборону Ленинграда. В своей работе в Ленинграде т. Ворошилов допустил серьезные ошибки: издал приказ о выборности батальонных командиров в частях народного ополчения, — этот приказ был отменен по указанию Ставки как ведущий к дезорганизации и ослаблению дисциплины в Красной Армии; организовал Военный Совет Обороны Ленинграда, но сам не вошел в его состав, — этот приказ также был отменен Ставкой как неправильный и вредный, так как рабочие Ленинграда могли понять, что т. Ворошилов не вошел в Совет Обороны потому, что не верит в оборону Ленинграда; увлекся созданием рабочих батальонов со слабым вооружением (ружьями, пиками, кинжалами и т. д.), но упустил организацию артиллерийской обороны Ленинграда, к чему имелись особенно благоприятные возможности, и т. д.

Ввиду всего этого Государственный Комитет Обороны отозвал т. Ворошилова из Ленинграда и дал ему работу по новым воинским формированиям в тылу.

3. Ввиду просьбы т. Ворошилова он был командирован в феврале месяце на Волховский фронт в качестве представителя Ставки для помощи командованию фронта и пробыл там около месяца. Однако пребывание т. Ворошилова на Волховском фронте

не

дало желаемых результатов.

Желая еще раз дать возможность т. Ворошилову использовать свой опыт на фронтовой работе, ЦК ВКП(б) предложил т. Ворошилову взять на себя непосредственное командование Волховским фронтом. Но тов. Ворошилов отнесся к этому предложению отрицательно и не захотел взять на себя ответственность за Волховский фронт, несмотря на то, что этот фронт имеет сейчас решающее значение для обороны Ленинграда, сославшись на то, что Волховский фронт является трудным фронтом и он не хочет проваливаться на этом деле.

Ввиду всего изложенного ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Признать, что т. Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте.

2. Направить т. Ворошилова на тыловую военную работу».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 10. Л. 7–8. Копия.

За что их выселяли

Записка написана на бланке КГБ СССР. На первой странице резолюция: «1) Ознакомить чл. ПБ и чл. Комиссии (вкруговую).

М. Горбачев»

и подписи А. Яковлева, Л. Зайкова, Н. Слюнькова, В. Медведева, В. Никонова, Н. Рыжкова, Е. Лигачева, Б. Пуго, Г. Смирнова, А. Лукьянова, Г. Разумовского, Э. Шеварднадзе и В. Крючкова.

«Особая папка

23.09.88 № 16441-4.
Сов. секретно

В Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов

О выселении в 40—50-х годах некоторых категорий граждан из западных районов СССР

В связи с поступившими в ЦК КПСС предложениями ЦК КП Латвии, Литвы и Эстонии о признании неправомерным административного выселения в 40-х и 50-х годах с территории этих республик некоторых категорий граждан, Комитетом госбезопасности изучены архивные материалы по данному вопросу.

Как видно из имеющихся документов, в указанные годы выселение проводилось не только с территории Прибалтики, но и из ряда других регионов страны.

5 декабря 1939 года СНК СССР принял постановление о выселении из Западной Украины и Западной Белоруссии офицеров польской армии, полицейских, жандармов, помещиков, фабрикантов, крупных чиновников государственного аппарата бывшей буржуазной Польши и членов их семей. Мероприятия по выселению были осуществлены в феврале 1940 года. В мае и июне 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановления об «очистке» республик советской Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии от «антисоветского, уголовного и социально опасного элемента». Аресту и выселению подлежали активные члены контрреволюционных партий и участники антисоветских националистических, белогвардейских организаций; крупные чиновники буржуазного государственного аппарата; сотрудники карательных органов; бывшие офицеры польской, литовской, латвийской, эстонской и белой армий, на которых имелись компрометирующие материалы; крупные помещики, фабриканты, торговцы и члены их семей; лица, прибывшие из Германии по репатриации; немцы, подозревавшиеся в связях с иностранными разведками, уголовный элемент, продолжавший заниматься преступной деятельностью.

В послевоенный период, в условиях деятельности организованного и вооруженного националистического подполья, большого числа террористических и диверсионных актов, нелегальной заброски спецслужбами противника своей агентуры, в соответствии с решениями инстанций были арестованы и высланы из западных районов СССР крупные помещики, белогвардейцы, участники профашистских организаций, репатриированные из Англии бывшие военнослужащие армии Андерса, бандпособники и немецкие пособники, кулаки, активные иеговисты и их семьи, а также члены семей оуновцев, главарей и активных участников националистических банд.

Перечисленные выше категории лиц на основании постановлений инстанций арестовывались и направлялись в лагеря на срок от 5 до 8 лет с последующей ссылкой на 20 лет, а члены семей выселялись в отдаленные местности Советского Союза на 20 лет. Имущество конфисковывалось.

Всего из западных областей СССР в предвоенный и послевоенный периоды было выселено 618 084 чел., из них 49 107 арестовано. В том числе по республикам: из Латвии — 57 546 чел.,

7 682 арестовано (1941 г. — 15 171, 1949 г. — 42 322, 1951 г. — 53); из Литвы—108 034 чел., 11 308 арестовано (1941 г. — 15 851, 1948 г. — 39 766, 1949 г. — 29 180, 1950-52 гг. — 22 804); из Эстонии — 30 127 чел., 4 116 арестовано (1941 г. — 9 156, 1949 г. -20

702, 1951 г. — 269); с Украины — 250 376 чел., 11 121 арестовано (1940 Г.-121 996, 1941 г. — 41 645, 1947 г. — 77 751, 1951 г. -

8 984); из Белоруссии—105 275 чел., 9 401 арестовано (1940 г. — 73 521, 1941 г. — 31 754); из Молдавии — 66 726 чел., 5 479 арестовано (1941 г. — 29 839, 1949 г. — 34 270, 1951 г. — 2 617).

Мероприятия по выселению осуществлялись органами НКГБ и НКВД с участием партийного актива, представителей местных советов депутатов трудящихся. Выселявшимся разрешалось брать с собой деньги, ценности, одежду, продукты питания, мелкий сельскохозяйственный инвентарь общим весом до 1,5 тыс. кг на семью.

Подлежавшие выселению лица направлялись на жительство в районы Казахстана, Башкирской, Бурятской, Якутской и Коми АССР, Красноярского края, Архангельской, Иркутской, Новосибирской, Омской и ряда других областей под административный надзор органов милиции.

На каждого арестованного и направлявшегося в лагерь, а также на каждую выселявшуюся семью заводилось учетное дело. Заключение о выселении утверждалось руководством НКВД соответствующей республики и санкционировалось прокурором. Рассмотрение дел и принятие по ним решений возлагалось на Особое Совещание при НКВД СССР.

Кулаки и их семьи выселялись на основании списков, утвержденных Советами Министров союзных республик.

Кроме того, в период войны по постановлениям ГКО были выселены в отдаленные районы страны: советские немцы — 815 тыс. чел., калмыки — 93 139 чел., крымские татары — 190 тыс. чел., чеченцы — 387 229 чел., ингуши — 91 250 чел., балкарцы — 37 103 чел., карачаевцы — 70 095 чел., турко-месхетинцы — свыше 90 тыс. чел.

Таким образом, с 1940 по 1952 г. в целом по стране было выселено около 2 млн 300 тыс. человек.

После XX съезда КПСС указами Президиума Верховного Совета СССР ограничения со всех выселенных лиц были сняты и они освобождены из-под административного надзора. При этом снятие ограничений не влекло за собой компенсацию стоимости конфискованного имущества.

В связи с отменой ограничений значительная часть выселенных лиц возвратилась на прежние места жительства.

Централизованный учет «спецпоселенцев» сосредоточен в Главном информационном центре МВД СССР, а учетные дела на них хранятся в архивах органов внутренних дел, осуществлявших административный надзор. Этот вид учета при проверке советских граждан в случаях, когда затрагиваются их права и интересы, не используется.

Как свидетельствует анализ архивных материалов, мероприятия по выселению из западных районов страны являлись чрезвычайной мерой и обусловливались сложившейся внешней и внутриполитической обстановкой, деятельностью агентуры вражеских разведок и значительным количеством лиц, выступавших против Советской власти, вплоть до совершения террористических актов в отношении партийного и советского актива, а в послевоенный период и вооруженными выступлениями националистических бандформирований. В 1941–1950 гг. в республиках Прибалтики бандформированиями совершено 3426 вооруженных нападений. Убито советских активистов — 5155 человек. Органами государственной безопасности ликвидировано 878 вооруженных банд.

Однако в процессе осуществления мероприятий по выселению имели место факты нарушений социалистической законности — необоснованные аресты ряда граждан, огульный подход в оценке их социальной опасности. В течение 60—80-х годов по ходатайствам граждан часть дел на лиц, арестованных и высланных, пересмотрена и они полностью реабилитированы.

С учетом изложенного, Комитет госбезопасности СССР считает, что вопрос об обоснованности административного выселения отдельных граждан целесообразно

рассматривать индивидуально при наличии ходатайств, как это и делается в настоящее время в республиках Прибалтики.

Что касается предложения ЦК компартий Латвии, Литвы и Эстонии о признании неправомерными решений союзных инстанций о выселениях в 40—50-х годах, то одновременная реабилитация всех категорий высланных была бы неоправданной, поскольку значительное число лиц, подвергшихся выселению, активно боролось против Советской власти.

Вместе с этим полная реабилитация всех лиц, выселявшихся в административном порядке, потребует денежной компенсации за конфискованное имущество в размере нескольких миллиардов рублей. Учета конфискованного имущества не имеется.

Председатель Комитета
В. Чебриков».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 108. Д. 526. Л. 4–8. Подлинник.

Глава 15
СТАЛИН И ЖУКОВ

Чего стоит «военный гений» Сталина
Непроизнесенная речь маршала Г. К. Жукова

Имеются пометы: «Разослано: тов. тов. Булганину Н. А. и Шепилову Д. Т.»; «Хранить в архиве Президиума ЦК КПСС».

Пленум ЦК, где предполагалось обсудить вопрос о культе личности Сталина, так и не состоялся.

Сохранены особенности орфографии и синтаксиса документа.

«СЕКРЕТНО
Товарищу ХРУЩЕВУ Н. С. г,
Посылаю Вам проект моего выступления на предстоящем Пленуме ЦК КПСС.

Прошу просмотреть и дать свои замечания.
Г. ЖУКОВ

19 мая 1956 года № 72с
Секретно

Состояние и задачи военно-идеологической работы

Товарищи!

В своем выступлении я хочу доложить Пленуму ЦК о состоянии и задачах военно-идеологической работы.

Главным недостатком во всей военно-идеологической работе у нас в стране до последнего времени являлось засилие в ней культа личности.

Должен отметить, что у некоторых товарищей имеется мнение о нецелесообразности дальше и глубже ворошить вопросы, связанные с культом личности, так как по их мнению углубление критики в вопросах, связанных с культом личности, наносит вред делу партии, нашим Вооруженным Силам, принижает авторитет советского народа и тому подобное.

Я считаю, что подобные настроения вытекают из несогласия с решением XX съезда партии, полностью одобрившего предложения, изложенные в докладе ЦК по ликвидации последствий культа личности. Если пойти по пути свертывания работы по ликвидации последствий культа личности, то мы не выполним тех решений, которые единодушно были приняты XX съездом партии. Мы не можем забывать, что культ личности и все то, что с ним было связано, принес нам много вреда и в деле обороны нашей страны. Мы обязаны из этого извлечь все необходимые уроки, продолжать настойчиво разъяснять антиленинскую сущность культа личности, преодолевая боязнь обнажения фактов, мешающих ликвидации культа личности.

Как известно, особенно широкое распространение культ личности приобрел в вопросах, связанных с Великой Отечественной войной.

Отдавая должное заслугам, энергии и организаторской деятельности Сталина, я должен сказать, что культ личности Сталина в освещении войны приводил к тому, что роль нашего народа, партии и правительства, наших Вооруженных Сил принижалась, а роль Сталина непомерно преувеличивалась. Во имя возвеличивания Сталина в нашей военно-идеологической работе было допущено грубое искажение ряда исторических фактов, замалчивание неудач, ошибок, недочетов и их причин, а достижение успехов приписывалось исключительно руководству Сталина. Все это создавало извращенное представление об исторических фактах и их оценке. Тем самым нарушалась основа партийности в нашей идеологической работе — ее историческая правдивость.

На протяжении нескольких лет перед Отечественной войной советскому народу внушалось, что наша страна находится в постоянной готовности дать сокрушительный отпор любому агрессору. На все лады восхвалялась наша военная мощь, прививались народу опасные настроения легкости победы в будущей войне, торжественно заявлялось о том, что мы всегда готовы на удар врага ответить тройным ударом, что, несомненно, притупляло бдительность советского народа и не мобилизовало его на активную подготовку страны к обороне.

Действительное же состояние подготовки нашей страны к обороне в то время было далеким от этих хвастливых заявлений, что и явилось одной из решающих причин тех крупных военных поражений и огромных жертв, которые понесла наша Родина в начальный период войны.

Накануне войны организация и вооружение наших войск не были на должной высоте, а что касается противовоздушной обороны войск и страны, то она была на крайне низком уровне.

До 1941 года

v

нас было очень мало механизированных соединений,

и только зимой 1941 года было принято решение о формировании 15-ти механизированных корпусов за счет ликвидации кавалерии, но это решение было крайне запоздалым.

К моменту возникновения войны большинство наших механизированных корпусов и дивизий находилось еще в стадии формирования и обучения, в силу чего они вступили в бой несколоченными и слабо вооруженными.

Качество нашей

авиаици

оказалось ниже немецкой, да и та из-за отсутствия аэродромов была крайне скученно расположена в приграничной зоне, где и попала под удар авиации противника.

Артиллерия,

особенно зенитная, была очень плохо обеспечена тягачами, вследствие чего не имела возможности передвигаться и в какой-либо степени обеспечить маневр наших войск на поле боя. Очень много артиллерии из-за отсутствия артиллерийских тягачей было брошено при отходе наших войск.

У Генерального штаба не было законченных и утвержденных правительством оперативного и мобилизационного планов.

Промышленности не были выданы конкретные мобзадания по подготовке мобилизационных мощностей и созданию соответствующих материальных резервов. Особенно плохо обстояло дело с руководящими военными кадрами, которые в период

1937

—

1939

гг., начиная от командующих войсками округов до командиров дивизий и полков включительно, неоднократно сменялись в связи с арестами. Вновь назначенные к началу войны оказались слабо подготовленными по занимаемым должностям. Особенно плохо были подготовлены командующие фронтами и армиями. Огромный вред для Вооруженных Сил нанесла подозрительность Сталина по отношению к военным кадрам. На протяжении только четырех лет, с 1937 по 1941 г., в наших Вооруженных Силах дважды упразднялось единоначалие и вводился институт военных комиссаров, что сеяло недоверие к командным кадрам, подрывало дисциплину в войсках и создавало неуверенность у командного состава.

Слабые стороны в подготовке нашей страны и армии к войне, выявленные в ходе советско-финляндской войны и событий на Дальнем Востоке, не только не устранялись, но по-серьезному даже и не обсуждались ни в ЦК, ни в Совнаркоме, так как все эти вопросы находились в руках Сталина и без его указаний никто не мог принять какого-либо решения.

Вследствие игнорирования со стороны Сталина явной угрозы нападения фашистской Германии на Советский Союз, наши Вооруженные Силы не были своевременно приведены в боевую готовность, к моменту удара противника не были развернуты и им не ставилась задача быть готовыми отразить готовящийся удар противника, чтобы, как говорил Сталин, «не спровоцировать немцев на войну».

Знал ли Сталин и Председатель Совнаркома В. М. Молотов о концентрации гитлеровских войск у наших границ? Да, знали. Кроме данных, о которых на XX съезде доложил тов. Н. С. Хрущев, Генеральный штаб систематически докладывал правительству о сосредоточениях немецких войск вблизи наших границ, об их усиленной авиационной разведке на ряде участков нашей приграничной территории с проникновением ее вглубь нашей страны до 200 километров. За период январь — май 1941 г. было зафиксировано 157 разведывательных полетов немецкой авиации.

Чтобы не быть голословным, я оглашу одно из донесений начальника Генерального штаба главе правительства тов. В. М. Молотову:

«Докладываю о массовых нарушениях государственной границы германскими самолетами за период с 1 по 10.4.1941 г. Всего за этот период произведено 47 нарушений госграницы.

Как видно из прилагаемой карты, нарушения в преобладающей своей массе ведутся: а) на границе с Прибалтийским Особым военным округом и особенно в районах ЛИБАВА, МЕМ ЕЛЬ и КОВНО;

б) на Львовском направлении на участке госграницы СОКАЛЬ, ПЕРЕМЫШЛЬ.

Отдельные случаи нарушения госграницы произведены в направлениях на ГРОДНО, БЕЛОСТОК, КОВЕЛЬ и ЛУЦК, а также на госгранице с РУМЫНИЕЙ.

Полеты немецких самолетов производились на глубину 90— 200 км от госграницы как истребителями, так и бомбардировщиками. Это говорит о том, что немцы производят как визуальную разведку, так и фотографирование.

Прошу доложить этот вопрос тов. Сталину и принять возможные мероприятия. Начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии

Жуков.

11 апреля 1941 г. № 503727».

Никаких реальных мер ни по этому донесению, ни по ряду других не последовало и должных выводов не было сделано.

Примером полного игнорирования Сталиным сложившейся военно-политической обстановки и беспрецедентной в истории дезориентации нашего народа и армии является сообщение

ТАСС, опубликованное в печати 14 июня 1941 г., т. е. за неделю до нападения фашистской Германии на Советский Союз. В этом сообщении указывалось, что «по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям».

Это заявление дезориентировало советский народ, партию и армию и притупляло их бдительность.

Неудачи первого периода войны Сталин объяснял тем, что фашистская Германия напала на Советский Союз внезапно. Это исторически неверно. Никакой внезапности нападения гитлеровских войск не было. О готовящемся нападении было известно, а внезапность была придумана Сталиным, чтобы оправдать свои просчеты в подготовке страны к обороне.

22 июня в 3 ч. 15 мин. немцы начали боевые действия на всех фронтах, нанеся авиационные удары по аэродромам с целью уничтожения нашей авиации, по военно-морским базам и по ряду крупных городов в приграничной зоне. В 3 ч. 25 м. Сталин был мною разбужен и ему было доложено о том, что немцы начали войну, бомбят наши аэродромы, города и открыли огонь по нашим войскам. Мы с тов. С. К. Тимошенко просили разрешения дать войскам приказ о соответствующих ответных действиях. Сталин, тяжело дыша в телефонную трубку, в течение нескольких минут ничего не мог сказать, а на повторные вопросы ответил: «Это провокация немецких военных. Огня не открывать, чтобы не развязать более широких действий. Передайте Поскребышеву, чтобы он вызвал к 5 часам Берия, Молотова, Маленкова, на совещание прибыть вам и Тимошенко».

Свою мысль о провокации немцев Сталин вновь подтвердил, когда он прибыл в ЦК. Сообщение о том, что немецкие войска на ряде участков уже ворвались на нашу территорию, не убедило его в том, что противник начал настоящую и заранее подготовленную войну. До 6 часов 30 мин. он не давал разрешения на ответные действия и на открытие огня, а фашистские войска тем временем, уничтожая героически сражавшиеся части пограничной охраны, вклинились в нашу территорию, ввели в дело свои танковые войска и начали стремительно развивать удары своих группировок.

Как видите, кроме просчетов в оценке обстановки, неподготовленности к войне, с первых минут возникновения войны в Верховном руководстве страной в лице Сталина

проявилась полная растерянность в управлении обороной страны, использовав которую, противник прочно захватил инициативу в свои руки и диктовал свою волю на всех стратегических направлениях.

Я не сомневаюсь в том, что, если бы наши войска в западной приграничной зоне были приведены в полную боевую готовность, имели бы правильное построение и четкие задачи по отражению удара противника немедленно с началом его нападения, характер борьбы в первые часы и дни войны был бы иным и это сказалось бы на всем ее последующем ходе. Соотношение сил на театре военных действий, при надлежащей организации действий наших войск, позволяло по меньшей мере надежно сдерживать наступление противника.

Неправильным является утверждение о том, что Сталин, разгадав планы немецко-фашистского командования, решил активной обороной измотать и обескровить врага, выиграть время для сосредоточения резервов, а затем, перейдя в контрнаступление, нанести сокрушительный удар и разгромить противника. В действительности такого решения не было, а «теория активной обороны» понадобилась для скрытия истинных причин наших неудач в начальном периоде войны.

Что же произошло в действительности, почему наши войска понесли поражение на всех стратегических направлениях, отступали и оказывались в ряде районов окруженными?

Кроме неподготовленности страны к обороне и неполной подготовленности Вооруженных Сил к организованному отражению нападения противника, у нас не было полноценного Верховного командования. Был Сталин, без которого по существовавшим тогда порядкам никто не мог принять самостоятельного решения, и надо сказать правдиво, в начале войны Сталин очень неплохо разбирался в оперативно-тактических вопросах. Ставка Верховного Главнокомандования была создана с опозданием и не была подготовлена к тому, чтобы практически взять в свои руки и осуществить квалифицированное управление Вооруженными Силами.

Генеральный штаб, Наркомат обороны с самого начала были дезорганизованы Сталиным и лишены его доверия.

Вместо того, чтобы немедля организовать руководящую группу Верховного командования для управления войсками, Сталиным было приказано: начальника Генерального штаба на второй день войны отправить на Украину, в район Тарнополя для помощи командующему Юго-Западным фронтом в руководстве войсками в сражении в районе Сокаль, Броды; Маршала Б. М. Шапошникова послать на помощь командующему Западным фронтом в район Минска, а несколько позже 1-го заместителя начальника Генерального штаба генерала Н. Ф. Ватутина — на северо-западное направление.

Сталину было доложено, что этого делать нельзя, так как подобная практика может привести к дезорганизации руководства войсками. Но от него последовал ответ: «Что вы понимаете в руководстве войсками, обойдемся без вас». Следствием этого решения Сталина было то, что он, не зная в деталях положения на фронтах и будучи недостаточно грамотным в оперативных вопросах, давал неквалифицированные указания, не говоря уже о некомпетентном планировании крупных контрмероприятий, которые по сложившейся обстановке надо было проводить.

Наши войска, не будучи развернутыми в правильных оперативных построениях, фактически дрались отдельными соединениями, отдельными группировками, проявляя при этом исключительное упорство, нанося тяжелые поражения противнику. Не получая своевременных приказов от высшего командования, они вынуждены были действовать изолированно, часто оказывались в тяжелом положении, а иногда и в окружении.

Положение осложнялось тем, что с первых дней наша авиация, ввиду своей отсталости в техническом отношении, была подавлена авиацией противника и не могла успешно взаимодействовать с сухопутными войсками. Фронты, не имея хорошей

разведывательной авиации, не знали истинного положения войск противника и своих войск, что имело решающее значение в деле управления войсками.

Войска, не имея артиллерийских тягачей и автотранспорта, сразу же оказывались без запасов горючего и боеприпасов, без должной артиллерийской поддержки.

В последующем, будучи значительно ослаблены в вооружении, без поддержки авиации, не имея танков и артиллерии, часто оказывались в тяжелом положении.

Все это привело наши войска к тяжелым жертвам и неудачам в первый период войны и оставлению врагу громаднейшей территории нашей страны.

И только величайшая патриотическая любовь советского народа и его Вооруженных Сил к своей Родине, преданность их Коммунистической партии и Советскому правительству, дали возможность под руководством нашей партии преодолеть тяжелую обстановку, которая сложилась вследствие ошибок и промахов сталинского руководства в первый период войны, а затем вырвать у врага инициативу, добиться перелома в ходе войны в нашу пользу и завершить ее блестящей победой всемирно-исторического значения.

Отношение Сталина к личному составу наших Вооруженных Сил.

Я уже говорил о подозрительности и недоверии к военным кадрам, которое проявлялось у Сталина в предвоенные годы. Всю вину за наши неудачи в начальный период войны он постарался возложить на личный состав Вооруженных Сил.

Был организован судебный процесс над командованием Западного фронта, по которому были расстреляны командующий войсками Павлов, начальник штаба Климовских, начальник связи Григорьев и ряд других генералов. Был обвинен в измене и переходе на сторону противника командующий армией Качалов, фактически погибший на поле боя при прорыве из окружения. Без всяких оснований были обвинены в измене и другие генералы, в силу сложившейся обстановки попавшие в плен, которые, возвратясь из плена, и по сей день являются честнейшими патриотами нашей Родины.

Был издан ряд приказов, в которых личный состав наших войск, особенно командиры и политработники, огульно обвинялся в малодушии и трусости.

Уже после того, как наши войска показали себя способными не только обороняться, но и наносить серьезные удары по врагу, Сталин нашел нужным в одном из своих приказов написать:

«Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то. что она отдает наш народ под ярмо немеиких угнетателей, а сама утекает на восток».

Таким приказом Сталин незаслуженно опорочил боевые и моральные качества наших солдат, офицеров и генералов.

Как показывают действительные факты, наши солдаты и офицеры, части и соединения дрались, как правило, с исключительным упорством, не щадя своей жизни, нанося большие потери противнику.

Даже наши враги и те вынуждены были отметить боевую доблесть советских воинов в начальном периоде войны.

Вот что писал в своем служебном дневнике начальник Генерального штаба германских сухопутных сил генерал-полковник Гальдер:

24 июня. «Противник в приграничной полосе почти всюду оказывал сопротивление.

Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны ДОТ'ов взрывали себя вместе с ДОТ'ами, не желая сдаваться в плен».

27 июня. Он отмечает, что русские войска и командование на Украине «действует хорошо и энергично».

29 июня. «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бои по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволять себе известные вольности и отступления от уставных принципов, что теперь уже недопустимо».

6 июля. «На отдельных участках экипажи танков противника покидают свои машины, но в большинстве запираются в танках и дают себя сжечь с машинами».

11 июля. «Противник сражается ожесточенно и фанатически».

Даже в том случае, когда наши войска попадали в окружение, они продолжали драться с противником.

20 июля Гальдер записал в дневнике: «Отдельные группы противника, продолжая оставаться в нашем тылу, являются для нас настоящим бедствием».

В том же дневнике Гальдером записаны потери за период с начала войны по 10 декабря 1941 года, т. е. еще до завершения битвы под Москвой и развертывания наших зимних наступательных операций. Немцами было потеряно убитыми, ранеными и без вести пропавшими 775 078 человек, что составляет 24,22 % от численности боевых частей на Восточном фронте, общая численность которых составляла 3,2 миллиона человек.

Эти факты и цифры, скорее преуменьшенные, чем преувеличенные, убедительно свидетельствуют о том, что наши воины в тяжелейших условиях начального периода честно и доблестно выполняли свой боевой долг, защищая свою социалистическую Родину.

Зачем понадобилось Сталину издавать приказы, позорящие нашу армию? Я считаю, что это сделано с целью отвести от себя вину и недовольство народа за неподготовленность страны к обороне, за допущенные лично им ошибки в руководстве войсками и те неудачи, которые явились их следствием.

О так называемых «сталинских операциях», «сталинской военной науке» и задачах по ликвидации последствий культа личности

Многие здесь присутствующие знают, как возникали операции фронтов, как планировались, готовились и проводились наступательные операции наших войск, в последующем получившие название «Сталинские».

Надо быть неграмотным в военном деле, чтобы поверить в то, что один человек мог обдумать, рассчитать, распланировать и подготовить современную фронтовую операцию или операцию группы фронтов, проводимых на громаднейшем пространстве, с участием всех видов Вооруженных Сил и родов войск.

Был ли Сталин творцом вообще каких-либо операций?

Да,

к сожалению,

был. Об одной такой операции на XX съезде доложил тов. Н. С. Хрущев. По замыслу Сталина также планировалась и проводилась операция в Прибалтике в районе Либавы, которая безрезультатно повторялась несколько раз и, кроме тяжелых жертв, ничего не дала. За неудачи этой операции Сталин сменил трех командующих фронтами.

Исключительно безграмотно проводились операции севернее Варшавы, в результате которых погибли многие десятки тысяч наших людей. Сталину неоднократно докладывали о том, что по условиям местности там нельзя проводить операцию, однако такие доводы отвергались как «незрелые», и операция многократно повторялась с одними и теми же результатами.

О непонимании Сталиным основ управления войсками можно многое рассказать из истории оборонительных сражений за Москву, но достаточно только небольшого факта, чтобы уяснить непонимание Сталиным способов управления войсками.

В тяжелый момент упорной борьбы, когда противник с ожесточением рвался к Москве, Берия доложил Сталину, что немцы захватили деревню Дедово и Красную Поляну. Сталин, вызвав к телефону меня и Н. А. Булганина, изругав как полагалось, приказал немедленно выехать мне в Дедово, а Н. А. Булганину в Красную Поляну и взять обратно эти деревни. Наши попытки доказать невозможность в такой тяжелый момент бросать командный пункт и управление войсками фронта, были встречены угрозой расстрела. И в то время, когда мы с Н. А. Булганиным брали эти деревни, не имеющие никакого значения, противник прорвал фронт в другом месте — в районе Нарофоминска, ринулся к Москве и только наличие резерва фронта в этом районе спасло положение.

Я не могу обойти молчанием и того, что Сталин принуждал представителей Ставки Верховного Главнокомандования и командующих фронтами без всякой к тому необходимости проводить наспех организованные операции, без достаточного материального

и технического их обеспечения, что приводило к чрезмерно большим потерям.

Во многих случаях наспех и плохо организованные операции не давали положительных результатов.

Так было на Северо-Западном, Западном, на Воронежском и других фронтах.

Можно привести еще немало отрицательных фактов из оперативного творчества Сталина, чтобы оценить, чего стоят на самом деле его полководческие качества и «военный гений».

Последствия культа личности до настоящего времени дают себя чувствовать во многих областях военного дела, особенно в вопросах военной теории и военной истории.

В угоду культу личности у нас настойчиво прививалось неправильное представление о том, что Сталиным, якобы, заново разработана советская военная наука. Отдельные его высказывания по случайному поводу превращались в «энциклопедию военной науки». Старые, давно известные положения, вроде знаменитого суворовского афоризма — «готовить войска к тому, что необходимо на войне» — расценивались как новые гениальные открытия. Высказывание о постоянно действующих факторах, в котором новым была форма, а не существо вопроса, превратилось в основу основ всей советской военной науки, а такой важный и давно известный фактор, как внезапность, стали рассматривать лишь как принадлежность авантюристической стратегии.

Возводилось в культ контрнаступление, чем, по существу, оправдывались ошибки, допущенные в начальный период Отечественной войны, и неправильно ориентировались наши военные кадры о возможных способах ведения войны в будущем.

В угоду культу личности замалчивался тот факт, что советская военная наука создавалась коллективным трудом руководящих партийных, государственных и военных деятелей, трудом многих военно-научных работников и наших ученых, выращенных партией.

Культ личности в военной науке сковывал творческую мысль наших научных кадров и приучал их к тому, что их роль заключается не в самостоятельной разработке военной теории, а в умелом комментировании и популяризации сталинских положений.

Мы должны ликвидировать эти серьезные недостатки и пробудить творческую мысль наших научных кадров, основанную не на рабском следовании цитате, а на научном, объективном и всестороннем анализе живой действительности и перспектив развития техники, способную к глубоким обобщениям в интересах дальнейшего укрепления оборонной мощи Советского государства.

Надо повернуть нашу военную науку прежде всего к современным и перспективным задачам. Сейчас наука и техника выдвигают все новые и новые вопросы, на которые военная теория должна своевременно дать правильный ответ. Особенно это

относится к средствам массового поражения, так как неосведомленность народа и личного состава Вооруженных Сил в этих вопросах может отрицательно сказаться при возникновении войны.

Огромное значение для правильного воспитания не только Вооруженных Сил, но и всего советского народа имеет правдивое освещение военных событий и научное обобщение опыта войн.

Однако, несмотря на то, что со времени окончания войны прошло 11 лет, у нас еще нет трудов, исторически правдиво освещающих события Отечественной войны, правильно раскрывающих роль советского народа, его Вооруженных Сил, организующую деятельность Коммунистической партии в завоевании исторических побед.

В исследовании военных событий нет глубокого анализа явлений, научной критики фактов и действий.

Неудачные операции наших войск, как правило, не исследовались, а если и описывались, то без соблюдения исторической правды.

В описаниях военных событий почти нет имен коллектива военачальников, которые непосредственно планировали операции и руководили боевыми действиями войск. Культ личности бесцеремонно вычеркнул из истории имена действительных героев, а их коллективные заслуги беззастенчиво присваивались Сталину.

Установившееся в периодизации Великой Отечественной войны наименование первого периода — «Активная оборона советских Вооруженных Сил» — не дает правильного представления о фактическом характере действий советских войск в 1941 году и противоречит принятому у нас понятию активной обороны. Исходя из фактической обстановки, первый период войны правильнее называть «Периодом отступления и срыва планов «молниеносной» войны фашистской Германии против Советского Союза», предоставив историкам научно установить хронологические рамки этого периода.

При составлении истории Великой Отечественной войны и истории советского военного искусства нужно осветить нашу боевую дружбу с вооруженными силами стран народной демократии, строительство которых началось при помощи Советского Союза на полях сражений в борьбе с общим врагом — германским фашизмом.

Одним из существенных недостатков военно-идеологической работы является недооценка буржуазной военной науки, выразившаяся в чванливом ее отрицании. Нами явно недостаточно изучаются формы и методы военно-идеологической работы в капиталистических странах, а также сильные и слабые стороны империалистических военных систем.

В результате извращенного понимания задач борьбы против неоправданного преклонения перед заграницей отрицалась какая-либо ценность зарубежной военной мысли, военной техники, игнорировались ее достижения, а задачи в области военно-идеологической борьбы сводились к огульному охаиванию всего того, что находится за пределами наших границ.

Надо улучшить дело научной информации о зарубежной военной литературе и военной технике, изучать сильные и слабые стороны империалистических военных систем и основные направления военно-идеологической работы в их армиях, вскрывать новые процессы, связанные с подготовкой их к будущей войне, разоблачать реакционную сущность буржуазной военной идеологии и военной науки.

Говоря о нашей практике военно-идеологической работы в Армии и Флоте, необходимо отметить ее низкое качество, а порой и отрыв ее от задач воспитания войск, на что сейчас необходимо обратить серьезное внимание командиров, политорганов и партийных организаций Вооруженных Сил.

В системе идеологического воспитания наших военных кадров надо развернуть глубокое изучение марксистско-ленинского учения о войне и армии, тесно увязывая изучение теории с конкретными задачами подготовки войск, с их качественными и организационными изменениями. С этой целью надо подготовить и издать труд по

основам марксистско-ленинского учения о войне и армии, в котором правильно отразить роль В. И. Ленина в развитии этого учения и обобщить опыт войн современной эпохи.

Разоблачить неправильность и вредность утверждения о том, что В. И. Ленин не являлся «знатоком военного дела», так как подобное утверждение не соответствует действительности и умаляет роль В. И. Ленина как организатора Вооруженных Сил, внесшего много новых принципиальных идей в советскую военную науку.

В ближайшее время необходимо возобновить издание военно-теоретических трудов М. В. Фрунзе и других советских военных теоретиков.

Необходимо также отметить явно недостаточное развертывание военно-идеологической работы в широких массах советского народа, особенно молодежи, направленной на воспитание советского патриотизма, национальной военной гордости, любви к своим Вооруженным Силам и готовности к сокрушительному разгрому любого агрессора, развязавшего войну.

Чтобы устранить этот недочет, мы должны значительно улучшить военно-идеологическое воспитание широких масс советского народа, особенно молодежи в духе патриотизма, любви к своим Вооруженным Силам и постоянной готовности с честью и достоинством защищать свою Родину. Надо организовать выпуск правдивых кинофильмов и литературных произведений о патриотическом долге советских людей по защите своей Родины, постоянной их бдительности и активности в подготовке обороны страны. Это особенно важно в настоящее время, когда наше государство значительно сокращает численность Вооруженных Сил. Пассивное отношение к военно-идеологической работе может породить настроение пацифистского благодушия и беспечности.

У нас мало уделяется внимания историческим памятникам военной славы нашего Отечества, на которых воспитывались бы патриотизм и военная гордость советского народа. У нас почти нет памятников в местах, где происходили важнейшие события Гражданской и Отечественной войн. В Москве и городах-героях до сих пор нет монументальных памятников подвигу советского народа в Отечественной войне. В этом отношении мы серьезно отстаем от других государств. Это явно ненормальное положение необходимо устранить в ближайшее время.

Об устранении неправильного отношения к бывшим военнопленным, возвратившимся на Родину из фашистского плена

В идеологической работе нам нанесен большой морально-политический вред произволом бериевской шайки в отношении советских военнослужащих, которые в период Отечественной войны находились в плену у наших противников.

В силу обстановки, сложившейся в начале войны на ряде фронтов, значительное число советских военнослужащих нередко попадало в составе целых подразделений и частей в окружение и, исчерпав все возможности к сопротивлению, вопреки своей воле, оказалось в плену. Многие попадали в плен ранеными и контуженными.

Советские воины, попавшие в плен, как правило, сохраняли верность своей Родине, вели себя мужественно, стойко переносили лишения плена, издевательства гитлеровцев, нередко проявляли подлинный героизм. Многие советские военнослужащие с риском для жизни бежали из гитлеровских лагерей и продолжали сражаться с врагом в его тылу, в партизанских отрядах, или пробивались через линию фронта к своим войскам.

Однако как во время войны, так и в послевоенный период в отношении бывших военнопленных были допущены грубейшие извращения советской законности, противоречащие ленинским принципам и самой природе советского строя. Эти извращения шли по линии создания по отношению к ним обстановки недоверия и подозрительности, а также ни на чем не основанных обвинений в тяжких преступлениях и массового применения репрессий.

При решении вопроса о судьбе бывших военнопленных не принимались во внимание ни обстоятельства пленения и поведение в плену, ни факт бегства из плена, участие в партизанской борьбе и другое. Наши офицеры, попавшие в плен ранеными, мужественно державшиеся в плену, огульно лишались офицерского звания и без суда посылались в штрафные батальоны, наравне с лицами, совершившими преступления.

Некоторые советские и партийные органы до сих пор продолжают проявлять неправильное отношение к бывшим военнопленным, ничем себя не запятнавшим, относятся к ним с недоверием, устанавливают незаконные ограничения в отношении продвижения по службе, использования на ответственной работе, избрания депутатами в Советы депутатов трудящихся, поступления в высшие учебные заведения и другие, ущемляя их права и достоинство советских граждан.

Наиболее грубые извращения нарушений законных прав военнопленных были связаны с необоснованным привлечением их к уголовной ответственности. Значительное количество военнопленных, возвратившихся на Родину, было подвергнуто различным наказаниям, начиная со ссылки на спецпоселение и кончая высшей мерой наказания.

Советское законодательство предусматривает суровую ответственность за преднамеренную сдачу в плен, за сотрудничество с врагом и за другие преступления, направленные против Советского государства. Однако из советских законов не вытекает, чтобы военнослужащий, попавший в плен вследствие ранения, контузии, внезапного захвата и при других обстоятельствах, не зависящих лично от военнослужащего, должен нести уголовную ответственность.

Незаконным репрессиям подвергались и те военнослужащие, которые помимо своей воли попав в плен, руководствуясь чувством воинского долга, бежали затем из плена и возвратились на Родину, проявляя при этом нередко личный героизм, подвергая свою жизнь опасности.

Приведу лишь два примера.

Капитан Фурсов Д. Т., член КПСС, в Советской Армии служил с 1929 года, в августе 1946 года был осужден к 8-ми годам лишения свободы, с поражением в правах на 3 года, с конфискацией имущества и лишением воинского звания «гвардии капитан». Его обвинили в том, что он, находясь с конца 1941 года в плену, в феврале 1943 года добровольно поступил на службу в организованную немцами «офицерскую казачью школу».

Что же установлено теперь? Капитан Фурсов, попав в окружение немецких войск, пытался выйти из окружения, но был ранен и оказался в плену у немцев. Не имея возможности бежать из плена, он решил поступить в «казачью офицерскую школу» с тем, чтобы бежать к партизанам. Получив в школе оружие, Фурсов 17 июня 1943 года вместе с группой курсантов этой школы в количестве 69 человек с оружием перешли к партизанам, захватив с собой находившихся в опьяненном состоянии начальника школы и командира эскадрона.

В партизанском отряде Фурсов был командиром отделения, а затем командиром диверсионной группы и выбыл из отряда в связи с ранением. После излечения в госпитале Фурсов продолжал служить в Советской Армии и активно участвовал в боях, был три раза ранен и награжден двумя орденами и медалью.

И вот этого отважного советского патриота, возвратившегося на Родину с победой над врагом, в 1945 году осудили и посадили в тюрьму.

Старший лейтенант Анухин Е. С, член КПСС, 31 марта 1950 года был осужден к лишению свободы на 25 лет, якобы за то, что 9 августа 1944 года при выполнении боевого задания, когда самолет Ил-2, управляемый Анухиным, был сбит противником, а Анухин пленен, он на допросе в румынском штабе выдал сведения, составляющие военную тайну, сообщив противнику о летно-технических свойствах самолета.

Как теперь установлено, Анухин в плену у румын был всего 11 дней, а затем вместе с другими нашими военнослужащими бежал из плена и прибыл в свою часть. До

конца войны он принимал активное участие в боях летчиком-штурмовиком, совершил 160 боевых вылетов, из них 120 вылетов после побега из плена. Трофейными документами установлено, что Анухин при допросе румынами гордо заявил, что война кончится победой Советского Союза, а Румыния станет свободным государством.

Через пять лет после войны, в которой Анухин принимал самое активное участие, он был осужден и посажен в тюрьму.

Нет необходимости доказывать, что с точки зрения подлинной советской законности, расценивать в подобных случаях советских военнослужащих, попавших в плен к врагу, как изменников Родины, не было абсолютно никаких оснований. Не было оснований и для применения к ним каких-либо репрессивных мер.

Более того, советские военнослужащие, по независящим от них обстоятельствам попавшие в плен и затем бежавшие из плена на Родину, — достойны поощрения и правительственных наград. Такой порядок существовал даже при царском режиме и имел большое значение для воспитания народа, солдат и офицеров.

Некоторая часть военнослужащих, попав в плен и зная о неизбежности для них репрессий на Родине, естественно не проявляла стремления к тому, чтобы бежать из плена. А по окончании войны угроза незаслуженных репрессий могла заставить некоторых военнослужащих отказаться от репатриации на родину. Неправильные действия местных органов власти, создание по отношению к бывшим военнопленным атмосферы недоверия порождает среди них, членов их семей справедливые настроения обиды, бесперспективности, ощущение неравноправия, отрицательно сказываются на их производственной, общественной деятельности.

Воспитывая военнослужащих в духе высокой стойкости, ненависти к врагу и презрения к плену, мы недостаточно популяризируем примеры доблестного поведения советских воинов в плену, примеры смелых побегов наших людей из плена.

Нужно снять с бывших военнопленных моральный гнет недоверия, реабилитировать незаконно осужденных, ликвидировать ограничения в отношении бывших военнопленных.

Товарищи! Культ личности причинил большой ущерб нашей военно-идеологической работе. Наша задача заключается в том, чтобы решительно очистить от последствий этого культа всю работу по воспитанию советского народа и личного состава Вооруженных Сил, все виды и формы военно-идеологической работы в области военной науки, пропаганды, военно-художественной литературы, а также связанные с военной тематикой искусство и кино и прочно поставить их на марксистско-ленинскую основу. Во всей нашей военно-идеологической работе мы должны исходить из непреложного марксистско-ленинского положения, что творцом истории является народ, а в основе военного могущества Советского государства лежит его общественный и политический строй, передовая экономика, морально-политическое единство советского народа, мощь его Вооруженных Сил и руководящая деятельность нашей славной Коммунистической партии».

АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 188. Л. 4-30. Подлинник…

Ну что сказать после этого?

Правильно

: рабы всегда пляшут на могилах своих господ.

Первым Сталина предал Хрущев, больше всех пресмыкавшийся перед ним. Вслед за Хрущевым отрекаться от прежнего кумира начали все: политики и ученые, военные и инженеры человеческих душ.

Прославленный полководец тоже не удержался, отдал дань тогдашней моде. А может, и в самом деле вознесся, уверовал в свою гениальность. Власть с человеком чудные чуда творит.

Глава 16
СТАЛИН И «СУДЫ ЧЕСТИ»

Видный исследователь в этой области, историк Николай Сидоров пришел к заключению, что выборы «судов чести» в центральных министерствах и ведомствах в 1947–1948 годах проходили в рамках широкомасштабной кампании за утверждение советского патриотизма, против «тлетворного влияния Запада, раболепия и низкопоклонства перед иностранщиной». По поручению И. В. Сталина постановления и мероприятия партии и правительства разрабатывались и проводились в жизнь секретарями ЦК ВКП(б) А. А. Ждановым, М. А. Сусловым и А. А. Кузнецовым.

Прототипом «судов чести» являлись аналогичные офицерские суды, существовавшие в российской императорской армии. Их целью было охранение корпоративной чести офицерского сословия, для чего суды наделялись правом исключать из своей среды признанных недостойными. Характерными особенностями офицерских судов чести были выборность и полная обособленность от общей военно-судебной организации. Суды избирались в полках и других воинских частях в количестве 5–7 человек на один год. Командир части своей властью определял, подлежал ли поступок офицера ведению этого суда. Используя складывавшиеся десятилетиями моральные и этические понятия офицерской чести, суды были направлены на укрепление дисциплины, повышение надежности и боеспособности армии.

Высшие руководители ВКП(б) приспособили дисциплинарный устав царской армии для ужесточения контроля над аппаратом. В период с апреля по октябрь 1947 года «суды чести» были избраны в 82 министерствах и центральных ведомствах. Кульминационными стали решения об организации судов при Совете Министров СССР и ЦК ВКП(б) и в аппарате ЦК ВКП(б). Таким образом, под юрисдикцию судов попадал весь слой высшего и среднего партийно-государственного чиновничества, включая министров союзного значения и секретарей союзных компартий, также элита советской интеллигенции.

И это было при однопартийной системе, и без того жестко регламентирующей с помощью репрессивных методов все стороны жизни управленческого аппарата. Существовало целое министерство госконтроля, возглавляемое небезызвестным Мехлисом. Дисциплина была железная. И тем не менее Сталин пошел на создание еще одного инструмента укрепления дисциплины. А сейчас? Парткомов нет, контроль отсутствует, все ветви власти самостоятельны, никто ни перед кем не подотчетен, полнейшая вольница. Не потому ли пышным цветом расцвели коррупция и безнаказанность?

Деятельность «судов чести» строго регламентировалась соответствующими постановлениями Политбюро и Секретариата ЦК ВКП(б). «Суды чести» просуществовали до конца 1949 года. Почему они были распущены, неизвестно.

«Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о Судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах от 28 марта 1947 г.

1. Утвердить с поправками проект постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О Судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах» (прилагается).

2. В первую очередь в двухнедельный срок организовать суды чести в Министерстве здравоохранения, Министерстве торговли и Министерстве финансов.

Приложение

О Судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах

Постановление Совета Министров СССР и Центрального Комитета ВКП(б)

1. В целях содействия делу воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам советского государства и высокого сознания своего государственного и общественного долга, для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника, в министерствах СССР и центральных ведомствах создаются Суды чести.

2. На Суды чести возлагается рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств, если эти проступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке.

3. Суд чести состоит из 5–7 человек. В члены Суда входят работники министерства или ведомства, избираемые тайным голосованием на собрании руководящих, оперативных и научных

работников министерства или ведомства, а также представители партийной организации министерства или ведомства и представитель ЦК профсоюза.

4. Право выдвижения кандидатов в члены Суда на собрании работников министерства и ведомства предоставляется как партийной и профсоюзной организации, так и участникам собрания. Вопрос о включении в список кандидатов в члены Суда чести или об отводе из списка решается открытым голосованием.

Избранными считаются кандидаты, получившие абсолютное большинство голосов.

Министр и руководитель ведомства в состав Суда чести не входит.

5. Члены Суда из своего состава избирают открытым голосованием председателя Суда чести.

6. Суды чести избираются сроком на один год. (Постановлением СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 7 июля 1948 года срок полномочий Судов чести был продлен еще на один год. —В.С.)

7. Решение вопроса о направлении дела в Суд чести принадлежит либо министру или руководителю ведомства, либо профсоюзной организации, либо парторганизации министерства или соответствующего ведомства.

8. Рассмотрению дел в Суде чести должна предшествовать проверка фактов, проводимая членами Суда по поручению председателя. Председатель Суда определяет, кто должен быть вызван в качестве свидетеля.

Обвиняемому предъявляются результаты произведенной проверки и предоставляется право просить председателя Суда о вызове новых свидетелей, о затребовании документов и справок.

9. Рассмотрение дел в Суде чести производится, как правило, в открытом заседании.

Разбор дела в Суде чести заключается в рассмотрении собранных по делу материалов, выслушивании объяснений привлеченного к Суду чести и свидетелей и проверке представленных доказательств.

При рассмотрении дела в Суде чести могут выступать по существу дела работники министерства или ведомства, присутствующие на заседании суда.

10. Решение Суда чести принимается простым большинством голосов членов суда. В решении указывается существо проступка и определенная судом мера наказания.

11. Суд чести может постановить:

а) объявить общественное порицание обвиняемому;

б) объявить общественный выговор;

в) передать дело следственным органам для направления в суд в уголовном порядке.

12. Привлеченному к Суду чести работнику решение суда объявляется публично. Копия решения Суда чести приобщается к личному делу работника.

13. Решение Суда чести обжалованию не подлежит. Председатель Совета министров СССР

И. Сталин

Секретарь Центрального комитета ВКП(б)

А. Жданов».

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1064. Л. 32, 49–51.

Подлинник. Машинопись.

«Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о Суде чести в аппарате ЦК ВКП(б) от 23 сентября 1947 г.

1. Считать необходимым иметь в аппарате ЦК ВКП(б) Суд чести.

2. Установить состав Суда чести в количестве 7 человек».

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1066. Л. 53. Подлинник. Машинопись.

«Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) о выборах Суда чести в аппарате ЦК ВКП(б) от 26 сентября 1947 г.

1. Выборы Суда чести провести 29 сентября с. г. на собрании работников аппарата ЦК ВКП(б). Поручить тов. Кузнецову А. А. выступить на собрании с докладом о создании Суда чести.

2. Утвердить контингент участников собрания по выборам Суда чести согласно приложению».

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 320. Л. 86. Подлинник. Машинопись.

Кузнецов Алексей Александрович (1905–1950).

С 1938 г. второй, а с 1945 г. первый секретарь Ленинградского обкома и горкома. В 1946–1949 гг. секретарь ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК с 1946 г. Арестован и расстрелян в связи с так называемым «ленинградским делом» в октябре 1950 г. Реабилитирован 30 апреля 1954 г. Военной коллегией Верховного суда СССР.

Доклад секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова на собрании работников аппарата ЦК ВКП(б) по выборам Суда чести 29 сентября 1947 г.

(На совещании присутствовали все члены Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И. В. Сталиным.)

«Товарищи, как вам известно, по решению Совета Министров Союза и Центрального Комитета партии, во всех министерствах и центральных ведомствах созданы Суды чести.

Вопрос о необходимости организации Судов чести встал после того, как Центральным Комитетом партии было установлено наличие вреднейших пережитков капитализма в сознании у некоторых слоев нашей интеллигенции, пережитков, состоящих в низкопоклонстве и раболепии перед иностранщиной и буржуазной реакционной культурой. Поэтому на Суды чести возложена задача воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма, в сознании своего государственного и общественного долга.

На Суд возложена задача борьбы с поступками, ронявшими честь и достоинство советского работника.

В закрытом письме Центрального Комитета партии о деле профессоров Клюевой и Роскина значение Суда чести определяется следующим образом:

«Сочетание разбора конкретных поступков людей с политико-воспитательной работой в процессе суда…

(читает цитату)».

Суды чести рассматривают антипатриотические, антигосударственные и антиобщественные поступки и действия, совершенные руководящими, оперативными и научными работниками министерств Союза ССР и центральных ведомств, если эти поступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке.

Итоги выборов Судов чести в министерствах и ведомствах, а также организация проведения Суда чести в Министерстве здравоохранения подтверждает правильность постановления правительства и Центрального Комитета партии. Сейчас можно уже сказать, что в итоге собраний среди работников министерств, ведомств, научно-исследовательских институтов поднялась дисциплина, поднялась бдительность, чувство ответственности за охрану интересов государства.

Центральный Комитет партии в своем письме, как можно уже теперь его назвать, историческом письме, предупредил, что дело профессоров Клюевой и Роскина является не единичным и, стало быть, не случайным и явно свидетельствует о серьезном неблагополучии в морально-политическом состоянии некоторых слоев нашей интеллигенции, особенно работающей в области культуры. Это положение закрытого письма Центрального Комитета совершенно правильно. Теперь можно сказать, что мы имеем немало примеров раболепия со стороны, я бы сказал, большого количества руководящих работников наших министерств и ведомств, как сейчас установлено. Позвольте привести несколько примеров.

Центральный Комитет партии вскрыл пресмыкательство перед заграницей и раболепие со стороны бывшего начальника гидрометеорологической службы Федорова. Достаточно сказать, что все наши материалы, которыми мы располагаем в области гидрометеорологической службы, в том числе совершенно секретные разработки и данные, оказались в руках у англичан и американцев, причем английские и американские разведчики распоряжались в гидрометеорологической службе как в своем собственном доме. Об этом хотя бы говорят следующие факты: по далеко не полным данным, приемную Главного управления в разное время посетили представитель военно-морского атташе — 88 раз, представитель гидрометеорологической службы Америки — 55 раз, сотрудники военной миссии — Беркенс 41 раз, Клойд — 20 раз… (неразборчиво.

— В. С.) —

18 раз и т. д.

Дело дошло до того, что в этом министерстве была организована специальная комната, где эти разведчики распоряжались как у себя дома и изучали все секретные материалы, причем и американцам и англичанам выдавались на руки документы с грифом «Сов. секретно» и «Для служебного пользования». Систематически им посылались информации, письма со сведениями секретного характера, причем на таких же равных основаниях, как рассылались секретарям Центрального Комитета нашей партии.

Решением Совета Министров и Центрального Комитета партии Федоров снят с поста, лишен воинского звания генерал-лейтенанта, и на днях над ним будет организован Суд чести.

В Министерстве сельского хозяйства начальник отдела Всесоюзного института растениеводства Шлыков не так давно отправил одному из иностранцев, находящемуся в Москве, образец многолетней люцерны. В своем письме этому иностранцу Шлыков обещал дополнительно выслать семена однолетней люцерны, но это ему не удалось сделать.

В Министерстве путей сообщения профессор Попов, раболепствуя перед иностранщиной, опубликовал в американском журнале статью «Теория ортогональных фокусов». Эта статья имеет очень серьезное значение при расчете проектирования вагонов. И в этой статье Попов подробнейшим образом изложил результаты своей работы, которые стали достоянием американцев.

Я не буду приводить факты, их вполне достаточно и в Министерстве нефтяной промышленности, и в Министерстве лесной промышленности, в Академии наук, в целом ряде учебных и научно-исследовательских институтов.

Я не буду говорить сегодня на этом собрании об источниках раболепия и низкопоклонства среди некоторой части нашей интеллигенции. Они подробно и всесторонне изложены в закрытом письме ЦК.

В письме Центрального Комитета намечены и пути преодоления этих пережитков и, прежде всего, воспитание интеллигенции в духе советского патриотизма, преданности интересам советского государства, борьба с благодушием, ротозейством и усиление бдительности и, наконец, усиление партийно-политической работы в министерствах, ведомствах, вузах и научно-исследовательских институтах.

Чтобы выполнить эти задачи, осуществить коренной переворот в сознании значительной группы нашей интеллигенции, развить в ней чувство советской национальной гордости, развить независимость духа, понимание огромного превосходства передовой советской культуры над культурой буржуазной, находящейся в состоянии маразма и упадка, нужно начать перестройку в самой партии, с ее партийного аппарата, в первую очередь с аппарата ее верховного органа — с аппарата Центрального Комитета.

Что требуется в этой связи в партийном аппарате в целом и, в первую очередь, в аппарате Центрального Комитета?

Необходимо, прежде всего, ликвидировать в аппарате Центрального Комитета ряд крупных недостатков в практике работы, добиться, чтобы руководящие работники и в целом аппарат Центрального Комитета нашей партии были бы на высоте задач, стоящих перед нами.

Наш партийный аппарат играет большую роль в усилении и улучшении партийно-политической работы, в послевоенном восстановлении и дальнейшем развитии хозяйства и культуры нашей страны.

От работы партийного аппарата, призванного неуклонно осуществлять политику ЦК ВКП(б), нашей партии, во многом зависит укрепление экономической мощи нашего государства, подъем материального и культурного уровня нашего народа, четкость и слаженность работы всех звеньев нашего социалистического общества. Поэтому всемерное улучшение деятельности партийного аппарата является одной из первостепенных задач Центрального Комитета нашей партии.

Большую роль в деле улучшения работы нашего аппарата и воспитания его работников призван сыграть Суд чести в аппарате Центрального Комитета. Я не сомневаюсь, что постановление Политбюро ЦК нашей партии об организации Суда чести в аппарате Центрального Комитета будет единодушно поддержано нашим сегодняшним собранием.

(Аплодисменты.)

Аппарат Центрального Комитета партии — здоровый, работоспособный, умеющий проводить линию своего Центрального Комитета и драться за нее. Но моя задача заключается не в том, чтобы говорить об успехах или достижениях, или положительных сторонах деятельности аппарата Центрального Комитета. Наоборот, моя задача состоит в том, чтобы вскрыть с большевистской прямотой его недостатки, тем более что работники аппарата Центрального Комитета являются людьми небезгрешными, а наш аппарат, как

вы знаете, обучает кадры на их собственных ошибках. Секретариат Центрального Комитета располагает достаточным количеством фактов, свидетельствующих о том, что ряд работников аппарата Центрального Комитета допускает и антипатриотические, и антигосударственные, и антиобщественные проступки, которые, после того, как они вскрыты, обсуждаются в лучшем случае в узком кругу на партийных собраниях отдела. Разбор таких проступков не используется для воспитания работников аппарата Центрального Комитета партии в целом, а это нужно делать хотя бы потому, что кое у кого из руководящих работников аппарата ЦК сложилось неправильное мнение, что раз человек работает в Центральном Комитете, значит, его функция состоит только в том, чтобы контролировать и поучать других, что он уже совершенство как коммунист и как деятель партии. Такие товарищи забывают о необходимости постоянного политического самосовершенствования и воспитания нашего актива. Нужно считать за большую честь доверие работать в аппарате Центрального Комитета. Руководящие работники аппарата ЦК должны быть истинными патриотами нашей Родины, быть образцом в борьбе за соблюдение государственных интересов, образцом морали, дисциплины, ревностного отношения к своему партийному долгу, т. е. быть по-настоящему высокоидейными партийными людьми. Каждый работник аппарата Центрального Комитета должен являть собой пример для государственных служащих, а аппарат Центрального Комитета партии в целом должен служить примером для всех министерств и ведомств.

Партия всегда проявляла заботу о своем партийном аппарате, ибо партия всегда вела борьбу за чистоту ее рядов и, прежде всего, за чистоту ее партийного аппарата. Между тем некоторые маловоспитанные в партийном отношении считают работу в Центральном Комитете обычной службой, а пребывание на работе в ЦК — как отбытие какой-то повинности: отсидел положенные часы — и в сторону. Эти люди забывают, что они руководящие работники партии, а не чиновники, что не каждому активисту нашей партии выпадает честь и счастье работать в аппарате Центрального Комитета. Для таких товарищей Центральный Комитет не является святая святых, они не испытывают благородного трепета, когда переступают порог этого здания. Среди руководящих работников аппарата ЦК есть такие товарищи, которых нельзя назвать чиновниками или чинушами, но есть такие, которые недобросовестно относятся к своему партийному долгу. А работу в ЦК нужно рассматривать не как службу, а как партийный долг. Они работают не с полным напряжением сил, слабо или недостаточно контролируют приданные им участки работы, не изучают происходящие в стране явления, не делают соответствующих выводов, если можно так выразиться, допускают в своей работе брак. Нужно всегда помнить, что казалось бы на первый взгляд мелкой оплошностью или ошибкой, допущенной тем или иным работником ЦК ВКП(б), — сразу же отрицательно скажется на соответствующем участке работы партии и государства. В подтверждение этому позвольте привести ряд примеров. Например, выпуск политически вредной брошюры Гиля «Шесть лет с Владимиром Ильичом Лениным» нанес вред делу идейного воспитания трудящихся, потому что брошюра представляет собою измышления, искажающие историческую деятельность и образ Владимира Ильича. Центральный Комитет партии установил, что в этом деле со стороны Госполитиздата и ИМЭЛа, Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) проявлена безответственность в публикации материалов о Ленине, в нарушение постановления ЦК ВКП(б) от 5 августа 1938 года, запрещающего опубликовывать без санкции ЦК книги, брошюры и воспоминания периода деятельности Владимира Ильича.

Вот что говорится в решении ЦК по поводу выпуска брошюры Гиля:

«Госполитиздат допустил грубейшую ошибку, издав эту брошюру о Владимире Ильиче Ленине, зная к тому же, что фактическим ее основателем является Вербицкий — литературный пройдоха, который в течение ряда лет спекулировал на материале из жизни Владимира Ильича Ленина, назойливо предлагая разным издательствам.

Центральный Комитет партии считает, что появление таких книг, как книга Гиля, стало возможным лишь в результате того, что Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) не осуществляет должного контроля за изданием работ, посвященных жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. Зав. отделом издательств Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Морозов, консультант отдела издательств Зиновьев и зав. отделом пропаганды Ковалев легкомысленно отнеслись к решению вопроса об издании книги Гиля, ограничились некоторыми стилистическими поправками и санкционировали ее издание, не разобравшись во всем деле по существу.

В Институте Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина отсутствует элементарный порядок в таком важном деле, как дача заключения на издание книг и брошюр, посвященных жизни и деятельности Ленина. Визы на издание книг, посвященных жизни Ильича, даются рядовыми сотрудниками института, а не руководителями ИМЭЛа…»

Центральный Комитет партии наказал виновных в этом деле работников. Но я хочу на сегодняшнем собрании задать вопрос, как охарактеризовать такие действия работников аппарата ЦК партии, ИМЭЛа, допустивших непартийное отношение к своему долгу, к своим обязанностям?

Безусловно, такие действия надо характеризовать как антигосударственные и антиобщественные проступки, поэтому те товарищи, которые сомневаются еще в том, а есть ли у нас такие дела, которые можно будет обсуждать в Суде чести, убедятся, что таких дел наберется достаточное количество.

Возьмем другой пример. Недавно Министерством госконтроля был установлен антипатриотический и антигосударственный факт со стороны ряда руководящих работников и ученых Главсевморпути, когда важнейшие работы по изучению Севера, составляющие государственную тайну, были переданы американцам. Американцам было передано 2000 экземпляров книг, брошюр и закрытых статей, в которых были разглашены конкретные результаты научно-исследовательских работ, произведенных в Арктике за истекшие 25 лет. А вы знаете, как сейчас американцы интересуются Севером. Все то, что мы знаем о Севере, — все передано американцам. Я не буду приводить эти примеры.

Вот если бы работники аппарата Центрального Комитета партии, которым надлежало организовать контроль за этим учреждением, его по-настоящему осуществляли, чувствовали бы ответственность перед партией и страной, проявляли внутреннюю тревогу за судьбу нашей страны, а внутренняя тревога всегда должна сопутствовать в нашей работе, то, конечно, вовремя можно было бы предупредить все это. Но этого сделано не было.

Позвольте привести примеры из практики нашей внутрипартийной жизни, из практики внутрипартийной работы.

Неудовлетворительный контроль, я бы сказал, несвоевременный контроль за деятельностью обкомов по вопросу роста партии, привел к тому, что сейчас установили наличие погони за ростом в ущерб политической работе среди коммунистов.

Следует также сказать, что среди части руководящих работников аппарата ЦК ВКП(б) имеет место недопустимая для членов партии, а тем более для работников аппарата ЦК ВКП(б) распущенность, недостойное поведение.

Два примера. Лектор Управления пропаганды и агитации ЦК Кулагин не дорожил, видимо, высокой честью работника Центрального Комитета и доверием ЦК и в конце месяца был обнаружен работниками милиции в нетрезвом виде раздетым и ограбленным в одном из московских домов. Спрашивается — какой это работник Центрального Комитета?

Или инспектор Управления кадров Смирнов. Во время пребывания в командировке, в Минске, связался с женщиной легкого поведения и вел себя так недостойно, что минские работники МВД вынуждены были взять его в отделение милиции.

Можно было бы привести еще факты, но я считаю, что достаточно этого.

Имеет место немало фактов, когда работники аппарата небрежно относятся к документам ЦК и даже их теряют. Инспектор Отдела внешней политики Шкуров потерял в бюро пропусков весьма секретный документ. Инспектор отдела кадров Сусляев при переходе из дома № 5/8 в дом № 14 в письменном столе оставил секретный документ, который через месяц был обнаружен комендатурой охраны зданий ЦК ВКП(б).

Или следующий пример. 28 августа была проведена проверка состояния хранения секретных документов. В результате проверки была обнаружена в незакрытом письменном столе тов. Романова общая тетрадь отгрузки с пунктов налива горючего для промышленности и сельского хозяйства в целом по Союзу, по краям и республикам. Этот документ дает возможность знать объем и место производства горючего, пропускную способность железных дорог и потребление горючего областями для сельского хозяйства.

В Центральный Комитет партии, нужно понять, сходятся данные о состоянии хозяйственной, советской деятельности, деятельности нашей партии и государства, о его оборонных мероприятиях, о внешней политике и т. д. Поэтому работа в аппарате ЦК ВКП(б), независимо от должности, вся по своему характеру является секретной работой. Каждый работник аппарата ЦК партии наряду с обладанием серьезными политическими и деловыми качествами должен быть бдительным, неболтливым, умеющим хранить государственную и партийную тайну. Это должно стать неотъемлемым качеством каждого руководящего партийного работника. Нужно всегда помнить нам, что большевистская бдительность — наше острое оружие в борьбе с врагом, нерушимый закон жизни советского народа.

Я считаю, что на сегодняшнем собрании нужно напомнить нашим работникам, что обо всем этом было изложено в закрытых письмах ЦК: от 18 января 1935 г. «Уроки событий, связанных с злодейским убийством товарища Кирова», от 29 июля 1936 года — «О террористической деятельности троцкистско-зи-новьевского контрреволюционного блока», от 13 мая 1935 года — «О беспорядках в учете выдачи и хранении партбилетов и мероприятиях по упорядочению этого дела», от 29 июля 1941 года — Директива Совнаркома и ЦК ВКП(б).

Основная мысль этих писем — поднять настоящую большевистскую революционную бдительность. На это со всей силой указывал товарищ Сталин на февральско-мартовском пленуме Центрального Комитета партии в 1937 году. Товарищ Сталин говорил, что буржуазные государства, в каких бы они взаимоотношениях ни находились между собой, постоянно засылают друг другу массу шпионов. Поэтому нет основания полагать, что к нам засылают шпионов меньше. Наоборот, буржуазные государства к нам засылают шпионов в два-три раза больше, чем в любую буржуазную державу.

В настоящее время буржуазная реакция в лице Америки и Англии проводит все более откровенную реакционную политику в отношении нас. Америка рассчитывает приложить все силы к осуществлению своего плана и открыто призывает к новому походу против Советского Союза. Империалистические государства, говорит товарищ Сталин, не заинтересованы в том, чтобы СССР встал на ноги и получил бы возможность догнать и перегнать передовые капиталистические страны, и все силы прилагают к тому, чтобы оказать давление на внешнюю и внутреннюю политику. В СССР ликвидированы эксплуататорские классы. Ни в одной другой стране нет такой общественной силы, народной партии, как в СССР, которые никогда не пойдут на службу иностранным государствам. Поэтому своей главной задачей в подрывной деятельности против нашей страны иностранная разведка ставит прежде всего обработку отдельных наших неустойчивых работников.

Вопрос об усилении революционной бдительности, об усилении ответственности за разглашение государственной тайны приобретает сейчас, в условиях сложившейся международной обстановки, исключительное значение.

Между тем у нас, в аппарате ЦК, имеются работники, у которых захватывает дух от желания поделиться новостями, поделиться знанием вопросов, которые известны небольшому кругу лиц. У нас, к сожалению, не перевелась и семейная болтовня. Работники рассказывают дома обо всем, что делается в нашем аппарате. Расскажут свои новости жене, она соседке, а соседка своей приятельнице — и сведения становятся достоянием широкого круга людей. Так было с решением Совета Министров Союза о повышении цен. Решение совершенно секретное, но через семейную болтовню стало, прежде всего, достоянием населения Москвы.

Я не хочу здесь никого обидеть или оскорбить, но я передаю то, что говорят. Недаром говорят у нас — хочешь узнать новости — поезжай на Можайку

(в зале оживление, смех).

У нас в министерствах и центральных ведомствах просто существует определенная группа людей, которая время от времени, периодически, раз в неделю или раз в декаду идут в Центральный Комитет партии проинформироваться. Что значит проинформироваться? Узнать, что нового по международной линии и г. д. Самые настоящие сплетники. А наши работники аппарата ЦК, не замечая этого, болтают, о чем я скажу ниже.

О людях, которые управляются не их разумом, а языком, в свое время очень хорошо сказал товарищ Сталин. Есть люди, говорил товарищ Сталин, которые имеют язык, умеют владеть и управлять им. Это люди обыкновенные. И есть люди, которые сами подчинены своему языку и управляются им. Это люди необыкновенные.

(Смех.)

Человек, которому дан язык не только управлять, но и подчиняться, не будет в состоянии знать, когда и что взболтнул.

Такие есть люди и в аппарате ЦК, они не помнят, болтали они или не болтали. Я ниже остановлюсь и на этих людях, которые часто забывают о том, что они наболтали. Работники, которые много болтают, не соображают, что их сообщениями могут воспользоваться иностранные разведчики, не хотят утруждать себя тем, что это может случиться, что хотя бы сказанное и близкому для тебя человеку может стать известным и для других. Нельзя забывать, что тайна, известная другому, хотя бы и близкому другу, уже перестает быть тайной.

Товарищи, нам, работникам Центрального Комитета, нужно иметь в виду, что иностранная разведка старается проникнуть к сердцу нашей партии — в аппарат Центрального Комитета. Если разведке не удается поймать в свои сети работника Центрального Комитета партии, она обычно действует через родных или знакомых этого работника.

Приведу несколько примеров. В этих примерах фигурируют фамилии. Я не хочу заподозрить этих товарищей, что они продались шпионажу и т. д., но раз я привожу эти факты, придется привести эти фамилии, они из аппарата ЦК уволены.

В начале этого года слушательница курсов иностранных языков при Политехническом музее некто Харламова, которая была связана с иностранной разведкой, молодая девица по возрасту, она в доме своей матери познакомила с американским разведчиком Токарева, работающего в аппарате ЦК. Что общего может быть между руководящим работником ЦК и разведчиком? Дальше выяснилось, что Токарев, оказывается, пил с этим разведчиком и вел с ним задушевные разговоры, но об этом в ЦК партии никому не сообщал. Почему, спрашивается, заинтересовалась им разведка? Что он, красивый мужчина, чтобы интересно было с ним познакомиться? Нет. Ему надо было через этого работника узнать, что делается в Центральном Комитете.

Второй пример. В аппарате ЦК работал Калинин, который через сестру был знаком с американской подданной, а эта американская подданная работала в шпионаже, и этот Калинин систематически с ней встречался, находился даже в особой связи. Разве можно работнику аппарата допускать такие вещи? Его уволили. Я не знаю, что с ним было дальше.

В аппарате работал Червинцев, имел знакомство и связь не с маленьким, а с большим работником посольства — секретарем английского посольства, с установленным разведчиком, и это знакомство скрыл от Центрального Комитета.

Видите, как действует разведка, если не через самих работников, то через знакомых добивается нужных ей данных.

Недавно арестован и разоблачен как агент американской разведки директор Государственного издательства иностранной литературы, работавший ранее заместителем заведующего Управления пропаганды — Сучков. Сучков на следствии показал, что, будучи враждебно настроенным против Советской власти, завязал связь с американской разведкой и был завербован американским посольством для шпионской работы в Америке. В дальнейшем, как выяснилось, на протяжении ряда лет он снабжал американскую разведку шпионскими сведениями, которые были ему известны по работе в издательстве и в аппарате Центрального Комитета партии.

Мне хотелось бы здесь остановиться и задать вопрос тов. Александрову, если он присутствует на собрании, и тов. Щербакову о том, какими партийными данными обладал Сучков, что его выдвинули в аппарат ЦК? Почему он вдруг попал в партийный комитет?

Позвольте на несколько минут остановиться на его автобиографических данных. Сучков 1917 года рождения. До середины 1941 года учился, жизненного опыта не имеет. В партию вступил в 1941 году, в рядах партии не переварился, на низовой партийной работе не был и ее не знает. Какой вывод можно сделать? Для партийного аппарата такой человек не годится. Правильно?

Голоса с мест.
Правильно.

Почему, спрашивается, он был взят в партийный аппарат тов. Александровым? Взят он был в аппарат на руководящую работу, видите ли, как человек, знающий иностранные языки, иностранную литературу. Взят был в аппарат как специалист. Это не случайно брошено слово — специалист. Тов. Александров часто употребляет это слово, когда мы его на Секретариате ЦК критикуем за плохую работу Управления. Он говорит — в Управлении у меня 250 человек, большинство из них специалисты.

Я спрашиваю, с каких пор стали подбирать в аппарат Центрального Комитета проявивших себя не как деятели партии, а как специалисты?

Еще 57 лет тому назад для основоположников марксизма было ясно, что только одно звание ученого не может служить основанием для руководящей работы. В 90-х годах в «Социал-демократе» Маркс писал — уже они поймут, что их академическое образование, требующее к тому же основательной критической самопроверки, вовсе не дает им офицерского чина на соответствующий пост в партии, что в нашей партии каждый должен начать службу с рядового. Чтобы занять ответственный пост в партии, недостаточно только литературного таланта и теоретических знаний, даже тогда, когда то и другое бесспорно налицо, но что для этого требуется хорошее знакомство с условиями партийной борьбы и полное усвоение ее форм, испытание личной верности и силы характера и добровольное включение себя в ряды борцов.

Таким образом, что было ясно для классиков марксизма 60 лет тому назад, неясно в наши дни для некоторых руководящих товарищей, хотя они именуют себя образованными марксистами.

Товарищ Сталин дал нам указание о принципах, которых мы должны придерживаться при подборе работников в аппарат Центрального Комитета нашей партии. Таких принципов товарищ Сталин назвал три.

Первый — нужно, чтобы работник, которого мы принимаем на работу в Центральный Комитет нашей партии, знал хорошо работу партийной организации и, прежде всего, областную партийную работу.

Второй — был бы марксистски образованным человеком.

Третий — знал бы политику нашей партии, а у нас, я уверен, есть в аппарате ЦК работники, которые политику партии не знают, а сидят и воображают, что они большие деятели, и поучают других.

Вот, исходя из указания товарища Сталина и учитывая то, что у нас были нарушения, это можно сказать в порядке самокритики, партийного принципа подбора в аппарат Центрального Комитета, нам нужно посмотреть, нет ли у нас в аппарате просто специалистов, и не помочь ли этим товарищам стать настоящими партийными работниками, если они хотят, послав их на низовую работу, а кое-кого, видимо, надо будет передать по специальности. Я думаю, что вы с этим согласитесь.

Голоса.

Правильно.

Как теперь признают товарищи, Сучкова выдвигали потому, что он Александрову помогал доклады писать и находился в приятельских отношениях.

Возвращаясь к делу Сучкова, надо поставить и второй вопрос: была ли возможность его разоблачить, или это был такой ловкий, замаскированный враг, что его трудно было раскрыть. Оказывается, фактов было более чем достаточно для его разоблачения.

Первое. В феврале 1943 года решением Центрального Комитета был закрыт журнал «Интернациональная литература», редактором которого был Сучков. Оказывается, издание этого журнала было прекращено в связи с тем, что этот журнал стал проводником англо-американской буржуазной литературы и наносил политический вред Советскому Союзу, причем закрыт этот журнал был не по инициативе работников Управления пропаганды и агитации ЦК. Нет, закрыт он был по инициативе покойного Александра Сергеевича Щербакова, и те товарищи, которые написали записку, как сейчас при следствии установлено, они изложили в ней мысли, которые им были сказаны. Я читаю записку: «В журнале публикуются главным образом произведения англо-американских писателей, при этом отбор материалов для печати крайне односторонний. Из журнала изгоняются материалы с критикой англо-американских порядков». Дальше, «журнал печатает большое количество рассказов, очерков и статей иностранных и советских авторов… В ряде своих материалов журнал фактически солидаризируется с англо-американской печатью в оценке роли Англии и Америки в нынешней войне против Германии». «Установлены факты, когда редакцией журнала в публикуемых произведениях делаются ошибки в духе англо-американской пропаганды. Идеализируя общественный строй и условия жизни в Англии и Америке, журнал превратился в рупор англоамериканской пропаганды в нашей стране».

Так было установлено Центральным Комитетом. Позвольте привести несколько выдержек из показаний Сучкова по этому вопросу о журнале. Он показывает: «Представители зарубежной литературы, зная о моем раболепии перед иностранщиной, о моей связи с иностранцами, протаскивали с моей помощью в журнале «Интернациональная литература» реакционные произведения и статьи. В результате моей преступной деятельности в советский журнал проникли произведения и другие литературные материалы, дезориентирующие советскую интеллигенцию и вносящие

ложные представления о буржуазной демократии и политике англичан и американцев. Я напечатал в журнале «Интернациональная литература» ряд произведений англо-американских писателей, крайне идеализирующих, преувеличивающих военные усилия Англии и Америки в нынешней войне. Советский журнал стал широко использоваться иностранными разведчиками, маскирующимися под корреспондентов и писателей. Примером может служить напечатанная английским журналистом Джоном Р… его корреспонденция в журнале «Интернациональная литература»…

(Читает.)

Как вы думаете, достаточный факт или нет, чтобы за это не только снять, а исключить из партии, по крайней мере.

Оказывается, после этого т. Щербакову вносится предложение взять его в аппарат ЦК. Тот сказал, чтобы его на выстрел не допускать к Центральному Комитету. Воспользовавшись смертью т. Щербакова, все-таки в аппарат ЦК его втиснули. Это — Александров, Щербаков, Кузаков.

Что у нас делается в партийных организациях?

После снятия Сучкова с работы в журнале, в 1944 году, в сентябре месяце, секретарь Московского комитета Соколов дает следующую характеристику Сучкову: «Работая редактором журнала «Интернациональная литература» и зав. сектором иностранной литературы, с работой справлялся». Видимо, настала пора у Соколова спросить — на основании чего он писал в ЦК такую характеристику, а наши работники ЦК партии читают такие характеристики, видят, что здесь ложь, и ничего не делают.

У таких людей, как Щербаков (он снят сейчас с работы), на первом плане стояло чувство товарищества к Сучкову.

Шкирятов. И
чувство прикрытия.

Кузнецов.

Второй факт — открытая связь Сучкова с иностранцами: семейные вечера, на которых присутствовали иностранные корреспонденты, взаимные посещения, главным образом в гостиницах и т. д.

Если бы партийная организация хоть немного бы поинтересовалась бытом Сучкова, то сразу возник бы вопрос, почему он связан с иностранцами. Неправильно стали поступать партийные организации, когда перестали интересоваться бытом коммуниста, его окружением. Я считаю это неправильным.

Третий факт — защита троцкиста Копелева. Сучков ходатайствовал об освобождении его из-под ареста, которого арестовали в ноябре 1946 года. Сучков учился вместе с Копелевым в институте Ленина и вместе вел антисоветские разговоры. Сучков решил друга своего выручить и пишет письмо прокурору т. Афанасьеву. Последний вызвал Сучкова и говорит ему: ты неправильно поступаешь, я пошлю документ в Центральный Комитет т. Маленкову.

Сучков, желая предотвратить события, прибегает к Кузакову и говорит: я как будто допустил ошибку, нужно ли мне писать объяснение? Тот говорит: может быть, тебя вызовут? Оказывается, Щербаков его вызывал, пожурил по-товарищески, и на этом все кончилось. Я после интересовался, знал ли кто об этом письме. Оказывается, не знали — скрыли от секретаря ЦК, что было такое письмо.

Четвертый факт — его антисоветские разговоры. Как после установлено, многие товарищи знали, что Сучков вел антисоветские разговоры, но молчали.

Пятый факт — чрезмерная его пытливость. Оказывается, когда он работал в издательстве, то имел задачу обходить все управления для выяснения новостей, чтобы сразу после этого тепленькие вести нести в американское посольство. Благодаря чрезмерной болтливости ряда руководящих работников ЦК Сучков многое узнавал и передавал американцам. Например, от руководящих работников он узнал о направлении ряда работников на заграничную работу, называл конкретные фамилии. А потом удивлялись — почему проваливаются наши люди. Потому что знали заранее, кто куда едет.

Так, от Кузакова и Щербакова узнавал о важнейших проблемах, которые решаются в нашей стране, и сразу же передавал американцам. Речь идет об атомной продукции. От тов. Еголина и тов. Владыкина узнал о тяжелом продовольственном положении в Молдавии, о случаях смертности от голода среди населения. Они между собой вели переговоры, он в это время пришел и услышал.

Дело Сучкова и ряд приведенных мною примеров говорят о неблагополучии в отдельных звеньях аппарата Центрального Комитета. Из этого мы должны сделать соответствующие выводы и прежде всего поднять бдительность.

Бдительность должна явиться необходимым качеством советских людей. Она должна являться, если вы хотите, нашей национальной чертой, заложенной в характере русского советского человека. И в первую очередь ею должны обладать наши партийные работники. Бдительность должна находить свое выражение

в каждом действии партийного работника в любой обстановке — в какой бы ему ни приходилось работать, в каждом шаге практической деятельности, в повседневной жизни и быту. Бдительность должна заключаться в той тщательной проверке людей, с которыми работает или с которыми общается тот или иной партийный работник. Бдительный человек постоянно думает о том, каковы могут быть последствия тех или иных его собственных действий или действий других людей.

Нужно свято хранить государственную тайну. Тот, кто не умеет ее хранить, может оказаться ценной находкой врагу и стать его пособником. Нужно помнить, что иностранные разведки из всех сил стараются выведать наши государственные секреты и с этой целью используют болтливость, бахвальство, ротозейство некоторых наших работников.

Таковы, товарищи, факты. Из них видно, как нам нужно крепко подтянуть наш аппарат, а работникам аппарата ЦК предъявить к себе более повышенные требования. Нет сомнений, что в этом деле большую помощь Секретариату ЦК окажет Суд чести, в состав которого вы, несомненно, изберете достойных работников.

Нужно, чтобы еще более активизировали свою деятельность наши партийные организации управлений и отделов, нужно всемерно развивать и поддерживать здоровую критику, добиваться, чтобы большевистская критика и самокритика звучала в нашем аппарате смело, громко.

Позвольте, товарищи, выразить уверенность, что вы из сегодняшней критики Секретариата ЦК нашей партии сделаете соответствующие большевистские выводы и приложите все силы к тому, чтобы аппарат ЦК работал так образцово, как этого требует от нас товарищ Сталин.

(Бурные аплодисменты.)».

РЦХИДНИ. Ф. 17. On. 121. Д. 616. Л. 6-28. Подлинник. Машинопись.

Имеется в виду закрытое письмо ЦК ВКП(б) о так называемом «деле профессоров Н. Г. Клюевой и Г. И. Роскина», «суд чести» над которыми проходил 5–7 июня 1947 года в Министерстве здравоохранения СССР. Ученым вменялось в вину то, что с их согласия в США были переданы рукопись научной работы «Пути биотерапии рака», описание

технологии производства противоракового препарата и 10 ампул самого препарата. Клюева и Роскин не признали предъявленного им обвинения. «Суд чести» объявил им общественный выговор.

Гиль Степан Казимирович (1888–1966) —
личный шофер В. И.Ленина, автор воспоминаний о нем.

Наркомат (затем Министерство) госконтроля СССР образован в 1940 году. В его функции входил контроль за исполнением решений правительства, учетом и расходованием государственных средств. Министерство госконтроля упразднено в августе 1957 года.

Отрезок Можайского шоссе от Дорогомиловской заставы. С 1957 года — Кутузовский проспект. Место компактного поселения работников аппарата ЦК КПСС и центральных государственных ведомств в 1940–1960 годах.

Сучков Б. Л.
— в 1955–1956 годах был восстановлен в партии и реабилитирован в судебном порядке. Впоследствии работал заместителем главного редактора Гослитиздата.

Александров Георгий Федорович (1908–1961)
— член КПСС с 1928 года, философ, академик АН СССР (1946). В 1941–1952 годах — кандидат в члены ЦК КП(б). В 1940–1947 годах — начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

23—24 октября 1947 года «суд чести» аппарата ЦК ВКП(б) рассмотрел дело об антипартийных поступках бывшего заведующего отделом кадров ЦК ВКП(б)
М. И. Щербакова
и бывшего заместителя начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)
К. С. Кузакова,
обвиненных в потере политической бдительности и чувства ответственности за порученную работу в связи с разоблачением Б. Л. Сучкова, которого они рекомендовали на работу в аппарат ЦК ВКП(б). М. И. Щербакову и К. С. Ку-закову решением суда был объявлен общественный выговор. Решением Секретариата ЦК они были исключены из партии. В 1955–1956 годах восстановлены.

Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945) —
член КПСС с 1918 года. С 1936 года — секретарь ряда обкомов. В 1938–1945 годах — первый секретарь МК и МГК, одновременно с 1941 года — секретарь ЦК ВКП(б), с 1942 года — начальник Главного политического управления Красной Армии, заместитель наркома обороны СССР, начальник Совинформбюро, генерал-полковник (1943). Кандидат в члены Политбюро ЦК с 1941 года.

Шкирятов Матвей Федорович (1883–1954)
— член КПСС с 1906 года. В 1923–1934 годах член Президиума, с 1930 года секретарь Парткоплегии ЦКК ВКП(б). С 1939 года член ЦК, заместитель председателя, с 1952 года председатель КПК.

Копелев Лев Зиновьевич (р. 1912) — литературовед, писатель.

Маленков Георгий Максимилианович (1902–1988)

— в 1939–1953 годах секретарь ЦК, с 1939 года начальник Управления кадров ЦК ВКП(б). Член Государственного Комитета Обороны СССР. В 1946–1953 годах заместитель председателя, в 1953–1955 годов— председатель СМ СССР. В 1939–1957 годах член ЦК.

В 1939–1952 годах член Оргбюро ЦК. В 1946–1957 годах член Политбюро ЦК ВКП(б).

Еголин Александр Михайлович (1896–1959) —

литературовед, член-корреспондент АН СССР (1946). Член КПСС с 1925 года. В 1944 году — зав. отделом художественной литературы, заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

«Постановление собрания работников аппарата ЦК ВКП(б) о создании Суда чести

Заслушав и обсудив доклад секретаря Центрального Комитета ВКП(б) тов. Кузнецова А. А. о решении Политбюро ЦК ВКП(б) о создании Суда чести в аппарате ЦК ВКП(б), собрание работников аппарата ЦК ВКП(б) горячо одобряет это постановление.

Суды чести являются острой и действенной формой воспитания нашей интеллигенции в духе советского патриотизма, преданности советской социалистической Родине и решительной борьбы с проявлениями низкопоклонства перед реакционной культурой буржуазного Запада.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о создании Суда чести в аппарате ЦК ВКП(б) обязывает осуществить перестройку аппарата ЦК ВКП(б), подняв всю его работу на уровень тех великих задач, которые поставлены в послевоенный период перед партией, перед всем народом Центральным Комитетом ВКП(б) и Советским правительством, повысить уровень идейно-политической подготовки каждого из работников аппарата ЦК ВКП(б), беспощадно вскрывать и бичевать всяческие проявления недисциплинированности и делячества, непартийного отношения к порученному делу.

Суды чести являются мощным рычагом политического воздействия в борьбе против антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков, роняющих достоинство советских людей.

Собрание считает необходимым создать Суд чести в аппарате ЦК ВКП(б). Работа в аппарате Центрального Комитета ВКП(б) — высокая честь для коммуниста. Каждый работник аппарата ЦК ВКП(б) должен быть образцом большевистской партийности, высокой идейности и организованности. Долг каждого из нас — показывать работникам всех учреждений и ведомств пример большевистского, непримиримого отношения ко всяческим проявлениям низкопоклонства перед загнивающей культурой буржуазного Запада, пример активной борьбы за неуклонное выполнение важнейшей политической задачи, поставленной партией по воспитанию нашей интеллигенции в духе пламенного советского патриотизма, национальной гордости советских людей, пример твердости и несгибаемости воли, способности противостоять любому коварному приему иностранных разведок, готовности в любых условиях и любой ценой защитить интересы и честь Советского государства.

Задача нашего Суда чести — стоять на страже высокого звания работника аппарата ЦК

ВКП(б),

держать в чистоте это звание. Суд чести должен явиться серьезным рычагом улучшения всей работы аппарата ЦК ВКП(б).

В состав Суда чести мы изберем лучших, достойных доверия людей.

Мы заверяем нашего великого вождя и учителя родного товарища Сталина, что отдадим все свои силы делу большевистского воспитания нашей интеллигенции, работников государственного и партийного аппарата в духе беззаветной преданности партии Ленина — Сталина, нашему могучему Советскому государству!

Да здравствует наш вождь и учитель Великий Сталин!

Да здравствует героическая партия большевиков!

Да здравствует и крепнет СССР — великая страна социализма!»

РЦХИДНИ, Ф. 17. Оп. 121. Д. 616. Л. 57–58. Подлинник. Машинопись.

«Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о Суде чести при Совете Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 5 апреля 1948 г.

Передать на голосование членов ЦК ВКП(б) следующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б):

«О Суде чести при Совете Министров СССР и ЦК ВКП(б)

Постановление Совета Министров СССР и Центрального Комитета ВКП(б)

Совет Министров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

1. В интересах укрепления партийной и государственной дисциплины, борьбы с проявлениями разложения и антигосударственными проступками, роняющими честь и достоинство руководящих советских и партийных работников, организовать при Совете Министров СССР и Центральном Комитете ВКП(б) Суд чести.

2. На Суд чести при Совете Министров и ЦК ВКП(б) возлагается рассмотрение антигосударственных и антиобщественных проступков, совершенных министрами союзных министерств и их

заместителями, председателями комитетов при Совете Министров СССР и их заместителями, начальниками главных управлений при Совете Министров СССР и их заместителями, секретарями ЦК компартий союзных республик.

3. Суд чести состоит из 5 человек — председателя и четырех членов Суда, назначаемых Политбюро ЦК ВКП(б).

4. Вопрос о направлении дела в Суд чести решается Политбюро ЦК ВКП(б).

5. Рассмотрению дел в Суде чести должна предшествовать проверка фактов, проводимая членами Суда по поручению председателя. Председатель Суда определяет, кто должен быть вызван в качестве свидетелей.

Обвиняемому предъявляются результаты произведенной проверки и представляется право просить председателя Суда о вызове новых свидетелей, о затребовании документов и справок.

Суд чести назначает по каждому рассматриваемому делу общественного обвинителя.

6. Рассмотрение дел в Суде чести производится, как правило, в открытом заседании.

Разбор дела в Суде чести заключается в рассмотрении собранных по делу материалов, выслушивании объяснений привлеченного к Суду чести и свидетелей и проверке представленных доказательств.

При рассмотрении дела в Суде чести могут присутствовать и выступать по существу дела министры союзных министерств и их заместители, руководители комитетов и управлений при Совете Министров СССР и их заместители, секретари ЦК компартий союзных республик, председатели Советов Министров и министры союзных республик и другие лица по приглашению Суда чести.

7. Решение Суда чести принимается простым большинством голосов членов Суда. В решении указывается существо проступка и определенная Судом мера наказания.

8. Суд чести при Совете Министров СССР и ЦК ВКП(б) может постановить:

а) объявить общественное порицание обвиняемому;

б) объявить общественный выговор;

в) просить КПК об исключении из партии или переводе в кандидаты в члены КП(б);

г) просить Совет Министров Союза ССР и ЦК ВКП(б) о снижении по должности или снятии с работы в связи с несоответствием по занимаемой должности;

д) передать дело следственным органам для направления в суд в уголовном порядке.

9. Привлеченному к Суду чести работнику решение Суда объявляется публично. Копия решения Суда чести приобщается к личному делу работника.

10. Решение Суда чести обжалованию не подлежит».

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1070. Л. 9-11. Подлинник. Машинопись.

Проект постановления был подготовлен А. А. Ждановым и М. А. Сусловым по поручению И. В. Сталина. Принятое постановление было утверждено опросом членов ЦК ВКП(б) 6–7 апреля 1948 года й оформлено как постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1948 года.

Постановлением Политбюро от 5 апреля 1948 г. министр путей сообщения И. В. Ковалев был отстранен от должности и его дело было передано на рассмотрение «суда чести» при СМ СССР и ЦК ВКП(б) (РЦХНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1070. Л. 11). Впоследствии Политбюро отменило свое решение о передаче дела И. В. Ковалева в «суд чести».

Глава 17
СТАЛИН И «КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ»

«Ошибки имеются и у меня, и у моих сотрудников»

Запись беседы И. В. Сталина с генералом Шарлем де Голлем во время завтрака 3 декабря 1944 года

Во время визита в Советский Союз в ноябре—декабре 1944 г. де Голль имел несколько бесед с И. В. Сталиным. Тексты бесед, состоявшихся 2, 6 и 8 декабря, опубликованы в исследовании «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945». (Документы и материалы. В 2-х тт. Т. 2. М., 1983. Документы № 88, 94, 99.) Беседа И. В. Сталина с Шарлем де Голлем во время завтрака 3 декабря 1944 г. осталась неопубликованной.

На завтраке присутствовали В. М. Молотов; французский дипломат, представитель де Голля в Москве Гарро Роже; полпред СССР во Франции А. Е. Богомолов.

Генерал де Голль с июня 1944 г. занимал пост председателя Временного правительства Французской Республики. Он прибыл в СССР 27 ноября 1944 г. самолетом и приземлился в Баку. Оттуда специальным поездом через Сталинград прибыл в Москву. На вокзале его встречал В. М. Молотов, в ту пору первый заместитель Председателя Совнаркома СССР, одновременно заместитель председателя Государственного Комитета Обороны, нарком иностранных дел СССР, другие официальные лица.

«СЕКРЕТНО

Из кратких бесед за завтраком и за кофе выделю следующие основные элементы.

1. Возникла шутливая беседа между т. Молотовым и Гарро о роли авиации в дипломатии и политике в духе того, что авиация облегчает политические связи стран.

Тов. И. В. Сталин включился в эту беседу и в иронически-шутливом тоне заметил: «Если только полеты не заканчиваются катастрофой».

Затем т. Сталин добавил, обращаясь к де Голлю: «Вы можете быть спокойны в Ваших полетах в СССР. Никаких катастроф не будет. Это не наш метод. Такие катастрофы возможны где-нибудь на юге Испании или Африки, но не у нас в СССР. Мы бы расстреляли людей, виновных в такой катастрофе».

2. За кофе де Голль спросил тов. Сталина, как он относится к Германии, как к фашистам или как к немцам. Тов. Сталин ответил, что и в Германии имеются хорошие люди, но их мало. После победы над Германией нужно будет привлечь этих людей к переустройству Германии.

Де Голль ответил, что он придерживается иной точки зрения, и спросил тов. Сталина, какое различие видит он между политикой Бисмарка и теперешнего правительства Германии.

Тов. Сталин ответил, что некоторые советские историки чрезмерно отрывают политику Бисмарка от политики Вильгельма II или даже противопоставляют их друг другу. Это неверно. Между политикой Бисмарка и Вильгельма II нет принципиального различия. Одна продолжает другую. Что же касается Бисмарка и теперешней Германии, в известном смысле слова Бисмарк является родоначальником германского фашизма.

Де Голль спросил, различает ли т. Сталин Гитлера, Геринга, Геббельса и Гиммлера как политических деятелей разного направления. Тов. Сталин ответил, что эти «различия течений» выдуманы самими гитлеровцами и что никакого различия между ними нет.

Де Голль попросил т. Сталина дать общую характеристику германского фашистского правительства. Тов. Сталин ответил, что это «правительство» представляет собою кучку уголовных преступников, которых надо уничтожить, хотя это довольно трудно сделать.

3. Де Голль спросил тов. Сталина, почему он так много работает. Тов. Сталин ответил, что это, во-первых, дурная русская привычка, а во-вторых, объясняется большим размахом работы и той ответственностью, которая возлагается на него таким размахом работы. «Боюсь ошибиться», — добавил тов. Сталин.

Де Голль спросил, не является ли эта боязнь боязнью за ошибки сотрудников. Тов. Сталин ответил, что иногда это ошибки сотрудников, а иногда и его самого. «Ошибки имеются. И у меня, и у моих сотрудников, а ответственность огромна — вот и приходится много работать, но мы привыкли к этому», — добавил смеясь т. Сталин.

4. В беседе возник вопрос об опасности немцев как противников.

Тов. Сталин шутливо заметил, что немцы настолько упорные враги, что иногда еще недостаточно перебить хребет немцу и заглянуть внутрь. Немец может остаться жив. Тогда надо ему отрезать ноги и если все же останется жив, то отрезать и голову.

Поддерживая тон шутки, де Голль заметил, что если хотят резать ногу, то лучше иметь двух хирургов, чем четыре или пять.

Тов. Сталин сказал, что это зависит от операции. Может быть, что и двух будет достаточно.

Богомолов».

После подписи — машинописная приписка: «Записал посол Богомолов, переводивший беседу тов. Сталина с де Голлем за завтраком». Ниже на полях рукой А. Е. Богомолова сделана пометка: «Запись сделана по памяти без всяких отметок во время беседы. Богомолов».

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 391. Л. 16–18. Подлинник. Машинопись. Подпись — автограф.

Как готовились к его 70-летию

«УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Об образовании Комитета в связи с 70-летием со дня рождения тов. И. В. Сталина

В связи с исполняющимся 21 декабря 1949 года 70-летием со дня рождения тов. И. В. Сталина, образовать Комитет в следующем составе:

т. т. ШВЕРНИК Н. М. (председатель).

АЛЕКСАНДРОВ Г. В. — кинорежиссер, лауреат Сталинской премии.

АЛЕКСЕЕВ В. Н. — Герой Советского Союза, командир бригады торпедных катеров.

АМОСОВ В. М. — сталевар Златоустовского металлургического завода им. Сталина.

АНГЕЛИНА П. Н. — бригадир тракторной бригады колхоза «Запорожец» Старобешевского района Сталинской области УССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии.

АНДРЕЕВ А. А. (Должности членов Политбюро в указе не названы. — В. С.)

АНДРИАНОВ В. М. — секретарь Ленинградского обкома ВКП(б).

АНИЧКОВ Н. Н. — президент Академии медицинских наук СССР.

АРУТИНОВ Г. А. - секретарь ЦК КП(б) Армении.

БАГИРОВ М. Д. — секретарь ЦК КП(б) Азербайджана.

БАГИРОВА Б. М. — звеньевая колхоза им. Ворошилова Касум-Исмаиловского района Азербайджанской ССР, Герой Социалистического Труда.

БАРДИН И. П. — академик, лауреат Сталинской премии.

БАТЫРОВ Ш. — секретарь ЦК КП(б) Туркменистана.

БЕРИЯ Л. П.

БУДЕННЫЙ СМ. — Маршал Советского Союза.

БУЛГАНИН Н. А.

ВАВИЛОВ С. И. — президент Академии наук СССР.

ВАСИЛЕВСКИЙ А. М. — министр Вооруженных сил СССР.

ВЕЙМЕР А. Т. — председатель Совета Министров Эстонской ССР.

ВОРОШИЛОВ К. Е.

ГАФУРОВ Б. — секретарь ЦК КП(б) Таджикистана.

ГРЕКОВ Б. Д. — академик, лауреат Сталинской премии.

ГРИНЬКО Ф. М. — председатель колхоза им. Молотова Ши-пуновского района Алтайского края, Герой Социалистического Труда.

ДЖАБУА В. В. — председатель колхоза им. Берия Махарадзевского района Грузинской ССР, Герой Социалистического Труда.

ДУХАНИН Е. И. — машинист врубово-погрузочной машины шахты им. ОГПУ треста «Несветайантрацит», Герой Социалистического Труда.

ЕМЕЛЬЯНОВ И. А. — председатель колхоза им. Тимирязева Городецкого района Горьковской области, Герой Социалистического Труда.

И ПАТОВА С. И. — начальник лаборатории тугоплавких металлов Московского электролампового завода, лауреат Сталинской премии.

КАГАНОВИЧ Л. М.

КАИ РОВ И. А. — президент Академии педагогических наук РСФСР.

КАЛНБЕРЗИН Я. Э. - секретарь ЦК КП(б) Латвии.

КЛЕЩЕВ А. Е. — председатель Совета Министров Белорусской ССР.

КОВАЛЬ Н. Г. — секретарь ЦК КП(б) Молдавии.

КОРОТЧЕНКО Д. С. — председатель Совета Министров Украинской ССР.

КОСЫГИН А. Н.

КОЧИНА П. Я. — член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии.

КУЗНЕЦОВ В. В. - председатель ВЦСПС.

КУЗНЕЦОВА А. П. — бригадир молодежной бригады Московского завода малолитражных автомобилей.

КУПРИЯНОВ И. Д. — буровой мастер треста «Туймазанефть» Башкирской АССР, Герой Социалистического Труда.

КУУСИНЕН О. В. — Председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР.

ЛЫСЕНКО Т. Д. — президент Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина.

ЛЮСКОВА А. Е. — заведующая свинофермой колхоза «Буденновец» Междуреченского района Вологодской области, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии.

МАЛЕНКОВ Г. М.

МАЛ ИНИНА П. А. — заведующая молочно-товарной фермой колхоза «12-й Октябрь» Костромского района Костромской области, Герой Социалистического Труда.

МАЛЬЦЕВ Т. С. — полевод, колхозник-опытник колхоза «Заветы Ильича» Шадринского района Курганской области, лауреат Сталинской премии.

МИКОЯН А. И.

МИХАЙЛОВ Н. А. - секретарь ЦК ВЛКСМ.

МОЛОТОВ В. М.

МУШТУКОВА О. Я. — закройщица обувной фабрики «Скороход».

ПОКРЫШКИН А. И. — Герой Советского Союза, заместитель командира авиакорпуса.

ПОМЕРАНЦЕВА Л. А. — заслуженная учительница РСФСР, директор 610-й средней школы Щербаковского района г. Москвы.

ПОНОМАРЕНКО П. К.

ПОПОВ Г. М. — секретарь Московского обкома ВКП(б).

ПОСКРЕБЫШЕВ А. Н.

ПОСПЕЛОВ П. Н.

РАЗЗАКОВ И. Р. — председатель Совета Министров Киргизской ССР.

РОССИЙСКИЙ Н. А. — старший мастер завода «Калибр», лауреат Сталинской премии.

РУДНЕВ Л. В. — действительный член Академии архитектуры, лауреат Сталинской премии.

САФИНА Ф. 3. — председатель колхоза «Тукай-Крылай» Кзыл-Юльского района Татарской АССР.

СНЕЧКУС А. Ю. - секретарь ЦК КП(б) Литвы.

СОЛОВЬЕВ И. Т. — машинист депо Зилово Забайкальской ж. д., лауреат Сталинской премии.

СУСЛОВ М. А.

ТАРАСОВА А. К. — народная артистка СССР, лауреат Сталинской премии.

ФАДЕЕВ А. А. — генеральный секретарь Союза Советских писателей СССР.

ФЕДОРОВА 3. Т. - секретарь ЦК ВЛКСМ.

ХЛОП И Н В. Г. — академик, лауреат Сталинской премии.

ХОБТА Е. С. — звеньевая колхоза им. Шевченко Переяслав-Хмельницкого района Киевской области УССР, Герой Социалистического Труда.

ХРУЩЕВ Н. С.

ЧАРКВИАНИ К. Н. — секретарь ЦК КП(б) Грузии.

ЧЕРНОУСОВ Б. Н. — председатель Совета Министров РСФСР.

ЧУТКИХ А. С. — помощник мастера ткацкой фабрики Краснохолмского камвольного комбината, лауреат Сталинской премии.

ЩАЯХМЕТОВ Ж. - секретарь ЦК КП(б) Казахстана.

ШКИРЯТОВ М. Ф.

ШОСТАКОВИЧ Д. Д. — композитор, лауреат Сталинской премии.

ЮСУПОВ У. — секретарь ЦК КП(б) Узбекистана.

ЯРЫГИНА Н. К. — сменный мастер Большой Ивановской мануфактуры.

Возложить на Комитет разработку и организацию проведения мероприятий, связанных с семидесятилетием со дня рождения тов. И. В. Сталина.

Заместитель Председателя Президиума

Верховного Совета СССР

М. Гречуха

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин

Москва. Кремль 2 декабря 1949 г.».

АПРФ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–5. Заверенная копия.

СТЕНОГРАММА

заседания Комитета по разработке и организации проведения мероприятий, связанных с семидесятилетием товарища И. В. Сталина

17 декабря 1949 г.

Н. М. Шверник

(председатель). Товарищи, заседание Комитета по разработке и организации проведения мероприятий, связан-

ных с семидесятилетием со дня рождения товарища Иосифа Виссарионовича Сталина, объявляю открытым.

Позвольте мне сообщить о тех мероприятиях, которые намечаются к проведению в связи с семидесятилетием товарища Сталина.

21 декабря с. г. в Москве, в Большом театре предполагается провести торжественное заседание ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, Президиума ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Министров РСФСР, МК и МГК ВКП(б), Московского областного и городского Советов депутатов трудящихся, МК и МГК ВЛКСМ совместно с представителями партийных, общественных организаций и Советской Армии. Торжественное заседание открыть в 7 часов вечера. Предусмотреть следующий порядок проведения торжественного заседания: вступительная речь председателя Комитета, приветствия от союзных республик, профсоюзов, молодежи, пионеров, Советской Армии, Москвы и Ленинграда. Затем выступления представителей иностранных делегаций и сообщение о полученных приветствиях в связи с семидесятилетием Иосифа Виссарионовича Сталина.

Второе. Провести 22 декабря с. г. в Кремле правительственный прием, начав его в 9 часов вечера.

Третье. В связи с семидесятилетием со дня рождения товарища Сталина и учитывая его исключительные заслуги в деле укрепления и развития Союза Советских Социалистических Республик, строительстве коммунизма в нашей стране, организации разгрома немецко-фашистских захватчиков и японских империалистов, а также в деле

восстановления и дальнейшего подъема народного хозяйства СССР в послевоенный период, Президиум Верховного Совета СССР принял решение о награждении товарища Сталина орденом Ленина.

Предлагается также учредить 5—10 международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами».

Вот вопросы, которые предлагаются вниманию комитета. Какие будут замечания?

Г. М.

Маленков.

Давайте по порядку.

Н. М. Шверник.

Первый вопрос о торжественном заседании.

Г. М. Маленков.

Следовало бы обсудить вопрос о торжественном заседании и затем вопрос об учреждении международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами».

С. М.

Буденный.

Я предлагаю в честь семидесятилетия со дня рождения товарища Сталина соорудить в нашей стране памятник там, где шли решающие сражения, в которых участвовал сам товарищ Сталин, но памятники военные. Скажем, в местах, где был

товарищ Сталин, когда шли сражения против Юденича, на юге — против Деникина, на западе — против поляков. Вот в этих местах надо создать военные памятники. Одно замечание. У нас почему-то привыкли изображать товарища Сталина неподвижным, в шинели и одного. Надо показать его с войсками, на важнейших направлениях, где решались судьбы армий врагов, как в Гражданской, так и в Отечественной войне. Это первое предложение.

Вношу на обсуждение второе предложение: учредить орден товарища Сталина, который будет даваться и военным и гражданским лицам за выдающиеся заслуги перед Родиной.

Третье предложение — присвоить товарищу Сталину звание Народного Героя. У нас существуют звания — Герой Социалистического Труда, Герой Советского Союза, а товарищ Сталин — Народный Герой.

Н. М. Шверник.

Кто еще желает взять слово?

Г. М. Маленков.

Есть предложение приступить к обсуждению.

Н. М. Шверник.

Переходим к обсуждению вопроса о созыве торжественного заседания и учреждения международных Сталинских премий, а затем обсудим вопросы, внесенные товарищем Буденным.

В. М. Молотов.

Я думаю, товарищи обратили внимание в сообщении товарища Шверника о характере празднования семидесятилетия товарища Сталина на то, что намеченные в предварительном порядке мероприятия отличаются чрезвычайно большой скромностью. И это отвечает духу и желаниям самого товарища Сталина. Мне кажется, было бы неправильно, если бы мы начали вырабатывать какие-нибудь частные второстепенные меры, которых можно привести очень много. Во всяком случае, пожеланий в этом духе высказано очень много и письменно и в устных беседах. Было бы неправильно также идти против желания товарища Сталина, выраженного им в смысле скромности тех мер, которые здесь намечены, по линии расширения этих мер и отхода от той общей установки насчет мероприятий в честь семидесятилетия товарища Сталина, о которой говорил товарищ Шверник.

Поэтому, чтобы быть ближе к тому, что соответствует этому дню и желанию товарища Сталина, нам надо ограничиться намеченными мероприятиями. У нас есть много средств выразить наши чувства, наши мысли и наши желания и в этот день, и до этого дня, и после этого дня. Я думаю, что этот день покажет, насколько он воодушевил народные массы в нашей стране и за пределами нашей страны для выражения тех желаний и дум, которые есть у широких народных масс.

Что касается отдельных мероприятий, то я предлагаю ограничиться теми рамками, которые наметил здесь товарищ Шверник, и в этих рамках выделить для обсуждения на нашем комитете вопрос о торжественном заседании и вопрос об учреждении новых международных Сталинских премий, премий мира. Последний вопрос имеет огромное политическое значение не только для нашей страны, но и для всего мира. Он будет отражать наиболее глубокие думы и стремления народных масс в настоящее время, будет отвечать желаниям всего нашего народа.

Мое конкретное предложение заключается в следующем: поскольку здесь больше нет желающих высказаться по каким-нибудь новым предложениям, уговориться, что для обсуждения на комитете мы выделяем два вопроса — о торжественном заседании и об учреждении международных Сталинских премий мира.

Н. М. Шверник.

Какие предложения есть еще?

Члены комитета:

Принять.

Н.
М.
Шверник.

Разрешите проголосовать. Нет возражений против предложения, внесенного товарищем Молотовым? Нет. Предложение принимается.

С. М. Буденный.

Это правильно.

Н. М. Шверник.

По первому вопросу. Как я уже говорил, 21 декабря с. г. в Большом театре созывается торжественное заседание ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, Президиума ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Министров РСФСР, МК и МГК ВКП(б), Московского областного и городского Советов депутатов трудящихся, МК и МГК ВЛКСМ совместно с представителями партийных, общественных организаций и Советской Армии.

На торжественном заседании будут присутствовать прибывшие в Москву делегации от союзных и автономных республик, а также иностранные делегации. На торжественное заседание, посвященное семидесятилетию со дня рождения товарища Сталина, приглашаются и члены комитета. Просьба к членам комитета принять участие в президиуме торжественного заседания.

Торжественное заседание намечается открыть вступительной речью председателя комитета, после чего будут заслушаны приветствия делегаций от союзных республик, молодежи, пионеров, от Советской Армии, Москвы и Ленинграда, от иностранных делегаций, и будет сделано сообщение о полученных приветствиях в связи с семидесятилетием товарища Сталина.

По окончании торжественной части заседания будет дан концерт с участием художественных коллективов союзных республик.

А. И. Микоян.

Предложение принять и просить товарища Шверника открыть торжественное заседание и председательствовать на нем.

Члены комитета.

Правильно.

Н. М. Шверник.

Какие еще будут предложения? Нет. Предложение принимается.

А. И Микоян.

Я понимаю так, что в президиуме будет состав комитета?

Н. М. Шверник.

Да, все члены комитета.

Переходим к обсуждению вопроса об учреждении международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами». Вносится такое предложение по второму вопросу: «Учредить пять — десять ежегодных международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами», присуждаемых гражданам любой страны мира, независимо от их политических, религиозных и расовых различий, за выдающиеся заслуги в деле борьбы против поджигателей войны и за укрепление мира. Установить, что лица, награждаемые международной Сталинской премией, получают:

а) диплом лауреата международной Сталинской премии;

б) золотую нагрудную медаль с изображением Иосифа Виссарионовича Сталина;

в) денежную премию в размере 100 тысяч рублей.

Установить, что международные Сталинские премии «За укрепление мира между народами» присуждаются специальным Комитетом по международным Сталинским премиям, образуемым Президиумом Верховного Совета СССР из представителей демократических сил различных стран мира.

Присуждение премий производить в день рождения Иосифа Виссарионовича Сталина — 21 декабря каждого года.

Первые премии присудить в 1950 году».

Кто желает по этому вопросу высказаться?

Члены комитета.

Принять предложение.

Н. М. Шверник.

Есть возражения против принятия этого предложения? Нет. Предложение принимается.

Г. В

.

Александров.

Можно высказать пожелание, чтобы первую премию присудили товарищу Сталину.

А. И. Микоян.

Сталинскую премию и ему же присуждать?

Г. М. Маленков.

Присуждать будет специальный Комитет. Он рассмотрит, может быть, и будет такое предложение.

Н. М. Шверник.

Других возражений нет? Предложение принимается. Я хочу огласить Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении товарища Сталина: «В связи с семидесятилетием со дня рождения товарища Иосифа Виссарионовича Сталина и учитывая его исключительные заслуги в деле укрепления и развития Союза Советских Социалистических Республик, строительстве коммунизма в нашей стране, организации разгрома немецко-фашистских захватчиков и японских империалистов, а также в деле восстановления и дальнейшего подъема народного хозяйства СССР в послевоенный период, наградить товарища Иосифа Виссарионовича Сталина орденом Ленина».

Г. М.

Маленков.

Принять к сведению.

Члены комитета.

Принять.

Н. М. Шверник.

Хорошо, принимается к сведению. Довожу до вашего сведения, что 22 декабря в Кремле предполагается провести правительственный прием. Относительно флагов. Всем советским центральным и местным государственным учреждениям, посольствам, миссиям, консульствам и торговым представительствам СССР в иностранных государствах предложено 21 декабря в ознаменование семидесятилетия со дня рождения Председателя Совета Министров СССР товарища Сталина поднять на своих зданиях, на водных станциях, водных пристанях и речных вокзалах, на судах военного и торгового флота и на жилых домах Государственный флаг СССР.

Г. М. Маленков, Л. П. Берия. Одобрить.

Члены комитета.

Одобрить.

Н. М. Шверник.

Вот все мероприятия. Предполагается, кроме того, что Министерство иностранных дел в связи с семидесятилетием со дня рождения Председателя Совета Министров СССР товарища Сталина проведет 21 декабря в Москве прием дипломатического корпуса.

Л

.

М. Каганович.

Надо сказать, что члены комитета примут участие в приеме 22 декабря.

Н. М. Шверник.

Да, все члены комитета приглашаются на правительственный прием 22 декабря. Какие еще имеются предложения или вопросы? Нет. Тогда разрешите заседание комитета на этом закончить».

Там же. Л. 59–66. Копия.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

общественных и государственных организаций в связи с семидесятилетием Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА

1. Президиум Правления Союза советских архитекторов СССР. г. Москва, Гранатный пер., 7. 13/XII-1949 г. Предлагает:

1) соорудить в Москве монумент Победы советского народа в Великой Отечественной войне в честь творца победы — товарища И. В. Сталина;

2) принять предложение коллектива строителей нового высотного здания Московского государственного университета об увенчании этого здания монументальной скульптурой И. В. Сталина;

3) создать в Москве проспект Сталина по трассе Центральной магистрали, проходящей от площади Дзержинского через площадь Свердлова, Охотный ряд, Моховую, Волхонку к Дворцу Советов и далее к Ленинским горам;

4) построить в Москве Музей Сталина, отражающий жизнь и деятельность И. В. Сталина;

5) учредить Международную премию имени Сталина за выдающиеся прогрессивные произведения искусства и литературы, активно способствующие борьбе за мир и народную демократию.

2. Министр городского строительства т. Соколов К. 13/XII-1949 г.

Предлагает:

1) полностью восстановить город-герой Сталинград к 1953 г., превратив его в образцовый социалистический город, и отобразить в облике города его героическую историю и выдающуюся роль товарища И. В. Сталина в разгроме белогвардейских банд и немецко-фашистских захватчиков у Сталинграда;

2) воздвигнуть на главной площади города у реки Волги величественный монумент товарищу И. В. Сталину;

3) соорудить на месте боев в районе Мамаева кургана панораму героической битвы за Сталинград.

3. Коллектив завода «Каучук» Министерства химической промышленности СССР 13/XIM949 г.

Просит присвоить их заводу имя товарища Сталина И. В.

4. Министр сельскохозяйственного машиностроения СССР т. Горемыкин. 14/XII-1949 г.

Просит присвоить имя товарища Сталина И. В. комбинатам №№ 179.и 392 и заводам №№ 68, 187, 257, как крупнейшим оборонным заводам, созданным в восточных районах СССР по инициативе товарища Сталина И. В.

5. Коллектив Московского архитектурного института. 14/XII-1949 г.

Просит:

1) об установлении ежегодного Всенародного праздника, посвященного дню рождения товарища И. В. Сталина;

2) создать в столице СССР, городе Москве, Дворец жизнедеятельности товарища И. В. Сталина для отражения в нем жизненного пути товарища Сталина, его политической и государственной деятельности, научных трудов и подарков трудящихся;

3) построить Дворцы Социалистической культуры имени товарища И. В. Сталина в столицах союзных республик и в городах-героях, с объявлением конкурса на составление проектов 21 декабря 1949 г.;

4) установить во всех городах Советского Союза, освобожденных Советской Армией от немецко-фашистских захватчиков, отмеченных приказами Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса товарища И. В. Сталина, монументы с текстом приказа и барельефным изображением товарища И. В. Сталина;

5) установить монументы в местах героических боев, руководимых товарищем И. В. Сталиным в период Гражданской войны;

6) присвоить Московскому архитектурному институту имя товарища И. В. Сталина.

6. Председатель Магаданского горисполкома Кусании, секретарь горкома ВКП(б) Ашметко, председатель горкома профсоюза Агальцов, секретарь горкома ВЛКСМ Смирнов, зав. гороно Вакурова, г. Магадан.

14/XI1-1949 г.

Просят присвоить Магаданской средней школе имя товарища И. В. Сталина.

7. Председатель Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР т. Вотинцев, Председатель Совета Министров Удмуртской АССР т. Никитин, секретарь Удмуртского обкома ВКП(б) т. Лысов.

14/ХН-1949 г.

Просят о присвоении имени товарища Сталина И. В. Ижевскому ордена Ленина и ордена Красного Знамени машиностроительному заводу № 74 Министерства вооружения.

8. Коллектив рабочих, инженерно-технических работников и служащих Тамбовского ремонтного завода.

14/XII-1949 г.

В ознаменование 70-летия товарища Сталина И. В. рабочие, инженерно-технические работники и служащие завода взяли на себя обязательство досрочно выполнить годовой план к 21 декабря 1949 г.».

Там же. Л. 75–78. Копия.

Какую статью дать о Сталине?

«Сов, секретно Экз. единственный Рабочая запись

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

17 декабря 1969 года

17 декабря с. г. во время перерыва на сессии Верховного Совета СССР обсуждался вопрос о статье в печати в связи с 90-летием со дня рождения И. В. Сталина.

При обсуждении присутствовали: тт. Брежнев, Воронов, Кириленко, Косыгин, Мазуров, Пельше, Подгорный, Полянский, Суслов, Шелепин, Шелест, Андропов, Гришин, Кунаев, Машеров, Рашидов, Устинов, Щербицкий, Катушев, Кулаков, Пономарев, Соломенцев.

Брежнев.

Как нам поступить с этим вопросом? Как известно, был разослан первый вариант статьи. Его, очевидно, все видели и, может быть, все прочитали. Нам надо было бы договориться в принципе, будем ли мы давать статью, и, во-вторых, условиться о содержании этой статьи. Какие будут суждения?

Суслов. Я

считаю, что такую статью ждут в стране вообще, не говоря о том, что в Грузии особенно ждут. Нам, очевидно, не нужно широко отмечать 90-летие и вообще никаких иных мероприятий не проводить, кроме статьи, но статью дать надо, тем более что вы помните, что в связи с 80-летием или вскоре после этого (я не помню) была передовая «Правды», и тогда все успокоились, все встало на свои места.

Мне кажется, молчать совершенно сейчас нельзя. Будет расценено неправильно, скажут, что ЦК боится высказать открыто свое мнение по этому вопросу.

На мой взгляд, тот вариант статьи, который разослан, в целом подходящий. Он говорит и о положительной работе Сталина, и о его ошибках. Говорится это в соответствии с известным решением ЦК КПСС. Если что-либо нужно привести в соответствие с этим решением, нужно об этом подумать. Я думаю, что нас правильно поймут все, в том числе и интеллигенция, о которой здесь некоторые товарищи упоминали. Неправильно могут понять Солженицын и ему подобные, а здоровая часть интеллигенции (а ее большинство) поймет правильно. Нам не нужно обелять Сталина. Сейчас в этом нет никакой нужды, но объективно, в соответствии с уже известным всем решением ЦК, надо сказать.

Подгорный.

Мы все, присутствующие здесь, или во всяком случае большая часть, — участники XX и XXII съездов партии. Большинство из нас выступали на этих съездах, говорили, критиковали ошибки Сталина. Об этом говорил, как мы помним, и т. Суслов в своем выступлении. Я не думаю, что надо как-то отмечать 90-летие со дня рождения Сталина.

Если выступать со статьей в газете, то надо писать, кто погиб и сколько погибло от его рук. На мой взгляд, этого делать не нужно, а не делать — это будет неправильно. Сейчас все успокоились. Никто нас не тянет, чтобы мы выступали со статьей, никто не просит. Нас значительная часть интеллигенции не поймет. И, мне кажется, кроме вреда, ничего эта статья не принесет. А уж если писать, то надо писать в строгом соответствии с решением Центрального Комитета партии, принятым в свое время и опубликованным.

Шелест.

Я, может быть, выскажу свою точку зрения, несколько противоположную Николаю Викторовичу, причем выскажу ее однозначно.

Мне кажется, статья нужна, и вот почему. Во-первых, это наш внутренний вопрос. Мы решаем: давать или не давать. Нас давным-давно спрашивают на собраниях, совещаниях, пишут записки: будет ли отмечаться 90-летие, будет ли что-нибудь опубликовано в печати. И поэтому, мне кажется, статью небольшую, правильную, с положительным и отрицательным нужно дать. И большинство наших людей, в том числе и интеллигенция, поймут нас правильно; тем более надо учитывать, что за последние годы в мемуарах наших маршалов, генералов много понаписано о Сталине с разных точек зрения, кое в чем расходящихся с решениями ЦК, принятыми ранее. И, мне кажется, нам надо исходить из главного, принципиального. Для нас самое дорогое — это правдивость в истории, и не надо ее приспосабливать к чему-то или к кому-то. Были ошибки у Сталина — сказать о них. Были положительные стороны — никто об этом, очевидно, не спорит. И надо сказать, как это было в истории. Не надо приукрашивать и не надо искажать историю.

Подгорный.

Тогда надо писать, если говоришь об истории, сколько им уничтожено было людей.

Шелест.

Дело не в том, чтобы называть цифры, но надо сказать, что у него были ошибки в том духе, как сказано в решениях ЦК. А война? Строительство социализма под руководством Сталина? Это же всему миру известно. Я думаю, что надо дать статью. Другое дело, что, может быть, над этим текстом надо еще поработать.

Мазуров.

90 лет — это круглая дата и, по-моему, статью публиковать надо. Мы должны исходить из того, что нам принесет

больше пользы. Мне кажется, что опубликование статьи больше пользы принесет, чем умалчивание этого факта. Статья должна быть небольшой, но правильной. Наш долг, действительно, заключается в том, чтобы исходить из исторических фактов. Конечно, могут быть какие-то издержки, но это главным образом будет, очевидно, относиться к зарубежным деятелям, а не к нашим внутренним вопросам и не к нашим людям. У нас поймут все правильно. Как же бороться за чистоту марксизма-ленинизма, если нам не писать о том, что было в истории?

Мне кажется, более того, надо подумать о том, чтобы поставить бюст на могиле Сталина. Я вам скажу, как реагировал т. Гусак на этот факт, когда мы подошли с ним во время посещения Мавзолея к могиле Сталина. Он спросил, а почему нет бюста? Я ему

сказал, что вначале мы не поставили, а потом как-то к этому вопросу не возвращались. Он говорит: по-моему, это неправильно. Надо было поставить бюст. Вот вам точка зрения т. Гусака, который был в свое время, безусловно, обижен Сталиным. Да, по-моему, и любой здравый человек рассудил бы так.

Кириленко.

Речь идет не о реабилитации или защите Сталина от кого-то. У нас нет никаких оснований обелять Сталина и отменять ранее принятое решение по этому вопросу, в частности, то, что у нас было записано в 1956 году в постановлении ЦК, и поправлять это решение не нужно сейчас. Поэтому, мне кажется, и нет необходимости в статье. Но настроения есть разные, и трудно сейчас сказать, кто сейчас и сколько «за» и сколько «против». Но есть письма, есть у нас Грузия, которую нельзя сбрасывать со счетов. И поэтому, может быть, следует выступить с небольшой статьей и в строгом соответствии с решением ЦК КПСС от 1956 года. В противном случае эта статья будет использована нашими противниками, и это даст им пищу для клеветы на нас.

Словом, я считаю, что нет такой партии в Европе, которая будет аплодировать подобного рода статье. Надо будет нам подумать.

Пельше.

Я считаю, что действительно не наступило еще время нам как-то говорить в расширенном плане о Сталине. Действительно, нанес он вреда очень много, и боль эта чувствуется до сих пор. Это поколение ведь еще живо у нас. 90 лет — это ничего особенного, ничего нового не произошло. Может быть, и не надо широкой статьи. Может быть, какую-то заметку дать.

Гришин. В Москве нет такого вопроса, и нам не задают этого вопроса, и нет заинтересованности, как будут отмечать 90-летие Сталина и т. д. Но в частных беседах с руководителями партийных организаций нас спрашивают и даже вносят свои предложения, что было бы полезным опубликовать небольшую статью. Это бы как-то сбалансировало вопрос. Действительно, за последние годы очень много было написано мемуаров в отличие от решений, которые ранее принимались ЦК. Недавно написали Буденный статью, Захаров и другие. Поэтому, если бы была такая статья, она бы уравновесила эти факты. Статью надо, конечно, дать в соответствии с решениями ЦК КПСС и съездов партии, но опубликовать такую статью, на мой взгляд, нужно.

Шелепин.

Я за то, чтобы опубликовать статью. Это покажет нашу ясность, последовательность. Причем, вы помните, как, например, было встречено упоминание т. Брежневым в докладе о Сталине в связи с 20-летием Победы над гитлеровской Германией. Поэтому, я думаю, в народе это будет встречено хорошо. Я за то, чтобы опубликовать статью. Пусть товарищи еще поработают, и надо ее дать в газетах.

Косыгин.

Надо найти правильное решение не только этого вопроса, но и вообще место Сталина в истории. У всех нас, конечно, одна цель — чтобы наши решения или наши материалы, которые мы будем опубликовывать, отвечали интересам партии, народа. Я думаю, что мы сейчас находимся в очень благоприятной обстановке. Мы ни с кем и ни с чем не связаны, а историю извращать нельзя. Надо действительно ее освещать так, какой она была. Конечно, ничего не случится, если мы и не будем опубликовывать статью. Но я думаю, что будет больше пользы, если мы опубликуем правильную статью, тем более что

действительно правильно, как отмечали здесь товарищи, многое у нас понаписано за последние годы — и Жуковым, и другими о Сталине. Вот читают люди, сравнивают с решением ЦК, а никаких официальных материалов в печати у нас нет. И по-разному думают, по-разному разговаривают, по-разному делают выводы. А статья эта позволила бы все поставить сейчас на свои места. Действительно, надо дать ее в духе решения ЦК, поработать еще, указать его положительные стороны и недостатки. Надо показать, что партия осуждала и осуждает его ошибки, но и отметить его положительные стороны. Я думаю, что мы от этого выиграем больше.

Устинов.

Я за то, чтобы дать статью. На мой взгляд, проект статьи, который разослан, очень хороший. Здесь есть хорошая основа, правильная основа. Конечно, ничего не произойдет, если мы не дадим статьи. Но мы выиграем, безусловно, если ее дадим.

Пономарев.

Любое выступление о Сталине, и особенно это, надо рассматривать с точки зрения интересов партии и коммунистического и рабочего движения. Вы помните, как после XX съезда партии было много разговоров на этот счет, много волнений разного рода. Что нам лучше сейчас — поднимать снова эти волнения или пусть будет так, как сейчас, т. е. спокойное состояние? Ведь во время 50-летия Октябрьской революции мы ничего не сказали о Сталине. А ведь тогда обсуждали мы этот вопрос. В 20-летие разгрома гитлеровской Германии была сказана одна фраза, а сейчас предлагается статья. А что же произошло? Если уж писать, то надо освещать действительные две стороны медали. Но надо ли это писать вообще, я не знаю. Что, например, скажут тт. Гомулка, Кадар? Словом, будут возникать разного рода вопросы. Это очень сложная фигура — Сталин в истории, и с ним нужно быть осторожным.

Андропов. Я

за статью. Безусловно, такую статью нужно дать. Если мы опубликуем ее, мы не причиним никакого вреда. Конечно, не будет ничего, если мы и не опубликуем. Но вопрос этот, товарищи, внутренний, наш, и мы должны решать, не оглядываясь на заграницу. Мы имеем решение ЦК. О нем все знают. И в соответствии с этим решением ЦК и надо опубликовать статью. А насчет заграницы я вам скажу. Кадар, например, в беседе со мной говорил: почему вы не переименуете Волгоград в Сталинград? Все-таки это историческое название. Вот вам и Кадар. Я считаю, что такую статью дать надо.

Воронов. Я

за статью. Если мы не дадим статьи, ущерб будет большой.

Соломенцев.

Статью нужно дать в печати, но в соответствии с решением ЦК КПСС от 1956 года. Надо иметь в виду, что сейчас выросло новое поколение молодежи, и оно ничего не знает о Сталине, кроме культа. Надо же какую-то объективную оценку давать. А литература у нас путает этот вопрос. Поэтому у нас для воспитания молодежи нужна такая статья.

Я считаю, что такую статью нужно дать, иначе вопрос будет истолкован против нас, скажут, что они боятся принципиально говорить об этом.

Капитонов.

Ко мне заходили многие секретари обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, приехавшие на сессию и на пленум. Они не ставили прямо вопрос о статье, но многие так или иначе затрагивали этот вопрос. Причем большинство из них, как мне показалось, склонны к тому, чтобы дать какой-то материал в связи с 90-летием Сталина. На самом деле, история есть история, и мы должны к ней относиться, очевидно, осторожно и внимательно. Разумеется, что статья должна быть написана в духе решения ЦК от 1956 года и в духе нашего обмена мнениями сегодня.

Машеров. Я

совершенно однозначно и без колебаний считаю, что статью, безусловно, нужно дать в том духе, как здесь говорили товарищи. Народ примет хорошо. Отсутствие статьи вызовет много всяких недоуменных вопросов.

Кунаев.

У нас этого вопроса практически не существует. Нам его никто не задает: будем ли отмечать, как будем отмечать 90-летие, а в Москве, я слышал, эти разговоры есть, в частности, в кулуарах на совещании идеологических работников, которое проведено было недавно. И, по-моему, полезнее будет, если мы дадим правильную, хорошую статью.

Щербицкий.

Обойти молчанием этот вопрос невозможно. Вы возьмите учебники. Что преподают в школах по этому вопросу, что разъясняют нашей молодежи? Ничего определенного, кроме культа.

Мне кажется, нужно дать хорошую, объективную статью. И нас совершенно не поймут, если мы не дадим этой статьи. А решение ЦК КПСС, которое принималось по этому вопросу, давно уже забыли и не помнят о нем.

Рашидов.

Я тоже считаю, что обойти молчанием этот вопрос нельзя. Поэтому публиковать статью нужно. В мемуарах, действительно, очень различное толкование этого вопроса. А статья должна быть правильной, спокойной, и сказать нужно в духе решения ЦК об оценке Сталина.

Кулаков.

Я за статью. Если в 90-летие не опубликовать статьи, то это вызовет очень много кривотолков.

Брежнев. Я

чувствую, что в основе своей все товарищи едины в том, что у нас действительно есть решение Центрального Комитета партии, есть твердая линия, есть твердый и ясный взгляд на этот вопрос, и мы не подвергаем его сегодня ревизии. Мы его не подвергали

ревизии и вчера, и, наверное, в ближайшее будущее не будем подвергать. Это то, что касается принципиальной оценки.

То, что касается публикации статьи, то я скажу вам откровенно, что я вначале занимал отрицательную позицию. Я считал, что не следует нам публиковать статью. Причем исходил при этом из того, что у нас сейчас все спокойно, все успокоились, вопросов нет в том плане, как они в свое время взбудоражили людей и задавались нам. Стоит ли нам вновь этот вопрос поднимать? Но вот, побеседовав со многими секретарями обкомов партии, продумав дополнительно и послушав ваши выступления, я думаю, что все-таки действительно больше пользы в том будет, если мы опубликуем статью. Ведь никто не оспаривает и не оспаривал никогда его революционных заслуг. Никто не сомневался из нас и не сомневается сейчас в его серьезных ошибках, особенно последнего периода. И, конечно, речь не идет о том, чтобы перечислять какие-то цифры погибших людей и т. д. Не в этом дело. А в спокойном тоне дать статью, на уровне понимания этого вопроса ЦК КПСС и в духе принятых решений съездом и соответству-

ющего решения ЦК. И тогда не будет двух или нескольких мнений по этому вопросу, которые, в частности, вызвали некоторые мемуары и иная литература за последний период времени. Может быть, какие-то издержки и будут, но это, наверное, неизбежно. Думаю, что издержек будет больше, если мы не дадим этой статьи. Если мы дадим статью, то будет каждому ясно, что мы не боимся прямо и ясно сказать правду о Сталине, указать то место, какое он занимал в истории, чтобы не думали люди, что освещение этого вопроса в мемуарах отдельных маршалов, генералов меняет линию Центрального Комитета партии. Вот эта линия и будет высказана в этой статье.

Я думаю, надо поручить тт. Суслову, Андропову, Демичеву, Катушеву, Пономареву с учетом обмена мнениями сегодня, а также с учетом разосланного текста внести в него соответствующие поправки, доработать текст статьи и разослать его для голосования».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 120. Д. 7. Л. 601–610. Машинопись. Подлинник.

Судя по стенограмме, из 11 тогдашних членов Политбюро не высказали свое мнение по обсуждавшемуся вопросу двое — Д. С. Полянский и Ф. Ф. Катушев.

На заседании Политбюро обсуждался первый вариант статьи, разосланный членам Политбюро 13 декабря 1969 года. Он представлял собой 12 страниц машинописного текста. В газете «Правда» был опубликован совсем другой вариант. Я подсчитал: там было не более пяти машинописных страниц.

Год спустя на могиле И. В. Сталина у Кремлевской стены был установлен бюст работы скульптора Н. В. Томского.

Пятью годами раньше, в докладе на торжественном заседании, посвященном 20-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Л. И. Брежнев упомянул о Сталине одной-единственной фразой: «Был образован Государственный Комитет Обороны во главе с Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным для руководства всеми действиями по организации отпора врагу». Это первое упоминание имени вождя в положительном плане после хрущевского периода очернения его имени было встречено аплодисментами. В горбачевскую эпоху, когда имя и дела Брежнева были подвержены остракизму, упоминание имени Сталина в докладе «творца застоя» причислялось демократическими публицистами к роковым ошибкам Леонида Ильича, называлось первым шагом к реабилитации «кровавого тирана».

В 1972 году при обсуждении на заседании Политбюро доклада «Пятьдесят лет великих побед социализма» вновь встал вопрос, упоминать ли имя Сталина. Выступившие по этому вопросу Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, А. Н. Косыгин и М. А. Суслов высказались против упоминания. В результате в докладе Л. И. Брежнева были названы

лишь четыре имени — К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и Мао Цзэдуна. Последний был назван в отрицательном плане.

В октябре 1959 года Н. С. Хрущев провел постановление ЦК КПСС об уничтожении книг И. В. Сталина и «Краткого курса истории ВКП(б)». В крупных библиотеках они были переведены в спецхраны и не выдавались открыто. В 1997 году в России под редакцией профессора Р. И. Косолапова изданы три последних тома Собрания сочинений И. В. Сталина, не выпущенные при жизни вождя. Указанные тома были изданы в 1967 году в США Стэнфордским университетом.

В 2002–2003 годах, в канун 60-летия Сталинградской битвы, в Волгограде и в Москве возникли разговоры о переименовании города Волгограда в Сталинград. Предпринимались безуспешные попытки решить этот вопрос законодательным путем. В 2004 году президент Путин издал указ о замене надписи на плите у Вечного огня в Александровском саду с Волгограда на Сталинград.